

**IV СЕВЕРНЫЙ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ
КОНГРЕСС
МАТЕРИАЛЫ**

**IV NORTHERN
ARCHAEOLOGICAL
CONGRESS
PROCEEDINGS**

GOVERNMENT
KHANTY-MANSIISK AUTONOMOUS OKRUG — UGRA

INSTITUTE OF HISTORY AND ARCHAEOLOGY OF THE
URAL BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

URAL FEDERAL UNIVERSITY NAMED AFTER
THE FIRST PRESIDENT OF RUSSIA B. N. YELTSIN

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY OF THE
SIBERIAN BRANCH OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY OF THE
RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

IV NORTHERN ARCHAEOLOGICAL CONGRESS

PROCEEDINGS

OCTOBER 19–23, 2015
KHANTY-MANSIISK

EKATERINBURG • KHANTY-MANSIISK

ИЗДАТЕЛЬСТВО
2015

ПРАВИТЕЛЬСТВО
ХАНТЫ–МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ

ИНСТИТУТ ИСТОРИИ И АРХЕОЛОГИИ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

УРАЛЬСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМ.
ПЕРВОГО ПРЕЗИДЕНТА РОССИИ Б. Н. ЕЛЬЦИНА

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОГРАФИИ
СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РАН

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

IV СЕВЕРНЫЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОНГРЕСС

МАТЕРИАЛЫ

19–23 ОКТЯБРЯ, 2015
ХАНТЫ-МАНСИЙСК

ЕКАТЕРИНБУРГ • ХАНТЫ-МАНСИЙСК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
2015

УДК 061.3; 902
ББК 63.4
С 28

IV Северный археологический конгресс: материалы.
19–23 октября 2015, г. Ханты-Мансийск = IV Northern Archaeological Congress. Proceedings. October 19–23, 2015. Khanty-Mansiisk / Отв. ред. Н. М. Чаиркина; Правительство ХМАО – Югры; Ин-т истории и археологии УрО РАН; Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина; Ин-т археологии и этнографии СО РАН; Ин-т археологии РАН. Екатеринбург: изд-во, 2015. 406 с.

ISBN 5-98123-040-1

Редакционная коллегия	Editorial board
Е. Т. Артёмов	E. T. Artemov
В. Д. Викторова	V. D. Viktorova
Е. Г. Дэвлет	E. G. Devlet
А. П. Зыков	A. P. Zykov
Г. Г. Король	G. G. Korol
Л. Н. Корякова	L. N. Koryakova
Л. Л. Косинская	L. L. Kosinskaya
А. С. Кузьмина	A. S. Kuzmina
Л. Н. Мильникова	L. N. Mylnikova
Н. В. Фёдорова	N. V. Fedorova
Н. М. Чаиркина	N. M. Chairkina
А. Ф. Шорин	A. F. Shorin
М. В. Шуньков	M. V. Shunkov
А. В. Энговатова	A. V. Engovatova
Ответственный редактор	Editor-in-chief
Н. М. Чаиркина	N. M. Chairkina
Перевод	Translated by
Т. В. Говорухина	T. V. Govorukhina
Редактор английского текста	English text editor
Е. Г. Дэвлет	E. G. Devlet
М. Г. Жилин	M. G. Zhilin
Н. В. Фёдорова	N.V. Fedorova
С. В. Шарапова	S. V. Sharapova

**КОНГРЕСС ПРОВОДИТСЯ НА СРЕДСТВА
ПРАВИТЕЛЬСТВА ХАНТЫ-МАНСИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА — ЮГРЫ**

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА:

**РОССИЙСКИЙ ФОНД ФУНДАМЕНТАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ,
ПРОЕКТ № 15-06-20538**

ISBN 5-98123-040-1

© Авторы, 2015

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	INITIAL SETTLEMENTS AND COLONIZATION OF NORTHERN EURASIA
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА В КОНЦЕ КАМЕННОГО ВЕКА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЙ	ARCHAEOLOGICAL CULTURAL COMPLEXES OF THE NORTH AT THE END OF THE STONE AGE: VECTORS OF DEVELOPMENT AND TRANSFORMATIONS
КУЛЬТУРНЫЕ МИРЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА	CULTURAL WORLDS OF NORTHERN EURASIA DURING BRONZE AND EARLY IRON AGES
АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР, ГОСУДАРСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	ARCHAEOLOGY OF THE MIDDLE AGES AND THE EARLY MODERN TIME OF NORTHERN EURASIA: CONTACTS BETWEEN CULTURES, STATES AND CIVILIZATIONS
ОБРАЗЫ СЕВЕРА: КОНЦЕПЦИИ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ИКОНОГРАФИЯ	IMAGES OF THE NORTH: CONCEPTS, IDEOLOGY, ICONOGRAPHY
АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ	ARCHAEOLOGY OF THE ARCTIC
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	MULTIDISCIPLINARY RESEARCH METHODS IN ARCHAEOLOGY OF NORTHERN EURASIA
АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	RECENT APPROACHES AND LEGAL INITIATIVES IN THE FIELD OF PROTECTION AND PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ
ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

INITIAL SETTLEMENTS AND
COLONIZATION OF
NORTHERN EURASIA

УДК 902(407.1)«633»:902.652

А. В. ВОЛОКИТИН, Н. Е. ЗАРЕЦКАЯ

Волокитин Александр Васильевич — к. и. н., ИЯЛИ Коми
НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар). E-mail: volkt54@mail.ru

Зарецкая Наталия Евгеньевна — к. г.-м. н.,
ГИН РАН (Россия, Москва). E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

**МЕЗОЛИТ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ:
СООТНОШЕНИЕ РАДИОУГЛЕРОДНОЙ
И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ**

Ключевые слова: мезолит, Север и Северо-Восток Русской равнины, Печора, Северная Двина, радиоуглеродное датирование

Резюме. Рассматриваются мезолитические памятники Севера и Северо-Востока Русской равнины, представляющие собой в основной массе кратковременные стоянки с кремневыми индустриями западной, уральской и смешанной традиций. Независимые ¹⁴C даты подтверждают одновременное взаимопроникающее существование археологических памятников разных традиций, отражающих проникновение на север небольших групп населения.

В данном исследовании рассматриваются мезолитические памятники бассейнов рр. Печоры и Северной Двины, а также Шексны, то есть Севера и Северо-Востока Русской равнины. Из нашего обзора исключены памятники мезолитической культуры веретъе восточного Прионежья. Данная культура с компактным расположением памятников: могильников, долговременных поселений, а также сезонных стоянок, имеет многочисленные независимые датировки и разработанную периодизацию. Это стало возможно во многом благодаря тому, что основные памятники этой культуры относятся к так называемым торфяниковым. На остальной территории севера мезолитический «торфяниковый» памятник лишь один — это Висский 1 торфяник. К тому же, это — не поселение, а отложившиеся в старичном озере рядом с поселением на суходоле артефакты из органики растительного происхождения. Тем не менее, для Висского 1 торфяника характерна аналогичная, что и для веретъе, модель расселения и сходный деревянный инвентарь.

Пожалуй, отсутствие памятников, аналогичных веретъевским, на остальной территории говорит не только об иных природных условиях, но скорее об иных стратегиях поведения и жизнеобеспечения древних коллективов. Археологические памятники здесь в свое массе — кратковременные стоянки, временные лагеря. Это, по-видимому, следствие

A. V. VOLOKITIN, N. E. ZARETSKAYA

Volokitin Alexander Vasilievich — PhD in History, ILLA Komi
RC UB RAS (Russia, Syktvykar). E-mail: volkt54@mail.ru

Zaretskaya Natalia Evgenjevna — PhD in Geology,
GIN RAS (Russia, Moscow). E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

**THE MESOLITHIC OF THE NORTH OF EUROPEAN
RUSSIA: CORRELATION BETWEEN THE RADIOCARBON
AND THE ARCHAEOLOGICAL CHRONOLOGY**

Key words: the Mesolithic, North and North-East of the Russian Plain, Pechora, Northern Dvina, radiocarbon dating

Summary. The paper presents a study of the Mesolithic sites of the North and the North-East of the Russian Plain most of which were short-term camps with flint industries of the Western, Ural and mixed traditions. Independent ¹⁴C dates confirmed the synchronous interpenetrative existence of the archaeological sites of different traditions reflecting migration of large groups of population into the northern regions.

The study was focused on the Mesolithic sites in the basins of rivers Pechora and Northern Dvina, as well as Sheksna, that is, the North and the North-East of the Russian Plain. Our review excluded the Mesolithic sites of the Veretje culture of the eastern Onega region. This culture with the compact location of sites: interments, long-term settlements, as well as seasonal camps had numerous independent datings and a well developed periodization. This became possible to a large extent owing to the fact that main sites of this culture were the so-called peat-bog sites. In the rest of the northern territory there was only one Mesolithic “peat-bog” site — namely Visky 1 peat bog. Moreover that was not a settlement, but the deposited in the former lake near a dry land settlement artifacts made from organic phytogenic materials. Nonetheless, Visky 1 peat bog demonstrated similar to the Veretje culture settlement pattern and a similar wooden tools assemblage.

It is possible that the lack of Veretje-like sites in the remaining territory was not just a result of different natural conditions, but rather of the different strategies of behavior and subsistence models of the ancient groups. The archaeological sites in this area were mostly short-term, temporary camps. This was, apparently a consequence of the Mesolithic population’s mobility. Certain similarities between the camps’ tool sets were identified, which was an evidence of possible seasonal migrations over significant distances. And, finally a conclusion was made about the absence of the so-called

подвижности мезолитического населения. Были выявлены сходства инвентарей стоянок, показывающих сезонные передвижения на значительные расстояния. И наконец, был сделан вывод о том, что на данной территории за небольшим исключением в последнем периоде не было так называемого постоянного населения. Сюда периодически проникали носители индустрий западной традиции из Волго-Окского междуречья (бутовская мезолитическая культура) и уральской (так называемый камский мезолит). Есть памятники, которые объединяют в своих инвентарях черты первых двух традиций — у них сочетается техника первичного расщепления камского мезолита и орудийный набор западной традиции. Естественно, что одним из наиболее важных вопросов во всех этих построениях является проблема датировки памятников тех или иных традиций, на тех или иных территориях.

Вместе с тем, подавляющее большинство мезолитических памятников Севера и Северо-Востока располагается на надпойменных, так называемых боровых, террасах, с залеганием культурных остатков на глубине первых десятков сантиметров, в подзолистом и иллювиальном горизонтах. У таких памятников культурный слой как таковой отсутствует, а имеется горизонт залегания культурных остатков, представленных каменными артефактами и, в лучшем случае, фрагментами кальцинированных костей. Возможностей для радиоуглеродного датирования мезолитических памятников совсем не много. Долгое время мы располагали только датами, полученными по образцам с Висского 1 торфяника. Выполнены они были по деревянным артефактам, залегающим на разной глубине и в разных частях памятника. В недавнем прошлом на «торфянике» нами были проведены работы по датированию отложений его разреза, которые в целом подтвердили полученные ранее даты по артефактам. Даты с Висского 1 торфяника определяли хронологию висского культурного типа (по Г. М. Бурову). Для определения времени существования камско-печорского культурного типа Г. М. Буровым использовались даты стоянок соседних регионов: камско-вятского междуречья (Баринка 2) и р. Белой (Холодный Ключ).

В 1980-е гг. в ходе исследований мезолитических памятников появились радиоуглеродные даты, заведомо не согласующиеся с археологическим контекстом: Черта 2 (3910±40, Le-1932), Евдино 2 (4590±59, TA1546). Топыд Нюв 7а (4640±150, Le-2740 и 6540±60, Le-2739). Комментировать эти даты и выяснить с какой либо долей достоверности — лабораторные это сбои или полевые ошибки отбора — сейчас практически невозможно. Образцы

permanent population in this territory with one small exception in the post glacial period. Western tradition populations occasionally penetrated this territory from the Volga-Oka interfluvium (Butovo Mesolithic culture) and the Ural (the so-called Kama Mesolithic). There were sites which demonstrated in their tool assemblages some features common to the first two traditions — they employed a combination of primary knapping technique of the Kama Mesolithic and the tool set of the Western tradition. Naturally one of the most important issues in all hypotheses was the problem of dating of the sites of a particular tradition or the sites located in a certain territory.

At the same time a vast majority of the Mesolithic sites of the North and the North-East were located on sandy terraces above flood-plain with the cultural remains deposition at the depth of the first dozen centimeters in the podsollic and the illuvial horizons. The sites of this type had no cultural layer as such, instead there was a cultural remains deposition horizon, represented by stone artifacts and, at best, calcinated bones fragments. The Mesolithic sites did not offer lots of opportunities for the radiocarbon dating. For a long time we only had at our disposal the dates obtained for samples from Visky 1 peat bog. They were obtained for wooden artifacts deposited at various depths and in different parts of the site area. Recently we obtained dates for deposits from the “peat bog” itself section which, in general, confirmed the dates obtained earlier for the artifacts. The dates from Visky 1 peat bog determined the chronology of the Visky cultural type (according to G. M. Burov). For the purposes of determining the time of existence of the Kama-Pechora cultural type G. M. Burov used the dates from the neighboring regions' sites: Kama-Vyatka interfluvium (Barinka 2) and the Belaya river (Kholodny Klyuch).

In the 1980-s in the course of the Mesolithic sites study some radiocarbon dates were obtained, which admittedly contradicted the archaeological context: Chertas 2 (3910±40, Le-1932), Evdino 2 (4590±59, TA1546). Topyd Nyuv 7a (4640±150, Le-2740 and 6540±60, Le-2739). Today it is practically impossible to offer any comments on these dates, or try to find out with any degree of accuracy whether these were laboratory errors, or the field sampling mistakes. The samples were taken from the sites located on sandy terraces.

At the same time new dates were gradually accumulated for such sites as Yavronga (the Pinega river basin: 8530±60, Le-853/547), Listvenka 3a (the Sheksna river: 9090±60, GIN-6578), Lek Lesa (the Izhma river: 9010±70, Le-3607), Cherdyb 1 and 2 (the Vychedga river: 7520±90, GIN-13357; 7460±70, GIN-13358), Martyushevskaya 8 (the Pechora river: 7850±60, GIN-14609). We'd like also

были отобраны на памятниках, расположенных на борových террасах.

Между тем, постепенно были накоплены новые даты на памятниках Явроньга (бассейн р. Пинега: 8530±60, Ле-853/547), Лиственка 3а (р. Шексна: 9090±60, ГИН-6578), Лек Леса (р. Ижма: 9010±70, Ле-3607), Чердыб 1 и 2 (р. Вычегда: 7520±90, ГИН-13357; 7460±70, ГИН-13358), Мартюшевская 8 (р. Печора: 7850±60, ГИН-14609). Отметим также памятники на р. Сухона: Побоищное 1 (9450±100, Ле-5530), Шохта с двумя мезолитическими слоями (8620±180, ГИН-8007; 7630±340 ГИН-8008) и Березовая Слободка II–III, где по разным образцам (уголь, береста, костный уголь, почва) получено 11 дат по двум мезолитическим горизонтам и погребению. Даты располагаются в диапазоне от 9570±110 (ЛЕ-6704) – 9180±20 (ЛЕ-6708) до 7840±75 (ЛЕ-6706) – 7800±270 (ЛЕ-5729).

Особое место занимают пойменные мезолитические памятники. Это Парч 2 (р. Вычегда) и многослойный памятник Выльс Том 2 (р. Ижма). Для памятника Парч 2 из образцов древесного угля из очагов были получены три даты: 9500±250 (ГИН-11912), 9100±250 (ГИН-11913) и 7800±300 (ГИН-11911).

Для памятника Выльс Том была получена серия дат по 3-му (7800±90, ГИН-14593; 8510±70, ЛУ-7289) и 4-му (8540±70, ГИН-14594; 8690±90, ЛУ-7288) культурным горизонтам, залегающим в аллювии 10-метровой террасы на глубине свыше 2 м.

Таким образом, лучше всего обеспечены датами памятники западной традиции. Ее ранняя стадия соответствует пребореальному периоду и рубежу пребореала и бореала – стоянка Парч 2. Близки по возрасту Лиственка 3а и некоторые другие. Более позднему – бореальному – периоду соответствуют Выльс Том 2 и Явроньга, а заключительной стадии – рубежу бореального и атлантического периодов – Топыд Ньюр 7. К поздней стадии западной традиции мы относим и Висский 1 торфяник. Иная ситуация с уральской традицией. Имеется всего одна, достаточно ранняя дата (Лек-Леса 1), и две другие, более поздние, к которым мы вынуждены обращаться – в соседних регионах (Баринка 2 и Запоселье). Памятники так называемой смешанной традиции – на Вычегде (Чердыб 1 и 2) – относятся к финалу мезолита. Однако сопоставляемые с ними памятники на Сухоне (что еще не совсем доказано) имеют возраст от пребореала до начала атлантического периода. В целом независимые датировки C¹⁴ подтверждают одновременное чересполосное существование археологических памятников разных традиций, отражающих длительное проникновение на север небольших групп населения. С другой стороны, имеющиеся пробелы в датах требуют своего объяснения.

to note the sites on the Sukhova river: Poboishchnoje 1 (9450±100, Le-5530), Shokhta with two Mesolithic levels (8620±180, GIN-8007; 7630±340 GIN-8008), and Berezovaya Slobodka II–III, where for different samples (coal, birch bark, bone black, soil) 11 dates were obtained for two Mesolithic horizons and an interment. The dates were spread within the range from 9570±110 (LE-6704) – 9180±20 (LE-6708) to 7840±75 (LE-6706) – 7800±270 (LE-5729).

A separate group was made up of the flood-land Mesolithic sites. These were Parch 2 (the Vychegda river) and a multi-level site Vylys Tom 2 (the Izhma river). Three dates were obtained for Parch 2 site on charcoal samples from fireplaces: 9500±250 (GIN-11912), 9100±250 (GIN-11913) и 7800±300 (GIN-11911).

On Vylys Tom site a series of dates was obtained for the 3d (7800±90, GIN-14593; 8510±70, LU-7289) and the 4th (8540±70, GIN-14594; 8690±90, LU-7288) culture horizons deposited in the alluvium of a 10 meter terrace at the depth over 2 meters.

In this way most of the dates have been obtained for the Western tradition sites. Its early stage corresponded to the Pre-boreal period and the turn of the pre-boreal and the boreal periods – Parch 2 site. Close to it in age were Listvenka 3a and some other sites. The sites corresponding to the later – Boreal – period included Vylys Tom 2 and Yavronga, and to the final stage – turn of the boreal and the Atlantic periods – Topyd Nyur 7. In our opinion the late stage of the Western tradition was represented by the Visky 1 peat bog. The situation was quite different for the Ural tradition. There is only sufficiently early date available (Lek Lesa 1), and two other, later, dates which we have to refer to in the neighboring regions (Barinka 2 and Zaposelje). The sites of the so-called mixed tradition on the Vychegda (Cherdyb 1 and 2) belonged to the final Mesolithic. However the correlating with them sites on the Sukhona (which has not yet been sufficiently verified) were dated from the Pre-boreal to the beginning of the Atlantic period. On the whole the independent C¹⁴ dates confirmed the synchronous interpenetrative existence of the archaeological sites of different traditions reflecting long-time migration of large groups of population into the northern regions. On the other hand, the existing gaps in the dating require further study of the subject.

УДК 903(571.6)«632»

И. Е. ВОРОБЕЙ

Воробей Игорь Евгеньевич — Магаданский
 областной краеведческий музей (Россия, Магадан).
 E-mail: vorobeyie@mag-museum.org

ГАЛЕЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРНОГО ПРИОХОТЬЯ И ВЕРХОВЬЕВ ОМОЛОНА

Ключевые слова: палеолит, галечная индустрия, Омолон, Приохотье

Резюме. Рассматриваются материалы четырех местонахождений, содержащих продукты расщепления галек, валунов и отломника, в том числе со следами золотой коррозии. Для них предполагается хронологическая позиция более древняя, чем позиция региональных микропластинчатых индустрий позднего палеолита.

1. При поиске палеолитических материалов в районе, где пока есть относительно уверенные представления об индустриях вряд ли древнее 15 тыс. л. н., особое внимание привлекает фракция, условно относимая к «галечной традиции» Крайнего Северо-Востока Азии. Здесь представлены подъемные собрания и отдельные артефакты с четырех местонахождений, локализованных на площадях с относительными отметками 40–50 м, которые, согласно соответствующим геологическим мелко- и среднемасштабным картам, пригодны для поиска объектов с возрастом старше сартанского.

2. На местонахождении Чемпионат в верхнем течении р. Омолон обнаружено 5 галечных орудий на окатанном эллипсоидном (?) и полуугловатом субстрате, соотношение их с малочисленной фракцией иных контекстов неясно. Кварцито-песчаниковая группа представлена 2 косолезвийными продольными чопперами с подтреугольной плановой конфигурацией, на рассеченных поперек мелких валунах и 1 комбинированным «утилизационным» чоппингом-пестом с неглубоким широким перехватом, оформленным пикетажем на продольных краях, и участками забитости. Группа из кремнистого песчаника включает 2 изделия на плоских мелких валунах: тесловидный чоппер и концевой торцевой поперечный чоппер-рабо. С этими последними орудиями планиграфически связаны 3 легких отбойника на длинных плоских гальках с расширенным концом (1 из них апплицируется из фрагментов); это может косвенно свидетельствовать о наличии в индустрии иного, не галечного контекста.

3. На местонахождении Устье Магадавена (Арманская площадь сбора) в верховьях р. Армань полу-

I. E. VOROBEY

Vorobey Igor Evgenjevich — Magadan
 Regional History Museum (Russia, Magadan).
 E-mail: vorobeyie@mag-museum.org

PEBBLE COMPLEXES OF THE NORTH SEA OF OKHOTSK REGION AND THE UPPER REACHES OF OMOLON

Key words: the Paleolithic, pebble industry, Omolon, the Sea of Okhotsk region

Summary. The paper presents the results of the study of materials from four locations with pebbles, cobbles, and chips knapping products, including the ones with wind erosion traces. It is suggested that their chronological position was older than the position of the regional microblade industries of the late Paleolithic.

1. In a search for Paleolithic materials in a region, where, so far, there was a relatively good understanding of industries, the age of which was hardly more than 15 thousand y. a., of a particular interest was a group, which could be conventionally referred to as the “pebble tradition” of the Far North-East of Asia. It consisted of scatter assemblages and individual artifacts from four locations concentrated in the areas with reference levels 40–50 m which, according to the relevant geological and medium-scale maps were suitable for a search for objects aged older than the Sartan.

2. In Chempionat location in the upper reaches of the Omolon river 5 pebble tools were found on a rounded (ellipsoid?) and subangular substrate, their correlation with a numerous group of other contexts was not clear. A quartzitic sandstone group was represented by 2 canted blade axial choppers with sub-triangular in the plane configuration on laterally dissected small cobbles and 1 combined “utilizational” chopping-pestle with shallow wide waist made by wide lengthwise edges pick-edge, and visible traces of battering. A flint sandstone group included 2 artifacts on small flat cobbles: adze-like chopper and an end-face lateral steep chopper (“rabort”). With these latter tools planigraphically correlated 3 light hammers on long flat pebbles with flaring end (1 of them could be applicated from fragments); this may serve as an indirect evidence of the existence in the industry of some other than pebble context.

3. In location Magadaven Mouth (Arman collection area) in the upper reaches of the Arman river an assemblage of 32 artifacts was obtained with the diagnostic attributes of anthropogenic knapping of cobbles and pebbles, mainly subangular (flattened ellipsoids were rare)

чена коллекция из 32 артефактов с диагностическими признаками антропогенного расщепления валунов и галек, в основном полуугловатых (уплощенные эллипсоиды единичны), из алевролита и туфоалевролита, роговика, диорита, диоритового порфирита, гранита. Фракции иных контекстов отсутствуют. Инвентарь включает следующие категории.

Нуклеидное уплощенное изделие на биполярно расщепленном валуне.

Чопшеры (9 ед) поперечные, угловые и продольный, с прямыми, дугообразным, угловатым и зубчатым лезвиями различной крутизны (от острого до отвесного).

Чоппинг концевой поперечный, с угловатым лезвием, оформленным двумя крутыми чередующимися сколами.

Пик (макроформа), оформленный двумя крутыми противоположающимися-чередующимися сколами, с четырехугольным сечением рабочего конца.

Поперечный «струг» с выемчатым лезвием и поперечным сколом на массивной пятке.

Скреповидные орудия («скреповидные чопшеры») на крупных плоских гальках (3 ед.), с протяженной (до $\frac{3}{4}$ периметра) обработкой края, с нерегулярной зубчатостью или извилистостью, продольные и поперечные.

Фрагментированные валуны и гальки (9 ед.), в т. ч. с альтернативным косым усечением («галечные параллелограммы»), со следами биполярного расщепления, со ступенчато-зубчатым изломом, с шиповидными выступами.

Массивные угловые и долечные сколы с остатками поверхности субстрата (7 ед.).

В собрании прослеживается определенная серийность как в морфологии, так и в приемах оформления (например, выделение рабочего элемента двумя смежными чередующимися сколами). Фиксируется подавляющее преобладание поперечного расщепления, включая долечное. Особо отметим признаки биполярной («на наковальне») технологии расщепления, оформления и утилизации — в различной позиции субстрата: на ребре, на узкой грани, на плоскости. Соотношение комплекса с малочисленной галечной фракцией (включающей чопшеры, микрочоппер и дериваты биполярного расщепления) находящегося в 0,3 км местонахождения Устье Магадавена 1 неясно.

4. На восточном берегу п-ова Вархаламский (Северное Приохотье), на местонахождении Бухта Ларожья (Вархаламский Полуостров 3) выделены 10 предметов из жильного кварца и 1 из вторичного кварцита, в т. ч. и со следами эоловой корразии. Среди них фрагмент крупного разбитого валуна с негативами на углах и заметной выбоиной на сферическом участке; 2 мелких валуна с негативами сколов; крупный скол с об-

from siltstone and tuffaleurolite, chert, diorite, diorite porphyry, and granite. There were no groups from other contexts. The tools assemblage included the following categories.

A core-like flattened tool on a bipolar knapped cobble.

Choppers (9 items) — lateral, angular, and an axial one with straight, arched, angular and indented blades of various sharpness (from sharp to abrupt).

Chopping — end-face, lateral, with angular blade fashioned with two abrupt alternating spalls.

Pick (macroform) fashioned by two abrupt opposite-alternate spalls with quadrangle working end section.

Lateral “shaver” with sinuate blade and lateral spall on a massive heel.

Scraper-like tools (“scraper-like choppers”) on large flat pebbles (3 items) with extended (up to $\frac{3}{4}$ of the perimeter) edge shaping, with irregular indentation or waviness, axial and lateral.

Fragmented cobbles and pebbles (9 items) including some with alternate sidelong clipping (“pebble parallelograms”) with traces of bipolar knapping, stepping-indented fracture, and tenon-shaped bulges.

Massive angular and lobular spalls with the substrate surface remains (7 items).

In the assemblage a certain sequence could be observed, both in morphology and the shaping technique (e.g. the working element shaping by two adjacent alternate spalls). There was an absolute domination of lateral knapping, including lobular knapping. Of a particular interest were the signs of bipolar (“on an anvil”) flaking, shaping and utilization technique in various substrate positions: on a ridge, on a narrow face, on a plane. Correlation of the complex with a limited pebble group (including choppers, a micro-chopper, and bipolar knapping derivatives) found 0.3 km away from Magadaven Mouth location was not clear.

4. On the eastern shore of the Varkhalam peninsula (North Sea of Okhotsk region) in Bukhta Larozhja location (Varkhalam peninsula 3) 10 items on veined quartz and 1 on secondary quartzite, including traces of wind erosion were identified. The group included a fragment of a large broken cobble with negatives on the corners and a visible dent in a spherical part; 2 small cobbles with spalls negatives; a large fragment spall with negatives of removals; a core-like chopping on an angular fragment; a chopping with asymmetric angular (“coronoid”) blade on a small cobble with traces of a couple of abrupt alternate shaping spalls; an end chopper on split pebble; “small anvil” with utilization negative along the edge; two flakes (including 1 from bipolar knapping); combination tool with a fashioned spike on an elongated flake with faceted talon and a marked striking point. This “quartz

ломка с негативами снятий; нуклеидный чоппинг на неокатанном обломке; чоппинг с асимметричным угловатым («клювовидным») лезвием на мелком валуне, с использованием пары отвесных чередующихся сколов в оформлении корпуса; концевой чоппер на расколотой гальке; «наковаленка» с негативами утилизации по краю; 2 отщеп (в т. ч. 1 от биполярного расщепления); комбинированное орудие с оформленным шипом на удлиненном отщепе с фасетированным талоном и выделенной точкой удара. С этим «кварцевым комплексом» соотнесены 2 предмета из жильного кварца с удаленного на 5 км местонахождения Бухта Екатерины (Западный Мыс): чоппинг на мелком угловатом валуне со следами эоловой коррозии и массивный отщеп с небольшим выделенным шипом на дистальном крае. Чоппинг с последнего объекта и ранее отмеченный нуклеидный чоппинг при существенном различии формы имеют общую черту: «ограничение» лезвийного края с двух сторон отвесными сколами по боковым фасам.

5. Каждое из рассмотренных собраний индивидуально, в ряде случаев — с заметной повторяемостью форм или приемов обработки: на общем фоне известных в регионе комплексов их своеобразие очевидно. Предполагается, что они представляют более ранние стадии развития камнеобрабатывающей индустрии, чем региональные позднепалеолитические микропластинчатые комплексы. Работа по обоснованию такого утверждения, кроме полевых исследований, требует ревизии и морфологического анализа «галечной» фракции всех индустрий Крайнего Северо-Востока Азии, включая средневековые.

УДК 902.652«6325»

**К. Н. ГАВРИЛОВ, Е. В. ВОСКРЕСЕНСКАЯ,
Н. Е. ЗАРЕЦКАЯ**

Гаврилов Константин Николаевич — к.и.н., ИА РАН
(Россия, Москва). E-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

Воскресенская Екатерина Владимировна — ИГ РАН
(Россия, Москва). E-mail: kavosk@mail.ru

Зарецкая Наталья Евгеньевна — к.г.-м.н.,
ГИН РАН (Россия, Москва). E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

**СООТНОШЕНИЕ ГЕОХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ
ВРЕМЕННОЙ ШКАЛЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ
ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА
(НА ПРИМЕРЕ СТОЯНОК ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ)**

Ключевые слова: верхнепалеолитические стоянки, культурный слой, радиоуглеродное датирование, относительная и абсолютная хронология

complex” correlated with 2 veined quartz items from a 5 km distant location Bukhta Ekateriny (Western cape): a chopping on a small angular cobble with wind erosion traces, and a massive flake with a small marked spike on a distal edge. The chopping from the latter location and the formerly mentioned core-like chopping despite their differences had one feature in common: a “clipping” of the blade edge on two sides by abrupt spalls on side faces.

5. Each of the described assemblages was unique, in a number of cases there was a visible replication of shapes or working techniques: against the general background of the known regional complexes their uniqueness was obvious. It is believed that they represented an earlier lithic industry development stage than the regional late Paleolithic microblade complexes. Substantiation of this assumption would require, in addition to field studies, also a review and a morphological analysis of the “pebble” group of all industries of the Far North-East of Asia, including the Middle Age ones.

**K. N. GAVRILOV, E. V. VOSKRESENSKAYA,
N. E. ZARETSKAYA**

Gavrilov Konstantin Nikolajevich — PhD in History,
IA RAS (Russia, Moscow). E-mail: k_gavrilov.68@mail.ru

Voskresenskaya Ekaterina Vladimirovna — IG RAS
(Russia, Moscow). E-mail: kavosk@mail.ru

Zaretskaya Natalia Evgenjevna — PhD in Geology,
GIN RAS (Russia, Moscow). E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

**CORRELATION BETWEEN THE GEO-CHRONOLOGICAL
SCALE AND THE ARCHAEOLOGICAL UNDERSTANDING
OF THE TIME OF EXISTENCE OF SOME UPPER
PALEOLITHIC SITES (ON THE MATERIALS OF THE
CENTER OF THE RUSSIAN PLAIN SITES)**

Key words: upper Paleolithic sites, cultural level, radiocarbon dating, relative and absolute chronology

Резюме. В докладе обсуждается проблема соотношения радиоуглеродных датировок верхнепалеолитических стоянок Русской равнины и гео-археологического контекста полученных возрастных определений.

Увеличение количества определений радиоуглеродного возраста верхнепалеолитических стоянок Восточно-Европейской равнины, произошедшее за последнее полвека, привело в ряде случаев к ситуации, когда представления археологов о времени существования того или иного поселения вошли в противоречие с данными, полученными по C^{14} датам. Как только серия дат приближалась к первому десятку, разброс значений выходил за рамки статистической погрешности и давал исследователю основания для определенной их группировки. Эта ситуация вызвала дискуссию относительно природы данного явления. Часть исследователей считает, что группировка дат отражает различные этапы заселения и/или жизнедеятельности людей на том или ином участке поселений. Сторонники этой точки зрения полагают, что существует определенное соответствие с данными радиоуглеродного датирования изучаемых ими памятников, с одной стороны, и данными о стратиграфии и планиграфии культурного слоя или слоев этих же памятников — с другой. Другая точка зрения заключается в том, что разброс радиоуглеродных датировок в ряде случаев входит в противоречие с археологическим контекстом датировок и, возможно, связан с особенностями самого метода определения возраста образцов.

Поскольку серии дат были получены преимущественно для памятников со сложно структурированным в пространстве культурным слоем (Сунгирь, Костенки I, 1 к.сл., Авдеево, Хотылёво 2, Елисеевичи I, Юдиново 1, Межирич и т.п.), уместно еще раз проанализировать собственно археологические данные о контексте имеющихся в нашем распоряжении определений радиоуглеродного возраста. К сожалению, далеко не для всех поселений это возможно в силу неполноты опубликованной информации.

Однако в случае с такими поселениями как Зарайская и Авдеевская стоянки, Хотылёво 2, а также Юдиново 1 мы можем констатировать прямое соответствие между группировкой дат и сложной стратиграфией культурного слоя. В случае с Зарайской и Юдиново имеются убедительные доказательства существования нескольких культурных слоев на одном и том же поселении, которые относятся к одной и той же культурной традиции. В Хотылёво 2 на участке пункта В зафиксировано расслоение культурного слоя на несколько горизонтов, соответствующих

Summary. The paper presents a discussion of the problem of the Russian plain upper Paleolithic sites radiocarbon dating values correlation with the geo-archaeological context of the obtained age determinations.

An increased number of the radiocarbon age determinations for the upper Paleolithic sites of East-European Plain over the past fifty years produced in some cases a situation when the archaeologists' understanding of the time of existence of a given settlement contradicted the data obtained from the C^{14} dates. As soon as the series of dates approached the first dozen, the spread in values went beyond statistical error limits and gave a researcher some grounds for their grouping in a certain way. This situation gave rise to a debate about the nature of this phenomenon. Some scholars believed that the dates' grouping reflected different stages of colonization and/or economic activities of the population in this or that section or a settlement. Supporters of this approach believed that there was a certain correlation with the radiocarbon dating values for the researched archaeological sites on the one hand, and the cultural level or levels of the same sites stratigraphy and planigraphic data on the other. An opposite view supported the argument that the radiocarbon dating values scatter in a number of cases was in conflict with the archaeological context of the dated material and was, probably, related to the specifics of the samples dating method as such.

Since the series of dates were obtained mostly for the sites with the highly spatially structured cultural levels (Sungir, Kostenki I, c.l. 1, Avdeev, Khotylevo 2, Eliseevichi I, Yudinovo 1, Mezhirich, etc.) it would be worthwhile to have another look at the archaeological data with regard to the context of the available determinations of the radiocarbon age. Unfortunately it would not be possible for all settlements owing to the incompleteness of the published data.

However with regard to such settlements as Zaraiskaya and Avdeev camp sites, Khotylevo 2, as well as Yudinovo 1, we may state the existence of direct correlation between the dates grouping and the complex cultural level stratification. In case of Zaraisk and Yudinovo there was a convincing evidence of the existence of several cultural levels in one and the same settlement which belonged to one and the same cultural tradition. In Khotylevo 2 in the area of point B a stratification of a cultural level into several horizons was registered, which corresponded to certain stages in the life of the settlement and the formation of a uniform in the plane objects complex. There was evidence of several stages in the formation of the Avdeev site culture level.

определенным этапам жизни поселения и формирования единого в плане комплекса объектов. Имеются свидетельства о разноэтапном формировании культурного слоя Авдеевской стоянки.

Основные аргументы противников точки зрения о возможности использования группировок дат для выделения разновременных этапов жизни поселений сводятся к двум пунктам. Первый из них состоит в том, что такого рода памятники (Костенки I, 1 к. сл., Авдеево) имеют единую планировку. Второй аргумент — трудно представить себе непрерывное существование одного поселения в течение нескольких тысяч лет.

Ответ на эти возражения состоит в том, что общее единство планировки не исключает ее трансформации с течением времени, что показали раскопки в Зарайске. Второе возражение более серьезно, даже если мы будем утверждать, что неизвестны временные интервалы между отложениями отдельных культурных слоев. Представить себе столь длительное существование культурной традиции без изменений, с учетом реальной жизни поколений в первобытную эпоху, очень сложно. Кроме того, пространственные характеристики культурных слоев в целом и отдельных объектов, в частности, также не позволяют утверждать, что они формировались в течение длительного времени. Однако это противоречие снимается, если мы признаем радиоуглеродное датирование, по крайней мере для палеолитической эпохи, в качестве метода определения не абсолютной, а относительной хронологии того или иного памятника или события.

Main arguments of the opponents of the idea of the possibility to use the dates grouping for the identification of asynchronous stages in the life of settlements may be reduced to two points. The first is the argument that the sites of this type (Kostenki I, c. I. 1, Avdeevvo) had a uniform layout. The second — it is difficult to imagine a continuous existence of one settlement over a period of several thousand years.

An answer to these objections is that the layout uniformity does not exclude the possibility of its transformation over time, which was demonstrated by the excavations in Zaraisk. The second objection is more serious, even if we were to admit that the time intervals between the individual cultural levels were not known. It is quite difficult to imagine the existence of a cultural tradition over such a long period of time without change taking into account the realities of the life of generations in the primordial time. In addition the spatial characteristics of the cultural levels in general and the individual objects in particular also did not allow the assumption that they were developing over a long period of time. However this contradiction is removed if we recognize the radiocarbon dating, at least for the Paleolithic period, not as the absolute, but as the relative chronology of this or that site or event.

УДК 902(470.5)«633»

М. Г. ЖИЛИН, С. Н. САВЧЕНКО

Жилин Михаил Геннадиевич — д. и. н., ИА РАН
(Россия, Москва). E-mail: mizhilin@yandex.ru

Савченко Светлана Николаевна — СОКМ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: sv-sav@yandex.ru

**МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ БЕРЕГОВАЯ IX А
НА ГОРБУНОВСКОМ ТОРФЯНИКЕ**

Ключевые слова: Урал, мезолит, мастерская, каменные рубящие орудия, «ушки», «цапфы»

Резюме. В 2014 г. исследована мастерская по изготовлению каменных рубящих орудий, в том числе топоров с выступами на обушке. Отсутствие в раскопе керамики и изделия мезолитических типов указывают на возможный мезолитический возраст памятника.

M. G. ZHILIN, S. N. SAVCHENKO

Zhilin Mikhail Gennadjevich — Doctor of History,
IA RAS (Russia, Moscow). E-mail: mizhilin@yandex.ru

Savchenko Svetlana Nikolajevna — RNHM
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: sv-sav@yandex.ru

**MESOLITHIC WORKSHOP BEREGOVAYA IX ON
GORBUNOVSKY PEAT-BOG**

Key words: the Ural, Mesolithic, workshop, stone choppers, “tabs”, “studs”

Summary. In 2014 a workshop for making stone chopping tools including axes with bulges on the back was excavated. The lack of any ceramics and the presence of the Mesolithic artifacts allowed dating the site back to Mesolithic.

Памятник открыт авторами в 2008 г., раскопом 60 кв. м исследован в 2014 г. практически полностью. Мастерская расположена в Свердловской области в окрестностях Нижнего Тагила. Северо-восточный коренной берег Горбуновского торфяника, к которому приурочен памятник, представляет собой серию мысов, разделенных долинами пересыхающих ручьев с выраженными конусами выносов. Бурение показало отсутствие торфа у берега и только в 20–40 м от берега под слоем суглинка в скважинах встречался сапропель, подстилаемый озерной глиной. В древности здесь был мелководный участок озера, быстро превратившийся в результате выноса ручьями глинистого материала в заболоченный луг.

Мастерская располагалась на конусе выноса ручья в 15 м к югу — юго-востоку от стоянки Береговая IX, занимающей мыс коренного берега торфяника. Стратиграфия раскопа: 1) Дерн — 12–15 см; 2) Серый суглинок — 5–40 см; 3) Темно-серый суглинок (погребенная почва) — 3–12 см; 4. Серовато-коричневый суглинок — материк. На отдельных участках между дерном и слоем 3 прослеживаются еще две прослойки погребенной почвы, аналогичные слою 3, разделенные прослойками суглинка, аналогичного слою 2. Единичные находки стали встречаться в нижней части слоя 2, но подавляющая часть их залегала в слое 3, верхние прослойки погребенной почвы находок не содержали. Отсутствие нарушений культурного слоя, компактность залегания артефактов свидетельствуют об их одновременности. В северной части раскопа расчищен выход валунов, отмечающий прибрежную линию еще ледникового озера. Мастерская была связана с этим скоплением валунов, использовавшихся в качестве сырья.

Коллекция находок небольшая, всего 105 экземпляров. Большая их часть отходы производства — отщепы (84), два обломка и осколок со следами оббивки. Встречено 9 заготовок рубящих орудий, брошенных на разных стадиях обработки. Следует отметить заготовку длинного топора с симметричными выступами (ушками, цапфами) на обушке (22,7 x 7 см) из удлинненной крупной гальки. Трапецевидный обух изделия уплощен оббивкой с двух сторон, края и выступы поверхности выровнены пикетажем, лезвие сломано по трещине в процессе обработки. Рядом лежала заготовка короткого топора с цапфами (14,2 x 10,5 см) из плоского куска камня. Край по периметру обработан оббивкой, боковые края и трапецевидный обух выровнены пикетажем, лезвие намечено сколами с двух сторон, но не заострено. Выразительны заготовка тесла с намеченным перехватом и желобком на лезвии и заготовка подпрямоугольного топора. Необычна

The site was discovered by the authors in 2008, and in 2014 was completely investigated within the 60 sq. m excavation area. The site is located in the Sverdlovsk Oblast nearby Nizhny Tagil. The north-east bed-rock shore of the Gorbunovsky peat-bog to which the site was attributed consisted of a series of capes divided by dried-up stream valleys with some clearly marked gully alluvial cones. The testing demonstrated the lack of peat near the shoreline, and only about 20–40 m from the shore under the clay loam layer the tests produced some sapropel with the underlying lake clay. In the past there was a shallow part of the lake, which as a result of carry-over of clay material by the streams quickly turned into a waterlogged meadow.

The workshop is located at the stream debris cone 15 km south south-east from Beregovaya IX site occupying the cape of the peat-bog bed-rock shore. The excavation stratigraphy: 1) Turf — 12–15 cm; 2) Gray loam — 5–40 cm; 3) Dark-gray loam (buried soil) — 3–12 cm; 4. Light-brown loam — mainland. In some areas between the turf and level 3 two more interlayers of paleosoil could be seen similar to level 3 and divided by loam interlayers similar to level 2. Sporadic finds occasionally occurred in the lower part of level 2, however the majority was deposited in level 3, the upper layers of paleosoil contained no finds. Absence of the cultural level disturbance, and the compact area of the artifacts deposition indicated their contemporaneous character. In the northern part of the excavation an outcrop of boulders was cleared which marked the shoreline existing even before the glacier lake. The workshop was related to this boulder accumulation which was used as raw material.

The finds collection is not numerous, only 105 items. Most of them represented production waste — flakes (84), two pieces of debris and a fragment with traces of striking. 9 chopper blanks were found which were discarded at different production cycle stages. Of a particular interest was a long axe blank with symmetric bulges (tabs, studs) on its back 9 (22.7 x 7 cm) from an elongated large pebble. Trapezoidal tool's back was flattened by striking from two sides, the edges and bulges on the surface were smoothed by picketage, the blade was broken along the crack in the process of working. Nearby there was a short axe blank with studs (14.2 x 10.5 cm) on a flat piece of stone. The edge along the perimeter was worked by striking, the side edges and the trapezoidal back smoothed with picketage, the blade was indicated by chipping on two sides but not sharpened. An adze blank with an indicated waist and groove on the blade and the sub-rectangular axe blank were quite impressive. There was an unusual and having no known analogues dagger or knife blank on an

не имеющая аналогов заготовка кинжала или ножа из осколка удлиненной формы. Лезвие асимметричное трехгранное. Рукоятка короткая, частично обработана по краям нерегулярной вентральной среднефасеточной ретушью. Все перечисленные предметы изготовлены из метаморфизированных пород разного минералогического состава.

Также найдена небольшая серия изделий из кремнистого сырья: заготовка нуклеуса и подпризматический нуклеус для микропластин, 3 пластины с выкрошенностью утилизации на краях, ребристая пластина и микропластинка, концевой скребок–нож на пластине. Керамика не обнаружена.

По характеру находок данный памятник представляет собой мастерскую для изготовления каменных рубящих орудий, в том числе топоров с выступами на обушке. Отсутствие в раскопе керамики и наличие изделий мезолитических типов указывают на его наиболее вероятный мезолитический возраст. Значительный интерес среди находок представляют заготовки топоров с выступами на обушке. Многочисленные подобные изделия разных форм, датируемые от раннего мезолита до позднего неолита, происходят с территории Восточной Сибири [1]. В Зауралье и на прилегающей части Западной Сибири такие артефакты также известны, но их гораздо меньше. Короткие, длиной менее 15 см, топоры и тесла с выступами на обушке происходят из сборов конца XIX в. на восточном склоне Урала (3 экземпляра), с памятника Палатки I в верховьях р. Исети (1 экземпляр); десять подобных орудий, оформленных пикетажем и шлифовкой, найдены при раскопках позднемезолитического поселения Леуши IX в бассейне р. Конды. Заготовка короткого топора с Береговой IX А имеет прямые аналогии на поселении Леуши IX. Длинное тесло с «цапфами» и мелким желобком (19,8 x 7,3 см), изготовленное из диорита и обработанное пикетажем, найдено в Северном Зауралье на р. Мань-я. Длинные полностью шлифованные орудия с выступами обнаружены на неолитической стоянке Полуденка I у Нижнего Тагила и на р. Ис [2, с. 10; 3]. Известные в настоящее время зауральские цапфенные рубящие орудия близки между собой по форме (все имеют выступающий треугольный или трапециевидный обушок) и по технологии изготовления. Они отличаются от большинства подобных орудий из Восточной Сибири.

Есть мнение, что короткие орудия, отделанные пикетажем с пришлифовкой, по аналогии с кондинскими, датируются мезолитом, а длинные шлифованные – неолитом [3, с. 175]. Раскопки мастерской показали, что короткие и длинные топоры с выступами, обработанные пикетажем, бытовали на Урале

elongated fragment. The blade was asymmetric, triangular. The grip was short, partially worked at the edges with irregular ventral medium-faceted retouch. All the above listed items were made from metamorphosed rock of different mineralogical composition.

A small group of flint tools there was found too: core blank and sub-prismatic microblade core, three blades with utilization chipping on the edges, a ridged blade and a microblade, end scraper–knife on a blade. There were no ceramic items present.

Based on assortment of the finds we can suggest that this site was a workshop for making stone chopping tools including axes with bulges on the back. The lack in the excavation area of any ceramics and the presence of Mesolithic type items indicate most probably Mesolithic age. Of a particular interest were the axe blanks with bulges on the back. Numerous similar items of various shapes dated within the range from the early Mesolithic to the late Neolithic originated from the territory of Eastern Siberia. In the Trans-Ural and the adjacent part of Western Siberia such artifacts were also known though in smaller quantities. Short, less than 15 cm long, axes and adzes with bulges on the back originated from assemblages of the late 19th century from the eastern slopes of the Urals (3 pieces), Palatki I site in the upper part of Iset river (1 piece); ten tools of this type fashioned with picketage and grinding were found during the excavation of the late Mesolithic settlement Leushi IX in the Konda river basin. A short axe blank from Beregovaya IX А had direct analogues at the settlement site Leushi IX. A long adze with “studs” and a shallow groove (19.8 x 7.3 cm), made from diorite and fashioned with picketage was found in the North Trans-Ural on the river Man-ya. The long completely polished tools with bulges were found on the Neolithic site Poludenka I near Nizhny Tagil and on the Is river [2, p. 10; 3]. The so far known Trans-Ural “studded” choppers were very similar in shape (all of them had protruding triangular or trapezoidal back) and in the manufacturing technique. They were different from the majority of similar tools from Eastern Siberia.

There is an opinion that the short picketage-like tools with polish could be dated, by analogy with the Konda ones, as the Mesolithic, while the long polished ones – as the Neolithic [3, p. 175]. The excavations of workshop demonstrated that the short and the long axes with bulges with picketage were in use in the Ural contemporaneously. During the Mesolithic they have been made over the forest zone of the Trans-Ural alongside with other types of axes and adzes. The long carefully polished choppers with bulges on the back occurring in this territory belonged, in all probability, to a later period.

одновременно. Они изготавливались в мезолите лесного Зауралья наряду с другими типами топоров и тесел. Встреченные на этой территории тщательно зашлифованные длинные рубящие орудия с выступами на обушке, вероятно, действительно являются более поздними.

Литература / References:

1. Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» – цапфенных топорах Северной Азии // Изв. Иркут. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–101.
2. Чернецов В. Н. Древняя история Нижнего Приобья // МИА. 1953. № 35. С. 7–71.
3. Погодин А. А. Мезолитические рубящие орудия таежного Обь-Иртышья // Сургут, Сибирь, Россия. Екатеринбург, 1994. С. 173–176.

УДК 902(571.15)«6323»

М. Б. КОЗЛИКИН

Козликин Максим Борисович — ИАЭТ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: Kmb777@yandex.ru

НЕЛЕВАЛЛУАЗСКАЯ ИНДУСТРИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ¹

Ключевые слова: Горный Алтай, Денисова пещера, плейстоцен, средний палеолит, каменная индустрия

Резюме. В ходе работ по комплексному изучению нижней части плейстоценовой толщи в восточной галерее Денисовой пещеры были получены археологические материалы, обладающие рядом специфических черт, ранее не отмеченных в палеолитических комплексах стоянки. Каменная индустрия из слоев 15 и 14 базируется исключительно на радиальном расщеплении, основу орудийного набора составляет зубчато-выемчатый компонент.

Комплексные работы в Денисовой пещере на протяжении последних лет направлены на исследование рыхлых отложений в восточной галерее. Наиболее древние материалы, относимые к первой половине среднего палеолита, были обнаружены в пределах литологических слоев 15 и 14. Общая численность каменной индустрии из данных стратиграфических подразделений составляет 14 714 экз. Количественное распределение артефактов по слоям неравномерное, основная часть артефактов (10 801 экз.) происходит из слоя 14, однако процентное соотношение основных категорий каменного инвентаря и его технико-типологические характеристики одинаковые.

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФИ «Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект №14-50-00036)

M. B. KOZLIKIN

Kozlikin Maxim Borisovich — IAET SB RAS
(Russia, Novosibirsk). E-mail: Kmb777@yandex.ru

DENISOVA CAVE NON-LEVALLOIS MIDDLE PALEOLITHIC INDUSTRY¹

Key words: Gorny Altai, Denisova cave, Pleistocene, middle Paleolithic, lithic industry

Summary. In the course of a comprehensive research of the lower part of the Pleistocene section in the eastern gallery of Denisova cave archaeological materials with a number of specific characteristics were obtained, which were not earlier encountered in the Palaeolithic complexes of the site. Lithic industry from levels 15 and 14 was based exclusively on radial knapping, the basis of the tools assemblage was the denticulated-notched component.

Comprehensive research of Denisova cave over the past several years concentrated on loose deposits of the eastern gallery. The oldest materials associated with the first half of the middle Paleolithic were discovered within the lithological layers 15 and 14. The total number of the lithic tools assemblage from those stratigraphic sections was 14,714 pieces. The quantitative distribution of artifacts by levels was uneven, greater part of the artifacts (10,801 pieces) originated from level 14, however the percentage ratio of the main lithic tools categories and their technical and typological characteristics was the same.

¹ The study was financed by the Russian Research Foundation grant “Multidisciplinary research in archaeology and ethnography of Northern and Central Asia” (project №14-50-00036)

Первичное расщепление в рассматриваемом комплексе характеризуется использованием нуклеусов, утилизируемых в радиальной системе, как в моно-, так и в бифронтальном вариантах. Несколько экземпляров одноплощадочных монофронтальных параллельных плоскостных ядрищ зафиксировано только в коллекции из слоя 14. Заготовками для нуклеусов служили небольшие валуны или крупные массивные в поперечном сечении сколы. Последний тип заготовки преобладает. Расщепление осуществлялось от естественного ребра, без какой-либо подготовки ударной площадки. Негативы последних снятий на фронтах нуклеусов демонстрируют получение сколов преимущественно мелкого и среднего размера, укороченных или коротких.

Представительная серия нуклевидных отщепов демонстрирует использование объема преимущественно вентральной стороны массивного крупного скола для получения одной или нескольких заготовок небольшого размера. Среди нуклевидных форм распространены также крупные угловатые обломки с единичными бессистемными снятиями.

Индустрия сколов, представленная главным образом отщепами, в полной мере соответствует сопутствующему набору нуклеусов. Более половины целых изделий составляют экземпляры мелкого размера, далее по количеству следуют крупные и средние заготовки. Отщепы в основном укороченные или короткие, доля удлиненных сколов незначительная. Анализ остаточных ударных площадок отщепов показывает, что преобладают экземпляры с гладкой или естественной площадкой без подправки карниза, удельный вес которых доходит до 90 %. Ограника дорсальной поверхности отщепов преимущественно продольная однонаправленная или конвергентная. Распространены первичные сколы. Пластины, насчитывающие всего 10 экз., вероятно являются случайным продуктом, полученным в рамках радиального расщепления.

Отходы производства, удельный вес которых в рассматриваемом комплексе составляет 60 %, включают в первую очередь мелкие обломки и осколки, значительно меньше чешуек и несколькими экземплярами представлены расколотые гальки и валуны.

При типологической идентичности орудийного набора процентное содержание изделий с вторичной обработкой незначительно варьирует от 1,5 % (3,8 % без учета отходов производства) в коллекции из слоя 15 до 0,9 % (2,4 % без учета отходов производства) в коллекции из слоя 14. В качестве заготовки для орудий использовались отщепы крупного, реже среднего размера, а также фрагменты крупных сколов. Более половины целых заготовок — короткие сколы,

Primary knapping in the studied complex was characterized by the use of cores utilized in a radial system both in the mono- and the bi-frontal versions. Several single platform, mono-frontal, parallel flat cores were registered only in the collection from level 14. Blanks for the cores were small cobbles or large massive in the cross section flakes. The latter type of blank was dominant. Knapping was directed from natural ridge without any preliminary preparation of the striking platform. The negatives of final removals on the cores' fronts demonstrated that the sizes of the obtained spalls were mostly small or medium, shortened or short.

A representative series of core-like flakes demonstrated the use of mostly the ventral side volume of massive large spalls for obtaining one or several small size blanks. Among the core-like shapes the large angular fragments with single unsystematic removals were also common.

The spall industry represented mostly by flakes fully corresponded to the cores set. Over one half of the whole items were small size pieces, the next in quantity category were large and mid-size blanks. The flakes were mostly shortened or short, the percentage of elongated spalls was insignificant. Analysis of the residual striking platforms of flakes demonstrated that smooth or natural platforms without overhang retouch were dominating, their relative share was up to 90 %. The flakes dorsal surfaces facing was mostly longitudinal, unidirectional or convergent. Primary spalls were common. Blades, of which there were only 10 pieces, were, probably, an unintentional product obtained in the process of radial knapping.

Production waste, the relative quantity of which in the studied complex was 60 %, included primarily small debris and chips, significantly smaller number of tiny flakes and several pieces of fractured pebbles and cobbles.

While the tools assemblage demonstrated typological identity, the percentage of items with secondary treatment was slightly different from 1.5 % (3.8 % not taking into account production waste) in level 15 assemblage to 0.9 % (2.4 % without production waste) in level 14 assemblage. Large spalls fragments and large, less often mid-sized flakes were used as blanks for tool making. More than one half of the whole blanks were short spalls, less frequently shortened or elongated ones. Most often the tools were shaped with the use of dorsal, edge, abrupt, or semi-abrupt, large-faceted, medium- or strongly modifying retouch. Tools with ventral, less often with dorsal low angle retouch were quite common. About one half of the typologically identifiable tools were the denticulated-notched tools. The next in number was the group of

менее распространены укороченные или удлиненные основы. Чаще всего при оформлении орудий использовалась ретушь дорсальная, краевая, крутая или полукрутая, чешуйчатая, крупнофасеточная, средне- или сильномодифицирующая. Распространены изделия с вентральной, реже дорсальной подтеской. Около половины набора типологически выраженных изделий занимают зубчато-выемчатые орудия. Следующими по численности являются шиповидные орудия, скребла, ножи и транкированно-фасетированные изделия.

В технико-типологическом плане каменная индустрия из слоев 15 и 14 существенно отличается как от вышележащих комплексов среднего палеолита (слои 13–12) в восточной галерее, так и от предположительно синхронных и более поздних индустрий из центрального зала (слои 22–12) [1], предвходовой площадки (слои 10–9) и южной галереи (слои 22–12) [2] пещеры. В число основных отличий входит полное отсутствие каких-либо проявлений в использовании леваллуазской технологии, широко представленной в острейном и пластинчатом вариантах в индустриях из других участков пещеры, а также типологическая ограниченность орудийного набора, основу которого составляют зубчатые, выемчатые и шиповидные орудия. Таким образом, в связи с удаленностью от входа, в восточной галерее могли сохраниться отложения, содержащие археологические материалы наиболее древнего культурно-хронологического этапа заселения пещеры.

Литература / References:

1. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Аношкин А. А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.
2. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Ульянов В. А., Черников И. С., Колобова К. А. Новые результаты исследований среднепалеолитического комплекса Денисовой пещеры // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. 9. С. 112–116.

УДК 903.211.2«6325»

К. А. КОЛОБОВА, А. И. КРИВОШАПКИН

Колобова Ксения Анатольевна — д.и.н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: kolobovak@yandex.ru

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич — д.и.н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

КАРЕНОИДНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: верхний палеолит, западная часть Центральной Азии, кареноидная технология

barb-shaped tools, side scrapers, knives and truncated-facetted tools.

In terms of the used technique and typology the lithic industry of levels 15 and 14 was significantly different both from the overlaying complexes of the middle Paleolithic (levels 13–12) in the eastern gallery, and from the presumably synchronous and later industries from the central hall (levels 22–12) [1], a platform in front of the entrance (levels 10–9), and the southern gallery (levels 22–12 [2] of the cave. Main differences consisted in a complete absence of any manifestations of the use of Levallois technique, which was abundantly represented in both the points and the blades versions in the industries of the other sections of the cave, as well as the typological scarcity of the tools assemblage, the basis of which was made up of denticulated, notched and barb-shaped tools. Thus, some deposits containing materials of the earliest cultural and chronological stage of the cave's settlement could remain in the eastern gallery owing to its remoteness from the entrance.

K. A. KOLOBOVA, A. I. KRIVOSHAPKIN

Kolobova Ksenia Anatoljevna — Doctor of History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: kolobovak@yandex.ru

Krivoshapkin Andrey Innokentjevich — Doctor of History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

CARENOID TECHNIQUE IN THE STONE AGE OF CENTRAL ASIA

Key words: upper Paleolithic, western part of the Central Asia, carenoid technique

Резюме. Согласно устоявшимся представлениям юго-восточной границей распространения кареноидных изделий являлась территория Афгано-Таджикской депрессии. Материалы, полученные в ходе новейших исследований, позволяют переместить эту границу вплоть до северо-западной окраины Высокой Азии. На означенной территории свидетельства кареноидной технологии наиболее типичны для комплексов кульбулакской культуры.

С момента своего первоначального определения и вплоть до 70-х гг. XX в. предметы кареноидного облика определялись как орудия (скребки или резцы). Использование усовершенствованных методик раскопок в последние десятилетия привело к тому, что все чаще данные формы стали рассматриваться как нуклеусы для пластинок с непрямым профилем. Согласно устоявшимся представлениям, подобные изделия являются компонентом «ориньякоидных» индустрий Евразии [1].

Кареноидные изделия имеют достаточно широкое распространение на территории Евразии: они фиксируются в Западной и Восточной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке, на Кавказе, на Русской Равнине [1]. Северо-восточной границей распространения данных предметов до недавнего времени был Горный Алтай. Однако единичные кареноидные предметы отмечены в комплексах Дербинского залива Красноярского водохранилища (р. Енисей) [2]. Юго-восточной границей распространения вплоть до недавнего времени являлась территория южной части Афгано-Таджикской депрессии [3]. Результаты археологических работ последнего десятилетия в предгорьях Западного Памиро-Тянь-Шаня позволяют переместить эту границу вплоть до северо-западной окраины Высокой Азии.

Кареноидные изделия в рассматриваемых индустриях западной части Центральной Азии интерпретируются нами как нуклеусы [2].

В результате изучения новых (Додекатым-2, Кызыл-Алма-2) и ранее известных ключевых (Кульбулак, Шугноу) верхнепалеолитических объектов западной части Центральной Азии была определена их принадлежность к кульбулакской верхнепалеолитической культуре, которая демонстрирует развитие в регионе мелкопластинчатой техники с самобытным микролитическим комплексом. При этом кареноидная технология является наиболее яркой и типичной для кульбулакской культуры. В процессе своего развития кульбулакская культура прошла несколько этапов развития, связанные с появлением, становлением, расцветом и замещением кареноидной технологии для изготовления пластинок с непрямым профилем.

Summary. According to the established beliefs the south-east border of the carenoid articles distribution was the territory of the Afghan-Tajik depression. The materials obtained as a result of recent research allowed to move this border up to the north-west periphery of Highland Asia. Within that territory the evidences of the use of carenoid technique were most common in the Kulbulak culture complexes.

From the moment of its initial definition and up to the 1970s the carenoid appearance articles were defined as tools (scrapers or burins). The use of more sophisticated excavation procedures over the past decades led to a situation where these articles were increasingly interpreted as cores for making blades with uneven profile. According to the established understanding the articles of this type were a component of the "Aurignac-type" industries of Eurasia [1].

The carenoid articles were quite common in the territory of Eurasia: they were registered in Western and Eastern Europe, in the Middle and Near east, in the Caucasus, and the Russian Plain [1]. The north-east border of these articles distribution was until recently believed to run across Gorny Altai. However isolated carenoid articles have been noted in the complexes of Derbin Bay of the Krasnojarsk storage lake (the Yenisei) [2]. The south-east distribution border was until recently assumed to be the territory of the southern part of the Afghan-Tajik depression [3]. The results of the last decades archaeological works in the Pamir-Tien Shan foothills allowed to move this border up to the north-west periphery of Highland Asia.

The carenoid articles in the studied industries of the western part of Central Asia have been interpreted by us as cores [2].

As a result of the study of new (Dodekatym-2, Kyzyl-Alma-2) and the already known key (Kulbulak, Shugnou) upper Paleolithic sites of the western part of Central Asia it was determined that they belonged to the Kulbulak upper Paleolithic culture which demonstrated the development in the region of a microblade technique with a unique microlithic complex. However, the carenoid technique was the most outstanding and most typical for the Kulbulak culture. In the process of its evolution the Kulbulak culture went through several development stages related to the appearance, growth, maturing and replacement of the carenoid technique for making blades with uneven profile.

The areal of the carenoid items distribution in the western part of Central Asia was wider than only the Kulbulak culture complexes. Such articles were registered in practically all upper Paleolithic complexes of the territory under study.

Ареал распространения кареноидных предметов в западной части Центральной Азии не ограничивается комплексами кульбулакской культуры. Такие изделия были отмечены практически во всех верхнепалеолитических комплексах рассматриваемой территории.

Так, в комплексах Самаркандской стоянки (Узбекистан) была зафиксирована выразительная группа «скребков высокой формы», аналогичных по своему облику кареноидным нуклеусам. В двух комплексах стоянки Харкуш (Таджикистан) также были обнаружены кареноидные изделия. В комплексах стоянки им. Ч. Валиханова и Майбулак (Казахстан) Ж. К. Таймагамбетовым и Д. В. Ожерельевым были выделены немногочисленные, но выразительные серии кареноидных скребков [2].

В индустриях раннего этапа мезолита Памиро-Алая (Туткаул, слой 3, Оби-Киик) также фиксируется кареноидная технология для производства пластинок. При этом отмечается ее отсутствие в последующих позднеголоценовых комплексах (Туткаул, слой 2) [4].

Проведенные корреляции внутри исследуемого региона позволяют сделать вывод, что в западной части Центральной Азии в начале и на среднем этапе верхнего палеолита существовал единый тренд развития, выраженный в распространении мелкопластинчатых индустрий с присутствием кареноидных технологий [2].

Таким образом, если до недавнего времени юго-восточным форпостом распространения кареноидных изделий считалась южная часть Афгано-Таджикской депрессии (стоянка Кара-Камар, Афганистан) [3], то в настоящий момент данная граница переместилась на северо-западную окраину Высокой Азии. Стоит отметить, что на сопредельных территориях к северу и к востоку от изучаемого ареала присутствие кареноидных предметов в комплексах каменного века не фиксируется.

Литература / References:

1. Le Brun-Ricalens F. Chronique d'une reconnaissance attendue. Outils «carénés», outils «nucléiformes»: nucléus à lamelles. Bilan après un siècle de recherches typologiques, technologues et tracéologies // *Productons lamellaires attribuées à l'Aurignacien*. Luxembourg, 2005. P. 19–75.
2. Колобова К. А. Верхний палеолит западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2014.
3. Davis R. Kara Kamarin Northern Afghanistan: aurignacian, aurignacoid, or just plain upper Paleolithic? // *Археология и палеоэкология Евразии*. Новосибирск, 2004. С. 211–217.
4. Шнайдер С. В. Каменная индустрия мезолитической стоянки Оби-Киик (Таджикистан) // *Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: история, филология*. 2014. Т. 13. Вып. 5: Археология и этнография. С. 108–117.

Thus in the complexes of the Samarkand camp site (Uzbekistan) an impressive group of “high profile scrapers” was registered, which were similar in appearance to the carenoid cores. In two complexes of the Kharkush site (Tajikistan) there also were some carenoid articles. In the complexes of Ch. Valikhanov and Maibulak sites (Kazakhstan) Zh. K. Taimagambetov and D. V. Ozhereljev identified some not very numerous, but quite impressive carenoid scrapers series [2].

In the industries of the early stage of the Pamir-Altai Mesolithic (Tutkaul, level 3, Obi-Kiik) the carenoid blade production technique was also present. At the same time it disappeared in the subsequent late Holocene complexes (Tutkaul, level 2) [4].

Analysis of correlations within the studied region led to a conclusion that in the western part of Central Asia in the beginning and at the middle stage of upper Paleolithic there was a common development trend manifested in the distribution of microblade industries with the presence of carenoid techniques [2].

Thus, while until recently it was believed that the southernmost outpost of the carenoid articles distribution was the southern part of the Afghan-Tajik depression (Kara-Kamar site, Afghanistan) [3], now this border has been moved to the north-west periphery of Highland Asia. It should be noted that in the neighboring territories to the north and east of the studied areal no carenoid articles have so far been registered in the Stone Age complexes.

УДК 903.01(798)

Я. А. Г. КУТУЛИ

Кутули Ян Аксель Гомес — д., Институт археологии и этнографии (Франция, Нантер).

E-mail: yanaxel@northpacificprehistory.com

ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ПЕРИОДА НАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЧАСТИ АЛЯСКИ

Ключевые слова: технологии обработки камня, континентальная Аляска, Сван Пойнт, микропластины, Гудпастер флетс

Резюме. Некоторые из древнейших поселений человека, известных на сегодняшний день в восточном Берингоморье, находятся на территории континентальной Аляски, например, Сван Пойнт. В статье освещаются некоторые вопросы, касающиеся технологии изготовления каменных орудий на этих древних поселениях, и их связи с другими Берингийскими коллекциями. Также представлена информация о недавно начавшемся археологическом проекте в районе Гудпастер флетс в долине Танана.

Археологические свидетельства указывают на то, что первоначальное заселение северо-запада Северной Америки стало результатом одной или более волн миграций населения с территории северо-восточной Азии ближе к концу плейстоцена. Большая часть таких свидетельств на востоке происходит из нескольких хорошо документированных археологических памятников (например Сван Пойнт, Брокен Маммот, Апвард Сан Ривер, Мид, Хили Лейк и Герстл Ривер), расположенных в долине реки Танана на территории континентальной Аляски. Эти стоянки позволили получить набор данных, имеющих большое значение для понимания процессов, сопровождавших такое первоначальное заселение, а также для установления возможного происхождения и путей миграции в направлении Нового Света. Помимо разнообразной и специализированной каменной индустрии, глубоко стратифицированные памятники долины Танана также отличает хорошая сохранность органического материала, такого как фаунистические останки и изделия из кости, рога и бивня мамонта. Присутствие техники отжата микропластин на памятниках позднего плейстоцена и раннего голоцена на Аляске указывает на явную связь с поздним палеолитом Сибири. Исследование этих памятников и соответствующих орудийных коллекций имеет большое значение для понимания

Y. A. G. COUTOULY

Coutouly Yan Axel Gómez — Dr., Institute for Archaeology and Ethnology (France, Nanterre).

E-mail: yanaxel@northpacificprehistory.com

STONE TOOL TECHNOLOGY DURING THE EARLY HUMAN SETTLEMENT OF INTERIOR ALASKA

Key words: Lithic technology, interior Alaska, Swan Point, microblade, Goodpaster Flats

Summary. Some of the earliest human settlements known so far in eastern Beringia come from interior Alaska, such as Swan Point. This paper will discuss some issues concerning the stone tool technology in these early settlements and their relationship to other Beringian assemblages. It will also present the recently started French-American archaeological project in the Goodpaster Flats region in the Tanana valley.

Archaeological evidence suggests that the initial colonization of north western North America was the result of one or more migratory waves of people arriving from northeast Asia towards the end of the Pleistocene. Several well documented archaeological sites (e.g. Swan Point, Broken Mammoth, Upward Sun River, Mead, Healy Lake, and Gerstle River) located in the Tanana River valley of interior Alaska have produced a majority of this evidence in the east. These occupations have yielded data sets that are of major importance to understanding the processes involved in this initial colonization, as well as identifying possible origins and migration routes towards the New World. In addition to a diverse and specialized lithic industry, the deeply stratified sites of the Tanana valley also possess excellent preservation conditions for organic material such as faunal remains and bone, antler, and mammoth ivory tools. Late Pleistocene and Early Holocene sites in Alaska have obvious ties with the Siberian Late Paleolithic based on the presence of pressure microblade production. The study of these sites and their corresponding lithic assemblages is essential to our understanding of the peopling of the New World, especially when considering the significance of Swan Point and its lower microblade-bearing layer.

The first aim of this paper is to present the Swan Point site, and more specifically the Cultural Zone 4, the earliest reliably dated human occupation documented in Alaska so far. Swan Point is located in the Shaw Creek Flats in the central Tanana Valley and

заселения Нового Света, особенно учитывая важность памятника Сван Пойнт и его нижнего уровня с микропластинчатой индустрией.

Первой задачей этой статьи было представление памятника Сван Пойнт, в частности, его культурного горизонта 4, на сегодняшний день самой ранней надежно датируемой стоянки человека на Аляске. Стоянка Сван Пойнт, расположенная в районе Шоу Крик Флетс в центральной части долины реки Танана, была обнаружена Р. Ван Дер Хоек и Т.Е. Дилли (под руководством С.Е. Холмса) в 1991 г. Ее археологические слои охватывают период в 14 000 лет с позднего плейстоцена до исторического времени. Этот памятник важен не только благодаря тому, что на нем хорошо представлена полная серия хронологических периодов, но, в первую очередь, благодаря тому, что его древнейший компонент позволил получить многочисленные радиоуглеродные датировки, что делает его, исходя из имеющихся на сегодня данных, древнейшим памятником Аляски (и, таким образом, древнейшим свидетельством присутствия микропластинчатой индустрии на территории Америки). Обсуждение и анализ результатов в этой работе будет концентрироваться на старейшем слое с микропластинчатой индустрией памятника Сван Пойнт, культурном горизонте 4 (CZ4). Для старейшего слоя с микропластинчатой индустрией памятника Сван Пойнт было получено 14 радиоуглеродных датировок старше 10 000 радиоуглеродных лет назад, и 10 из них находятся в пределах 12 000 радиоуглеродных лет назад. Несколько лет назад некоторые авторы еще высказывали скептические замечания по поводу археологической реальности раннего микропластинчатого компонента Сван Пойнт. Тем не менее, были получены новые радиоуглеродные датировки и новые артефакты, на основании которых горизонт CZ4 уверенно датируется поздним плейстоценом, что неоспоримо соотносится с микропластинчатой индустрией. Коллекция слоя, содержащего ранние микропластины, состоит из микроядрищ, ребристых пластин, лыжевидных сколов, микропластин, двугранных резцов и пластин. Бифасы, типичные для комплекса Денали, довольно редки в коллекции ранних микропластин Сван Пойнт (за исключением, конечно же, самих микропластинчатых нуклеусов, которые являются преимущественно бифасами, поскольку они оформлены в технике юбетцу).

Микропластинчатый инвентарь из горизонта CZ4 высоко стандартизирован и однороден с технико-типологической точки зрения. Процесс производства практически всех микроядрищ выполнялся в технике юбетцу. Реберные сколы и лыжевидные сколы (т.е.

was first discovered by R. VanderHoek and T. E. Dille (under the direction of C. E. Holmes) in 1991. Its archaeological levels span 14,000 years from the Late Pleistocene up to historical times. It is an important site not only because a whole succession of chronological periods are well represented but mainly because its oldest component has provided numerous radiocarbon dates that makes it, based on current data, the oldest site in Alaska (and thus the oldest evidence of pressure microblade production in the Americas). The discussion and analysis of this paper will focus on Swan Point's earliest microblade component, Cultural Zone 4 (CZ4). The earlier microblade-bearing layer at Swan Point has produced about 14 radiocarbon dates older than 10,000 uncal B.P., and ten of these are around or over 12,000 uncal B.P. A few years ago, some authors were still skeptical about the archaeological reality of the earliest microblade component at Swan Point. Nevertheless, new radiocarbon dates and new artifacts have been obtained that firmly establish a Late Pleistocene age for CZ4 that is undeniably related with the production of microblades. The assemblage of the early microblade-bearing level is composed of microcores, crested blades, ski-spalls, microblades, dihedral burins and blades. Bifaces, typical of the Denali Complex, are uncommon in the early Swan Point microblade assemblage (except, of course, for microblade cores themselves which are predominantly bifacial since they have been shaped according to the Yubetsu method).

The microblade assemblage from CZ4 is highly standardized and coherent from a techno-typological point of view. The manufacturing process of almost all the microcores is in accordance with the typical Yubetsu method. Ridge-spalls and skipalls (i.e. tablets) found at the site clearly indicate that the technique for platform preparation was almost exclusively through the removal of long longitudinal blows to create flat pressure platforms. CZ4 microcores are not only coherent based on the method and techniques employed, but they are also standardized in almost every aspect and clearly show that one main chaîne opératoire was being used at the site for the production of pressure microblades.

Although several sites from the interior region of Alaska have made substantial contributions to our understanding of the early prehistory of this region, including Swan Point, it remains relatively unknown and unexplored. As such, we have recently started a new French-American fieldwork program focusing on an area of the Tanana valley known as the Goodpaster Flats where reconnaissance and testing since 2011 has led to the discovery of several new deeply stratified archaeological sites. Continuing survey and additional research in the Goodpaster will allow us

«таблетки»), обнаруженные на памятнике, четко указывают, что технология подготовки площадки представляла собой практически исключительно снятие длинных продольных сколов для создания отжимной площадки. Микроядрища CZ4 были не просто однородны с точки зрения применявшихся методов и технологии, но они также были стандартизированы почти по всем аспектам, и, очевидно, показывают, что на памятнике применялась единая производственная цепочка (*chaone oyratoire*) для производства отжимных микропластин.

Хотя несколько памятников континентальной части Аляски и внесли свой вклад в наше понимание древней истории этого региона, включая и Сван Пойнт, он все еще остается относительно неизвестным и неизученным. В этой связи мы недавно начали новую франко-американскую программу полевых исследований на участке долины реки Танана, известной под названием Гудпастер флетс, где, начиная с 2011 г., велась разведка и шурфовка, в результате чего были обнаружены несколько новых хорошо стратифицированных археологических памятников. Продолжение разведки и дополнительные исследования в Гудпастер флетс позволят нам найти ответы на многие вопросы, касающиеся жизни древнего населения Аляски. Совместное руководство и финансирование проекта осуществляется посредством совместных усилий Министерства иностранных и европейских дел Франции, Университета Адельфи в Нью Йорке и Лаборатории доистории и технологии Национального центра научных исследований в Нантере, Франция. Основными исполнителями этого проекта являются д. Ян Аксель Гомес Кутули (Лаборатория праистории и технологии, Нантер, Франция), д. Брайан Т. Вигал (Университет Адельфи, Нью Йорк, США) и д. Катрин Е. Красински (университет Фордхэм, Нью Йорк, США).

УДК 902.01 (571.651)«633»

A. A. OREKHOV

Орехов Александр Александрович — д. и. н.,
Северо-Восточный государственный университет
(Россия, Магадан). E-mail: nothernland@mail.ru

РАННЕГОЛОЦЕНОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА

Ключевые слова: Чукотский полуостров, микро- и мезопластины, конические, призматические, торцевые нуклеусы, берингийская традиция, путурацкая культура

to address many of the questions regarding the lives of the first Alaskans. This project is co-directed and funded through an international cooperative effort between the French Ministry of Foreign and European Affairs, the Adelphi University of New York and the “Prehistory and Technology” research laboratory of Nanterre in France. The principal investigators for this project are Dr. Yan Axel Gómez Coutouly (Prehistory and Technology laboratory, Nanterre, France), Dr. Brian T. Wygal (Adelphi University, New York, United States) and Dr. Kathryn E. Krasinski (Fordham University, New York, United States).

A. A. OREKHOV

Orekhov Alexander Alexandrovich — Doctor of History,
North-East State University (Russia, Magadan).
E-mail: nothernland@mail.ru

EARLY HOLOCENE COMPLEXES OF THE CHUKOT PENINSULA

Key words: Chukot Peninsula, micro- and meso-blades, conical, prismatic, single front cores, Beringian tradition, Puturak culture

Резюме. Анализируются проблемы технико-типологической интерпретации и периодизации раннеголоценовых комплексов Чукотского полуострова

Переход от палеолита к неолиту, генезис, развитие и распространение ранненеолитических традиций и культур Северо-Востока Азии исследованы слабо. Новые материалы и критический анализ известных материалов позволяют продвигаться в решении этих проблем.

Обнаруженные в 80-е гг. XX в. на Чукотском полуострове археологические памятники Н. Н. Диков интерпретировал, в соответствии с волновой гипотезой, как последовательную смену берингийской, предпуторакской и путоракской традиций (культуры?) [1; 2]. Они имеют сходную топографию: вторая речная терраса (20–50 м), реже перевалы. Опорными для выделения берингийской традиции здесь являются стоянки Курупка 1 и Ульхум. Основанием явилось наличие клиновидных нуклеусов и единственного черешкового наконечника, которые соотносятся с позднеушковской палеолитической культурой. Однако сам исследователь отмечал, что клиновидные нуклеусы — это скорее торцевые нуклеусы и «плоские плитчатые» отщепы, с торца которых снимались микропластины [1, с. 37]. Отмечаемое сочетание бифасиальных и унифасиальных орудий из серого кремня имеет широкую географию, также как бифасиальные ножи и листовидный наконечник с острым основанием (Ульхум). Соотносить их только с берингийской традицией ошибочно. Единственный черешковый наконечник стоянки Ульхум [1; рис. 18:1] по технико-типологическим характеристикам никак нельзя соотносить с ушковскими (Ушки I, V, слой 7). Кроме того, единичные находки вряд ли могут являться доказательством технико-типологического и культурного единства, а «грубость» обработки не всегда является показателем архаичности, особенно на стоянках-мастерских.

Данные комплексы, вряд ли можно соотносить с берингийской традицией. Они вполне соответствуют выделенной Н. Н. Диковым путоракской культуре (Путорах, Итхат, Аччен, Челькун).

Стоянки-мастерские дают неполное представление об орудийном составе, технике и технологии, т. к. на месте, как правило, остаются испорченные, сработанные и непригодные для последующего использования изделия, орудия и заготовки. Поэтому выводы, основанные на анализе данных комплексов, носят предварительный характер.

Комплексы стоянок-мастерских всех «трех этапов» характеризуются развитой пластинчатой техникой, призматическими, коническими и пластинчатыми

Summary. The paper presents an analysis of technical and typological interpretation and periodization problems of Early Holocene complexes of the Chukot Peninsula.

Problems of transition from the Paleolithic to the Neolithic, genesis, evolution and distribution of the early Neolithic traditions and cultures of north-east Asia are so far poorly researched. New materials and critical analysis of the known materials allow to move forward in addressing these issues.

Following the wave hypothesis approach N. N. Dikov interpreted the archaeological sites discovered on the Chukot Peninsula in the 1980s as a gradual succession of the Beringian, the pre-Putorak, and the Putorak traditions (cultures?) [1; 2]. They had similar topography: second river terrace (20–50 m), less often swells. Reference sites for the identification of the Beringian tradition in the area were Kurupka 1 and Ulkhum sites. The reason for this was the presence of wedge-shaped cores and a single tanged point which were associated with the late Ushkovsky Paleolithic culture. However the researcher himself noted that the wedge-shaped cores were most likely the single front cores and “flat tabular” flakes used for removal of microblades from end faces [1, p. 37]. The observed combination of bifacial and unifacial tools on gray flint had a wide geography, as well as the bifacial knives and the leaf-shaped points with sharp base (Ulkhum). It would be wrong to associate them with the Beringian tradition alone. The single tanged point from Ulkhum site [1; Fig. 18:1] in its technical and typological characteristics could in no way be related to the Ushki type (Ushki I, V, level 7). Moreover, isolated finds could hardly serve as evidence of technical, typological or cultural unity, and the “roughness” of finish was not always an indication of archaism, particularly on workshop sites.

Other complexes could hardly be related to the Beringian tradition. They were pretty well matching the identified by N. N. Dikov Putorak culture (Putorak, Itkhat, Achchen, Chelkun).

Workshop sites generally give an incomplete picture of the tools set, techniques and technology, since it were, as a rule, the rejected, worn or unsuitable for further use articles, tools and blanks that were left on site. Therefore the conclusions drawn from these complexes analysis could only be of a preliminary nature.

Workshop sites complexes of all “three stages” were characterized by a developed blade technique, prismatic, conical and blade (end-face?) cores from which meso- and micro- blades from 15 x 5 to 3 x 1 cm were removed. The blades were used for making unifacial tools: knives, end scrapers; notched scrapers; carvers, side burins with one burin scar; and pointed tools (?) which could be used as arrowheads [1; 6]. Unifacially

(торцевыми?) нуклеусами, с которых снимались мезо- и микропластины от 15 x 5 до 3 x 1 см. Из пластин изготовлены унифасиальные: ножи; концевые скребки; скобели; резчики, боковые резцы с одним резовым сколом и остроконечники (?), которые могли служить наконечниками стрел [1; 6]. Представлены односторонне обработанные скребки из отщепов, двусторонне ретушированные овалы скребки и дисковидный скребок (характерен?). Единичны, но возможно характерны, двусторонне и односторонне ретушированные треугольные наконечники стрел с прямым основанием.

На стоянке Путурак нами также обнаружены ножи-проколки и ручные сверла. Н. Н. Диков не выделял ручные сверла как категорию орудий, хотя они присутствуют в синхронных, ранне-неолитических комплексах р. Амгуэмы, оз. Красного и Северо-Западного Берингоморья [3; 4]. Возможно, данная категория орудий характерна для раннего неолита Чукотки. Массивные оббитые орудия: рубиловидное орудие, которое Н. Н. Диков определил как инструмент «утюжского» типа, массивное орудие с широким рубящим краем и маленькое рубильцеобразное орудие присутствуют не только в комплексах путуракской культуры. Подобные орудия представлены на стоянках Курупка, Красное, Тытыль. Возможно, — это также характерно для раннего неолита Чукотки.

Н. Н. Диков отмечал, что путуракский археологический материал своеобразен, не имеет аналогов на Северо-Востоке Азии и отличается от сумнагинского «более грубой выделкой и почти полным отсутствием резцов» [2, с. 48]. Резцы выделяются типологически, но это требует трассологического подтверждения. Отмечаемое Н. Н. Диковым для путуракской культуры отсутствие наконечников стрел из пластин не совсем верно: они присутствуют в комплексе стоянки Аччен.

Широкая география сходных форм орудий, не являющихся ведущим типом комплексов, не позволяет определить источник и характер распространения традиций. Наличие «грубопластинчатой унифасиальной технологии» т. е. микро- и мезопластин неправильной геометрической формы на таких памятниках как стоянки-мастерские, весьма возможно, представляют первичные снятия, дефекты, отходы процесса расщепления, в то время как правильной геометрической формы пластины, пригодные для изготовления орудий и вкладышей, унесены. Это подтверждается нашими находками геометрически правильных пластин на стоянке-мастерской Итхат 1 А.

В дальневосточной археологии преобладает мнение об отсутствии мезолита в классическом его

retouched scrapers on flakes, bifacially retouched oval scrapers and a disk-shaped scraper (characteristic?) were also present. In the assemblage there were individual, but probably characteristic unifacially and bifacially retouched triangular arrowheads with straight base.

On Puturak site we also found knives-perforators and hand borers. N. N. Dikov did not isolate hand borers as a separate tools category, though they were present in synchronous early Neolithic complexes of the Amguema river, lake Krasnoje and the North-West Bering Sea area [3; 4]. It is possible that this category of tools was characteristic for the early Neolithic of Chukotka. Massive core tools: chopper-like tool which N. N. Dikov identified as a “sander pad” type tool, massive tool with a wide chopping edge and a small chopper-like tool were present not only in the Puturak culture complexes. Similar tools were found on camp sites Kurupka, Krasnoje, Tytyl. Quite possibly this was also characteristic for the early Neolithic in Chukotka.

N. N. Dikov noted that the Puturak archaeological material was unique, did not have any analogies in the north-east of Asia and differed from the Sumnagin type by “rougher finish and almost complete absence of burins” [2, с. 48]. It is possible to identify burins typologically, however this requires a use-wear analysis confirmation. N. N. Dikov’s observation on the absence of arrowheads on blades in the Puturak culture was not quite true: they were present in the Achchen site complex.

Wide geography of similar types of tools which were not a dominant type of complexes made it difficult to determine the origin and the nature of distribution of traditions. The presence of “crude blade unifacial technology”. i.e. micro- and meso-irregular blades on workshop-type sites, in all probability, indicated that primary spalls, rejects, and knapping waste were left behind, while the regular blades suitable for making tools and inserts were taken away. This was confirmed by our finds of regular blades on a workshop site Itkhat 1 A.

In the archeology of the Far East there is a commonly shared opinion about the absence of the Mesolithic in its classical meaning in the Far East (see discussion materials of the conference “Late Paleolithic — early Neolithic in eastern Asia and Northern America”. Vladivostok, 1996) [5]. After the transition period about 10–8 thousand y.a., about 8–5 thousand y.a. the early Neolithic period began.

Many similarities and signs of kinship with the Puturak culture were found in the early Neolithic complexes of the sites Naivan, lake Krasnoje, Tytyl, Ioni, Elgygytgyn, as well as lake Aion, and the river Amguema of the West Bering Sea area and Kolyma [1; 4]. Typologically and technologically they belonged

понимании на Дальнем Востоке (смотри материалы дискуссии на конференции «Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки». Владивосток, 1996) [5]. После переходного периода около 10–8 тыс. л. н., начинается ранний неолит около 8–5 тыс. л. н.

Сходство, общность с путорукской культурой имеют ранненеолитические комплексы стоянок Найван, озер Красное, Тытыль, Иони, Эльгыгытгын, а также о. Айон и р. Амгуэма Западного Берингоморья, Кольмы [1; 4]. Они соотносятся типологически и технологически с ранним неолитом. Это соответствует возрасту стоянок Челькун IV 8150±450 л. н. (MAG-719) и Ананайвеем I 8410±80 (Le- 2791) [1], а также Найван около 8 тыс. л. н. Этому также соответствует общий облик позднепалеолитических [2, fig. 142a: 30–38], мезолитических [2, fig. 142a: 39–65] и ранненеолитических [2, fig. 142b: 1–18] комплексов, представляющих ту технологическую (культурную?) общность, которая стала основой [1; 2; 6] формирования ранних приморских культур и, возможно, этногенеза протоэскоалеутов.

В целом, ранний неолит региона исследован недостаточно для решения проблем генезиса, характера развития, распространения, связей Северо-востока Азии и Аляски.

Литература / References:

1. Диков Н.Н. Палеолит Камчатки и Чукотки в связи с проблемой первоначального заселения Америки. Магадан, 1993.
2. Dikov N.N. Asia at the Juncture with America in Antiquity. 1993.
3. Орехов А.А. Археологические комплексы оз. Красного (Восточная Чукотка) // Диковские чтения. Магадан, 2001. С. 58–64.
4. Орехов А.А. Ранние археологические комплексы побережья Восточной Чукотки // Колымский гуманитарный альманах. Магадан, 2009. Вып. 3. С. 3–13.
5. Мочанов Ю.А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-восточной Азии. Новосибирск, 1977.
6. Диксон Е.Д. Стоянка Галахер Флинт и ее отношение к Берингийской суше // Берингия в кайнозое. Владивосток, 1976. С. 467–475.

УДК 902(571.54/55)«632/633»

Г. Д. ПАВЛЕНКО

Павленок Галина Дмитриевна — ИАЭТ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЕ СЕЛЕНГИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ
КАМЕННОГО ВЕКА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ

Ключевые слова: Западное Забайкалье, микропластинчатые индустрии, селенгинская культура

Резюме. В работе приводятся результаты верификации существующих культурно-хронологических схем развития микропластинчатых индустрий Западного

to the early Neolithic. This corresponded to the age of site Chelkun IV 8150±450 y.a. (MAG-719) and Ananaiveem I 8410±80 (Le- 2791) [1], as well as Naivan — about 8 thousand y.a. This also corresponded to the general appearance of the late Paleolithic [2, fig. 142a: 30–38], Mesolithic [2, fig. 142a: 39–65] and the early Neolithic [2, fig. 142b: 1–18] complexes representing that technological (cultural?) community, which formed a basis [1; 2; 6], for the evolution of the early maritime cultures and, possibly, the ethnogenesis of the proto-Eskoaleutians.

On the whole the early Neolithic of the region is yet insufficiently studied to address the problem of genesis, the nature of the evolution, distribution, and contacts of the population of the north-east of Asia and Alaska.

G. D. PAVLENOK

Pavlenok Galina Dmitrievna — IAET SB RAS
(Russia, Novosibirsk). E-mail: lukianovagalina@yandex.ru

ON THE QUESTION OF THE STONE AGE WEST TRANS-
BAIKAL SELENGA CULTURE AREAL

Key words: West Trans-Baikal, microblade industry, Selenga culture

Summary. The paper presents the results of the existing cultural and chronological schemes verification with regard to the evolution of microblade industries in the

Забайкалья рубежа плейстоцена и голоцена на основе анализа коллекции стоянки Усть-Кяхта-3 — одного из наиболее представительных комплексов селенгинской археологической культуры.

Финальноплейстоценовое время на территории Западного Забайкалья характеризуется повсеместным доминированием в каменных индустриях развитой микропластинчатой техники, основанной на изготовлении и утилизации клиновидных нуклеусов с целью получения с них микропластин. Подобная традиция имеет продолжение и в раннем голоцене.

Первым исследователем, предложившим выделение археологической культуры в финальном плейстоцене региона, стал М. В. Константинов, обосновавший присутствие на рассматриваемой территории позднепалеолитической студеновской культуры. В ее основу легли материалы стоянок Студеновского и Усть-Мензинского археологических районов, расположенных в среднем течении р. Чикой — притока р. Селенги. Это стоянки Студеное-1 (горизонты 14–19/4), Студеное-2 (горизонты 3–5), Усть-Менза-1 (горизонты 13–25), Усть-Менза-2 (горизонты 4–24), Усть-Менза-3 (горизонты 3–5), Усть-Менза-4 (горизонты 2, 3), Косая Шивера-1 (горизонты 13, 14), Санный Мыс (горизонты 3–5) [1].

Культурное разнообразие комплексов рубежа плейстоцена и голоцена в Западном Забайкалье в своих работах обосновывал В. И. Ташак. Им было предложено выделять две мезолитические культуры — селенгинскую (комплекс памятников Усть-Кяхта, Подножие горы Черной, а также некоторые данные с местонахождений Зарубино и Харанхой) и чикойскую (подъемные сборы с местонахождения Аршан-Хундуй) [2]. Комплексы этих культур расположены в среднем течении р. Селенги и в верховьях р. Чикой соответственно. На этом этапе исследований каждая из трех культур имела свой четко ограниченный ареал, не накладывающийся на границы ареалов синхронных культур региона.

Последнее исследование на эту тему принадлежит П. В. Морозу [3]. Он повторно проанализировал материалы усть-мензинских комплексов, ранее включаемых М. В. Константиновым в студеновскую культуру, и высказал предположение о принадлежности большинства из них к селенгинской археологической культуре. В частности, речь шла о комплексах стоянок Усть-Менза-1 (горизонты 15–19, 21–25), Усть-Менза-2 (горизонты 4–6), Усть-Менза-3 (горизонт 2х), Косая Шивера-1 (горизонт 14). Горизонт 20 стоянки Усть-Менза-1 был причислен к комплексам чикойской культуры, что указывало на сосуществование комплексов

West Trans-Baikal region at the turn of the Pleistocene and the Holocene on the materials of Ust-Kyakhta-3 archaeological site, as one of the most representative complexes of the Selenga archaeological culture.

The final Pleistocene period in the territory of the West Trans-Baikal region was characterized by absolute domination in lithic industries of mature microblade technique based on production and utilization of wedge-shaped cores for microblades removal. This tradition continued also in the early Holocene.

The first scholar who suggested an idea of isolating an archaeological culture in the final Pleistocene was M. V. Konstantinov, who also provided convincing arguments in favor of the existence in this territory of the late Paleolithic Studenovskaya culture. The underlying data were the materials from the sites of Studenovskoje and Ust-Menzinsky archaeological districts located in the middle part of the Chikoy — a tributary of the Selenga river. This group included camp sites Studenoje-1 (horizons 14–19/4), Studenoje -2 (horizons 3–5), Ust-Menza-1 (horizons 13–25), Ust-Menza-2 (horizons 4–24), Ust-Menza-3 (horizons 3–5), Ust-Menza-4 (horizons 2, 3), Kosaya Shivera-1 (horizons 13, 14), Sanny Cape (horizons 3–5) [1].

V. I. Tashak also mentioned in his works the cultural variety of the complexes of the turn of the Pleistocene and the Holocene in West Trans-Baikal. He suggested to isolate two Mesolithic cultures — the Selenga (complex of the sites Ust-Kyakhta, Chernaya mountain foothills, as well as some data from locations Zarubino and Kharenkhai) and the Chikoy (scatter from Arshan-Khundui location) [2]. The complexes of these cultures were located in the middle part of the Selenga river and the upper reaches of the Chikoy river respectively. At this stage of research each of the three cultures had its own clearly marked areal not overlapping with the borders of other synchronous cultures areals in the region.

Most recent study of the subject was made by P. V. Moroz [3]. He has studied again the materials of the Menza complexes, which were formerly included by M. V. Konstantinov into Studenovskaya culture, and suggested a hypothesis about the belonging of most of them to the Selenga archaeological culture. In particular he referred to the complexes of sites Ust-Menza-1 (horizons 15–19, 21–25), Ust-Menza-2 (horizons 4–6), Ust-Menza-3 (horizon 2x), Kosaya Shivera-1 (horizon 14). Horizon 20 of Ust-Menza-1 site was attributed as the Chikoy culture complex, which suggested the possible co-existence of the Selenga and the Chikoy cultures in one and the same territory during one chronological period.

селенгинской и чикойской культур на одной и той же территории в одном хронологическом интервале.

Верификация предложенных построений была проведена на основе анализа коллекции стоянки Усть-Кяхта-3 — одного из наиболее представительных комплексов селенгинской культуры. Памятник располагается на правом берегу р. Селенги в окрестностях села Усть-Кяхта. Залегание археологического материала зафиксировано в двух культурных слоях с радиоуглеродными датами 11 505±100 л. н. (СО АН – 1552) и 12 595±150 л. н. (СО АН – 1553) соответственно. Общая численность коллекций стоянки составляет более 40 000 каменных изделий.

На основе анализа расширенного набора технологических показателей индустрии Усть-Кяхты-3 было установлено, что основополагающей характеристикой селенгинской культуры является традиция оформления клиновидных нуклеусов на гальках, сколах и истощенных ядрищах иных типов. Корреляции с материалами синхронных усть-мензинских комплексов позволили снабдить дополнительными аргументами недавно высказанное предположение о принадлежности материалов этих стоянок к селенгинской культуре. Сопоставления с синхронными комплексами студеновских стоянок позволили продемонстрировать, что памятники, ранее выделяемой студеновской культуры, не имеют принципиальных отличий от селенгинских комплексов на технологическом уровне.

Это позволило включить в ареал единой селенгинской культуры памятники трех крупных археологических районов Западного Забайкалья — Усть-Кяхтинского, Усть-Мензинского и Студеновского. Некоторая вариабельность как в первичном расщеплении, так и во вторичной обработке между комплексами, возможно, объясняется полисырьевой базой усть-мензинских и студеновских стоянок при моносырьевых ресурсах усть-кяхтинских памятников. В частности, этим может объясняться отсутствие на памятниках первых двух групп признаков переоформления крупных нуклеусов в клиновидные.

Результаты проведенного исследования не только подтверждают правомерность последних изменений в культурно-хронологической схеме развития Западного Забайкалья на рубеже плейстоцена и голоцена, но и позволяют пересмотреть пространственную локализацию комплексов селенгинской культуры. По уточненным данным, ареал этой культуры, изначально фиксируемый на ограниченном участке долины р. Селенги, распространяется на значительную часть ее орографической сети.

Литература / References:

1. Константинов М. В. Каменный век восточного региона Байкальской Азии. Улан-Удэ; Чита, 1994.

Verification of the proposed hypotheses was performed on the basis of analysis of the Ust-Kyakhta-3 assemblage — one of the most representative complexes of the Selenga culture. The site was located on the right bank of the Selenga river in the vicinity of Ust-Kyakhta village. The archaeological material deposition was registered in two cultural levels with radiocarbon dates 11 505±100 BP (SB AS – 1552) and 12 595±150 BP (SB AS – 1553) respectively. Total size of the site's assemblage was over 40,000 lithic tools.

Based on the extended set of technological parameters of the Ust-Kyakhta industry analysis it was established that the generic characteristic of the Selenga culture was a tradition of wedge-shape core on pebbles, flaks, and exhausted cores of other types. Correlations with the materials of the synchronous Ust-Menza complexes provided additional arguments to the recently proposed hypothesis about the belonging of these sites to the Selenga culture. Comparison with the synchronous complexes of Studenovskaya culture sites demonstrated that the sites of the Studenovskaya culture singled out earlier had no principal differences from the Selenga complexes on a technological level.

This allowed adding to a common Selenga culture areal the sites of all three large archaeological districts of the West Trans-Baikal region — Ust-Kyakhta, Ust-Menza, and Studenovskoje. Some variability both in primary knapping technique, and in the secondary treatment between the complexes could, possibly, be explained by a poly-component raw material base of Ust-Menza and Studenovskoje sites, and the mono-component resource base of the Ust-Kyakhta sites. In particular, this might be the reason for the absence on the sites of the first two groups of any signs of re-working of large cores into the wedge-shaped ones.

The results of the performed analysis in addition to confirming the validity of the recently made changes in the cultural and chronological scheme of the West Trans-Baikal region development at the turn of the Pleistocene and the Holocene also made possible to review the spatial localization of the Selenga culture complexes. According to the updated data the areal of this culture which was initially registered within the limited area of the Selenga river basin was extended to cover a significant part of its orographic network.

2. Ташак В. И. Торцовые клиновидные нуклеусы Западного Забайкалья в позднем палеолите и мезолите // Каменный век Южной Сибири и Монголии: теоретические проблемы и новые открытия. Улан-Удэ, 2000. С. 59–74.

3. Мороз П. В. Каменные индустрии рубежа плейстоцена и голоцена Западного Забайкалья // IV Междунар. науч. конф. «Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири» (Чита, 2013). Чита, 2014.

УДК 902.01 «6326/6325»

К. К. ПАВЛЕНКО, А. И. КРИВОШАПКИН

Павленок Константин Константинович — к.и.н.,
ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Кривошапкин Андрей Иннокентьевич — д.и.н.,
ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

РУБЕЖ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА
ТЕРРИТОРИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ЗАПАДА
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ: ОБЩИЕ
ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ
СПЕЦИФИКА

Ключевые слова: ранний верхний палеолит, евразийская модель

Резюме. Авторами проанализированы параметры РВП индустрий Ближнего Востока, запада Центральной Азии и Южной Сибири. Было установлено, что популяции, обживавшие на рубеже среднего и верхнего палеолита эти территории, не синхронно проходили реперные точки в культурном развитии, что напрямую связано с географическим положением конкретного региона.

Большинством исследователей, занимающихся изучением процесса становления верхнего палеолита в Евразии, фиксируется значительное разнообразие индустрий его раннего этапа (РВП) [1; 2]. Это стало основанием для выделения нескольких моделей перехода к верхнему палеолиту, среди которых — евразийская модель, объединяющая ряд каменных индустрий Ближнего Востока, запада Центральной Азии и Южной Сибири [3]. При сохранении элементов среднепалеолитических технологий, их отличает использование нелеваллуазских методов изготовления разноразмерных пластинчатых основ. При этом, несмотря на генеральное сходство каменных индустрий, контекст и хронология появления в них значимых технологических инноваций существенно разнятся.

В качестве фактора, сближающего переходные комплексы столь значительной территории, можно назвать присутствие единой древней генетической основы (мугаранская традиция Ближнего Востока) [3].

K. K. PAVLENOK, A. I. KRIVOSHAPKIN

Pavlenok Konstantin Konstantinovich — PhD in History,
IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk).
E-mail: pavlenok-k@yandex.ru

Krivoshapkin Andrey Innokentjevich — Doctor of History,
IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk).
E-mail: shapkin@archaeology.nsc.ru

THE BORDER BETWEEN THE MIDDLE AND THE UPPER
PALEOLITHIC IN THE TERRITORY OF THE MIDDLE EAST,
WEST OF CENTRAL ASIA AND SOUTHERN SIBERIA:
GENERAL DEVELOPMENT TRENDS AND REGIONAL
SPECIFICS

Key words: early upper Paleolithic, Eurasian model

Summary. The authors have analyzed the EUP industries parameters of the Middle East, west of Central Asia and Southern Siberia. It was established that the passing of certain cultural development reference points by the populations inhabiting these territories at the turn of the middle and the upper Paleolithic was asynchronous, which was directly related to the geographic position of each particular region.

Most of the scholars studying the process of the upper Paleolithic evolution in Eurasia registered significant diversity of its early stage (EUP) industries [1; 2]. Based on this observation several models of transition to the upper Paleolithic were proposed, one of which was the Eurasian model, uniting a number of lithic industries of the Middle East, west of Central Asia and Southern Siberia [3]. While maintaining certain elements of the middle Paleolithic technologies their characteristic feature was the use of non-Levallois techniques for different sizes of blade blanks production. However, despite the lithic industries general similarity, the context and the chronology of appearance of the meaningful technological innovations in them differed significantly.

It was the presence of a common ancient genetic basis (the Mugharan Middle East tradition) [3] that could be used as a factor, which brought together the transitional complexes across such a vast territory.

Хотя детали расселения носителей данной традиции по территории континента неизвестны, ассоциируемые с ними навыки леваллуазского расщепления определили схожую траекторию развития пластинчатых комплексов раннего среднего палеолита Леванта (индустрии типа Табун D) и, видимо, синхронных индустрий Южной Сибири. В случае с комплексами обирахматской традиции влияние мугаранской традиции было опосредованным и связанным с расселением носителей индустрии типа Табун D в юго-западные районы Центральной Азии [4].

Факторы, обусловившие контрастность индивидуальных черт индустрий последующих этапов каменного века, напрямую связаны с географическим положением конкретного региона. К ним могут быть отнесены:

- различные палеоэкологические параметры обживаемой территории и разная динамика их изменения во времени, что обуславливало реализацию разных механизмов жизнеобеспечения у древних социумов. Значительная роль этого фактора фиксируется не только при сопоставлении крупных природно-климатических зон, но и на внутрирегиональном уровне (северные и южные комплексы Леванта, усть-каракольская и карабомовская линии развития в Южной Сибири);

- влияние региональных среднепалеолитических традиций материальной культуры (Ближний Восток и Южная Сибирь), либо его отсутствие (западная часть Центральной Азии, где не прослеживается никакой связи переходных комплексов с предшествующими этапами [5]);

- разная степень влияния внешних стимулирующих факторов и прямых культурных интрузий. Транзитный характер территории Ближнего Востока и запада Центральной Азии определил наличие в комплексах среднего и верхнего палеолита явно привнесенных черт материальной культуры [4; 6]. Следует принимать во внимание и такое социо-культурное явление, как интенсификация технологического развития популяций в ситуации конкуренции за биоресурсы, которое могло иметь место в этих регионах [4]. В свою очередь, для синхронных комплексов Южной Сибири характерна более высокая степень географической изолированности, в силу чего культурное развитие шло поступательно, с постепенным замещением традиционных приемов камнеобработки новыми.

Полученные данные позволили заключить, что переход к верхнему палеолиту в рамках евразийской модели в каждом конкретном регионе (Ближний Восток, запад Центральной Азии, Южная Сибирь) имел свои яркие особенности. На этих территориях фиксируется общее направление культурной

Though the details of the settlement patterns of the populations with this tradition across the territory of the continent are not known, the associated with them Levallois knapping technique predetermined a similar development trajectory of blade complexes of the early and the middle Paleolithic of Levant (industries of Tabun D type) and, apparently, the synchronous industries of Southern Siberia. In case of the Obi-Rachmat tradition complexes the influence of the Mugharan tradition was indirect and related to the migration of the Tabun D industry tradition populations to the southwestern regions of Central Asia [4].

The factors which contributed to the visibility of individual features of the later Stone Age lithic industries were directly related to the geographic position of each particular region. These were, among others:

- various paleo-ecological parameters of the colonized territories and different dynamics of their change in time, which dictated realization of different subsistence mechanisms by ancient societies. A significant role of this factor was registered not only in comparative studies of the large natural and climatic zones, but also on the inner regional level (the northern and the southern complexes of Levant, the Ust-Karakol and the Kara-Bom development lines in Southern Siberia);

- influence of the regional middle Paleolithic material culture traditions (Middle East and Southern Siberia), or its absence (western part of Central Asia where there were no signs of any relationship of the transitional complexes to the earlier stages) [5];

- different degree of external stimulating factors influence or direct cultural intrusions. The transitional character of the territory of the Middle East and the west of Central Asia predetermined the presence in the middle and the upper Paleolithic complexes of the obviously imported material culture features [4; 6]. It is also necessary to take into account such a social and cultural phenomenon as the intensification of the technological development of populations as a result of competition for bio-resources, which could exist in these regions [4]. In their turn the synchronous complexes of Southern Siberia developed under the conditions of greater geographic isolation, as a result of which their cultural development was evolutionary, with gradual substitution of the traditional stone working techniques with the new ones.

The obtained data allowed drawing a conclusion that the transition to the upper Paleolithic within the Eurasian model had in each particular region (the Middle East, west of Central Asia and Southern Siberia) some clearly marked specific features. A general trend of cultural and technological evolution was registered in these territories, however the nature and the rate of development were determined by the regional cultural

и технологической эволюции, но характер и темпы развития определялись региональным культурным и экологическим контекстом, обуславливающим степень вовлеченности проживающих популяций в общекультурные процессы, динамику межкультурного и межпопуляционного взаимодействия, реализацию определенных механизмов жизнеобеспечения.

Литература / References:

1. Переход от среднего к позднему палеолиту в Евразии: гипотезы и факты. Новосибирск, 2005.
2. Early Upper Paleolithic beyond Western Europe. Berkeley; Los Angeles; London, 2004.
3. Деревянко А.П. Верхний палеолит в Африке и Евразии и формирование человека современного анатомического типа. Новосибирск, 2011.
4. Кривошапкин А.И. Обирахматский вариант перехода от среднего к верхнему палеолиту: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2012.
5. Шнайдер С.В., Хошимов Х.Б. Изучение палеолита на территории Западного Памиро-Тянь-Шаня: обзор концепций // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7: Археология и этнография. С. 18–27.
6. Колобова К.А. Верхний палеолит западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2014.

УДК 902(571.1)“633/634”

А. А. ПОГОДИН

Погодин Андрей Альбертович — ООО НАЦ
«АВ КОМ-Наследие» (Россия, Екатеринбург).
E-mail: pogodin1966@rambler.ru

К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ
ОТ МЕЗОЛИТА К НЕОЛИТУ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ
СИБИРИ

Ключевые слова: Север Западной Сибири, мезолит, неолит, культурно-исторический процесс

Резюме. Освоение Севера Западной Сибири подвижными группами охотников началось около 13 тыс. л. н. В раннем атлантике — 7,6–7,2 тыс. л. н. — коллективы мезолитических охотников достигли полярных широт. С появлением гончарства, около 7,2–7,0 тыс. л. н., наступает эпоха неолита. Ареал расселения практически сохраняет свои границы. Закономерен вопрос, в каких формах проявилась преемственность при переходе к неолиту на Севере Западной Сибири?

Освоение Севера Западной Сибири подвижными группами охотников началось в конце плейстоцена, около 13 тыс. л. н. [1, с. 14–15] и продолжилось на ранних этапах голоцена [2, с. 168].

В раннем атлантике, 7,6–7,2 тыс. л. н., на юго-западе региона, в бассейнах р. Конды и Северной Сосьвы, появляются, наряду с кратковременными стоянками, долговременные стационарные

and ecological context, influencing the degree of involvement of the given populations in the general cultural processes, the dynamics of inter-cultural and inter-populational contacts, realization of certain subsistence mechanisms.

A. A. POGODIN

Pogodin Andrey Albertovich — SAC “AV
COM-Heritage” Ltd (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: pogodin1966@rambler.ru

TO THE QUESTION OF SUCCESSION IN TRANSITION
FROM THE MESOLITHIC TO THE NEOLITHIC IN THE
NORTH OF WEST SIBERIA

Key words: north of West Siberia, the Mesolithic, the Neolithic, cultural and historical process

Summary. Colonization of the north of West Siberia by mobile groups of hunters started about 13 thousand y. a. In the early Atlantic period — 7.6–7.2 thousand y. a. — the first groups of the Mesolithic hunters reached polar latitudes. The appearance of pottery around 7.2–7.0 thousand y. a. marked the beginning of the Neolithic. The boundaries of the settlement areal remained practically unchanged. It is logical to raise a question: in what forms the succession in transition to the Neolithic in the north of West Siberia was manifested?

Colonization of the north of West Siberia by mobile groups of hunters started at end of the Pleistocene period around 13 thousand y. a. [1, p. 14–15] and continued in the early Holocene stages [2, p. 168].

In the early Atlantic period, around 7.6–7.2 thousand y. a. in the south-west of the region in the basins of the rivers Konda and Northern Sosva alongside with the short-term camps there also appeared the

поселения позднемезолитических охотников и рыболовов. На этих поселениях выявлены разнообразные типы жилых и хозяйственных построек [2]. Кроме этого, зафиксировано продвижение отдельных групп мезолитических охотников на территорию Надым-Пуровского междуречья — стоянка Пямали-Яха IV [3], до широты Полярного круга — Корчаги-IB [4] и на южный Ямал — Юрибей 1 [5] и Нулмаяха [6].

Приобщение таежного населения Севера Западной Сибири к гончарству происходит, предположительно, 7,2–7,0 тыс. л. н. Именно появление глиняной посуды становится признаком «неолитизации» мезолитического социума. Начальный этап этого процесса, в хронодиапазоне конец VII — середина VI тыс. до н. э., характеризуют материалы поселения Et-to I в Надым-Пуровском междуречье [7], городища Амня I [8; 9] и поселения Кирип-Вис-Юган 2 [10] в Нижнем Приобье; поселения Барсова Гора II/9 [11; 12], городища Каюково 2 и поселения Микишкино 5 [13] в Среднем Приобье; поселения Шоушма 10, Большая Умытья 8, Усть-Тетер 1 [14] в бассейне Конды.

Территориально появление комплексов раннего неолита практически совпадает с ареалом расселения в позднем мезолите. Закономерен вопрос — произошла ли преемственность культуры? Если да, то в каких формах она проявилась и есть ли этому подтверждение?

Топография стоянок и поселений одинакова. Это важный фактор, но не определяющий преемственность. Система организации поселений в этот переходный период, несмотря на вариабельность типов построек, вероятно, обусловленную не только хозяйственной специализацией, но и возможностями коллектива, имеет некоторые общие черты, но качественное сравнение провести сложно по причине «точечных» раскопок, ограниченных границами котлованов сооружений. Основным источником для определения существования преемственности культуры во времени для этой переходной эпохи является каменная индустрия. Изделия из органических материалов, из-за почвенных условий, дошли до нас единично и не учитываются. Результаты технико-типологического анализа каменной индустрии будут освещены в докладе.

Литература / References:

1. Зенин В.Н. Поздний палеолит Западно-Сибирской равнины: автореф. дис. ... докт. ист. наук. Новосибирск, 2003.
2. Беспрозванный Е.М., Погодин А.А. Мезолит Севера Западной Сибири: итоги изучения // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. 1. С. 167–169.
3. Погодин А.А. О времени заселения человеком северо-востока Западной Сибири // Урал в прошлом и настоящем. Екатеринбург, 1998. Ч. 1. С. 99–103.

long-term stationary settlements of the late Mesolithic hunters and fishermen. In these settlements various types of dwelling and economic structures were discovered [2]. In addition there was evidence of movement of isolated groups of Mesolithic hunters into the territory of Nadym-Pur interflaves — archaeological site Pyamali-Yakha IV [3], and up to the Polar Circle latitude — Korchagi-IB [4], and the south Yamal — Yuribei 1 [5] and Nulmayakha [6].

Adoption of pottery by the taiga population of the north of West Siberia occurred approximately 7.2–7.0 thousand y.a. And it was the appearance of earthenware, that served as an attribute of “Neolithization” of the Mesolithic societies. The initial stage of this process within the chronological range between the end of the 7th — middle of the 6th millennium BC was characterized by the materials from settlement Et-to I in the Nadym-Pur interfluve [7], hillfort Amnya I [8; 9], and settlement Kirip-Vis-Yugan 2 [10] in the Lower Ob region, settlement Barsova Gora II/9 [11;12], hillfort Kayukovo 2 and settlement Mikishkino 5 [13] in the Middle Ob region, settlement Shoushuma 10, Bolshaya Umytja 9, Ust-Teter 1 [14] in the Konda basin.

Territorially the appearance of the early Neolithic complexes practically coincided with the settlement areals in the late Mesolithic. Again a question is logical — was there a cultural succession? If yes, then in what forms was it manifested, and was there any evidence of such a succession.

The topography of the camp sites and the settlement sites was the same. This was an important factor, but it did not in itself prove that fact of succession. The system of the settlement organization during that transition period, despite some variability in the types of structures which was, probably, determined in addition to the economic specialization also by a particular group’s capabilities, had some common features, however it is difficult to perform a qualitative comparison because excavations were limited by the dwelling pits boundaries. Main source of information for understanding whether there was a cultural continuity during this transition period was lithic industry. Because of the soil conditions very few artifacts made from organic materials survived to this day and therefore they were disregarded for analysis. The results of the technical and typological analyses of lithic industry will be presented in the paper.

4. Хлобыстин Л.П. Находки близ г. Салехарда // КСИА. 1987. № 189. С. 108–111.
5. Погодин А.А. К проблеме первоначального заселения Севера Западной Сибири // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 68–78.
6. Ткачев А.А., Багашев А.Н. Новые материалы в археологической карте полуострова Ямал // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2002. Вып. 4. С. 218–221.
7. Косинская Л.Л. Ранняя гребенчатая керамика в неолите Зауралья // Урал. ист. вестн. 2014. № 2 (43). С. 30–40.
8. Морозов В.М., Стефанов В.И. Амня I – древнейшее городище Северной Евразии? // ВАУ. Екатеринбург, 1993. Вып. 21. С. 143–170.
9. Стефанов В.И., Борзунов В.А. Неолитическое городище Амня I (по материалам раскопок 1993 и 2003 гг.) // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 93–111.
10. Стефанов В.И., Морозов В.М., Погодин А.А. Кирип-Вис-Юган 2 – памятник амнинского типа (К вопросу о неолите Прикаспия) // Источники по археологии Западной Сибири. Сургут, 2005. С. 19–33.
11. Чемякин Ю.П. Охранные раскопки на поселении Барсова Гора II/9, или Двадцать лет спустя // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2009. Вып. 7. С. 198–213.
12. Чемякин Ю.П. Радиоуглеродные даты памятников Барсовой Горы // ВАУ. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 247–249.
13. Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре // Барсова Гора: Древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 112–122.
14. Клементьева Т.Ю., Круземент С.А., Погодин А.А. Поселение эпохи неолита на Севере Западной Сибири (бассейн Конды): полевые исследования 2007–2011 гг. // Первобытные древности Евразии: к 60-летию А.Н. Сорокина. М., 2012. С. 499–526.

УДК 903.01(48)«633»

Т. РОСТЕДТ, А. КРИЙСКА

Ростедт Тапани — Финляндия, Турку.
E-mail: tapaniro@hotmail.com

Крийска Айвар — к. и. н., профессор, Тартуский университет (Эстония, Тарту). E-mail: aivar.kriiska@ut.ee

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА
ЕВРОПЫ: ТЕХНОЛОГИИ ОБРАБОТКИ КАМНЯ
И ОСВОЕНИЕ МЕСТНОГО КАМЕННОГО СЫРЬЯ¹

Ключевые слова: ранний мезолит, северо-восток Европы, первоначальное заселение, технологии обработки камня, каменное сырье

Резюме. В статье обсуждаются вопросы, связанные с различиями в технологии обработки каменных орудий мезолитическим населением северо-востока Европы. В раннемезолитическое время каменные индустрии основывались на кремневом сырье, которое часто приносилось из районов Белоруссии, Литвы и Верхней Волги. В это время бытовали сходные

¹ Статья подготовлена при поддержке Эстонского комитета по научным исследованиям, проекты «The reflections of the Eurasian Stone and Bronze Age social networks in the archaeological material of the Eastern Baltic» и «Estonia in Circum-Baltic space: archaeology of economic, social, and cultural processes», а так же Европейского Союза через Центр передового опыта теории культуры Тартуского университета

Т. ROSTEDT, А. KRIISKA

Tapani Rostedt — (Finland, Turku).
E-mail: tapaniro@hotmail.com

Kriiska Aivar — PhD, professor, University of Tartu (Estonia, Tartu). E-mail: aivar.kriiska@ut.ee

THE INITIAL SETTLEMENT OF NORTH-EASTERN
PART OF EUROPE: LITHIC TECHNOLOGIES AND THE
ADAPTATION TO LOCAL RAW MATERIALS¹

Key words: Early Mesolithic, north-eastern part of Europe, early settlement, lithic technologies, raw materials

Summary. The article presents a discussion of issues related to differences in the lithic tools working techniques by the Mesolithic population of the North-East of Europe. During the early Mesolithic lithic industries were based on flint raw material which was often imported from the regions of Belorussia, Lithuania, and the Upper Volga. During that time similar tools

¹ This paper has been supported by the research projects of the Estonian Research Council “The reflections of the Eurasian Stone and Bronze Age social networks in the archaeological material of the Eastern Baltic” and “Estonia in Circum-Baltic space: archaeology of economic, social, and cultural processes”, as well the European Union through the Centre of Excellence in Cultural Theory in University of Tartu

орудия и технологии из изготовления. Позднее с сер. IX тыс. до н. э. происходит переход к местным источникам сырья, распространяются другие приемы обработки камня, более подходящие для местных минералов и пород камня. По-видимому, эти изменения связаны с адаптацией к местным ресурсам.

В освоении северо-востока Европы после максимума последнего оледенения отчетливо выделяются два периода активизации. Значительные территории были заселены в финальном палеолите в конце плейстоцена, XIII–XI тыс. до н. э. Другой период активного освоения новых территорий приходится на период раннего мезолита в начале голоцена, в конце X – начале IX тыс. до н. э. Данные о промежутке между этими двумя периодами, к сожалению, достаточно ограничены. Несмотря на наличие этого «черного ящика» – промежутка примерно в тысячи лет – можно допустить, что ареалы расселения человеческих коллективов на некоторое время стабилизировались. И хотя накопленный материал о поздней фазе колонизации довольно ограничен и, несомненно, требует пополнения, он все же нуждается в интерпретации, даже если высказанные предположения в будущем окажутся ошибочными.

Складывается впечатление, что незаселенные территории северо-востока Европы в раннем мезолите были освоены за относительно короткий промежуток времени. Судя по отдельным памятникам, расположенным за северной «границей палеолитической ойкумены» Восточной Европы, это происходило около 9000 лет до н. э. [1, с. 27; 2, р. 170]. Увеличение числа памятников указывает на интенсификацию расселения около 8800/8700 лет до н. э. [3, с. 65; 4, с. 13; 5, fig. 2; 6, fig. 10]. Этот процесс распространялся с юга на территорию от Эстонии, Финляндии и Норвегии на западе до Коми на востоке, охватив пространства от Восточной Прибалтики как минимум до центральных регионов европейской части России, а, вероятнее всего, и дальше на восток. Освоение новых территорий, последовавшая стабилизация ареалов расселения и начало формирования локальных различий в культуре достаточно хорошо прослеживаются по изменениям в технологиях обработки камня и адаптации к местному каменному сырью.

Для самой ранней стадии расселения характерно использование сырья, доставленного за сотни километров от месторождения. Широко и массово распространялся кремль из меловых месторождений с территории Белоруссии и южной Литвы, из каменноугольных месторождений в бассейне Верхней Волги [7, с. 332; 5, с. 18], но так же на значительные расстояния перемещались и некоторые другие виды

and manufacturing techniques existed. Later, beginning from the middle of the 9th millennium BC there occurred a transition to the local raw material sources and other stone working techniques became appeared, which better suited the local minerals and rocks. Apparently, these changes were related to adaptation to the local resource conditions.

During the colonization of the north-eastern part of Europe after the Late Glacial Maximum two periods of activity can clearly be detected. Large areas were occupied in the Final Paleolithic time at the end of the Pleistocene in 13th–11th millennium BC. Another period of active colonization was in the Early Mesolithic time at the beginning of the Holocene in the end of the 10th millennium BC and the beginning of the 9th millennium BC. Between these two stages there is a period with limited archeological data. Despite of this “black box” – a time span of about a thousand years – it can be assumed that the habitation areas were relatively stable for a while. Although the collected material of the later colonization phase is scanty and definitely needs supplementation, it requires interpretation, even if the assumptions made perhaps prove to be erroneous in the future.

It appears that the virgin lands of the north-eastern part of Europe were relatively fast occupied in Early Mesolithic. Sites like Popovo, Veretye and Pulli which are located behind the northern “boundary of the Paleolithic habitation” of Eastern Europe show that it happened around 9000 cal BC [1, с. 27; 2, р. 170]. Intensification of the expansion process of the population in 8800/8700 cal BC is indicated by the increasing number of sites [3, p. 65; 4, p. 13; 5, fig. 2; 6, fig. 10]. Colonization covered a large area bordering with Estonia in the south, Finland and Norway in the west and Komi in the east expanding from the Eastern Baltic region to at least the central part of European Russia, most probably even further east. Colonization of new territories and the subsequent stabilization of the habitat and the beginning of the cultural differentiation thereafter are relatively well visible in lithic technologies and their adaptation to local raw materials.

The use of lithic raw materials which were imported up to hundreds kilometers is characteristic for the earliest stage of settlement. The distribution of Cretaceous flint that originates from Upper Volga area in Russia and Carboniferous flint that originates from Belarus and southern Lithuania [7, p. 332; 5, p. 18] was wide and numerous, but some other materials were used as well for example lithits and metamorphic tuffs from the Onega Lake [8, p. 20; 6, p. 184]. Exchange of raw material via wide social networks evolved especially in

сырья, такие как литит и метаморфизированный туф из Прионежья [8, с. 20; 6, с. 184]. Импорт сырья посредством системы межрегиональных коммуникаций особенно был развит на тех территориях, где месторождения кремня отсутствуют (например Финляндия и Карелия), или где местный кремень низкого качества (например Эстония, Латвия).

На этой стадии в ряде регионов северо-восточной Европы изготавливались однотипные изделия из кремня: вкладыши, черешковые наконечники на пластинах с плоской ретушью на вентральной поверхности, долота и остря, угловые резцы на пластинах и т.д. [3; 9; 10; 11; 12; 13]. Позднее эти типы исчезают или видоизменяются. Еще лучше общие для огромных территорий культурные особенности проявляются в технологии обработки камня. Для периода раннего мезолита широко распространено использование таких техник, как отжим, расщепление ударом через посредник, получение сегментов простым разламыванием пластин, а так же характерна относительно высокая доля пластинчатой техники [7, p. 332; 5, p. 18; 13, p. 258].

Ситуация меняется в середине IX тыс. до н. э., когда единственное повсеместно используемое каменное сырье (кремень) практически полностью замещается местными минералами и породами камня. Местные породы представлены сланцем и кремнистыми сланцами на севере Финляндии и Норвегии, на Кольском полуострове; кварцем и сланцем в центральной и южной Финляндии, Карелии и на Карельском перешейке; местным кремнем в Латвии и Эстонии и позднее так же кварцем в Эстонии [18, с. 29; 12, p. 259; 5, p. 22]. В каменных индустриях практически исчезают общие черты, большее распространение получают технологические приемы, лучше подходящие для обработки местных пород камня. В то же время, на этих памятниках все еще прослеживаются элементы, оставшиеся от более древних технологий. Наиболее примечательными являются свидетельства использования отжимной пластинчатой техники и расщепления ударом через отбойник, которые можно найти на некоторых памятниках, где использовалось исключительно или преимущественно местное каменное сырье. По нашему мнению, эти памятники представляют переходную фазу от раннемезолитических технологий обработки камня и повсеместного использования одного вида сырья к адаптации к местным ресурсам.

Литература / References:

1. Ошибкина С. В. Мезолит Восточного Прионежья. Культура Веретье. М., 2006.
2. Kriiska A., Lõugas L. Stone Age settlement sites on an environmentally sensitive coastal area along the lower reaches of the River Pärnu (south-western Estonia), as indicators of changing settlement patterns, technologies and

the regions with no natural flint outcrops (e.g. Finland, Karelia) or where local flint is of lower quality (e.g. Estonia, Latvia).

Several common types of artefacts were produced in large region of the north-eastern part of Europe at this stage: inserts, tanged arrowheads on blades with flat retouch on ventral surfaces, flint chisels and points, angle burins on blades etc. [3; 9; 10; 11; 12; 13]. Later those types disappeared or changed. Cultural features which are common for huge territories are even better presented by lithic technologies. Knapping techniques, e.g. use of pressure technique and indirect percussion, simple breaking technique for blade segmentation etc., as well as relatively high proportion of blades are typical to the Early Mesolithic times [7, p. 332; 5, p. 18; 13, p. 258].

Situation changed in the middle of the 9th millennium BC, when the only commonly-used material (flint) was almost completely replaced by local minerals and rocks. Local raw-materials were presented by slates and chert-like rocks in northern Finland and Norway, and in Kola Peninsula, by quartz and slates in central and southern Finland, Russian Karelia and Karelian Isthmus, by local flint in Latvia and Estonia and later also partly by quartz in Estonia [18, p. 29; 12, p. 259; 5, p. 22]. Common features in lithic industries vanished and technological modes which suit better to local lithic materials became more common. Although certain "shadows" of the older lithic technologies can be still detected in some of those sites. The most remarkable are evidence of pressure blade technology and indirect percussion which is visible in certain sites with exceptional or predominant use of local raw-materials. In our opinion these sites represent a transition phase from the Early Mesolithic lithic technologies and use of the only commonly-used material to adaption to local resources.

economies // Mesolithic Horizons: papers presented at the Seventh International Conference on the Mesolithic in Europe. Oxford, 2009. P. 167–175.

3. Jaanits L., Jaanits K. Frühmesolithischen Siedlung in Pulli // Eesti NSV Teaduste Akadeemia Toimetised. Ühiskonnateadused. 1975. № 24 (1). S. 64–70.

4. Волокитин А. В. Мезолитические стоянки Парч 1 и Парч 2 на Вычегде. Сыктывкар, 2006.

5. Jussila T., Kriiska A., Rostedt T. Saarenoja 2 – An Early Mesolithic Site in South-Eastern Finland: Preliminary Results and Interpretations of Studies Conducted in 2000 and 2008–10 // Fennoscandia archaeologica 2012. № XXIX. P. 3–27.

6. Pesonen P., Hertell E., Simponen L., Mannermaa K., Manninen M. A., Rostedt T., Taipale N., Tallavaara M. Postglacial pioneer settlement in the Lake Sarvinki area, eastern Finland // Lateglacial and Postglacial Pioneers in Northern Europe. BAR International Series 2599. 2014. P. 176–192.

7. Zhilin M. G. Flint raw material from the Upper Volga basin and its use in the Final Palaeolithic–Neolithic // Man and Flint. Proceedings of the 7th International Flint Symposium Warszawa–Ostrowiec Świętokrzyski September 1995. Warszawa, 1997. P. 331–333.

8. Edgren T. Kivikausi // Suomen historia I. Espoo, 1984. P. 8–97.

9. Кольцов Л. В., Жилин М. Г. Мезолит Волго–Окского междуречья. Памятники бутовской культуры. М., 1999.

10. Jaanits K., Ilomets M. Umbusi mesoliitilise asula vanusest ja kohast Eesti keskmise kiviaja kronoloogias // Loodusteaduslikud meetodid Eesti arheoloogias. Artiklite kogumik. Tallinn, 1988. S. 54–63.

11. Ostrauskas T. Mesolithic Kunda Culture. A glimpse from Lithuania // De temporibus antiquissimis ad honorem Lembit Jaanits. Muinasaja teadus, 8. Tallinn, 2000. S. 167–180.

12. Takala H. The Ristola site in Lahti and the Earliest Postglacial Settlement of South Finland. Jyväskylä, 2004.

13. Kankaanpää J., Rankama T. New «Post-Swiderian» finds from Arctic Norway // Первобытные древности Евразии: К 60-летию А. Н. Сорокина. М., 2012. С. 257–266.

14. Rankama T., Kankaanpää J. Itäistä vaikutusta pohjoisilla rannoilla // Muinaistutkija. № 3. 2013. S. 2–27.

15. Жилин М. Г. Адаптация мезолитических культур Верхнего Поволжья к каменному сырью // Тверской археологический сборник. Вып. 3. Тверь, 1998. С. 25–30.

УДК 903.01(571.1/5+517)«6325»

Е. П. РЫБИН

Евгений Павладьевич Рыбин — к.и.н, ИАЭТ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: rybep@yandex.ru

E. P. RYBIN

Rybin Evgeni Pavladevich — PhD in History, IAET SB RAS
(Russia, Novosibirsk). E-mail: rybep@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ВАРИАНТОВ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРВИЧНОГО РАСКАЛЫВАНИЯ КАМНЯ В КОМПЛЕКСАХ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

TO THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF PRIMARY KNAPPING TECHNIQUES IN THE COMPLEXES OF THE EARLY UPPER PALEOLITHIC IN SOUTHERN SIBERIA AND THE NORTHERN PART OF CENTRAL ASIA

Ключевые слова: Южная Сибирь, ранний верхний палеолит, технология расщепления камня, вариативность каменных индустрий

Key words: Southern Siberia, early upper Paleolithic, stone knapping technique, lithic industries variability

Резюме. Рассматриваются основные варианты технологии расщепления камня в раннем верхнем палеолите Южной Сибири и северной части Центральной Азии. Полученная в результате картина распределения признаков может свидетельствовать о существовании в изучаемом регионе нескольких вариантов индустрий, обладающих близостью технологических характеристик, хронологической и территориальной локализацией.

Summary. Main variants of stone knapping technology in the early upper Paleolithic of southern Siberia and the northern part of Central Asia are considered. The attributes distribution picture obtained as a result of the study may serve as evidence of the existence in the studied area of several variants of industries with similar technological characteristics, chronology and territorial localization.

Накопление данных по возникновению и развитию верхнего палеолита в Южной Сибири и севера

The accumulated data on the emergence and evolution of the upper Paleolithic in southern Siberia

центральной Азии позволяет делать шаги в сторону выявления региональных особенностей культур раннего верхнего палеолита. Исходя из особенностей технологии расщепления и временного диапазона существования, наиболее древние пластинчатые комплексы Алтая являются частью транс-евразийского явления раннего верхнего палеолита (РВП) возникновения, пути распространения и хронология которого до сих пор остается предметом дискуссий. Одной из основных задач является определение вариативности РВП территории Южной Сибири и севера Центральной Азии.

Многочисленно рассмотрено 39 комплексов каменной индустрии, как стратифицированных, так и экспонированных. Они происходят из следующих регионов: Горный Алтай, Средний Енисей, Прибайкалье, Монгольский Алтай, Центральная и Северная Монголия, Забайкалье. Основываясь там, где это возможно на результатах ремонтажа или же данных атрибутивного анализа, проведенных автором для ряда памятников РВП южной Сибири вместо единой для этой территории технологии пластинчатого раскалывания, характерной для «карабомовского пласта периода перехода от среднего к верхнему палеолиту» возможно выделить следующие типы расщепления:

1. Карабомовский. Основывается на подпризматическом бипродольном раскалывании. Представленные в ассамбляжах плоскостные нуклеусы отражают либо стадию раскалывания нуклеуса, либо особенности исходного субстрата. При расщеплении активно использовались реберчатые пластины и краевые сколы. Фронты раскалывания находились на широкой плоскости и на узкой стороне нуклеуса. Кроме крупных и средних пластин с бипродольной огранкой, зачастую остроконечных, распространено скалывание пластинок шириной от 5 до 12 мм. Они снимались с плоских мелких нуклеусов и торцовых нуклеусов, изготовленных на технических сколах (т.н. нуклеусы-резцы). Имеются морфологически леваллуазские острия, являющиеся продуктом бипродольного раскалывания.

2. Усть-каракольский. Технология расщепления представлена сочетанием параллельных подпризматических одноплощадочных нуклеусов для получения средних пластин и мелких кареноидных и клиновидных нуклеусов для снятия пластин и микропластинок.

3. Макаровский. Характеризуется как простое параллельное расщепление, преимущественно одноплощадочное, чаще всего основывается на раскалывании плоскостных нуклеусов. После подготовки ударной площадки производилось челночное раскалывание вдоль плоскости широкого фронта. Для поддержания выпуклости фронта применялись снятия краевых ско-

and the northern part of Central Asia allowed going further in the direction of identification of the regional specifics of the early upper Paleolithic cultures. Based on specific features of knapping technology and the chronological frame of its existence it may be assumed that the oldest blade complexes of the Altai were part of the trans-Eurasian phenomenon of the early upper Paleolithic (EUP), the emergence, routes of distribution and the chronology of which still remain the subject of debate. One of the main tasks involved the determining the EUP variability in the territory of southern Siberia and the northern part of Central Asia.

The author has studied 39, both stratified and exposed, lithic industry complexes. They originated from the following regions: Gorny Altai, Middle Yenisei, Cis-Baikal, Mongolian Altai, central and Northern Mongolia, and Transbaikalia area. Relying where possible on refitting results, or the data of attributive analysis performed by the author for a number of the EUP sites of southern Siberia, instead of the currently assumed blade knapping technique common for this territory, which was characteristic for the “Kara-Bom level of the transition period from the middle to the upper Paleolithic” the following knapping types could be identified:

1. The Kara-Bom type. Was based on sub-prismatic parallel knapping. Flat cores represented in the assemblages reflected either the core knapping stage, or the source substrate specifics. Crested blades and side spalls were actively used in the knapping process. Knapping fronts were located on a wide plane and on the narrow side of the core. In addition to the large and medium size blades, often pointed, another common technique consisted of 5–12 mm blades removal. They were removed from flat small cores and single front cores made on technical spalls (i.e. cores-burins). There were morphologically Levallois points, which were a product of biaxial knapping.

2. The Ust-Karakol type. Knapping technique was represented by a combination of parallel subprismatic single platform cores for the production of mid size blades and small carenoid and wedge-shaped cores for blades and microblades removal.

3. The Makarov type. Was defined as simple parallel knapping, predominantly unidirectional, most often was based on flat cores knapping. After the striking platform preparation a shuttle knapping was performed along the wide front plane. Removal of spalls from sides was used to maintain the front's bulging shape. Main products were the large and mid size blades or flakes.

4. Situational flake knapping. All kinds of raw material were used regardless of its quality. Flat and cubic cores were knapped without any preliminary prepara-

лов. Основной продукт — крупная и средняя пластина, либо отщеп.

4. Ситуационное отщеповое расщепление. Использовалось любое сырье, вне зависимости от его качества. Плоскостные, кубовидные нуклеусы, расщеплявшиеся без предварительной подготовки, при этом использовалась любая удобная для этого плоскость. Продуктами являлись не стандартизированные как по форме, так и по размерности отщепы.

5. Орхонское леваллуазское раскалывание. На стоянке Орхон-1 в Монголии он имеется в комплексе, относящемуся к переходу от среднего к верхнему палеолиту, (возможно, и к финалу среднего палеолита), а также в комплексах с поверхностным залеганием в Монголии, Прибайкалье и Забайкалье. Для этой технологии характерны типичные леваллуазские черепаховидные нуклеусы, получаемые с помощью параллельной и центростремительной обработки рабочего фронта нуклеуса.

Также следует учитывать возможность того, что в силу ограниченности индустриального набора, использовавшийся тип расщепления не может быть уверенно реконструирован. «Чистые» редуцированные последовательности встречались достаточно редко, человек мог владеть приемами, характерными для разных типов стратегий расщепления, особенно если коллекция памятника велика в количественном отношении. Вместе с тем, если отложения стоянки подвергались незначительному перемещению, или стоянка однослойная то мы, как правило, можем уверенно говорить о доминировании тех или иных типов раскалывания. В Забайкалье и Горном Алтае наиболее ранние комплексы, имеющие возраст древнее 35 000 лет назад характеризуются явным преобладанием технологии расщепления карабомовского типа, такие случаи выявлены в 15 комплексах из этих территорий; также часто встречается карабомовская технологии в Монголии, однако в большинстве случаев она здесь представлена наравне с элементами леваллуазско-орхонской технологии. Средний Енисей и Прибайкалье отличается почти исключительным господством либо ситуационного раскалывания либо технологии макаровского типа. Следует отметить, что в ряде случаев в комплексах из Горного Алтая и Монголии, содержащих свидетельства использования карабомовской технологии, имеется устойчивый набор специфических орудий и украшений. Вероятно, данная картина распределения признаков может свидетельствовать о существовании на территории Южной Сибири и северной части центральной Азии, по крайней мере, нескольких вариантов индустрий раннего верхнего палеолита, обладающих близостью

tion, any suitable flat side was used. The products were flakes irregular both in shape and in size.

5. Orkhon Levallois knapping On Orkhon-1 site in Mongolia it was present in a complex relating to a transition period from the middle to the upper Paleolithic (possibly also to the final stage of middle Paleolithic), as well as in the surface complexes in Mongolia, Cis- and Trans- Baikal regions. A characteristic feature of this technology was the presence of Levallois turtle-shaped cores obtained by means of parallel and centripetal working of the core's knapping front.

It is also necessary to take into account the possibility that, owing to the available tools set restrictions, the knapping type could not be positively reconstructed. "Pure" reduction sequences were quite rare, a person could have skills characteristic for various types of knapping strategies, particularly if the site's assemblage was quite significant in size. At the same time if the site's deposits were only slightly redeposited, or the site contained just one level, we could, as a rule, positively confirm the domination of this or that knapping type. In the Transbaikal and Gorny Altai the earliest complexes dated to 35.000 y.a. were characterized by the domination of Kara-Bom type knapping technique, these types were identified in 15 complexes from these territories; the Kara-Bom type also frequently occurred in Mongolia, however in the majority of cases it was represented there alongside with the Levallois-Orkhon technology. In the Middle Yenisei and the Cis-Baikal regions there was almost exclusive domination of either situational knapping or the Makarov type technique. It should be noted that in a number of cases in the complexes from Gorny Altai and Mongolia containing evidence of the use of the Kara-Bom type knapping there was an invariable set of specific tools and ornaments. Apparently this picture of the attributes distribution may serve as evidence of the existence in the territory of southern Siberia and the northern part of Central Asia of at least several variants of the early upper Paleolithic industries with similar technological characteristics and territorial localization.

технологических характеристик, хронологической, и территориальной локализацией.

УДК 903.21(470.5)«6322»

Ю. Б. СЕРИКОВ

Сериков Юрий Борисович — д.и.н., НТГСПА
(Россия, Нижний Тагил). E-mail: u.b.serikov@mail.ru

СЛЕДЫ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ

Ключевые слова: ранний палеолит, единичные находки, бифасы, патина

Резюме. Единственный памятник раннего палеолита (Гальянская стоянка) находится на склоне горы Голый Камень. Находки представлены патинированными рубилами, преформами, нуклеусами, скреблами, пластинами и отщепами. Единичные патинированные каменные изделия (около 70 экземпляров), выявленные в смешанных комплексах 15 стоянок, свидетельствуют о существовании на данной территории памятников раннего палеолита.

Единственный памятник раннего палеолита на территории Среднего Зауралья (Гальянская стоянка) выявлен на склоне горы Голый Камень в черте Нижнего Тагила [1]. Каменные изделия пятью локализованными местонахождениями были рассеяны вдоль берега Гальянского торфяника на высоте до 40 м. Все артефакты (117 экз.) изготовлены из окремненных туфов и покрыты слоем патины толщиной 1–2 мм. Наличие патины является важным признаком, по которому изделие может быть отнесено к раннему палеолиту, так как каменные артефакты всех эпох вплоть до позднего палеолита патины не имеют.

Коллекция стоянки в настоящее время состоит из 102 изделий. Среди них присутствуют преформы, нуклеусы, скребла, остроконечник, пластины и отщепа. Наиболее выразительными являются четыре изделия, которые можно отнести к архаичным рубилам. Они имеют подтреугольную форму, с двух сторон обработаны крупными сколами, имеют длину до 20 см. Соотношение различных категорий изделий позволяет предварительно рассматривать памятник как поселение-мастерскую. Следует подчеркнуть, что данный комплекс не является единовременным в рамках нижнего палеолита [2].

Кроме Гальянской стоянки в Среднем Зауралье известно 15 местонахождений, на которых найдены

YU. B. SERIKOV

Serikov Yury Borisovich — Doctor of History, NTSSPA
(Russia, Nizhny Tagil). E-mail: u.b.serikov@mail.ru

TRACES OF THE EARLY PALEOLITHIC IN THE MIDDLE URAL

Key words: early Paleolithic, single finds, bifaces, patina

Summary. The only known early Paleolithic site (Galyanskaya camp site) is located on a Goly Kamen hill slope. The finds were represented with patinized bifaces, preforms, cores, side scrapers, blades, and flakes. Isolated patinized stone tools (about 70 pieces) found in mixed complexes of 15 camp sites served as evidence of the existence in this territory of the early Paleolithic sites.

The only early Paleolithic site in the territory of the Middle Ural (Galyanskaya camp site) was discovered on a Goly Kamen hill slope within the city bounds of Nizhny Tagil [1]. Stone tools were scattered in five localized groups along the shore of Galyanovo peat bog at the height of 40 m. All artifacts (117 pieces) were made on siliceous tuff and covered with a 1–2 mm thick layer of patina. The presence of patina was an important attribute with the help of which an artifact might be dated as the early Paleolithic, since stone artifacts of all other periods until the late Paleolithic did not have any patina.

The site's assemblage now consists of 102 items. It includes preforms, cores, side scraper, a point, blades, and flakes. The most interesting of them were the four items which could be described as the archaic bifaces. They were up to 20 cm long, of a subtriangular shape, and fashioned on two sides by large spalls. The proportional representation of various categories of tools suggested that the site could be used as a workshop-settlement. It should be noted that this complex was not synchronous for the lower Paleolithic [2].

In addition to the Galyanskaya site there are 15 more locations in the Middle Ural where random finds of single early Paleolithic items were made (about 70 items).

Several patinized flakes were discovered on three sites located on Goly Kamen hill slopes: Goly Kamen workshop, Goly Kamen — Shikhan, Goly Kamen III.

In the headstream of the Tura river a group of Mesolithic camps sites and settlements has been studied.

единичные раннепалеолитические изделия (около 70 экземпляров).

Несколько патинированных отщепов выявлены на трех памятниках, расположенных на горе Голый Камень: Голокаменская мастерская, Голый Камень-шихан, Голый Камень III.

В верховьях реки Туры изучен «куст» мезолитических стоянок и поселений. На четырех из них обнаружены предметы архаичного облика. На стоянке Гарева II найдено 36 предметов. Все изделия изготовлены из местных синеватых алевротуфов, грани сколов заглажены, поверхность покрыта глубокой патиной. Из них 14 изделий имеют нуклевидные формы, два скребла, шесть пластин, 14 отщепов. Все отщепы массивные, довольно толстые, имеют ударную площадку, расположенную под тупым углом к плоскости скальвания. На местонахождении Уральские Зори-болото найден архаичный плоский нуклеус и два отщепа. Единичные патинированные изделия выявлены на поселениях Уральские Зори III (скребло и отщеп) и V (отщеп). Скребло выполнено на массивном отщепе серо-зеленоватого алевротуфа размером 5,5 × 5,1 × 1,3 см. Его лезвие оформлено крупной ретушью со стороны брюшка. Фасетки ретуши заглажены и покрыты тонкой патиной. Но пять сколов на спинке отщепа сняли слой патины. Переоформление орудия могло произойти только в мезолитическую эпоху, так как памятник является однослойным.

Раннепалеолитические изделия найдены на двух памятниках Горбуновского торфяника. Особый интерес представляют три массивных бифаса с III-ей Береговой стоянки. Из них только один сохранился целиком. Его размеры — 16 × 5,8 × 3 см. С двух сторон бифас обработан крупными и средними сколами до получения вытянутой слегка асимметричной листовидной формы. Аналогий данному изделию в каменном веке Урала нет. Длина сохранившихся частей сломанных бифасов составляет 9,3 и 13,6 см. Все изделия изготовлены из зеленоватого тонкозернистого песчаника, по структуре и окраске очень похожего на змеевик (серпентинит). Использование данного сырья на территории Среднего Зауралья отмечено впервые. Обычно в раннепалеолитическую эпоху использовались кремневые туфы и алевротуфы. Второе отличие архаичных изделий с III-ей Береговой стоянки состоит в том, что на них отсутствует патина. Наличие патины является важным признаком, по которому изделие может быть отнесено к раннему палеолиту. Здесь же тип изделий и техника их изготовления выглядят очень архаично, а патина отсутствует. Скорее всего, это связано со свойствами минерального сырья [3, с. 34–38].

On four of them there were some items of archaic appearance. On Garevaya II site 36 artifacts were found. All artifacts were made on local bluish silt-rich tuff, the spall faces were smoothed, and the surface covered with deep patina. The group included 14 core-shaped tools, two side-scrapers, six blades, and 14 flakes. All flakes were massive, relatively thick, with a striking platform located at a blunt angle to the flaking surface. On Uralskije Zori-swamp location an archaic flat core and two flakes were found. Isolated patinized items were discovered on settlements Uralskije Zori III (a side scraper and a flake) and V (a flake) A scraper was made on a massive gray-green silt-rich tuff 5.5 × 5.1 × 1.3 cm flake. Its working edge was shaped with coarse retouch on the ventral side. The retouch facets were smoothed and covered with thin layer of patina, However five spalls on the flake's back removed the patina layer. A tool's reworking could take place only in the Mesolithic, as the site had only one cultural layer.

Early Paleolithic artifacts were found on two sites of the Gorbunovo peat-bog. Of a particular interest were three massive bifaces from Beregovaya III site. Only one of them was whole. It's dimensions were 16 × 5.8 × 3 cm. The biface was shaped on two sides with large and medium spalls to obtain an extended slightly asymmetric leaf-like shape. There are no analogies to this tool in the Stone Age of the Ural. The length of the preserved parts of the broken bifaces was 9.3 and 13.6 cm respectively. All tools were made on greenish fine-grain sandstone, which in its structure and color was very similar to green marble (serpentine). The use of this material in the territory of the Middle Ural was registered for the first time. Common raw materials for the early Paleolithic period were the siliceous and silt-rich tuff. A second distinctive feature of the archaic tools from the Beregovaya III site was the lack of patina on them. The presence of patina was an important attribute with the help of which an artifact might be dated as the early Paleolithic. However in this case the type of the artifacts and the manufacture technique looked quite archaic, but there was no patina. Most likely this was connected with the raw material properties [3, p. 34–38].

On a Mesolithic workshop site Ambarka I a disk shaped 8.1 × 6.0 × 3.6 cm core was found. All spall negatives were strongly smoothed. A tool was made on gray-greenish silt-rich tuff and completely covered with deep patina.

A unique find was a biface from Nizhnyaya Salda. It had an elongated leaf-like shape and was 33–34 cm long (only a 26.5 cm long part was preserved). It was made from greenish silt-rich tuff and covered with deep patina.

На мезолитической стоянке-мастерской Амбарка I найден нуклеус дисковидной формы размером 8,1 × 6,0 × 3,6 см. Все негативы сколов сильно заглажены. Изделие изготовлено из серо-зеленоватого алевротуфа и полностью покрыто глубокой патиной.

Уникальной находкой является бифас из Нижней Салды. Он имеет вытянутую листовидную форму длиной 33–34 см (сохранилась часть длиной 26,5 см). Изготовлен из зеленоватого алевротуфа, покрыт глубокой патиной.

Все изделия, относимые к раннему палеолиту, заметно патинированы и чаще всего происходят из мезолитических комплексов, куда они попали в качестве сырья для последующей реутилизации. Особенностью таких местонахождений является их расположение на скалистых мысах озер (торфяников). Вторичное использование каменных изделий предшествующих эпох характерно для камнеобрабатывающих мастерских, расположенных у выходов сырья, а также связано с сакрализацией местным населением древних предметов.

Находки единичных раннепалеолитических артефактов свидетельствуют о существовании на данной территории памятников раннего палеолита. Но их топография, по всей видимости, обладает определенными особенностями, поэтому поиски пока не принесли результата. По мнению автора, памятники раннего палеолита следует искать на склонах гор, примыкающих к проточным озерам.

Литература / References:

1. Раушенбах В.М. Мастерская каменных орудий на Голом Камне под Нижним Тагилом // СА. 1961. № 2. С. 164–171.
2. Петрин В.Т., Сериков Ю.Б. Комплекс эпохи палеолита с восточного склона Среднего Урала // Эпоха камня и палеометалла Азиатской части СССР. Новосибирск, 1988. С. 27–36.
3. Сериков Ю.Б. Палеолит и мезолит Среднего Зауралья. Нижний Тагил, 2000.

УДК 902.6(470.2)«6328»

Г. В. СИНИЦЫНА

Синицына Галина Васильевна — к.и.н., ИИМК РАН
(Россия, Санкт-Петербург). E-mail: gv-sinitsyna@yandex.ru

КУЛЬТУРЫ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА НА
ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ — ПРОБЛЕМЫ
ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ¹

Ключевые слова: Культуры финального палеолита, Валдайская возвышенность, проблемы периодизации

All tools dated as the early Paleolithic were visibly patinized, and most often originated from the Mesolithic complexes where they came as a raw material for further re-utilization. A specific feature of such locations is their position on rocky lake (peat-bogs) capes. Secondary use of stone tools of the previous periods was characteristic for the stone working workshops located near the raw material outcrops, and was also related to the sacralization by the local population of ancient artifacts.

Random finds of isolated early Paleolithic artifacts give evidence of the existence in this territory of the early Paleolithic sites. However their topography, apparently, has certain specifics and, therefore, the search for them has not yet been successful. The author believes that the best locations to look for the early Paleolithic sites are mountain slopes close to the running-water lakes.

G. V. SINITSYNA

Sinitsyna Galina Vasiljevna — PhD in History, IHMC RAS
(Russia, St. Petersburg). E-mail: gv-sinitsyna@yandex.ru

FINAL PALEOLITHIC CULTURES OF THE VALDAI
UPLANDS — CHRONOLOGY AND PERIODIZATION
PROBLEMS¹

Key words: Final Paleolithic cultures, Valdai Hills, periodization problems

¹ Работа выполнена в рамках проекта РФФИ № 14-06-00295

¹ The study was performed as part of RFPF project № 14-06-00295

Резюме. Первичное заселение территории Валдайской возвышенности в позднеледниковье представлено индустриями эпиграветтской традиции. В верховьях Днепра на этой основе сформирована гренская культура (дриас II – дриас III). В верховьях Волги развитие эпиграветта было прервано появлением населения акулловской (дриас II), затем подольской культуры (конец аллероэда – дриас III).

Специфика экониши позднеледниковья (бёллинг – дриас III) заключается в сочетании различных видов популяций тундростепных и лесных ландшафтов [1, с. 173]. В археологии этот временной отрезок времени получил название финального палеолита, выделенного в отдельную стадию периодизации каменного века Европы. Нижняя граница финального палеолита четко прослеживается по смене верхнепалеолитических традиций новыми технологиями. Началом мезолита принято считать границу конец дриаса III – начало пребореала, когда плейстоценовый перигляциальный фаунистический комплекс резко сменяется голоценовой лесной фауной и, как следствие этого, возникает экономика, связанная с охотой на лесных животных. Однако такой традиционный подход к построению периодизационной шкалы был нарушен из-за сложности корреляции данных сравнительно-типологического анализа и определения верхней границы плейстоцена-голоцена на уровне ~ 11 700 до н. д. [2, с. 12].

На территории Валдайской возвышенности выделены следующие археологические культуры (далее АК) финального палеолита: эпиграветтская, акулловская, подольская, гренская, рессетинская, свидерская и в последнее десятилетие к финальному палеолиту относят стоянки Умрышинка 3 [3], Ладыжино 3 [4], Усть-Тудовка I [5], атрибутированные как иеневские. В итоге воспринимать иеневскую АК как дискретную единицу – культуру мезолитических лесных охотников становится невозможно. Такой подход нарушает принцип выделения финального палеолита в отдельную стадию в периодизации каменного века Европы. Сложность определения нижней границы иеневской АК уходит в дискуссионную проблему ее генезиса, тем более, что по технико-типологическим характеристикам их инвентаря три вышеперечисленные стоянки являются разнокультурными.

По датированным материалам многослойной стоянки Баранова гора (оз. Волго, Тверская область) установлено, что развитие эпиграветта было прервано появлением акулловской АК в период дриаса II [6]. Начиная с аллероэда, здесь появляется подольская культура (технокомплекса бромме).

Summary. Initial colonization of the territory of the Valdai Uplands during the Late Glacial period was represented with the Epigravettian tradition industries. In the Dnieper headstream the Grensk culture was formed on that basis (Dryas II – Dryas III). In the upper reaches of the Volga the Epigravettian tradition development was interrupted with the appearance of the Akulovo (Dryas II) and later Podol cultures (end of Allerød – Dryas III).

The specifics of the Late Glacial econiche (Belling – Dryas III) consisted in the combination of various types of tundra-steppe and forest landscapes populations [1, p. 173]. In archeology this time interval is known as the final Paleolithic and is recognized as a separate stage in the European Stone Age periodization. The lower boundary of the final Paleolithic is clearly marked by the replacement of the upper Paleolithic traditions with the new techniques. It is assumed that the beginning of the Mesolithic was the boundary between the end of Dryas III – beginning of the pre-boreal, when the Pleistocene, periglacial faunal complex was abruptly replaced with the Holocene forest fauna and, as a result of this, there appeared the economies related to forest game hunting. However this traditional approach to building a periodization scale was compromised because of the difficulty to correlate data of comparative-typological analysis and the determination of the upper Pleistocene-Holocene boundary at around ~ 11 700 BP [2, p. 12].

In the territory of the Valdai Uplands the following archaeological cultures (hereinafter the AC) of the final Paleolithic have been identified: the Epigravettian, the Akulovo, the Podol, the Grensk, the Resseta, the Sviderian, and in the last decade the following sites attributed as the Ienevo culture ones have also been added to the final Paleolithic group – Umryshinka 3 [3], Ladyzhino 3 [4], Ust-Trudovka I [5]. As a result it became impossible to treat the Ienevo AC as a discreet group – a Mesolithic forest hunters culture. This approach contradicts the principle of distinguishing the final Paleolithic as a separate stage in the European Stone Age periodization. The difficulty in determining the lower boundary of the Ienevo AC goes back to the discussion of the problem of its genesis, particularly since from the point of view of the technological and typological characteristics of their tools assemblages all three above mentioned sites belong to different cultures.

According to the dated materials of the multi-level site Baranova Gora (lake Volgo, the Tver region) it was established that the Epigravettian tradition development was interrupted by the appearance of the Akulovo AC in Dryas II [6]. Beginning from the Allerød there

Результаты естественно-научных дисциплин позволили скорректировать заключение [7] о хронологии памятников, сделанных на основе сравнительно-типологического анализа материальной культуры, по данным которых выделены три хронологических этапа в развитии подольской культуры на Русской равнине:

1. аллередское время – Подол III/1; Подол III/2, Баранова гора, сл. аллереда;
2. середина дриаса III – Троицкое 3, Подол III/1, Подол III/2 (находки из ямы конуса выноса селевого потока), Теплый Ручей 2.
3. рубеж плейстоцена-голоцена – Усть-Тудовка I (раскоп 2), стоянка датированная концом дриаса III.

Если для первого этапа подольской культуры характерен инвентарь типологически близкий культуре бромме Северной Европы, то на втором этапе развития в ее инвентаре появляются косолезвийные наконечники стрел на отщеплах, характерные для мезолитической иеневской АК. Но их единичное присутствие в инвентаре стоянки Усть-Тудовка I, датированной концом дриаса III, не может являться основанием для иеневской культурной атрибуции этой стоянки, поскольку по составу и технико-типологическим показателям инвентаря Усть-Тудовка I относится к подольской АК.

Материалы стоянки Умрышинка 3, отнесенной к иеневской АК, сопоставимы с гренской финальнопалеолитической культурой. Нижняя граница гренской культуры определена по материалам многослойной стоянки Вышегора I в истоках Днепра, где слой 4А с инвентарем гренского облика перекрыт погребенной почвой с экскурсом Гётенбург. На этом основании нижняя граница гренской культуры должна быть определена временем древнее аллередского интерстадиала.

Материалы стоянки Ладыжино 3 представляют собой инвентарь, в котором отражены две традиции: техника расщепления подольской АК и вторичная обработка гренской АК.

В определении верхней границы финальнопалеолитических культур решающим остается палеогеографический критерий, их залегание в отложениях дриаса III. При таком подходе не нарушается принцип построения хронологической периодизации, в соответствие с которым финальному палеолиту отведено 3 тысячелетия дриасового времени (бёллинг-дриас III). Иеневская АК, в том виде в каком она была выделена Л. В. Кольцовым [8] как мезолитическая культура лесных охотников, достоверно проявляется, начиная с пребореала.

also appeared the Podol culture (Bromme technique complex).

The use of the natural science analysis methods allowed correcting the conclusion [7] about the sites' chronology made on the basis of a comparative typological study of material culture, as a result of which three chronological stages in the development of the Podol culture in the Russian Plain have been identified:

1. the Allerød period – Podol III/1; Podol III/2, Baranova Gora, Allerød levels;
2. the middle of Dryas III – Troitskoje 3, Podol III/1, Podol III/2 (finds from the pit of the mudflow cone), Teply Ruchey 2.
3. the turn of the Pleistocene-Holocene – Ust-Trudovka I (cut 2), archaeological site dated as the end of Dryas III.

While for the first stage of the Podol culture the characteristic tool set was typologically close to the Bromme culture of Northern Europe, in the second development stage there appeared in its tools assemblages the oblique blade arrowheads on flakes characteristic for the Mesolithic Ienevo AC. However their isolated presence in the Ust-Trudovka I assemblage dated as the end of Dryas III could not justify the Ienevo cultural attribution of this site, because by its composition and the tools technological and typological parameters Ust-Trudovka I belonged to the Podol AC.

The materials of Umryshinka 3 site attributed as the Ienevo AC were compatible with the Grensk final Paleolithic culture. A new boundary of the Grensk culture was determined by the materials of a multi-level site Vyshegora I at the headstream of the Dnieper, where level 4A with the Grensk appearance tools was overlaid by buried soil with Gothenburg excursion. On this basis the lower border of the Grensk culture should have been defined as the time older than the Allerød interglacial.

The materials of Ladyzhino 3 site consisted of a tools set reflecting two traditions: the Podol AC flaking technique, and the Grensk AC secondary knapping.

The paleogeographic criterion, i. e. the cultures' deposition in Dryas III sediments still remains a decisive factor for the determining of the upper boundary of the final Paleolithic cultures. This approach does not conflict the principle of chronological periodization in accordance with which the final Paleolithic embraced 3 millennia of the Dryas period (Belling – Dryas III). The Ienevo AC in the form in which it was described by L. V. Koltsov [8] as a Mesolithic culture of forest hunters can be identified with confidence only beginning from the pre-boreal period,

Литература / References:

1. Маркова А. К., Пузаченко А. Ю. Комплексы млекопитающих межстадиальных потеплений бёллинг-аллерёд (Bølling-Allerød Interstadial Complex – BAIC) (<12,4 – >=10,9 тыс. л. н.) // Эволюция экосистем Европы при переходе от плейстоцена к голоцену (24–8 тыс. л. н.). М., 2008.
2. Walker M., Johnsen S., Rasmussen S. O., Popp T., Steffensen J.-P., Gibbard P., Hoek W., Lowe J., Andrews J., Björck S., Swynar L. C., Hughen K., Kershaw P., Kromer B., Litt T., Lowe D. J., Nakagawa T., Newnham R., Schwander J. Formal definition and dating of the GSSP (Global Stratotype Section and Point) for the base of the Holocene using the Greenland NGRIP ice core, and selected auxiliary records // Journal of Quaternary Science, 2009. Vol. 24. P. 3–17.
3. Трусов А. В. Палеолит бассейна Оки. М., 2011.
4. Кравцов А. Е., Коннов С. Б. Стоянка Ладыжино 3 (предварительные результаты исследований 1999 и 2000 гг.) // ТАС. Вып. 5. Тверь, 2002. С. 127–136.
5. Жилин М. Г. Мезолит Волго-Окского междуречья: некоторые итоги изучения за последние годы // Проблемы каменного века Русской равнины. М., 2004. С. 93–139.
6. Синицына Г. В., Лаврушин Ю. А., Спиридонова Е. А., Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г. О хронологии археологических материалов и возрасте вмещающих отложений многослойной стоянки Баранова гора в Тверской области // ТАС. Вып. 7. Тверь, 2009. С. 52–70.
7. Синицына Г. В., Гуськова Е. Г., Распопов О. М., Иосифиди А. Г., Кулькова М. А. Проблемы хронологии памятников рубежа плейстоцена – начала голоцена северо-запада Русской равнины // Проблемы заселения северо-запада Восточной Европы в верхнем и финальном палеолите (культурно-исторические процессы). СПб., 2013. С. 233–260.
8. Кольцов Л. В. Мезолит Волго-Окского междуречья // Мезолит СССР. М., 1989. С. 68–86.

УДК 902(571.51)«6328»

В. С. СЛАВИНСКИЙ

Славинский Вячеслав Сергеевич — к.и.н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: slavinski@yandex.ru

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АФОНТОВА ГОРА II

Ключевые слова: Сибирь, поздний палеолит, афонтонская культура, предметы неутилитарного назначения, изделия из бивня мамонта

Резюме. В статье представлены уникальные материалы, полученные при раскопках памятника федерального значения «Стоянка Афонтва Гора II» (г. Красноярск). «Стоянка Афонтва Гора II» является эпонимным памятником афонтонской археологической культуры позднего палеолита и датируется хронологическим промежутком от 11 до 15 тыс. лет назад. В 2014 г. в связи с необходимостью проведения спасательных археологических работ в зоне строительства моста через Енисей было возобновлено изучение памятника. При раскопках стоянки были обнаружены палеоантропологические находки, принадлежащие двум особям Homo sapiens. Кроме того, найдены предметы неутилитарного назначения: изготовленные из камня бусы, орнаментированная пластина и диски из бивня мамонта.

Стоянка Афонтва Гора-II расположена в черте города Красноярска, между железнодорожным

B. S. SLAVINSKY

Slavinsky Vyacheslav Sergeevich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: slavinski@yandex.ru

NEW MATERIALS OF THE PALAEOLITHIC SITE AFONTOVA GORA II

Key words: Siberia, late Paleolithic, Afontova culture, non-utilitarian purpose items, artifacts from mammoth tusk

Summary. The article presents unique materials obtained during the excavations of Afontova Gora II archaeological site (Krasnoyarsk). Archaeological site Afontova Gora II is an eponymic site of Afontova late Paleolithic archaeological culture dated within the chronological interval from 11 to 15 thousand years ago. In 2014 because of the need to perform rescue excavations in the area of new bridge construction across the Yenisei the study of the site was resumed. During the excavations the paleo-anthropological finds of two Homo sapiens remains were made. In addition, some non-utilitarian purpose items were found: stone beads, ornamented plate, and mammoth tusk disks.

Afontova Gora II was located within the city bounds of Krasnoyarsk between the railway bridge on the east, a group of the flour mill buildings on the west, and the estate- museum of G. V. Yudin on the north. Total area of excavations was 10,956 sq. m. The site was

мостом с востока, комплексом зданий мелькомбината с запада и музеем-усадебой Г. В. Юдина с севера. Общая площадь раскопов составила 10956 кв.м. Памятник приурочен ко второй и третьей левобережным террасам р. Енисей.

В ходе работ была подробно изучена геологическая ситуация на стоянке. Многометровые разрезы позволили существенно расширить наши представления о палеообстановке объекта. Из полученных разрезов были отобраны образцы на споро-пыльцевой, палеопедологический, гранулометрический анализы. Отобраны образцы угля и кости для радиоуглеродного датирования.

Палеоантропологический материал, представленный нижней челюстью и пятью зубами, по предварительным данным принадлежит молодой девушке 14–15 лет. Челюсть имеет очень грацильное строение — большая часть продольных и поперечных ее размеров попадает в категорию малых или очень малых размеров. Измерительные характеристики I-го шейного позвонка позволяют предположить его принадлежность индивидууму женского пола возрастом старше 20 лет. Эволюционный статус и морфологические особенности этих палеоантропологических материалов станут предметом дальнейшего исследования [1].

Другим немаловажным открытием стало обнаружение серии выразительных предметов, имеющих следы нанесения орнамента, украшения. Так, на 2-й террасе в культурном горизонте 2.1 стоянки было обнаружено 12 бусин. Изделия преимущественно целые (10 экз.), фрагментированы только два предмета. Подавляющее большинство бусин изготовлено из серпентинита, цвет которого варьируется от темно-зеленого до молочно-белого. Форма изделий дисковидная. Отверстия цилиндрической, реже биконической формы, выполнены двусторонним встречным сверлением. Бусины достаточно стандартизированы, нахождение их в пределах одного раскопа, позволяет предполагать, что они были захоронены в пределах ограниченного поселенческого эпизода.

Особый интерес вызывает изделие, выполненное на пластине из бивня мамонта удлинненно-треугольной формы, с вогнутым основанием. Поверхность изделия зашлифована. На оба фаса нанесен орнамент в виде трех неровных сходящихся линий, выполненных рядами надсверленных несквозных мелких округлых углублений. Так же зафиксированы два диска, выполненные из бивня мамонта. Первый представлен слегка ассиметричным в плане обломком, размерами 43 x 27 x 4 мм. В центре имеется отверстие диаметром 12 мм. Обе плоскости и края изделия тщательно зашлифованы, несут разнонаправленные

referred to the second and third left bank terraces of the Yenisei river.

In the course of the works the geological situation of the site was studied in detail. Multimeter sections allowed to significantly improve our understanding of the site's paleosituation. Samples for the spore-pollen, paleo-pedological, and granulometric analysis were taken. Charcoal and bone samples were taken for radiocarbon dating.

The paleoanthropological material represented by a lower jaw and five teeth according to the preliminary analysis data belonged to a young, 14–15 old girl. The jaw had markedly gracile structure — most of its longitudinal and lateral dimensions fell into the category of small and very small sizes. Measurement parameters of the 1st cervical vertebrae allowed assuming its belonging to a female not older than 20 years of age. The evolutionary status and the morphological parameters of these paleoanthropological materials will be a subject of further studies [1].

Another important discovery was the finding of a series of interesting items with traces of ornamental decoration. Thus on the 2nd terrace in the cultural horizon 2.1 of the site 12 beads have been found. The articles were mostly intact (10 pieces), only two items were fragmented. Vast majority of beads were made from serpentine, the color of which varied from dark-green to milky-white. The articles were disk shaped. The holes of a cylindrical, less often of a bi-conical shape were made by two-sided counter-drilling. The beads were sufficiently standardized, their location within the same excavation allowed assuming that they were buried within a limited settlement episode.

Of a particular interest was an article on a mammoth tusk plate of an elongated- triangular shape with a concave base. The article's surface was polished. On both faces there was an ornament in the form of three uneven converging lines made with rows of drilled blind-end small rounded pits. Two mammoth-tusk disks have also been registered. The first was represented by a slightly asymmetric in the plane 43 x 27 x 4 mm fragment. In the center there was a hole 12 mm in diameter. Both faces and the edges of the article were carefully polished with alternate glossing traces, and evenly narrowed from the central hole to outer edges. Another item also survived in a fragmented state (dimensions — 19 x 15 x 3 mm). A trace of a former hole was registered in the inner edge. All surfaces, including the hole were carefully ground and had traces of lateral and diagonal hatching on one side, and diagonal hatching on the other. Two more ornamented articles on mammoth tusk were found in the excavations cutting into the slope of third terrace and referred to cultural horizon 7. These items had traces of intensive use. The first article similar in shape

следы лощения и равномерно сужаются от отверстия к внешним краям. Другой предмет также дошел до нас во фрагментированном состоянии (размеры — 19 x 15 x 3 мм). По внутреннему краю фиксируется остаток отверстия. Все поверхности, включая отверстие, тщательно пришлифованы, несут следы поперечных и диагональных насечек по одной стороне и разнонаправленных — по другой. Еще два орнаментированных изделия из бивня мамонта найдены в раскопах, врезанных в склон третьей террасы, и относятся к культурному горизонту 7. Эти изделия несут следы интенсивного использования. Первое изделие, по своей форме напоминающее лопатку, изготовлено на массивной пластине (с фото). Другое изделие, (левый верхний угол) имеет форму подтреугольно-удлиненного острия, двояковыпуклого в сечении, слегка ассиметричного в профиле [2].

Массовый археологический материал распределен в толще отложений однородно, не образуя устойчивых уровней обитания и скоплений.

Он представлен каменными и костяными находками. Каменные находки:

- нуклеусы представлены торцовыми и клиновидными нуклеусами различных вариантов, преформами которых служили, в основном, отщепы.

- скребла изготавливались на гальках, крупных первичных сколах и отщепах. Типология скребел разнообразна: дорсальные и вентральные продольные скребла на отщепах и первичных сколах; скребла-унифасы.

- среди скребков преобладают боковые, концевые и угловые варианты, выполненные на отщепах. Небольшой серией представлены микроскребки.

- традиционные для верхнепалеолитических комплексов Енисея галечные орудия представлены чопперами и стругами.

Также на памятнике представлены долотовидные орудия, резцы, проколки, острия.

Материалы Афонтовой Горы 2 демонстрируют развитую индустрию обработки кости, рога и бивня мамонта. Найдены костяные и роговые остроконечники, пазовые орудия, фрагменты костяных игл и другие изделия.

В результате работ были установлены участки, где сохранились культурные слои в разных стратиграфических ситуациях, а также участки, где культуросодержащие отложения нарушены либо полностью уничтожены антропогенной деятельностью.

Полученная в результате работ 2014 г. коллекция каменного, костяного и рогового инвентаря, предметов искусства, наконец, палеоантропологические находки датируются от 16 до 12 тыс. л. н. и являются важнейшими для изучения населения

to a spatula was made on a massive blade (see Photo). Another item (left upper corner) was shaped like a sub-triangular elongated point, biconvex in section, and slightly asymmetric in profile [2].

Bulk archaeological material was distributed in the deposits uniformly without forming any stable habitation levels or accumulations.

It was represented with stone and bone finds. Stone finds included:

- cores represented with end-face and wedge-shaped cores of different variants, the preforms for which were mostly flakes.

- side scrapers were made on pebbles, large primary spalls, and flakes. The side scrapers typology were varied: dorsal and ventral longitudinal side scrapers on flakes and primary spalls; scrapers-unifaces.

- in the scraper group the prevailing types were side, end, and angular variants on flakes. Microscrapers were represented with small series.

- traditional for the upper Paleolithic complexes of the Yenisei pebble tools were represented with choppers and shavers.

The assemblages also included chisel-type tools, burins, borers, and points.

The materials of Afontova Gora II demonstrated a mature industry of bone, antler and mammoth tusk working. Among the finds there were bone and antler points, slotted tools, bone needles fragments and other tools.

As a result of the works it was possible to establish the areas, where the cultural levels were preserved in various stratigraphic situations, as well as the sections where the living floor deposits were disturbed, or completely destroyed by the anthropogenic activity.

The lithic, bone, and antler tools and even art works assemblage obtained as a result of 2014 excavations was dated within the interval 16–12 thousand years ago and was quite valuable for the study of the final Paleolithic culture population of the Yenisei region. A significant size of the assemblage opened new opportunities for the study of the cultural dynamics in the upper Paleolithic of the Middle Yenisei region and its comparison with other Paleolithic sites of Eurasia.

финальнопалеолитической культуры Енисея. Значительный объем коллекции, открывает новые перспективы для исследования культурной динамики в верхнем палеолите Среднего Енисея и сопоставления с другими палеолитическими объектами Евразии.

Литература / References:

1. Деревянко А. П., Славинский В. С., Чижишева Т. А., Зубова А. В., Слепченко С. М., Зольников И. Д., Лысенко Д. Н., Дроздов Н. И., Цыбанков А. А., Деев Е. В., Рыбалко А. Г., Стасюк И. В., Харевич В. М., Артемьев Е. В., Галухин Л. Л., Богданов Е. С., Степанов Н. С., Дудко А. А., Ломов П. К. Новые антропологические находки эпохи палеолита со стоянки Афонтова Гора II (предварительное описание, краткий стратиграфический и археологический контекст) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 431–435.
2. Славинский В. С., Акимова Е. В., Лысенко Д. Н., Томилова Е. А., Кукса Е. Н., Дроздов Н. И., Анойкин А. А., Артемьев Е. В., Галухин Л. Л., Богданов Е. С., Степанов Н. С., Гревцов Ю. А., Ломов П. К., Дудко А. А. Костяная индустрия стоянки Афонтова Гора II (по результатам раскопок 2014 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2014. Т. XX. С. 435–438.

УДК 903.01(571.151)«6325»

В. С. СЛАВИНСКИЙ, Е. П. РЫБИН, Н. Е. БЕЛОУСОВА

Славинский Вячеслав Сергеевич — к. и. н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: slavinski@yandex.ru

Рыбин Евгений Павладьевич — к. и. н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: rybep@yandex.ru

Белуосова Наталья Евгеньевна — ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: consacrer@yandex.ru

ВАРИАбельНОСТЬ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАБОТКИ КАМНЯ НА СТОЯНКЕ КАРА-БОМ, ГОРНЫЙ АЛТАЙ (НА ОСНОВЕ РЕМОНТАЖА)

Ключевые слова: Горный Алтай, верхний палеолит, технология расщепления камня, метод ремонтажа

Резюме. На основе ремонтажа каменных артефактов индустрии начального верхнего палеолита горизонта ВР2 (ок. 43000 л. н.) и индустрии раннего верхнего палеолита горизонта ВР1 (33000–34000 тыс. л. н.) раскопа 4 стоянки Кара-Бом были реконструированы варианты реализации подпризматической однонаправленной и бипродольной техник скальвания пластин, а также торцового расщепления, направленного на получение пластинок.

Многослойный палеолитический памятник открытого типа Кара-Бом находится на территории Онгудайского района Республики Алтай (50°43' с. ш., 85°42' в. д.) [1]. Древними мастерами стоянки Кара-Бом использовалось каменное сырье местного происхождения — кислые афировые эффузивы, с одной стороны, поступающие напрямую со склонов соседней г. Апырга, с другой стороны, слабоокатанные

V. S. SLAVINSKY, E. P. RYBIN, N. E. BELOUSOVA

Slavinsky Vyacheslav Sergeevich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: slavinski@yandex.ru

Rybin Evgeni Pavladevich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: rybep@yandex.ru

Belousova Natalya Evgenjevna — IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: consacrer@yandex.ru

VARIABILITY OF THE UPPER PALEOLITHIC STONE FLAKING TECHNIQUES ON KARA-BOM SITE, GORNY ALTAI (BASED ON REFITTING)

Key words: Gorny Altai, Upper Paleolithic, stone flaking technique, refitting method

Summary. On the basis of refitting of the lithic industry artifacts of the early Upper Paleolithic of horizon VP2 (around 43,000 y. a.) and the early Upper Paleolithic industry of horizon VP1 (33,000–34,000 y. a.) of cut 4 of the Kara-Bom site the variants of the subprismatic, unidirectional and bidirectional techniques were reconstructed.

A multi-level Paleolithic open air site Kara-Bom was located at the territory of the Ongudai district of the Republic of Altai (50°43' n. l., 85°42' e. l.) [1]. The ancient Kara-Bom craftsmen used lithic raw material of local origin — on the one hand, acid aphyric effusives which they received directly from the slopes of the neighboring Aptyrga mountain, and on the other — the poorly rounded nodules of the same rock, which were carried by rivers running through the valley [2]. The raw material had good consumer characteristics, and the extreme

желваки той же породы, сносимые течением рек, протекающих по долине [2]. Сырье обладает хорошими потребительскими характеристиками, а крайнее разнообразие оттенков цвета и текстуры разных кусков сырья обеспечивает безошибочное отделение продуктов дебитажа одной отдельности от другой без апплицирования, а так же воссоздавать фрагменты операционных последовательностей расщепления посредством ремонтажа.

В коллекции культурного горизонта ВП2 раскопа 4 (1 100 экз.) было зафиксировано 40 склеек, включающих от двух до десяти элементов. Наиболее представительные сборки иллюстрируют две разные стратегии расщепления.

1. Подпризматическая бипродольная техника для получения пластин среднего и крупного размера. Данные ремонтажа свидетельствуют о существовании трех вариантов реализации расщепления в рамках данной техники. В первом случае операционная последовательность включала латеральную реберчатую подправку. Формирование оптимальной выпуклости рабочей поверхности завершалось продольным снятием латеральных ребер (в виде реберчатых пластин). Второй вариант так же подразумевал оформление продольного ребра поперечными фронтальной поверхности снятиями, однако его расположение не было привязано именно к латеральям нуклеуса, а было ситуационным. К третьему варианту были отнесены сборки, которые не несут свидетельств поперечной латеральной подправки.

2. Торцовая техника для получения мелких пластинчатых заготовок. Сборки отражают два варианта реализации заготовок в рамках торцовой техники. В первом случае, крупные и массивные пластины или отщепы, полученные в подпризматической бипродольной технике, использовались вторично в качестве заготовок для нуклеусов (нуклеусы-резцы). Сборки иллюстрируют процесс торцового однонаправленного и бипродольного скальвания мелких пластинчатых заготовок с треугольным и трапециевидным сечением. Второй вариант представлен сборкой, которая свидетельствует о том, что после скальвания заготовок в рамках подпризматической бипродольной техники, остаточный нуклеус был использован для реализации серии бипродольных снятий с торца.

Культурный горизонт ВП1.

В коллекции культурного горизонта ВП1 раскопа 4 (264 экз.) было зафиксировано шесть склеек, включивших от трех до девяти элементов. Сборки иллюстрируют расщепление в двух разных техниках.

1. Подпризматическая бипродольная техника для получения пластин среднего и крупного размера.

variety of shades of color and texture of various stone pieces ensured unmistakable separation of the debitage of one divisional from another without application, as well as allowed reconstruction of the flaking operations sequences by means of refitting.

The assemblage of the cultural level of horizon VP2 of excavation 4 (1,100 items) 40 refits consisting of 2 to 10 elements were registered. The more representative assemblies illustrated two different flaking techniques.

1. Subprismatic bidirectional technique for obtaining medium size and large blades. The refitting data gave evidence of the existence of three versions of this particular flaking technique realization. In the first case the operation sequence included lateral crest maintenance. Formation of the optimal working surface bulge was completed with an axial removal of lateral crests (in the form of crest blades). The second version also implied an axial ridge shaping with the transverse to the frontal surface removals, however its position was not tied specifically to the core's laterals, but was rather situational. The third version covered refits which did not have any traces of a transverse lateral trimming.

2. Single front technique for obtaining small blade blanks. The refits reflected two variants of blanks obtaining with the use of the single front technique. In the first case the large and massive blades or flakes obtained with the subprismatic bidirectional technique were reused as blanks for cores (burin-cores). The refits illustrated the process of single front unidirectional and bidirectional removal of small blade blanks with triangular and trapezoid cross section. The second variant was represented by a refit which gave evidence that after removing of blanks with the use of subprismatic bidirectional technique the remaining core was used for a series of biaxial removals from the end face.

Cultural horizon VP1.

In the assemblage of the cultural level of horizon VP1 of cut 4 (264 items) 6 refits consisting of 3 to 9 elements were registered. The assemblies illustrated knapping with the use of two different techniques.

1. Subprismatic bidirectional technique for obtaining medium size and large blades. Two refits were included into this category. The technique was represented with two versions, one of which implied fashioning on the counter front of a subprismatic core of a longitudinal ridge with the transverse to the frontal surface removals; another variant was represented by the applying edge-blades which were obtained from one side of the striking platform and did not carry and traces of any additional treatment of the core front.

2. Subprismatic unidirectional technique for obtaining medium size and large blades with the crest removal technique. The refit consisted of 9 elements [3] and re-

К данной стратегии были отнесены две сборки. Техника представлена двумя вариантами, один из которых подразумевал оформление на контрфронте подпризматического нуклеуса поперечными фронтальной поверхности снятиями продольного ребра; другой вариант представлен апшлицирующимися краевыми пластинами, которые были реализованы с одной ударной площадки и не несут следы какой-либо дополнительной подправки фронта нуклеуса.

2. Подпризматическая однонаправленная техника для получения пластин среднего и крупного размера с применением техники реберчатого скола. Сборка состоит из 9 элементов [3] отражает начальный и средний этапы параллельного продольного скальвания крупных пластинчатых заготовок. Расщепление было инициировано снятием с узкой и удлиненной торцевой рабочей плоскости продольного ребра, предварительно оформленного поперечными сколами (реберчатая пластина).

Сопоставляя стратегии утилизации каменного сырья культурных горизонтов ВП1 и ВП2, представленные в склейках, можно отметить, что как для индустрии одного горизонта, так и другого, определяющей является техника подпризматического бипродольного скальвания средних и крупных пластинчатых заготовок. Сборки, свидетельствующие о существовании подпризматической однонаправленной техники, были зафиксированы только в индустрии культурного горизонта ВП1. На каждом этапе заселения стоянки древние мастера использовали прием оформления на нуклеусе продольного ребра посредством поперечных фронтальной поверхности снятий, однако подобная обработка имела разное назначение. На сборках горизонта ВП1 удалось зафиксировать, что продольное ребро создавалось либо на контрфронте (вероятно, для поддержания формы и объема), либо на центральной части будущей рабочей поверхности, для последующей инициации расщепления посредством реализации реберчатого скола. Сборки горизонта ВП2 говорят о том, что серией поперечных снятий могли обрабатываться, в отдельных случаях, обе латерали нуклеуса, но зачастую создание продольного ребра было ситуационным. Торцовая техника для получения мелких пластинчатых заготовок была зафиксирована только на сборках горизонта ВП2.

Литература / References:

1. Деревянко А. П., Петрин В. Т., Рыбин Е. П., Чевалков Л. М. Палеолитические комплексы стратифицированной части стоянки Кара-Бом (мустье – верхний палеолит). Новосибирск, 1998.
2. Кулик Н. А., Шуньков М. В., Петрин В. Т. Результаты петрографического анализа палеолитических индустрий Центрального Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. 9, ч. 1. С. 154–159.

flected the initial and the middle stages of parallel removal of large blade blanks. Knapping was initiated by a removal from a narrow elongated front of a longitudinal crest which was preliminarily fashioned by lateral spalls (crested blade).

Comparing the strategies of the lithic raw material utilization in the cultural horizons VP1 and VP2 represented in the refits, we may state that for both horizons' industries the dominating technique was the subprismatic bidirectional flaking of large and medium sized blade blanks. The refits evidencing the existence of a subprismatic unidirectional technique were registered only in the cultural horizons VP1 industry. At each stage of the site's settlement the ancient craftsmen used the technique of fashioning of a lengthwise crest on a core by means of the transverse to the frontal surface removals, however this technique was used for different purposes. In the refits of horizons VP2 it was possible to confirm that the lengthwise crest was made either on a counter front (probably, to maintain shape and volume), or on a central part of the future working surface for subsequent initiation of knapping by means of a crest removal. Horizon VP2 assemblies suggested that a series of lateral removals could be used, in some cases, on both laterals of a core, but quite often the fashioning of a lengthwise ridge was situational. The single front technique for obtaining small blade blanks was registered only on horizons VP2 assemblies.

3. Славинский В. С., Рыбин Е. П. Восстановление с помощью ремонта вариантов скальвания камня в индустриях среднего палеолита и ранней поры верхнего палеолита стоянки Кара-Бом // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. История, филология. 2007. Т. 6, вып. 3. С. 70–79.

УДК 903.21(571.65/66)«633»

С. Б. СЛОБОДИН

Слободин Сергей Борисович — к.и.н., СВКНИИ ДВО РАН (Россия, Магадан). E-mail: archaeol@neisri.ru

УОЛБИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Ключевые слова: ранний голоцен, мезолит Северо-Востока Азии, пластинчатые наконечники, археология Колымы, Якутии, Камчатки и Чукотки

Резюме. Дается обобщающая характеристика раннеголоценовой уолбинской традиции пластинчатых черешковых наконечников Северо-Востока России, выделенная автором на основе открытых и исследованных им материалов на Верхней Колыме и анализа других материалов на Северо-Востоке Азии.

Исследования ряда новых археологических памятников, изученных автором на Верхней Колыме (Ui, Придорожная, Агробаза II, Конго-78, ИНГ-78), с анализом стоянок Авача 1, 9 [1] на Камчатке, стоянок на Чукотке [2], стоянки Юбилейный на р. Индигирка [3] и Уолба на р. Лена [4], привели к выделению нового, ранее неизвестного на Колыме и на всем Северо-Востоке Азии, раннеголоценового культурного комплекса с черешковыми пластинчатыми наконечниками [5].

Выделенный на стоянках Верхней Колымы комплекс с пластинчатыми черешковыми наконечниками уолбинского типа [6] позволяет определить культурную принадлежность и возраст как ранее открытых стоянок с пластинчатыми черешковыми наконечниками на Северо-Востоке Азии, так и вновь открываемых комплексов с близкими характеристиками.

Материалы рассмотренных стоянок показывают, что выделенный ранее на Верхней Колыме раннеголоценовый комплекс с черешковыми пластинчатыми наконечниками получил широкое распространение на Северо-Востоке Азии, присутствует прямо или косвенно в материалах Чукотки, Якутии, Камчатки и может рассматриваться теперь в качестве специфической уолбинской традиции пластинчатых наконечников, сформировавшейся здесь в первой половине голоцена, примерно 8800–6000 л.н. Уолбинская традиция характеризуется, помимо

S. B. SLOBODIN

Slobodin Sergey Borisovich — PhD in History, NEIRI FEB RAS (Russia, Magadan). E-mail: archaeol@neisri.ru

UOLBIN TRADITION OF THE EARLY HOLOCENE IN THE NORTH-EAST ASIA

Key words: early Holocene, the Mesolithic of the North-East Asia, blade points, archaeology of Kolyma, Yakutia, Kamchatka and Chukotka

Summary. The paper gives a general overview of the early Holocene Uolbin tradition of tanged points on blades in the North-East of Russia identified by the author on the basis of the discovered and studied by him materials in the Upper Kolyma region and the analysis of other materials in the North-East of Asia.

The study of a number of new archaeological sites researched by the author in the Upper Kolyma region (Ui, Pridorozhnaya, Agrobasa II, Kongo-78, ING-78) with the analysis of sites Avacha 1, 9 [1] in Kamchatka, archaeological sites in Chukotka [2], Yubileyny site on the Indigirka river [3], and Wolba on the Lena river [4] resulted in isolation of a new, not previously known in the Kolyma region or elsewhere in the North-East of Asia early Holocene culture complex with tanged points on blades [5].

The isolated on the Upper Kolyma Uolbin type culture complex with tanged points on blades [6] allowed determining the cultural attribution and the age of both the earlier discovered sites with tanged points on blades in the North-East of Asia, and the newly discovered complexes with similar characteristics.

The materials of the studied sites demonstrated that the earlier identified on the Upper Kolyma early Holocene culture complex with tanged points on blades became quite common in the North-East of Asia, and was present directly or indirectly in the materials from Chukotka, Yakutia, and Kamchatka and could be now considered a specific Uolbin tradition of blade points, which developed in the area in the first half of the Holocene, approximately around 8800–6000 y. a. The Uolbin tradition was characterized, in addition to the tanged points on blades, by a mature microblade industry with prismatic and conical cores; partially polished bifacial core axes with a waist; bifacially retouched triangular points; end scrapers; retouched

пластинчатых черешковых наконечников, развитой микропластинчатой индустрией с призматическими и коническими нуклеусами, частично шлифованными двусторонне оббитыми топорами с перехватом, двусторонне обработанными наконечниками треугольной формы, концевыми скребками, ретушированными микропластинками. Объединение комплексов Северо-Востока Азии с черешковыми пластинчатыми наконечниками на основании сходных технико-типологических характеристик их каменного инвентаря, периода существования и района распространения в отдельную технологическую традицию Северо-Востока России, позволяет рассматривать их в рамках единой мезолитической раннеголоценовой традиции, дав ей название «Уолбинская» по месту обнаружения А. П. Окладниковым первых в Якутии пластинчатых черешковых наконечников.

Общие технико-типологические характеристики, время существования и территория распространения позволяет рассматривать этот культурный континуум в развитии от мезолита (стоянки Уи, Юбилейная, возрастом 8800–8300 л. н.) до раннего неолита (ранненеолитическая ушковская культура возрастом 6200 л. н. на Камчатке).

На раннем этапе развития уолбинской традиции использовались частично ретушированные пластинчатые трапецевидные в поперечном сечении наконечники, у которых отжимной ретушью оформлялись только острие и черешок (стоянки Уи, Юбилейная, Конго-78, ИНГ-78); постепенно наконечники подвергались более полной обработке — дополнительно ретушировались один или оба края, вплоть до преобладания полной обработки, формирования треугольного поперечного сечения и появления на ее позднем этапе развития свисающих плечиков (стоянки Придорожная, Авача 1, 9).

Анализ раннеголоценовых комплексов Северо-Востока Азии в последних публикациях по этой теме проводится уже с учетом существования уолбинской традиции. И. Е. Воробей [7] отмечает «синтетический характер» индустрии уолбинского комплекса Верхней Колымы в ряду других раннеголоценовых культур Северо-Востока Азии. В. В. Питулько [8] рассматривает Уолбинский комплекс в качестве «уолбинской фазии сумнагинской культурной традиции», расширяя ее распространение, помимо уже обозначенных территорий Чукотки, Камчатки, Верхней Колымы и Восточной Якутии, и на территории п-ова Таймыр, где пластинчатые наконечники найдены на стоянке Тагенар VI. Аналогии уолбинскому комплексу прослеживаются исследователями на Чукотке [2] и на Камчатке [1; 9].

microblades. Uniting the North-East of Asia complexes with the tanged points on blades on the basis of similar technical and typological characteristics of their lithic inventories, the period of existence and the area of distribution into a separate technological tradition of the North-East of Russia allows considering them as part of a common Mesolithic early Holocene tradition with the name Uolbin tradition by the location of discovery by A. P. Okladnikov of the first in Yakutia tanged points on blades.

The common technical and typological characteristics of their lithic inventories, the period of existence and the area of distribution allow studying this continuum in its development from the Mesolithic (sites Ui, Yubileynaya aged 8800–8300 y. a.) to the early Neolithic (early Neolithic Ushkovsky culture aged 6200 y. a. in Kamchatka).

At the early stages of the Uolbin tradition development the partially retouched trapezoidal in section points on blades with only the point and tang retouched by pressure were used, (sites Ui, Yubileynaya, Kongo-78, ING-78); gradually the treatment of arrowheads became more invasive — one or two edges were additionally retouched, up to the domination of complete retouch, obtaining a triangle section and the appearance in the late development stage of drooping shoulders (sites Pridorozhnaya, Avacha 1, 9).

The North-East of Asia early Holocene complexes analysis in the recent publications on the subject was already taking into account the existence of the Uolbin tradition. I. E. Vorobei [7] noted the “synthetic nature” of the Upper Kolyma Uolbin complex industry alongside with the other early Holocene cultures of the North-East of Asia. V. V. Pitulko [8] viewed the Uolbin complex as a “Uolbin phase of the Sumnagin cultural tradition” expanding its areal in addition to the already mentioned territories of Chukotka, Kamchatka, Upper Kolyma and eastern Yakutia also to the territory of the Taimyr peninsula where points on blades were found in archaeological site Tagenar VI. Similarities to the Uolbin complex were found by researchers in Chukotka [9] and in Kamchatka [1, 9].

The origin of the Uolbin complex blade points in the North-East of Asia is not yet clear. A. P. Okladnikov [10] believed that the prototypes of the Uolbin points were first brought to the forest zone of the Cis-Baikal region from somewhere in the Eurasian steppe, most likely from the Trans-Baikal and the upper Amur regions, and from there on to Yakutia.

Yu. A. Mochanov [11] assumed the possibility of their appearance in Yakutia as a result of “ancient contacts that existed between the populations of the North-east Europe and Northern Siberia”. The impulses of

Происхождение уолбинской традиции пластинчатых наконечников на Северо-Востоке Азии пока не ясно. А. П. Окладников [10] считал, что прототипы уолбинских наконечников попадали сначала в лесную зону Прибайкалья откуда-то из степей Евразии, скорее всего из Забайкалья и верховьев Амура, а оттуда в Якутию.

Ю. А. Мочанов [11] допускает возможность появления их в Якутии в ходе «древних связей, существовавших между населением Северо-Восточной Европы и Северной Сибири». Импульсы этих связей могли происходить от таких раннеголоценовых культур с пластинчатыми черешковыми наконечниками, как, например, веретье (по стоянке Веретье I) [12]. В прилегающих к Северо-Востоку Азии регионах прямых параллелей комплексам с пластинчатыми черешковыми наконечниками пока нет. Возможно, что определенную роль в распространении этих наконечников к северо-востоку от Амура сыграла среднеамурская новопетровская культура пластин V тыс. до н. э. [13].

Для Камчатки Н. Н. Диков предполагал взаимодействие местных ранних послепалеолитических элементов и новых культурных импульсов, возникших «в результате дивергенции более широкой послепалеолитической «мезолитической» культурной общности Северо-Востока Азии» [14].

Дальнейшее развитие каменных культур Колымы в неолите происходило отчасти под влиянием мезолитической уолбинской традиции. Отмечается, что развитие раннеолитической культуры Средней Колымы шло «при активных этнокультурных контактах с племенами приленской сылахской культуры, а также с населением бассейна Верхней Колымы, которое уже в мезолите было вооружено черешковыми метательными наконечниками на пластинах «уолбинского» типа» [15].

Пока еще не на все вопросы, связанные с развитием уолбинской традиции, имеются ответы, поэтому поиск новых памятников этой традиции и детальное изучение уже известных является важной задачей дальнейших исследований на Северо-Востоке Азии.

Литература / References:

1. Пономаренко А. К. Древняя культура ительменов Камчатки. Петропавловск-Камчатский, 2000.
2. Кирьяк (Дикова) М. А. Каменный век Чукотки. Магадан: Кордис, 2005.
3. Кашин В. А. Стоянка Юбилейный и ее место в культуре каменного века Якутии // Позднеплейстоценовые и раннеголоценовые культурные связи Азии и Америки. Новосибирск, 1983. С. 93–102.
4. Окладников А. П. Ленские древности. Якутск, 1946. Вып. 2.
5. Слободин С. Б. Археология Колымы и Континентального Приохотья в позднем плейстоцене и раннем голоцене. Магадан, 1999.
6. Слободин С. Б. Раннеголоценовые комплексы Верхней Колымы и некоторые аспекты проблемы «мезолита» Северо-Востока Азии // Поздний палеолит — ранний неолит Восточной Азии и Северной Америки. Владивосток, 1996. С. 204–212.

these contacts could originate from such early Holocene cultures with tanged points on blades as, e. g. Veretje (named after Veretje I site) [12]. In the adjoining to the North-East of Asia regions no direct parallels to the tanged points on blades has yet been found. It is quite probable, that a certain role in the distribution of these points to the north-east of the Amur region was played by the middle Amur Novopetrovskaya blade culture of the 5th millennium BC [13].

For Kamchatka N. N. Dikov assumed the existence of contacts between the local early post-Paleolithic elements and the new cultural impulses originating “as a result of divergence of the wider post-Paleolithic “Mesolithic” cultural community of the North-East of Asia” [14].

Further development of the lithic cultures of the Kolyma in the Neolithic was in part influenced by the Mesolithic Uolbin tradition. It is noted that the evolution of the early middle Kolyma Neolithic culture occurred in the context of «active ethnocultural contacts with the tribes of the Lena region Syalakh culture, as well as with the population of the Upper Kolyma basin, which already in the Mesolithic was armed with projectile tanged points on blades of the “Uolbin” type (Slobodin, 1999)” [15].

At present not all questions related to the evolution of the Uolbin tradition has been answered yet, therefore a search for new sites with this tradition and the detailed study of the already discovered ones are the important tasks for further studies in the North-east of Asia.

7. Воробей И. Е. Раннеголоценовые индустрии Крайнего Северо-Востока Азии // Археология, палеоэкология и этнология Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1996. С. 56–58.
8. Питулько В. В. Голоценовый каменный век Северо-Восточной Азии // Естественная история Российской Восточной Арктики в плейстоцене и голоцене. М., 2003. С. 99–145.
9. Пташинский А. В. К вопросу о неолите Камчатки // Неолит и палеометалл Севера Дальнего Востока. Магадан, 2006. С. 78–86.
10. Окладников А. П. Вклад советской археологии в изучение прошлого северных народов // Ученые записки ЛГУ. 1950. Вып. 1. № 115. С. 34–35.
11. Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
12. Ошибкина С. В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.
13. Деревянко А. П. Новопетровская культура Среднего Амура. Новосибирск, 1970.
14. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
15. Кашин В. А. Неолит Средней Колымы: сб. тр. Новосибирск, 2013.

УДК 902.01(571.66)«6324»

А. Ю. ФЕДОРЧЕНКО

Федорченко Александр Юрьевич — СВКНИИ ДВО РАН
(Россия, Магадан). E-mail: winteralex2008@gmail.com

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЗЦОВ ИЗ VI КУЛЬТУРНОГО
СЛОЯ УШКОВСКИХ СТОЯНОК (КАМЧАТКА):
ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Ключевые слова: Ушковские стоянки, Камчатка, палеолит, трасология, резцы, технологический анализ

Резюме. Приведены результаты комплексного исследования изделий с резцовыми сколами (резцов) из VI культурного слоя Ушковского комплекса стоянок. Выделены морфологические группы резцов, реконструированы основные этапы их изготовления. На основании трасологического анализа и экспериментальных данных, сделаны предварительные выводы о функциональном назначении изученных резцов.

Изделия с одним или несколькими резцовыми сколами (резцы) являются одной из важнейших составляющих позднепалеолитических комплексов Северо-Восточной Азии (СВА). Среди широкого круга исследовательских инструментов, используемых при анализе резцов, наиболее популярным и востребованным по-прежнему остается типологический метод. В основе типологического исследования лежит изучение общих морфологических особенностей артефактов, выявление сходных и специфических элементов формы с целью выделения типов и осуществления классификации. По наличию или отсутствию на памятниках СВА тех или иных типов резцов устанавливаются ареалы распространения палеолитических культур. С позиций

A. YU. FEDORCHENKO

Fedorchenko Alexander Yurjevich — NEISRI FEB RAS
(Russia, Magadan). E-mail: winteralex2008@gmail.com

EXPERIMENTAL USE-WEAR ANALYSIS OF
BURINS FROM CULTURE LEVEL VI OF
USHKOVSKY SITES (KAMCHATKA):
PRELIMINARY RESULTS

Key words: Ushkovsky sites, Kamchatka, the Paleolithic, use-wear analysis, burins, technological analysis

Summary. The paper sums up the results of a comprehensive study of burin spall tools (burins) from culture level VI of the Ushkovsky sites complex. Morphological types of burins have been identified, and main stages of their production were reconstructed. Based on the use-wear analysis results and the experimental data preliminary conclusions were made about the functional purpose of the studied burins.

The tools with one or several burin scars (burins) are one of the most important components of the late Paleolithic complexes of the North-East Asia (NEA) region. Within a wide range of research approaches used for the study of burins the most popular and the more widely used is the typological analysis approach. The typological analysis approach is based on the study of the common morphological features of the artifacts, identification of similar and specific elements of shape with the purpose of the types identification and their classification. Judging by the presence or absence in the NEA archaeological sites of a certain type of burins the areals of the Paleolithic cultures distribution are established. From the positions of the formal typological approach the presence of burin scars on a lithic tool serves as an a priori evidence of its use as a tool

формально-типологического подхода, присутствие на каменном изделии резцовых сколов служит априорным доказательством его использования в качестве орудия для обработки кости, рога, бивня или дерева. В то же время, исследователи, посвятившие себя экспериментально-трасологическому исследованию резцовой техники [1, с. 122; 2], неоднократно отмечали, что наличие негативов резцовых снятий не должно рассматриваться в качестве строгого доказательства использования орудия в качестве резца. Отсутствие непротиворечивых сведений о функциональном назначении большинства известных в палеолите СВА «резцовых» форм, создает необходимость их дифференциации на осмысленные функционально-морфологические типы орудий.

В настоящий момент работа по данному направлению ведется нами на материалах палеолитического комплекса VI культурного слоя стоянки Ушки-I (Камчатка), датированного 10800–10000 л. н. Целями исследования являлись реконструкция технологии изготовления и установление функций изделий с резцовыми сколами. При анализе и фиксации следов износа и изготовления применялись стереомикроскоп МБС, микроскоп проходящего света Olympus BHM, цифровой фотокомплекс Altami, фотокамера Canon 7D с объективами EF-S 60 mm Macro, EF 40 mm, EF 28–125 mm. Лабораторные изыскания дополнялись экспериментами по моделированию способов производства и производительности резцов в ходе различных операций (изготовления паза в роге северного оленя, строгания и скобления рога, дерева, кости).

Подробный анализ археологической коллекции (из раскопок Н. Н. Дикова 1964–1990 гг.) позволил выявить в материалах VI слоя стоянки Ушки-I представительную серию изделий с резцовыми сколами (132 экз.). Исходной заготовкой изученных изделий выступали пластинчатые отщепы с относительно ровным профилем — сколы оформления бифасиальных орудий и преформ микронуклеусов (66,65%), их медиальные (17,5%), проксимальные (13,6%) или дистальные сегменты (0,75%), фрагмент ладьевидного скола (0,75%) и бифасиального орудия (0,75%). В качестве сырья использовались кремни (зеленого, коричневого, серого и иных цветов) и халцедоны. Размеры резцов колеблются от 14 x 12 x 3 до 43 x 23 x 8 мм, усредненные параметры составляют 23,1 x 18,5 x 4,4 мм.

При классификации резцов данного комплекса нами учитывались следующие критерии: 1) морфология площадки и плоскости резцового скальвания (подготовленная ретушью; необработанная; поверхность слома заготовки; поверхность предыдущего

for bone, antler, tusk, or wood working. At the same time the researchers specializing on the experimental use-wear analysis of burin technique [1, p. 122; 2], have repeatedly stated that the presence of burin scars should not be viewed as a strong evidence of the use of a tool as a burin. Lack of consistent evidence of the functional purpose of the known in the Paleolithic “burin” shapes called for a need of their differentiation into the meaningful functional and morphological types of tools.

At present we started work in this direction on the materials of the Paleolithic complex from culture level VI of site Ushki I (Kamchatcha) dated as 10,800–10,000 y. a. The purpose of the study was the reconstruction of production technique and establishing the functions of tools with burin scars. The instruments used in the process of analysis and registration of traces of wear and manufacturing included MBS stereo microscope, incident light microscope Olympus BHM, digital photographic unit Altami, and Canon 7D camera with lenses EF-S 60 mm Macro, EF 40 mm, EF 28–125 mm. Laboratory studies were complemented by experimental simulation of production and performance of burins in the course of performing various operations (making a slot in reindeer antler, shaving and scraping of antler, wood, and bone).

A detailed analysis of the archaeological assemblage (from N. N. Dikov's excavations, 1964–1990) allowed identification in the materials of level VI of Ushki I (Kamchatcha) site of a representative series of tools with burin scars (132 items). The initial blank for the studied tools were blade-like flakes with a relatively smooth profile — bifacial tools spalls and microcore preforms (66.65%), their medial (17.5%), proximal (13.6%), or distal segments (0.75%), a boat-shaped spall (0.75%) and a bifacial tool (0.75%). Different types of flint (of green, brown, gray and other colors) and calcedony were used as raw material. The sizes of burins varied from 14 x 12 x 3 to 43 x 23 x 8 mm, the averaged dimensions were 23.1 x 18.5 x 4.4 mm.

In classification of this type of burins we took into account the following factors: 1) the platform and the burin scar plane morphology (preliminarily retouched; not retouched; blank fracture surface; previous burin scar surface); 2) the nature of the burin scars positioning with regard to the tool axis (perpendicular; parallel; diagonal); 3) number of scars (one, two, three or more). In accordance with these parameters two main groups of burins could be identified in the level VI industry: single and double (combined). The first category included the tools with scars on one side face (27.2%) located perpendicular (16.7%) or diagonally to the tool axis (8.3%) on a blank fracture surface (angle) (9.85%). The tools

резцового скола); 2) характер расположения резцовых сколов относительно оси изделия (перпендикулярно; параллельно; диагонально); 3) количество сколов (один, два, три или более). В соответствии с данными параметрами в индустрии VI слоя могут быть выделены две основные группы резцов: одинарные и двойные (комбинированные). В первую категорию включены изделия со сколами на одной боковой грани (27,2%), расположенных перпендикулярно (16,7%) или диагонально оси изделия (8,3%), на сломе заготовки (угловые) (9,85%). Исключительно разнообразны изделия с двумя и более резцовыми сколами: двойные боковые (13,7%), двугранные угловые (8,3%), диагональные и боковые (6,1%); двугранные угловые и боковые (3%), поперечные и боковые (2,3%), двойные диагональные (2,3%), боковой и поперечный (0,75%), диагональный и поперечный (0,75%), двойной со встречными диагональным и поперечным сколами (0,75%).

Несмотря на обилие морфологических вариантов резцов, все они демонстрируют единство в плане технологии изготовления. В подавляющем большинстве случаев в качестве площадки для нанесения резцового скола служила подготовленная ретушированная поверхность. Основной техникой скола при оформлении резцов в индустрии VI культурного слоя Ушковских стоянок являлся ручной отжим. Снятие резцовых сколов с одной плоскости скальвания могло последовательно производиться от двух до восьми раз — следы предыдущих сколов имеет около 40% изделий. У семи изделий прослежены следы выравнивания плоскости скальвания путем ретуширования предыдущего резцового снятия. Использование отжимной техники позволяло добиться высокой регулярности и стандартизованности в получении резцового негатива строго заданной морфологической конфигурации. Результаты экспериментально-трасологического исследования небольшой серии изделий с резцовыми сколами позволяет судить об их использовании совместно с рукоятями — в качестве вкладышей строгальных ножей и скобелей по твердым органическим материалам. Характер следов износа, размеры изделий и многочисленные следы предыдущих резцовых снятий указывают на довольно длительное использование данных инструментов в работе.

Литература / References:

1. Семенов С. А. Первобытная техника. Л., 1957.
2. Филиппов А. К. Проблемы технического формообразования орудий труда в палеолите // Технология производства в эпоху палеолита. Л., 1983. С. 9–71.

with two and more burin scars were extremely varied: double side (13.7%), dihedral angle (8.3%), diagonal and side (6.1%), dihedral angle and side (3%), lateral an side (2.3%), double diagonal (2.3%), side and lateral (0.75%), diagonal and lateral (0.75%), double with counter diagonal and lateral scars (0.75%).

Despite the abundance of the morphological variants of burins all of them demonstrated a common manufacturing technique. In a vast majority of cases a prepared retouched surface served as a burin scar platform. Main spall removal technique for the burins production in the level VI industry of Ushkovsky sites was manual pressure. Burin spalls removal from one and the same removal platform could be performed two to eight times successively — about 40% of tools had traces of previous spalls. Seven tools had traces of platform smoothing by means of the previous burin scar retouch. Use of pressure technique allowed to achieve high regularity and standardization of burin negatives of an unvarying morphological configuration. The results of experimental studies and use-wear analysis of a small series of burin scar tools suggested that they were used together with handles as shaving knives inserts and scrapers for work on hard organic materials. The nature of wear traces, the tools sizes and the numerous traces of previous burin scars pointed to a rather long time use of these tools.

УДК 903.01 «633»

С. В. ШНАЙДЕР

Шнайдер Светлана Владимировна — ИАЭТ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

**ГЕНЕЗИС МЕЗОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ
ПАМИРО-АЛАЯ**

Ключевые слова: мезолит, Памиро-Алай, кареноидный нуклеус, геометрический микролит, треугольный микролит

Резюме. В данной работе приводятся результаты сравнительного анализа раннемезолитических коллекций Туткаула (горизонт 3) и Оби-Киика с материалами кульбулакской культуры, а также с синхронными комплексами Леванта и Загроса, на основе чего предлагается новая гипотеза генезиса мезолита Памиро-Алая.

Традиционно происхождение мезолита на территории Памиро-Алая связывалось с миграционными движениями, направленными с территорий Леванта и Загроса [1; 2; 3]. Однако в последнее десятилетие получены новые данные по верхнему палеолиту региона, выделена кульбулакская культура [4; 5], анализ этапного развития которой позволил несколько пересмотреть историю возникновения мезолита в регионе.

Проведенный сравнительный анализ комплексов заключительной стадии кульбулакской культуры (Додекатым-2) и раннего мезолита (Туткаул, Оби-Киик) показал наличие заметных сходств между материалами как на технологическом, так и на типологическом уровне. Первичное расщепление индустрий было направлено на получение прямопрофильных пластинок и микропластин в рамках однонаправленного скальвания и заготовок с изогнутым и закрученным профилем в рамках кареноидного расщепления. На определенные параллели между индустриями может указывать и наличие в индустриях пластинок и микропластин с притупленным краем, высоких микроскрэбков, а также пластин и пластинок с альтернативной ретушью. Помимо этого, в орудийном наборе гор. 3 стоянки Туткаул выявлен аналогичный экземпляр треугольного микролита, которые являются одним из маркеров кульбулакской культуры [6].

Проведенные корреляции мезолитических индустрий региона с эпипалеолитическими комплексами Леванта и Загроса — геометрического кебарана (Неве-Давид, Кебара, Охало-2) и зарзиана (Зарзи, Шанидар (слой В), Пелегавра). В данных индустриях в первичном расщеплении также представлена значительная

S. V. SHNAYDER

Shnayder Svetlana Vladimirovna — IAET SB RAS
(Russia, Novosibirsk). E-mail: sveta.shnayder@gmail.com

**GENESIS OF THE MESOLITHIC IN THE
TERRITORY OF THE PAMIR-ALAI REGION**

Key words: the Mesolithic, Pamir-Alai, carenoid core, geometric microlith, triangular microlith

Summary. The work sums up the results of comparative study of the early Mesolithic assemblages of Tutkaul (level 3) and Obi-Kiik with the Kulbulak culture materials, as well as the synchronous complexes of Levant and Zagros on the basis of which a new hypothesis of the Pamir-Alai Mesolithic genesis was proposed.

Traditionally the origin of the Mesolithic in the territory of the Pamir-Alai region was connected with migrations from the territories of Levant and Zagros [1; 2; 3]. However in the last decades new data on the upper Paleolithic of the region have been obtained and the Kulbulak culture was identified [4; 5], the analysis of the latter's development stages made possible to review the current ideas of the emergence of the Mesolithic in the regions.

Comparative analysis of the complexes of the final stage of the Kulbulak culture (Dodekatym-2) and the early Mesolithic (Tutkaul, Obi-Kiik) demonstrated a notable similarity in the materials both on the technological and the typological levels. Primary knapping industry was oriented towards the production of straight-profiled blades and microblades by means of unidirectional removal and blanks with bent and twisted profile by means of the carenoid knapping technique. Another indication of the existence of certain parallels between the industries was the presence in the industries of backed blades and microblades, high micro-scrapers, as well as large and small blades with alternative retouch. In addition in the tool set of level 3 of the Tutkaul site a similar triangle microlith item was identified, which was one of the Kulbulak culture markers [6].

In the course of the study correlations were made between the Mesolithic industries of the region and the epi-Paleolithic complexes of Levant and Zagros — the geometric Kebaran (Neve-David, Kebara, Ohalo-2) and Zarzian (Zarzi, Shanidar (level 2), Pelegavra). In the primary knapping group of these industries there was also a significant share of carenoid cores. In the tool set there was a domination of geometric microliths in the form of rectangles, on the late stages of these cultures

доля кареноидных нуклеусов. В орудийном наборе отмечается доминирование геометрических микролитов в виде прямоугольников, на поздних этапах этих культур отмечается преобладание сегментов, помимо этого выделяется представительная серия высоких микроскребков и отмечается наличие пластин и пластинок с альтернативной ретушью. При этом на этих территориях (Левант, Загрос, Памиро-Алай) отмечается единая последовательность смены типов геометрических микролитов на протяжении периода эпипалеолита (или мезолита): неравносторонние треугольники на ранних этапах, прямоугольники/трапеции на средних и сегменты на поздних этапах развития культур мезолита/эпипалеолита [7; 8; 9].

Значительное сходство с локальными верхнепалеолитическими комплексами и с эпипалеолитическими комплексами Леванта и Загроса позволяет выдвинуть гипотезу, что генезис мезолита региона был связан преимущественно с развитием локальных верхнепалеолитических культур, испытавших, тем не менее, многократные культурные импульсы (миграция или/и культурная диффузия), направленные с территорий Леванта и Загроса.

Литература / References:

1. Ranov V. A., Davis R. Toward a new outline of Soviet Central Asian Paleolithic // *Current Archaeology*. 1979. Vol. 20, № 2. P. 249–262.
2. Коробкова Г. Ф. Мезолит Средней Азии и Казахстана // *Мезолит СССР*. 1989. С. 149–174.
3. Филимонова Т. Г. Верхний палеолит и мезолит афгано-таджикской депрессии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Душанбе, 2007.
4. Колобова К. А., Флас Д., Деревянко А. П., Павленок К. К., Исламов У. И., Кривошапкин А. И. Кульбулакская мелкопластинчатая традиция в верхнем палеолите Центральной Азии // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2013. № 2 (54). С. 3–54.
5. Колобова К. А. Верхний палеолит Западного Памиро-Тянь-Шаня: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 2014.
6. Колобова К. А., Кривошапкин А. И., Деревянко А. П., Исламов У. И. Верхнепалеолитическая стоянка Додекатым-2 (Узбекистан) // *Археология, этнография и антропология Евразии*. 2011. № 4 (48). С. 2–21.
7. Bar-Yosef O. The Epi-Paleolithic cultures of Palestine. Thesis Submitted for the Degree «Doctor of Philosophy». Jerusalem, 1970.
8. Olshewski D. The Zarzian Occupation at Warwasi Rockshelter, Iran // *The Paleolithic prehistory of the Zagros-Taurus*. Philadelphia, 1993. P. 207–336.
9. Yaroshevich A. Microlithic Variability and Design and Performance of Projectile Weapons during the Levantine Epi-paleolithic: Experimental and Archaeological Evidence. A thesis submitted for the degree «doctor of philosophy». Heifa, 2010.

a prevalence of segments was observed, in addition to this a representative series of high micro-scrappers was identified alongside with the presence of large and small blades with alternative retouch. At the same time in these territories (Levant, Zagros, Pamir-Alai) a uniform sequence of the change of geometric microliths types was observed throughout the epi-Paleolithic (or the Mesolithic) period: scalene triangles at the early stages, rectangles/trapezoids at the middle, and segments at the late stages of the Mesolithic/epi-Paleolithic cultures development.

Significant similarity with the local upper Paleolithic complexes and the epi-Paleolithic complexes of Levant and Zagros makes it possible to offer a hypothesis that the genesis of the Mesolithic in the region was associated mostly with the development of local upper Paleolithic cultures exposed nonetheless to repeated cultural influences (migration and/or cultural diffusion) coming from the territories of Levant and Zagros.

УДК 902(571.151)«6328»

М. В. ШУНЬКОВ

Шуныхов Михаил Васильевич — д.и.н.,
 ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
 E-mail: shunkov@archaeology.nsc.ru

M. V. SHUNKOV

Shunkov Mikhail Vasiljevich — Doctor of History,
 IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk)
 E-mail: shunkov@archaeology.nsc.ru

ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ЭПОХУ ПОСЛЕДНЕГО ПОХОЛОДАНИЯ ВЕРХНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА

Ключевые слова: верхний плейстоцен, поздний палеолит, каменная индустрия

Резюме. Для оценки взаимосвязи динамики природной среды и развития культуры первобытного человека на территории Северной Азии большое значение имеют материалы многослойных палеолитических памятников Горного Алтая. Данные междисциплинарных исследований этих объектов позволили реконструировать природные условия в конце верхнего плейстоцена и характер позднепалеолитической индустрии.

Одной из основных задач палеолитоведения является реконструкция динамики различных компонентов природной среды в новейшее геологическое время. Это связано с тем, что древний человек был неотъемлемой частью природных сообществ, в которых проходило его становление и развитие. Изучение изменений растительных и животных сообществ в плейстоцене позволяет выявить и понять механизмы взаимодействия первобытного человека с различными природными компонентами. Наиболее эффективно эта задача решается при комплексном исследовании многослойных палеолитических стоянок.

Одним из примеров интенсивного изучения динамики древних природных комплексов является долгосрочная программа междисциплинарных исследований палеолита Алтая. Эти работы включают изучение истории развития рельефа, современной растительности и животного мира, реконструкции истории флоры и фауны, развития природных условий и климата в плейстоцене. Наиболее информативными в этом отношении оказались многослойные палеолитические стоянки, расположенные на северо-западе Алтая, в долине верхнего течения р. Ануй — Денисова пещера, Усть-Каракол, Ануй-2, -3 и др. На этих памятниках выполнен литолого-фациальный анализ плейстоценовых отложений, получены данные по составу спор и пыльцы растений, проведено определение ископаемых костных остатков мелких и крупных млекопитающих.

Развитие природных условий Горного Алтая в период последнего похолодания верхнего плейстоцена

GORNY ALAI DURING THE LAST UPPER PLEISTOCENE COLD PERIOD

Key words: Upper Pleistocene, late Paleolithic, lithic industry

Summary. Materials of the multi-level Paleolithic sites of Gorny Altai have a significant importance for the understanding of dependencies between the natural environment dynamics and the primitive people culture development in the territory of Northern Asia. The interdisciplinary research data allowed to reconstruct the natural conditions existing in the end of the Upper Pleistocene and the characteristics of the late Paleolithic industry.

One of the main tasks of the Paleolithic studies is the reconstruction of various natural environment components' dynamics during the recent geological period. This relates to the fact that ancient people were an integral part of nature communities in which their evolution and development occurred. The study of the changes in the plant and animal populations in the Pleistocene makes possible to detect and understand the mechanisms of the primitive human interrelations with various natural components. This task can most efficiently be carried out by a comprehensive study of multi-level Palaeolithic sites.

One of the examples of intensive studies of the ancient natural complexes dynamics was a long-term program of interdisciplinary studies of the Altai Palaeolithic. These works covered the study of landscape development history, contemporary vegetation and wildlife, reconstruction of the flora and fauna history, development of the natural conditions and climate change in the Pleistocene. The most informative in this respect were the multi-level Palaeolithic sites located in the north-west of the Altai in the Anui headstream valley — Denisova cave, Ust Kara-kol, Anui-2, -3, etc. The work performed on these sites included the lithologo-facial analysis of the Pleistocene deposits, collection of data on plant spores and pollen composition, and identification of fossil bone remains of small and large mammals.

Development of the natural conditions of Gorny Altai during the last cold period of the Upper Pleistocene (the oxygen-isotope stage 2). i.e. at the final stage of the upper Paleolithic was best characterized by the materials

(кислородно-изотопная стадия 2), т. е. на заключительной стадии верхнего палеолита наиболее полно характеризуют материалы из слоя 9 в Денисовой пещере, слоев 4–2 на стоянке Усть-Каракол, слоев 9–5 на стоянке Ануи-2 [1] и слоев 11–14 в пещере Каминная [2]. Спорово-пыльцевые спектры и фаунистические останки из этих отложений фиксируют максимальное ухудшение климатической и биотопической обстановки в долине Ануя в верхнем плейстоцене.

В эту эпоху в окружающих ландшафтах максимально возросла доля травянистых растений и кустарников. Основные площади открытых биотопов занимали разнотравно-злаковые остепненные луговые ассоциации. На каменистых прогреваемых склонах развивались низкотравные сухостепные группировки. В верхнем ярусе речных долин распространялась растительность гольцового типа с мелкодерновинными злаками и куртинами степняков. Небольшие лесные участки на склонах долины состояли в основном из темнохвойных пород — ели и кедра с примесью сосны и березы. Постоянными компонентами лесной растительности стали лиственница и пихта. Это было связано, скорее всего, с формированием локальных ледников на склонах северной экспозиции, значительным расширением нивального пояса и вытеснением кедрачей, пихты и лиственницы на нижние уровни долины. Площади ледников, судя по размерам каров, были незначительными, а их мощность составляла первые сотни метров [3].

Сокращение лесных массивов, увеличение луговых и степных биотопов привело к формированию обширных площадей с густым травянистым покровом и, следовательно, к значительному росту численности копытных животных — основных объектов охоты первобытного человека. Среди крупных травоядных преобладали животные степных пространств — лошадь, сайга, дзерен, архар, як, плейстоценовый осел, шерстистый носорог, первобытный бизон. Высокой была численность сибирского горного козла — типичного обитателя скальных склонов. Среди хищников доминировали гиена, лисица, медведь и волк.

Археологические материалы заключительной стадии верхнего палеолита свидетельствуют о преемственности технологических традиций древнейшего населения Алтая. Эта преемственность проявилась в последовательном расширении базы пластинчатого расщепления, прежде всего, за счет активного использования микропластинчатых технологий. В позднепалеолитических индустриях, по сравнению с предшествующим этапом, заметно увеличилось количество удлиненных сколов, среди которых возросла доля микропластин. В составе каменного инвентаря скребла, листовидные бифасы, зубчатые

from level 9 of Denisova cave, levels 4–2 of Ust Karakol site, levels 9–5 of Anui-2 site [1], and levels 11–14 of Kaminnaya cave [2]. The spore-pollen spectra and the faunal remains from those deposits gave evidence of the maximum deterioration of climatic and habitat situation in the Anui valley in the Upper Pleistocene.

During that period there was a maximum growth of herbaceous plants and shrubs in the surrounding landscapes. Main areas of the open habitats were occupied by herb-bunchgrass steppe meadow associations. On the stone warmed-up slopes the short grasses dry steppe groups developed. In the upper tier of the river valleys there was a domination of goltsty altitudinal belt type vegetation with bunchgrass and steppe plants beds. Small forested areas on the valley slopes consisted mostly of coniferous species — spruce and cedar, with some pines and birch trees. A common component of the forest vegetation were larch-trees and Silver fir. This was related, most likely, to the formation of local glaciers on the northern exposed slopes, the significant expansion of the nival belt, and the displacement of cedars, Silver fir and larches to the lower levels of the valley. The glaciers area, judging by the kars sizes was insignificant, and their thickness was not more than the first hundreds of meters [3].

Shrinking of the forest territories, and growth of the meadow and steppe habitats resulted in the formation of vast areas with thick grass carpet and, hence, in a significant growth of ungulates — main prey of a primitive man. Among the large herbivorous the dominant group consisted of steppe species — horses, saiga, dzeren, argali, yak, Pleistocene donkey, woolly rhinoceros, and primordial bison. The Siberian mountain goat population — a typical rocky slopes dweller — was quite large. Among the predators the dominant species were hyena, fox, bear, and wolf.

The archaeological materials of the final stage of the Upper Paleolithic gave evidence of the continuity of technological traditions of the ancient population of the Altai. This continuity was manifested in consistent expansion of the blade knapping base, first of all, owing to the active use of the microblade technique. In the late Paleolithic industries, compared to a previous stage, there was a visible increase of elongated spalls with an increased proportion of microblades. The lithic assemblages included side scrapers, leaf-shaped bifaces, denticulated and indented shaped tools which were used alongside with end scrapers on blades, dihedral burins, chisel-like tools, backed microblades, and other typically late Paleolithic tools. Particularly interesting were the tools and decorations made from animal bone and teeth — needles with tabs, points-perforators, a bone slotted tool, worked bone splinters, pendants

и выемчатые формы соседствовали с концевыми скребками на пластинах, резцами срединных разновидностей, долотовидными орудиями, микропластинами с притупленным краем и другими типично позднепалеолитическими изделиями. Особенно выразительны орудия и украшения из кости и зубов животных — иглы с ушком, острия-проколки, костяная основа вкладышевого орудия с пазом, обработанные костяные пластины, подвески из зубов оленя, цилиндрические бусины-пронизки, а также плоские бусины-колечки, изготовленные из скорлупы яиц страуса.

В целом, проведенные исследования показали, что понятие «ухудшение» климатической обстановки не отражает всей полноты и сложности взаимоотношений человека и природной среды. На территории Северо-Западного Алтая похолодание, т. е. «ухудшение» климата, привело к увеличению степных массивов, расширению площадей травяного биома, росту численности копытных животных и, следовательно, расширению пищевой базы первобытного человека.

Литература / References:

1. Деревянко А. П., Шуньков М. В., Агаджанян А. К., Барышников Г. Ф., Малаева Е. М., Ульянов В. А., Кулик Н. А., Постнов А. В., Анойкин А. А. Природная среда и человек в палеолите Горного Алтая. Новосибирск, 2003.
2. Деревянко А. П., Маркин С. В., Болиховская Н. С., Орлова Л. А., Форонова И. В., Дупал Т. А., Гнибиденко З. Н., Ефремов С. А., Цынерт И. И. Некоторые итоги комплексных исследований пещеры Каминная (Северо-Западный Алтай) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 1999. Т. 5. С. 98–104.
3. Деревянко А. П., Ульянов В. А., Шуньков М. В. Значение геоморфологических данных для реконструкций ландшафта и климата Северо-Западного Алтая в плейстоцене // Основные закономерности глобальных и региональных изменений климата и природной среды в позднем кайнозое Сибири. Новосибирск, 2002. Вып. 1. С. 140–149.

from reindeer teeth, cylindrical hollow beads, as well as flat ring-beads made from ostrich eggs shell.

In general, the analysis demonstrated that the notion “deterioration” of climatic situation did not reflect the entire picture of the complex relationship of people with the natural environment. In the territory of the North-West Altai the cooling, i.e. “deterioration”, resulted in an increase of the steppe territories, expansion of the grass biom area, growth of the ungulates population and, hence, the expansion of the food base of the primitive people.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ
СЕВЕРА В КОНЦЕ КАМЕННОГО
ВЕКА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ И
ТРАНСФОРМАЦИЙ

ARCHAEOLOGICAL CULTURAL
COMPLEXES OF THE NORTH AT
THE END OF THE STONE AGE:
VECTORS OF DEVELOPMENT AND
TRANSFORMATIONS

УДК 902.2(571.51)

А. А. АНОЙКИН, В. С. СЛАВИНСКИЙ, А. Г. РЫБАЛКО

Анойкин Антон Александрович — к. и. н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: anui@yandex.ru

Славинский Вячеслав Сергеевич — к. и. н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: slavinski@yandex.ru

Рыбалко Андрей Геннадьевич — к. и. н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: rybalko@yandex.ru

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ КОДА-3 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)

Ключевые слова: Ангара, неолит, ранняя бронза, каменный инвентарь, керамика

Резюме. В статье представлены разновременные материалы, полученные при раскопках стоянки Кода-3 (Кежемский район Красноярского края). Приводится описание раскопок памятника, технико-типологический анализ каменного инвентаря и керамики. Определяются хозяйственный тип стоянки и основные культурно-хронологические этапы ее функционирования (неолит — позднее средневековье).

Задача исследования и сохранения культурно-исторического наследия является основополагающей для археологической науки. Особенно актуальной она становится в случаях, связанных с полной одномоментной утратой археологических объектов на больших территориях, что происходит при строительстве гидроэлектростанций на крупных сибирских реках (Енисей, Ангара). В среднем течении р. Ангара ведется строительство Богучанской ГЭС, при этом в зону затопления попадает более 200 археологических объектов. Стоянка Кода-3 является одним из таких объектов и публикация его материалов, полученных в результате спасательных работ 2010 г., позволяет сохранить этот комплекс для истории.

Памятник Кода-3 расположен в Кежемском районе Красноярского края, в среднем течении р. Ангара, на ее правом берегу, в 4 км вверх по течению реки от створа строящейся Богучанской ГЭС и в 5,5 км к западу от устья р. Кода. Он локализован на 1-й надпойменной террасе р. Ангара с высотами 8–20 м от уровня реки. Памятник Кода-3 многослойный, на нем представлены культурные слои, содержащие материалы различных эпох (неолит — позднее средневековье).

В 2010 г. проводился основной этап спасательных работ на памятнике, когда раскопом в 2675 кв. м вскрывался наименее пострадавший от техногенного воздействия участок. Принципиальная стратиграфия вскрытых отложений состоит из четырех литологических подразделений. Основная часть

A. A. ANOIKIN, V. S. SLAVINSKY, A. G. RYBALKO

Anoikin Anton Aleksandrovich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: anui@yandex.ru

Slavinsky Vyacheslav Sergeevich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: slavinski@yandex.ru

Rybalko Andrey Gennadjevich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: rybalko@yandex.ru

ARCHAEOLOGICAL STUDY OF KODA-3 SETTLEMENT (NORTH ANGARA BASIN)

Key words: Angara, the Neolithic, early Bronze Age, lithic tools, ceramics

Summary. The article deals with study of asynchronous materials collected in the course of Koda-3 settlement's excavation (Kezhem district of the Krasnoyarsk Krai) The paper provides a description of the site excavation process, technical and technological analysis of lithic tools and ceramics. The economic type of the settlement site and main cultural and chronological stages of its functioning (the Neolithic — late Middle Age) have been determined.

The study and preservation of the cultural and historical heritage is one of the fundamental goals of archaeological research. It is particularly relevant in situations of imminent danger of a sudden loss of archaeological sites in large territories as it happens as a consequence of hydro power plants construction on Siberian rivers (the Yenisei, Angara). In the midstream of Angara the construction of the Boguchan HPP is under way, as a result over 200 archaeological sites will be caught in a flooding zone. Settlement Koda-3 is one of such sites and the publication of its materials obtained as a result of salvage excavations of 2010 will allow saving this complex for historic research.

Site Koda-3 is located in the Kezhem district of the Krasnoyarsk Krai in the midstream basin of the Angara river on its right bank 4 km upstream from the Boguchan HPP dam site and 5,5 km west of the Koda river. It is localized on the 1st river terrace of the Angara with elevations 8–20 m above the water level. Site Koda-3 is multilevel one, it contains cultural layers with materials attributed to different periods (the Neolithic — late Middle Ages).

Risque excavations of the site have been undertaken in 2010, when a 2,675 sq. m. of the least damaged by the economic development section were recovered. The stratigraphy of the excavated squares contains the four lithologic groups. Greater part of the archaeological material was related to the top of level 2 and the contact zone between this and the overlying level 1. Because

археологического материала связана с кровлей слоя 2 и контактной зоной между ним и вышележащим слоем 1. Сложная стратиграфическая ситуация на памятнике, определяемая спецификой его формирования (сезонная деятельность реки — высокие паводки, современные техногенные процессы, разрушающие культуросодержащие отложения), позволяет на данном этапе исследования рассматривать археологические материалы слоев 1 и 2 только в комплексе. Это связано с тем, что практически весь полученный археологический материал находился в перемещенном состоянии.

В процессе археологических работ 2010 г. на памятнике Кода-3 была получена коллекция артефактов 8587 экз. Материалы подразделяются следующим образом: находки керамики — 4463 экз.; находки из камня — 4077 экз.; находки из металла — 9 экз.; находки из кости — 10 экз.

Коллекция каменных артефактов позволяет сделать следующие выводы. Состав каменного сырья достаточно разнообразен. На стоянке осуществлялся полный цикл расщепления от стадии отбора сырья и начального оформления ядрищ до вторичной отделки орудий. Анализ первичного расщепления коллекции показывает его ориентацию на получение пластинчатых заготовок небольшого размера и микропластин. В орудийном наборе присутствуют тесла, наконечники, различные бифасиальные изделия, скребла, скребки и ножи. Наиболее показательной среди орудий является категория тесел, которая состоит из большого количества морфологически разных групп этого типа изделий. Такое разнообразие в технике оформления тесел может, на наш взгляд, свидетельствовать об их принадлежности к разным производственным традициям.

Таким образом, общий анализ коллекции каменных артефактов, позволяет лишь утверждать ее разновременность и подтверждает присутствие в материалах памятника как неолитической, так и более поздних составляющих. Представленные в составе орудий основные типы изделий и их процентное соотношение, свидетельствуют об активной промысловой, в основном охотничьей, деятельности, а также о существовании здесь развитых традиций деревообработки.

Керамический комплекс памятника включает в себя сосуды, относящиеся к неолиту, бронзовому веку, раннему железному веку и средневековью. Все материалы керамического комплекса отражают его специфику, связанную с длительным бытованием на территории Северного Приангарья определенной технологической традиции изготовления круглодонных лепных сосудов кострового обжига, изготовленных ленточным способом.

of the difficult stratigraphic situation on the site determined by the specifics of its formation (seasonal river activity — high flood tide, modern industrial development processes destroying living floor deposits) the archaeological materials of level 1 and 2 may only be researched in combination. This is related to the fact that practically all obtained archaeological material was in repositioned state.

The collection of artifacts recorded in the process of archaeological excavations of 2010 consisted of 8,587 items. The materials were grouped as follows: ceramics finds 4,463 pieces; stone artifacts finds — 4,077 pieces; metal artifacts — 9 pieces; bone artifacts — 10 pieces.

The following conclusions may be drawn on the basis of the lithic tools assemblage study. Lithic raw materials composition was quite varied. The settlement's population practiced full knapping cycle beginning with the raw material selection stage and initial cores fashioning up to the final tools shaping. The assemblage's primary knapping analysis demonstrated that it was focused on small blade blanks and micro-blades production. In the lithic tools set there were adzes, arrowheads, various bifaces, side scrapers, scrapers and knives. The most representative in the tools category was the category of adzes, which consisted of a large number of the morphologically different groups of this type of artifacts. Such a variety in the adzes shaping techniques may, in our opinion, serve as evidence of their belonging to different production traditions.

In this way the general analysis of the stone artifacts assemblage only allows assuming its asynchronicity and confirms the presence in the site's materials of both the Neolithic and the later components. Main types of artifacts represented within the tools group and their percentage ratio gave evidence of active harvesting, mostly hunting, activity, as well as of the existence there of a mature wood working tradition.

The ceramics complex of the site included vessels of the Neolithic, the Bronze Age, the early Iron Age and the Middle Ages. All ceramic complex materials reflected its specifics related to the long term existence in the territory of the Northern Angara region of a certain technological tradition of round bottom, open fire baked raised vessels made with the use of ring bands method.

The Neolithic complex (the Serov culture) included fragments of round bottomed vessels with imprints of fabric or mesh. The Bronze Age complex consisted of 16 large parts of vessels reconstructed from debris, the ornament on which was localized in the area of the rim and the upper part of the vessels facing the spectator.

К неолитическому комплексу (серовская культура) относятся фрагменты круглодонных сосудов с оттисками ткани или сетки. К комплексу бронзового века относятся 16 крупных частей сосудов, восстановленных из развалов, орнамент на которых локализован в районе венчика и верхней части сосуда, обращенной к зрителю. К раннему железному веку относится сосуд с антропоморфным изображением, данная керамика близка к цэпаньской культуре раннего железного века. К раннему средневековью относятся четыре круглодонных сосуда с обмозочными налепными валиками.

Проведенные исследования на памятнике показали, что находки в раскопе располагались относительно равномерно. Характер распределения артефактов свидетельствуют о многократном посещении территории объекта для различных производственных нужд. Памятник Кода-3 можно классифицировать как сезонную стоянку неолита и бронзового века [1]. Свидетельства других эпох малочисленны и оставлены, видимо, в результате разовых посещений территории стоянки.

Литература / References:

1. Славинский В. С., Аношкин А. А., Рыбалко А. Г., Казакова Е. А., Милютин К. И. Археологические комплексы стоянки Кода-3 (Северное Приангарье) // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: История, филология. 2012. Т. 11. Вып. 7: Археология и этнография. С. 194–213.

УДК 902(571.1)«634»

В. В. БОБРОВ

Бобров Владимир Васильевич — д. и. н., КемГУ (Россия, Кемерово). E-mail: archaeology@kemsu.ru

К ПРОБЛЕМЕ ПРОЦЕССА НЕОЛИТИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ключевые слова: неолитизация, гончарство, Западная Сибирь, орнамент, посуда

Резюме. В работе дана оценка современного уровня знаний о неолите Северной Азии, представлена точка зрения автора о самостоятельном происхождении гончарства в северных широтах Западной Сибири. Последствиями неолитизации района явились: эффективность хозяйственной деятельности, рост численности населения, стационарный образ жизни, трансформация общественной организации.

На современном уровне развития археологической науки есть основание констатировать, что знания о неолите Сибири и Дальнего Востока существенно изменились относительно начала второй половины XX в. Это связано с активным ростом

One early Iron Age vessel with anthropomorphic image was close to the Tsepan early Iron Age culture. Early Middle Age group contained four round bottom vessels with coating stick-on bolsters.

The performed researched demonstrated that the finds in the excavation were relatively evenly distributed. The nature of the artifacts distribution gave evidence that the territory of the site was visited repeatedly for various production purposes. Site Koda-3 may be classified as a seasonal Neolithic and Bronze Age camp. There were few evidences of other periods and they were left apparently as a result of one-off visits to the site territory.

V. V. BOBROV

Bobrov Vladimir Vasiljevich — Doctor of History, Kemsu (Russia, Kemerovo). E-mail: archaeology@kemsu.ru

PROBLEM OF NEOLITHIC IN WEST SIBERIA

Key words: Neolithic, pottery, West Siberia, ornament, pottery

Summary. The paper provides an assessment of the modern standard of knowledge about the Neolithic in Northern Asia, the author expressed an idea of an independent origin of pottery in the northern latitudes of western Siberia. The consequences of Neolithic are: better economic performance, population growth, sedentary way of life, transformation of the social organization.

At the current level of the archaeological research development there are reasons to state that our understanding of the Neolithic in Siberia and the Far East has changed significantly from the beginning of the second half of the 20th century. This is connected to the active growth

региональных вузовских и академических центров, масштабными экспедиционными исследованиями практически на всей территории Северной Азии. Сохраняется только неравномерность степени изученности неолита. Она, прежде всего, относится к ландшафтным экосистемам. Так неолит тундры и лесотундры изучен меньше, чем таежной зоны. Сравнивая изученность неолита Зауралья и превосходящее его в несколько раз пространство между Обью и Енисеем, нетрудно заметить диспропорцию в их археологическом познании. Все же достижения в изучении неолита азиатской части России в целом трудно переоценить.

В научно-исследовательской сфере преобладающее место занимали и занимают проблемы археологической интерпретации. Место проблем, связанных с историческими реконструкциями, разительно меньше. Среди таких работ в редких случаях была поставлена проблема неолитизации конкретного региона. Но решение ее, чаще всего, ограничено употреблением «модного» термина. Неолитизация не сводится только к обоснованию происхождения культуры в определенном географическом пространстве. Л. Л. Косинская абсолютно права, утверждая, что неолитизация включает, прежде всего, распространение достижений неолитической эпохи и последствия, вызванные ими [1, с. 16].

Одним из достижений неолита явилось изобретение керамической посуды, которая позволила перейти к употреблению жидкой горячей пищи. А для ее приготовления использовать простейшую технологию, которой человечество пользуется до сих пор. Керамическая посуда, по мнению специалистов, стала «визитной карточкой» неолита. Соответственно, проблеме неолитизации стали сводить к появлению керамической посуды в конкретном географическом пространстве. В археологии Сибири это явление обычно связывают с процессом миграции населения из центров возникновения гончарства или районов близких к ним (В. А. Зах, В. Т. Ковалева и др.), реже выстраивают вектор его распространения, вероятно, в процессе заимствования (В. М. Ветров). Не отрицая представленные версии появления гончарства, как важнейшего компонента неолитизации регионов, обратим внимание ещё на один вариант. Ю. Б. Цетлин высказал мысль о том, что происхождение гончарного производства представляло собой полицентричный процесс, что оно многократно возникало в разных районах ойкумены, а его быстрое и сплошное распространение скрыло истоки этого явления [2, с. 79, 80; 3, с. 373]. На мой взгляд, этот процесс был близок распространению такого изобретения, как лук и стрелы. Даже если будут установлены его географические

of the regional university and academic research centers, large scale field research programs covering practically the whole territory of Northern Asia. However there are still some gaps in the Neolithic research. This relates, in the first place, to landscape ecosystems. Thus the Neolithic of tundra and forest-tundra is not so well studied as the Neolithic of the taiga zone. Comparing the research coverage of the Neolithic in the Trans-Ural and the several times greater territory between the Ob and the Yenisei one can see an obvious disproportion in the scope of the respective archaeological studies. Still the achievements of the Neolithic studies of the Asian part of Russia can hardly be overestimated.

In the research sphere most important role has always been played by archaeological interpretation. Much less attention has been paid to a range of problems related to historical reconstruction. And on very rare occasions this type of research raised a problem of Neolithic of a particular region. However even then its solution most often did not go further than the use of a “trendy” term. Neolithic should not be reduced to a simple explanation of a culture’s origin in a particular geographic area. L. L. Kosinskaya was absolutely right in saying that so called “Neolithization” included, in the first place, the distribution of the Neolithic achievements and the resulting consequences [1, p. 16].

One of the achievements of the Neolithic was the invention of earthenware which allowed a transition to a diet including liquid hot food. And the use of basic technology for its cooking which the humans use to this day. Ceramic ware according to specialists was a “trademark” of the Neolithic. Hence the problem of “Neolithization” was gradually reduced to the appearance of ceramic ware in a particular geographic area. In the archeology of Siberia this phenomenon was normally related to the process of migration of the population from the centers of pottery origin or the neighboring territories (V. A. Zakh, V. T. Kovaleva, et al.), less frequently its distribution vector was built in relation to the probable borrowing process (V. M. Vetrov). Without denying the aforementioned versions of the appearance of pottery as one of the most important regions’ “Neolithization” component, let us have a look at one more option. Yu. B. Tsetlin expressed an idea that the origin of pottery was a polycentric process, that it repeatedly originated in different territories of the Oicumene, and its quick and continuous distribution concealed the sources of this phenomenon [2, p. 79, 80; 3, p. 373]. To my mind, this process was similar in distribution pattern to the distribution of such invention as bow and arrows. Even if its geographical sources are to be found, we would hardly be able to identify the direction and the nature of its movement. In terms of

истоки, вряд ли можно выяснить направления и характер его движения. По циклам технологического процесса гончарство ближе металлургическому производству и металлообработке. Но особенность его в ограниченности сырьевых источников.

Концепция Ю. Б. Цетлина выдвигает новую версию процесса неолитизации Западной Сибири, особенно в ее северных широтах. В ее основе автохтонное происхождение гончарства и/или инновационный процесс. Одним из условий могли являться контакты с населением культур южного круга, обеспечивавшие поставку каменного сырья на север западносибирской равнины. Другим условием, который вызвал необходимость в гончарной продукции, был переход к стационарному образу жизни, осуществленный в раннем голоцене.

Переходя от умозрительных рассуждений к археологическим фактам, обратимся, прежде всего, к орнаменту. Именно его исследование привело к идее о миграционном происхождении гончарства в северных широтах Западной Сибири. Критический анализ научных работ показывает, что в процедуре исследования не учтены фоновые орнаментальные мотивы, композиции, не поддающиеся дифференциации. На мой взгляд, раннеолитический декор на территории Западной Сибири имел самобытный стиль. Это, наряду с сохранением мезолитических типов и технологии изготовления каменных орудий, может укрепить идею автохтонного происхождения гончарного производства. Подтверждением или опровержением ее послужат данные технологического анализа древнейшей керамики из неолитических комплексов Западной Сибири.

Последствиями неолитизации, особенно в таежной зоне, явились существенные изменения в экономике, что привело к росту численности населения, образе жизни (стационарные поселки, в том числе, укрепленные) и обществе (сегментация рода, вероятно, появление военного фактора).

Литература / References:

1. Косинская Л. Л. Неолит таежной зоны Западной Сибири // Археологическое наследие Югры. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2006. С. 16–40.
2. Цетлин Ю. Б. Современные взгляды на происхождение гончарства // Вестник Томского государственного университета. История. № 3 (23). Томск, 2013. С. 74–80.
3. Цетлин Ю. Б. Формирование древнейшего гончарства: механизмы и результаты // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани 2014 г. Казань, 2014. Т. I. С. 370–373.

technological cycles pottery was closer to metallurgical production and metal working. But its distinctive feature was the limited raw material resource base.

The Yu. B. Tsetlin's concept offered a new version of the Neolithization process in western Siberia, particularly in the northern latitudes. This version suggested either the autochthonous origin of pottery and/or innovation process. One of the conditions could be contacts with southern cultural community populations supplying lithic raw material to the north of the West Siberian plain. Another condition which triggered the appearance of pottery products was the transition to sedentary way of life in the early Holocene.

Moving from abstract ideas to archaeological fact let us turn, first of all, to ornamentation. It was the ornaments study that led to the idea of a migration origin of pottery in the northern latitudes of West Siberia. Critical analysis of literature indicates that in the process of research the difficult to differentiate background ornamental motifs and compositions were not taken into account. In my opinion the early Neolithic decor in the territory of West Siberia had a unique style. This, alongside with the preservation of the Mesolithic types and the lithic tools making techniques, may support the idea of the autochthonous origin of pottery. It may be confirmed or refuted by the data of technological analysis of ancient ceramics from the Neolithic complexes of western Siberia.

The consequences of "Neolithization", particularly in the taiga zone, were significant changes in the economy, which resulted in growth of population, changes in the way of life (stationary settlements including the fortified ones) and in society (clan segmentation, probably the appearance of a military factor).

УДК 902(571.1)«634»

Е. Н. ДУБОВЦЕВАДубовцева Екатерина Николаевна — ИИИА УрО РАН
(Россия, Екатеринбург). E-mail: ket1980@yandex.ru**НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ВАЛИКОВАЯ КЕРАМИКА
НА ТЕРРИТОРИИ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹**

Ключевые слова: неолит, боборыкинская культура, сатыгинский тип, валиковая керамика

Резюме. В статье рассматриваются спорные вопросы хронологии и культурной атрибуции неолитической валиковой керамики на территории Зауралья и Западной Сибири. Выделяется несколько типов валиковой керамики. Выдвигается предположение о том, что различия в морфологии и орнаментации посуды свидетельствует не только о хронологической разнородности, но и разных истоках этого вида орнаментации.

Керамика, украшенная валиками, широко распространена территории Евразии. Не является исключением Зауралье и Западная Сибирь [1]. Интерес к валиковой керамике возрос с расширением источниковой базы – исследованием стратифицированных жилищных и культовых комплексов (пос. Шайдуриха V, пос. Нижнее озеро III, Усть-Вагильский холм) и получением радиоуглеродных датировок из этих объектов [2; 3; 4]. Вместе с тем, возникли дискуссии по поводу выделения этой керамики в отдельный культурный тип. Одни считают необходимым выделять самостоятельный сатыгинский тип, относящийся к раннему неолиту [4, с. 180; 5, с. 181–184]. Оппоненты настаивают на отнесении валиковой керамики к боборыкинской культуре развитого и позднего неолита [2; 6]. Те и другие привлекают радиоуглеродные датировки и стратиграфические наблюдения. На пос. Сумпанья IV, IV емкости с валиками и ямочными вдавлениями залегали в котлованах сумпаньинских жилищ; Л. Л. Косинская предполагает, что они могли быть переотложены при их строительстве [5]. На пос. Нижнее озеро III такая посуда обнаружена вместе с кошкинской и сумпаньинской в заполнении и на дне трех жилищ, датированных по углю второй половиной VII – серединой VI тыс. до н.э., а по керамике сатыгинского и кошкинского типов – концом VI тыс. до н.э. [4, с. 180, 181]. На Усть-Вагильском холме сатыгинская керамика приурочена к нижним горизонтам и предматериковому слою, являясь наиболее ранней

¹ Работа выполнена в рамках комплексной программы УрО РАН № 15-13-6-12

E. N. DUBOVITSEVADubovtseva Ekaterina Nikolajevna — ИИИА UB RAS
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: ket1980@yandex.ru**NEOLITHIC BOLSTERED RIM CERAMICS IN THE
TERRITORY OF TRANS-URAL AND WESTERN SIBERIA¹**

Key words: the Neolithic, Boborykin culture, Satygin type, bolstered rim ceramics

Summary. The article deals with the controversial issues of the chronology and cultural attribution of the Neolithic bolstered rim ceramics in the territory of the Trans-Ural and Western Siberia. Several types of bolstered rim ceramics may be identified. The author suggested a hypothesis that the differences in the morphology and ornamentation were not just an indication of chronological heterogeneity, but also pointed to different sources of such ornamentation.

Ceramics decorated with bolsters was widely spread in the territory of Eurasia. The Trans-Ural and Western Siberia were no exception [1]. The interest in bolstered ceramics increased with the increase of the source base as a result of the study of stratified dwelling and ritual complexes (settlement Shaidurikha V, settlement Nizhneje Ozero III, Ust-Vagilsky Hill) and obtaining of radiocarbon dates from these sites [2; 3; 4]. At the same time it provokes debates about isolating this group of ceramics into a separate culture type. Some scholars believed it necessary to distinguish a separate early Neolithic Satygin type [4, c. 180; 5, c. 181–184]. Their opponents insisted on including the bolstered rim ceramics into the mature and late Neolithic Boborykin culture [2; 6]. Both groups appealed to radiocarbon dates and stratigraphic observations. On settlement site Sumpanjya IV, IV vessels with bolsters and pit impressions were deposited in Sumpanjya dwellings pits; L. L. Kosinskaya assumed that they could have been redeposited during the dwellings' construction [5]. On settlement site Nizhneje Ozero III this type of pottery was found together with the Koshkino and the Sumpanjya pottery in the filling and at the bottom of three dwellings dated by coal as the second half of the 7th – mid 6th millennium BC, and by ceramics of the Satygin and Koshkino types – as the end of the 6th millennium BC [4, p. 180, 181]. On Ust-Vagilsky Hill the Satygin ceramics was found in lower horizons and just above subsoil level as the earliest culture in this archaeological site. The dates obtained for ceramics and soot deposits differed by more than two

¹ The study was performed as part of integrated program of UB RAS № 15-13-6-12

на памятнике. Даты, полученные по керамике и нагару, различаются более чем на две тысячи лет. Первые относятся к последней четверти V тыс. до н.э., последние – к середине VII тыс. до н.э. [3; 7]. В комплексах с посудой боборыкинского и басьяновского типов (пос. Шайдуринское V и др.) керамика с валиками имеет даты, относящиеся к третьей четверти V тыс. до н.э. [2, с. 278]. В таежной зоне Западной Сибири единично встречаются сосуды с валиками, которые не относятся исследователями ни к сатыгинскому типу, ни к боборыкинской культуре. Это сосуд с налепным прямоугольным валиком, украшенный оттисками гребенчатого штампа с пос. Быстрый Кульёган 66 [8, рис. 39, 5], и сосуд каоковского типа с налепным валиком с пос. Мишкино V [9, рис. 6]. Первое поселение датируется концом VI – первой половиной V тыс. до н.э., второе – концом VII – первой половиной VI тыс. до н.э. Таким образом, разброс радиоуглеродных датировок, а также стратиграфические наблюдения и взаимовстречаемость с различными типами керамики раннего и позднего неолита позволяют предположить неоднородность массива валиковой керамики в культурном и хронологическом отношении.

Анализ морфологии сосудов, формы валиков и особенностей орнаментации позволяет выделить несколько групп керамики с валиками. К первой группе относятся сосуды баночной формы с прямыми или слегка закрытыми стенками и плоским дном. Орнамент в большинстве случаев покрывает лишь верхнюю часть сосудов. Преобладает техника накола, реже встречается прочерчивание и отступление. Вытяжные или налепные валики сглаженных форм располагаются в один горизонтальный ряд под венчиком, редко они группируются по два или составляют геометрические фигуры: в трех случаях зафиксированы налепы небольших кольцевых жгутиков на внутреннюю часть дна. Последние крепятся в специально подготовленный желобок. Как правило, они украшены насечками, ямочками округлой или ромбической формы. К этой группе относится большинство посуды, залегающей вместе с боборыкинской керамикой. Ко второй группе относятся малочисленные пока керамические комплексы Северного Зауралья (Усть-Вагильский холм, Нижнее озеро III). Посуда этой группы близка по форме и орнаментации к первой, но имеет ряд существенных отличий. Для нее характерна большая плотность и насыщенность узоров, монотонная орнаментация и отсутствие сложных геометрических мотивов, разнообразие способов декорирования (гладкий и гребенчатый штампы, отступление наряду с наколом и прочерчиванием), преобладание слабовыраженных вытяжных, а не налепных валиков,

thousand years. The former referred to the last quarter of the 5th millennium BC, while the latter – to the mid 7th millennium BC [3; 7]. Within the Boborykin and the Basjyanovskaya type pottery complexes (settlement Shaidurikhinskoye V, etc.) ceramics with bolsters had dates referring to the third quarter of the 5th millennium BC [2, p. 278]. In the taiga zone of Western Siberia there were occasional finds of vessels with bolsters which were not attributed by the scholars to either the Sатыгин type, or the Boborykin culture. One of these was a vessel with a stick-on rectangular bolster decorated with comb stamp impressions from settlement site Bystry Kuljegan 66 [8, fig. 39, 5], and the Kayukovo type vessel with a stick-on bolster from settlement site Mikishkino V [9, fig. 6]. The first settlement was dated as the end of the 6th – the first half of the 5th millennium BC, and the second one – as the end of the 7th – first half of the 6th millennium BC. Thus the spread of the radiocarbon dates, as well as the stratigraphic observations and mutual occurrence with different types of ceramics of the early and the late Neolithic made possible the assumption about the heterogeneity of the bolstered ceramics group both in the cultural and the chronological aspects.

Analysis of the vessels' morphology, the shape of bolsters and the specifics of ornamentation allowed identification of several groups of ceramics with bolsters. The first group included cup shaped vessels with straight or slightly closed walls and flat bottom. The ornament in most cases covered only the upper part of the vessels. The predominant technique was pricked technique; scratched lines and indentations occurred less frequently. The pull-out or stick-on bolsters of smoothed shapes were placed in one horizontal row under the rim, in rare cases they were grouped in twos or arranged in geometrical figures: in three cases there were garlands of small ringed strings stuck on the inner part of the bottom. The latter were fixed into a specially made groove. As a rule they were decorated with incisions, or pits of circular or rhombic shape. This group covered most of the pottery deposited together with the Boborykin ceramics. The second group included the yet infrequent ceramic complexes of the North Trans-Ural (Ust-Vagil'sky hill, Nizhneje Ozero III). The pottery in this group was close in shape and ornamentation to the first group, however there were some significant differences. Its was characterized with a greater density and saturation of ornaments, monotonous ornamentation and the lack of complicated geometric motifs, diverse decoration techniques (smooth and comb stamps, indentation alongside with pin pricks and scratching), domination of mild pull-out rather than stick-on bolsters, their grouping in two or more, the wavy edge of the rim and a number of deep pits in the border zone. It is proposed to call this

группировка их по два и более, волнистый край венчика и ряд глубоких ямок в бордюрной зоне. Эту группу и предлагается называть сатыгинским типом керамики. Большая концентрация подобной посуды в Северном Зауралье подтверждается материалами разведок и случайными находками, хранящимися в Гаринском музее. Обе эти группы имеют близкие аналогии с керамикой черноборского типа Европейского Северо-Востока [10]. Кроме того, некоторые аналогии второй группе можно найти и в древностях кошкинской культуры. К третьей группе относятся два сосуда из Сургутского Приобья [9; 8], стилистика этих сосудов различна и они объединены в одну группу больше по территориальному принципу. Объединяет их сплошная орнаментация всей внешней поверхности, ряд мелких ямочек под венчиком, наличие налепных прямоугольных валиков, сочетание на одном сосуде нескольких техник декорирования. Форма валика, а также гребенчатые оттиски на одном из них резко отличают эту группу от первых двух. Аналогии подобной посуде прослеживаются в неолитических комплексах Средней Ангары [11], а также в посуде посольского типа южной Сибири [12].

Таким образом, в неолите Зауралья и Западной Сибири фиксируется несколько типов керамики с валиками. Возможно, различия в этих типах связаны не только с разным временем их бытования, но и с различными истоками этого типа орнаментации.

Литература / References:

1. Хлобыстин Л.П. Сатыгинский тип керамики Западной Сибири // *Ad Polus. Археологические изыскания*, вып. 10. Памяти Л.П. Хлобыстина. СПб., 1993. С. 29–35.
2. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. Неолит Среднего Зауралья: Боборыкинская культура. Екатеринбург, 2010.
3. Панина С.Н. Радиоуглеродные даты Усть-Вагильского холма // *Вопросы археологии Урала: Сб. науч. тр.* Вып. 26. Екатеринбург-Сургут, 2011. С. 246–247.
4. Чаиркина Н.М. Культурно-хронологическая специфика неолитических комплексов Северного Зауралья // *Взаимодействие и хронология культур мезолита и неолита Восточной Европы*. СПб., 2009. С. 179–181
5. Косинская Л.Л. Связи в неолите Европейского Северо-Востока и Западной Сибири // *Коренные этносы Севера европейской части России на пороге нового тысячелетия: история, современность, перспективы*. - Сыктывкар, 2000. С. 181–184.
6. Ковалева В.Т., Зырянова С.Ю. К вопросу о сатыгинском типе керамики // *Барсова Гора: древности таежного Приобья*. – Екатеринбург-Сургут, 2008. С. 135–145.
7. Панина С.Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолита у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // *Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. Том I. Казань, 2014. С. 330–333.*
8. Поселение Быстрый Кульёган 66: памятник эпохи неолита Сургутского Приобья / *Коллективная монография под ред. Л.Л. Косинской и А.Я. Труфанова*. Екатеринбург-Сургут, 2006.
9. Ивасько Л.В. О каюковской археологической культуре // *Барсова Гора: древности таежного Приобья*. Екатеринбург-Сургут, 2008. С. 112–122.
10. Карманов В.Н. Неолит европейского Северо-Востока. Сыктывкар, 2008.
11. Березин Д.Ю. Керамические комплексы неолитических памятников Средней Ангары: автореф. дис. ... к.и.н. Новосибирск, 2004.
12. Макаров Н.П. Керамика посольского типа в Байкальской и Средней Сибири // *Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири*. Улан-Батор, 2012. Вып. 3. С. 67–72.

УДК 902(571.12)«634»

Д. Н. ЕНЬШИН, С. Н. СКОЧИНА, С. М. СЛЕПЧЕНКО

Еньшин Дмитрий Николаевич — ИПОС СО РАН
(Россия, Тюмень). E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Скочина Светлана Николаевна — ИПОС СО РАН
(Россия, Тюмень). E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Слепченко Сергей Михайлович — ИПОС СО РАН
(Россия, Тюмень). E-mail: s_slepchenko@list.ru

НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ НА ОЗ. МЕРГЕНЬ

Ключевые слова: неолит, Приишимье, погребения, поселения, ритуал

Резюме. В работе дается характеристика неолитических погребений из поселенческих комплексов на оз. Мерген (Нижнее Приишимье). Рассматривается вариант трактовки их в контексте поселенческой обрядности древнего населения.

Погребальные комплексы эпохи камня являются весьма редким явлением для обширной территории Зауралья. На сегодняшний день известно не более 40 одиночных могил или небольших могильников, датированных периодами мезолита, неолита и энеолита [1; 2; 3]. Из них наименее изученными остаются факты погребения людей в жилищах и на межжилищном пространстве поселений. В Зауралье они единичны, и наиболее информативными из них являются те, что обнаружены на поселениях северо-восточного побережья озера Мерген в Нижнем Приишимье (пос. Мерген 6 и 7).

Неолитический комплекс поселения Мерген 6 представлен 13 сооружениями с боборыкинской и кошкинской посудой. Большая часть построек, на наш взгляд, имеет определенную структуру расположения, приближенную к круговой [4]. В ее центре находились два больших жилища 14 и 21, связанные переходом. В полу последнего были обнаружены два погребения. Первое находилось у стены котлована, рядом с северным углом. Могильная яма подовальной формы, размерами 0,55 x 0,25 м, углублена в пол на 0,1 м. Ориентирована по линии С – Ю. Погребенный младенец возрастом до 1 года лежал на спине с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентирован головой на север, левая нога была заброшена на правую и неестественно вывернута. Погребальный инвентарь отсутствовал. Погребение 2 обнаружено в центре котлована под прокалом. Могильная яма подовальной формы, размерами 2,4 x 0,5 м, глубиной 0,4 м от уровня пола, ориентирована по линии 3 – В. Характер расположения и отсутствие многих

D. N. ENSHIN, S. N. SKOCHINA, S. M. SLEPCHENKO

Enshin Dmitry Nikolajevich — IPDN SB RAS
(Russia, Tjumen). E-mail: Dimetrius666_72@mail.ru

Skochina Svetlana Nikolajevna — IPDN SB RAS
(Russia, Tjumen). E-mail: sveta_skochina@mail.ru

Slepchenko Sergei Mikhailovich — IPDN SB RAS
(Russia, Tjumen). E-mail: s_slepchenko@list.ru

NEOLITHIC BURIALS SETTLEMENT COMPLEXES OF LAKE MERGEN

Key words: the Neolithic, Ishim region, interments, ritual

Summary. The paper presents an analysis of Neolithic interments from the settlement complexes on lake Mergen (lower Ishim basin). The authors offer interpretation of these complexes in the context of community ritualisms of the ancient population.

Stone Age burial complexes are quite rarely found in the vast territory of the Trans-Ural. At present not more than 40 isolated graves or small burial sites dated back to the Mesolithic, the Neolithic, or the Eneolithic are known [1; 2; 3]. The least studied of them are the instances of burying the deceased inside the dwellings or in the area between the houses in the settlements. In the Trans-Ural region interments of this type are quite scarce, and the more informative of them are the ones that were found in the settlement sites of the north-east coast of lake Mergen in the Lower Ishim region (settlement site Mergen 6 and 7).

The Neolithic complex of settlement Mergen 6 is represented by 13 structures with the Boborykin and Koshkino pottery. Most of the structures in our opinion were arranged in a certain pattern approaching a circular arrangement [4]. Two large dwellings 14 and 21 connected by a passage were located in its center. Two interments were found in the floor of the latter structure. The first was located nearby wall of the foundation pit, close to the northern corner. The structure of semi-oval shape, with dimensions 0.55 x 0.25 m was recessed in the floor to the depth of 0.1 m. Orientation along the line N – S. The buried sub-adult under 1 year old was lying on its back with arms stretched along the body, orientation with the head pointing north, left leg was thrown over the right one and unnaturally twisted. There were no grave goods in the interment. Interment 2 was found in the center of the foundation pit under the burnt soil. The grave pit was of semi-oval shape, with dimensions 2.4 x 0.5 m, 0.4 m deep under the floor level. Orientation along the line W – E. The way it was placed

костей свидетельствует, вероятно, о вторичном обряде захоронения. Вместе с тем, общее их расположение позволяет предполагать, что в могиле останкам умершего пытались придать положение на боку, головой на восток. Сопроводительный инвентарь отсутствовал. Возраст усопшего по состоянию зубов определен в пределах 35–45 лет.

Оба погребения, несомненно, являются не ординарными. Их особая смысловая нагрузка, помимо нахождения в жилище, проявилась в следующих позициях: четкая противоположная ориентация по сторонам света (восток – запад и север – юг); ярко выраженная возрастная разница – зрелость (старость?) и младенчество; четко выраженная разница в расположении погребений – центр жилища и периферия; расположение центрального под очагом. По нашему мнению, оба погребения «вписаны» в ритуальный комплекс, зафиксированный в жилище и представленный такими объектами как: яма в полу с орудиями из камня и кости, засыпанными охрой, и т. д. [4].

На поселении Мерген 7 рядом с северо-восточным углом жилища козловской культуры располагалось двойное погребение 1. Могильная яма в целом имела неправильный «У»-образный контур и напоминала скорее канаву, частично захваченную площадью раскопа. Ее размеры 0,5 × 2,3 и 0,5 × 1,5 м. Глубина от современной поверхности – 1,51 м, от уровня материка – 0,6–0,7 м. Останки двух женщин фиксировались на дне в юго-западной части могилы. Достаточно хаотичное расположение костей позволяет предположить вторичный характер захоронения, при котором двух усопших постарались уложить рядом друг с другом головами на ЮЗ. Часть костей несут следы воздействия огня. В пользу кремации свидетельствует и наличие углей среди них. Возраст одной женщины определен в пределах 30–40 лет, другой – 17–21. В могиле присутствовал сопроводительный инвентарь, уложенный в районе поясов усопших. У костяка 1 он представлен кинжаловидным орудием, стругом и обломком струта, у костяка 2 – вкладышевым гарпуном и обломком долота. Анализ орудий позволяет констатировать то, что все они были преднамеренно сломаны в древности. Погребение ориентировано преимущественно по линии СВ – ЮЗ. Его неолитический возраст помимо планиграфии и типологии орудий определяется радиоуглеродной датой по углю – (СОАН-8901) 5085±115 л. н. (1σ 3990–3710; 2σ 4250–3600).

Неолитические погребения на озере Мерген, скорее всего, составляют единое целое с поселениями и, вероятно, могут иллюстрировать ту часть духовной культуры, культовых представлений, которые связаны не с погребальной обрядностью как таковой,

together with the lack of many bones was, probably, an evidence of a secondary burial ritual. At the same time their general positioning gave reasons to assume that an attempt was made to place the remains sideways with a head to the east. There were no accompanying grave goods. The aging was done based on teeth and estimated within 35–45 years old.

Both interments were by no means ordinary. Their particular meaning apart from placing them inside a house was manifested in the following: clearly opposing orientation by the cardinal points (east – west, and north – south); clearly emphasized age differences – maturity (old age?) and infancy; clearly stressed the difference in location of the interments – the center of the house and the periphery; location of the central one under the fireplace. We believe that both interments were “inscribed” into the ritual complex fixed in the dwelling and represented with certain object, such as: a pit in the floor with stone and bone tools filled with ochre, etc. [4].

In Mergen 7 settlement close to the north-east corner of a Kozlov culture’s dwelling there was a double interment 1. The grave pit in general had an irregular “U”-shaped contour and resembled rather a trench, which was partially captured by the excavation area. Its dimensions were 0.5 × 2.3 and 0.5 × 1.5 m. The depth from the surface – 1.51 m, and from the sub-soil level – 0.6–0.7 m. The remains of two females were registered at the bottom in the south-west part of the structure. Quite chaotic positioning of the bones prompted the secondary nature of the burial, during which an attempt was made to place the two deceased close to each other with heads to SW. Part of the bones had traces of exposure to fire. Another evidence in favor of cremation was the presence of coals among the ones. The age at death of one of the women was estimated within the range of 30–40 years old, and another one 17–21 years old. There were some accompanying grave goods in the grave placed in the area of the deceased waistline. For individual 1 these were a dagger-shaped tool, a paring knife and a broken part of a paring knife; and for the individual 2 – a harpoon insert and a piece of chisel. The tools analysis demonstrated that all of them were intentionally broken in the past. The interment was oriented predominantly along the line NE – SW. Based on planigraphy, tools typology and radiocarbon date for charcoal – (SBAS-8901) 5085±115 BC (1σ 3990–3710; 2σ 4250–3600) the structure is dated back to Neolithic.

The Neolithic burials on lake Mergen were, most likely, an integral part of the settlements and, probably, could illustrate a part of spiritual culture and ritual beliefs, which were related not with the burial rituals as such, but rather with the community ritualism. For which the main purpose of the rituals was to ensure

а с поселенческой. Той, где основной целью ритуалов являлось обеспечение защиты и благосостояния коллектива. А как отмечают исследователи, семейные покровители или охранители в эпоху камня почитались в тесной связи с воззрениями относительно усопших [5].

Литература / References:

1. Шорин А. Ф. Доандроновское погребение могильник Березки V в горно-лесном Зауралье // Неолитические памятники Урала. Свердловск, 1991. С. 68–79.
2. Молодин В. И., Мыльникова Л. Н., Нестерова М. С., Пилипенко А. С., Трапезов Р. О. Неолитический погребальный комплекс Венгерова 2 А в Западной Барабе: результат междисциплинарных исследований // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань, 2014. Т. I. С. 302–306.
3. Погодин А. А. Погребальный обряд мезонеолитического населения севера Западной Сибири // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань, 2014. Т. I. С. 334–336.
4. Еньшин Д. Н., Скочина С. Н., Зах В. А. К вопросу о поселенческой обрядности в неолите Нижнего Приишимья (по материалам поселения Мергенъ 6) // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2012. № 4 (19). С. 43–52.
5. Асеев И. В. Культовые объекты на неолитической стоянке в устье реки Эльген как отражение шаманистских воззрений древнего населения Приольхонья // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2 (26). С. 53–60.

УДК 903.5(571.56+571.65) «634»

А. Ю. ЗЕЛЕНСКАЯ

Зеленская Алиса Юрьевна — СВКНИИ ДВО РАН
(Россия, Магадан). E-mail: zelenskaya.mgd@yandex.ru

ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ
СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ. ОБРЯД И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ
КОМПЛЕКСЫ. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Ключевые слова: поздний неолит, погребения, захоронения, могильники, Северо-Восток Азии, погребальный обряд

Резюме. В работе проанализированы захоронения позднего неолита Северо-Востока Азии с точки зрения возможности надежного определения их культурно-хронологической принадлежности на основании анализа каменного погребального инвентаря. Рассмотрены погребальный обряд захоронений и сопровождаемые их материальные комплексы, определен характер захоронений – воинский, гражданский, детский и установлены различия между ними. Анализируются проблемы корреляции поздненеолитических захоронений и культуры, ассоциирующихся с ними.

Принято считать, что захоронения, как и «клады» орудий, представляют «закрытые» («чистые»), несмешанные комплексы, наиболее выразительно характеризующие культуру, к которой они относятся. Это позволяет использовать погребальные

protection and wellbeing of a group of people. As many researchers noted before, the family protector spirits were worshiped during the Stone Age in close connection with the common beliefs about the deceased [5].

A. YU. ZELENSKAYA

Zelenskaya Alice Yurievna — NEIRI FEB RAS
(Russia, Magadan). E-mail: zelenskaya.mgd@yandex.ru

LATE NEOLITHIC INTERMENTS OF NORTH-EAST ASIA.
FUNERAL RITES AND COMPLEXES. THE GENERAL AND
THE SPECIFIC

Key words: late Neolithic, interments, burials, burial sites, North-East Asia, burial ritual

Summary. The paper presents a study of the North-East Asia late Neolithic interments from the point of view of the possibility of their accurate cultural and chronological attribution based on the lithic grave goods analysis. Their funeral rituals and the accompanying material complexes have been studied, the type of interments – military, civilian, child – as well as the differences between these types have been identified. The author also analyzed problems of correlation of the later Neolithic interments and the associated cultures.

It is traditionally believed that interments, in the same way as “hoards” of tools represented the so-called “closed” (“pure”) unmixed complexes most meaningfully characterizing a culture to which they belonged. This allows using burial complexes for the purposes of accurate cultural and chronological attribution of interments based on their lithic grave goods analysis.

комплексы для надежного определения культурно-хронологической принадлежности погребений на основании анализа каменного погребального инвентаря.

В условиях севера, когда большинство памятников представлено смешанными и компрессионными материалами [1; 2], исследование таких объектов, как захоронения, с несмешанными, одномоментно сформированными погребальными комплексами, имеют важное, если не решающее, значение для определения маркирующих ту или иную культуру материальных комплексов или отдельных элементов.

Но на практике, определить культурную принадлежность захоронений бывает не всегда легко. Различия, связанные с характером захоронения, различиями в обряде, локальной культурной специфике населения, оставившего захоронения, с этапами развития культуры (ранний, поздний). Так же существует проблема естественного или искусственного нарушения захоронений и их ограбления.

Всего известных поздненеолитических могильников и захоронений (включая дискуссионные) немного. Это могильники Чочур (Чучур)–Муранский, Диринг–Юряхский на р. Лена; Помазкинский на р. Колыме и Усть–Бельский на р. Анадыре (на Чукотке); погребения Родинское, Каменка на р. Колыме; Уолбинское, Покровское, Куллатинское, Бугачанское, Иччиляхское на р. Лена, Кёрдоген на р. Алдан [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. К таким же закрытым комплексам, как захоронения, можно отнести и комплекс («клад») «Сумка охотника» р. Омолон [12].

О сложности культурной идентификации казалось бы «чистых» погребальных комплексов говорит то, что, например, Родинское и Уолбинское погребения относят как к белькачинской, так и к бымяхтахской культуре [4; 6; 7; 11]. Нет единства в определении культурной принадлежности Усть–Бельского могильника [10; 13; 14].

Выделяются захоронения двух типов – грунтовые и в каменных и деревянных ящиках (Диринг–Юрях, Помазкино, Покровское), завернутые в бересту (Родинское, Помазкино), одиночные и парные и коллективные, с захоронением вместе как мужчин, женщин и детей (Помазкино, Чочур–Муран), только детей (Каменка), и отдельно мужчин с подростками (Диринг–Юрях). Все погребенные лежали вытянуто, на спине. В ряде захоронений отмечается засыпка могилы охрой (Помазкино, Усть–Бельский, Родинское) и выстилание дна могилы отщепами (Диринг–Юрях, Погр. V). Захоронения могут быть охарактеризованы как захоронения воинские, с доспехами (Кёрдоген); гражданские, с бытовыми изделиями (Помазкино) и детские (Каменка). C¹⁴ датировки ряда захоронений

Under the climatic conditions of the far north, where the majority of archaeological sites were represented by mixed and compression materials [1; 2], the study of such objects as the interments with unmixed, instantaneously formed burial complexes has a great, or even critical, importance for identification of the materials complexes or individual elements serving as the markers of a certain culture.

However in reality it is not always easy to determine the cultural belonging of interments. The differences may be related to the nature of interments, differences in burial rituals, local cultural specifics of the population which left the interments, and the culture development stages (early, late). There is also a problem of either natural or man-induced disturbance of interments and plunder.

There are not many late neolithic burial sites and interments (including the debated ones). These are the burial sites Chochur (Chuchur) – Muran, Diring–Yuryakh on the Lena river, Pomazkino on the Kolyma river, and Ust–Belsky on the Anadyr river (Chukotka), interments Rodinsky, Kamenka on the Kolyma river, Wolbin, Pokrovskoje, Kullatin, Boguchany, Ichchilyakh on the Lena river, and Kjordyugen on the Aldan river [3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10; 11]. Complex (“hoard”) “Hunter’s bag” on the Omolon river may be referred to the same type of closed complexes as the burials [12].

An example of the difficulties of cultural identification of so called “pure” burial complexes is the fact that, e.g. Rodinsky and Wolbin interments were attributed both as the Belkachi and as the Ymyyaktakh cultures [4; 6; 7; 11]. Nor is there a common opinion on the cultural attribution of the Ust–Belsky burial site [10; 13; 14].

Two types of interments have been studied – ground and burials in stone or wooden coffins (Diring–Yuryakh, Pomazkino, Pokrovskoje) covered in birch bark (Rodinsky, Pomazkino), single or twin and multiple, including men, women and children burials (Pomazkino, Chochur–Muran), only children (Kamenka), and separately of adult men with sub-adults (Diring–Yuryakh). The ead were inhumated in supine position. In a number of burials the graves were dusted with ochre (Pomazkino, Ust–Belsky, Rodinsky) and the grave bottom was lined with flakes (Diring–Yuryakh, interment V). Interments could be characterized as warrior’s with a armor (Kjordyugen), civilian with everyday items (Pomazkino) and children’s (Kamenka). C¹⁴ dating of a number of interments indicated the period as 3060–3840 B.P. – i.e. the period of the Ymyyaktakh culture chronology.

As is known burial complexes often include tools, which are not very representative of a culture group that left the burial, which further complicates cultural attribution of interments. For many, even purely ordinary

относятся к периоду 3060–3840 л. н. — ко времени существования Ымьяхтахской культуры.

Как показывает практика, погребальные комплексы часто включают не достаточно репрезентативные наборы орудий оставившего захоронение культурного образования, что затрудняет определение культурной принадлежности погребений. Для многих даже сугубо бытовых предметов из захоронений сделаны оговорки, что это пока единственно известные типы или подтипы тех или иных орудий.

Керамика, в таких случаях, часто является бесспорным объективным основанием отнесения комплексов к какой либо из неолитических культур. Но она имеется не во всех захоронениях. В них заметна малочисленность или полное отсутствие керамики (Диринг–Юрях, Роднинское, Кёрдюген). Там, где керамика есть, она представлена лишь отдельными единичными небольшими фрагментами (Каменка II, Помазкино III, Чочур–Муран), нигде нет целых сосудов. Видимо, это указывает на существовавший символизм — фрагмент обозначал целую вещь. Но обряд намеренной поломки орудий отсутствует, хотя сломанные орудия в захоронениях имеются.

Металлические изделия в захоронениях редки, представлены лишь небольшими фрагментами. Только в погребении Бугачан имеются медные пластины [15], в Усть–Бельском могильнике — бронзовые резцы и шило [13], бронзовые нож и резец — в «Сумке охотника» [12]. Но остатки окислов и нарушенное положение костяков и инвентаря в ряде захоронений указывают, что в древности происходило ограбление могил с целью получения бронзовых изделий [11].

Орудийные погребальные комплексы включают почти весь спектр изделий позднего неолита: нуклеусы, микропластинки, бифасиально обработанные наконечники и прямоугольные вкладыши, скребки, резцы, шлифованные тесла из камня; костяные наконечники, держатели стрел, игла, шило, рукоятки орудий, детали луков и колчанов.

Наконечники преимущественно треугольной формы, но встречаются и единичные черешковые, листовидные и напильниковидные. Скребки концевые, боковые и топовидные, включая оригинальный рукояточный тип. Резцы боковые, угловые и полиэдрические, включая единственный — с четырехгранной рукояткой.

Только в захоронении Кёрдюген найдены наборы костяных и роговых пластин доспехов и щита воина, а также костяной простой гарпун и сланцевый нож.

Украшения представлены плоскими бусами из створок раковин, скорлупы птичьих яиц, дисками и кольцами из нефрита, просверленными клыками хищников, фигурками птиц, костяными плоскими

everyday items from interments it is stated that these were as yet the only known types or sub-types of certain tools.

In such cases ceramics may often serve an indisputable objective evidence for referring the complexes to one or another of the Neolithic cultures. However it is not always present in all interments. Quite often ceramic items are scarce or completely lacking (Diring–Yuryakh, Rodinsky, Kjordyugen). Where there was some pottery it was represented only with individual, isolated sherds (Kamenka II, Pomazkino III, Chochur–Muran), no whole vessels were found anywhere. Apparently this pointed to a certain symbolism — a fragment represent a whole item. However there were no signs of intentional breaking of tools, though there were some broken tools in interments.

There were very few metal items in interments, they were represented only with small fragments, and only in Buguchan interment there were copper plates [15], in Ust–Belsky burial site — bronze cutters and an awl [13], and a bronze knife and cutter in the “Hunter’s bag” [12]. The presence of oxides and disturbed position of bones and grave goods in a number of interments indicated that in antiquity the graves were plundered with the purpose of obtaining bronze goods [11].

Tools burial complex included almost a whole range of tools of the late Neolithic: cores, microblades, bifacial arrowhead and rectangular inserts, side scrapers, cutters, polished stone adzes, and bone arrowhead, arrow holders, a needle, an awl, tool handles, bows and quiver parts.

Arrowheads were mostly of triangle shape, however there were some tanged, leaf-shaped and file-shaped points. End and side scrapers and ax-like scrapers, including the original handle type one. Side, angle and polyhedral scrapers, including the unique one with a four-sided handle.

Only in the Kjordyugen interment there were sets of bone and antler plates of the soldier’s armor and shield, as well as simple bone harpoon and slate knife.

Decorations were represented with flat beads made from shells, birds eggs hull, jade disks and rings, predators’ fangs with drilled holes, bird figures, bone flat ornamented pendants, ornaments on bone tools.

On the Kolyma river in Rodinsky and Pomazkino interments some bone tools common for both interments were found. One item not typical for the tools complex of the late Neolithic hunters of North–East Asia was a swivel harpoon from the Ust–Belsky burial site.

The known burial sites of the late neolithic of North–East Asia allowed, in addition to expanding the pool of data about the material complexes of the cultures of that period, also to gain some

орнаментированными подвесками, орнаментом на костяных орудиях.

На Колыме, в Родинском и Помазкинском захоронениях найдены их объединяющие грибовидные костяные изделия. Не типичным для орудийного комплекса позднего неолита является поворотный гарпун из Усть-Бельского могильника.

Имеющиеся захоронения позднего неолита Северо-Востока Азии позволяют не только расширить данные о материальных комплексах культур этого времени, но и представить духовный мир оставившего их населения и провести реконструкцию погребального обряда.

Литература / References:

1. Зеленская А. Ю. Средний неолит Северо-Востока Азии: историография вопроса // Чтения памяти академика К. В. Симакова. Магадан, 2013. С. 250–252.
2. Зеленская А. Ю. Современное состояние изученности позднего неолита Севера Дальнего Востока России // VIII Диковские чтения. Магадан, 2014. С. 108–113.
3. Диков Н. Н. Археологические памятники Камчатки, Чукотки, Верхней Колымы (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1977.
4. Алексеев А. Н. Древняя Якутия: неолит и эпоха бронзы. Новосибирск, 1996.
5. Погребение Ымьяхтахакого воина в местности Кёрдюген / А. Н. Алексеев [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 2. Т. 26. С. 45–52.
6. Кашин В. А. Неолит Средней Колымы. Новосибирск, 2013.
7. Кистенев С. П. Родинское неолитическое захоронение и его значение для реконструкции художественных и эстетических возможностей человека в экстремальных условиях Крайнего Севера // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 68–83.
8. Окладников А. П. Ленские древности. Якутск, 1946. Вып. 2.
9. Окладников А. П. История Якутской АССР. М.; Л., 1955. Т. 1.
10. Федосеева С. А. Ымьяхтахакая культура Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1980.
11. Федосеева С. А. Дириг-Юряхский могильник (типология каменного инвентаря и место памятника в древней истории Северо-Восточной Азии) // Археологические исследования в Якутии. Новосибирск, 1992. С. 84–105.
12. Кирьяк М. А. Каменный век Чукотки. Магадан, 2005.
13. Диков Н. Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии (Азия на стыке с Америкой в древности). М., 1979.
14. Мочанов Ю. А. Многослойная стоянка Белькачи I и периодизация каменного века Якутии. М., 1969.
15. Молодин В. И. Ымьяхтахакая культура // Историческая энциклопедия Сибири. Новосибирск, 2009. Т. III.

УДК 903.27 (571)«636»

Т. Ю. КЛЕМЕНТЬЕВА

Клементьева Татьяна Юрьевна — ООО НАЦ
«АВ КОМ-Наследие» (Россия, Екатеринбург).
E-mail: KlementjevaT@yandex.ru

АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ
НА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОМ СОСУДЕ С ВЕРХОВЬЕВ
Р. КОНДЫ

Ключевые слова: Север Западной Сибири,
р. Конда, энеолит, антропоморфные изображения,
иконография

T. YU. KLEMENTJEVA

Klementjeva Tatiana Yurjevna — SAC "AV COM-
Heritage, Ltd" (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: KlementjevaT@yandex.ru

ANTHROPOMORPHIC IMAGES ON ENEOLITHIC VESSEL
FROM UPPER KONDA RIVER

Key words: North of West Siberia, Konda river,
Enolithic, anthropomorphic images, iconography

Резюме. В докладе рассмотрен уникальный сюжет с антропоморфными фигурами, расположенный на дне энеолитического сосуда. Проведен анализ иконографии изображений и композиционного построения.

Изображения антропоморфных персонажей на глиняной посуде немногочисленны. Для эпохи неолита и энеолита Севера Евразии они единичны. В этой связи интересен сюжет с девятью антропоморфными персонажами, изображенный на дне сосуда, происходящего с поселения Большая Умытъя 9. Поселение находится в Советском районе ХМАО – Югры, исследовано в 2007–2008 гг. На памятнике изучены культурные слои неолита (жилищный комплекс и погребения), энеолита и раннего железного века [1].

В локальном слое, перекрывавшем раннеэнеолитическое сооружение, найдены фрагменты двух сосудов, один из которых содержал сюжетный рисунок. Типологически близкая посуда известна в энеолитических комплексах атымьинского типа [2]. Сосуд с рисунком представляет собой округлодонную емкость с прикрытым устьем диаметром по тулову 37 см и толщиной стенок 0,4–0,6 см. Внешняя поверхность декорирована оттисками гребенчатого штампа. Условно композицию можно разделить на две части – геометрическую и сюжетную. На основной части орнаментального поля расположены геометрические мотивы: широкий зигзаг, составленный из коротких горизонтальных оттисков штампа, ромбическая сетка из длинных наклонных оттисков и пояса из вертикальных оттисков. На днище сосуда размещен сюжет с участием девяти стилизованных антропоморфных фигур, размещенных ногами к центру таким образом, что в центре композиции находится «площадка», частично заполненная наколами (прослеживаются две параллельные прямые линии и две противоположные дуги). Пространство между фигурами заполнено столбцами из наклонных оттисков штампа.

Антропоморфные персонажи изображены en face в полный рост. Фигуры составлены из отпечатков гребенчатого штампа. Изображения строились от вертикальной (осевой) линии, передающей позвоночник. Головная часть показана наклонными оттисками, расходящимися «веером» от осевой линии. У трех фигур поверх «веера» углом штампа нанесены глубокие наколы, возможно, обозначающие глаза и рот. У пяти фигур наблюдаются признаки оформления туловища, прослеживаемые преимущественно в верхней части «корпуса». Плечи пяти персонажей можно охарактеризовать как покатые,

Summary. The subject of the presentation is a unique theme with anthropomorphic figures on the bottom of an Eneolithic vessel. The author analyzed the images' iconography and the composition's arrangement.

Images of anthropomorphic personages are seldom finds on clay pottery. They are quite unique for the Neolithic and the Eneolithic periods in North Eurasia. Therefore the study of nine anthropomorphic images found on the bottom of a vessel from Bolshaya Umytja 9 settlement is of a particular interest. The settlement located in Sovetsky district of the KhMAO – Ugra was studied in 2007–2008. Cultural levels of the Neolithic (dwellings complex and interments), the Eneolithic and the Early Iron Age periods have been investigated [1].

In the local layer capping the early Neolithic structure fragments of two vessels were found, one of which was decorated with a thematic drawing. The typologically similar pottery is known from the Eneolithic complexes of the Atymjino type [2]. The decorated vessel is a rounded bottom container with the mouth capped body 37 cm in diameter, and wall thickness 0.4–0.6 cm. Outer surface was decorated with comb stamp impressions. The composition could be conventionally divided into two parts – the geometric and the thematic ones. In the main part of the ornamental field there were geometric motifs: wide zig-zag composed from short horizontal stamp impressions, a rhombic mesh of long inclined impressions and a belt made by vertical impressions. The vessel's bottom carried a theme with nine styled anthropomorphic figures with their feet pointing to the center thus forming a "platform" in center of the composition, which was partially filled with pinholes (two parallel straight lines and two opposed arches could be traced). Space between the figures was filled with columns of inclined stamp imprints.

The anthropomorphic personages were shown en face and full length. The figures were made up from comb stamp impressions. The images were built along the vertical (axial) line representing the spine. The head part is represented with inclined imprints branching in a "fan" pattern from the axial line. Three figures had deep pinholes made with a stamp corner over the "fan" which, possibly, indicated eyes and mouth. Five figures showed signs of body outlines, most visible in the upper part of the "body". Shoulders of five personages could be described as slanting, and one personage's shoulders were almost straight. In two instances the bodies were filled with parallel (almost horizontal) impressions crossing the vertical axis, and in one case – with vertical imprints. In two figures the imprints went from the spine line down at a sharp angle. In one

у одного – как близкие к прямым. В двух случаях туловище заполнено параллельными (близкими к горизонтальным) оттисками, пересекающими вертикальную ось, в одном случае – вертикальными отпечатками. На двух фигурах отпечатки расходятся от линии позвоночника под острым углом вниз. Еще у одной фигуры мы видим сочетание горизонтальных и наклонных оттисков по разные стороны от осевой линии. Руки опущены вниз. У семи фигур изображены ноги – очень короткие, прямые, расставленные в стороны. Кисти и ступни не показаны.

При известном стилистическом единстве все персонажи имеют индивидуальные черты, выражающиеся в размерах фигур, «богатстве» оформления головной части (различное количество и длина лучей), в наличии (или отсутствии) глаз и рта, в способах передачи корпуса и ног. Таким образом, можно предположить, что на сосуде показаны девять разных существ.

Подчеркнем композиционные и иконографические особенности изображения.

Сюжет расположен на дне сосуда. Фигуры размещены по кругу с четко выделенным центром. В действии принимают участие только антропоморфные существа. Количество действующих лиц равно девяти. Все персонажи имеют индивидуальные особенности, с которыми, вероятно, связано и место расположения каждого из них в круге (фигуры с чертами «лица» расположены напротив «безликих»; фигуры без ног – напротив друг друга). Фигуры разграничены между собой вертикальными мотивами.

1. Несмотря на индивидуальное своеобразие фигур, они демонстрируют определенное иконографическое сходство, выражающееся в «веерообразности» головной части, незавершенности формы корпуса, очень коротких ногах.

Все эти особенности в совокупности не находят соответствий в композициях, известных на энеолитической посуде Зауралья и Севера Западной Сибири [1; 2; 4]. Вместе с тем, отдельные стилистико-иконографические детали антропоморфных изображений «умытгинского» сосуда имеют сходство с оформлением персонажей на аятской и волончинской посуде.

Литература / References:

1. Погодин А. А. Поселение Большая Умытъя 9: результаты полевых исследований 2007–2008 гг. в Советском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2010. Вып. 8. С. 146–183.
2. Кокшаров С. Ф. Памятники энеолита севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2009.
3. Ковалева В. Т. Образ мира населения аятской культуры (по орнаментам на сосудах) // IV Берсовские чтения. Екатеринбург, 2004. С. 76–82.
4. Чаиркина Н. М. Энеолит Среднего Зауралья. Екатеринбург, 2005.

more figure we could see a combination of horizontal and inclined impressions on both sides of the axial line. Arms were dropped down. Seven figures had legs – very short, straight and spread apart. No hands or feet were shown.

Given a certain stylistic similarities all personages had their own individual features expressed in the figures' dimensions, "richness" of the head part decoration (different number and length of rays), presence (or absence) of eyes and mouth, means of the bodies and legs rendering. Thus it is possible to assume that the vessel drawing represented nine different creatures.

We'd like to emphasize some compositional and iconographic features of the drawing.

The drawing was made on the bottom of the vessel. The figures were located in a circle with a clearly marked center. Only anthropomorphic creatures participated in the action. The number of actors was nine. All personages had individual features which, in all probability, determined the respective position of each figure in the circle (the figures with "faces" were placed opposite the "faceless" ones; figures without legs were placed opposite each other). The figures were separated by vertical motifs.

1. Despite the individuality of the figures they demonstrated a certain iconographic similarity represented by a "fan-like" pattern of the head part, incompleteness of body shapes, and very short legs.

All these features taken together had no analogues in the known compositions on Eneolithic pottery of the Trans-Ural or the north of Western Siberia [1; 2; 4]. At the same time some individual stylistic and iconographic details of anthropomorphic images of the "Umytja" vessel had certain similarities with the style of representing personages on the Ayat and the Volvonchinskaya pottery.

УДК 902.2(571.121)«634»

Л. Л. КОСИНСКАЯ, Е. А. ЮДИНА

Косинская Любовь Львовна — к. и. н., УрФУ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: ver2142@yandex.ru

Юдина Екатерина Александровна — УрФУ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: kveten@gmail.com

ДРЕВНИЕ КАМЕННЫЕ КОПИ НАДЫМ–ПУРОВСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА¹

Ключевые слова: Север Западной Сибири, ЯНАО, неолит, горное дело, Et–to II

Резюме. Археологической экспедицией УрФУ на памятнике Et–to II открыты примитивные копи по добыче обломочного каменного сырья. Округлые ямы–котлованы глубиной до 2,5 м впущены в рыхлые песчано–гравийно–галечные отложения. Каменный инвентарь включает исходное сырье со следами первичной обработки, продукты расщепления, отбойники, единичные орудия. Датировка — эпоха неолита.

Таежные районы Западной Сибири к северу от Сибирских Увалов не могут похвастаться обилием памятников каменного века. Известно несколько поселений с жилищами, стоянок, местонахождений с разрушенным культурным слоем. Тем больший интерес вызывает памятник производственного назначения Et–to II. Он расположен у северного подножия Сибирских Увалов, на водоразделе верховий рек Надым и Пякупур в урочище Увыр–пай. Урочище — поросшая лесом продолговатая возвышенность (4 × 0,5 км), окруженная безлесной озерно–болотной равниной. В настоящее время урочище безводно, ближайший водоем — сточное оз. Еты–то — находится в 0,6 км к востоку. Возвышенность является останцом ледниковой равнины, сложенным несортированными песками с примесью галечно–валунного обломочного материала, образующего обширные прослои и линзы. Состав пород очень пестрый: кварц, кварцит, халцедон, кремьень, кремнистые и магматические породы.

Памятник Et–to II занимает узкую полосу протяженностью 0,55 км на вершинном гребне останца и включает 184 впадины различной формы и размеров, как правило, с обваловками. Большая их часть образует плотное хаотичное скопление в восточной

¹ Работа выполнена в рамках госзадания Минобрнауки РФ № 2014/236, тема 008 «Археологические феномены Урала и Западной Сибири»

L. L. KOSINSKAYA, E. A. YUDINA

Kosinskaya Lyubov Lvovna — PhD in History, UrFU
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: ver2142@yandex.ru

Yudina Ekaterina Alexandrovna — UrSU
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: kveten@gmail.com

ANCIENT FLINTSTONE MINES OF NADYM–PUROVSKY WATERSHED¹

Key words: North of West Siberian, YaNAO, mining production, Et–to II

Summary. The archaeological expedition of the UrFU has discovered on Et–to II site the primitive mines for producing fragmented lithic material. The rounded up to 2.5 m deep pits were let into the loose sand–gravel–cobble deposits. The lithic inventory included primary raw material with traces of initial working, knapping products, hammers, and isolated tools. The mines were dated as the Neolithic.

The taiga zone of Western Siberia north of the Sibirskiye Uvaly nature park cannot boast an abundance of the Stone Age archaeological sites. There are several known settlements with dwellings, short–term sites, and locations with destroyed cultural layer. The more interesting it was to discover a production site Et–to II. It was located near the northern foot of Sibirskiye Uvaly at the watershed of the rivers Nadym and Pyakupur in the Uvyr–pai tract. The tract was a forested elongated elevation (4 × 0.5 km) surrounded by a treeless waterlogged plain and lakes. At present the tract is waterless, the nearest water body — the open lake Ety–to — is located 0.6 km to the east. The elevation is a glacial plain outlier made of unsorted sands with addition of cobble–bouldery fragmented material forming vast interlayers and lenses. The rocks composition is quite varied: quartz, quartzite, calcadony, chert, siliceous and magmatic rocks.

Et–to II site is occupied a narrow strip 0.55 km long on the top crest of the outlier and includes 184 depressions of various shapes and sizes, as a rule, with rampart–like constructions. Most of them formed a dense chaotic accumulation in the eastern part of the site, while in the western part of the depression they were located in small groups or in isolation. In the course of stationary investigation the remains of 12 deepened structures in the eastern part of the site were excavated.

¹ The study was performed as part of state order of the Ministry of Education and Science RF № 2014/236, theme 008 “Archaeological Phenomena of the Ural and West Siberia”

части памятника, тогда как в западной части впадины расположены небольшими группами или поодиночке. Стационарными исследованиями вскрыты остатки 12-ти углубленных сооружений в восточной части памятника. Семь из них были обозначены на поверхности впадинами, остальные не прослеживались в современном рельефе, будучи перекрыты более поздними сооружениями или их обваловками. Различия в форме и размерах котлованов, дополнительные конструктивные детали дают представление о типах исследованных сооружений.

Пять объектов – глубокие, округлые в плане котлованы с крутыми стенками и уплощенным дном. Размеры 3–4 м по верхнему краю и 2–3 м у дна, глубина 2–2,5 м. Котлованы расположены тесной группой в 0,5–1 м один от другого на участке с мощными прослоями галечников, которые они прорезают. Второй тип объектов – небольшие (3–4 × 2,5 м) прямоугольные или подквадратные котлованы глубиной до 1,5 м, с крутыми стенками и уплощенным дном. Большею частью они также приурочены к материковым галечным отложениям. В некоторых прослежены следы столбов, канавки в основании стенок. Два объекта резко отличаются от описанных. Один из них – остатки углубленной постройки с квадратным котлованом размерами 4 × 3,7 м, глубиной 1,2 м и слабо углубленной наземной частью, за счет чего размеры сооружения составляют 5,5 × 6,8 м на уровне древней дневной поверхности. В наземной части зафиксированы хозяйственные и столбовые ямы, очаг отсутствует. Второй объект – крупное наземное прямоугольное жилище с центральной углубленной частью. Постройка имеет размеры 10,2 × 7,6 м, центральный котлован – 6,7 × 3,6–4,6 м, его глубина 0,7–0,8 м, на дне расположен блюдцеобразный очаг. В неуглубленной части имеется стенная ниша с хозяйственной ямой и несколько столбовых ямок по периметру. Культурный слой жилища отличается выраженной охристой окраской, красноватый оттенок имеет и заполнение наземной части безочажной постройки, а также отдельные участки культурного слоя в межобъектном пространстве и прослойки в заполнении котлованов первой и второй групп.

Стратиграфическими наблюдениями установлена разновременность котлованов первой группы, неодновременность жилища и безочажной постройки, жилища и одного из котлованов второй группы. Неолитический возраст установлен по образцам угля из жилища (SPB-13126650±100 BP; SPB-13136600±80 BP) и из одного котлована второй группы (SPB-8945930±100 BP; SPB-8956000±70 BP).

Находки представлены исключительно каменным инвентарем. Большую его часть составляют

Seven of them were on the surface with depressions, the rest could not be traced in the modern relief, as they were covered by the later structures and their ramparts. The differences in the shapes and sizes of the pits, as well as the additional structural details gave an indication of the types of the researched structures.

Five objects were deep, rounded in the plane pits with steep walls and flattened bottom. The dimensions – 3–4 m by the top edge and 2–3 m near the bottom, the depth – 2–2.5 m. The pits were located in a dense group 0.5–1 m from each other in the section with strong coarse gravel layers which they cut. The second type of objects consisted of small (3–4 × 2.5 m) rectangular or sub-square pits up to 1.5 m deep with steep walls and flattened bottom. Most of them were also referred to the mainland coarse gravel resources. In some of them there were traces of postholes, and small trenches at the base of the walls. Two objects were distinctly different from the ones described above. One of them represented the remains of a subterranean structure with a basement 4 × 3.7 m, 1.2 m deep and with slightly buried above ground part, as a result of which the structure's dimensions were 5.5 × 6.8 m at the ancient daylight surface level. In the surface part we registered middens and postholes, there was no hearth. The second object was a large above ground rectangular house with a buried part in the center. The house's dimensions were 10.2 × 7.6 m, the central pit – 6.7 × 3.6–4.6 m, its depth was 0.7–0.8 m, with a saucer-shaped hearth at the bottom. In a shallow part there was a wall niche with a midden and several pole pits along the perimeter. The cultural level of the house had a distinct ochreous coloring, the filling of the above ground part of the hearthless structure also had a reddish shade, as well as some sections of the cultural level in the inter-object space and the interlayers in the pits filling of the first and the second groups.

It was established as a result of stratigraphic observations that the pits of first group were asynchronous, also that the house and the hearthless structure, the house and one of the pits of the second group belonged to different time periods. The Neolithic age was established by coal samples from the house (SPB-13126650±100 BP; SPB-13136600±80 BP) and one of the second group pits (SPB-8945930±100 BP; SPB-8956000±70 BP).

The finds were represented exclusively by lithic inventory. Greater part of it consisted of round stones with one or two negative flake scars, debris, cores in initial stages of utilization, and hammers. The flakes were scarce, and the tools few. The inventory composition characterized the investigated part of the site as a workshop dedicated to trial and sampling of lithic raw material. In this respect it was in many ways similar to the

гальки с негативами одного–двух сколов, обломки, нуклеусы в начальной стадии утилизации, отбойники. Отщепы немногочисленны, орудия единичны. Состав инвентаря характеризует исследованную часть памятника как мастерскую по апробации и отбору каменного сырья. В этом отношении он во многом аналогичен неолитическому поселению–мастерской Et–to I, расположенному по соседству [1]. С другой стороны, планиграфия памятника Et–to II и характеристики котлованов первой группы напоминают неолитические кремнедобывающие шахты зарубежной Европы, Белоруссии, Средней Азии. Принципиальная разница заключается в том, что указанные горные выработки ориентированы на добычу кремня из первичных меловых или известняковых залегающих, в то время как в рассматриваемом случае целью являлся обломочный, в большинстве низкокачественный материал из рыхлых отложений ледникового генезиса. Что касается котлованов второй группы, то данных, достаточных для их однозначной интерпретации, пока недостаточно. Вероятно, они также каким–то образом связаны с разработками каменного сырья.

По–видимому, весь памятник представляет собой конгломерацию разновременных и разнофункциональных объектов – древних каменных копей; явления, уникального для Западной Сибири. Притягательность урочища, несмотря на низкое качество сырья, объясняется абсолютным дефицитом поделочного камня на окружающей равнине на многие десятки километров вокруг.

Литература / References:

1. Косинская Л. Л. Поселение Et–to I и некоторые проблемы неолита севера Западной Сибири // Ямал между прошлым и будущим: приоритеты развития. Екатеринбург; Салехард, 2005. С. 3–21.

УДК 902(470.53)«634»

Е. Л. ЛЫЧАГИНА

Лычагина Евгения Леонидовна — к. и. н., ПГГПУ (Россия, Пермь). E-mail: LychaginaE@mail.ru

НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ

Ключевые слова: неолит, керамика, каменный инвентарь, радиоуглеродное датирование

Резюме. В статье подводятся итоги исследований неолитических памятников Среднего Предуралья. Дается характеристика основных культурных комплексов, приводятся хронологические рамки культур, выдвигаются основные задачи, которые стоят перед исследователями.

Neolithic settlement–workshop Et–to I found nearby [1]. On the other hand the planigraphy of Et–to II site and the characteristics of the pits of the first group reminded some flintstone mines of Western Europe, Belarus, and Central Asia. The principal difference was that the said mines were specializing on flintstone production from primary Cretaceous deposits, while in this case the target was the fragmented, mostly low quality material from loose deposits of glacial genesis. We do not yet have sufficient data for an unambiguous interpretation of the second group pits. Most likely they too were somehow related to lithic raw material mining.

Apparently the studied archaeological site was a conglomeration of asynchronous and diverse functionality objects – ancient flintstone mines; which was a unique phenomenon for Western Siberia. The attractiveness of the tract despite the low quality of the raw material could be explained by the absolute deficit of workable raw material in the surrounding plain for dozens of kilometers away.

E. L. LYCHAGINA

Lychagina Eugenia Leonidovna — PhD in History, PSHTU (Russia, Perm). E-mail: LychaginaE@mail.ru

THE NEOLITHIC OF THE MIDDLE CIS–URAL. SOME RESULTS OF STUDY

Key words: The Neolithic, ceramics, stone tools, radio-carbon dating

Summary. The article summarizes some results of the study of the Neolithic sites of the Middle Cis–Ural. The author proposes a description of the main cultural complexes, indicated the chronological boundaries of cultures, and formulated major problems facing the research community.

К Среднему Предуралью мы относим территорию Верхнего и Среднего Прикамья в пределах современного Пермского края. Археологические исследования памятников каменного века на данной территории ведутся с конца XIX в. На сегодняшний день в Среднем Предуралье известно более 60 археологических памятников, относящихся к неолитическому времени.

Крупные археологические раскопки проводились на 40 поселениях. На остальных памятниках либо был собран подъемный материал, либо была проведена шурфовка общей площадью не более 16 кв. м. Культурный слой обычно представлен темно-коричневой или серой плотной супесью. Мощность слоя даже на многослойных поселениях обычно не превышает 30–40 см и только в жилищах достигает 1 м. Наиболее часто неолитические комплексы соседствуют с материалами эпохи энеолита — 30 памятников. Это создает дополнительные трудности при характеристике каменного инвентаря. Очень часто разделить кремневые комплексы неолитического и энеолитического времени не представляется возможным. Поэтому характеристика тех или иных культурно-хронологических групп проводится, в основном, по керамике.

Памятников с однородным неолитическим комплексом всего 25. При этом понятие «однородный» достаточно условно, так как и на этих поселениях в незначительном количестве может встречаться керамика эпохи энеолита и бронзы. Однако, эти находки имеют единичный характер и легко вычлениваются из основного комплекса, не искажая общей картины. Крупные раскопки были проведены только на 12 памятниках, поэтому не исключено, что при дальнейших исследованиях часть памятников данной группы перейдет из разряда «однородных» в разряд «смешанных».

Остатки жилищ эпохи неолита изучены на 6 памятниках (Усть-Букорок, Хуторская, Чернушка, Чернашка, Лёвшино, Усть-Залазнушка I). Как правило, это подчетырехугольные полуземлянки с 1–3 очагами площадью 60–120 кв. м, для сооружения которых использовались естественные ложбинки. По сравнению с эпохой энеолита, количество зафиксированных неолитических жилищ крайне мало. Возможно, это связано с тем, что часть жилищ неолитического времени на многослойных поселениях была уничтожена при постройке сооружений эпохи энеолита. Возможно также, что жилища этого времени располагались около самого уреза воды и были разрушены под воздействием природных факторов еще до начала археологических исследований.

В культурном плане неолит Среднего Предуралья неоднороден. Выделяется 2 культуры — камская

According to our definition the territory of the Middle Cis-Ural covers the Upper and the Middle Kama basins within the boundaries of the present Perm region. The archaeological studies of the Stone Age sites in this territory started in the late 19th century. At present over 60 archaeological sites dated back to the Neolithic period are known in the Middle Cis-Ural.

40 settlement sites have been studied with large-scale archaeological excavations. The studies of other sites were limited to either collection of the scatter, or testing in the total area not exceeding 16 sq. m. The cultural layer was normally represented by a dark brown or gray dense sandy loam. The level thickness even in the multilayer settlement sites was normally not more than 30–40 cm, and only in the dwellings, it reached about 1 m. Most frequently the Neolithic complexes were found side by side with the Eneolithic Age materials — 30 sites. This fact created additional difficulties for the lithic inventory characterization. Quite often it proved impossible to distinguish between the flint complexes of the Neolithic and the Eneolithic periods. Therefore the characterization of certain cultural and chronological complexes was made mostly on the basis of ceramics.

There were only 25 sites with the homogeneous Neolithic complex. It should be understood that the term “homogeneous” is used here only conventionally, since these settlement sites could also contain some insignificant amounts of the Eneolithic ceramics or bronze. However these finds were sporadic and could easily be separated from the main complexes without the overall picture distortion. Large-scale excavations were undertaken for only 12 sites, therefore we can not exclude the possibility that by the results of further excavations part of the sites of this group would be reclassified as “mixed” instead of the “homogeneous” ones.

The remains of the Neolithic dwellings have been studied in 6 sites (Ust-Bukorok, Khutorskaya, Chernushka, Chernashka, Levshino, Ust-Zalaznushka I). As a rule these were sub-quadrangular semi-subterranean dwellings with 1–3 fireplaces and the total area of 60–120 sq. m quite often taking advantage of the natural depressions in the ground. Compared to the Eneolithic period the number of the registered Neolithic dwellings was extremely low. This could probably be explained by the fact that part of the Neolithic dwellings in multilayer settlement sites was destroyed during the Eneolithic dwellings construction. It is also possible that the dwellings of this period were located right at the water edge and were destroyed under the effect of natural factors even before the archaeological studies began.

The Neolithic of the Middle Cis-Ural was culturally non-homogeneous. Two cultures could be identified — the Kamskaya and the Volga-Kamskaya. The first one

и волго-камская. Первая связана с керамикой, орнаментированной гребенчатым штампом. Как правило, это полуяйцевидные сосуды, изготовленные из запесоченной глины с примесью шамота. Подобная керамика встречается на 56 неолитических поселениях. Именно с ее характеристикой связано выделение О. Н. Бадером «камской неолитической культуры» [1, с. 157–171]. Вторая традиция связана с посудой, орнаментированной с помощью наколов. Сосуды, относящиеся к этой группе, обычно имели баночную форму. Подобная керамика встречается на 14 памятниках. Дискуссия по проблеме соотношения памятников с накольчатой и гребенчатой керамикой на территории Среднего Предуралья привела нас к выводу, что памятники с гребенчатой керамикой связаны с автохтонным населением, а появление памятников с накольчатой керамикой связано с проникновением населения с более южных территорий Средней Волги и Нижней Камы [2, с. 344–353]. В какой-то мере, это подтверждают данные технологического анализа прикамской керамики, который проведен И. Н. Васильевой [3, с. 33–50].

В последнее время ведется активная работа по технологическому анализу каменного инвентаря однослойных комплексов, которые можно было бы использовать в качестве эталонов. На сегодняшний день проведен анализ материалов 6 памятников (3 относятся к камской культуре и 3 – к волго-камской). Проведенный анализ показал, что в качестве основных занятий населения выделяются обработка продуктов охоты и рыболовства, а также обработка дерева.

Проведена большая работа по радиоуглеродному датированию неолитических памятников, хотя и сейчас она далека от завершения. Для памятников камской культуры получено более 20 дат, для волго-камской – более 10. Большая часть дат получена по органике в керамике. Предварительно, камская неолитическая культура может быть датирована в пределах к. VI – пер. пол. IV тыс. до н.э., а волго-камская в пределах сер. VII – сер. V тыс. до н.э. [4, с. 17–22].

Естественно, что перед исследователями стоит задача получения новых абсолютных дат для памятников различных этапов и культур. К другим задачам, стоящим перед современными исследователями, стоит отнести:

- необходимость выявления новых неолитических памятников в слабо исследованных районах региона;
- проведение аварийных спасательных работ на разрушающихся неолитических поселениях;
- поиск и исследование ранне-неолитических памятников;
- технико-технологический анализ керамики;

related to the comb stamp ornamented pottery. As a rule these were semi egg-shaped pots made from sandy clay with grog inclusions. This type of ceramics was found in 56 Neolithic settlement sites. It was this culture characterization that led O. N. Bader to distinguishing the “Kama Neolithic culture” [1, p. 157–171]. The latter tradition related to the pricked ornamented pottery. The vessels belonging to this culture were usually cup shaped. This type of ceramics was found in 14 Neolithic settlement sites. A discussion of the problem of relationship between the sites with the pricked and the comb technique of ceramic ornamentation brought us to the conclusion that the sites with the comb stamp ceramics related to the autochthonous population, whereas the appearance of the sites with pin prick ceramics was a result of penetration of the population from the more southern territories of the Middle Volga and the Lower Kama [2, p. 344–353]. To some extent this was also confirmed by the data of the technological analysis of the Kama region ceramics performed by I. N. Vasiljeva [3, p. 33–50].

Recently there was an intensification of the use-wear analysis studies of the lithic inventory of unilayer complexes, which could be used as reference materials. At present 6 sites' materials have already been analyzed (3 of them belonged to the Kama culture and 3 – to the Volga-Kama). The results of the analysis demonstrated that main occupations of the population were treatment and processing of hunting and fishing products, as well as wood working.

A significant amount of work has been done on obtaining radiocarbon dates for the Neolithic sites, though this work is yet far from completed. For the Kamskaya culture sites over 20 dates have been obtained, and for the Volga-Kamskaya – over 10 dates. Most of the dates have been obtained on the basis of organic inclusions in ceramics. According to the preliminary results the Kamskaya Neolithic culture could be dated within the interval between the end of the 6th – the first half of the 4th millennium BC, and the Volga-Kama culture – within the mid 7th – mid 5th millennium BC [4, p. 17–22].

Naturally one of the immediate tasks of the researchers would be obtaining new absolute dates for the sites of different periods and cultures. Other tasks facing contemporary scholars include the following:

- need to identify new Neolithic sites in the poorly researched areas of the region;
- performance of emergency rescue excavations on Neolithic settlement sites affected by erosion;
- search for and study of the Early Neolithic sites;
- technical and technological analysis of ceramics;
- comprehensive analysis of lithic inventory;

- комплексный анализ каменного инвентаря;
- реконструкция палеоэкологических условий на территории региона в эпоху неолита.

В ходе решения поставленных задач, возможно, произойдет пересмотр устоявшихся теорий и представлений о неолите лесной полосы и его взаимодействии с лесостепью, будет более полно освещена хозяйственная деятельность населения, расширится круг источников.

Литература / References:

1. Бадер О.Н. Уральский неолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970. С. 157–171.
2. Лычагина Е.Л. Неолит Пермского Предуралья: итоги исследований // Человек, адаптация, культура. М., 2008. С. 344–353.
3. Васильева И.Н., Выборнов А.А. К разработке проблем изучения неолитического гончарства Верхнего и Среднего Прикамья // Тр. КАЭЭ. 2012. Вып. VIII. С. 33–50.
4. Лычагина Е.Л. Проблемы хронологии неолита – раннего энеолита Прикамья // Вестн. Перм. ун-та. 2011. № 1 (15). С. 17–22.

УДК 903.211.3(571.51/52)

Н. П. МАКАРОВ

Макаров Николай Поликарпович — к. и. н.,
Красноярский краевой краеведческий музей
(Россия, Красноярск). E-mail: mnp@kkkm.ru

КАМЕННЫЕ ТОПОРЫ С УШКАМИ СЕВЕРА СРЕДНЕЙ СИБИРИ

Ключевые слова: мезолит, неолит, Средняя Сибирь, каменные топоры с ушками

Резюме. В публикации приводятся новые данные о находках каменных топоров с ушками на Енисее, Северном Приангарье, Подкаменной и Нижней Тунгусках, анализируются археологические комплексы, позволяющие датировать цапфенные топоры, рассматриваются этнографические сведения об использовании данной категории орудий.

Каменные топоры с ушками (цапфами) имеют широкое распространение в раннеголоценовых культурах на территории Северной Азии. Для погребальных комплексов они наиболее характерны в неолитических культурах Прибайкалья [1]. На многослойных стоянках Восточной и Средней Сибири, как показано в публикациях группы Иркутских археологов, топоры с ушками встречены как в неолитических, так и мезолитических горизонтах. При этом авторы капитальной сводки с глубокой историографической проработкой вопроса, убедительной аргументацией датировки топоров, высказали сомнение в достоверности источников для значительной части Средней

- reconstruction of paleo-ecology in the area under study during the Neolithic period.

It is quite possible that in the course of addressing the tasks listed above some established theories and concepts of the forest belt Neolithic and its contacts with the forest-steppe population will be reviewed, the population's economy will be better understood, and the scope of sources will expand.

N. P. MAKAROV

Makarov Nikolai Polykarpovich — PhD in History,
Krasnoyarsk Regional History Museum
(Russia, Krasnoyarsk). E-mail: mnp@kkkm.ru

STONE AXES WITH TABS FROM THE NORTH OF MIDDLE SIBERIA

Key words: the Mesolithic, the Neolithic, Middle Siberia, stone axes with tabs

Summary. The publication provides data on the finds of stone axes with tabs on the Yenisei, in the north Angara basin, the Podkamenny and Lower Tunguska and presents the analysis of archaeological complexes making it possible to obtain dates for the studded axes, and provides ethnographic information about the use of this category of tools.

Stone axes with tabs (studs) were widely used in the early Holocene cultures in the territory of northern Asia. In the burial complexes they were more characteristic for the Neolithic cultures of the Baikal region [1]. In the multilevel sites of Eastern and Middle Siberia, as was shown in publications by a group of Irkutsk archaeologists, axes with tabs were found both in the Neolithic and the Mesolithic horizons. At the same time the authors of a fundamental summary based on deep historiographic study of the issue, and conclusive argumentation supporting the possible dating of the axes expressed some doubts in the credibility of sources for a significant part of Middle Siberia [2]. Specifically the information about the “eared” axes on the Yenisei was referred to as “folklore

Сибири [2]. В частности, известия об «ушастых» топорах на Енисее обозначены как «фольклорные сведения», а находки каменных топоров в Эвенкии «еще более туманными» [2, с. 75].

С последними утверждениями трудно согласиться. В коллекциях краеведческих музеев г. Красноярска, г. Енисейска и пос. Тура хранятся десятки каменных топоров с ушками, имеющих четкую географическую привязку известных местонахождений. Наибольшая их концентрация — на Енисее близ Красноярска на стоянках Ладейки, Базаиха, Усть-Караульная [3, с. 96–98]. Представительная группа каменных топоров с ушками обнаружена в ходе раскопочных работ П. В. Мандрыка на стоянке Шилка в Казачинском пороге Енисея, а автором — в неолитическом горизонте стоянки Караульный Бык близ Красноярска [4, с. 88]. Особенностью енисейских топоров является их изготовление на речных гальках, о чем свидетельствуют остатки галечной корки на орудиях.

Серия каменных топоров с Енисея дополняется находками нескольких экземпляров с Нижней Ангары на стоянках Усть-Карабула и Высотино 1, поселения-могильнике Skorodumnyy Byk. Основная их часть изготовлена из серого кремнистого сланца. Среди них — экземпляр с ушками и перехватом, а так же топорик миниатюрных размеров 13 x 3,1 см. Еще один экземпляр размером 14 x 9 см, в отличие от большинства типичных неолитических топоров Северного Приангарья, выполнен на плоской речной гальке. При этом топоры с ушками были обнаружены совместно с сетчатой керамикой и фрагментами посольского типа, датированного, по современным данным, ранним неолитом [5, с. 824–826].

Значительная группа каменных топоров с ушками на Красноярском Севере найдена на реках Подкаменная и Нижняя Тунгуска на стоянках Байкит, Водозимская, Кочечум, Ховаркали, комплексе поселений Тура и других памятниках Эвенкии [6; 7]. Как и в Северном Приангарье, орудия выполнены большей частью из серого кремнистого сланца. При этом их формы и размеры также соответствуют многообразию топоров основных типов изделий Ангары. Хотя большая часть топоров с ушками в Эвенкии обнаружена в подъемном материале, подобные изделия неоднократно встречены и *in situ*. В ходе стационарных раскопок Г. И. Андреева на комплексе стоянок у пос. Тура топоры с ушками фиксировались в неолитических культурных горизонтах совместно с сетчатой и шнуровой керамикой и набором разнообразных каменных орудий.

Серия радиоуглеродных дат со стоянки Усть-Едарма, Казачка и других памятников Средней Сибири убедительно датируют топоры с ушками эпохой

data”, whereas the finds of stone axes in the Evenk region as “even more vague” [2, p. 75].

It is difficult to agree with the latter statement. In the assemblages of the regional history museums of Krasnoyarsk, Yeniseisk, and Tura there were dozens of stone axes with tabs with clear geographical tie-in to the known locations. The largest concentration of them was found on the Yenisei near Krasnoyarsk on the sites Ladeiki, Bazaikha, Ust-Karaulnaya [3, p. 96–98]. A representative group of stone axes with tabs was found in the course of excavations supervised by P. V. Mandryka on Shilka site in Kazachinsky rapids of the Yenisei, and by the author — in the Neolithic horizon of Karaulny Byk site near Krasnoyarsk. The specifics of the Yenisei axes was that fact that they were made on river pebbles the evidence of which were the remains of pebble skin on the tools.

A series of stone tools from the Yenisei was complemented by the finds of several items from the Lower Angara on camp sites Ust-Karabula and Vysotino 1, settlement-burial site Skorodumnyy Byk. Most of them were made from gray siliceous schist. Among them there was one item with tabs and waist, as well as a miniature size axe — 13 x 3.1 cm. Another item with dimensions 14 x 9 cm, unlike most of the typical Neolithic axes of Northern Angara region was made on a flat river pebble. The axes with tabs were found together with grid ceramics and Posolskaya type fragments dated, according to the latest data, as the early Neolithic [5, p. 824–826].

A significant group of stone axes with tabs in the north of the Krasnoyarsk region was found on the rivers Stony and Lower Tunguska on sites Baikit, Vodozimsкая, Kochechum, Khovarkali, a group of settlements Tura and on other archaeological sites of the Evenk region [6; 7]. As in the northern Angara region the tools were made predominantly from gray siliceous schist. The shapes and sizes of these items also matched the axes variety of the main types of Angara artifacts. Though most of axes with tabs in the Evenk region were found in the scatter, the artifacts of this type were more than once found also *in situ*. In the course of stationary excavations by G. I. Andreev on a group of sites near Tura village axes with tabs were registered in the Neolithic cultural horizons together with the grid and cord ceramics and sets of various stone tools.

A series of radiocarbon dates from the site Ust-Edarma, Kazachka and other sites of Middle Siberia provide absolute dates for axes with tabs back to the Mesolithic and the Neolithic periods. Though not in disagreement on this point with a number of researchers, we would still note the existence of the ethnographic data

мезолита и неолита. Соглашаясь в этом с рядом исследователей, отметим все же этнографические данные свидетельствующие, что каменные топоры с ушками использовались в хозяйствах эвенков севера Енисейской губернии даже во второй половине XIX в. При этом в документации музеев отмечено, что тесла изготовлены в последней четверти XIX в. в местах его приобретения в Кежемской волости Енисейской губернии [8, с. 212–213]. Тем не менее, остается не до конца ясным для большинства этнографических топоров с ушками, было ли это вторичное использование неолитических изделий, или топоры с ушками изготавливались самими эвенками для изготовления лодок-долбленок и иных хозяйственных функций.

В целом, категория каменных топоров с ушками является одной из наиболее выразительных в орудейном наборе раннеголоценовых культур Северной Азии и может свидетельствовать о некоей культурной общности в мезолите–неолите Средней Сибири.

Литература / References:

1. Окладников А. П. Неолит и бронзовый век Прибайкалья. М.; Л., 1950. Ч. 1–2.
2. Липнина Е. А., Лохов Д. Н., Медведев Г. И. О каменных топорах «с ушками» — цапфенных топорах Северной Азии // Изв. ИГУ. Сер. георхеология, этнология, антропология. 2013. № 1 (2). С. 71–101.
3. Макаров Н. П. К вопросу о культурных связях древних племен Среднего Енисея и Нижней Ангары // Проблемы древних культур Сибири. Новосибирск, 1985. С. 96–98.
4. Макаров Н. П., Ямских А. А. Археология и палеогеография многослойной стоянки Караульный Бык // Палеогеография Средней Сибири. Красноярск, 1995. Вып. 2. С. 81–112.
5. Makarov N. P. The Ancient Stages of the Culture Genesis of the Krasnoyarsk Indigenous Peoples // Journal of Siberian University. Humanities sozial Sciences. 2013. № 6. 816–841.
6. Андреев Г. И., Фомин Ю. М., Пашкин П. П. Неолитические поселения Подкаменной Тунгуски // СА. 1965. № 3. С. 100–115.
7. Мандрыка П. В. Новые материалы с Подкаменной Тунгуски // Енисейская провинция. Альманах. Красноярск, 2010. Вып. 5. С. 25–44.
8. Народы Севера Сибири в коллекциях Омского государственного объединенного исторического и литературного музея. Томск, 1986.

УДК 902.652(470.5)

В. С. МОСИН

Мосин Вадим Сергеевич — д. и. н.,
Южно-Уральский филиал ИИиА УрО РАН
(Россия, Челябинск). E-mail: mvs54@mail.ru

**ХРОНОЛОГИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ КАМЕННОГО ВЕКА**

Ключевые слова: Зауралье, радиоуглеродная хронология, традиции, социокультурное пространство

Резюме. Голоценовый период каменного века в Зауралье по имеющимся радиоуглеродным датам занимает X–IV тыс. до н. э. (Cal BC). Преемственность традиций явилась основой существования

containing evidence of the use of stone axes with tabs by the Evenks of the north of the Yenisei province even in the second half of the 19th century. At the same time in the museums' documents it is stated that the adzes were made in the last quarter of the 19th century in the areas of their acquisition in the Kezhem district of the Yenisei province [8, p. 212–213]. Nonetheless it is still not quite clear with regard to the majority of ethnographic axes with tabs whether this was a secondary use of Neolithic tools, or these axes with tabs were made by the Evenks themselves for the making of log boats and other economic functions.

On the whole the category of stone axes with tabs is one of the most impressive in the tool set of early Holocene cultures in Northern Asia and may serve as a sign of some kind of cultural affinity in the Mesolithic and the Neolithic in Middle Siberia.

V. S. MOSIN

Mosin Vadim Sergejevich — Doctor of History,
South Ural Branch of the IH&A UB RAS
(Russia, Chelyabinsk). E-mail: mvs54@mail.ru

**CHRONOLOGY AND SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE
TRANS-URAL IN THE LATE STONE AGE**

Key words: Trans Ural, radiocarbon chronology, traditions, socio-cultural space

Summary. According to the available radio-carbon dates the Holocene period of the Stone Age in the Trans-Ural fell on the 10th–4th millenniums BC (Cal BC). Succession of traditions was the basis for the existence

социокультурного пространства Зауралья, от основных хребтов Урала до междуречья рек Тобол и Ишим и от верховьев р. Тавда до широтного течения р. Урал, которое отражало многомерную систему существования человеческого общества.

К настоящему времени в Зауралье исследовано раскопками более 230 памятников, относящихся к голоценовой части каменного века (мезолит–энеолит). Эпоха мезолита представлена 32 раскопанными стоянками и поселениями. Данные для хронологии составляют 39 конвенционных и AMS дат, полученных, в основном, для Горбуновского и Шигирского торфяников. На основании стратиграфии Береговой II и Береговой I торфяниковых стоянок мезолит разделен на три этапа: ранний (9400–9200 и 8600–8300 гг. до н. э.), средний (8200–7450 гг. до н. э.) и поздний (7500–6750 гг. до н. э.) [1, с. 255–259]. Необходимо отметить наметившуюся дуальность в мезолитических комплексах Зауралья: часть стоянок (Выйка II, Сухрино I, Родники II, Ташково II, IV) не содержат в коллекциях таких характерных типов орудий как геометрические микролиты – трапеции и треугольники; в коллекциях другой части стоянок (Серый Камень, Янгелька, Андреевка, Чебаркуль XVII, Черная гора) геометрические микролиты присутствуют. Объяснить этот факт с территориальной, хронологической, хозяйственной или какой-либо еще позиции пока не удается.

Неолитическое время представлено чуть более сотней раскопанных памятников. На основании проанализированных 90 радиоуглеродных дат неолитический период на Урале может быть разделен на два этапа: ранний – 6000–4700 гг. до н. э. и поздний – 5000–3950 гг. до н. э. [2, с. 33–48]. Оба периода зауральского неолита также представлены двумя основными традициями, имеющими свои варианты. В раннем неолите это кошшинская и козловская, в позднем – полуденская и боборыкинская традиции.

Также более 100 памятников исследовано для периода энеолита. Суммирование 39 калиброванных радиоуглеродных дат позволило установить хронологические рамки периода 4300–3000 гг. до н. э. [3, с. 30–42] и констатировать полную или частичную синхронность двух больших традиций в технике орнаментации: использование зубчатого штампа и отступающего накола и их различных вариантов, к которым относится большинство типов керамики. Их сочетание в пределах одних памятников предполагает, что территория функционировала как культурная непрерывность.

Современный уровень знаний позволяет говорить о преемственности технологических традиций

of the socio-cultural space of the Trans-Ural up to the area between the Tobol and the Ishim rivers, and from the upstream Tavda river to the latitudinal flow of the Ural river which reflected the multi-dimensional system of the human community existence.

At present over 230 archaeological sites of the Holocene period of the Stone Age (the Mesolithic–the Eneolithic) have been excavated and studied in the Trans-Ural. The Mesolithic is represented by 32 excavated camp sites and settlements. Chronology is formed with 39 conventional and AMS dates obtained mostly from the Gorbunov and the Shigir peat-bog sites. Based on Beregovaya II and Beregovaya I peat-bog sites stratigraphy the Mesolithic period could be divided into three stages: the early (9400–9200 and 8600–8300 BC), the middle (8200–7450 BC) and the late (7500–6750 BC) [1, p. 255–259]. It is necessary to note the observed duality in the Mesolithic complexes of the Trans-Ural: part of the sites (Vyika II, Sukhrino I, Rodniki II, Tashkovo II, IV) does not contain in their collections such characteristic types of tools as the geometric microliths – trapezoids or triangles; the collections of the rest sites (Sery Kamen, Yangelka, Andrejevka, Chebarkul XVII, Chernaya Gora) contains geometric microliths. It was not possible so far to explain this fact from the territorial, chronological, economic, or any other position.

The Neolithic period is represented with a little over a hundred excavated sites. Based on the 90 radiocarbon dates analysis the Neolithic period in the Ural can be split into two stages: the early – 6000–4700 BC and the late 5000–3950 BC [2, p. 33–48]. Both Trans-Ural Neolithic periods are also represented with two main traditions with sub-variants. In the early Neolithic these were the Koshkino and the Kozlov, and in the late – the Boborykin and the Poludenskaya cultural traditions.

Also for the Eneolithic period 100 sites have been studied. Summing up the 39 calibrated radiocarbon dates it was possible to set the chronological boundaries of the period as 4300–3000 BC [3, p. 30–42] and confirm the full or partial synchronicity of the two large traditions in the ornamentation technique: the use of denticulated stamp and indented pin prick technique and their variants embracing most of the ceramics types. Their combination within the boundaries of the same sites led to the assumption that the territory functioned as a cultural continuity.

Recent knowledge allows presuming the succession of the technological traditions and of major forms characteristic for the lithic tools industry from the Mesolithic to the Eneolithic without any dramatic innovations. The technological and the ornamental traditions in pottery also fit well into our understanding of the existing

и основных форм в изготовлении орудий из камня от мезолита до энеолита, без кардинальных инноваций. Технологические и орнаментальные традиции в гончарном производстве также укладываются в наши представления о генетической связи. Картографирование комплексов с основными признаками существовавших традиций позволяет определить социокультурное пространство зауральского населения. Единство населения зауральского социокультурного пространства отразилось и в существовании святилищ и культовых холмов: Камня Дыроватого в мезолите и неолите, Кокшаровского и Усть-Вагильского холмов в неолите и круглоплановых святилищ Савин I, Слабодчики I, Велижаны 2, в энеолите, комплексы которых отражают весь спектр технологических и орнаментальных традиций региона в мезолите–энеолите.

Зауральские социумы в конце каменного века занимали территорию от основных хребтов Урала до междуречья рек Тобол и Ишим и от верховьев р. Тавда до широтного течения р. Урал, охватывающую несколько ландшафтных зон: лесостепную, горно-лесную и южную часть равнинной лесной, которые являлись жизненным пространством для зауральского населения и составляли основу хозяйственного цикла. Идентичность социума, т. е. его своеобразие на фоне других, можно определить по вполне определенному сочетанию в этом социуме разных традиций, которые доступны нам в артефактах: технологических, морфологических, орнаментальных.

Социокультурное пространство – это пространство, в котором социальные процессы культурно опосредованы и доступны нам в артефактах, как опредмеченных социальных потребностях, оно может иметь условные границы, очерченные существовавшими традициями и взаимодействиями коллективов, связанных между собой в социальную сеть родством, свойством и другими социальными, культурными, экономическими и личностными аспектами. Пространственная парадигма в социокультурном измерении позволяет увидеть культуру и социум как единое целое, обладающее особой структурой, определенными элементами однородности и одновременно – многомерности.

Социокультурное пространство может основываться как на синхронных связях разного уровня, так и диахронных, отражая тем самым тысячелетние традиции, создающие многомерную систему существования человеческого общества. Понятие “социокультурное пространство” является фундаментальным для археологии поскольку объединяет в себе

genetic ties. Mapping of the complexes with the main signs of the existing traditions allowed to determine the socio-cultural space of the Trans-Ural population. The unity of the population of the Trans-Ural socio-cultural space was also reflected in the existence of sacred places and hills: Dyrovaty Kamen in the Mesolithic and the Neolithic, Koksharovskiy and Ust-Vagil'skiy Hills in the Neolithic, and the round in the plane sacred sites Savin I, Slabodchiki I, Velizhany 2 in the Eneolithic, the complexes of which reflected the whole range of the technological and the ornamental traditions of the region in the Mesolithic – Eneolithic.

The Trans-Ural communities of the end of the Stone Age occupied the territory from the main ridges of the Ural to the area between the Tobol and the Ishim rivers, and from the upstream Tavda river to the latitudinal flow of the Ural river covering several landscape zones: forest-steppe, mountain-forest and the southern part of plain forest zones, which were the vital environment for the Trans-Ural population and formed the basis for the economic cycle. The identity of the communities, i. e. their uniqueness compared to others could be established by a quite marked combination in these communities of various traditions available to us in the artifacts: the technological, the morphological and the ornamental.

The socio-cultural space is the space in which the social processes are culturally implicit and are available to us in artifacts as the subjectified social needs; it can have conventional boundaries drawn by the existing traditions and contacts between the groups united into a social network by kinship, relationship through wedlock, and other social, cultural, economic and personality aspects. The spatial paradigm in a socio-cultural dimension allows to view culture and community as an integral whole with a specific structure, certain elements of uniformity and, at the same time, multidimensionality.

The socio-cultural space may be based both on synchronous relations of different levels, and the asynchronous ties thus reflecting the millennial traditions creating a multidimensional system of the human society's existence. The concept «socio-cultural space» is a fundamental one for archeology, since it combines the space (physical and social), matter (material culture and social needs reflected therein), and time.

пространство (физическое и социальное), материю (материальную культуру и социальные потребности в ней отраженные) и время.

Литература / References:

1. Жилин М.Г., Савченко С.Н. Многослойные мезолитические стоянки Горбуновского торфяника // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. I. Казань, 2014. С. 255–259.
2. Выборнов А. А., Мосин В. С., Епимахов А. В. Хронология уральского неолита // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып. 1 (57). С. 33–48.
3. Мосин В. С., Епимахов А. В., Выборнов А. А., Королев А. И. Хронология энеолита и эпохи ранней бронзы в Уральском регионе // Археология, этнография и антропология Евразии. 2014. Вып. 4 (60). С. 30–42.

УДК 902(517.3)«634»

**Х. ПИЕЦОНКА, Н. В. ЦЫДЕНОВА, Т. ДАШЦЕВЕГ,
Ф. И. ХЕНЗЫХЕНОВА, С. ЛОРЕНЦ, Д. АНДРЕЕВА,
В. ЦЕХ, В. Б. БАЗАРОВА, О. Д. НАМЗАЛОВА**

Пиецонка Хенни — доктор, Грайфсвальдский Университет (Германия, Грайфсвальд).
E-mail: piezonkah@uni-greifswald.de

Цыденова Наталья Владимировна — Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, Улан-Удэ). E-mail: tsydenova@mail.ru

Дашцевег Тумэн — доктор, профессор, Национальный университет Монголии (Монголия, Уланбаатар).
E-mail: tumen@num.edu.mn

Хензыхенова Федора Ирдэмовна — к. б. н., Геологический институт СО РАН (Россия, Улан-Удэ).
E-mail: khenzy@mail.ru

Лоренц Себастьян — доктор, Грайфсвальдский Университет, (Германия, Грайфсвальд).
E-mail: sebastian.lorenz@uni-greifswald.de

Дарима Андреева — доктор, Институт общей и экспериментальной биологии СО РАН (Россия, Улан-Удэ). E-mail: darima.andreeva@gmail.com

Цех Вольфганг — профессор, Университет Байройт (Германия, Байройт). E-mail: w.zech@uni-bayreuth.de

Базарова Валентина Батуевна — к. г. н., Тихоокеанский институт географии, ДВО РАН (Россия, Владивосток).
E-mail: bazarova@tig.dvo.ru

Намзалова Оюна Дамдин-Цыреновна — Геологический институт СО РАН (Россия, Улан-Удэ).
E-mail: onamzalova@mail.ru

**H. PIEZONKA, N. V. TSYDENOVA, T. DASHTSEVEG,
F. I. KHENZYKHENOVA, S. LORENZ, D. ANDREEVA,
W. ZECH, V. B. BAZAROVA, O. D. NAMZALOVA**

Piezonka Henny — Dr., Historical Institute, Ernst-Moritz-Arndt-University Greifswald (Germany, Greifswald). E-mail: piezonkah@uni-greifswald.de

Tsydenova Natalia Vladimirovna — Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies SB RAS (Russia, Ulan-Ude).
E-mail: tsydenova@mail.ru

Dashtseveg Tumen — Prof. Dr., National University of Mongolia (Mongolia, Ulaanbaatar).
E-mail: tumen@num.edu.mn

Khenzykhenova Fedora Irdemovna — Dr., Geological Institute SB RAS (Russia, Ulan-Ude).
E-mail: khenzy@mail.ru

Lorenz Sebastian — Dr., Institut of Geography and Geology (Germany, Greifswald).
E-mail: sebastian.lorenz@uni-greifswald.de

Andreeva Darima — Dr., Institute of General and Experimental Biology SB RAS (Russia, Ulan-Ude).
E-mail: darima.andreeva@gmail.com

Zech Wolfgang — Prof. Dr., Bayreuth University (Germany, Bayreuth). E-mail: w.zech@uni-bayreuth.de

Bazarova Valentina Batuevna — PhD of Geographical, Far Eastern Branch RAS (Russia, Vladivostok).
E-mail: bazarova@tig.dvo.ru

Namzalova Oyuna Damdin-Tsyrenovna — Geological Institute, SB RAS (Russia, Ulan-Ude).
E-mail: onamzalova@mail.ru

**РАННИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОЙ
МОНГОЛИИ: НОВЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА
В СТЕПЯХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ**

Ключевые слова: Восточная Монголия, керамика каменного века, каменные индустрии, освоение ландшафта

**EARLY CERAMIC COMPLEXES IN EASTERN MONGOLIA:
NEW INTERDISCIPLINARY RESEARCH ON THE LATE
STONE AGE OF THE INNER ASIAN STEPPE**

Key words: Eastern Mongolia, Stone Age pottery, lithic industries, landscape development

Резюме. Выполнение совместного немецко–российско–монгольского проекта было инициировано в 2013 г. для создания надежной базы данных по периоду ранней керамики Восточной Монголии посредством выявления и датировки древнейших типов керамической посуды и характеристики культуры и природной среды, в которой она зародилась. Для достижения этой цели были исследованы два стратифицированных памятника с использованием современных междисциплинарных методов анализа, включая археологический, радиоуглеродный и изотопный анализ, географию, почвоведение и палеонтологию

Первые керамические сосуды в истории человечества были изготовлены восточно–азиатскими охотниками–собирающими около 18000 кал. л. до н. э. в то время, когда большие участки северного полушария еще были покрыты ледниками последнего Ледникового периода [1; 2]. В настоящее время научные дискуссии в основном посвящены вопросу о том, распространились ли инновации в гончарном производстве равномерно от их дальневосточного ядра в западном направлении вплоть до Европы, или на обширных просторах Северной Евразии керамические сосуды независимо изобретались вновь и вновь группами охотников–собирающих [3; 4; 5]. Монголия представляет особый интерес с точки зрения получения ответа на вопросы о керамике каменного века, поскольку она расположена между важными центрами раннего гончарного производства на территории Забайкалья, Амурской области и Северного Китая. В то же время Монгольское плато само по себе до сих пор остается в каком–то смысле «белым пятном» на археологической карте периода ранней керамики. Предшествующие исследования периода ранней керамики, который далее в тексте настоящей статьи называется неолитом в соответствии с местной научной традицией, концентрировались преимущественно в районах восточной Монголии [6; 7], но они основывались на изучении лишь нескольких памятников, при этом более поздние исследования весьма малочисленны [8; 9; 10]. Таким образом, общая культурно–историческая картина остается весьма фрагментарной и ключевые вопросы развития культур, хронологии и взаимодействия между населением и окружающей средой и климатическими условиями остаются без ответа.

В 2013 г. пилотный проект по изучению периода ранней керамики на новой материальной основе был инициирован Историческим институтом Грайфсвальдского Университета (Германия), Институтом монголоведения, буддологии и тибетологии

Summary. A joint German–Russian–Mongolian project was initiated in 2013 to create a reliable data base on the early ceramic period in Eastern Mongolia by way of identifying and dating the oldest pottery types and of characterizing the cultural and natural environment in which they emerged. To reach this aim, two stratified sites were investigated using a modern interdisciplinary methodology including archaeology, radiocarbon and isotopic analysis, geography, pedology and paleontology.

The first pottery vessels of mankind were produced by East Asian hunter–gatherers around 18,000 cal BC at a time, when large parts of the northern hemisphere were still covered by the glaciers of the last Ice Age [1; 2]. Currently, scientific discussions focus on the problem whether the ceramic innovation has continuously spread from its oldest Far Eastern core areas towards the west as far as Europe, or whether in the vast expanses of Northern Eurasia, pottery vessels were repeatedly invented independently by hunter–gatherer groups [3; 4; 5]. Mongolia is of special interest for the question of Stone Age pottery because it is situated between important centers of early ceramic production in Transbaikalia, the Amur region and Northern China. At the same time the Mongolian plateau itself still remains more or less a “white spot” on the archaeological map of the early ceramic period. Previous research into the early ceramic period which is called here Neolithic, according to the local scientific tradition, concentrated largely on eastern Mongolia [6; 7], but it was based only on a few sites, and more recent studies are scarce [8; 9; 10]. Thus, the overall culture–historical picture has remained very fragmentary, and key questions on cultural development, chronology and the interrelation between humans and the environmental and climatic conditions have not been answered.

In 2013, a pilot project to study the early pottery period on a new material basis was initiated by the Historical Institute of Greifswald University (Germany), the Institute for Mongolian Studies, Buddhism Studies and Tibetology of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Ulan–Ude (Russia) and the Department of Anthropology and Archaeology of the National University of Mongolia, Ulaanbaatar, Mongolia. The archaeological field work in summer 2014 was supported by researchers of the Institute of Geography and Geology of Greifswald University, of the Department of Geoecology of Bayreuth University and of the Geological Institute of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences in Ulan–Ude who carried out research on the Holocene landscape development of the areas under study. The project was funded by the Gerda Henkel Foundation, Germany (grant no. AZ 18/ZA/13).

Сибирского отделения Российской Академии Наук в Улан-Удэ (Россия) и Кафедрой антропологии и археологии Национального университета Монголии, Уланбатор (Монголия). В работах археологического полевого сезона летом 2014 г. принимали участие ученые Института географии и геологии Грайфсвальдского Университета кафедры физики почв Университета Байройт и Геологического института Сибирского отделения Российской Академии Наук в Улан-Удэ, которые провели исследования изменения ландшафта периода голоцена на исследуемых территориях. Работы по проекту финансировались Фондом Герды Хенкель, Германия (грант № AZ 18/ZA/13).

Целью полевых исследований было создание надежной базы данных по периоду ранней керамики восточной Монголии посредством выявления и датировки ранних типов керамической посуды и характеристики культурной и природной среды, в которой она зародилась. Для достижения этой цели были исследованы два стратифицированных памятника с использованием современных междисциплинарных методов анализа. На памятнике Тооготижн гол V в аймаке Сухбаттар на террасе, расположенной вдоль левого берега небольшого сезонного ручья, была зафиксирована стратиграфия с несколькими культурными слоями, относящимися к позднему каменному веку. Геоморфологические и почвоведческие исследования с акцентом на биомаркеры и стабильные изотопы концентрировались вдоль поперечного разреза долины ручья. Второй исследованный памятник расположен в нескольких сотнях километров далее на северо-восток от южного берега реки Керулен, в аймаке Дорнод Монгол. Одноименная гора Норовлижн уул привлекла внимание археологов еще в 1970 г., когда там было обнаружено богатое захоронение позднего каменного века. В ходе нашего исследования были обнаружены плотные скопления каменного подъемного материала с присутствием керамики по краю поймы ручья. Геоморфологическое изучение природного профиля в одном из образованных эрозией оврагов имело целью установление местной последовательности отложений.

Хотя работы по изучению полученных материалов раскопок еще не завершены, мы уже получили более полное представление о периоде ранней керамики в этой части Внутренней Азии на основе наших новых данных. На двух монгольских памятниках мы смогли установить существование развитой фазы использования керамики каменного века, для которой характерны специфическая посуда с оттиском витого шнура и другими типами орнамента, и ассоциирующейся с каменным инвентарем «сибирско-монгольской

The aim of the fieldwork was to create a reliable data base on the early ceramic period in eastern Mongolia by way of identifying and dating the oldest pottery types and of characterizing the cultural and natural environment in which they emerged. To reach this aim, two stratified sites were investigated using a modern interdisciplinary methodology. At the site of Toogotijn gol V in Sukhbaatar aimag, a stratigraphy with several Late Stone Age cultural layers was documented on a terrace along the left bank of a small seasonal stream. Geomorphological and pedological studies, focusing on biomarker and stable isotopes, concentrated along a transect across the stream valley. The second site investigated is located several hundred kilometers further north-east on the southern bank of the Kerulen River in Dornod Mongol aimag. The eponymous hill of Norovlijn uul had come to the attention of archaeologists already in 1970 when a richly adorned Late Stone Age burial was discovered. Our survey revealed dense scatters of lithics and also some ceramics along the edge of the flood plain. The geomorphological investigation of the natural profile in one of the erosion gullies addressed the local sedimentation sequence.

Although post-excavation analyses are still ongoing, we can already better understand the early ceramic period in this part of Inner Asia on the basis of our new results. On the two Mongolian sites, we have been able to identify a developed phase of Stone Age pottery usage that is characterized by a specific ware with rolled cord and other impressions and associated with the lithic artefacts of the “Siberian–Mongolian industry”, a microblade industry made from diverse, colorful raw material. At Togootijn gol, the cord-impressed ware resembles the Khajtin type of the Transbaikalian region, while the pottery with net impressions has analogies in the vessels of the Isakovo–Serovo type in the Angara basin west of Lake Baikal [11]. Our investigations open up the opportunity to better understand the chronology and culture–historical position as well as the environmental and paleoclimatic background of these wide-spread but poorly investigated pottery types.

In summary, the analyses that are currently taking place of the materials and samples retrieved during the fieldwork in Eastern Mongolia in 2014 will hopefully enable a significantly increase our knowledge of the Stone Age ceramic types in this region and their incorporation into the cultural and environmental developments of the adjacent regions of Inner Asia.

индустрии», микропластинчатой индустрии с использованием разнообразного цветного сырья. На памятнике Тооготижн гол керамика с шнуровым орнаментом напоминает керамику хайтинского типа Забайкалья, где керамика с сетчатым оттиском имела аналогии в сосудах Исаковско–Серовского типа в долине Ангары, к западу от оз. Байкал [11]. Наши исследования открывают возможности для лучшего понимания хронологии и культурно-исторического положения, а также экологического и палеоклиматического фона для этих широко распространенных, но мало изученных типов керамики.

Подводя итог, можно сказать, что проводимый в настоящее время анализ материалов и образцов, собранных в ходе полевого сезона 2014 г. в восточной Монголии, поможет существенно расширить наши знания о типах керамики каменного века в этом регионе и их месте в развитии культур и освоения окружающей среды прилегающих регионов Внутренней Азии.

Литература / References:

1. Boaretto E., Wu X., Yuan J., Bar-Yosef O., Chu V., Pan Y., Liu K., Cohen D., Jiao T., Li S., Gu H., Goldberg P., Weiner S. Radiocarbon dating of charcoal and bone collagen associated with early pottery at Yuchanyan Cave, Hunan Province, China // *Proceedings of the National Academy of Sciences of the U S A*, 2009. 2009. June 16. № 106, 24. P. 9595–600.
2. Wu X., Zhang C., Goldberg P., Cohen D., Pan Y., Arpin T., Bar-Yosef O. Early pottery at 20000 years ago in Xianrendong Cave, China // *Science*. 2012. № 336. P. 1696–1700.
3. Kuzmin Y. V. Chronology of the earliest pottery in East Asia: progress and pitfalls // *Antiquity*. 2006. № 80. P. 362–371.
4. Hartz S., Kostyleva E., Piezonka H., Terberger T., Tsydenova N., Zhilin M. G. Hunter-Gatherer Pottery and Charred Residue Dating: New Results on the Spreading of First Ceramics in the North Eurasian Forest Zone // *Proceedings of the 6th International Symposium “Radiocarbon & Archaeology”, Pafos, Cyprus*. Radiocarbon. 2012. № 54 (3–4). P. 1033–1048.
5. Hartz S., Piezonka H. North Eurasian hunter-gatherer ceramics as an archaeological source // *Radiocarbon*. 2013. № 55 (1). P. 205.
6. Сэр-Оджав Н. Монгол орны неолиты уеийн тухай. Шинжлэх ухаан 1. 1956.
7. Дорж Д. Неолит восточной Монголии. Улан-Батор, 1971.
8. Séfériadès M. L. An aspect of Neolithisation in Mongolia: the Mesolithic–Neolithic site of Tamsagbulag (Dornod district) // *Documenta Praehistorica*. 2004. XXXI. P. 139–149.
9. Гладышев С. А., Табарев А. В. Раннеголоценовая керамика северной Монголии (по материалам многослойного памятника Толбор-15) // *Вопросы изучения древнейшей керамики Северо-Восточной Азии (X–V тыс. до н. э.) методами археологии и естественных наук*. Южно-Сахалинск, 2012.
10. Тумэн Д., Цыденова Н. В., Эрдэнэ М., Хатанбаатар Д., Анхсанаа Г. Дорнод Монгол 2011 хээрийн судалгаа // *Mongolian Journal of Anthropology Archaeology and Ethnology*. 2012. № 7/1 (378). P. 1–25.
11. Цыденова Н. В. Керамика со шнуровыми отпечатками в Байкальском регионе и сопредельных территориях // *Материалы Всерос. науч. конф. «Феномен геоархеологической многослойности Байкальской Сибири. 100 лет Байкальской научной археологии»*. Иркутск, 2012. С. 239–246.

УДК 902.2(571.53)«634»

**А. Г. РЫБАЛКО, В. С. СЛАВИНСКИЙ,
А. А. АНОЙКИН, А. А. ЦЫБАНКОВ**

Рыбалко Андрей Геннадьевич — к. и. н.,
ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: rybalko@yandex.ru

Славинский Вячеслав Сергеевич — к. и. н.,
ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: slavinski@yandex.ru

Анойкин Антон Александрович — к. и. н.,
ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: anui1@yandex.ru

Цыбанков Александр Алексеевич — к. и. н.,
ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: tsybankov@yandex.ru

**АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ
УСТЬ-ТУШАМА-1 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ)**

Ключевые слова: Ангара, неолит, каменный инвентарь, керамика

Резюме. В статье представлены разновременные материалы, полученные при раскопках стоянки Усть-Тушамы 1 (Усть-Илимский район Иркутской области). Приводится описание раскопок памятника, технико-типологический анализ каменного инвентаря и керамики. На основании анализа археологических комплексов определяются хозяйственный тип стоянки и основные культурно-хронологические этапы ее функционирования (неолит – русское поселение XVIII в.).

Масштабные охранно-спасательные археологические работы в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС велись с 2008 по 2012 гг. В ходе этих исследований было изучено более двухсот объектов археологического наследия на территории Красноярского края и Иркутской области, расположенных по обоим берегам р. Ангары на протяжении 400 км. Памятники датируются широким хронологическим периодом: от палеолита (40–30 тыс. л. н.) до «русского времени» (XVII–XVIII вв.).

Археологические раскопки стоянки Усть-Тушамы 1 проводились в 2012 г. Поселение расположено в Усть-Илимском районе Иркутской области. Объект дислоцируется на левом берегу Ангары, на правом приустьевом участке р. Тушамы (левый приток Ангары), в 40 км на северо-северо-восток от нижнего бьефа плотины Усть-Илимской ГЭС. Спасательные работы на стоянке проводились методом сплошного вскрытия (раскопа) на участках максимальной

**A. G. RYBALKO, V. S. SLAVINSKY,
A. A. ANOIKIN, A. A. TSYBANKOV**

Rybalko Andrey Gennadjevich — PhD in History,
IAET SB RAS (Novosibirsk, Russia).
E-mail: rybalko@yandex.ru

Slavinsky Vyacheslav Sergejevich — PhD in History,
IAET SB RAS (Novosibirsk, Russia).
E-mail: slavinski@yandex.ru

Anoikin Anton Aleksandrovich — PhD in History,
IAET SB RAS (Novosibirsk, Russia).
E-mail: anui1@yandex.ru

Tsybankov Alexander Alekseyevich — PhD in History,
IAET SB RAS (Novosibirsk, Russia).
E-mail: tsybankov@yandex.ru

**ARCHAEOLOGICAL STUDY OF UST-TUSHAMA-1 SITE
(NORTH ANGARA BASIN)**

Key words: Angara, the Neolithic, lithic tools, ceramics

Summary. The subject of the article is the study of asynchronous materials obtained from the excavation of Ust-Tushama-1 site (Ust-Ilim district of the Irkutsk Oblast). The paper provides a description of the site excavation process, technical and technological analysis of lithic tools and ceramics. Based on the archaeological complexes analysis the economic type of the site and the main cultural and chronological stages of its existence (the Neolithic – Russian 18th century settlement) have been identified.

Large scale risqué excavation works in the flooding area of the Boguchan hydro power plant lake have been performed during the period from 2008 to 2012. In the course of these works over two hundred archaeological heritage sites have been studied in the territory of the Krasnoyarsk Krai and the Irkutsk Oblast on both banks of the Angara river along the distance of 400 km. Chronologically the sites are attributed to a wide period: from the Paleolithic (40–30 thousand y. a.) to the “Russian period” (the 17th–18th centuries AD).

Archaeological excavations of Ust-Tushama-1 site have been undertaken in 2012. The settlement is located in the Ust-Ilim district of the Irkutsk Oblast. The site was mapped on the left bank of the Angara, near the right mouth of the Tushama river (left Angara tributary) 40 km north-north-east of the lower pound lock of the Ust-Ilim HPP. Risqué excavations at the site involved complete excavation of the areas with the maximum concentration of archaeological material. Total excavated area is 7,054 sq. km.

концентрации археологического материала. Общая вскрытая площадь составила 7054 кв. м.

В ходе работ была получена принципиальная стратиграфическая схема памятника, состоящая из трех литологических горизонтов, являющихся также и культуросодержащими.

В культуросодержащем горизонте 3 преобладает неолитическая керамика с псевдотекстильными оттисками. С этим же слоем связаны наиболее представительные развалы сосудов этого типа.

В культуросодержащем горизонте 2 наблюдается более сложная картина. Несмотря на большую долю мелких фрагментов неолитической и более поздней керамики раннего железного века, здесь содержится основная масса керамического материала, относящегося к бронзовому веку. Кроме того, с этим же слоем связаны наиболее крупные фрагменты, а также развалы археологически целых сосудов этого периода.

В культуросодержащем горизонте 1 основную массу составляет валиковая керамика двух типов: раннего железного века с древовидными валиками и керамика раннего средневековья с обмазочными валиками. Слой насыщен в наибольшей мере фрагментами керамики русского периода и был подвержен техногенному воздействию.

Керамические комплексы разного времени и разных культур, по сути находящиеся в одном стратиграфическом контексте, представленном покровными песками и супесями эолового и делювиального генезиса первой и второй террас р. Ангара и ее притоков, — характерная черта ангарских многослойных стоянок.

Основной массив каменных артефактов изготовлен из мелкозернистой светло-серой и темно-серой кремнистой породы, меньшая часть изделий изготовлена из кремня и халцедона.

Среди изделий из камня весьма высока доля орудий (6,8 % от всей коллекции каменных артефактов), удельный вес нуклеусов заметно ниже (1,1 %).

Слой 1 характеризуется малым количеством изделий из камня, артефакты имеют аморфный облик, очевидно, отражающий деградацию технологии утилизации камня в эпоху раннего железного века и средневековья.

Основная часть набора каменных артефактов была связана с отложениями слоя 2 и 3.

Здесь в первичном расщеплении доминируют призматические и подпризматические нуклеусы, предназначенные для снятия пластин, пластинок и микропластинок. В целом, исходя из результатов анализа нуклевидных форм, можно сделать вывод, что на протяжении неолита — раннего железного века прослеживается постоянное уменьшение доли

In the course of digging it was established that the principal stratigraphy of the site consisted of three lithological horizons which were also the site's habitat horizon.

The habitat horizon 3 contains predominantly Neolithic ceramics with pseudo-textile imprints. The more representative groups of sherds of this type of vessels were also related to this level.

The picture within the habitat horizon 2 is more complicated. Despite the presence of a significant portion of sherds of the Neolithic and the later early Iron Age ceramics in the level, most part of the ceramic material of this level belonged to the Bronze Age period. In addition larger fragments, as well as groups of the archaeologically intact vessels of this period were also related to this level.

The content of the living floor of horizon 1 consisted mostly of bolstered rim ceramics of two types: the early Iron Age with tree-like bolsters and the early Middle Age ceramics with coating bolsters. The level was mostly filled with the Russian period ceramics fragments and suffered from production induced interference.

The presence of ceramic complexes of different periods and different cultures located, in fact, in one stratigraphic context represented by blanket sands and wind-borne and diluvial genesis sandy loams of the first and the second terraces of the Angara river and its tributaries is a characteristic feature of the Angara multi-level archaeological sites.

Main group of stone artifacts was made from fine grained light and dark gray silica rock, a smaller part of tools was made from flint and calcedony.

In the stone artifacts group the share of tools was relatively high (6,8 % of the whole lithic artifacts assemblage), the portion of cores was noticeably lower (1,1 %).

Level 1 is characterized by a small number of stone artifacts mostly of amorphous appearance, which probably reflected the degradation of stone utilization technology during the early Iron Age and the Middle Ages periods.

Major part of the stone artifacts assemblage is corresponded with deposits of levels 2 and 3.

Here in the primary knapping group the dominating type were prismatic and subprismatic cores intended for removal of blades, flakes, and microblades. In general, based on the results of the nucleus-shaped forms analysis it is possible to draw a conclusion that during the Neolithic — early Iron Age there was a trend towards gradual decrease of the share of prismatic and blade knapping and the blade forms, and the increase of specific weight of subprismatic and flat surface cores, and in the spalls group — of flakes.

The most common and numerous tools groups are scrapers and knives. A specific feature of the Ust-Tushama-1 complex is an abundance of all kinds of adzes and

призматического пластинчатого расщепления и пластинчатых форм и увеличения удельного веса подпризматических и плоскостных нуклеусов, а среди сколов – отщепов.

Одним из наиболее многочисленных типов орудий являются скребки и ножи. Особенностью комплекса Усть-Тушамы 1 следует признать изобилие разнообразных тесел и тесловидных изделий, топоров «с ушками» усть-илимского типа. Среди этой многочисленной категории деревообрабатывающих орудий представлены артефакты, находящиеся в различной степени переоформления. Они имеют различную морфологию – встречаются четырехгранные, клиновидные, имеются многочисленные шлифованные тесла. Высок процент наконечников стрел. Очень яркой и показательной является находка в культуросодержащем горизонте 3 предмета мобильного искусства – это миниатюрная рыбка, изготовленная из мягкого поделочного камня.

Таким образом, находясь в рамках одной технологической традиции комплексы каменного инвентаря стоянки Усть-Тушамы 1 демонстрируют направленные изменения в особенностях материальной культуры, происходившие здесь на протяжении неолита и бронзового века; имеются свидетельства сохранения каменного производства в раннем железном веке и средневековье.

Итогом работ является изучение наиболее информативной части стоянки Усть-Тушамы 1 [1]. Выявлено наличие стояночных комплексов в широком временном диапазоне от неолита (V–VII тыс. л. н.) до средневековья, что дает возможность для реконструкции последовательности развития культур данного хронологического диапазона на этом участке долины р. Ангары.

Литература / References:

1. Рыбин Е. П., Славинский В. С., Анойкин А. А., Рыбалко А. Г. Исследования стоянки Усть-Тушамы-1 в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 473–478.

adze-like tools, axes with “tabs” of the Ust-Ilim type. Within this numerous category of wood working tools there are artifacts in various degrees of reshaping. They have different morphology – there are four-sided, wedge-shaped, and numerous polished adzes. Arrowheads percentage is also high. One very interesting and indicative find from the living floor of horizon 3 is a mobile art item – a miniature fish made from soft ornamental stone.

Thus remaining within one technological tradition the lithic tools complexes of the Ust-Tushama-1 camp site demonstrates a marked trend in the material culture characteristic for the area under study during the Neolithic and the Bronze Age; there is evidence of survival of the lithic industry even in the early Iron and the Middle Ages.

The result of the work is the study of the most informative part of the Ust-Tushama-1 camp site. The existence of short-term site complexes within an extensive time interval from the Neolithic (5–7 millennia BC) to the Middle Ages, which made possible reconstruction of the cultures development sequence within this chronological range in this part of the Angara valley was identified.

УДК 903.01(470.5)

С. Н. САВЧЕНКО, М. Г. ЖИЛИНСавченко Светлана Николаевна — СОКМ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: sv-sav@yandex.ruЖилин Михаил Геннадиевич — д. и. н.,
ИА РАН (Россия, Москва). E-mail: mizhilin@yandex.ru**КОСТЯНЫЕ ЗУБЧАТЫЕ ОСТРИЯ В КАМЕННОМ
ВЕКЕ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ¹**

Ключевые слова: Урал, каменный век, зубчатые
острия, типология, технология изготовления

Резюме. К категории зубчатых острий относятся
костяные наконечники, служившие наконечниками
дротиков или острог. В отличие от наконечников
гарпунов, эти изделия имели жесткое соединение
с древком. В работе даны типология и технология
изготовления артефактов, приведены аналогии
с других территорий.

К категории зубчатых острий относятся доста-
точно крупные наконечники с насадами, приспособ-
ленными для жесткого неподвижного закрепления
в древках. От наконечников стрел с зубцами они
отличаются массивностью, а жесткое соединение
с древком — их главное отличие от наконечников
гарпунов, на насадах которых имеются приспособ-
ления для подвижного соединения с древком
при помощи линия. Зубчатые острия применялись
при наземной охоте как наконечники метательных
копий и дротиков или были наконечниками острог
для добычи рыбы.

В Среднем Зауралье при раскопках археологи-
ческих памятников каменного века зубчатые острия
пока не найдены. В мезолитических слоях стоянок
Береговая II торфяная и Кокшаровско-Юрьинская I
обнаружены обломки верхних частей подобных изде-
лий, но они могут принадлежать как зубчатым остри-
ям, так и наконечникам гарпунов. Более 40 зубчатых
острий разных типов и около 60 обломков подобных
изделий с утраченными насадами есть в коллекции
случайных находок с Шигирского торфяника, хра-
нящейся в СОКМ, Эрмитаже, ГИМ, Национальном
бюро древностей (Хельсинки) и в Музее Человека
(Париж). Все эти наконечники изготовлены камен-
ными инструментами.

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант №12-06-
00100 «Торфяниковые памятники мезолита от Прибалтики
до Зауралья»

S. N. SAVCHENKO, M. G. ZHILINSavchenko Svetlana Nikolajevna — RNHM
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: sv-sav@yandex.ruZhilin Mikhail Gennadjevich — Doctor of History,
IA RAS (Russia, Moscow). E-mail: mizhilin@yandex.ru**STONE AGE BONE DENTICULATED POINTS
OF THE MIDDLE TRANS-URAL¹**

Key words: the Ural, Stone Age, denticulated points,
typology, manufacturing technique

Summary. The category of denticulated points includes
bone points used as darts or fish spear points. Unlike the
harpoon points these items were firmly fixed to a shaft.
The paper presents the description of typology and the
manufacturing techniques of these artifacts and lists
examples of similar items from other territories.

The denticulated points category embraces rela-
tively large points with pins fitted for rigid, fixed
securing of points in the shafts. Their main difference
from pronged arrowheads was their mass, while rigid
fixation in the shaft was their main difference from
harpoon points the pins of which were fitted to enable
a flexible connection to the shaft with the help of a line.
Denticulated points were used for surface hunting
as the spears and darts points, or used as fish-spear
points for fishing.

No denticulated points have yet been found during
the archaeological excavations in the Middle Trans-Ural.
In the Mesolithic levels of Beregovaya II peat-bog and
Koksharovsko-Yurjinskaya I sites fragments of the
upper parts of this type of items were found, however,
they could belong both to the denticulated points,
or the harpoon points groups. Over 40 denticulated
points of various types and about 60 fragments of
such items with lost pins are presented in the random
finds assemblages from the Shigir peat bog in the
Sverdlovsk regional museum, the Hermitage, the SHM,
the National Board of Antiquities (Helsinki), and in
the Musée de l'Homme (Paris). All these points were
made with stone tools.

Based on the artifacts' morphology the follow-
ing typological groups have been identified: group
1 – straight and group 2 – curved points.

¹ The study was done with the support of RFRF grant
№ 12-06-00100 “Mesolithic peat-bog sites from the Baltics to
the Trans-Ural”

Исходя из морфологии изделий, выделены типологические группы: группа 1 – прямые и группа 2 – изогнутые наконечники.

Среди многочисленных наконечников группы 1 выделены следующие типы: тип I – с одним зубцом (встречается единично); тип II – однорядные с редкими зубцами в верхней половине пера; тип III – однорядные с редкими зубцами по всей длине пера (представлен наибольшим количеством наконечников); тип IV – однорядные с частыми зубцами в верхней половине пера; тип V – однорядные с частыми зубцами по всей длине пера; тип VI – однорядные с группами зубцов; тип VII – двурядные наконечники (представлен одним артефактом с двумя зубцами и острия на одном крае и с одним зубцом – на другом, возможно, индивидуальная форма).

Группа 2 изогнутых наконечников (все с зубцами на выпуклом крае) подразделяется на типы: тип I – с одним зубцом; тип II – однорядные с редкими зубцами в верхней половине пера; тип III – однорядные с редкими зубцами по всей длине пера; тип IV – однорядные с частыми зубцами в верхней половине пера.

По наиболее существенным деталям (длина изделия, форма и расположение зубцов и др.) внутри типов выделены варианты.

Зубчатые острия производили в основном из пластин-заготовок, вырезанных из трубчатых костей копытных. Реже использовали расколотые кости, тогда преформа делалась методом оббивки по краям. Черновую обработку вели резцом или скобелем, затем изделие продольно выстругивали. Зубцы вырезали или выпиливали поперечно в основании зубца или наискось с двух сторон. Интересен прием выпиливания промежуток зубцов, когда лишний материал полностью удалялся пилкой. Затем промежутки между зубцами часто выравнивали продольным строганием. На насады некоторых острий пилением нанесены короткие поперечные нарезки, более редки нарезки на зубцах. После оформления зубцов часть изделий обрабатывали тонкой косой, продольной или поперечной шлифовкой и заполировали.

Следы на колоших концах указывают как на втыкание наконечника в шкуру зверя, так и в илистое или песчаное дно озера. На некоторых насадах видны следы обмотки. Среди прямых наконечников с редкими зубцами (тип 1.II и 1.III) выделяются изделия с длинным скошенным со стороны зубцов насадом и слегка изогнутым в сторону зубцов острием. Они служили наконечниками острог и ставились попарно зубцами внутрь. Наконечниками острог были и изогнутые наконечники.

На сегодняшний день период бытования на Урале зубчатых острий четко не определен. Единственная

Within the numerous group 1 points the following types are represented: type I – with one prong (quite rare); type II – one-row with widely spaced prongs in the upper part of the wing; type III – one-row with widely spaced prongs along the whole length of the wing (represented with a small number of points); type IV – one-row with closely spaced prongs in the upper part of the wing; type V – one-row with closely spaced prongs along the whole length of the wing; type VI – one-row with groups of prongs; type VII – double-row points (represented with only one artifact with two prongs at the point on one edge and with one prong on the other, possibly, custom made).

Group 2 of the curved points (all with prongs on the raised edge) is further divided into the following types: type I – with one prong; type II – one-row with widely spaced prongs in the upper part of the wing; type III – one-row with widely spaced prongs along the whole length of the wing; type IV – one-row with closely spaced prongs in the upper part of the wing.

According to the most significant elements (the length of the artifact, the shape and the position of the prongs, etc.) additional variations have been identified within the types.

The denticulated points were made mostly from blade-blanks cut from the ungulates' tubular bones. Less frequently split bones were used, and in that case the preform was made by means of edge striking. The blank was made with a cutter or scraper, then the points were shaved lengthwise. The prongs were either cut or sawed crosswise at the base or obliquely on two sides. One interesting technique consisted in sawing-out the intervals between prongs when the excessive material was completely removed with a saw. After which the spaces between the prongs were often leveled by plane. The pins of some points had short crosswise threads, the threads on the prongs were less frequent. After shaping the prongs, part of the items were treated with fine sidelong, lengthwise, or crosswise grinding and polished.

Traces on the sharp ends point both to the point's sticking into an animal hide, and into the silty or sandy lake bottom. On some pins traces of winding are visible. In the group of straight points with widely spaced prongs (type 1.II and 1.III) the items with long, canted on the prongs side pin and the slightly curved to the prongs side point clearly stood out. They served as the fish-spear points and were fixed in twos with prongs facing inside. Curved points were also used as fish-spear points.

At present the period of existence in the Ural of denticulated points has not been accurately determined. The only date 5000 ± 36 BP (OxA-20838) non-calibrated

дата 5000 ± 36 (ОхА-20838) некалиброванных радиоуглеродных л. н., полученная для наконечника 1.II, сопоставима с поздним неолитом. В лесной зоне Европы зубчатые острия распространяются в раннем мезолите. В мезолите Восточной Европы они составляли вторую по численности категорию предметов вооружения после наконечников стрел. Появившись во второй трети пребореального периода и достигнув максимального распространения в бореальное время [1, с. 235], они продолжают бытовать в неолите–энеолите [2]. В Сибири отдельные экземпляры зубчатых острий известны в мезолите, неолите–энеолите [3, с. 151; 4, с. 31].

Сравнение уральских наконечников с восточноевропейскими показало, что прямые зубчатые острия тип 1.I, 1.II, 1.III, 1.V бытовали в мезолите и неолите. Более близкие аналоги наконечникам тип 1.IV есть в неолите, мезолитические восточноевропейские наконечники этого типа мельче уральских. Аналогии наконечникам тип 1.VI и 1.VII имеются в Латвии среди случайных находок с озера Лубана. Единственная найденная аналогия изогнутому зубчатому острию с зубцом на выпуклом крае тип 2.I происходит с мезолитической стоянки Нижнее Веретье. Для остальных изделий группы 2 аналогии не обнаружены, возможно, они являются местными формами. Приведенные аналогии позволяют предположительно датировать часть уральских зубчатых острий мезолитом–неолитом. О том, что такие орудия продолжают бытовать на Урале в более позднее время, свидетельствует их наличие в материалах железного века.

Литература / References:

1. Жилин М.Г. Костяная индустрия мезолита лесной зоны Восточной Европы. М., 2001.
2. Лозовская О.В., Лозовский В.М. Зубчатые острия и наконечники с зубцом стоянки Замостье 2 // Замостье 2. Озерное поселение древних рыболовов эпохи мезолита–неолита в бассейне Верхней Волги. St Petersburg, 2013. С. 76–107.
3. Питулько В.В. Жоховская стоянка. St Petersburg, 1998.
4. Окладников А.П. Шилкинская пещера — памятник древней культуры верховьев Амура // МИА. 1960. № 86. Т. 1. С. 9–71.

УДК 903'1

И. В. УСАЧЕВА

Усачева Ирина Витальевна — к. и. н., ИПОС СО РАН (Россия, Тюмень). E-mail: i.usachova@gmail.com

ВЗГЛЯД НА БОБОРЫКИНСКУЮ ПРОБЛЕМУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «УТЮЖКОВ»

Ключевые слова: «утюжки», боборыкинская культура, экокризис осолонения Черного моря, днепр–донецкая культура

radiocarbon obtained for point 1.II, is comparable with the late Neolithic. In the forest zone of Europe denticulated points began to be commonly used in the early Mesolithic. In the Mesolithic of East Europe they were second in number category of the armament items after arrowheads. After their first appearance in the second third of the pre-boreal period and the maximum distribution during the boreal time [1, p. 235], they continued to be used in the Neolithic and the Eneolithic. In Siberia isolated denticulated points were known to exist in the Mesolithic, Neolithic and the Eneolithic [3, p. 151; 4, p. 31].

Comparison of the Ural points with the East European ones demonstrate that straight denticulated points of type 1.I, 1.II, 1.III, 1.V were used in the Mesolithic and the Neolithic. Close analogues to points of type 1.IV could be found in the Neolithic, the Mesolithic East European points of this type are smaller than the Ural ones. Points similar to type 1.VI and 1.VII were found in Latvia among the random finds from lake Lubana. The only known analogue to the curved denticulated point with a prong on the raised edge – type 2.I originated from the Mesolithic camp site Nizhneje Veretje. For the remaining items of group 2 no analogues have been found, it is quite possible that they were local modifications. The comparison allows to date part of the Ural denticulated points back to the Mesolithic or the Neolithic. However, the presence of these items in the Iron Age materials evidences that they continued to stay in use in the Ural in the later periods.

I. V. USACHEVA

Usacheva Irina Vitaljevna — PhD in History, IPDN SB RAS (Russia, Tjumen). E-mail: i.usachova@gmail.com

A VIEW OF BOBORYKIN PROBLEM VIA THE PRISM OF “SHAFT STRAIGHTENERS”

Key words: “shaft straighteners”, Boborykin culture, eco-crisis of the Black Sea salinization, Dnieper–Donets culture

Резюме. В статье рассматриваются возможности использования «утюжков» как носителей индикаторных культурных признаков для отслеживания путей распространения разных культурных традиций под влиянием ландшафтно-климатических изменений и экокризисов. В частности, речь идет об исторических судьбах боборыкинской культуры и взаимообусловленности таких событий как кризис осолонения Черного моря и появление «утюжков» нижнеднепровского облика на востоке степного пояса Евразии.

В процессе источниковедческого анализа значительной коллекции «утюжков» (около 450 экз.) было установлено, что помимо функционально обусловленных характеристик они обладают культурно-диагностическими признаками, позволяющими отследить распространение разных культурных традиций во времени и пространстве [1]. Носителем такой информации являются декоративно-морфологические особенности изделий. Набор боборыкинской матрицы, полученный с «утюжков» базовых памятников культуры, хорошо трассирует развитие этой традиции от района Нижнего Придонья, через Урал и Зауралье в Северный Казахстан, где зафиксированы последние изделия этого облика [2, с. 117–120, 125–126]. «Утюжки» с пос. Автодром этой традиции не идентичны [3, рис. 1, 1]. Зато они находят полное соответствие с другим каноном, который массово представлен в Нижнем Приднепровье от мезолита до IV тыс. до н. э., после чего внезапно прекращает там свое существование. И с этого же примерно времени «утюжки» нижнеднепровского облика всех модификаций начинают проследиваться на северных территориях — Среднерусской возвышенности, в Прикамье, Приуралье, а также на памятниках Барабы, Сибири, Северо-Восточного Казахстана и Алтая. При этом часть изделий выполнена из глины, что свидетельствует о незнании местной сырьевой базы. Сопровождающие материалы отличаются синкретичностью. В частности, в керамических коллекциях наряду с местными орнаментальными традициями отмечается широкое использование южной техники треугольного накола и оттисков лопаточки в тычковой и отступающей манере [4, с. 23; 5; 6, с. 187; 7 и др.]. Налицо картина экокатастрофы. И действительно, именно этим временем палеогеографы датируют кризис осолонения Черного моря, сопровождавшийся гибелью пресноводной биоты и формированием зоны сероводородного заражения [8, с. 181–182]. Тогда же наблюдается резкое сокращение границ существовавшей в низовьях Днепра днепро-донецкой культуры, ведущей

Summary. The article presents a discussion of the possible use of “shaft straighteners” as indicators of culture attributes for tracing the ways of various cultural traditions’ distribution under the influence of landscape and climate changes and the ecological crises. The author focused in particular on the history of the Boborykin culture and the interdependence of such events as the Black Sea salinization crisis and the appearance of “sander pads” of the Lower Dnieper type in the east of the steppe belt of Eurasia.

In the process of the source study analysis of a significant “shaft straighteners” collection (about 450 pieces) it was established that in addition to their functional characteristics they also possessed certain cultural and diagnostic attributes allowing to follow the paths of various cultural traditions distribution in time and space [1]. This type of information was carried by the specific decorative and morphological features of the items. The set of the Boborykin matrix obtained from “shaft straighteners” from the base sites of the culture demonstrated a clear route of this culture development from the Lower Don basin via the Urals and the Trans-Ural into north Kazakhstan areas where the last items of this appearance were found [2, p. 117–120, 125–126]. The “shaft straighteners” from the Avtodrom site were not identical with this tradition [3, fig. 1, 1]. However they matched in full a different canon, which was widely represented in the Lower Dnieper region from the Mesolithic to the 4th millennium BC, after which they abruptly disappeared from the region. Almost simultaneously traces of all “shaft straighteners” modifications of the Lower Dnieper appearance are registered in the northern territories — Central Russian Upland, the Kama region, the Cisuralian area, as well as the sites of Baraba, Siberia, North-East Kazakhstan and the Altai. Moreover, part of the items was made from clay, which pointed to the lack of the local resource base knowledge. The accompanying materials were markedly syncretical. For instance, in the ceramics collections a wide use of the southern triangle pin prick technique and spatula impressions made in the binding and indented manner could be found alongside with the local ornamental traditions [4, p. 23; 5; 6, p. 187; 7 et al.]. All this clearly suggested an ecological catastrophe. And in fact it was exactly this period when according to the paleo-geographical data the Black Sea salinization crisis occurred with the subsequent death of fresh water biota and the formation of a sulphureous contamination zone [8, p. 181–182]. At the same time the abrupt shrinking of the boundaries of the Dnieper–Donetskaya culture in the Lower Dnieper area has been presumed, the economy of that population was mainly dependent on fishing. And in the third

отраслью хозяйства которой считается рыболовство. А в III тыс. до н. э. данное культурное образование совсем исчезает. Очевидно, отголосками этого события является появление инструментария и технических приемов орнаментации керамики на ряде северных и восточных памятников. По пути в Сибирь мигранты неизбежно должны были пересечь боборькинские территории. Появление боборькинских сосудов на пос. Автодром 2 скорее отражает факт контакта, нежели сколько-нибудь значительное распространение боборькинского населения на восток. Именно единичность таких поселений показывает, что пока преждевременно менять представление о размерах культуры и ее территории.

Литература / References:

1. Усачева И. В. «Утюжки» Евразии. Новосибирск, 2013.
2. Усачева И. В. «Утюжки» Тоболо-Ишимья: проблемы взаимодействия культур // Ландшафты голоцена и взаимодействие культур в Тоболо-Ишимском междуречье. Новосибирск, 2008. С. 110–126.
3. Бобров В. В., Марочкин А. Г., Соколов П. Г. Результаты работ на поселении Автодром-2 в 2006 году // Проблемы археологии, этнографии антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2006. Т. XII, ч. I. С. 269–273.
4. Бадер О. Н., Калинина И. В. Саузовская I стоянка // Тр. КАЭЭ ПГПУ. Пермь, 2003. Вып. 3. С. 11–30.
5. Крижевская Л. Я. Среднее Поволжье, Волго-Камье, Приуралье // Археология. Неолит Северной Евразии. М., 1996. С. 243–252.
6. Ставицкий В. В. Каменный век Примокшанья и Верхнего Посурья. Пенза, 1999.
7. Выборнов А. А., Третьяков В. П. Неолит Сурско-Мокшанского междуречья: учеб. пособ. к спецкурсу. Куйбышев, 1988.
8. Чепальга А. Л. Черное море // Динамика ландшафтных компонентов и внутренних морских бассейнов Северной Евразии за последние 130000 лет. Атлас-монография «Развитие ландшафтов и климата Северной Евразии. Поздний плейстоцен — голоцен — элементы прогноза». Вып. II. Общая палеогеография. М., 2002. С. 170–182.

УДК 903 (470.22) «634»

Т. А. ХОРОШУН

Хорошун Татьяна Анатольевна — к. и. н.,
ИЯЛИ КарНЦ РАН (Россия, Петрозаводск).
E-mail: tattya@list.ru

ЭПОХА ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА — РАННЕГО
ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ: МАТЕРИАЛЫ
И ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевые слова: поздний неолит, ранний энеолит, исследования, Карелия

Резюме. На территории Карелии древности переходного периода от неолита к энеолиту широко распространены и достаточно полно изучены, между тем вопросы их происхождения и развития остаются наиболее сложными в комплексе исследовательских задач. В IV — начале III тыс. до н. э. существуют памятники с гребенчатой-ямочной и ромбо-ямочной керамикой. Анализ источников позволяет предполагать единую

millennium BC this cultural formation disappeared completely. Apparently the appearance of the tools and ceramics ornamentation techniques in a number of northern and eastern sites was a remote echo of that event. On their way to Siberia the migrants inevitably had to cross the Boborykin culture territories. The appearance of the Boborykin vessels in Avtodrom 2 site was rather a reflection of the fact of contact, then of any more or less significant distribution of the Boborykin culture to the east. It is the uniqueness of such settlements that indicates that it is too early yet to change our understanding of the size of the culture or its territory.

T. A. KHOROSHUN

Khoroshun Tatiana Anatoljevna — PhD in History,
ILLA KarRC RAS (Russia, Petrozavodsk).
E-mail: tattya@list.ru

LATE NEOLITHIC — EARLY ENEOLITHIC IN THE
TERRITORY OF KARELIA: MATERIALS AND RESEARCH

Key words: late Neolithic, early Eneolithic, research, Karelia

Summary. In the territory of Karelia the antiquities of the transition period from the Neolithic to the Eneolithic are quite common and sufficiently well studied, however the issues of their origin and evolution still remain some of the most complex and the least studied research problems. The comb-pit and the rhombic-pit ceramics traditions coexisted in the 4th — early 3rd millennium BC. Analysis of the sources made it possible to assume there

линию их развития на местной основе культуры с ямочно-гребенчатой керамикой.

Эпоха позднего неолита – раннего энеолита на территории Карелии характеризуется культурами с гребенчато-ямочной и ромбо-ямочной керамикой, период их существования относится к IV – началу III тыс. до н. э. Генезис культур исследователями рассматривается по-разному: одни полагают, что они, скорее всего, не преемственны в культурном плане друг другу [1, с. 137; 2, с. 155–156], другие отмечают между ними такую связь [3, с. 47; 4, с. 90–92; 5, с. 42].

В истории археологического изучения территории можно выделить несколько ключевых моментов, связанных с деятельностью Н. Н. Гуриной и коллективом сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН под руководством Г. А. Панкрушева с 1950 по 1990-е гг. Н. Н. Гуриной на основании материалов поселений с медными изделиями на территории Карелии и Ленинградской области, сопровождавшихся ромбо-ямочной керамикой, впервые выделена «эпоха раннего металла» [6, с. 77–142; 7, с. 81–112]. Между тем, помимо ромбо-ямочной керамики на этих памятниках в разном количестве представлена и асбестовая керамика.

Представительный по объему комплекс памятников с ромбо-ямочной керамикой изучен А. П. Журавлевым на берегу Уницкой губы Онежского озера. По результатам анализа медных изделий из разных поселений сделан вывод о самостоятельном зарождении в Карелии металлургии меди в среде носителей ромбо-ямочной керамики [8, с. 188–203; 9]. К периоду энеолита относятся памятники с изделиями из чистой меди, изготовленными путем плавки и горячейковки самородного металла, сопровождаемые асбестовой и пористой керамикой. Комплексы с ромбо-ямочной керамикой и медными изделиями, сделанные холодной ковкой, считаются переходными от неолита к энеолиту [10, с. 67]. Мнение о сосуществовании ромбо-ямочной и гребенчато-ямочной керамики на территории южной Карелии и их различном происхождении [11] требует осмысления. Заметим, что в Карелии ареалы этих типов в целом совпадают. На многих поселениях керамика залегает совместно, что объясняется не только переотложением местных почв, но их хронологической и культурной преемственностью.

Согласно обобщенным данным [12], в период позднего неолита – раннего энеолита на территории Карелии сосуществовали два типа керамики: к западу от Онежского озера – гребенчато-ямочная керамика, близкая «типичной гребенчатой керамике» Финляндии, к востоку – ромбо-ямочная,

was a common line in their evolution on the local basis of the comb-pit ceramics.

The late Neolithic – early Eneolithic period in the territory of Karelia was characterized by the presence of cultures with the comb-pit and the rhombic-pit ceramic traditions, the period of their existence was the 4th – early 3rd millennia BC. There is no unanimous opinion about the genesis of these cultures: it is commonly believed that they, most likely, were not culturally succeeding to each other [1, p. 137; 2, p. 155–156], however some researchers noted that this type of relationship did exist [3, p. 47; 4, p. 92; 5, p. 42].

Several key points could be identified in the history of the archaeological study of the territory, related to the work of N. N. Gurina and the team of the archeology sector of the ILLA KarRC RAS under the supervision of G. A. Pankrushev over the period from the 1950^s to the 1990^s. N. N. Gurina on the basis of the materials from the settlements with copper artifacts in the territory of Karelia and the Leningrad Oblast accompanied by rhombic-pit decorated ceramics managed for the first time to identify “the early metal period” [6, p. 77–142; 7, p. 81–112]. At the same time, in addition to ceramic with the rhombic-pit traditions the so called asbestos pottery is also represented on these sites in varying quantities.

The representative in size group of sites with the rhombic-pit ceramics was studied by A. P. Zhuravlev on the Onega Lake bay shore. By the results of copper artifacts analysis from different settlements a conclusion was made about independent genesis of copper metallurgy in Karelia in the groups with the rhombic-pit ceramics [8, p. 188–203; 9]. The Eneolithic sites group included the sites with pure copper items made by smelting and hot forging of native metal accompanied by asbestos and porous ceramics. The rhombic-pit ceramics and copper items complexes made in cold forging technique were considered to be transitional from the Neolithic to the Eneolithic [10, p. 67]. The opinion about coexistence of the rhombic-pit ceramics and the comb-pit ceramics in the territory of southern Karelia and their different origin [11] deserves further study. It should be noted that in Karelia the areas of distribution of these two types generally coincided. In many settlements the ceramics was deposited jointly, which could be explained not only by local soils redeposition, but also by their chronological and cultural succession.

According to the summary data [12] during the late Neolithic – early Eneolithic periods two types of ceramics coexisted in the territory of Karelia: west of Onega lake – the comb-pit ceramics, close to the “typical comb ceramic” of Finland, east of the lake – the rhombic-pit

сходная с керамикой из Волго–Окского междуречья. Территория Карелии рассматривается как восточная часть ареала гребенчато–ямочной керамики и северная часть ареала ромбо–ямочной. Считается, что гребенчато–ямочная керамика по орнаментации типологически близка к керамике типа сперрингс, а ромбо–ямочная – к ямочно–гребенчатой.

Между тем, керамика и ее орнаментация остаются наиболее показательными маркерами при определении культурной принадлежности памятников. На территории Карелии известно более 600 памятников с комплексами эпохи неолита, поздненеолитическая керамика выявлена примерно на 300 объектах. Относительно широкими площадями (от 40 до 2740 кв. м) исследовано не менее 70 памятников. «Чистые» комплексы гребенчато–ямочной керамики выявлены на 9 памятниках, ромбо–ямочной керамики – на 40, в совместном залегании – на 22. Таким образом, наибольшее количество материалов связано с культурой ромбо–ямочной керамики, комплексы которой содержат сосуды с гребенчатой, круглоямочной, овально–ямочной и ромбической орнаментацией.

Четкие критерии расчленения гребенчато–ямочной и ромбо–ямочной керамики не разработаны. По составу глиняного теста они тождественны, примеси различные и характерны для разных поселений [11, с. 91–92], что подтверждается результатами петрографического исследования [13]. Общие признаки в технологии изготовления и технике нанесения орнамента: использование зашипов венчика, многообразии форм венчиков, заглаживание поверхностей, схожие составы формовочных масс. О преемственных связях свидетельствует анализ материалов по индустрии камня и домостроительству [14, с. 15–18]. Все эти данные могут свидетельствовать об их принадлежности к единому массиву культур с ямочно–гребенчатой системой орнаментации, развивающейся на местной основе.

Литература / References:

1. Лобанова Н. В. Проблемы этнокультурной истории эпохи неолита Карелии // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 112–137.
2. Витенкова И. Ф. Об этнической принадлежности населения Карелии в период позднего неолита – энеолита // Проблемы этнокультурной истории населения Карелии (мезолит – Средневековье). Петрозаводск, 2006. С. 138–157.
3. Панкрушев Г. А. Мезолит и неолит Карелии. Ч. 2: Неолит. Л., 1978.
4. Журавлев А. П. Пегрема (поселения эпохи энеолита). Петрозаводск, 1991.
5. Филатова В. Ф., Хорошун Т. А. Культурно–хронологическая атрибуция каменного инвентаря поселения Вигайнаволок I // РА. 2009. № 2. С. 30–43.
6. Гурина Н. Н. Поселения эпохи неолита и раннего металла на северо–западном побережье Онежского озера // МИА. 1951. № 20. С. 7–142.
7. Гурина Н. Н. Древняя история Северо–запада Европейской части СССР // МИА. 1961. № 87.
8. Древнейшая металлообработка меди в Карелии (по данным археологии и естественных наук) / А. П. Журавлев [и др.] // Вопросы истории Европейского севера. Петрозаводск, 1976. С. 188–203.

ceramics similar to the Volga–Oka interfluvial area. The territory of Karelia is generally assumed to form the eastern part of the comb–pit ceramics areal, and the northern part of the rhombic–pit ceramics areal. It is believed that the comb–pit ceramics in its ornamentation was typologically close to the Sperrings ceramics, while the rhombic–pit ceramics – to the pit–comb one.

However the ceramics and its ornamentation remain the most indicative markers for the cultural attribution of archaeological sites. Over 600 archaeological sites with the Neolithic complexes are known in the territory of Karelia, the late Neolithic was identified in approximately 300 sites. Less than 70 sites have been researched over relatively wide areas (from 40 to 2,740 sq. km) “Pure” comb–pit ceramics complexes were found in 9 sites, the rhombic–pit ceramics – in 40, and their joint deposition – in 22. Thus most of the materials were related to the rhombic–pit ceramics culture, the complexes of which contained vessels with comb, round pit, oval pit and rhombic ornamentation.

Recently there are no clear criteria to distinguish between the comb–pit and the rhombic–pit ceramics. In terms of clay puddle composition they were identical, the impurities varied and were characteristic for different settlements [11, p. 91–92], which was confirmed by the petrographic analysis results [13]. Common features in manufacturing and ornamentation techniques were represented by: use of collar tucks, collar shapes diversity, smoothed surfaces, similar molding compounds composition. Analysis of lithic industry materials and house building techniques also pointed to succession relations [14, p. 15–18]. All these data may be an evidence of their belonging to a common group of cultures with the pit–comb system of ornamentation evolving on the local base.

9. Журавлев А. П. Энеолит Карелии: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Петрозаводск, 1977.
10. Жульников А. М. Энеолит Карелии. Петрозаводск, 1999.
11. Витенкова И. Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск, 2002.
12. Косменко М. Проблемы датирования и хронология памятников Карелии (каменный, бронзовый, железный века) // РА. 2003. № 4. С. 25–35.
13. Хорошун Т. А., Кулькова М. А. Технология изготовления и состав глиняной посуды неолита Карелии // Геология, геоэкология, эволюционная география: Коллективная монография. Т. 12. С. 252–259.
14. Хорошун Т. А. Памятники с ямочно-гребенчатой и ромбо-ямочной керамикой на западном побережье Онежского озера (конец V — начало III тыс. до н. э.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2013.

УДК 903.2(571.5)«634/637»

А. Н. ЧЕХА

Чеха Анна Николаевна — ИАЭТ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: Cheha.anna@yandex.ru

КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТА — БРОНЗОВОГО ВЕКА
УСТЬ-КУТАРЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО
МИКРОРАЙОНА. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ
ПРОБЛЕМЫ

Ключевые слова: неолит, Северное Приангарье, хронология, периодизация, «компрессионный» характер отложений, Усть-Кутарейский, археологический микрорайон

Резюме. В работе рассмотрены основные проблемы, связанные с изучением комплексов с «компрессионным» характером отложений в Северном Приангарье (историографический контекст) на материалах памятников Усть-Кутарейского археологического микрорайона.

В ходе ширококомасштабных археологических работ, связанных с возобновлением строительства Богучанской ГЭС на территории Северного Приангарья, в том числе в Усть-Кутарейском археологическом микрорайоне (левобережье р. Ангара в среднем ее течении, правый приток р. Кутарей, в Северном Приангарье), был накоплен значительный объем материала, который требует обобщения и согласования с культурно-хронологической схемой региона.

Памятники в зоне затопления водохранилища БогГЭС, как и все Северное Приангарье, в археологическом и историческом плане исследуется с начала XVIII в. С конца 1960-х гг. проводятся регулярные разведочные и раскопочные исследования памятников Северного Приангарья, с начала 1970-х применяется комплексный подход к изучению памятников неолита и бронзового века. Именно в рамках этих работ открыто большинство археологических объектов Усть-Кутарейского микрорайона (в 1974 г. — Устье реки Кутарей Кежемским отрядом

А. Н. СЕКНА

Chekha Anna Nikolaevna — IAET SB RAS
(Russia, Novosibirsk). E-mail: Cheha.anna@yandex.ru

NEOLITHIC — BRONZE AGE COMPLEXES OF
UST-KUTAREJ ARCHAEOLOGICAL MICROREGION.
HISTORY OF RESEARCH AND MAIN PROBLEMS

Key words: the Neolithic, Northern Angara region, chronology, periodization, “compression” type deposition, Ust-Kutarej archaeological district

Summary. The paper sums up main problems related to the study of complexes with “compression” type deposition in the Northern Angara region (historiographic context) on the materials of the sites of Ust-Kutarej archaeological district.

In the course of wide scale archaeological excavations related to a resumed construction of the Boguchansk Hydro Power Plant (BoHPP) in the territory of the Northern Angara region including the Ust-Kutarej archaeological district (left bank of the Angara river in its middle part, right tributary of the Kutarej river, North Angara region) a significant pool of data has been accumulated which required summing up and reconciliation with the cultural and chronological map of the region.

The archaeological and historical studies of the sites within the flooding zone of the BoHPP lake, as of the rest of the Northern Angara region began in the early 18th century. Starting from the 1960s there were regular reconnaissance and research excavations of the North Angara sites, and from the beginning of the 1970s a comprehensive approach to the study of the Neolithic and the Bronze Age sites was used. It was as part of this research program that most of the archaeological sites of the Ust-Kutarej archaeological microregion have been discovered (in 1974 — Mouth of the Kutarej river was excavated by the Kezhem team of the Krasnoyarsk Teacher-Training Institute’s North Angara

СААЭ КГПИ под руководством Н. И. Дроздова; в 1975 г. — Ручей Поварный, Сенькин Камень и Гора Кутарей в результате работ В. И. Привалихина). Впоследствии исследование памятников проводилось в 2008–2011 гг. Институтом археологии и этнографии СО РАН в рамках проекта сохранения памятников историко-культурного наследия Красноярского края в зоне затопления БогЭС [1, с. 23].

Одним из наиболее дискуссионных в историографии остается вопрос о хронологии и периодизации неолита и бронзового века Северного Приангарья. Начиная с 1950-х гг. эта тема широко представлена в работах А. П. Окладникова, М. М. Герасимова, Б. Э. Петри, Л. П. Хлобыстина, Н. А. Савельева и Г. И. Медведева, В. В. Свирина, О. И. Горюновой, И. В. Асеева.

Культурно-хронологическая интерпретация памятников Северного Приангарья зачастую затруднительна из-за смешения в одном слое материалов неолита и бронзового века. Это вызвано так называемым «компрессионным» характером напластований, как правило, без стерильных разделяющих прослоек и вскрытием всей толщи культурного слоя условными горизонтами. В данном случае относительным культурным и датирующим маркером может служить керамика.

Новые исследования по изучению керамических комплексов бронзового века Енисейского Приангарья представлены работами П. В. Мандрыки (на данной территории с конца III тыс. до н. э. он выделяет несколько культурных традиций: комплексы с гладкостенной керамикой и гребенчато-пунктирной орнаментацией (бобровский тип); комплексы с «тонкошнуровой» керамикой (усть-шилкинский тип), переходный комплекс (с утолщенными краями венчика, под венчиком орнаментация сеткой), самоделкинский комплекс, шепилевский комплекс) [2], Н. П. Макарова [3] (по материалам 4 и 5 культурных горизонтов стоянки Усть-Карабула, содержащим артефакты неолитического облика) и А. Н. Савина (по материалах многослойного поселения Парта) [4].

Особенно актуальны в контексте проблем хронологии новые данные по усть-бельской керамике (по материалам стоянки Сергушкин-1), которые позволяют отнести ранний период бытования усть-бельского комплекса к концу VI — началу V тыс. до н. э. [5, с. 151].

При исследовании памятников Усть-Кутарейского микрорайона (Устье реки Кутарей, Сенькин (Синий) Камень, Ручей Поварный, Гора Кутарей) было обнаружено более 30 тыс. артефактов. Проведение рекогносцировочных работ позволило выявить наиболее перспективные участки с четкой

Archaeological Expedition under the supervision of N. I. Drozdov; in 1975 — Ruchei Povarny, Senkin Kamen and Gora Kutarej as a result of V. I. Privalikhin's excavations). In later years the sites were further researched in 2008–2011 by the Institute of Archeology and Ethnography SB RAS as part of Historical and Cultural Heritage Sites of the Krasnoyarsk Krai Salvage project in the flooding zone of the BoHPP [1, p. 23].

One of the most debated historiographic issues was the problem of chronology and periodization of the Neolithic and the Bronze Age in Northern Angara region. Beginning from 1950s this topic was widely discussed in the works of A. P. Okladnikov, M. M. Gerasimov, B. E. Petry, L. P. Khlobyustin, N. A. Saveljev and G. I. Medvedev, V. V. Svinin, O. I. Goryunova, I. V. Asejev.

Cultural and chronological interpretation of the North Angara sites was often difficult because of a mix of the Neolithic and the Bronze Age materials within one level. This was a result of the so-called "compression" type of deposition, as a rule without any sterile dividing layers and the excavation of the whole depth of the cultural level by conventional horizons. In this case ceramics may serve as a relative cultural and chronological marker.

New research focusing on the study of ceramic complexes of the Bronze Age of the Yenisei Angara region was presented in the works of P. V. Mandryka (he identified several cultural traditions in this territory from the end of the 3rd millennium BC: complexes with smooth wall ceramics and comb-dashed ornamentation (Bobrovsky type); complexes with "thin cord" ceramics (Ust-Shilka type), transitional complex (with beaded collar edge and mesh ornament under the collar), Samodelkino complex, Shepilevo complex) [2], N. P. Makarova [3] (based on materials of the 4 and 5 cultural horizons of Ust-Karabula camp site containing artifacts of Neolithic appearance) and A. N. Savin (based on materials of the multi-layer settlement Parta) [4].

Within the context of chronology problems the new data on the Ust Belskaya ceramics were particularly relevant (based on materials of Sergushkin-1 site) which allowed to obtain dates for the early period of existence of the Ust Belskaya complex as the end of the 6th — beginning of the 5th millennium BC [5, p. 151].

In the course of the study of the Ust-Kutarej district sites (Mouth of the Kutarej river, Senkin (Siny) Kamen, Ruchei Povarny, Gora Kutarej) over 30,000 artifacts have been found. The reconnaissance excavations helped to identify the most promising sections with clear stratigraphy where complete area excavations were performed.

The most promising in the context of the aforementioned problems was the study of materials from the

стратиграфией, где были проведены раскопки сплошной площадью.

Наиболее перспективным в контексте рассмотренных проблем представляется изучение материалов памятника Устье реки Кутарей. Стоянка Устье реки Кутарей располагается на левом берегу р. Ангара в 15 км ниже по течению от с. Кежма, на правом берегу в устье р. Кутарей. Первоначально памятник был определен как стоянка эпохи неолита (IV–III тыс. до н. э.), но в результате работ 2010 г. было выявлено три культурных горизонта памятника от эпохи неолита до средневековья. Массовые археологические комплексы из слоев 3 и 4 включают в основном каменную индустрию (технологически индустрия неолитическая не отличается от индустрии бронзового века) и керамику, сопоставимую с материалами Прибайкалья, Нижней Ангары: четко фиксируется группа посольской и усть-бельской керамики [1]. Информативным представляется анализ материалов Устья реки Кутарей в сравнении с коллекциями памятников Синий (Сенькин) камень и Ручей Поварный (они гораздо менее многочисленны – 1400 артефактов, но содержат показательные типы орудийного набора). Отчетливые стратиграфические напластования и взаимосвязанные с ними керамические комплексы памятников Усть-Кутарейского микрорайона дают возможность датировать сопутствующие материалы, а в дальнейшем позволят внести существенный вклад в построение единой хроностратиграфической шкалы археологических памятников среднего течения реки Ангары. Таким образом, детальный анализ изделий данных памятников позволит рассмотреть материалы микрорайона в контексте представленных проблем.

Литература / References:

1. Савин А.Н. Отчет об археологических раскопках стоянки Устье Реки Кутарей 2010 г. (Кежемский район Красноярского края): в 6 т. Новосибирск, 2011. Т. I.
2. Мандрыка П.В. Степь и тайга: проблема взаимоотношений племен раннего железного века (по материалам Енисейского Приангарья) // Журнал СФУ. Красноярск, 2008 (2). С. 261–269.
3. Макаров Н.Р. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 130–175.
4. Савин А.Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2010 года. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 582–587.
5. Герман П.В., Леонтьев С.Н. Комплекс археологических материалов с Усть-Бельской керамикой стоянки Сергушкин-1, пункт «А» // Изв. Иркут. гос. ун-та. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. № 1 (2). 2013. С. 133–156.

Kutarej river Mouth site. Camp site Mouth of the Kutarej river was located on the left bank of the Angara river 15 km downstream from Kezhma village on the right bank in the mouth of the Kutarej river. Initially the site was identified as the Neolithic camp site (the 4th–3rd millennium BC), however as a result of 2010 excavations three cultural horizons of the site have been identified – from the Neolithic to the Middle Ages. Mass scale archaeological complexes from layers 3 and 4 contained mostly lithic industry items (technologically the Neolithic industry had no differences from the Bronze Age industry) and ceramics comparable with the materials from the Cis-Baikal and the Lower Angara regions: a group of Posolskaya and Ust-Belskaya ceramics was clearly identifiable [1]. Analysis of the Mouth of the Kutarej river materials also appeared informative in comparison with assemblages from the sites Siny (Senskin) Kamen and Ruchei Povarny (they were less numerous – 1,400 artifacts, however they contained representative types of tool sets). Clearly marked stratigraphic depositions and the related to them ceramic complexes of the sites of the Ust-Kutarej district made it possible to date the accompanying materials, and in future they will make a significant contribution to building a unified chrono-stratigraphic scale of archaeological sites of the middle part of the Angara river. Thus the detailed analysis of items from these sites will contribute to the study of the district's materials within the context of the aforementioned problems.

УДК 903.7(470.5)«634»

А. Ф. ШОРИН

Шорин Александр Федорович — д. и. н.,
ИИА УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: shorin_af@mail.ru

О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ
И ЧЕРТОВА ГОРА¹

Ключевые слова: неолитические насыпные святылища Кокшаровский холм и Чертова Гора, сходство и различие

Резюме. Выявлено сходство и различие насыпных святылищ Кокшаровский холм и Чертова Гора по следующим компонентам: 1) местоположение культовых мест, 2) маркеры сакрального пространства святылищ, 3) культовая атрибутика, задействованная в ритуалах. Это позволяет рассматривать памятники в рамках одной культурной традиции, свойственной зауральским неолитическим группам населения VI–V тыс. до н. э. в калиброванных значениях дат.

Анализу подвергнуты наиболее полно раскопанные и опубликованные неолитические памятники Кокшаровский холм и Чертова Гора, которые есть основания интерпретировать как святылища [1; 2; 3]. Они оставлены родственными, хотя в археолого-культурном плане не идентичными, группами населения в рамках развития кошкинской, козловской, боборыкинской и полуденской культурных традиций. Анализ позволит четче выделить характерные черты и маркеры культового пространства своеобразных насыпных комплексов, названных «жертвенными холмами (горами)» или «богатыми (чудскими) буграми». Сходство и различия между этими памятниками проведем по тем характерным компонентам, что могут быть зафиксированы археологическими методами. Это:

- местоположение (топография) культовых мест, соотношение их с населенным пунктом,
- маркеры (основные структурообразующие элементы) сакрального пространства святылищ,
- культовая атрибутика, задействованная в ритуалах.

¹ Работа выполнена в рамках комплексной программы УрО РАН № 15-13-6-12 «Культурные и технологические традиции и новации населения Урала в первобытную эпоху: междисциплинарный анализ»

A. F. SHORIN

Shorin Alexander Fedorovich — Doctor of History,
IH&A UB RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: shorin_af@mail.ru

ON NEOLITHIC SITES DIFFERENCES AND SIMILARITY
KOKSHAROV HILL AND CHERTOVA GORA¹

Key words: Neolithic earthen sacred places Koksharov Hill and Chertova Gora, similarity and differences

Summary. Similarity and differences between two made up sacred sites Koksharov Hill and Chertova Gora have been established based on comparison of the following components: 1) religious sites location, 2) the sites' sacral space markers, 3) religious cult attributes used in rituals. In this way it becomes possible to study the sites as belonging to the same cultural tradition characteristic of the Trans-Ural Neolithic groups of population of the 6th-5th millennium BC in calibrated dates.

The analysis was performed on the materials of the most fully excavated and published Neolithic sites Koksharov Hill and Chertova Gora which may with good reason be interpreted as the sacred places [1; 2; 3]. They were left by related, though not identical archaeologically or culturally groups of population during the period of existence of Koshkino, Kozlovo, Boborykino and Poludenskaya cultural traditions. The analysis will enhance the process of identification of the characteristic features and ritual space markers of these unique made up complexes known as the “sacrificial hills (mountains)” or “rich (Chudskije) knolls”. The similarities and differences between these archaeological sites were identified by means of comparative analysis of certain characteristic components which could be established with the use of standard archaeological techniques, such as:

- the location (topography) of the sacred places, their position relative to a settlement,
- markers (main structural elements) of the sacral space of the sites,
- religious cult attributes used in rituals.

1. Sacred places were constructed on about 2 m high capes. Their platforms were repeatedly made up (filled?). On the Koksharov Hill main make up works were done during the early Neolithic period by the Koshkino and

¹ The study was performed as part of integrated program of UB RAS № 15-13-6-12 «Cultural and technological traditions and innovations of the population of the Urals in the prehistoric era: an interdisciplinary analysis»

1. Святилища сооружены на высоких, около 2 м, мысах. Площадки их неоднократно подсыпались (засыпались?). На Кокшаровском холме основные подсыпки произведены на стадии раннего неолита кошкинскими и кокшаровско-юржинскими коллективами (рубеж VII–VI и не позднее рубежа VI–V тыс. до н. э. в калиброванных значениях дат), а затем, в позднем неолите, полуденскими (с последней четверти VI до третьей четверти V тыс. до н. э.) и басьяновскими (с начала до третьей четверти V тыс. до н. э.) [4]. На Чертовой Горе неолитический слой мощностью более 1 м формировался в интервале середины – третьей четверти VI тыс. до н. э. местными коллективами, декоративно-морфологическое оформление посуды которых вызывает ассоциации, прежде всего, в кошкинской орнаментальной традиции, в меньшей степени, с козловской, барсовогорской и полуденской, еще в меньшей, с басьяновско-боборыкинской [1; 2]. Но если Кокшаровский холм расположен в центре Юрьинского поселения, то в округе Чертовой Горы поселение не выявлено. На Кокшаровском холме сакральное пространство от жилого поселения отделяли рвы и изгородь-частвокол.

2. На сакральной площадке святилищ присутствовали объекты, которые авторы считают возможным интерпретировать как культовые. Они имели различия в размерах и конструктивных деталях, но функционально были сходными. Это постройки, сооруженные из деревянных жердей или плах. Но если на Кокшаровском холме объекты на площадке мыса наземные, во всяком случае, в материк кроме канавок по периметру стен некоторых построек практически не углублены, то на Чертовой Горе они углублены в материк от 0,5–0,6 до 1,5 м. Разнятся и размеры объектов. На первом из памятников их размеры около 2 x 2 м, реже – до 5 x 5 м, при высоте более 1 м. На втором – размеры колеблются от 3,2 x 3,5–4,8 x 3,5 до 6 x 4,3 м. Большое количество угля и кострищ в слое Чертовой Горы наводит на мысль об отсутствии у этих объектов кровли [2, с. 156]. У объектов Кокшаровского холма наличие крыши предполагается. Ряд таких построек сооружены на и перекрыты специальными подсыпками из тонких чередующихся прослоек светлого материкового песка и углей, а иногда минеральными подсыпками серебристого цвета (кварцевый крупнозернистый песок), охристыми подсыпками разной цветности. На обоих памятниках присутствуют не только изолированно стоящие объекты, но и объединенные в комплексы от 2 до 5.

Сходство между памятниками наблюдается и по наличию рядом с некоторыми обозначенными выше сооружениями объектов гораздо меньших размеров: менее чем 1 x 1 м. Но конструктивно они

Koksharovsko–Yurjinskaya groups of population (turn of the 7th–6th and not later than the turn of the 6th–5th millennium BC calibrated), and later, in the late Neolithic, by the Poludenskaya (from the last quarter of the 6th till the third quarter of the 5th millennium BC) and the Basjyanovskaya culture groups (from the beginning till the third quarter of the 5th millennium BC) [4]. On the Chertova Gora site the over 1 m thick Neolithic level was formed during the interval from the middle to the third quarter of the 6th millennium BC by the local groups of population with pottery, the decorative and morphological features of which brought to mind the association with mostly the Koshkino ornamental tradition, and, in a lesser degree, with the Kozlovo, Barsova Gora and Poludenskaya, and even less with the Basjyanovskaya and the Boborykino cultural traditions [1; 2]. However, while the Koksharov Hill is located in the center of the Yurjino settlement site, no signs of a settlement have been found around the Chertova Gora. In the Koksharov Hill the sacral space is separated from the settlement by moats and stockades.

2. In the sacral platform of sacred places there were objects which the authors tended to interpret as the ritual ones. They were different in size and design features, however they shared functional similarity. These were structures made from wooden poles or blocks. However, whereas on the Koksharov Hill the objects on the cape platform were located above ground, at least they did not appear recessed in any way with the exception of small furrows along the walls' perimeter of some structures, on the Chertova Gora site they were recessed in mainland to the depth from 0.5–0.6 to 1.5 m. The objects dimensions were also different. On the former site their sizes were about 2 x 2 m, less frequently up to 5 x 5 m, and over 1 m high. On the latter the sizes varied from 3.2 x 3.5–4.8 x 3.5 to 6 x 4.3 m. Significant quantities of coal and fireplaces in the Chertova Gora layer suggested that these objects were roofless [2, p. 156]. At the same time the Koksharov Hill objects were assumed to have been roof covered. A number of such structures were built on and bridged over with special cushion fills consisting of alternating layers of light mainland sand and coals, and sometimes mineral silver-colored cushion fills (coarse-grained quartz sand), and ochreous fills of varying color. On both sites there were in addition to isolated objects some structures forming groups of 2 to 5 objects.

Another similarity was observed also in the presence near the structures described above of some smaller objects: less than 1 x 1 m in size. However they were different in their structural design. On the Koksharov Hill these structures were rectangular, of a wooden case, trunk, or "hut" type. On the Chertova Gora these objects were Birch-bark containers resembling boxes or tussocks.

разнятся. На Кокшаровском холме это конструкции прямоугольной формы типа деревянного короба, сундука или «домика». На Чертовой Горе это берестяные емкости, напоминающие коробки, туеса.

3. В культурных слоях обоих памятников фиксируется повсеместное использование огня в виде слоев насыщенных углем и прокалами, сгоревшей древесины и пр. Исследователи единодушны во мнении о большой роли огненных ритуалов в обрядовых действиях, проводившихся здесь.

4. Культовая атрибутика, задействованная в ритуалах на этих святилищах, имеет больше различий. Но и здесь можно усмотреть некоторые параллели. Это сосуды, найденные у (в) объектов целыми или в развалах, иногда вверх дном, стержни с насечками (орнаментом), кремневые наконечники стрел, шлифованные изделия и пр. Но, в целом, оригинальных (культовых) предметов больше на Кокшаровском холме, нежели на Чертовой Горе.

5. Вещевые приклады сопровождалась на святилищах и жертвоприношениями, остатками которых являются мелкие кальцинированные косточки диких животных, птиц и рыб: лось и северный олень, редко бобр, медведь, лисица, волк, заяц, глухарь, тетерев, щука и пр. На Чертовой Горе биологическая экспертиза дала даже положительный результат на присутствие человеческого гемоглобина в коробках-захоронениях [2, с. 156].

Литература / References:

1. Сладкова Л. Н. Предварительные итоги полевых исследований 1988, 2003, 2004 гг. на Чертовой горе в Кондинском районе ХМАО – Югры // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 152–164.
2. Сладкова Л. Н. Чертова гора – неолитический памятник в бассейне Конды // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2008. Вып. 25. С. 147–158.
3. Шорин А. Ф. Святилище Кокшаровский холм в Среднем Зауралье: маркеры сакрального пространства // Урал. ист. вестн. 2010. № 1 (26). С. 32–42.
4. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 70–77.

3. The cultural level of both sites contained signs of wide use of fire in the form of layers full of coal, burnt soil, burnt wood, etc. The researchers have been unanimous in their opinion about a significant role of fire rituals in religious practices taking place in the sites.

4. Religious cult attributes used in rituals performed in the sites demonstrated greater differences. However even in this respect certain parallels could be drawn. For instance, vessels found near (in) the objects intact or in shreds, sometimes turned upside down, rods with incisions (ornament), flint arrowheads, polished items, etc. However, in general, there were more original (ritual) items in the Koksharov Hill than in the Chertova Gora site.

5. Material things offerings were accompanied at the site with the offering of sacrificial animals the remains of which were represented by small calcinated bones of wild animals, birds and fish: elk and reindeer, seldom beaver, bear, fox, wolf, hare, wood grouse, blackcock, pike, etc. Biological expert analysis performed on the Chertova Gora materials also produced positive results for the presence of human hemoglobulin in box-burials [2, p. 156].

УДК 903.3(470.5)«634»

А. А. ШОРИНА

Шорина Анастасия Александровна — ИИиА УрО
РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: aashor@mail.ru

СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ
НЕОЛИТИЧЕСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ
ЮРЬИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ
ОБЪЕКТА 21)¹

Ключевые слова: неолитическое жилище, стратиграфия, кошкинская культура, кокшаровско-юринская культура, полуденская культура

Резюме. На основе стратиграфического анализа неолитических керамических комплексов жилой постройки Юрьинского озера выделяются 2 основных этапа ее функционирования. Ранний этап связан с кошкинской культурой, поздний — с носителями кокшаровско-юринской и полуденской культурных традиций.

Анализу подвергнут редкий случай прямой стратиграфии полузакрытых неолитических комплексов, выявленный в жилом объекте 21 Юрьинского поселения. Объект вплотную примыкает к восточной периферийной части святилища Кокшаровский холм (Верхнесалдинский городской округ Свердловской области).

На поверхности он фиксируется в виде неглубокого (около 15–25 см) западения прямоугольной формы, ориентированного по направлению СЗ — ЮВ. Длина впадины около 8 м, ширина — 5,5 м. С юго-восточной стороны впадины читается прямоугольный выступ, видимо, вход в жилище глубиной около 10–20 см. Длина входа около 2,5 м, ширина — 2 м. Раскопом вскрыта примерно половина объекта в его северо-западном сегменте. Размер вскрытой части составлял по линии СЗ — ЮВ около 5,2 м; по линии СВ — ЮЗ — около 6,2 м. Объект фиксируется на глубинах -261–383 см от условного «0» памятника.

В заполнении объекта зафиксировано 516 фрагментов неолитической керамики: 215 (41,7 %) кошкинской, 155 (30 %) кокшаровско-юринской и 146 (28,3 %) полуденской культур. Стратиграфический анализ залегания керамических комплексов позволяет выделять два этапа в функционировании объекта 21.

¹ Работа выполнена в рамках комплексной программы УрО РАН № 15-13-6-12 «Культурные и технологические традиции и новации населения Урала в первобытную эпоху: междисциплинарный анализ»

A. A. SHORINA

Shorina Anastasia Alexandrovna — IH&A UB RAS
(Ekaterinburg, Russia). E-mail: aashor@mail.ru

STRATIGRAPHIC DISTRIBUTION OF NEOLITHIC
CERAMIC COMPLEXES OF YURJINO SETTLEMENT
(BASED ON DWELLING 21 MATERIALS)¹

Key words: Neolithic dwelling, stratigraphy, Koshkino culture, Koksharovsko-Yurjinskaya culture, Poludenskaya culture

Summary. Based on the stratigraphic analysis of the Neolithic ceramic complexes of the Yurjino lake dwelling 2 main stages of its functioning have been identified. The earlier stage is related to the Koshkino culture, and the later — to the population of the Koksharovsko-Yurjinskaya and the Poludenskaya cultural traditions.

The study deals with rare instance of stratigraphic analyses of the semi-closed Neolithic complexes found inside dwelling 21 of the Yurjino settlement. The site was immediately adjoining the eastern periphery part of the Koksharov Hill sacred place (Verkhnyaya Salda municipality, Sverdlovsk region).

It was registered on the surface as a shallow (about 15–25 cm) rectangular shape depression with the NW — SE orientation. The length of depression was about 8 m, and the width — 5.5 m. On the south-east side of depression a rectangular projection was noticed, apparently, an entrance to the dwelling about 10–20 cm deep. The entrance length was about 2.5 m, the width — 2 m. Approximately one half of the site was excavated in its north-west segment. The size of the excavated part was about 5.2 m along the line NW — SE; and along the NE — SW line — about 6.2 m. The dwelling was registered at the depths of -261–383 cm from the conventional “0” level of the site.

516 fragments of Neolithic ceramics have been registered in the site's filling: 215 (41.7 %) of the Koshkino, 155 (30 %) of Koksharovsko-Yurjinskaya and 146 (28.3 %) of Poludenskaya cultures. The stratigraphic analysis of ceramic complexes deposition made it possible to distinguish two stages in the functioning of dwelling 21.

¹ The study was performed as part of integrated program of UB RAS № 15-13-6-12 «Cultural and technological traditions and innovations of the population of the Urals in the prehistoric era: an interdisciplinary analysis»

Первый этап связан с носителями кошкинской культурной традиции, силами которых жилище и было возведено. В заполнении нижних горизонтов объекта на гл. -321 –383 см залегает 65,9% (141 фр.) керамики кошкинской культуры. В том числе, практически на дне жилища, на гл. -345 –348 см, зафиксирован развал одного целого кошкинского сосуда. На этих горизонтах фиксации культурный слой жилища представляет собой очень влажный, насыщенный грунтовыми водами, серо-коричневый суглинок с включением мелких пятен материкового песка, мелкой гальки и угольков (слой 24). По северной кромке очертаний жилища фиксируются обширные углистые включения, маркирующие, вероятно, остатки сгоревшей деревянной конструкции этой части стены постройки. В центре постройки на протяжении всех горизонтов раннего этапа функционирования сооружения прослеживаются очертания очага полуовальной формы размерами 2 x 1,5 м (раскопом вскрыто примерно $\frac{2}{3}$ очага). В профиле достаточно четко читаются три уровня функционирования очага, на каждом из которых очаг смещался чуть восточнее относительно предыдущего. Два нижних уровня связаны с первым этапом функционирования постройки, что может указывать на перерывы в заселении жилища носителями кошкинской культурной традиции. Верхний уровень очага относится ко второму (кокшаровско-юринскому – полуденскому) этапу. Заполнение очага содержит значительное количество мелких пережженных костей.

Вдоль западной стенки практически до дна жилища фиксируется полоса переотложенного слоя с включением материковых пятен, которая, скорее всего, маркировала естественный заплыв слоя в котлован жилища на той стадии, когда оно было покинуто его жителями. Именно в этой полосе в небольшом количестве на гл. -321 –383 см зафиксирована керамика кокшаровско-юринской (5,1% – 8 фрагментов) и полуденской (2,1% – 3 фрагмента) культур, что свидетельствует о случайности попадания данных типов керамики на нижние уровни фиксации постройки.

Второй этап функционирования объекта 21 связан с носителями кокшаровско-юринской и полуденской культурных традиций. На глубине -261 –320 см в заполнении объекта зафиксировано практически равное количество керамики данных типов: 147 фрагментов (94,9%) кокшаровско-юринской и 143 фрагмента (97,9%) полуденской. Причем распределение керамики по горизонтам в 10 см этого уровня между данными типами фактически одинаковое. Керамика кошкинской культуры на этом этапе представлена 74 фрагментами (34,1%).

The first stage is attributed to the population of the Koshkino cultural tradition who apparently first constructed the dwelling. The filling of the lower horizons of the dwelling site at the depth of -321 –383 cm contained 65.9% (141 pieces) of the Koshkino culture ceramics. Also practically at the bottom of the dwelling at the depth of -345 –348 cm the shreds of one whole Koshkino vessel have been registered. At these fixation horizons the cultural level of the dwelling was a very wet, deeply saturated with soil water, brownish-gray clay loam with inclusions of tiny spots of mainland sand, shingle and small coals (layer 24). Along the northern edge of the dwelling contour some extensive coaly inclusions were registered which, in all probability, marked the remains of a burnt down wooden structure of this part of the structure's wall. In the middle of the structure throughout all horizons of the early stage of the structure's functioning the outlines of a semi-oval fireplace could be traced with approximate size 2 x 1.5 m (about $\frac{2}{3}$ of the fireplace has been excavated). In the profile three levels of the fireplace functioning could be clearly read, in each of which the fireplace moved a little bit east with respect to the previous position. Two lower levels related to the first stage of the structure's functioning, which could point to interruptions in the periods of occupation of the dwelling by the Koshkino culture population. The upper level of the fireplace related to the second (Koksharovsko-Yurjinskaya – Poludenskaya) stage. The fireplace filling contained a significant amount of small overburnt bones.

Along the western wall practically to the bottom of the structure a band of redeposited layer with the subsoil sediments' inclusion was registered, which, most likely, marked the natural soil overcrust into the dwelling pit during the period when it was abandoned by its inhabitants. It was in this band that the Koksharovsko-Yurjinskaya (5.1% – 8 fragments) and the Poludenskaya (2.1% – 3 fragments) culture ceramics was registered in small quantities at the depth of -321 –383 cm, which was another evidence of the fact that these types of ceramics could get into the lower levels of the structure only by chance.

The second stage of Dwelling 21 functioning is attributed to the population of the Koksharovsko-Yurjinskaya and the Poludenskaya cultural traditions. At the depth of -261 –320 cm the filling of the structure contained practically equal number of ceramics belonging to these two types: 147 fragments (94.9%) of the Koksharovsko-Yurjinskaya and 143 fragments (97.9%) of the Poludenskaya culture, moreover, the distribution of ceramics over the horizons within the 10 cm of this level between these types was in fact the same. The

На горизонтах фиксации второго этапа функционирования постройки очертания объекта немного расширяются в северном направлении. Вдоль западной стенки все также фиксируется полоса переотложенного слоя с включением материковых пятен. Основной слой заполнения котлована жилища на горизонтах этого этапа несколько иной, чем на более раннем, кошкинском. Это – темно-коричневый, практически черный, насыщенный влагой суглинок с включениями мелкой гальки (слой 22).

Радиоуглеродные даты, полученные по разным основаниям (фрагменты керамики, уголь) [1], определяют позиции неолитических комплексов Кокшаровского холма в следующих хронологических интервалах (в калиброванных значениях дат): кошкинские – середина VII – начало V тыс. до н. э., кокшаровско-юржинские – начало VI – вторая четверть V тыс. до н. э., полуденские – конец VI – середина V тыс. до н. э. Учитывая факт прямой стратиграфии сооружения совместного кокшаровско-юржинско-полуденского жилища в котловане более раннего кошкинского, можно предполагать, что ранний кошкинский объект функционировал в раннем интервале кошкинских дат Кокшаровского холма, а позднее кокшаровско-юржинско – полуденское жилище, в интервале конца VI – вторая четверть V тыс. до н. э. Кстати, кошкинское жилище, скорее всего, синхронно ранним кошкинским культовым объектам 6, 12, 15 Кокшаровского холма, возраст которых укладывается в интервал середина VII – середина VI тыс. до н. э. [2].

Литература / References:

1. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Хроностратиграфия неолитических комплексов святилища Кокшаровский холм // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 70–77.
2. Шорин А. Ф., Шорина А. А. Радиоуглеродные даты Кокшаровского холма // Вопросы археологии Урала. Екатеринбург; Сургут, 2011. Вып. 26. С. 249–254.

Koshkino type ceramics at this stage was represented by 74 fragments (34.1 %).

In the second stage of the dwelling's functioning horizons the contours of the structure expanded a little bit in the northern direction. Along the western wall a redeposited sediments with the subsoil inclusions were also registered. Main layer of the dwelling pit content in this stage's horizons was somewhat different than the earlier, Koshkino one. This was the dark brown, practically black, very moist clay loam with small shingle inclusions (layer 22).

Radiocarbon dates obtained from different samples (ceramics fragments, coal) [1], fixed the position of the Neolithic complexes of the Koksharov Hill within the following chronological intervals (in calibrated date values): Koshkino – middle of the 7th – beginning of the 5th millennium BC, Koksharovsko-Yurjinskaya – beginning of the 6th – second quarter of the 5th millennium BC, Poludenskaya culture – end of the 6th – middle of the 5th millennium BC. In view of the direct stratigraphy of the structure of the joint Koksharovsko-Yurjinskaya – Poludenskaya culture dwelling within the pit of the earlier, Koshkino culture dwelling, it may be presumed that the earlier Koshkino dwelling functioned within the early interval of the Koshkino Koksharov Hill dates, while the later Koksharovsko-Yurjinskaya – Poludenskaya culture dwelling related to the interval of the end of the 6th – second quarter of the 5th millennium BC. Incidentally, the Koshkino dwelling is most likely synchronous with the early religious sites 6, 12, 15 of the Koksharov Hill, the age of which related to the interval between the middle of the 7th – mid 6th millennium BC [2].

КУЛЬТУРНЫЕ МИРЫ СЕВЕРНОЙ
ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ
И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

CULTURAL WORLDS OF NORTHERN
EURASIA DURING BRONZE AND
EARLY IRON AGES

УДК 902(571.122)«637»

М. Ю. БАРАНОВ, С. Ф. КОКШАРОВ

Баранов Максим Юрьевич — ООО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск).
E-mail: baranovm73@inbox.ru

Кокшаров Сергей Федорович — к. и. н., ИИА УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: uniz@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ БАЛИНСКОЕ I

Ключевые слова: поселения кульёганского типа, матрица, сопло, технологическая керамика, Сургутское Приобье

Резюме. В работе рассмотрена технологическая керамика с поселения Балинское I (Сургутское Приобье). Это фрагменты матриц для отливки долота, пластинчатого ножа и обломки сопла. Они имеют архаичный облик и отнесены к досейминскому периоду бронзового века. Вывод согласуется с радиоуглеродной датой и обликом бытовой посуды, обнаруживающей сходство с поздними полымьятскими комплексами р. Конды.

Поселение Балинское I расположено в 12 км к ССВ от поселка Селиярово в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры Тюменской области, на правом берегу р. Балинская, впадающей в обскую протоку Лабывтор. В раскопе площадью 369 кв. м, заложенном на памятнике, изучены остатки жилища бронзового века. С сооружением связаны не менее 10 сосудов кульёганского (?) типа, 83 каменных предмета, кости рыб и диких животных [1; 2]. Наше внимание обращено к технологической керамике, представленной обломками двух литейных форм и сопла (?). Материалы отражают особенности металлопроизводства таежного населения в бронзовом веке.

Матрицы выполнены из хорошо отмученной пылевидной на ощупь обожженной глины, с многочисленными кавернами от выгоревшей органики и редкими включениями охры. Особенностью обоих изделий является продольное ребро, расположенное на стороне противоположной полости. Формы имели, скорее всего, вторую створку, представлявшую собой плоскую крышку. Металл заливался с одной из торцовых сторон, литниковые воронки не прослежены. Несмотря на значительные утраты, конфигурация емкостей позволяет судить об облике отливок.

Одна из них представляла крупное клиновидное изделие с расширяющимся сечковидным лезвием. По морфологическим признакам его можно отнести к категории тесел. Длина предмета достигала

M. YU. BARANOV, S. F. KOKSHAROV

Baranov Maxim Yurjevich — ООО "Northern Archaeology-1" (Russia, Nefteyugansk).
E-mail: baranovm73@inbox.ru

Koksharov Sergey Fedorovich — PhD in History, IH&A UB RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: uniz@mail.ru

TECHNOLOGICAL CERAMICS OF BALINSKOYE I SETTLEMENT

Key words: Kuljegan type settlement, matrix, nozzle, technological ceramics, Surgut Ob region

Summary. The work focused on the technological ceramics from the Balinskoye I settlement (the Surgut district of Ob river basin) These were fragments of molds for casting a chisel and a segmented blade, and a nozzle fragment. They were of archaic appearance and were attributed to the Pre-Seimin period of the Bronze Age. The conclusion agrees with the radiocarbon date and the everyday pottery appearance demonstrating similarity with the late Polymyay complexes from the Konda river.

The Balinskoye I settlement is located 12 km north-north-east of Seliyarovo village in the Khanty-Mansiysk district of KhMAO — Ugra of the Tyumen Oblast, on the right bank of the Balinskaya river running into the Labytvor anabranch. In the excavated site area of 369 sq. m the remains of a Bronze Age house have been studied. At least 10 vessels of the Kuljegan (?) type were associated with the structure, as well as 83 stone items, and fish and wild animals bones [1; 2]. Our attention is focused on the technological ceramics represented by fragments of two casting molds and a nozzle (?). The materials reflected the specifics of the taiga population's metal making techniques in the Bronze Age.

The molds were made from well washed powdered to the touch clay with numerous cavities from burnt out organic matter and occasional inclusions of ochre. A specific feature of both items is a longitudinal rib located on the side opposite to the cavern. The molds most likely once had a second flap in the form of a flat cover. Metal was poured in from one of the front sides, the pouring cups could not be traced. Despite the significant losses, the configuration of the vessels makes it possible to have some idea of the cast items appearance.

One of them is a large tapered artifact with flaring chopper type blade. By its morphological parameters it could be referred to the adzes category. The item's length reached 175 mm, blade width — 50-55, and maximum thickness — 16 mm.

175 мм, ширина лезвия — 50–55, максимальная толщина — 16 мм.

Другое изделие — пластинчатый предмет, скорее всего, двулезвийный нож. Он имел в поперечном сечении линзовидную форму: его длина превышала 75 мм, ширина составляла 18, а толщина 2,5 мм.

Поделка, отнесенная к категории сопел, представляла собой керамический стержень с продольным каналом диаметром 12,5 мм, расколотый по длинной оси. Длина изделия превышала 86 мм. Снаружи предмет украшен параллельными поясками гребенчатых отпечатков.

По продольному выступу и полости для заливки металла на противоположной плоскости балинские находки сближаются с керамической матрицей поселения кульёганского типа — Савкинская Речка 1 [3, с. 62–63, рис. 4, 1–2]. Правда, последняя была снабжена литниковой воронкой и служила для производства длинных стрежней-заготовок прямоугольного сечения. Что касается керамических сопел, то они известны и на других памятниках севера Западной Сибири досейминского времени — сартыньинских, польмыятских, вары-хадыта (?) [4, с. 79–82]. Имеющиеся материалы кульёганских поселений Сургутского Приобья, связанные с литейным производством, указывают на существование в этой сфере традиций, отличных от тех, что наблюдаются на памятниках приуральской части Западной Сибири — в Нижнем Приобье и Кондинской низменности [5, с. 127, 129–130].

Досейминский возраст поселения Балинское I устанавливается по архаичному облику рассмотренной технологической керамики, бытовой посуды, обнаруживающей соответствия по форме и декору с поздними польмыятскими комплексами р. Конды, и калиброванной дате по углю — 3920±70 BP (Lu-5133) или 2490–2290 (68,2 %) BC 2580–2190 (95,4 %) BC. Она вписывается в серию дат, полученных для кульёганских памятников, которые демонстрируют значительный разброс, имея тенденцию к удревнению [3, с. 68, 70].

Литература / References:

1. Баранов М. Ю. Отчет о НИР: Археологические раскопки памятников археологии поселения Балинское 1 и городища Балинское 2 в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры Тюменской области в 2005 г. Кн. 1. Нефтеюганск, 2006.
2. Баранов М. Ю. Комплекс археологических памятников бронзового века на р. Балинская в Среднем Приобье и его культурно-хозяйственная интерпретация (по материалам археологических исследований поселений Балинское 1, 3, 8, 10) // Современные проблемы археологии России. Новосибирск, 2006. Т. I. С. 343–346.
3. Мызников С. А., Косинская Л. Л., Стефанов В. И. Селище Савкинская Речка 1: новые материалы по бронзовому веку среднетаежного Приобья // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2012. № 3 (18). С. 60–72.
4. Кокшаров С. Ф. Сопла бронзового века с севера Западной Сибири // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер.: История, филология. 2014. Т. 13, вып. 3. С. 80–87.
5. Кокшаров С. Ф. Металлообрабатывающий комплекс досейминского времени со Средней Конды // Уральский исторический вестник 2011. № 1 (30). С. 122–130.

Another find — a segmented object, was, most likely, a double-edged knife. It is lens-shaped in cross section: its length is over 75 mm, width is 18, and thickness — 2,5 mm.

An artifact tentatively identified as a nozzle is a ceramic rod with a longitudinal 12,5 mm in diameter channel split along its axis. The length of the item is over 86 mm. On the outside the item was decorated with parallel comb stamp impressions.

By such features as the longitudinal flange and the metal pouring cavity on the opposite surface the Balinskoye finds appeared similar to the ceramic matrix of the Kuljegan type settlement — Savkinskaya Rechka 1 [3, p. 62–63, fig. 4, 1–2]. However the latter has a pouring cup and served for making long rectangular rod blanks. As to the ceramic nozzles, they are known also on other north of Western Siberia sites of Pre-Seima period — the Sartynnyay, the Polymyay, the Vary-Khadyta (?) [4, p. 79–82]. The available materials from the Kuljegan settlements of the Surgut Ob region related to casting production pointed to the existence in this sphere of traditions different from the one observed on the sites of the Priuralje part of Western Siberia — the Lower Ob river basin and the Konda lowland [5, c. 127, 129–130].

The Pre-Seima age of the Balinskoye I settlement is established by the archaic appearance of the reviewed technological ceramics, everyday pottery with signs of similarity in shape and decor to the late Polymyay complexes on the river Konda, and the calibrated coal date — 3920±70 BP (Lu-5133) or 2490–2290 (68.2 %) BC 2580–2190 (95.4 %) BC. It fits into a series of dates obtained for the Kuljegan sites which demonstrate a significant spread with a tendency towards aging [3, c. 68, 70].

УДК 902 (470.5) «637»

Н.А. БЕРСЕНЕВА

Берсенева Наталья Александровна — к. и. н.,
Южно-Уральский филиал ИИиА УрО РАН
(Россия, Челябинск). E-mail: _bersnatsha@mail.ru

**СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ДЕТЕЙ В ОБЩЕСТВАХ
БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА (КОНЕЦ III —
ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II ТЫС. ДО Н. Э.):
ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ**

Ключевые слова: бронзовый век, Южный Урал, социальный статус, детские погребения

Резюме. Данная работа анализирует детские погребения эпохи бронзы Южного Урала от синташтинского времени до срубно-алакульского. Основной вывод заключается в предположении, что дети занимали важное место в жизни этих коллективов на протяжении всего периода; это отношение к ним оставалось стабильным в течение веков, несмотря на смену культурных стереотипов и модели погребальной обрядности.

Известно, что детские погребения хорошо представлены в погребальных памятниках эпохи бронзы Южного Урала. Но лишь в последние годы и десятилетия увидело свет значительное число качественных публикаций материалов раскопок могильников синташтинской, петровской, срубной и алакульской культур. В связи с этим, некоторые проблемы, которые невозможно было поставить раньше вследствие отсутствия источников, вышли на первый план. Накопленные к настоящему времени данные позволили перейти к реконструкции и интерпретации социальной жизни этих обществ, включая изучение не только вопросов вертикальной иерархии и статуса, но и гендерных и возрастных структур в их динамике.

Целью данной работы является попытка «встроить» детей в социальную архитектуру обществ эпохи бронзы Южного Урала и проследить возможную трансформацию их статуса от синташтинского времени до срубно-алакульского.

Было бы несправедливым сказать, что детским погребениям не уделялось внимания в работах исследователей. Однако изучение проводилось на уровне отдельных культур, локальных вариантов или памятников [1; 2; 3; 4; 5 и т. д.]. Рассмотрение посмертного обращения с детьми в динамике и на более широком фоне, как представляется, поможет извлечь дополнительную информацию и сделать социальные реконструкции более жизнеспособными.

Анализ проводился по следующим направлениям: (1) степень представленности «не-взрослых»

N. A. BERSENEVA

Berseneva Natalia Alexandrovna — PhD in History,
South Ural Branch of the IIA UB RAS
(Russia, Chelyabinsk). E-mail: bersnatsha@mail.ru

**SOCIAL STATUS OF CHILDREN IN THE BRONZE AGE
SOCIETIES OF SOUTHERN URALS (END OF THE 3^D —
FIRST HALF OF THE 2ND MILLENNIA BC):
THE GENERAL AND THE SPECIFIC**

Key words: Bronze Age, South Urals, social status, children's interments

Summary. The paper presents an analysis of children's interments of the Bronze Age period in the Southern Urals from the Sintashta to the Srubnaya-Alakul cultures period. One of the main conclusions is a hypothesis that children held an important place in the life of these groups throughout the whole period; this attitude towards them was maintained over centuries despite the change of cultural stereotypes and the mortuary rites models.

It is known that the children's burials are well represented in the funeral sites of the Bronze Age in the Southern Urals. However it is only in the recent years and decades that a significant number of high quality publications of the excavation materials from the burial sites of the Sintashta, Petrovskaya, anabranch Srubnaya and Alakul cultures were made. In this connection some problems, which was not possible to formulate before owing to the lack of sources, came to the forefront. The currently available pool of data allowed to move on to the reconstruction and interpretation of the social life of these societies, including the study in addition to the problems of vertical hierarchy and status also the gender and age structures in their dynamics.

The purpose of this work is an attempt to "inscribe" children into the social architecture of societies of the Bronze Age in the Southern Urals and study the possible transformation of their status from the Sintashta to the Srubnaya and the Alakul cultures periods.

It would have been unfair to say that no attention was paid to children's interments in the relevant literature. However the study was as a rule performed at the level of individual cultures, their local variants or archaeological sites [1; 2; 3; 4; 5 etc.]. We believe, that the study of postmortem treatment of children in its dynamics and against a wider background may produce additional information and make social reconstructions more viable.

The analysis is performed along the following lines: (1) the degree of representation of the "non-adults" in

в кладбищенских популяциях; (2) пространственное расположение детских погребений внутри кладбищ; (3) группировка погребенных (индивидуальные, парные, коллективные захоронения); (4) конструкция погребения (включая затраты на его устройство); (5) анализ артефактов (типы, материал, расположение); (6) наличие и состав жертвоприношений животных.

Общими чертами для всего периода, безусловно, является большое количество детских захоронений и, как правило, периферийное расположение последних в погребальных комплексах. Наличие интрамуральных погребений является еще одной общей характеристикой. Остальные позиции демонстрируют очевидные отличия. Количество парных и коллективных погребений детей постепенно снижается, сумма затрат на погребение, включая сопровождение артефактами и жертвоприношение животных, также падает практически до минимума.

Однако эта тенденция к унификации и минимизации погребального ритуала, особенно заметная в срубных памятниках, в той же мере характерна и для погребений взрослых [6, с. 27–28]. В связи с этим представляется очень важным тот факт, что во всех обществах упомянутого этапа бронзового века, дети, даже новорожденные, подвергались такому же посмертному обращению в его главных чертах, что и взрослые. Необходимо упомянуть, что археология, этнография и история знают множество совершенно противоположных примеров. Статус детей в обществах эпохи бронзы Южного Урала было бы некорректным характеризовать в терминах «высокий/низкий». Дети, начиная с самого рождения, были встроены в социальную структуру, и степень заботы коллектива о них, вероятно, была очень высокой. Несмотря на постепенное упрощение ритуала и трансформацию модели погребальной обрядности, можно предположить, что отношение к детям продолжало оставаться в этих обществах стабильным. Возможно, они даже приобрели большую важность и ценность для обществ позднего бронзового века, так как количество детских и, особенно, младенческих захоронений в этот период возрастает по сравнению с синташтинским.

Литература / References:

1. Цимиданов В. В. Возрастная стратификация общества срубной культуры // Матеріали та дослідження з археології Східної України: від неоліту до киммерійців: зб. наукових праць. № 8. Луганськ, 2008. С. 1–31.
2. Куприянова Е. В. К вопросу о причинах детских коллективных захоронений в некрополях бронзового века Южного Зауралья // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2004. С. 82–84.
3. Берсенева Н. А. Социализация детей как одно из направлений социокультурной адаптации в древних обществах (по материалам синташтинской культуры) // Уральский исторический вестник. 2010. № 2. С. 38–45.
4. Усманова Э. Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда, 2005.
5. Шевнина И. В., Ворошилова С. А. Детские погребения эпохи развитой бронзы (по материалам могильника Бестамак) // Этнические взаимодействия на Южном Урале. Челябинск, 2009. С. 59–63.

the graveyard populations; (2) spatial location of children's interments inside the graveyards; (3) grouping of the buried persons (individual, double, multiple burials); (4) interment structure (including the cost of its construction); (5) artifacts analysis (types, material, location); (6) presence and composition of animal offerings.

The common features for the whole period were, by all means, a significant number of children's interments and, as a rule, the peripheral location of the latter within the burial complexes. Presence of intramural interments was another common characteristic. In other positions there were marked differences. The number of double and multiple children's interments was gradually reducing, the amount of funeral costs, including grave goods and animal offerings, was also reducing to a minimum.

However, this trend towards the unification and minimization of mortuary rites, particularly marked in the Srubnaya culture sites, was equally characteristic for the adult interments [6, p. 27–28]. In this connection it appears quite important that in all mentioned here the Bronze Age societies the children, even the newborns, were subject to predominantly the same post-mortem treatment as the adults. It should be noted that archeology, ethnography and history provide a great number of quite the opposite examples. It would not be correct to describe the status of children in the South Ural Bronze Age societies in the "high/low" terms. Children from the very birth were incorporated into the social structure, and the level of the group's care about them was, probably, quite high. Despite the gradual simplification of the ritual and the transformation of the mortuary rites model it may be assumed that the attitude towards children in these societies remained stable. It is even probable that they acquired greater importance and value for the late Bronze Age societies as the number of children's and, particularly, infant interments during this period increased compared to the Sintashta period.

6. Епимахов А. В. *Бронзовый век Южного Урала (экономические и социальные аспекты): автореф. дисс. ... докт. ист. наук.* Екатеринбург, 2010.

УДК 902.01(571.51)

А. В. ВЫБОРНОВ, М. С. НЕСТЕРОВА

Выборнов Антон Васильевич — к. и. н., НГУ
(Россия, Новосибирск). E-mail: vb.anton@gmail.com

Нестерова Марина Сергеевна — НГУ
(Россия, Новосибирск). E-mail: msnesterova@gmail.com

КЕРАМИКА НА СТОЯНКЕ ГОРА КУТАРЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ¹

Ключевые слова: Северное Приангарье, река Кутарей, эпоха неолита, эпоха бронзы, ранний железный век, керамика

Резюме. Представлена керамика, обнаруженная при раскопках стоянки Гора Кутарей в Северном Приангарье. Предлагается группировка по видам орнаментальных мотивов и морфологическим особенностям (форма венчика, профилировка). Выделяется семь групп сосудов, ассоциируемых с керамическими находками эпохи неолита — средневековья.

Стоянка Гора Кутарей располагалась на левом берегу Ангары, ниже устья р. Кутарей, у южной подошвы г. Кутарей, в зоне затопления Богучанского водохранилища в Красноярском крае. Археологические исследования объекта проводились в 2010–2012 гг. Верхний субаэральный включает культурный слой, сохранивший следы антропогенной деятельности эпохи неолита — средневековья. В нем заключены все обнаруженные фрагменты керамических сосудов, составляющие семь основных групп.

1. Закрытые или открытые тонкостенные сосуды с округлым дном. Характерной особенностью является утолщение венчика с внешней стороны подтреугольным в сечении налетом. Толщина стенок у венчика существенно увеличивается. По самому краю среза венчика фиксируется ряд мелких сквозных отверстий, располагающихся поверх наколов или прочерченной линии. Верхняя часть сосудов орнаментирована в отступающее-накольчатой или протраченной технике. Встречаются прочерченные горизонтальные линии, оттиски зубчатого штампа или лопаточки. Композиция завершается вертикаль-

¹ Исследование проведено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 14-28-00045)

A. V. VYBORNOV, M. S. NESTEROVA

Vybornov Anton Vasiljevich — PhD in History, NSU
(Russia, Novosibirsk) E-mail: vb.anton@gmail.com

Nesterova Marina Sergejevna — NSU
(Russia, Novosibirsk). E-mail: msnesterova@gmail.com

CERAMICS OF GORA KUTAREIV CAMP SITE IN THE NORTH ANGARA RIVER BASIN¹

Key words: North Angara river basin, Kutarei river, the Neolithic period, the Bronze Age, the early Iron Age, ceramics

Summary. The study presents ceramics found during the excavations of the Gora Kutareiv site in the North Angara river basin. The authors proposed pottery classification based on types of ornamental motifs and morphological features (rim shape, profile). Seven groups of vessels associated with the ceramic finds of the Neolithic — the Middle Ages were identified.

The Gora Kutareiv site is located on the left bank of Angara downstream from the Kutarei river mouth in the flooding zone of the Boguchny lake in the Krasnoyarsk Krai. The archaeological studies of the site were performed in 2010–2012. The upper subaerial sediments include the cultural layer with some visible traces of the Neolithic — Middle Ages anthropogenic activity. It contains all discovered fragments of ceramic vessels representing seven major groups.

1. Closed or open type thin walled vessels with rounded bottom. Their characteristic feature is a thickening of the rim on the outside with a sub-triangle in the cross section stick on clay ring. The wall thickness at the rim increased significantly. At the very edge of the rim cut there is a number of through holes located above the pin pricks or scratched line. The upper part of the vessels is decorated with the indented pin-prick or trailed ornamental technique. There are some scratched horizontal lines, denticulated stamp or spatula impressions. The composition is completed with vertical impressions made with the same tool. Ceramics with similar morphological and ornamental characteristics is known in historiography under the name “Posolskaya” [1].

¹ The study was financed by the Russian Research Foundation grant (project № 14-28-00045)

ными оттисками того же инструмента. Керамика с подобными морфолого-орнаментальными характеристиками получила в историографии наименование «посольской» [1].

2. Крупные круглодонные тонкостенные формы с прямыми стенками. На срез венчика нанесены косые насечки, овальные вдавления. Сосуды полностью (включая дно) орнаментированы прямолинейными горизонтальными рядами однообразных наклонных оттисков. Чаще всего это насечки, гребенчатый штамп, отпечатки ногтя, оттиски угла лопаточки, овальные вдавления, реже прочерченные линии. Аналогичная керамика относится исследователями к усть-бельскому типу [1; 2].

3. Тонкостенные круглодонные банки открытых и закрытых форм; срез венчика, украшенный вдавлениями или оттисками округлого штампа, чаще всего скошен внутрь и приострен; за счет этого с внутренней стороны формируется «ребро». Характерной чертой данной группы является наличие в верхней части сосуда одного или двух/трех рядов «жемчужин», иногда чередующихся с вдавлениями. Верхняя часть тулова орнаментирована неглубокими вдавлениями, формирующими горизонтальные и вертикальные композиции. Встречаются прочерченные диагональные и вертикальные линии. На внешней поверхности фиксируются заглаженные отпечатки лопаточки. Подобные изделия широко распространены на стоянках Северного Приангарья и относятся к эпохе бронзы [3].

К этой группе также можно отнести «дымокуры» — небольшие круглодонные сосуды с налипшими «ушками», которые представляют собой подпрямоугольные широкие небольшие ручки с отверстием в центре.

4. Тонкостенные круглодонные банки открытых и закрытых форм. Срез венчика чаще всего плоский, украшен вдавлениями, нанесенными боковой округлой стороной палочки, направленной перпендикулярно краям среза, за счет чего формируется небольшой карниз. В верхней части сосуда фиксируется ряд жемчужин или несколько рядов вдавлений округлого или овального штампа. Иногда на поверхности сосудов фиксируются заглаженные следы выбивки. Ближайшая территориальная аналогия из закрытого комплекса — памятник Капонир [4, с. 561].

5. Крупные открытые круглодонные формы с отогнутым наружу округлым венчиком. Часто такие сосуды украшены одним или несколькими налипшими валиками, сформованным пальцами в виде перекрученного шнура или рассеченным оттисками лопаточки или палочки под углом по «ребру» самого валика. Аналогичные насечки на срезе венчика.

6. Тонкостенные открытые сосуды с отогнутым наружу венчиком. Срез венчика округлый, рассечен

2. Large round bottom thin walled shapes with straight walls. The rim is decorated with slanted notches and oval imprints. The vessels are completely (including the bottom) covered with ornaments consisting of horizontal rows of uniform slanted imprints. Most often these are notches, comb stamp, nail impressions, spatula impressions, oval imprints, less often scratched lines. Similar ceramics has been classified by the researchers as the Ust-Belsky type [1; 2].

3. Thin walled round bottomed jars of open and closed shapes; rim edge decorated with imprints or impressions of rounded stamp, most often canted to the inside and sharpened; as a result of which a “rib” is formed on the inside. A characteristic feature of this group is the presence of one or two/three rows of “pearls” in the upper part of the vessel, sometimes alternating with imprints. The upper part of the body is ornamented with shallow impressions forming horizontal and vertical compositions. Some scratched diagonal and vertical lines also occurred. On the outer surface smoothed spatula impressions were registered. This type of pottery is quite common on the sites of the North Angara river basin and attributed to the Bronze Age [3].

The “soothing smudge fire” vessels — small round-bottomed vessels with stick on “tabs”, the sub-rectangular wide small handles with a hole in the center — could also be included in this group.

4. Thin walled round-bottomed jars of open and closed shapes. The rim edge is most often flat, decorated with imprints made with the rounded side of a stick positioned perpendicular to the cut edge, which allowed to form a small overhang. In the upper part of a vessel there are a number of “pearls” or several rows of imprints made by rounded or oval stamp. Sometimes on the vessels’ surface smoothed out traces of knocking-out could be observed. The closest territorial analogue from a closed complex is the Kaponir site [4, p. 561].

5. Large open round bottomed shapes with deflected to the outside rounded rim. Often vessels of this type are decorated with one or several stick-on bolsters hand-built in the form of a twisted cord or cut with the spatula or stick imprints at an angle on the “ridge” of the bolster itself. Similar notches are found on the rim cut.

6. Thin walled open vessels with deflected to the outside rim. The rim cut is rounded, cut with slanted lines imitating a “string”. The vessel’s surface is decorated with parallel horizontal or wavy thin “coating” bolsters. Similar coating-bolster ceramics occurred on the sites which are traditionally attributed to the Tsepansky type [5, p. 161–162].

7. Profiled thin walled vessels the characteristic feature of which is a thickening of the rim with a wide stick-on band decorated with denticulated stamp, round pits

косыми полосками, имитирующими «жгутик». Поверхность сосуда оформлена параллельными горизонтальными или волнообразными тонкими «обмазочными» валиками. Аналогичная обмазочно-валиковая керамика встречается на памятниках, традиционно относящихся к цепаньскому типу [5, с. 161–162].

7. Профилированные тонкостенные сосуды, характерной чертой которых является утолщение венчика широкой наклепной лентой, украшенной зубчатым штампом, поясом округлых ямок, пальцевых зацепов или ногтевых вдавлений. Плоский срез венчика украшен оттисками зубчатого штампа или вдавлениями. Подобная керамика выделяется в карабульский тип [5, с. 162]

Керамические сосуды демонстрируют основные морфологические типы и приемы орнаментации, характерные для Северного Приангарья эпохи неолита – средневековья. Посуда Горы Кутарей имеет черты, отражающие общность ее генезиса. Группа 1 и 2 ассоциируются с неолитическим культурным пластом, группа 3 и 4 – бронзовым веком, 5–7 – широким периодом от раннего железного века до средневековья. Однако отсутствие строгих закономерностей в планиграфическом и стратиграфическом распределении требует крайне осторожной хронологической и культурной атрибуции обнаруженных комплексов.

Литература / References:

1. Бердников И. М. Ключевые аспекты историко-культурных процессов на юге Средней Сибири в эпоху неолита (по керамическим материалам) // Известия Иркутского государственного университета. Сер. Геоархеология. Этнология. Антропология. 2013. № 1 (2). С. 203–229.
2. Иванова Д. П. Усть-бельский тип керамики памятников Устье реки Кутарей и Парта // Археология, этнология и антропология Евразии. Исследования и гипотезы: материалы докладов LII Регион. археол.-этногр. конф. Новосибирск, 2012. С. 92–94.
3. Макаров Н. П. Стоянка Усть-Карабула и вопросы археологии Северного Приангарья // Археологические исследования древностей Нижней Ангары и сопредельных территорий. Красноярск, 2013. С. 130–175.
4. Марченко Ж. В., Гришин А. Е., Гаркуша Ю. Н. Работы 1-го и 2-го Пашинских отрядов в 2010 г. (Кежемский район Красноярского края) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 559–564.
5. Савин А. Н. Керамика многослойной стоянки Парта // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2010. Т. XVI. С. 582–586.

belt, finger pinches or nail impressions. Flat rim cut is decorated with denticulated stamp impressions or imprints. This type of ceramics is classified as the Karabul type [5, с. 162].

Ceramic vessels demonstrate the main morphological types and ornamentation techniques characteristic for the North Angara region of the Neolithic – Middle Ages period. The pottery from the Gora Kutareiv site has features reflecting its common genesis. Groups 1 and 2 are associated with the Neolithic cultural layer, groups 3 and 4 – with the Bronze Age, and groups 5–7 – with a wide period from the early Iron to the Middle Ages. However the absence of strict regularities in the planigraphic or stratigraphic distribution requires very careful chronological and cultural attribution of the discovered complexes.

УДК 902.2(571.15)

С. П. ГРУШИНГрушин Сергей Петрович — д. и. н., АлтГУ
(Россия, Барнаул). E-mail: gsp142@mail.ru**ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПАМЯТНИКОВ У ГОРЫ ТАРАСКИНА
(РУДНЫЙ АЛТАЙ)¹**

Ключевые слова: культурно-хронологические комплексы, археологический микрорайон, Алтай

Резюме. Археологическое исследование памятников в окрестностях г. Тараскина на Рудном Алтае, осуществленные экспедицией Алтайского государственного университета в 2004–2010 гг., выявили несколько культурно-хронологических комплексов, относящихся к энеолиту, бронзовому, раннему железному веку и средневековью. Их характеристике посвящена данная работа.

Рудный Алтай расположен в контактной зоне Восточного Казахстана, Верхнего Приобья и Горного Алтая. Это определило сложность этнокультурных процессов, имевших место в древности и средневековье. В ходе планомерных археологических изысканий Рудно-Алтайской археологической экспедиции под руководством автора в 2004–2010 гг. открыты и исследованы разновременные археологические комплексы, которые демонстрируют синкретизм признаков в исследованных памятниках, характерных для различных этнокультурных ареалов.

К эпохе энеолита отнесены небольшие плоские овальной формы выкладки, исследованные на памятниках Усть-Каменка-III, Усть-Каменка-IV и Усть-Каменка-V. Данные объекты относятся к новому виду ритуальных памятников, неизвестных ранее для энеолита региона. В культурном отношении они связаны с памятниками крохалева, кипринского и ирбинского типов. По радиоуглеродной дате, полученной по углю из выкладки Усть-Каменка-III, данные объекты датируются в интервале 2470–2300 гг. до н. э.

К раннему бронзовому веку отнесен курган № 1 на могильнике Усть-Каменка-II [1]. Его особенность заключается в наличии захоронения в каменном ящике, установленном на уровне древнего горизонта, и сложной двухчастной каменной насыпи.

¹ Работа подготовлена при поддержке гранта Министерства образования и науки РФ (постановление № 220), полученного ФГБОУ ВПО «Алтайский государственный университет», проект № 2013-220-04-129 «Древнейшее заселение Сибири: формирование и динамика культур на территории Северной Азии»

S. P. GRUSHINGrushin Sergey Petrovich — Doctor of History, AltSU
(Russia, Barnaul). E-mail: gsp142@mail.ru**STUDY OF THE PREHISTORIC AND THE MIDDLE AGE
ARCHAEOLOGICAL SITES NEAR TARASKINA MOUNT
(SOUTH-WESTERN ALTAI)¹**

Key words: cultural and chronological complexes, Altai archaeological microregion

Summary. The archaeological study of the sites in the neighborhood of Taraskina mount in south-western Altai performed by the expedition of the Altai State University in 2004–2010 has revealed several cultural and chronological complexes belonging to the Eneolithic, Bronze Age, early Iron and the Middle Ages. The subject of this work is the description of these sites' characteristics.

Rudny Altai is located in the contact zone of Eastern Kazakhstan, Upper Ob region and south-western Altai. This location predetermined the complexity of the ethno-cultural processes occurring in the area in prehistory and in the Middle Ages. In the course of systematic archaeological research of the south-western Altai archaeological expedition under the supervision of the author in 2004–2010 the asynchronous archaeological complexes were discovered which demonstrated certain syncretism of the studied sites' attributes characteristic for different ethno-cultural areas.

The Eneolithic period is represented with two small, flat, oval shaped piles studied on Ust-Kamenka-III, Ust-Kamenka-IV and Ust-Kamenka-V archaeological sites. These objects are attributed to the new type of ritual sites formerly not known in the Eneolithic of the region. Culturally they are related to the Krokhelevsky, Kiprinsky, and the Irbinsky type sites. According to the radiocarbon date obtained from charcoal sample in the Ust-Kamenka-III pile these objects may be dated within the range 2470–2300 BC.

The early Bronze Age is represented by barrow № 1 on Ust-Kamenka-II burial site [1]. Its specific feature is the presence of interment in a stone box placed at the ancient horizon level, and the complex bipartite stone mound. The closest analogues to this type of burial structures were found among the materials of

¹ The study was performed with the financial support of the Ministry of Education and Science RF grant (Resolution № 220) received by the FSEI HVE the "Altai State University", project № 2013-220-04-129 "Ancient settlement of Siberia: emergence and evolution of cultures in the territory of Northern Asia"

Ближайшие аналогии подобным погребальным конструкциям находятся среди материалов чемурчекских памятников Восточного Казахстана и Западной Монголии. Этому не противоречит и обнаруженный в насыпи кургана каменный диск. Данные материалы свидетельствуют о проникновении чемурчекского населения в северные предгорья Алтая в конце III – первой трети II тыс. до н. э. Уникальным объектом является курган № 1 на памятнике Усть-Каменка-IV, в котором обнаружено «захоронение» обогащенной руды. Данный комплекс связан, на наш взгляд, с сакральной деятельностью древних металлургов [2].

К раннему железному веку (V–II вв. до н. э.) относится могильник Гора Тараскина-VI. Полученные данные курганов № 13 и 17: особенности погребального обряда, железные заколки с серебряным навершием находят аналогии в объектах раннего железного века северо-западных предгорий Алтая, в которых сочетаются черты саков Восточного Казахстана, населения лесостепи, степи Обь-Иртышья и Горного Алтая [3, с. 101].

Периодом раннего средневековья датируются курган № 6 могильника Гора Тараскина-V. Захоронение с лошадьёю совершено в подбое, оно сопровождалось комплексом вещей, в состав которого входил обломок китайского металлического зеркала, бронзовые и серебряные подвески, бусы, «копоушка», серьги и др. Предметы находят аналогии в материалах тюркской культуры Горного и сrostкинских памятников Лесостепного Алтая 2-й пол. IX в. – 1-й пол. X в. [4]. Этим же временем определяется и захоронение с лошадьёю в кургане № 2, раскопанное на могильнике Иванов Ключ-I, где обнаружен бронзовый с позолотой амулет, состоящий из двух створок в виде рыбки, а также приклад из двух бусин и китайской монеты из насыпи кургана № 1 могильника Усть-Каменка-II. Монета определяется как «Дали юаньбао». Она отливалась на западных рубежах китайского государства, является специальным выпуском, предназначенным для хождения в Синьцзяне и только в торговых операциях с участием военных.

Средневековый комплекс был исследован в кургане № 5 на могильнике Иванов Ключ-I. Здесь были обнаружены остатки погребения, совершенного по обряду кремации на стороне. Комплекс вещей – железные стремена, удила, два ножа, глиняное пряслице, а также особенности погребального обряда, – позволяют считать данное захоронение кыргызским и датировать его 2-й половиной IX–XI вв. н. э. [5, с. 86].

Полученные материалы значительно расширили источниковую базу древней и средневековой истории Рудного Алтая, а также определили перспективы

the Chemurchek sites of eastern Kazakhstan and western Mongolia. This is supported by the find of a stone disk in the barrow mound. These materials evidence of the penetration of the Chemurchek population into the northern foothills of Altai in the end of the 3rd – first third of the 2nd millennia BC. Another unique object is barrow № 1 on Ust-Kamenka-IV site where a “burial” of enriched ore was found. This complex could be related, in our opinion, to the sacral practices of the ancient metallurgists [2].

The burial ground Gora Taraskina-VI is dated back to the early Iron Age (5th–2nd centuries BC). The data obtained from barrows № 13 and № 17 include: the specifics of the burial ritual, iron pins with silver pomels, analogues to which could be found in the sites of the early Iron Age of the north-west foothills of Altai with a combination of the characteristic features of Sakas of eastern Kazakhstan, the population of forest-steppe, steppe of the Ob-Irtysh rivers basin and the Gorny Altai regions [3, p. 101].

Barrow № 6 of the burial site Gora Taraskina-V is dated back to the early Middle Age. Interment with a horse was made in a niche, it was accompanied by a set of grave goods including a fragment of Chinese metal mirror, bronze and silver pendants, beads, “kopoushka”, ear rings, etc. These artifacts have analogues in the materials of the Turkic culture of Gorny and Srostkino sites of the forest-steppe Altai of the 2nd half of the 9th – 1st half of the 10th centuries [4]. To the same period belonged an interment with a horse in barrow № 2 excavated on burial site Ivanov Klyuch-I, where a bronze gilded two-fold amulet in the shape of a fish, as well as an offering of two beads and a Chinese coin from the mound of barrow № 1 of Ust-Kamenka-II burial site were found. The coin is attributed as “Dali Yuanbao”. It was coined in the western border regions of the Chinese state and was part of a special issue intended for circulation in Xinjiang and used solely for payment in transactions with the military.

The medieval complex was studied in barrow № 5 in the burial ground Ivanov Klyuch-I. Here we found the remains of an interment made in accordance with the ritual of cremation aside from the burial. The grave goods complex – iron stirrups, bridle-bit, two knives, earthenware spindle whorle, as well as the specifics of the burial rite spoke in favor of considering this burial a Kyrgyz one and date it back to the 2nd half of the 9th – 11th centuries AD [5, p. 86].

The obtained materials significantly expand the source base of the prehistoric and medieval history of south-western Altai and define the perspectives of further study of the archaeological microregion in the neighborhood of Taraskina mound.

дальнейшего исследования археологического микро-района в окрестностях Горы Тараскина.

Литература / References:

1. Грушин С. П., Ковалев А. А. Исследования на могильнике Усть-Каменка-II в северо-западном Алтае // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний: материалы XV Междунар. Западно-Сибирской археол.-этнограф. конф. Томск, 2010. С. 140–142.
2. Грушин С. П., Ковалев А. А. Исследование сакрального объекта, связанного с древним горнорудным делом на Алтае // Производственные центры: источники, «дороги», ареал, распространения. СПб., 2006. С. 168–171.
3. Могильников В. А. Курганы раннего железного века Корболиха-X // Охрана и исследования археологических памятников Алтая. Барнаул, 1991. С. 95–102.
4. Грушин С. П., Тишкин А. А. Погребальные комплексы эпохи раннего железа и средневековья северо-западных предгорий Алтая // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2004. Т. X., ч. I. С. 239–243.
5. Тишкин А. А., Горбунов В. В. Культурно-хронологические схемы изучения истории средневековых кочевников Алтая // Древности Алтая. Горно-Алтайск, 2002. № 9. С. 82–91.

УДК 903.43(470.55/58)«637»

A. B. ЕПИМАХОВ

Епимахов Андрей Владимирович — д. и. н.,
Южно-Уральский филиал ИИИА УрО РАН
(Россия, Челябинск). E-mail: eav74@rambler.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИСТЕМ ФОРТИФИКАЦИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СИТУАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ¹

Ключевые слова: бронзовый век Евразии, укрепленные поселения, синхронизация, факторы формирования и поддержания традиции

Резюме. В работе рассмотрены предпосылки (устойчивая экономическая модель, демографические параметры, технологии и пр.), а также стимулы возникновения традиций фортификационного строительства в аридной зоне Евразии. Ключевым фактором стало освоение новой территории группой мигрантов и ее существование в условиях фронта.

Системы фортификации широко представлены в археологических памятниках разных исторических периодов и территорий. Они являются овестьственным остатками деятельности, отражающей *разные* экономические, социальные и идеологические реалии. Появление традиции базируется на сочетании потенциальной возможности такой деятельности для социума и стимулов к ее реализации. Если

¹ Работа выполнена в рамках научно-исследовательской программы «Среда обитания и социокультурное пространство Южного Урала и Зауралья в эпоху палеометалла»

A. V. ЕПИМАКHOV

Epimakhov Andrey Vladimirovich — Doctor of History,
South Ural Branch of the IH&A UB RAS
(Russia, Chelyabinsk). E-mail: eav74@rambler.ru

THE APPEARANCE OF FORTIFICATION SYSTEMS DURING THE BRONZE AGE: REGULARITIES AND SITUATIONAL FACTORS¹

Key words: Bronze Age in Eurasia, fortified settlements, synchronization, factors of evolution and maintaining tradition

Summary. The paper presents a study of the preconditions (sustainable economic model, demography, technology, etc.) as well as the stimuluses for the rise of fortifications construction traditions in the arid zone of Eurasia. The key factor was a new territory development by groups of migrants and their existence under the frontier conditions.

Fortification systems are well represented in the archaeological sites of various historical periods and territories. They are the material remains of human activities reflecting *different* economic, social and ideological realities. The emergence of a tradition is based on a combination of potential capabilities for a certain type of activity in society, and the availability of stimuluses for its actualization. While the capability (resources, technology, demographic parameters of a group) may

¹ The study is performed as part of the research program “Living environment and socio-cultural space of the Southern Ural and the Trans-Ural during the Paleometal period”

возможности (ресурсы, технология, демографические параметры коллектива) поддаются сравнительно надежной оценке, то выяснение причин сооружения оборонительных систем находится в сфере трудно реконструируемых по археологическим данным стимулов и идей.

Мотивы деятельности по «огораживанию» сводятся к обсуждению экономических, социальных, военных, сакральных и астрономических моделей [1, p. 62–63]. Однако наиболее монументальные образцы обычно все же ассоциируются с военной сферой. Согласно современным представлениям, фортификационные сооружения должны создавать защитникам благоприятные условия для ведения военных действий и служить скрытому размещению воинского контингента, оружия и техники, а также защите войск, населения и ресурсов от противника. Для ранних этапов следы военных действий встречаются довольно редко, а предложенные археологические критерии [2] – V-образное сечение рва, усложненные ворота и бастионы для ведения флангового огня – диагностируются с множеством оговорок.

Не является исключением эпоха бронзы степной и лесостепной части Евразии, для которого выделяются два пика фортификационной деятельности. Первый приходится на конец III – начало II тыс. до н. э. (степь); второй – на конец II – начало I тыс. до н. э. (лесостепь). В рамках раннего эпизода, который рассматривается в рамках данной работы, фигурируют бабинская (КМК), синташтинская и петровская культуры. Перечисленные культуры имеют черты сходства, за которыми предполагается их родство. По-настоящему масштабно представлены только памятники Южного Зауралья. Ливенцовская крепость в низовьях Дона [3] выглядит очень ярким, но единичным феноменом, а единичные петровские памятники Северного Казахстана характеризуются сравнительно скромными параметрами [4].

Степные памятники объединяют сопоставимые площади поселений и наличие следов стационарного обитания, близкий технологический уровень, демографические параметры и основы систем жизнеобеспечения. С археологической точки зрения, они решительно разнятся конструкцией, а также числом свидетельств военной активности. Если для Ливенцовской крепости речь идет о более чем шести стах наконечниках стрел, то в коллекциях зауральских и северо-казахстанских поселений они единичны. Таким образом, ответ на вопрос о военном предназначении зауральских объектов не столь очевиден, особенно в свете отсутствия следов соответствующего травматизма в могильниках. Однако есть

be assessed with a sufficient degree of accuracy, understanding of the underlying reasons for the fortifications construction lies in the sphere of difficult to reconstruct from the archaeological data stimuluses and ideas.

The motivation for “enclosing” activities is normally reduced to the discussion of the economic, social, military, sacral and astronomical models [1, p. 62–63]. However the grand examples are nonetheless normally associated with the military sphere. According to modern understanding fortification structures were supposed to create favorable conditions for the defenders’ military actions and serve the purpose of concealed placement of military forces, weapons and equipment, as well as providing protection for the army, the population and resources from the enemy. With regard to the early stages traces of any military activity were found quite rarely, and the proposed archaeological criteria [2] – V-shaped ditch cross section, sophisticated gates and bastions structure offering the cross fire capability – have been diagnosed with lots of qualifications.

The Bronze Age of the steppe and the forest-steppe part of Eurasia, where two peaks of fortification activity have been identified, was no exception. The first peak fell on the end of the 3^d – beginning of the 2nd millennia BC (steppe); and the second – on the end of the 2nd – beginning of the 1st millennia BC (forest-steppe). The first period, which is the subject of this study, was the period of existence of the Babinskaya (MCC), the Sintashta and the Petrovskaya cultures. All mentioned cultures had certain similarities which allowed to presume their kinship. Only the southern Trans-Ural sites are represented on a really large scale. The Liventsovskaya fortress in the lower Don river basin [3] appeared as a very impressive, but isolated phenomenon, and the isolated Petrovskaya sites of Northern Kazakhstan are characterized by relatively modest parameters [4].

A common feature of the steppe sites are the comparable settlement areas and the presence of stationary residence signs, similar technological development levels, demographic parameters and the core life support systems. From the archaeological point of view they are absolutely different in design or the number of military activity evidence. While in the Liventsovskaya fortress there were found over six hundred arrowheads, in the collections of the Trans-Ural and the North Kazakhstan settlements amount only a few arrowheads. Thus the answer presuming the military defense purpose of the Trans-Ural fortifications appears far from obvious given the absence of the corresponding traumas in the burials. However there are also certain counterarguments. First, the lack of special assault appliance and the relevant skills makes this variant of military actions hardly

и контраргументы. Во-первых, отсутствие специальных приспособлений для штурма и сопутствующих навыков делали этот вариант военных действий едва ли возможным. Функцией сооружений было не *противостояние* штурму, а *предотвращение* такового. Во-вторых, наличие специализированного вооружения вкпе с общей институализацией военной сферы демонстрируют ее важность в глазах носителей традиции.

Очевидно, что появление и функционирование традиции должно опираться на весомые основания. Таковыми в данном случае являлись эффективная система жизнеобеспечения, позволявшая осуществить изъятие ресурсов в непроизводительную сферу; высокий технологический уровень; демографические параметры, обеспечивающие возведение, поддержание и защиту сооружений. Все перечисленное оставляет открытым вопрос о *причинах* высокой концентрации населения и взлета военного дела. Представляется, что объяснение может быть предложено в рамках концепции фронта. Группа, оказавшись в результате миграции в новых условиях, вырабатывает и поддерживает культурные стереотипы, отличные от исходных; актуализируются иные социальные структуры (в данном случае военные). Реальность военной угрозы со стороны аборигенного населения вряд ли могла быть оценена адекватно на этапе освоения территории, а военная сфера оказалась закреплена идеологически. В дальнейшем происходит поэтапный отказ и от концентрации населения (неоправданной в условиях животноводческой экономики), и от фортификационного строительства, что документировано сокращением площадей укрепленных поселений на поздних этапах их функционирования.

Литература / References:

1. Chapman J., Gaydarska B., Hardy K. Does enclosure make a difference? A view from the Balkans // *Enclosing the Past: inside and outside in prehistory*. Sheffield, 2006. P. 20–43.
2. Keeley L. H., Fontana M., Quick R. Baffles and Bastions: The Universal Features of Fortifications // *Journal of archaeological Research*. 2007. Vol. 15. Issue 1. P. 55–95.
3. Братченко С. Н. Ливенцовская крепость. Памятник культуры бронзового века. Киев, 2012.
4. Зданович Г. Б. Бронзовый век урало-казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск, 1988.

possible. The function of the structure was not *withstanding* the assault, but the *prevention* the same. Second, the availability of specialized weapons together with the general institutionalization of the military sphere demonstrates its importance in the eyes of the tradition bearers.

It is obvious that the appearance and the functioning of traditions must rest on a strong foundation. In this case this is an efficient sustenance system which made it possible to divert resources into a non-productive sphere; high level of technological development; demographic parameters sufficient for the erection, maintenance and protection of fortifications. However all this leaves open a question about the *reasons* of high concentration of population and the rise of military arts. It seems that the explanation could be offered within the frontier concept. A group which, as a result of migrations, found itself in a new environment developed and maintained culture stereotypes different from the original ones; while different social structures (in this case military) became relevant. The reality of military threat from the aboriginal population could hardly be assessed adequately at the colonization stage, while the military sphere was eventually fixed in the ideology. On later stages there was a gradual departing from both the concentration of population (which was unjustified under the conditions of pastoralist economy), and the construction of fortifications, which was documented by the reduction of the area of fortified settlements at the later stages of their existence.

УДК 902.01(571.12)

О. Ю. ЗИМИНА

Зими́на Оксана Юрьевна — к.и.н.,
ИПОС СО РАН (Россия, Тюмень). E-mail: o_winter@mail.ru

**КОМПЛЕКСЫ КРАСНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ
ПРИИШИМЬЯ И ПРИИРТЫШЬЯ (РЕЗУЛЬТАТЫ
СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)**

Ключевые слова: Приишимье, красноозерская культура, поселение, керамика

Резюме. В работе приводится сравнение комплексов красноозерской культуры переходного времени от эпохи бронзы к эпохе железа в Ишимо-Иртышье. Рассматриваются вопросы принадлежности ишимских комплексов раннему этапу красноозерской культуры.

На территории Приишимья в 1970-х гг. прошлого века были выделены комплексы карьковско-го типа рубежа II–I тыс. до н. э. – VIII–VII вв. до н. э. [1, с. 63–64], которые рассматривались как промежуточные между нижнеобскими и красноозерскими «крестовыми» Прииртышья IX (конец IX) – VII вв. до н. э. [2, с. 123, 126]. В 1980–1990-х гг. в результате изучения новых памятников на территории Приишимья – городища Ефимово 1 и поселения Боровлянка 2 исследователи стали рассматривать ишимские комплексы в рамках красноозерской культуры. Различие между ишимскими и иртышскими комплексами касалось «некрестовых» групп керамики, и было объяснено их разной субстратной основой – бархатовско-сузгунской в Приишимье и сузгунско-ирменской в Прииртышье [3, с. 54; 4, с. 54–55; 5, с. 44]. В целом для территории Ишимо-Иртышья к местным гончарным традициям можно отнести плавную профилировку сосудов и орнаментацию с помощью гребенчатого и гладкого штампов. К пришлой традиции достоверно относятся: форма сосудов с выгнутой дуговидной шейкой и орнамент, нанесенный крестовым штампом – признаки, характерные для атлымской культуры позднего бронзового века Среднего и Нижнего Приобья [6; 7, с. 31–34].

По материалам красноозерской культуры Прииртышья в ней выделяют два этапа. Ранний (хуторборский) этап отражен в материалах памятников южнотаежной зоны и характеризуется сосуществованием двух различных, еще не слившихся, керамических традиций – местной и пришлой. Поздний (инберенский) характеризуется материалами лесостепных поселений. Его своеобразие составляют:

О. YU. ZIMINA

Zimina Oxana Yurievna — PhD in History,
IPDN SB RAS (Russia, Tyumen). E-mail: o_winter@mail.ru

**THE KRASNOOZERSKAYA CULTURE COMPLEXES OF
THE ISHIM AND IRTYSH RIVERS BASIN
(COMPARATIVE ANALYSIS)**

Key words: Ishim river basin, Krasnoozerskaya culture, settlement, ceramics

Summary. The work presents a comparison of the Krasnoozersk culture complexes of the transition period from the Bronze to the Iron Ages in the Ishim and Irtysh rivers basin. The author studied the issues of attribution of the Ishim complexes as the early stages of the Krasnoozerskaya culture.

In the territory of the Ishim river basin the Karkovsky type complexes of the 2nd-1st millennia BC – 8th-7th centuries BC – were mapped in the 1970^s [1, c. 63–64], which were considered to represent a transition between cultures of the Lower Ob river basin and the Krasnoozerskaya with “cross-stamped” pottery of the Irtysh province 9th (end of 9th) – 7th centuries BC [2, p. 123, 126]. In the 1980–1990^s as a result of the study of new archaeological sites over the territory of the Ishim river basin – the Efimovo 1 fortress and the Borovlyanka 2 settlement the researchers started to regard the Ishim river basin complexes as part of the Krasnoozerskaya culture. The difference between the Ishim and the Irtysh rivers complexes was found only in the “non-cross stamp” ceramics groups, and was explained by their different substrate component – the Barkhatovskaya-Suzgunkaya in the Ishim river basin and the Suzgunkaya-Irmenskaya in the Irtysh river basin [3, p. 54; 4, p. 54–55; 5, p. 44]. In general in the territory of the Ishim and the Irtysh rivers the following features could be described as the local pottery traditions – smooth profiling of the vessels and their ornamentation with comb and smooth stamp techniques. The mentioned above types definitely belonged to the alien tradition: the vessels’ shape with arched neck and the cross stamped ornamentation – the features characteristic for the Atlymskaya culture of the late Bronze Age of the Middle and the Lower Ob river basin [6; 7, c. 31–34].

According to the Krasnoozerskaya culture of the Irtysh river basin’s materials it had two development stages. The early (the Khutor Bor) stage is reflected in the materials of the sites over the south taiga zone and is characterized by the coexistence of two distinct,

«...«сетчатая» керамика; керамика, украшенная многорядными горизонтальными линиями, выполненными гладким или гребенчатым штампом, посуда с луночной и отступающе-накопчатой техникой орнаментации, «елочная» и «псевдоструйчатая» (фигурно штампованная) группы» [8, с. 76; 9, с. 28].

Новые материалы, полученные в Приишимье при исследовании поселений Мерген 2, 6, Марай 1, Борки 1, позволяют более полно охарактеризовать красноозерскую культуру и провести сравнение комплексов долины Ишима и Иртыша [10; 11; 12].

Сравнение элементов орнамента и способов их нанесения позволило установить набор характерных признаков для комплексов на территории Ишима (Мерген 2, Ефимово 1, Боровлянка 2, Старо-Масляное) и Иртыша (Хутор Бор 1, Алексеевка XIX, Инберень 5, 6, 7, Новотроицкое 1). Ишимскую группу поселений отличает высокий средний показатель использования крестового штампа, которым наносились ряды оттисков и ромбы, в числе ведущих элементов также горизонтальные елочки и зигзаги, преимущественно из оттисков гладкого штампа. Для прииртышской группы более характерны узоры из гребенчатых оттисков, наколов и в отступающей манере; отличительными элементами декора по результатам анализа можно назвать — наклонные оттиски штампа, вертикальные зигзаги, сетка, горизонтальные линии и сдвоенные ямки. Сравнительный анализ показывает, что, приишимские комплексы имеют наибольшее сходство с материалами жертвенного места Хутор Бор 1 и предвременно могут рассматриваться в рамках раннего этапа красноозерской культуры. При этом в них отражено развитие красноозерской культуры — постепенное увеличение влияния пришлого населения и его интеграция в местную среду. Поздний этап красноозерской культуры в Приишимье представлен материалами поселения Мерген 6, однако его комплекс имеет некоторые отличия от «инберенских» поселений [11].

not yet merged ceramic traditions — the local and the alien ones. The late (the Inberen) is characterized by the forest-steppe settlements materials. Its unique features are: “grid” ceramics; ceramics decorated with multi-row horizontal lines made in smooth or comb stamp techniques, pottery with alveolate and indented pin-prick ornamentation technique, “herringbone” and “pseudo-striated” (ornamental stamp) groups” [8, p. 76; 9, p. 28].

New materials obtained in the Ishim river basin during the study of settlement sites Mergen 2, 6, Maray 1, Borki 1 allowed providing a more detailed characterization of the Krasnoozerskaya culture and compare the complexes from the Ishim and the Irtysh river valleys [10; 11; 12].

Comparison of the pottery decoration and decorative technique made it possible to establish a set of characteristic attributes for the complexes over the territory of the Ishim (Mergen 2, Efimovo 1, Borovlyanka 2, Staro-Maslyanskoye) and the Irtysh (Khutor Bor 1, Alexeevka XIX, Inberen 5, 6, 7, Novotroitskoye 1) rivers. The Ishim group of settlements is characterized by a high average ratio of the cross stamp patterns, with which rows of impressions and rhombs were made, the group of the basic elements also included horizontal herringbones and zigzags, mostly made with smooth stamp impressions. For the Irtysh group the comb stamp, pin pricks and indented technique are more characteristic; distinctive elements of decor identified as a results of analysis of this group are the inclined stamp impressions, vertical zigzags, grid, horizontal lines and double pits. The comparative analysis demonstrates that the Ishim complexes have greater similarity to the materials of the sacrificial place Khutor Bor 1 and could be preliminarily studied as part of the early stage of the Krasnoozerskaya culture. However they reflected the evolution of the Krasnoozerskaya culture — gradual increase of the alien population influence and its integration into the local environment. The final stage of the Krasnoozerskaya culture in the Ishim river basin is represented with the materials of Mergen 6 settlement, however its complex also has certain differences from the settlements of “Inberen” [11].

Литература / References:

1. Генинг В. Ф., Евдокимов В. В. Старо-Масляное поселение // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 57–64.
2. Абрамова М. Б., Стефанов В. И. Красноозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районе новостроек Сибири. Новосибирск, 1985. С. 103–130.
3. Матвеев А. В., Горелов В. В. Основные итоги исследования городища Ефимово 1 // Проблемы поздней бронзы и перехода к эпохе железа на Урале и сопредельных территориях. Уфа, 1991. С. 51–54.
4. Матвеев А. В., Горелов В. В. Городище Ефимово 1: препринт. Тюмень, 1993.
5. Панфилов А. Н., Зах Е. М., Зах В. А. Боровлянка 2 — памятник неолита и переходного от бронзы к железу времени в Нижнем Приишимье // Источники этнокультурной истории Западной Сибири. Тюмень, 1991. С. 25–50.

6. Васильев Е. А. Северотаежное Приобье в эпоху поздней бронзы (хронология и культурная принадлежность памятников) // Археология и этнография Приобья. Томск, 1982. С. 3–14.
7. Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу). Екатеринбург, 2002.
8. Труфанов А. Я. Жертвенное место Хутор Бор 1 (о культурно-хронологическом своеобразии памятников эпохи поздней бронзы лесного Прииртышья) // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 63–76.
9. Шерстобитова О. С. Красноозерская культура в Среднем Прииртышье: динамика развития // РА. 2010. № 4. С. 28–35.
10. Зах В. А., Зимина О. Ю. Ранний комплекс красноозерской культуры поселения Мергень 2 в Приишимье // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень. № 4 (27) С. 49–60.
11. Зимина О. Ю., Скочина С. Н. Комплекс переходного времени от бронзы к железу поселения Мергень 6 в Приишимье // Исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Омск, 2008. С. 187–189.
12. Цембалюк С. И. Хозяйство и быт населения красноозерской культуры по материалам поселения Марай 1 в Нижнем Приишимье // Новые материалы и методы археологического исследования: материалы II междунар. конф. молодых ученых. М., 2013. С. 70–72.

УДК 903.02(571.12)«637»

В. В. ИЛЮШИНА

Илюшина Виктория Владимировна — канд. культурологии, ИПОС СО РАН (Россия, Тюмень). E-mail: vika_tika@mail.ru

ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ У НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ХРИПУНОВСКОЕ 1 В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ)

Ключевые слова: черкакульская культура, керамика, технико-технологический анализ

Резюме. Технологический анализ керамики черкакульской культуры поселения Хрипуновское 1 позволил выявить навыки гончаров на всех этапах гончарного производства. Исследование показало смешанность черкакульского населения в сфере отбора пластичного сырья, составления формовочных масс.

Поселение Хрипуновское 1, расположенное в Исетском районе Тюменской области, исследовалось под руководством Ю. В. Костомаровой в 2008–2010 гг. [1]. Черкакульский керамический комплекс насчитывает около 600 сосудов (по шейкам). Технико-технологическому анализу, проведенному в рамках историко-культурного подхода, разработанного А. А. Бобринским [2; 3], подвергнуто 179 сосудов.

Анализ показал, что гончарами в качестве исходного пластичного сырья (далее — ИПС) использовались природные ожелезненные глины и илестые глины. Глины (ОГ) (39,1 %) в качестве естественных примесей содержат различное количество песка, по некоторым экземплярам зафиксированы

V. V. ILYUSHINA

Ilyushina Victoria Vladimirovna — PhD in Cultural Studies, IPDN SB RAS (Russia, Tyumen). E-mail: vika_tika@mail.ru

POTTERY-MAKING TECHNOLOGY AMONG THE CHERKASKUL CULTURE POPULATION (BASED ON MATERIALS OF KHRIPUNOVSKOJE 1 SETTLEMENT IN THE LOW TOBOL BASIN)

Key words: Cherkaskul culture, ceramics, technico-technological analysis

Summary. The technological analysis of the Cherkaskul culture ceramics from Khripunovskoje 1 settlement made possible identification of the potters' skills at all stages of pottery-making. The study demonstrated a mixed nature of the Cherkaskul population in terms of the clay selection and the temper composition.

Khripunovskoje 1 settlement located in the Iset district of the Tyumen oblast was studied under the supervision of Yu. V. Kostomarova in 2008–2010 [1]. The Cherkaskul pottery complex amounts about 600 vessels (identified on vessels' upper body). The technical and technological analysis is being undertaken for 179 vessels in accordance with the historical and cultural approach developed by A. A. Bobrinsky [2; 3].

The analysis demonstrated that the potters used as their primary raw material (hereinafter PRM) natural ferriferous clay and silty clay. The ferriferous clays (FC) (39,1 %) contains natural admixtures represented with varying amounts of sand, in some samples poorly rounded mineral fragments as well as various ferrous inclusions were also registered.

слабоокатанные обломки минералов, разнообразные железистые включения.

Илистые глины (ИГ) (60,9 %) характеризуются наличием, кроме выше перечисленных естественных компонентов, разрушенных включений раковин речных моллюсков (от 3–4 до 20–45 включений на 1 кв. см), единичных комочков глины с остатками растительности, отпечатков от обрывков стеблей и листьев и семян растений, единично – водорослей, редко – обломков чешуи или косточек рыб.

По степени запесоченности в каждом виде ИПС выделены группы слабозапесоченного, среднезапесоченного и запесоченного сырья. Черкаскульскими гончарами в основном отбирались слабозапесоченные виды ИПС (54,2 %). Различные виды ИПС изменялись в состоянии естественной влажности.

В качестве искусственных примесей выступали шамот (Ш), тальковая и кварцевая (?) дресва (Д), кальцинированная кость (К), дробленая раковина (ДР) и различные органические добавки (О).

Сочетание различных видов ИПС и искусственных примесей в целом позволило выделить 12 рецептов составления формовочных масс: ОГ + Ш + О (23 %); ОГ + Ш + К + О (3,9 %); ОГ + Д + О (3,9 %); ОГ + Ш + Д + О (7,3 %); ОГ + Ш + ДР (0,5 %); ОГ + Ш + Д + К + О (0,5 %); ИГ + Ш (3,4 %); ИГ + Ш + О (47 %); ИГ + Ш + К + О (5 %); ИГ + Д + О (0,5 %); ИГ + Ш + Д + О (4,5 %); ИГ + Ш + Д + К + О (0,5 %).

Данные о навыках конструирования начинов получены лишь по четырём сосудам. Начины изготавливались скульптурной лепкой на плоскости, лишь в одном случае предположительно использование формы-основы. Выявлена одна программа конструирования – донно-емкостная. Для изготовления начинов и полого тела сосудов (данные получены для 20 изделий) использовались лоскуты. Формообразование сосудов осуществлялось с помощью форм-моделей и путем выдавливания пальцами.

Поверхности изделий обрабатывались простым заглаживанием шпателями, штампами, реже – тканью, пальцами, гальками. Внешняя поверхность (82 %), а нередко и внутренняя (41,9 %), подвергались сплошному или локальному (на определенной части сосуда) лощению.

Придание прочности и устранение влагопроницаемости стенок сосудов достигалось путем термической обработки в кострище или очаге, чаще всего с кратковременным действием температур каления глины (не ниже 650°C).

Исходя из всего сказанного выше, возможно заключить следующее. Выявленные различия в навыках отбора сырья, вероятно, могли быть обусловлены

The silty clays (SC) (60,9 %) are characterized by the presence in addition to the mentioned above natural components some crashed river-clam shells admixture (3–4 to 20–45 inclusions per 1 sq.cm), isolated clay nubbles with vegetation remains, impressions made by plants' stem segments, leaves and seeds, in a few instances – algae, and quite rarely – fish scale and bones fragments.

In terms of sand content in each type of PRM groups with low, middle and high sand content were identified. The Cherkaskul potters mostly selected the low sand content PRM types (54,2 %). Various types of PRM were used in natural moisture content condition.

Several artificial admixtures were also used, including grog (G), talc and quartz (?) gruss (G), calcinated bone (C), crashed shell (CS) and various organic inclusions (O).

Analysis of combinations of various types of PRM and artificial admixtures allowed to separate 12 different temper compositions: IC + Ch + O (23 %); IC + Ch + C + O (3,9 %); IC + G + O (3,9 %); IC + Ch + G + O (7,3 %); IC + Ch + CS (0,5 %); IC + Ch + G + C + O (0,5 %); SC + Ch (3,4 %); SC + Ch + O (47 %); SC + Ch + C + O (5 %); SC + G + O (0,5 %); SC + Ch + G + O (4,5 %); SC + Ch + G + C + O (0,5 %).

The data on initial design skills have been obtained for only four vessels. Initial forming was made with the use of pinching technique, and only in one instance presumably some base models were used. One forming program was identified – the bottom-receptacle. The potters used clay slabs technique to make initial design and the hollow body of a vessel (the data was obtained for 20 vessels). The shaping of vessels was done with the help of base models and by means of hand building technique.

The vessels' surfaces were finished by simple smoothing with spatulas, stamps, less frequently – with cloth, fingers and pebbles. The outer surface (82 %), and quite often the inner surface as well (41,9 %) were fully or locally (on certain parts of a vessel) burnished.

The staying and making the walls waterproof was achieved by heat treatment in an open fire or hearth, most often by means of a short-term exposure to clay heat temperatures (at least 650°C).

Summing up the above data the following conclusions could be done: the identified differences in the raw materials selection skills could probably serve as evidence of the existence within the Cherkaskul population at some stage of its evolution of a mix of different cultures groups. In our opinion the diversity of temper compositions is a reflection of the same processes, where two main traditions prevailed: "IC + Ch + O" and "SC + Ch + O", however there is also

смешением в среде черкаскульского населения на каком-то этапе его развития разных культурных групп. Эти же процессы, на наш взгляд, отражает разнообразие составов формовочных масс, где массово представлены две традиции: «ОГ + Ш + О» и «ИГ + Ш + О», но при этом присутствует группа сосудов, изготовленная с использованием тальковой и кварцевой (?) дресвы. Разнообразны и составы формовочных масс шамота, анализ которого показал, что пошедшие на шамот сосуды были изготовлены преимущественно с использованием шамота (76%), но не менее распространенным было и применение дресвы (65,4%). Вероятно, на каком-то из этапов развития черкаскульской культуры шел процесс взаимодействия носителей двух разных традиций, в результате чего могли складываться смешанные навыки составления формовочных масс. С другой стороны, наличие сосудов, изготовленных с применением дресвы, т.е. нехарактерной примеси для гончарства лесостепного Зауралья, а также значительной части сосудов, в которых данный компонент отмечается в составе шамота, позволяет предполагать, что черкаскульское население было пришлым на территории Притоболья.

Исследование способов конструирования посуды позволяет предположить некоторую однородность при изготовлении как начинов (использование одной программы и строительных элементов), так и полого тела.

Сравнение технологической информации по комплексам федоровской культуры Притоболья, полученной нами на настоящий момент, и керамики черкаскульской культуры показывает высокую степень сходства их гончарных систем на всех ступенях производства, включая орнаментацию сосудов.

Литература / References:

1. Илюшина В. В. Гончарное производство населения федоровской культуры Нижнего Притоболья // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2014. Т. I. С. 567–571.
2. Бобринский А. А. Гончарство Восточной Европы. Источники и методы изучения. М., 1978.
3. Бобринский А. А. Гончарная технология как объект историко-культурного изучения // Актуальные проблемы изучения древнего гончарства. Самара, 1999. С. 5–109.

a group of vessels made with the use of talc and quartz (?) gruss. The grog molding compounds were also varied, the analysis demonstrated that vessels used for chamotte preparation were made mostly with the use of chamotte (76%), however the use of gruss was also quite common (65,4%). Apparently at some stage of the Cherkaskul culture evolution there were active contacts between the populations with two different traditions, as a result of which mixed temper composition skills could develop. On the other hand the presence of vessels made with the use of gruss, i. e. non-characteristic additive for the forest-steppe Trans-Uralian pottery, as well as a significant part of vessels in which this component is present as grog, makes it possible to assume that the Cherkaskul population was alien in the Tobol river basin.

The study of pottery-making methods allowed assuming some uniformity in making both the initial designs (use of the same program and construction elements) and the hollow body.

Comparison of the currently available to us technological information for the complexes of the Fedorovskaya culture of the Tobol river basin and the ceramics of the Cherkaskul culture demonstrated a high degree of similarity of their pottery-making process systems at all stages including the vessels ornamentation.

УДК 903.3(571.15)«637»

Ю. Ф. КИРЮШИН, А. В. ШМИДТКiryushin Yuri Fedorovich — д.и.н., АлтГУ
(Россия, Барнаул). E-mail: prezident@asu.ruShmidt Alexander Viktorovich — к.и.н., Шурышкарский
районный музейный комплекс (Россия, пос. Мужж).
E-mail: tison172@mail.ru**МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ
ГУЛЬБИЩЕ***Ключевые слова:* эпоха ранней бронзы, жилище,
навес

Резюме. Поселение Гульбище расположено в лесостепном Алтае. Здесь обнаружены остатки жилища эпохи ранней бронзы. Строение представляло собой полуземлянку округлой формы с одним очагом в центре. Возле северо-западной стенки сооружения зафиксирована яма с керамикой, отходами камнеобработки, сломанными костяными и каменными орудиями. С восточной стороны жилища над входом располагался навес.

Поселение Гульбище (другое название Перешеечное VI) расположено в лесостепном Алтае, на восточном берегу озера руслового происхождения Горькое-Перешеечное, в 3,5 км к ЮЗ от с. Сrostы (Егорьевский район Алтайского края). Со всех сторон озеро окружает лес, вплотную подходящий к воде. Памятник находится на небольшом мысу и по большей части открыт от соснового бора. Его северная и северо-восточная часть граничит с сильно обмелевшим и заболоченным заливом. Размеры мыса 180 × 75 м.

Общая площадь памятника составляет ≈ 0,4 кв. км. На сегодняшний момент на объекте вскрыто 74 кв. м. Хронология археологических комплексов, зафиксированных на поселении, очень широкая — от неолита до средневековья [1; 2; 3]. Наибольший интерес представляет комплекс ранней бронзы, представленный керамикой, каменной индустрией, кусочки шлака и остатками жилища.

К сожалению, жилище раскопано еще не полностью. Судя по тому, что есть в нашем распоряжении, это каркасно-столбовая конструкция типа полуземлянки, углубленная в материк на 0,3–0,4 м. Форма постройки округлая, возможно, овальная. Глубина столбовых ям составляет 0,1–0,5 м. В жилище обнаружен один очаг диаметром 0,9 м и мощностью 0,3 м. Возле северо-западной стенки сооружения зафиксирована яма, видимо, предназначенная для хозяйственных целей. Она углублена в дно жилища на 0,1–0,2 м. Ее ширина 0,65–0,77 м, длина 1,9 м. В яме обнаружены фрагменты керамики, отходы камнеобработки,

YU. F. KIRYUSHIN, A. V. SMIDTKiryushin Yuri Fedorovich — Doctor of History, AltSU
(Russia, Barnaul). E-mail: prezident@asu.ruSmidt Alexander Viktorovich — PhD in History,
Shuryshkary district museum complex (Russia, Muzhi).
E-mail: tison172@mail.ru**EARLY BRONZE AGE MATERIALS FROM GULBISHCHE
SETTLEMENT***Key words:* early Bronze Age, dwelling, fore-roof

Summary. Gulbishche settlement is located in the Altai forest-steppe. On the site the remains of an early Bronze Age dwelling have been found. The structure was a rounded shape semi-subterranean with one hearth in the center. Near the north-west wall of the structure there was a pit with ceramics, lithic waste, broken bone and stone tools. On the east side of the dwelling there was a fore-roof over the entrance.

Gulbishche settlement (another name Pereshechnoje VI) is located in the Altai forest-steppe on the east shore of a channel-origin lake Gorkoje-Pereshechnoje and 3.5 km SW of the Srosty river (Egorjevsky district of the Altai Krai). The lake is surrounded on all sides by forest getting right to the waterline. The archaeological site is located on a small cape and mostly in the open area away from the pine forest. Its northern and north-east parts borders on the significantly shallowed bogged-up bay. The cape size is 180 × 75 m.

Total area of the site is ≈ 0.4 sq. km. At present 74 sq. m of the site area has been excavated. The chronology of the archaeological complexes registered on the settlement is quite wide — from the Neolithic to the Middle Ages [1; 2; 3]. Of a particular interest is the early Bronze Age complex represented with ceramics, lithic industry, slag fragments and a dwelling remains.

Unfortunately this dwelling has not yet been completely excavated. On the basis of the so far available data it may be concluded that this was a frame-pole semi-subterranean house deepened 0.3–0.4 m into the sub-soil level. The shape of the structure was rounded, possibly oval. Depth of the postholes is 0.1–0.5 m. In the dwelling we found one hearth 0.9 m in diameter and 0.3 m deep. Near the north-west wall of the structure there was a pit which apparently served for house-hold needs. It was deepened 0.1–0.2 m into the dwelling floor. Its width was 0.65–0.77 m, length 1.9 m. In the pit there were pottery fragments, lithic waste, broken bone and stone tools. There was no kitchen waste in the pit. Judging by the postholes and the depth of the cultural layer sediments on the east side of the dwelling

сломанные костяные и каменные орудия. Кухонные отбросы в ней не зафиксированы. Судя по столбовым ямкам и глубине залегания культурного слоя, с восточной стороны жилища располагался навес. Здесь же, видимо, был вход в сооружение, обращенный от озера на заболоченный залив. Такое расположение обусловлено господством на данной территории юго-западных ветров. Т.е., вход как бы «спрятали» от ветра. Высокая концентрация находок в этом месте говорит, что именно под навесом осуществлялись все основные хозяйственные работы. Керамика плоскодонная, украшенная гребенчатым штампом, прочерченными линиями, ямочными вдавлениями по всей поверхности. Каменные орудия представлены многочисленными бифасами и изделиями, отражающими принципы призматического расщепления.

В настоящий момент вопрос о культурной принадлежности материалов ранней бронзы поселения Гульбище пока не решен. Керамика имеет определенные сходства с материалами елунинской культуры, датируемой XXV–XVIII вв. до н. э. [4, с. 7]. Однако некоторые элементы орнамента, а также высокоразвитая каменная индустрия, явно указывают на достаточно сложный культурогенез представленного комплекса.

Сейчас в обском левобережье вычленяется серия памятников, которые относятся к ранней бронзе, но не принадлежат елунинской культуре. Это поселения со своеобразной керамикой и высоким уровнем каменной индустрии. По всей видимости, они развивались синхронно елунинским комплексам, занимая разные экологические ниши. Аналогичная картина в это время сложилась в правобережье Оби, где, по мнению специалистов, крохалевская и елунинская культуры могли развиваться параллельно друг другу [5; 6 и др.].

Литература / References:

1. Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А. Памятники неолита и бронзы юго-западного Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 73–117.
2. Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А., Шмидт А. В. Раскопки на многослойном памятнике Гульбище // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2001. Т. VII. С. 303–308.
3. Кирюшин Ю. Ф., Клюкин Г. А., Шмидт А. В. Раннебронзовый комплекс поселения Гульбище // Северная Евразия в эпоху бронзы: пространство, время, культура. Барнаул, 2002. С. 53–58.
4. Грушин С. П. Культура жизнеобеспечения и производства населения степного и лесостепного Обь-Иртышья во второй половине III — первой четверти II тыс. до н. э.: автореф. дис. д-ра. ист. наук. Барнаул, 2013.
5. Зах В. А. Эпоха бронзы Присалаирья: (по материалам Изылинского археологического микрорайона). Новосибирск, 1997.
6. Абдулганеев М. Т. Керамика эпохи ранней бронзы с Алтая // Алтай в эпоху камня и раннего металла. Барнаул, 1985. С. 117–129.

there was a fore-roof. Apparently the entrance was located on the same side facing the bogged-up bay and away from the lake. This position was chosen because of the south-west winds that are prevailing in this territory. That is, the entrance was kind of “hidden” from the wind. High concentration of finds in this area suggested that it was under the fore-roof that most of the household work was done. The pottery is flat-bottomed, decorated with comb stamp, scratched lines, and pit impressions along the whole surface. Stone tools are represented by numerous bifaces and the tools reflecting prismatic knapping technique.

At this stage a question about cultural attribution of the early Bronze Age materials from Gulbishche settlement has not yet been answered. Ceramics has certain similarity to the materials of the Eluninskaya culture dated back to the 25th–18th centuries BC [4, p. 7]. However some ornament elements, as well as the highly developed lithic industry clearly suggested a rather complex cultural genesis of this complex.

At present in the Ob river left bank area a series of archaeological sites is being identified which were dated back to the early Bronze Age but did not attributed to the Eluninskaya culture. These are settlements with unique ceramics and a high level of lithic industry development. Apparently they existed synchronously with the Elunino complexes but occupied different ecological niches. A similar process was formed at that time in the Ob river right bank area where, according to the researchers' opinion, the Krokhalievskaya and the Eluninskaya cultures could develop in parallel [5; 6 and so on].

УДК 902.01(470.5+571.1)

О. Н. КОРОЧКОВА

Короchkova Ольга Николаевна — д.и.н., УрФУ (Россия, Екатеринбург). E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

ИННОВАЦИИ В ПРИСВАИВАЮЩЕМ МИРЕ: МЕТАЛЛ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ¹

Ключевые слова: поздний бронзовый век, Западно-азиатская (Евразийская) металлургическая провинция, сейминско-турбинский феномен, Урал, Западная Сибирь

Резюме. Становление и внедрение металлопроизводства является объективным рубежом в истории дописьменных обществ, знаменуя переход к иному уровню социально-экономического развития и политического устройства. Изучаемый регион в рамках Северной Евразии обладает целым рядом исследовательских преимуществ, т. к. позволяет обратиться к проблемам внедрения производящих технологий в среду населения присваивающего образа жизни, раскрывает дополнительные и необходимые условия интеграции в систему связей культур металлургической провинции, раскрывает ограничения и перспективы производящих инноваций в среде культур-доноров и культур-реципиентов.

Проблема становления и внедрения металлопроизводства в культуру древнего населения, является одной из наиболее актуальных в мировой археологии. Особое место в изучении этих процессов занимает сейминско-турбинский транскультурный феномен. Характерный металл, оригинальные изделия из камня, кости, обнаруженные в разнообразных культурных контекстах, свидетельствуют о своеобразной модели открытия и внедрения металлоносных традиций на территориях, которые составляли буферную зону между миром степных и таежных культур, производящей и присваивающей экономики. Изучаемый регион — горно-лесное Зауралье и южно-таежная зона Западной Сибири — в этом смысле представляет исключительный интерес, т.к. демонстрирует крайние северные рубежи распространения собственного металлопроизводства в Евразии, а также разнообразные примеры внедрения металла в культуру таежного населения. Ситуация становления и развития высокотехнологичных традиций

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 13-06-00202a

O. N. KOROCHKOVA

Korochkova Olga Nikolayevna — Doctor of History, UrFU (Russia, Ekaterinburg). E-mail: Olga.Korochkova@urfu.ru

INNOVATIONS IN THE HARVESTING SUBSISTENCE WORLD: METAL IN THE CULTURE OF THE URAL AND WESTERN SIBERIA POPULATION¹

Key words: late Bronze Age, West Asian (Eurasian) metallurgical province, Seima-Turbino phenomenon, the Urals, Western Siberia

Summary. The emergence and further evolution of metallurgy is an important milestone in the history of preliterate societies marking a transition to a different level of their social and economic development and political organization. The area under study within Northern Eurasia has significant advantages for potential researchers since it gives an opportunity to study the problems of introducing manufacturing technologies into the groups of population with the predominantly subsistence harvesting economy, reveal the supplementary and the indispensable conditions for the integration into the system of cultural ties of the metallurgical province, understand the constraints and the potential of the manufacturing innovations within the donor-cultures and the recipient-cultures environment.

The problem of the evolution and the introduction of metal making techniques into the past population culture is one of the most important ones in the world archeology. The Seima-Turbino transcultural phenomenon is of a particular interest for the study of these processes. The characteristic metal artifacts, the original stone and bone tools found in various cultural contexts evidence of an unique model of the discovery and the assimilation of metal bearing traditions in the territories which formed the buffer zone between the worlds of the steppe and the taiga cultures, the manufacturing and the subsistence harvesting economies. The regions under study — the mountain-forest Trans-Urals and the south taiga zone of Western Siberia — are particularly interesting in this respect since they represented the extreme northern boundaries of the distribution of the metal making tradition in Eurasia, as well as various examples of assimilation of metal by the taiga population cultures. The situation of the emergence and

¹ The study was performed with the support of the RFRF grant № 13-06-00202a.

металлообработки в регионе, лишенном необходимых условий для развития земледелия и скотоводства, представляет уникальную модель развития передовых технологий металлообработки в среде населения преимущественно присваивающего образа жизни.

На территории горно-лесного Зауралья и лесостепного и таежного Обь-Иртышья в последние годы сделан ряд актуальных открытий, которые позволяют вести предметный разговор о специфике вхождения этих районов в систему связей Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции, выяснять модели внедрения металла в культуру населения, проживавшего в лесостепной и таежной зонах, находившегося на различных уровнях социально-экономического развития. Важно подчеркнуть, что сейминско-турбинский компонент сейчас проявляется не только в виде специфических металлических артефактов и специальным образом устроенных мемориалов, но и в других информационных системах (каменная и бронзовая пластика, наскальные изображения, орнамент).

Особое внимание ученых занимают проблемы освоения меднорудных месторождений в древности, способы кооперации производителей и потребителей металла, металлургов и скотоводов. Урал в этом ракурсе рассматривается как один из предпочтительных исследовательских полигонов, т.к. позволяет проследить и понять причины, специфику позднего включения региона в металлоносную историю Евразии.

Местные ландшафты не способствовали развитию скотоводства и земледелия, и даже привнесенный характер животноводства не в состоянии был сильно изменить картину. Основные пищевые стратегии развивались, скорее всего, в типичных для региона направлениях: рыболовство, охота, собирательство. Но здесь были идеальные условия для развития горного дела и металлообработки, что, по видимому, оценили представители мигрировавшего через эти территории сейминско-турбинского клана (кланов?). Именно поэтому здесь наблюдается своего рода парадокс — развитие авангардной технологии металлообработки в среде населения преимущественно присваивающего образа жизни. Реконструируемая ситуация обусловлена рядом факторов: сырьевым и коммуникационным.

Предложенная модель развития и становления самостоятельного производящего центра в горно-лесном Зауралье, основанного на передовой для эпохи бронзы технологии тонкостенного втульчатого литья (сейминско-турбинской), демонстрирует глобальные и локальные аспекты

the evolution of high technology metal working traditions in the region which did not have the necessary conditions for the development of agriculture or cattle breeding represented a unique development model for the evolution of advance metal working technologies among the groups of predominantly subsistence harvesting population.

In the territory of the mountainous-forest Trans-Urals and the forest-steppe and taiga Ob-Irtysh rivers basin a number of important discoveries have been made in the recent years which contributed to a meaningful discussion of the specifics of accession of these regions into the system of relationships within the West Asian (Eurasian) metallurgical province, clarify the models of metals assimilation into the culture of population groups living in the forest-steppe and the taiga zones which were at the time going through different stages in their social and economic development. It is important to emphasize that the Seima-Turbino component is manifested not only in the form of specific metal artifacts and the memorial places organized in a special way, but also in other information systems (stone and bronze items, petroglyphs, ornaments).

Researchers pay a particular attention to problems of the development of copper ore deposits in prehistory, the forms of metal producers and metal consumers, the metallurgists and the herders cooperation. The Urals is viewed in this light as one of the preferred research area since it offers opportunities for tracing and understanding the specifics of the late inclusion of the region into the metal-bearing history of Eurasia.

Local landscapes did not facilitate cattle breeding or agriculture development, and even the imported nature of cattle breeding could change the situation significantly. Main food strategies developed rather in the typical for the region areas: fishing, hunting and gathering. However the region offered ideal conditions for the development of mining and metal working which, apparently, was appreciated by the representatives of the Seimina-Turbino clan (clans?) migrating through these territories. That is exactly why a kind of paradox may be observed here — the evolution of advanced metal working technologies within the groups of population with the prevailing subsistence harvesting economy. The situation reconstructed by the researchers is predetermined by a number of factors: raw materials availability and communications factor.

The proposed model for the emergence and evolution of independent production centers in the mountainous-forest Trans-Ural based on the state-of-the-art for the Bronze Age technology of thin-walled

становления производящей экономики в Евразии, особый статус привнесенного металлопроизводства, способного развиваться в нетипичной для него обстановке присваивающего землепользования, при условии тесных интегрирующих связей с соседними производящими центрами андроновского мира.

УДК 902.01(470.55)«637»

С. Е. ПАНТЕЛЕЕВА

Пантелеева Софья Евгеньевна — к.и.н., ИИА УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: SPanteleyeva@mail.ru

БЫТОВАЯ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ КЕРАМИКА СИНТАШТИНСКОГО ТИПА: СООТНОШЕНИЕ КОМПЛЕКСОВ

Ключевые слова: Южный Урал, бронзовый век, синташтинская культура, керамика

Резюме. В работе представлены результаты сравнительного анализа коллекций синташтинской керамики укрепленного поселения Каменный Амбар и синхронного могильника Каменный Амбар-5. Сделано предположение, что для помещения в погребальные камеры намеренно отбиралась часть поселенческой посуды. Основными критериями отбора могли являться функция сосудов и их принадлежность определенным индивидуумам.

В настоящее время накоплены значительные массивы информации и получены определенные результаты в области изучения керамического производства носителей синташтинской культуры. Но, в зависимости от научных целей и интересов исследователей, аналитическим процедурам подвергались либо поселенческие, либо погребальные коллекции. Справедливым представляется утверждение, что полноценная характеристика любого керамического комплекса возможна только с учетом обоих компонентов. С целью восполнения данного пробела, был проведен сравнительный анализ синташтинской керамики из коллекций укрепленного поселения Каменный Амбар и могильника Каменный Амбар-5. Оба памятника расположены в Карталинском районе Челябинской области на противоположных берегах р. Карагайлы-Аят и рассматриваются исследователями как синхронные [1; 2]. Сопоставление комплексов производилось на трех уровнях: технологическом (состав формовочных масс), морфологическом и орнаментальном.

insert-type casting (Seimo-Turbin) reflects both the global and the local aspects of the evolution of the manufacturing economy in Eurasia, the specific status of imported metal production industry capable of developing in the unusual for this industry environment of subsistence harvesting economy in the presence of close integrating ties with the neighboring manufacturing centers of the Andronovo world.

S. E. PANTELEYEVA

Panteleyeva Sofia Evgenjevna — PhD in History, IH&A UB RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: SPanteleyeva@mail.ru

SETTLEMENT AND RITUAL SINTASHTA TYPE CERAMICS: RELATIONSHIP BETWEEN THE COMPLEXES

Key words: Southern Urals, Bronze Age, Sintashta culture, ceramics

Summary. The paper presents the results of comparative study of the Sintashta ceramics' collections from the fortified settlement Kamenny Ambar and the synchronous burial ground Kamenny Ambar-5. The proposed assumption is that part of the settlement pottery was intentionally selected for placement into the interment chambers. Main selection criteria could be the vessels' function and their belonging to certain individuals.

At present significant amount of information has been accumulated and certain results obtained from the study of ceramics manufacturing practices by the Sintashta culture population. However depending on the academic goals and the sphere of interest of the researchers the studies focused either on the settlement or on the burial site ceramics. It would be fair to assume that a comprehensive characteristic of any ceramics complex could be made possible only on the basis of both components study. In order to fill in this gap we performed a comparative analysis of the Sintashta ceramics from the collections of the fortified settlement Kamenny Ambar and the burial ground Kamenny Ambar-5. Both sites are located in the Kartaly district of the Chelyabinsk Oblast on the opposite banks of the river Karagajly-Ayat, and were considered by the researchers to be synchronous [1; 2]. Comparison of the complexes was made on three levels: technological (temper composition), morphological and ornamental.

Comparative analysis of the temper composition of the settlement and the burial ground pottery demonstrates

Сравнительный анализ состава формовочных масс керамики поселения и могильника показал, что в качестве основной примеси использовалась тальковая древа. Тальк преобладает в простых (однокомпонентных) и присутствует почти во всех сложных (многокомпонентных) рецептах. Рецепты с примесью раковины составляют до 30 % в выборках. Посуда поселения отличается значительной долей сложных рецептов с шамотом (более 40 %). В свою очередь, особенностью керамики могильника является наличие простых и сложных рецептов, содержащих в составе примесь слюды (около 20 %).

Существенные различия наблюдаются в типологическом составе изделий. В коллекции могильника почти все емкости представлены горшками (96,6 %), в коллекции поселения на долю горшков приходится только чуть более половины всех сосудов (51,4 %). При этом в составе бытовой посуды преобладают плавнопрофилированные изделия, а в составе погребальной — острореберные. Керамика могильника отличается тем, что треть горшков имеет короткую слабо отогнутую шейку, не имеющую внутренне ребра при переходе к плечу. Такие изделия в составе коллекции поселения не выявлены.

В процессе сравнительного анализа орнамента было установлено, что хотя для декора бытовой и погребальной посуды использовался один и тот же набор основных элементов, частота их употребления заметно различается между комплексами. Отличается и построение орнаментальных композиций. Характерной особенностью керамики поселения является орнамент в виде чередующихся валиков и желобков, дополненный разнообразными элементами. Такой декор покрывает почти треть сосудов. Среди популярных композиций также можно выделить крупные заштрихованные треугольники вершиной вниз, расположенные в верхней части горшков, а также сплошное орнаментирование верхней части сосудов горизонтальной «елочкой». Еще одним ярким отличием бытовой посуды является украшение внутренней поверхности шейки. Декор посуды могильника, несмотря на вариативность, присущую синташтинскому типу, подчинен определенному канону. Основная композиция, представленная множеством вариантов, — это зональный орнамент из зигзагов и геометрических фигур (преимущественно заштрихованных треугольников вершиной вверх), ограниченный горизонтальными линиями или поясками наколов.

В результате проведенного анализа можно заключить, что бытовая и погребальная керамика синташтинского типа в целом существенно различается по своим технологическим, морфологическим и

that talcum was used as a main admixture. Talc is prevailing in the simple (single-component) and present in almost all compound (multi-component) compositions. The compositions with the admixture of shells amount to 30 % in the samples. The settlement's pottery is distinguished by a significant part of compound compositions with grog (over 40 %). In its turn, the specific feature of the burial ground ceramics is the presence of both simple and compound compositions containing mica (about 20 %).

Significant differences have been observed in the typology of the vessels. In the ritual pottery collection almost all vessels are represented with pots (96,6 %), while in the settlement collection the share of pots was only a little bit over one half of all vessels (51,4 %). At the same time in the settlement collection most of the vessels are smooth profiled, and in the burial ground collection — with sharp ribs. For the burial site ceramics it is characteristic that one third of the pots have a short, slightly canted neck without an inner rib at the transition from neck to shoulder. No such items were found in the settlement collection.

In the process of comparative analysis of ornamentation it was established that even though one and the same set of principle elements has been used for decoration the settlement and the ritual ceramics, the frequency of their use differed significantly between the complexes. The composition of decorative patterns is also different. A characteristic feature of the settlement ceramics is the ornament in the form of alternating bolsters and grooves complemented by various elements. This decor covers almost one third of the vessels. Among the frequent compositions the large, hatched, top down triangles in the upper part of the pots could also be marked, as well as the all-over ornamentation of the upper part of the vessels with the horizontal "fir trees". Another significant distinction of the settlement pottery is the decoration of the inner side of the neck. The decoration of the ritual ceramics, despite the typical for the Sintashta type variations, followed a certain canon. Main composition represented in numerous variations is a zonal ornament made of zigzags and geometric figures (mostly hatched, top up triangles) confined by horizontal lines or pin-prick belts.

As a result of the undertaken analysis it may conclude that the settlement and the ritual Sintashta ceramics are in general significantly different by their technological, morphological, or ornamental characteristics. At the same time a number of vessels from different complexes demonstrate strong similarity and are almost identical.

According to A. V. Epimakhov half of the vessels from the burial ground have traces of previous use [1, p. 161]. This fact, as well as the shape and the relatively

орнаментальным характеристикам. В то же время, ряд изделий из разных комплексов демонстрирует сильную близость, вплоть до идентичности.

По сведениям А. В. Епимахова, половина сосудов могильника имела следы эксплуатации [1, с. 161]. Данное обстоятельство, а также формы и сравнительно небольшой размер изделий позволяют сделать вывод, что это была столовая посуда, возможно, индивидуального назначения, которая могла использоваться еще при жизни индивидуумов. Таким образом, можно предположить, что какая-то часть бытовой керамики намеренно отбиралась для помещения в погребальные камеры. Стилистические особенности этой посуды наводят на мысль о существовании определенных норм и правил, регламентирующих состав погребальных наборов. Представляется весьма вероятным, что селективный принцип отбора сосудов связан с селективным принципом отбора индивидов для похорон в пределах подкурганной площадки.

Литература / References:

1. Епимахов А. В. Ранние комплексные общества севера Центральной Евразии (по материалам могильника Каменный Амбар-5). Челябинск, 2005. Кн. 1.
2. Археологическое исследование укрепленного поселения Каменный Амбар (Ольгино)/Корякова Л. Н. [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. № 4 (48). 2011. С. 61–74.

УДК 902(470.55/58)

Н. С. САВЕЛЬЕВ

Савельев Никита Сергеевич — к. и. н.,
ИИЯЛ УНЦ РАН (Россия, Уфа). E-mail: sns_1971@mail.ru

О ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ЛЕСНЫХ
И ЛЕСОСТЕПНЫХ КУЛЬТУР НА УРАЛЕ
В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА

Ключевые слова: меридиональная природная поясность, кочевники скифо-сарматского времени, население лесостепи, лесные охотники и рыболовы

Резюме. Показано, что центральная часть гор Южного Урала с прилегающими предгорьями (от 550° до 530° с. ш., около 250 × 250 км) является особой трансзональной территорией, на которой в непосредственном окружении мира степных кочевников проживали достаточно многочисленные группы лесного и северо-лесостепного населения.

Предложенная тема имеет принципиально важное значение для археологического изучения Южного Урала, под которым понимается собственно горная страна с прилегающими к ней равнинами Приуралья и Зауралья. Трансзональное положение гор Южного Урала привело к значительной

small size of the pots made it possible to assume that these vessels were everyday pottery for specific purposes which could have been used even during the lifetime of the individuals. Thus we can assume that certain part of the settlement ceramics was intentionally selected for placement into the burial chambers. Stylistic features of this pottery prompt an idea of the existence of certain norms and rules regulating the grave goods composition. It appears quite probable that the selection principle for the vessels selection was related to the selection principle for selecting the individuals to be buried under the barrow.

N. S. SAVELJEV

Saveljev Nikita Sergejevich — PhD in History,
IFLL URC RAS (Russia, Ufa). E-mail: sns_1971@mail.ru

SOUTHERN BOUNDARY OF FOREST AND
FOREST-STEPPE CULTURES IN THE URALS
DURING THE EARLY IRON AGE

Key words: meridional geographical belt, Scythian-Sarmatian nomads, forest-steppe population, forest hunters and fishermen

Summary. It is demonstrated that the central part of the Southern Ural mountains with the adjoining foothills (from 550° to 530° n. l., about 250 × 250 km) was a trans-zonal territory closely surrounded by the world of steppe nomads and occupied by sufficiently large groups of forest and forest-steppe population.

The proposed topic is of great importance for the archaeological study of the Southern Ural understood as the highland itself with the adjoining plains of the Cis-Urals and the Trans-Ural. The trans-zonal position of the Southern Ural mountains explains a significant deformation of the latitudinal geographic belts distribution more characteristic for the open plains and the formation of

деформации широтной природной поясности, характерной для открытых равнин, и формированию «вертикальной» зональности [1; 2, с. 13]. Обтекание горной страны с запада и востока полосой лесостепи (в т. ч. и северной) и ее непосредственное примыкание к южной лесостепи и собственно степной зоне [3, с. 88; 4, с. 24–25] делает невозможным формирование в центральной части Южно-Уральского региона какой-либо этнокультурной монотонности [2, с. 13].

Южная граница полосы плотного освоения оседлого населения на равнинах Приуралья и Зауралья примерно соответствует 550° с. ш. (с запада на восток: р. Ик в Шаранском районе Башкортостана – Благовещенск – Миасс – Челябинск). Для Зауралья это граница северной и южной лесостепи [3, с. 70, 88], для Приуралья – верховья и среднее течение небольших притоков р. Белая в ее левобережье и максимальное сужение долины в ее правобережье [4, с. 63].

К югу от 550° с. ш. продвижение северных групп населения шло по трем основным направлениям – 1) по узкой полосе северной лесостепи, вытянутой вдоль западного края гор до выхода р. Белая из горного каньона (северо-восточная оконечность степных возвышенностей Общего Сырта); 2) по узкой полосе предгорной лесостепи и горно-лесостепной зоны горного массива Ирендык-Крыкты, простирающейся от истоков р. Миасс до истоков р. Сакмара; 3) по долине р. Белая, пересекающей по диагонали горно-лесную зону Южного Урала – от широты верховьев р. Урал до выхода из гор в южной лесостепи Приуралья [2].

Первое направление на протяжении первой половины – середины I тыс. до н. э. активно использовалось маклашевскими, постмаклашевскими и различными ананьинскими группами, мигрировавшими на Среднюю Белую из Нижнего Прикамья и Средней Волги. Результатом стало формирование в лесостепном Приуралье курмантауской и кара-абызской культур и яркая «сарматизация» последней. Дополнительным включением в эту среду являлся зауральский иткульский компонент, проникавший в предгорную лесостепь Приуралья по т. н. «трансуральскому пути» [5, рис. 2, 20–23]. Смещение в V–IV вв. до н. э. курмантауского населения на юг привело его к очень плотному освоению горного каньона р. Белая, причем глубина проникновения составляла не менее 100 км.

Второе направление, являющееся южным продолжением коммуникационного озерного узла Иткуль-Чебаркуль [2, с. 11], полностью связано с проникновением гамаюнского и иткульского населения. Наиболее южные из известных памятников расположены на широте Магнитогорска (Мурат, Сабакты III,

the “vertical” zonal structure [1; 2, с. 13]. The fact that the highlands are surrounded from the west and the east by a forest-steppe band (including the northern one) and its close bordering on the southern forest-steppe and the steppe zone itself [3, p. 88; 4, p. 24–25] precluded the formation in the central part of the South Ural region of any ethno-cultural uniformity [2, p. 13].

The southern boundary of dense settlement by the sedentary population in the Cis-Urals and the Trans-Ural plains went by approximately 550° n. l. (west to east: the river Ik in the Sharan district of Bashkortostan – Blagoveshchensk – Miass – Chelyabinsk). For the Trans-Ural this is the border between the northern and the southern forest-steppe [3, p. 70, 88], for the Cis-Urals – the headwater and midstream of small tributaries of the Belaya river in its left bank area and the maximum narrowing of the valley in its right bank [4, p. 63].

South of 550° n. l. migration of the northern groups of population moved along three main directions – 1) the narrow strip of the northern forest-steppe stretching along the western edge of the mountains up to the exit of the Belaya river from the canyon (the north-east tip of the steppe Obshchy Szyrt uplands); 2) along the narrow strip of the forest-steppe foothills and the mountainous forest-steppe zone of the mountain ridge Irendyk-Krykty stretching from the headstream of the Miass river to the headstream of the Sakmara river; 3) along the Belaya river valley crossing diagonally the forest-steppe zone of the Southern Ural – from the latitude of the headstream of the Ural river to an exit from the mountains in the southern forest-steppe of the Cisurals [2].

During the first half – middle of the first millennium BC the first direction was actively used by the Maklashevsky, post Maklashevsky and various Ananjino groups migrating to the midstream Belaya area from the Lower Kama and the Middle Volga basins. The result was the formation in the forest-steppe Cis-Urals of the Kurmantauskaya and the Kara-Abyzskaya cultures and the pronounced “Sarmatization” of the latter. An additional inclusion into this environment was the Trans-Uralian Itkul component penetrating into the foothill forest-steppe of the Cis-Urals along the so-called “Trans-Ural road” [5, fig. 2, 20–23]. The shift of the Kurmantaus population south in the 5th–6th centuries BC resulted in a very dense settlement in the canyon of the Belaya river, where the penetration depth was at least 100 km.

The second direction, which was a southern extension of the communication lakes` node Itkul-Chebarkul [2, p. 11], was closely connected to the penetration of the Gamayun and the Itkul populations. The southernmost and the best known archaeological sites are located at the latitude of Magnitogorsk (Murat, Sabakty III,

Банное-6 а и др.). Учитывая крайне слабую обследованность края гор Южного Зауралья, можно говорить о высокой степени освоения данной территории гамаюнским и иткульским населением.

Третье направление проникновения северного населения далеко на юг, фактически являющееся самостоятельным ответвлением второго, объединяет зауральский и приуральский векторы движения. Горная долина Белой использовалась тем же населением гамаюнской и иткульской культур. Естественной южной границей этой экологической ниши является выход Белой из горного каньона (место расположения крупного базового поселения Азануй), где к горам примыкают волнистые степи с многочисленными памятниками савромато-сарматского времени.

Таким образом, ландшафтные особенности показывают, что центральная часть гор Южного Урала с прилегающими предгорьями (от 550° с. ш. до 530° с. ш.), являлась в эпоху раннего железа зоной расселения исключительно лесных и северолесостепных групп населения. Размеры этой территории 250 × 250 км (около 60 000 кв. км).

Наличие крупного «северного» массива, включающегося в степную зону, приводило к значительному воздействию как кочевников на оседлое население, так и наоборот. Для внутренних районов горно-лесной зоны какие-либо контакты с кочевниками отсутствуют, более того, прослеживается формирование этнокультурных реликтов и накопление северных компонентов. Последнее подтверждается как близкими по времени материалами с соседних территорий [2, с. 19–20], так и этнографическими данными – башкирское население этих мест в своей традиционной культуре сохранило много специфических сибирских (палеоазиатских, самодийских и угорских) черт.

Рассмотренный историко-географический этюд показывает специфику протекания этнокультурных процессов в пределах крупных трансзональных территорий и их сильном влиянии на ход исторических событий как минимум на межрегиональном уровне.

Литература / References:

1. Шитова С.Н. Сибирские таежные черты в материальной культуре и хозяйстве башкир // Этнография Башкирии. Уфа, 1976. С. 49–94.
2. Савельев Н.С. На границе Европы и Азии: факторы геокультурного развития Южного Урала // Антропология башкир. СПб., 2011. С. 11–24.
3. Левит А.И. Южный Урал: География, экология, природопользование: уч. пособ. Челябинск, 2001.
4. Членова Н.Л. Распространение и пути связей древних культур Восточной Европы, Казахстана, Сибири и Средней Азии в эпоху поздней бронзы // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (История и культура). М., 1981. С. 22–33.
5. Физико-географическое районирование Башкирской АССР // Уч. зап. БГУ. Т. XVI. Сер. географ. № 1. Уфа, 1964.

Bannoje-6a, etc.) Even taking into account the very poorly researched nature of the South Urals highlands we still may assume a high density of settlement in this territory of the Gamayun and the Itkul populations.

The third direction of the penetration of the northern population far into the south, which, in fact, was a branching off of the second one, combined the Trans-Urals and the Cis-Urals migration vectors. The mountain valley of the Belaya river was used by the same population of the Gamayun and the Itkul cultures. The natural southern border of this ecological niche was the exit of the Belaya river from the canyon (the location of a large basic settlement Azanuy), where the mountains were bordering on wavy plains with numerous Sauro-matian-Sarmatian sites.

Thus the specifics of the landscape suggested that the central part of the Southern Ural mountains with the adjacent foothills (from 550° n. l. to 530° n. l.) was during the early Iron Age a zone of migration and settlement of exclusively the forest and the northern forest-steppe groups of population. The size of this territory is 250 × 250 km (about 60 000 sq. km).

The existence of a large “northern” ridge wedging into the steppe zone resulted in a significant influence of nomads on the sedentary population and vice versa. In the inner regions of the mountainous-forest zone there were practically no contacts with the nomads, moreover, there were signs of the formation of ethno-cultural relics and the accumulation of the northern components. The latter is confirmed by both close in time materials from the neighboring territories [2, p. 19–20], and the ethnographic data - the Bashkir population of these areas preserved in their traditional culture a lot of specific Siberian (Paleo-Asian, Samoedic and Ugrian) features.

This historical and geographic essay serves as a demonstration of the specifics of the ethno-cultural processes development within the boundaries of large trans-zonal territories and their significant effect on the course of historical events at least on the interregional level.

УДК 903.05(470.5+571.1)«637»

И. А. СПИРИДОНОВСпиридонов Иван Андреевич — ИИИА УрО РАН
(Россия, Екатеринбург). E-mail: Z-IS5@mail.ru**О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ
САМУСЬСКО-КИЖИРОВСКОГО ТИПА¹**

Ключевые слова: Урал, Западная Сибирь, самусь-кижирово, сейминско-турбинский феномен, Шайтанское Озеро II

Резюме. Работа посвящена некоторым аспектам металлообработки постсейминского типа, выделенного, в первую очередь, на материалах Томского Приобья и ряда случайных находок с территории горно-лесного Зауралья. Значительный вклад в его изучение внесли материалы памятника Шайтанское Озеро II.

Представления о металлообработке типа самусь-кижирово (СК), первоначально основывались преимущественно на материалах, полученных в ходе исследования памятника Самусь IV, и ряде случайных находок с территории Зауралья и Западной Сибири [1, с. 145]. За последнее десятилетие количество предметов, относимых к СК типу металлообработки, увеличились более чем в 4 раза. Во многом это связано с открытием святилища Шайтанское Озеро II [2, с. 87, 3, рис. 4–11; 4, с. 60], а также открывшимися возможностями атрибуции ряда случайных находок с территории горно-лесного Зауралья и Южного Урала [2, с. 95; 3, с. 75]. Столь существенное увеличение источниковой базы позволяет по-новому взглянуть на некоторые особенности СК металлообработки, развивавшейся в рамках Западноазиатской (Евразийской) металлургической провинции.

Обращает на себя внимание локализация большей части предметов на двух памятниках: Шайтанское Озеро II (Среднее Зауралье) и Самусь IV (Среднее Приобье). При этом нельзя не заметить существенные различия в материале данных памятников. Если на поселении Самусь IV свидетельства металлопроизводства представлены преимущественно литейными формами кельтов и наконечников копий [5, рис. 6–8, 10, 11, 33, 45], то на Шайтанском Озере II это исключительно металлические изделия, среди которых преобладают кельты и ножи (ножи-кинжалы) [3, рис. 4–11].

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ №13-06-00202 а

I. A. SPIRIDONOVSpiridonov Ivan Andrejevich — IH&A UB RAS
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: Z-IS5@mail.ru**ON SOME ASPECTS OF METAL WORKING OF
THE SAMUS-KIZHIROVSKY TYPE¹**

Key words: Urals, West Siberia, Samus-Kizhirovsky, Seima-Turbino phenomenon, Shaitanskoje Lake II

Summary. The paper describes certain aspects of post-Seima type metal working techniques found primarily on the materials from the Tomsk of Ob river basin and a number of random finds from the territory of mountainous-forest Trans-Urals. Significant contribution to this study is presented by the materials from Shaitanskoje Lake II site.

Our knowledge of the Samus-Kizhirovsky (SK) metal working technique was originally based primarily on the materials obtained in the process of Samus IV site study and a number of random finds from the territory of the Trans-Urals and West Siberia [1, p. 145]. In the past decade the number of items attributed to the SK type of metal working has grown more than 4 times. This is in many respects related to the discovery of a sacred place Shaitanskoje Lake II [2, p. 87, 3, fig. 4–11; 4, p. 60], as well as the new possibilities of random finds from the territory of mountainous-forest Trans-Urals and the southern Ural attribution [2, p. 95; 3, p. 75]. This significant increase of the source base allows to take a new outlook at some aspects of the SK metal working type which developed within the West Asian (Eurasian) metallurgical province.

The first thing that drew attention is the localization of large part of items in two sites: Shaitanskoje Lake II (Middle Trans-Urals) and Samus IV (Middle Ob river basin). However there are also some marked differences in the materials from these archaeological sites. While in Samus IV the evidences of metal production are represented predominantly with celts and spear points casting molds [5, fig. 6–8, 10, 11, 33, 45], in Shaitanskoje Lake II these are exclusively metal items with the domination of celts and knives (dagger-knives) [3, fig. 4–11].

Excavations of the recent years allowed to expand significantly the number of SK-type tools categories as a result of inclusion of such categories as: dagger-knives

¹ The study was performed with the support of the RFRF grant № 13-06-00202 a

Раскопки последних лет позволяют существенно расширить количество категорий инвентаря СК типа, за счет включения таких орудий как: ножи-кинжалы с прилитыми рукоятками, а также цельнолитые, «втульчатые чеканы», наконечники копий с оформленным в виде раструба основанием втулки, долота, крюки, ножи-пилки, скобели, украшения. Однако такое расширение в настоящий момент правомерно только в пределах Среднего Зауралья и прилегающих территорий, где связь подобных изделий с СК бронзами неоспорима. Тогда как новые находки данного типа в восточных районах Западной Сибири [6, с. 253–257], по-прежнему, представлены только кельтам или наконечникам копий.

При попытке сопоставить между собой изделия СК типа, обнаруженные в разных районах Урала и Западной Сибири, выделяются некоторые особенности морфологии, присущие предметам в определенном ареале. Так, кельты, обнаруженные в горнолесном Зауралье и на Южном Урале, характеризуют короткая, прямая втулка, богатая орнаментация, наличие в ряде случаев одного бокового ушка. При дальнейшем рассмотрении и сравнении уральских находок с материалами более восточных территорий можно заметить иные характерные черты: удлинение втулки [1, с. 155, рис. 79, 4], оформление втулки в виде раструба [7, с. 56, рис. 2], появление дополнительных украшений в виде жемчужин внутри пояска [1, с. 155, рис. 79, 1], орнамент на ушках [1, с. 153, рис. 78, 3–5]. При дальнейшем «движении» на восток кельты СК-типа, принимая более призматические формы, сохраняют высокую втулку-раструб, несколько видоизменяется орнамент и форма предмета [1, с. 156, рис. 80, 1, 3, 5].

Подобная схема характерна только для изделий «кижировского» типа, к которым можно отнести все металлические экземпляры известных в настоящее время СК кельтов.

Иначе обстоит ситуация с кельтами, негативы которых обнаружены на большинстве литейных форм поселения Самусь IV. Отсутствие металлических предметов, а также литейных форм, аналогичных самусьским на других памятниках, позволяет предположить узлокальный характер бытования поясковых кельтов в районе Томского Приобья.

Таким образом, предметы, относимые к металлообработке СК типа, распространены на обширной территории от Урала до Минусинской котловины. Подавляющее большинство находок сконцентрировано в рамках двух памятников: Шайтанское Озеро II и Самусь IV. Наибольшее количество категорий инвентаря СК-типа обнаруживается в пределах Среднего Зауралья и прилегающих территорий.

with cast-on handles, as well as solid-cast ones, “socketed ax-hammers”, spear points with bell-shaped socket base, chisels, hooks, knives-saws, scrapers, decorations. However this expansion is currently justified only within the territory of the Middle Trans-Urals and the neighboring territories where the relationship of these items and the SK bonzes is undeniable. Whereas new finds of this type in the eastern parts of West Siberia [6, p. 253–257], are still represented exclusively with celts and spear points.

An attempt to compare the SK type artifacts discovered in different regions of the Urals and Western Siberia reveals some morphological parameters characteristic for items originating from a certain area. Thus the celts discovered in the mountainous-forest Trans-Urals and the southern Urals have a characteristic short, straight socket, rick ornamentation, and, in a number of cases one side tab. Further study and comparison of the Ural finds with the materials from the territories lying eastward suggests other characteristic features: socket elongation [1, p. 155; fig. 79, 4], bell-shaped socket [7, p. 56; fig. 2], appearance of additional decorations in the shape of pearls inside the belt [1, p. 155, fig. 79, 1], ornament on tabs [1, p. 153, fig. 78, 3–5]. Over eastward territories the SK type celts became more squatty, still with a high bell-socket, the ornament and the shape of the article also changed slightly [1, p. 156, fig. 80, 1, 3, 5].

This pattern is characteristic only for the articles of the “Kizhir” type, that is practically all the so far known metal SK celts.

The situation is quite different with regard to celts, the negatives of which were discovered on a majority of casting molds from settlement Samus IV. Lack of metal items or casting molds similar to the Samus ones on other archaeological sites made it possible to assume a narrow local character of the belt celts existence in the Tomsk of Ob river basin.

Thus the artifacts of the SK-type metal working group are similar across a wide territory of the Ural up to the Minusinsk depression. The majority of the finds was concentrated in the territory of two archaeological sites: Shaitan Lake II and Samus IV. The largest number of the SK-type tools categories was discovered in the Middle Trans-Urals and the neighboring territories. The most common type of artifacts were celts of the so-called “Kizhirovsy” type characterized by “rich” geometric ornamentation and “false tabs” on the socket. There are reasons to suppose that the SK-type tools evidence the development of the Seima-Turbino metal working tradition within the territory of an independent metal production center in the Trans-Urals.

Наиболее распространенным типом изделия являются кельты так называемого «кижировского» типа, для которых характерна «пышная» геометрическая орнаментация и оформление втулки «ложными ушками». Есть основания рассматривать орудия СК-типа как свидетельство развития традиций сейминско-турбинской металлообработки в рамках самостоятельного металлоносного центра в Зауралье.

Литература / References:

1. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
2. Корочкова О. Н., Стефанов В. И. Культурный памятник эпохи бронзы на Шайтанском Озере под Екатеринбургом (по материалам раскопок 2009–2010) // РА. 2013. № 1. С. 87–96.
3. Сериков Ю. Б., Корочкова О. Н., Кузьминых С. В., Стефанов В. И. Шайтанское Озеро II: новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии. 2009. № 2 (38). С. 67–78.
4. Сериков Ю. Б. Шайтанское озеро — священное озеро древности. Нижний Тагил, 2013.
5. Матюшенко В. И. Древняя история населения лесного и лесостепного Приобья (неолит и бронзовый век). Ч. 2. Самусьская культура // Из истории Сибири. Томск, 1973. Вып. 10. С. 210.
6. Кузьминых С. В. Сейминско-турбинская проблема: новые материалы // КСИА. М., 2011. Вып. 225. С. 240–263.
7. Бобров В. В. Литейные формы самусьской культуры из поселения Школьный (Кузнецкая котловина) // Западная и Южная Сибирь в Древности. Барнаул, 2005. С. 53–58.

УДК 903.3(470.13)«637»

И. М. ТИМУШЕВА

Тимушева Ирина Михайловна — ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар). E-mail: timirina1981@yandex.ru

I. M. TIMUSHEVA

Timusheva Irina Mikhailovna — ILLA Komi RC UB RAS (Russia, Syktvkar). E-mail: timirina1981@yandex.ru

МНОГОУГОЛЬНЫЕ ЖИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ

Ключевые слова: эпоха бронзы, европейский северо-восток, река Вычегда, река Печора, жилище, атаманнюрская культура

Резюме. В работе обобщены и систематизированы сведения об атаманнюрских жилищных комплексах населения ЕСВ во II–I тыс. до н. э. Рассмотрено 8 жилищ многоугольной формы с 5-и поселений. Выявлены особенности топографии жилищ, планиграфии построек и их структурных элементов.

Формы домостроительства являются важной составляющей в определении культурной атрибуции памятников. Для атаманнюрской культуры характерно наличие не только традиционных прямоугольных жилищ, но и своеобразных многоугольных. На данный момент исследовано 8 жилищ многоугольной формы: на Вычегде — Чудгудорьяг (1), на средней Печоре — Атаман-Нюр I (2), Шиховское I (1), на нижней Печоре — Адзва II (1), Ягель (3).

POLYGONAL HOUSES OF THE BRONZE AGE IN THE EUROPEAN NORTH-EAST

Key words: Bronze Age, European north-east, Vychegda river, Pechora river, house, Atamannyurskaya culture

Summary. The paper sums up the available data on the Atamannyurskaya dwelling complexes of the ENE population in the 2nd – 1st millennia BC. Eight polygonal dwellings from 5 settlements have been studied. Specifics of the dwellings' topography, planigraphy of the structures and their structural elements have been identified.

The housebuilding forms are an important component in determination of the cultural attribution of archaeological sites. A distinctive characteristic of the Atamannyurskaya culture is the presence, in addition to the traditional rectangular dwellings, of the unusual polygonal ones. At the moment 8 polygonal dwellings have been studied: Vychegda — Chudgudorjag (1), middle Pechora — Ataman-Njur I (2), Shikhovskoje I (1), lower Pechora — Adzva II (1), Yagjel (3).

Поселения с жилищами располагались на высоких участках «боровых» террас, обращенных к реке. Особенности в расположении жилищ на поселениях и их ориентации по отношению к реке отмечено не было. Все рассматриваемые жилища являлись однокамерными. На поселениях существовали как многоугольные (пяти-шестиугольные), так и прямоугольные жилища.

Площадь рассматриваемых жилищ составляла от 45 до 170 кв. м. Самые маленькие – Яггель (4–68 кв. м), Атаман-Нюр I (8–44,8 кв. м), остальные от 110 кв. м. Самое большое по площади – Чудгудорьяг, 170 кв. м.

Котлованы жилищ углублены на 50–90 см, что отличается от других жилищ эпохи бронзы, углубленных на 30–40 см. У трех жилищ (Адзва II, Чудгудорьяг) углы жилищных котлованов округлены, возможно, из-за существования в них столбовых опор. Практически все постройки окружали насыпные завалинки, представлявшие из себя сложное сооружение, включавшее и стены жилища. Пол жилища, как правило, был ровным, но слегка покатым вдоль стенок к середине. В ряде случаев отмечено посыпание пола жилища красной охрой, чаще всего вдоль стен.

Только на трех жилищах зафиксирован наклонный вход – пандус; длина его около 180–200 см, ширина – 90–200 см. Только в одном жилище (Шиховское I) обнаружено два входа-пандуса на противоположных сторонах. Все пандусы маркированы охрой. Жилища с поселений Чудгудорьяг, Адзва II, Яггель были без входов-выходов.

В центре построек располагался один (Атаман-Нюр I жилище 9, Адзва II, Яггель), реже было два (Шиховское I, Чудгудорьяг) открытых наземных очага. В жилище поселения Чудгудорьяг один очаг расположен в центре, второй рядом с первым, перекрывая его, что свидетельствует о одновременном их существовании.

Следы столбовых ямок жилища Чудгудорьяг обнаружены лишь снаружи, под валом в материке; в жилище 8 Атаман-Нюр I – на уровне пола две группы из трех ямок каждая, расположенных симметрично у восточной и западной стенок жилища; в жилище Шиховское I выявлено 20 столбовых ямок (следы опор).

Рядом со многими жилищами отмечены небольшие постройки хозяйственного назначения без очагов с бедными культурными остатками (Атаман-Нюр I и Чудгудорьяг), а также хозяйственные ямы внутри и вне помещения (Адзва II).

Исследователи, изучавшие жилища, неоднократно пытались реконструировать их по имеющимся остаткам. Конструкция жилища Чудгудорьяг

Settlements with dwellings are located on high river terraces turned to the watery waste. No specific features of the dwellings' location within settlements and their orientation towards the river have been registered. All studied dwellings are one-chambered ones. The settlements are composed of both polygonal (pentagonal or hexagonal) and rectangular dwellings.

The area of the dwellings under study ranged from 45 to 170 sq. m. The smallest one – Yagjel dwelling (4–68 sq. m), Ataman-Njur I dwelling (8–44,8 sq. m), the rest ones are over 110 sq. m in area. The largest in area is the Chudgudorjag dwelling – 170 sq. m.

The houses' foundation pits were deepened 50–90 cm in the ground, which made them different from other Bronze Age houses deepened only 30–40 cm. Three dwellings (Adzva II, Chudgudorjag) have rounded basement corners, possibly because of the poles which were once placed in the corners. Practically all structures were surrounded by artificial banks, which were complicated structures which served also as the dwelling walls. The dwelling floor was, as a rule, smooth, but slightly slanting along the walls towards the middle. In a number of cases the floor was dusted with red ochre, most often along the walls.

Only in three dwellings a slanted entrance – a ramp was registered; its length was about 180–200 cm, width – 90–200 cm. In only one house (Shikhovskoje I) there were two ramp entrances from the opposite sides. All ramps were marked with ochre. Dwellings from the settlements Chudgudorjag, Adzva II, Yagjel had no entrances-exits.

In the center of the structure there was one (Ataman-Njur I, dwelling 9, Adzva II, Yagjel) less frequently two (Shikhovskoje I, Chudgudorjag) open surface hearths. In the dwelling from Chudgudorjag settlement one hearth was located in the center, and the second one – nearby and overlapping, which evidenced of their asynchronous existence.

Traces of postholes in the Chudgudorjag dwelling were found only on the outside under the bulwark in subsoil level; in Ataman-Njur I dwelling 8 – there were two groups of three pits each at the floor level, they were located symmetrically near the eastern and the western walls of the dwelling; in Shikhovskoje I dwelling 20 postholes have been identified (pole traces).

Not far from many houses there were small economic purpose structures without hearths and with poor cultural levels (Ataman-Njur I and Chudgudorjag), as well as middens inside and outside the houses (Adzva II).

The researchers studying the dwellings have several times attempted their reconstruction based on the available remains. The Chudgudorjag dwelling structure

представлялась в виде изолированной полуземлянки шатровой конструкции со срубным каркасом, утепленным мощной завалинкой. Внутреннее пространство делилось перегородкой на две части — центральную, шестиугольной формы, и вдоль стен по периметру постройки с лежанками и кладовыми [1, с. 44]. В. С. Стоколос, также полагал, что атаманнюрские сооружения были шатрового типа с бревенчатой конструкцией, опущенной на дно вырытого котлована, что предохраняло его от деформации [2, с. 247].

Многоугольные отличаются от других жилищ эпохи бронзы не только формой котлована и соответственно иной конструкцией, но и большей площадью, углубленностью в материк, наличием одного (центрального), реже двух очагов, наличием одного выхода и завалинки.

Многоугольные атаманнюрские жилища не имеют местных истоков и не получают распространения в последующие эпохи. Дальнейшие раскопки (не все поселения полностью исследованы, есть много открытых, но не раскопанных памятников с жилищами) позволят более детально изучить постройки эпохи бронзы, определить их точную конструкцию, особенности в пределах различных бассейнов рек, выявить истоки и культурные связи.

Литература / References:

1. Логинова Э. С. Поселение Чудгудорьяг // Взаимодействие культур Северного Приуралья в древности и средневековье. Сыктывкар, 1993. С. 41–59.
2. Стоколос В. С. Культуры эпохи раннего металла Северного Приуралья. М., 1988.

УДК 903'1«637»

В. В. ТКАЧЕВ

Ткачев Виталий Васильевич — к. и. н.,
Институт степи УрО РАН (Россия, Оренбург).
E-mail: vit-tkachev@yandex.ru

**АНДРОНОВСКИЙ МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ:
ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГОРНОЙ АРХЕОЛОГИИ
И АРХЕОМЕТАЛЛУРГИИ¹**

Ключевые слова: поздний бронзовый век, андроновский мир, Евразийская металлургическая провинция.

Резюме. В работе рассматривается проблема освоения носителями андроновской культуры рудных источников на восточном фланге Евразийской

was reconstructed in the form of an isolated semi-subterranean house of tent-shaped type with log frame and heat insulation in the form of thick made up bank. The inner space was divided with a partition in two parts — the central, hexagonally shaped, and a space along the structure walls perimeter with beds and storage boxes [1, с. 44]. V. S. Stokolos also believed that the Ataman-Njur structures were of tent-shape type with log frames fixed at the bottom of an excavated basement, which protected them from deformation [2, p. 247].

The polygonal dwellings differ from other Bronze Age houses not only by the shape of their foundation pits and, hence, different structure, but also by greater area, greater depth in the subsoil, availability of one (central), or, less often, two hearths, presence of one exit and a bank.

The polygonal Ataman-Njur dwellings had no local origins and did not become common in later periods. Further excavations (not all settlements have been fully researched, there are plenty of discovered but not yet excavated sites with dwellings) will provide new material for a more detailed study of the Bronze Age dwellings, defining their exact structure, their specifics within different rivers basins, and identification of their origins and cultural ties.

V. V. TKACHEV

Tkachev Vitali Vasiljevich — PhD in History,
Institute of Steppe UB RAS (Orenburg, Russia).
E-mail vit-tkachev@yandex.ru

**THE ANDRONOVO WORLD IN CENTRAL EURASIA:
MINING ARCHEOLOGY AND ARCHEOMETALLURGY
PERSPECTIVE¹**

Key words: late Bronze Age, the Andronovo world, the Eurasian metallurgical province

Summary. The paper deals with the problem of development by the Andronovo culture population of ore resources at the eastern flank of the Eurasian

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке гранта Министерства образования и науки Республики Казахстан № 2585/ГФ4 «Горно-металлургические центры древнего Казахстана: междисциплинарное исследование проблем освоения природных ресурсов в эпоху палеометалла»

¹ The work has been performed with the financial support of the grant of the Ministry of Education and Science of the Republic of Kazakhstan № 2585/GF4 "Mining and metallurgical centers of ancient Kazakhstan: interdisciplinary study of the problems of natural resources development during the age of paleometal"

(Западноазиатской) металлургической провинции. Наличие собственной минерально-сырьевой базы горно-металлургического производства обеспечивало устойчивость и относительную обособленность локальных вариантов. Единство андроновского мира поддерживалось в значительной мере за счет интеграции в сфере металлопроизводства.

Одним из самых ярких явлений эпохи палеометалла Центральной Евразии стала андроновская культурно-историческая общность (КИО). Единство сложной в структурном отношении историко-культурной системы обеспечивалось близостью этнолингвистического состояния создавшего ее населения. При этом андроновский мир охватывал различные ландшафтные зоны в пределах обширного географического ареала, что предопределило вариативность адаптационных стратегий и хозяйственно-культурных моделей. Высокая миграционная активность населения, разнообразие направленности векторов культурных взаимодействий, их мотивации и содержания способствовали восприятию инокультурных импульсов, которые в значительной мере объясняют локальную специфику отдельных территориальных групп андроновских памятников.

Для выхода на уровень историко-культурных реконструкций принципиальное значение имеют историко-металлургические исследования. Примечательно, что в территориальных пределах андроновского мира сосредоточены основные сырьевые ресурсы Евразийской (Западноазиатской) металлургической провинции (ЕАМП), локализующиеся в нескольких горно-металлургических областях (ГМО), к числу которых относятся Урал, Казахстан, Саяно-Алтай, Памиро-Тань-Шань [1].

В границах андроновского мира довольно отчетливо выделяется серия локальных культурных групп, обладающих некоторой спецификой. Такая культурная обособленность должна была опираться на основательный экономический фундамент, представленный самодостаточными хозяйственными и производственными структурами, адекватными конкретным природно-климатическим условиям. Широкомасштабные георхеологические исследования на памятниках горной археологии позволили установить, что большинство из них надежно позиционируется с горно-металлургической производственной инфраструктурой локальных групп памятников андроновского мира.

На западном фланге андроновской КИО формирование Уральско-Мугоджарского ГМЦ надежно увязывается с кожумбердынской культурной

(West Asian) metallurgical province. The availability of own mineral resource base for mining and metallurgical production predetermined the stability and the relative isolation of the local variants. The unity of the Andronovo world was to a large extent supported by its integration in terms of metal production.

One of the most vivid manifestations of the paleo-metal epoch in central Eurasia was the Andronovo cultural and historical community (CHC). The unity of this structurally complex cultural and historical system was supported by close similarity of ethnic and linguistic characteristics of population groups that formed this community. However the Andronovo world covered various landscape zones within a vast geographic territory which predetermined the existence of diverse adaptation strategies and different economy and culture models. High migration activity of the population, the diversity of cultural contacts vectors, their motivation and content contributed to the acceptance of a different culture impulses which, to a large extent, explained the local specifics of individual territorial groups of the Andronovo archaeological sites.

The study of the history of metallurgy is of great importance for moving on to the historical and cultural reconstructions level. It is notable that within the territorial boundaries of the Andronovo world there was a significant concentration of the main raw material resources of the Eurasian (West Asian) metallurgical province (EAMP), localized in several mining and metallurgical regions (MMR) including the Ural, Kazakhstan, the Sayan-Altai, and the Pamir-Tien Shan [1].

Within the Andronovo world borders a series of local culture groups stood out quite clearly, owing to their specific characteristics. Such cultural isolation must have had a solid economic foundation represented by a self-sufficient economy and production structures, which were adequate in a particular natural and climatic environment. Large scale geo-archaeological research of mining archeology sites demonstrated that a majority of them could be firmly associated with the mining and metallurgical production infrastructure of the local groups of the Andronovo world archaeological sites.

In the western flank of the Andronovo CHC the formation of the Ural-Mugodzhaz MMC is positively associated with the Kozhumberdy cultural group, the South-Ural MMC provided the demand in metal of the Alakul population of the Southern Trans-Ural, and the mineral raw materials base of the west Alakul culture group in the Ilek river basin on the borders of the Srubnaya culture world consisted of cupriferous sandstones of the Aktyubinsk Trans-Urals where potentially the discovery of another independent MMC can be expected.

группой, Южно-Уральский ГМЦ, обеспечивал потребности в металле алакульского населения Южного Зауралья, а минерально-сырьевую базу западноалакульской культурной группы в бассейне реки Илек на границе со срубным миром составляли медистые песчаники Актюбинского Приуралья, где в перспективе можно прогнозировать выделение самостоятельного ГМЦ.

В пределах Центрально-Казахстанской ГМО Кокшетауский ГМЦ не только удовлетворял потребности местного андроновского населения, но, вероятно, обеспечивал сырьевыми ресурсами и металлопроизводственные центры Петропавловского Приишимья в Северном Казахстане. Целая серия ГМЦ Сары-Арки (Успенско-Каркаралинский, Жезказган-Улытауский, Северо-Бетпакалинский) связана с организацией горного дела и металлургического производства андроновского населения Центрального Казахстана [2].

Металлические изделия алакульской культуры соответствуют морфологическим стандартам ЕАМП, при этом распространение волго-уральского металлокомплекса в ПБВ первоначально протекало с запада на восток, а затем сместилось в южном направлении в Центральный Казахстан, что ознаменовалось окончательным оформлением срубно-алакульской зоны металлопроизводства [3]. На раннем (петровском) этапе алакульской культуры появляются технологические новации в сфере металлургии и металлообработки, воспринятые из среды носителей сейминско-турбинских металлургических традиций. Речь идет о технологии тонкостенного литья с использованием сердечника, что позволяло изготавливать орудия с глухой втулкой, а также об использовании олова в качестве легирующего компонента в бронзолитейном производстве.

Примечательно, что указанные технологические новации, по всей видимости, зародились в среде культур алтайско-западно-сибирского круга, что особенно рельефно проявилось в продукции елунинского металлургического очага, базировавшегося на разработке месторождений и рудопроявлений Рудно-Алтайского ГМЦ, относящегося уже к Саяно-Алтайской ГМО [4]. С момента освоения носителями андроновского культурного комплекса Верхнего Прииртышья месторождений Калба-Нарымской зоны Казахстанский Алтай становится важнейшим в ЕАМП источником олова для цветной металлургии. Именно отсюда начинается массивная миграция восточно-андоновского (федоровского) населения в восточном направлении вплоть до верхнего течения Оби и Енисея, на юго-восток в Семиречье.

Within the Central-Kazakhstan MMR the Kokshtau MMC not only provided the demands of the local Andronovo population but, apparently, also supplied raw material resources to the metal production centers of the Petropavlovsk of Ishim river basin in the northern Kazakhstan. A whole series of the Saty-Arki MMC (Uspensko-Karkaraly, Zhezkazgan-Ulytau, North-Betpakdalinskiy) was related to the organization of mining and metallurgical production of the Andronovo population of Central-Kazakhstan [2].

Metal artifacts of the Alakul culture fit the morphological standards of the EAMP, however the distribution of the Volga-Ural metal complex in the LBA initially passed in the west-east direction, and later it shifted south in the direction of Central Kazakhstan, which was marked by the final formation of the Srubnaya-Alakul culture metal production zone [3]. In the early (Petrovsky) stage of the Alakul culture there appeared technological innovations in the sphere of metallurgy and metal working which were adopted from the Seima-Turbino population's metallurgical traditions. These included the thin-walled casting with the use of a mandrel, which allowed to make tools with bottom bushing, as well as the use of tin as an alloying component in bronze working production.

It is interesting to note that the mentioned technological innovations most likely appeared first in the environment of the Altai-West-Siberian group of cultures, which was particularly clearly manifested in the products of the Elunino metallurgical center based on the development of deposits and ore occurrences of the south-western Altai MMC which already belonged to the Sayano-Altai MMR [4]. From the start of the development by the population of Upper Irtysh river basin Andronovo culture complex of the Kalba-Narym zone ore deposits, the Kazakhstan Altai became a most important in the EAMP source of tin for non-ferrous metallurgy. It was from that area that a large scale migration of the east-Andronovo (Fedorovo) population began in the eastern direction up to the upper regions of the Ob and the Yenisei rivers, and to the south-east to the Semirechje area.

Thus the process of the formation of a mosaic picture of the Andronovo world was accompanied by a high migration activity of the population and the development of ore deposits on the eastern flank of EAMP, which ensured the self-sufficient nature and a relative isolation of the economy and culture systems in the local variants of the Andronovo cultural environment. At the same time there was a high degree of integration in the sphere of mining and metallurgical production within the boundaries of the Andronovo world. This was manifested in the unification of

Таким образом, процесс формирования мозаичной картины андроновского мира сопровождался высокой миграционной активностью населения и освоением рудных источников восточного фланга ЕАМП, что обеспечивало самостоятельность и относительную обособленность хозяйственно-культурных систем в локальных вариантах андроновского культурного пространства. Между тем, наблюдается высокий уровень интеграции в сфере горно-металлургического производства в пределах андроновского мира. Это проявилось в унификации морфологических характеристик горных выработок и орудий горного промысла, конструкций теплотехнических сооружений металлургических комплексов поселений, рецептуры бронз, единстве технологии металлообработки и типологической номенклатуры металлических изделий. Эти стандарты распространились на развитом этапе вглубь Центральноазиатской (Восточноазиатской) металлургической провинции.

Литература / References:

1. Černych E. Die Eurasische (Westasiatische) metallurgische provinz der spätbronzezeit: aufstieg — blüte — niedergang // Unbekanntes Kasachstan — Archäologie im Herzen Asiens. Katalog der Ausstellung des Deutschen Bergbau-Museums Bochum vom 26. Januar bis zum 30. Juni 2013. Band I. Bochum, 2013. S. 185–200.
2. Берденов С. А. Казахстанские месторождения меди и олова и их разработка в бронзовом веке // Известия НАН РК. Сер. обществ. наук. 2008. № 1. С. 42–55.
3. Бочкарев В. С. Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10. С. 75–83.
4. Грушин С. П., Папин Д. В., Позднякова О. А., Тюрина Е. А., Федорук А. С., Хаврин С. В. Алтай в системе металлургических провинций энеолита и бронзового века. Барнаул, 2009.

УДК 902.01(571.1)«637»

И. В. ТОЛПЕКО

Толпеко Ирина Васильевна — к.и.н., ОмГУ
(Россия, Омск). E-mail: itolpeko@yandex.ru

КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ПАМЯТНИКОВ
СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ТИПА

Ключевые слова: сейминско-турбинские памятники, каменная индустрия

Резюме. Культурно-хронологическая атрибуция памятников эпохи ранней — развитой бронзы относится к актуальным проблемам археологии Западной Сибири. Анализ материалов поселений Окуневского археологического микрорайона позволил выделить признаки, присущие сейминско-турбинской каменной индустрии. В сочетании они могут использоваться в качестве культурно-диагностирующих маркеров.

С конца XX — начала XXI вв. наблюдается устойчивый рост интереса исследователей к изучению

morphological characteristics of mining sites and mining tools, as well as in design of thermo-technical structures of the metallurgical complexes, bronze recipes, technological uniformity of metal working, and the metal artifacts groups' typological composition. At a later stage the area of these standards expanded over the Central Asian (East Asian) metallurgical provinces.

I. V. TOLPEKO

Tolpeko Irina Vasiljevna — PhD in History, OmSU
(Russia, Omsk) E-mail: itolpeko@yandex.ru

LITHIC INDUSTRY OF THE SEIMA-TURBINO
TYPE SITES

Key words: Seima-Turbino archaeological sites, lithic industry

Summary. The cultural and chronological attribution of the early — developed Bronze Age archaeological sites is one of the vital problems of the West Siberian archeology. As a result of analysis of the Okunevsky archaeological microregion materials the characteristic attributes of the Seima-Turbino lithic industry have been identified. Their combination may be used as the cultural and diagnostic markers.

From the end of the 20th — beginning of the 21st century there is a growing interest in the researchers' community in the study of the Eurasian metallurgical province.

Евразийской металлургической провинции. В Западной Сибири эта активизация связана с открытием новых памятников сейминско-турбинского круга – могильников Сатыга XVI и Товкуртлор 3, культовых комплексов Шайтанское озеро II и Сайгатино VI, поселений Березовая Лука, Окунево VI, X, XV и др.). География сейминско-турбинских древностей чрезвычайно широка. Она не укладывается не только в представления об археологической культуре, но и о культурно-исторической общности. Самым рациональным объяснением специфики памятников этого круга и характера их распространения остается признание фактора миграции носителей этой своеобразной культурной традиции [1, с. 271–276; 2, с. 77–78]. Появление новых комплексов расширяет проблематику изучения сейминско-турбинских древностей. Становятся актуальными вопросы правомерности отнесения конкретных археологических памятников, особенно, поселений, к этому кругу, определения их места в рамках данного явления [2, с. 85]. Керамика, сопровождающая изделия турбинско-сейминского типа, весьма разнообразна, а металла на поселениях почти нет. На сегодняшний день ощущается острая потребность как в хорошо стратифицированных, эталонных памятниках, так и в выделении маркирующих признаков.

В материалах памятников сейминско-турбинского типа представлены следующие основные категории инвентаря – предметы, связанные с металлообработкой (изделия из меди, бронзы и литейные формы), изделия из камня, кости и керамика. Качественное и количественное соотношение их в разных комплексах может существенно отличаться, вплоть до отсутствия одного из компонентов. Безусловным лидером (при их наличии) для культурно-хронологической атрибуции являются изделия из металла и формы для их отливки. Керамика разнообразна, а изделия из кости малочисленны. Пока эти две категории инвентаря вызывают больше вопросов, чем дают ответов. Обратимся к изделиям из камня. Уже в 1974 г. М. Ф. Косарев, отмечая процесс накопления материала, предположил, что каменные орудия (типа найденных в Турбинском и Сейминском могильниках) сопровождают погребения с турбино-сейминскими бронзами на всей территории их распространения [3, с. 82]. Дальнейшие исследования подтвердили тот факт, что каменная индустрия является одним из маркирующих признаков сейминско-турбинских древностей [1, с. 230–235, 243–244; 4, с. 82–88; 2, с. 44–51 и др.]. Однако до сих пор ее возможности существенно недооценены исследователями. Как правило, из могильников происходят относительно немногочисленные, специально отобранные изделия из камня. Они не дают

In Western Siberia this growth is connected with the discovery of new sites of the Seima-Turbino group – the burial sites Satyga XVI and Tovkurtlor 3, the cultic complexes Shaitanskoje Lake II and Saigatino VI, settlements Berezovaya Luka, Okunevo VI, X, XV, etc.) The geography of the Seima-Turbino antiquities is extremely wide. It goes far beyond the notion of an archaeological culture, and even beyond the concept of cultural and historical community. The most rational explanation of the specifics of the sites of this group and the nature of their distribution is the recognition of the factor of migration of the bearers of this unique cultural tradition [1, p. 271–276; 2, p. 77–78]. The appearance of new complexes expands the range of research problems in relation to the Seima-Turbino antiquities. The issues of validity of attribution of specific archaeological sites, particularly settlements, to this tradition became quite relevant, as well as defining their place within the framework of this phenomenon [2, p. 85]. Ceramics accompanying the Seima-Turbino type artifacts is quite varied, and there is practically no metal tools in the settlements. At present there is a critical deficit both of the well stratified reference sites, and identification of the marker attributes.

In the materials of the Seima-Turbino sites the following main categories of goods are represented – items related to metal working (copper, bronze items and mold boxes), stone and bone artifacts and ceramics. Their qualitative and the quantitative ratio in various complexes may differ significantly, up to a complete absence of one of the components. The metal items and their foundry boxes are the absolute leader (if present) for the cultural and chronological attribution purposes. Ceramics is non-uniform and bone artifacts are scarce. For the time being these two categories of goods raise more questions than provide answers. Let us turn to the stone items. Already in 1974 M. F. Kosarev observing the process of lithic material accumulation suggested that stone tools (of the type found in the Turbino and Seimino burial sites) accompanied interments with the Seima-Turbino bronzes across the whole area of their distribution [3, p. 82]. Further studies confirmed the fact that lithic industry was one of the marker attributes of the Seima-Turbino antiquities [1, p. 230–235, 243–244; 4, p. 82–88; 2, c. 44–51 etc.]. However its potential is still significantly underestimated by the researchers. As a rule the burial sites produce relatively scarce, specially selected stone artifacts. They do not give an idea of all the specific features characteristic for the Seima-Turbino lithic industry (raw material, working techniques, typology, tools' functions). In this connection the study of the settlement materials with representative stone tools complexes seems rather relevant.

представления обо всех особенностях, присущих сейминско-турбинской каменной индустрии (сырье, техника обработки, типология, функции орудий). В этой связи, изучение поселенческих материалов с представительными комплексами каменного инвентаря представляется актуальным.

В материалах поселений эпохи ранней бронзы Окунево VI, X, XV (Окуневский археологический микрорайон — Муромцевский район Омской области) в совокупности представлено свыше 13 тыс. изделий из камня. Именно анализ каменной индустрии позволил соотнести эти комплексы с сейминско-турбинскими древностями. Был выделен комплекс признаков, которые могут быть использованы в качестве культурно-диагностирующих [5, с. 102–126; 6, с. 169–175]. К ним относятся: высокий уровень обработки камня, сочетание отщеповой и пластинчатой техник, определенный набор типологически выраженных орудий на отщепах (треугольные наконечники стрел, ассиметрично-треугольные и прямоугольные ножи, подтреугольные и подтрапециевидные скребки с ретушированной спинкой и т. д.), технико-морфологические особенности, наличие изделий из нефрита, использование в качестве сырья розового халцедона и т. д. Многие из этих черт находят себе аналогии на обширных пространствах Северной Евразии. Однако своеобразие и возможность использования этого комплекса признаков в качестве культурно-диагностирующих маркеров определяется именно их сочетанием. Его возможности как маркера должны быть в первую очередь востребованы для культурно-хронологической идентификации памятников сейминско-турбинского типа и выявления их связей с местными, аборигенными культурами.

Литература / References:

1. Черных Е. Н., Кузьминых С. В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). М., 1989.
2. Сатыга XVI: сейминско-турбинский могильник в таежной зоне Западной Сибири. Екатеринбург, 2011.
3. Косарев М. Ф. Древние культуры Томско-Нарымского Приобья. М., 1974.
4. Матющенко В. И., Сеницына Г. В. Могильник у д. Ростовка вблизи Омска. Томск, 1988.
5. Нижнетарский археологический микрорайон. Новосибирск, 2001.
6. Толпеко И. В. Особенности каменной индустрии поселений Окуневского археологического микрорайона (эпоха ранней бронзы) // VII исторические чтения памяти Михаила Петровича Грязнова. Омск, 2008. С. 169–177.

In the materials of the early Bronze Age settlements Okunevo VI, X, XV (the Okunevo archaeological micro-region — Muromtsevo district of the Omsk oblast) there is in the aggregate over 13 thousand stone artifacts. It is the analysis of the lithic industry that allowed relating these complexes to the Seimin-Turbino antiquities. A group of attributes has been identified which could be used as the culture diagnostic ones [5, p. 102–126; 6, p. 169–175]. These attributes included the following: high quality of stone finishing, combination of flaking and blade techniques, certain set of typologically defined tools on flakes (triangle arrowheads, asymmetrically-triangle and rectangular knives, sub-triangular and sub-trapezoid side scrapers with retouched backs, etc.), technical and morphological features, presence of jade items, use of pink calcedony as raw material, etc. Many of these features have analogues in the vast expanse of Northern Eurasia. However the uniqueness and the possibility to use this attributes complex as the cultural and diagnostic markers comes from their combination. Its potential as a marker must be first of all required for the cultural and chronological identification of the Seima-Turbino type sites and establishing of their relationship to the local aboriginal cultures.

УДК 903.24(574)«637»

Э. Р. УСМАНОВА

Усманова Эмма Радиковна — Сарыаркинский
археологический институт (Казахстан, Караганда).
E-mail: emmadervish2004@mail.ru

**АНДРОНОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ: ТЕХНОЛОГИЯ,
ДИЗАЙН И СТАТУС**

Ключевые слова: накосник, головной убор, статус, плетение, крашение, этнокультурный показатель, костюм, стиль

Резюме. Доклад посвящен реконструкции андроновского костюма, главным элементом которого является головной убор с подвесными гарнитурами: накосник и челостно-лицевая подвеска. Различаются две независимые по происхождению традиции оформления головного убора: алакульская и федоровская. Накосник является показателем возраста, социального статуса, знаком магической защиты женщины.

Одежда населения, оставившего памятники андроновской общности II тыс. до н.э., реконструируется в двух самостоятельных культурных традициях: синташтинско-алакульской и федоровской. Фрагменты текстиля и ювелирные гарнитуры фиксируются преимущественно в женских погребениях. Мужской и детский костюм, по всей видимости, не обладали ярко выраженным декором и потому реже сохраняются в погребениях.

Значимые находки андроновского текстиля были сделаны в алакульских погребениях могильников Лисаковской округи (Костанайская область, могильник Лисаковский I, курган 1) [1, с. 30]. Фрагменты плетеного текстиля относятся к головному убору и к верхней одежде. Основное полотно изделия шилось вертикальными полосами из шерстяной тесьмы [1, с. 114–117].

Отпечатки тканого полотна известны на поверхности андроновских керамических сосудов. Тканое полотно хуже сохраняется в погребениях, чем плетеное полотно. «Андроновцы» обладали всеми основными достижениями ткацких технологий: обрабатывали шерсть, окрашивали ее, путем прядения получали нить, из которой ткали, плели полотно.

Во фрагментах плетеного текстиля из погребений могильника Лисаковский обнаружены три основных красителя марены *Rubia tinctorum* или другой разновидности марены из рода *Rubia*, или подмаренников из рода *Galium*: псевдопурпурин, пурпурин, алizarин [1, с. 114–117]. «Андроновцы» использовали местные виды марены и подмаренников, которые

E. R. USMANOVA

Usmanova Emma Radikovna — Saryarka
Archaeological Institute (Kazakhstan, Karaganda)
E-mail: emmadervish2004@mail.ru

**ANDRONOVO FEMALE COSTUME: TECHNOLOGY,
DESIGN AND STATUS**

Key words: braid decorations, headdress, status, braiding, dyeing, ethnocultural attribute, costume, style

Summary. The paper deals with the reconstruction of Andronovo culture costume, in which the headdress with pendant sets was the main element: braid decorations, and facial pendants. Two independent in their origin traditions of head dress decoration are generally distinguished: the Alakul and the Fedorovo. Braid decoration was an indication of age, social status, a sign of magic protection of a woman.

Garments of the population which left the Andronovo historical and cultural community sites of the 2nd millennium BC were reconstructed in two independent traditions: the Sintashta-Alakul and the Fedorovo ones. Fragments of textile and jewelry sets are registered mostly in female interments. The male and children's dress apparently do not have any marked decor features and thus these items are less frequently found in interments.

Significant finds of Andronovo textile were done in Alakul interments of Lisakovsky neighborhood burial sites (Kostanai region, Lisakovsky I cemetery, barrow 1) [1, p. 30]. Fragments of braided textile were attributed to headdresses and top garments. Main pieces of fabric were sewn by vertical strips of ferret [1, p. 114–117].

Imprints of woven fabric were found on the surface of Andronovo ceramic vessels. Woven fabric is not so well preserved in the interments as the fillet (braided fabric). The Andronovo people were acquainted with all the main aspects of weaving technology: they gilled wool, dyed it, made thread by spinning, and wove or braided fabric.

Three main *Rubia tinctorum* madder or some other madder species of *Rubia* class, or wild licorice of the *Galium* class dyes were found in the braided textile fragments from Lisakovsky cemetery: pseudo-purpurine, purpurine, and alizarine [1, p. 114–117]. The Andronovo people used local types of madder and wild licorice which were growing in the territories of their habitat. Dyeing with madder is a complicated chemical process which would be impossible without the presence of pickles — alum. This is another evidence of the high quality of their dyeing technology.

росли в районах их проживания. Крашение мареной — сложный химический процесс, который невозможен без применения протрав — квасцов. Это свидетельствует о высоком качестве технологии крашения.

По археологическим данным одежда женщины реконструируется как состоящая из платья, головного убора, обуви. Его главным элементом является головной убор из кожи или плетеного полотна, с убранством из металлических деталей, бусин, подвесок природных форм. Скорее всего, он представлял собой шапочку или налобную повязку двух видов: 1-й — с комплектом подвесных украшений; 2-й — без него. Подвесные украшения определяют главную стилистическую направленность андроновского костюма.

Первые накосники известны в культурах синташтинско-петровского облика первой половины II тыс. до н.э. Позже они распространяются в алакульской культуре. В комплексах женских украшений федоровской культуры накосное украшение присутствует лишь в незначительном количестве. По оформлению своих деталей выделяются два основных типа накосных украшений: первый — «простой», второй — «сложноставной». Распространение единого стиля накосного украшения позволяет предположить наличие какого-то креативного, модельного центра, где продуманный мастером дизайн осуществлялся в изделии.

Накосники появляются в костюме синташтинской культуры самого. Таким образом культурное образование «заявляло» об оригинальности костюма и его отличии от других культур. Накосник наряду с керамикой играл роль важного этнокультурного показателя. Федоровская традиция украшательства головного убора в какой-то степени игнорирует накосник, или же он был изготовлен из других материалов, которые не сохранились.

Причина возникновения единого стиля головного убора кроется в самом механизме сложения культурных стереотипов, задействованных на уровне ментальных установок, существовавших в обществе. Среди основных знаковых приоритетов алакульской культуры оказывается женский костюм, более содержательный по своим деталям, чем костюм федоровской культуры. Причем стиль — декоративная насыщенность — распространяется на все комплектующие алакульского костюма: платье, украшения, аксессуары, обувь.

По всей видимости, федоровская культура выработала иное отношение к одежде. Если употребить понятие «интонация», под которым подразумевается ритмическая сторона построения деталей,

According to the archaeological data the female garments were reconstructed as consisting of a dress, headdress and footwear. A headdress made of leather or braided cloth and decorated with metal items, beads, and pendants of natural shapes were its main element. Most likely, it was a cap or a forehead band of two types: the first — with a set of pendant decorations; the second — without decorations. Pendant decorations formed the main stylistic attribute of the Andronovo dress.

The first braid decorations are known in the cultures of the Sintashta-Petrovka of the first half of the 2nd millennium BC. Later they became common in the Alakul culture. In female decorations sets of the Fedorovo culture braid decorations are present on a very small scale. In terms of details design two main types of braid decorations could be distinguished: the first — “simple”, and the second — “compound” ones. Distribution of a uniform type of braid decorations allow to suggest the existence of some creative fashion center where the design created by an artist was implemented in actual decorations.

Braid decorations appeared in the Sintashta culture costume. In this way the cultural group “made a statement” of uniqueness of its dress and its difference from other cultures. Braid decorations alongside with ceramics played an important ethno-cultural role. The Fedorovo tradition of headdress decoration ignored the braid decoration in a way, or else it was made from other materials which did not preserve in archaeological context.

The reason for the emergence of a uniform headdress style was inherent in the very mechanism of cultural stereotypes evolution, which acted at the level of mental attitudes existing in a society. Female dress was the main indicative priorities of the Alakul culture as well as more meaningful in its attention to detail than the Fedorovo culture costume. Moreover, the style — richness of decoration — applied to all elements of the Alakul costume: dress, decorations, accessories, and footwear.

Apparently the Fedorovo culture developed a different attitude towards garments. If we use the term “intonation” meaning the rhythmic aspect of details organization, it may be assumed that the Alakul and the Fedorovo costumes were manifestations of two essentially different intonations.

The following traditions could be identified in a folk costume: practical, utilitarian aesthetic, erotic, magical, age denominator, social and gender denominator, ritual, occupational; marker of functions pointing to professional occupation, religion and the regional belonging [2, с. 121]. The indicative content of a dress was present in the braid decoration as well, and reflected certain symbolic positions of a woman.

то можно допустить, что алакульский и федоровский костюмы в своей сути были наделены совершенно разными интонациями.

В народном костюме выделяются следующие функции: практическая, утилитарная, эстетическая, эротическая, магическая, возрастная, социально-половая, обрядовая, профессиональная; функции, указывающие на род занятий, вероисповедание, и региональную принадлежность [2, с. 121]. Знаковое содержание костюма касается и накосного украшения, который отражал символические позиции женщины.

Накосник индексирует возрастные группы. В детских погребениях украшение для волос в его металлическом облики отсутствует. Накосник первого типа появляется в головном уборе подростков (12–14 лет) и присутствует у захороненных женщин 20–25 летнего возраста. Сложносоставной накосник второго типа определял важные социальные позиции женщины. Накосник в головном уборе позволял отличать женщину одного «рода-племени» от другого: алакульского от федоровского. Дизайн и стиль андроновских накосников подчинены идее о магии волос. В женском костюме сакральная функция головного убора соотносится с охранной магией матери и ребенка [3, с. 139, 143].

По этнографическим данным территориально выделяется центрально-евразийское «ядро» народов с традицией ношения накосных украшений, которое соответствует территории распространения накосников в эпоху бронзы. Андроновский женский костюм эпохи бронзы можно считать «законодателем моды» ношения головного убора с накосником в костюме евразийских народов.

Литература / References:

1. Усманова Э.Р. Костюм женщины эпохи бронзы Казахстана. Опыт реконструкций. Караганда; Лисаковск, 2010.
2. Килошенко М. Психология моды. СПб., 2001.
3. Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы//СЭ. 1933. № 5–6.

Braid decoration was an age group index. In children's interments there were no hair decorations in their metal forms. Braid decoration of the first type appeared in a teenage (12–14 years) headdress and was present on buried women 20–25 years of age. The compound braid decoration of the second type was a marker of important social positions of a woman. Braid decoration in headdress allowed to distinguish the women from different clans-tribes: the Alakul or the Fedorovo ones. The design and style of the Andronovo braid decorations followed the idea of hair magic. In female dress the sacral function of the headdress correlated with the protection magic of mother and child [3, p. 139, 143].

According to the ethnographic data in terms of territory the central-Eurasian “core” of the peoples with braid decoration tradition could be identified, which corresponded to the territory of braid decorations distribution during the Bronze Age. The Andronovo female dress of the Bronze Age period could be considered a “style setter” of headdress with braid decorations in the costume of Eurasian population.

УДК 903'15(571.1+511)«638»

Д. П. ШУЛЬГАШульга Даниил Петрович — НГУ (Россия, Новосибирск).
E-mail: danilo_petrovich@yahoo.comК ВОПРОСУ О ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫХ
ОБРАЗОВАНИЯХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ
СИБИРИ И КИТАЯ¹*Ключевые слова:* номады, ранний железный век, протогосударства, Северный Китай, Западная Сибирь*Резюме.* В настоящей статье рассматривается проблема перехода социума ранних кочевников от доклассового состояния к раннеклассовому.

Наличие государственности у некоторых кочевых народов Южной Сибири и Китая в гунно-сарматское время признается многими исследователями. Анализ этой информации посвящено значительное количество работ отечественных и зарубежных ученых [1; 2, с. 133–164; 3; 4, с. 359–366; 5, с. 198–200; и др.]. В отношении же номадов скифского времени мнения существенно различаются. Традиционно считалось, что социально-политическая и экономическая структура этих обществ не позволяла достичь уровня государственности. Между тем, наличие огромных погребально-поминальных сооружений, требовавших больших трудовых затрат, типа курганов Аржан-1 и Аржан-2 в Туве VIII–VII вв. до н. э., Салбыкского в Хакасии IV–III вв. до н. э., пазырыкских, каменных, сакских на Алтае и в Казахстане указывает на высокий уровень консолидации общества, культура которого получила замечательное выражение в искусстве. Имеются «царские» курганы и в северной части Синьцзяна (Китай), но они не раскапывались. Все это позволило некоторым исследователям поставить вопрос о наличии на указанных территориях протогосударственных образований. Наиболее полно эта точка зрения была выражена А. И. Мартыновым, обосновавшим положение о скотоводческой цивилизации. По его мнению, в VIII–VII вв. до н. э., в кочевой среде произошли существенные изменения, приведшие к возникновению на рубеже VI–V вв. до н. э. «государств скифов, саков, в Горном Алтае, зоне распространения тагарской культуры и в Ордосе», которые просуществовали «не более 300–350 лет» [6, с. 11]. Противниками этой точки зрения в качестве одного из основных

¹ Исследование проведено в рамках государственного задания в сфере научной деятельности (№ 33.702.2014/К)

D. P. SHULGAShulga Daniil Petrovich — NSU (Russia, Novosibirsk).
E-mail: danilo_petrovich@yahoo.comEARLY NOMADIC PROTO-STATE FORMATIONS OF
SOUTHERN SIBERIA AND CHINA¹*Key words:* nomads, early Iron Age, proto-states, Northern China, Western Siberia*Summary.* The article deals with the problem of transition of the early nomadic societies from the pre-class to the early-class state.

The existence of proto-state organization in some nomadic societies of Southern Siberia and China during the Hunnic-Sarmatian period has been recognized by many researchers. Analysis of this phenomenon is the subject of a significant number of publications both by Russian and foreign scholars [1; 2, p. 133–164; 3; 4, p. 359–366; 5, p. 198–200; etc.]. However with regard to the Scythians opinions differ significantly. It is believed traditionally that the social-political and the economic structure of these societies was insufficient for the evolution of statehood. At the same time the existence of a huge number of ceremonial structures, the erection of which required significant labor concentration, of the type of Arzhan-1 and Arzhan-2 barrows in Tuva of the 8th–7th centuries BC, the Salbyk barrow in Khakassia of the 4th–3^d centuries BC, the Pazyryk and Kamenskaya cultures, and Saka burial complexes in the Altai and Kazakhstan pointed to the high level of consolidation of society, the culture of which found a wonderful expression in art. There are the so-called “royal” barrows in the northern part of Xinjiang (China), however they have never been excavated. All this prompted several scholars to pose a question about the existence in the area under study of some proto-state formations. This position was most exhaustively described by A. I. Martynov, who offered sound reasoning in favor of the existence of a pastoralist civilization. In his opinion in the 8th–7th centuries BC significant changes occurred in the nomadic environment resulting at the turn of the 6th–5th centuries BC in the emergence of “the states of the Scythians, Saka in Altai mountain, the area of the Tagar culture distribution, and in Ordos” which stayed in existence “not longer than 300–350 years”

¹ The study was performed under a public research contract (№ 33.702.2014/К)

аргументов приводится отсутствие письменных свидетельств. В этом отношении несомненный интерес представляют данные по Северному Китаю. Китайские авторы довольно подробно отмечали сведения о жизни «северных варваров». Например, о шаньжунах Сыма Цянь пишет, что «все они были рассеяны по горным долинам, и каждое имело своих правителей – вождей, и, хотя им время от времени удавалось собрать вместе более ста жунских [племен], объединить их никому не удалось» [7, с. 382]. Однако интерес летописцев был сугубо политическим, а не этнографическим. Народы внезапно пропадали из записей не по причине их полного исчезновения, а потому, что в периоды упадка (природные катаклизмы, военные столкновения), они уже не представляли интереса для внешней политики государств Центральной равнины. Например, количество сообщений о киданях менялось сообразно их усилению или ослаблению. С ослаблением хунну также уменьшилось количество сообщений о них, но когда в V в. н. э. они создали свое государство Ся, это было сразу отмечено, поскольку данное событие имело значение для Поднебесной. При этом необходимо учитывать условность этнонимов, использованных летописцами в VI–II вв. до н. э. Так, два распространенных экзоэтнонима – «жун» и «ди» бытуют у китайских историков с периода Чжоу, по крайней мере, до периода Троецарствия (III в. н. э.) [8, с. 142]. Помимо письменных и археологических источников в Китае, важную роль начинают играть естественнонаучные методы. В частности, с помощью биологических анализов получены интересные данные о путях миграций номадов [9, с. 298–300]. В совокупности, вышеуказанные источники позволяют говорить, что многие из так называемых «варварских» народов на северных границах Древнего Китая представляли собой протогосударственные образования, а, возможно, и государства.

Вероятно, подобные образования были и в Южной Сибири. Однако необходимо подчеркнуть, что скотоводческие объединения в силу особенностей хозяйства и сурового климата в Сибири были нестабильными [10, с. 319–323]. По-видимому, эти «государства» периодически образовывались всего лишь на несколько десятков лет в условиях благоприятного климата. Именно в эти периоды активизировались связи и торговля. Наиболее яркий пример фиксируется в III в. до н. э., по значительному количеству «царских» и «княжеских» курганов в горах и на равнине Алтая с богатым импортом из Китая и Передней Азии. Многочисленные импортные изделия (в том числе лаковые чаши из Китая и «индийские

[6, p. 11]. The opponents of this point of view used as one of their main arguments the lack of any written evidence of this. In this regard it would be particularly interesting to study the data for Northern China. The Chinese chronicles present relatively detailed records of the life of “northern barbarians”. For instance Sima Qian wrote about the Shanzhun, that “they were all scattered across mountain valleys, and each [tribe] had their own rulers – chiefs, and even though from time to time they managed to bring together over one hundred of Zhun [tribes] no one ever succeeded in uniting them” [7, p. 382]. However the chroniclers’ interest was purely political and not ethnographic. The peoples suddenly disappeared from the chronicles not because they completely ceased to exist, but because during the periods of decline (natural disasters, military conflicts) they disappeared from the sphere of foreign policy interests of the Central states. For instance, the number of the Khitans mentions changed depending on their strengthening or weakening. With the weakening of the Huns the number of reports about them also decreased, but when in the 5th century BC they established their own state Xia, this was immediately noticed, since this event was important for the Middle Kingdom. At the same time it is necessary to bear in mind the conventionality of ethnicons used by the chroniclers in the 6th-2nd centuries BC. Thus two common exo-ethnicons – “Zhun” and “Di” have been in use by the Chinese historians from the Zhou period till at least the Three Kingdoms time (3^d century BC) [8, p. 142]. In addition to the written and archaeological sources in China the natural science methods begin to play an important role. For instance, with the help of biological analyses some interesting data about the routes of nomadic migration have been obtained [9, p. 298–300]. In combination all the aforementioned sources make it possible to suggest that many of the so-called “barbarian” peoples on the northern borders of Ancient China were in fact proto-state formations or, quite possibly, even states.

In all probability similar formations existed also in Southern Siberia. However it should be emphasized that the cattle-breeders alliances due to specifics of the economy and the severe climate of Siberia were unstable [10, p. 319–323]. Apparently these “states” were periodically reestablished to exist for just several dozen years under the favorable climatic conditions. It was during those periods that trade and contacts became more active. One of the best examples of this is observed in materials of the 3^d century BC judging by a significant number of “royal” and “princely” barrows in the mountains and in the plains of the Altai rich with imported goods from China and Western Asia. Numerous imported goods (including lacquered

зеркала) появились не только в царских курганах Горного Алтая и на равнине (могильник Бугры на юге Алтайского края, раскопки К. В. Чугунова), но и в рядовых погребениях каменной культуры (Новотроицкое, Рогозиха-1 и др.) [11]. Судя по материалам Новотроицкого и Быстровского некрополей, в V–III вв. до н.э. оставившее их население проживало стабильно в значительной мере благодаря торговле востребованной на юге и востоке пушниной, получаемой из северной таежной зоны.

bowls from China and “Indian mirrors”) appeared not only in the “royal” barrows of Altai mountain and in the lowland (Bugry burial site in the south of the Altai region, excavation by K. V. Chugunov) but also in the ordinary burials of the Kamenskaya culture (Novotroitskoje, Rogozikha-1, etc.) [11]. According to the materials from the Novotroitskoje and Bystrovskoje necropolises in the 5th–3^d centuries BC the population that left them lived in stability, mostly owing to trading with the south in furs, which it received from the northern taiga zone.

Литература / References:

1. Кычанов Е. И. История приграничных с Китаем древних и средневековых государств (от гуннов до маньчжуров). СПб., 2010.
2. Янь Цзяньхуа. Формирование археологических культур северного пояса Китая в периоды Чуньцю и Чжаньго. Пекин, 2004. (на кит. яз.).
3. Барфилд Т. Дж. Опасная граница: кочевые империи и Китай (221 г. до н.э. – 1757 г. н.э.). СПб., 2009.
4. Матвеева Н. П. Социальное развитие народов западносибирской лесостепи в раннем железном веке // Сибирь в панораме тысячелетий. В 2 т. Новосибирск, 1998. Т. 1. С. 359–366.
5. Плетнёва С. А. Города кочевников // От доклассовых обществ к раннеклассовым. М., 1987. С. 198–211.
6. Мартынов А. И. Скифо-сибирский мир — степная скотоводческая цивилизация V–II вв. до н.э. // Проблемы археологии скифо-сибирского мира (социальная структура и общественные отношения). Кемерово, 1989. Ч. 1. С. 5–12.
7. Уэнь (Уэньбюэсыту). Исследование археологических культур северных степей: с эпохи бронзы до раннего железного века. Пекин, 2007. (на кит. яз.).
8. Чжугэ Лян. Военный трактат Чжугэ Ляна. Пекин, 2008. (на кит. яз.).
9. Цай Давэй, Тан Чжовэй, Чэнь Цюаньцзя, Хань Лу, Чжоу Хуэй. Молекулярные исследования возникновения домашних овец в Китае по археологическим материалам // Археологические исследования приграничных регионов. Пекин, 2010. С. 291–300. (на кит. яз.).
10. Шульга П. И. Особенности угасания и трансформации раннескифских культур в VI в. до н.э. // Вестн. Том. гос. ун-та. Сер. История. 2013. № 3 (23). С. 319–323.
11. Шульга П. И., Уманский А. П., Могильников В. А. Новотроицкий некрополь. Барнаул, 2009.

АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
И НОВОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОЙ
ЕВРАЗИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР,
ГОСУДАРСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

ARCHAEOLOGY OF THE MIDDLE AGES
AND THE EARLY MODERN TIME OF
NORTHERN EURASIA:
CONTACTS BETWEEN CULTURES,
STATES AND CIVILIZATIONS

УДК 904(571.122)«65»

М. Ю. БАРАНОВ

Баранов Максим Юрьевич — НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск).
E-mail: baranovm73@inbox.ru

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРИОБСКИХ ОСТЯКОВ XVII–XIX вв.

Ключевые слова: Северо-Западная Сибирь, река Обь, памятник археологии, новое время, экологическая адаптация и природопользование, приречно-таежный промысловый комплекс, локальная этническая группа (ханты припойменных районов р. Оби)

Резюме. Доклад содержит результаты полевых археологических исследований на памятнике нового времени (XVII–XIX вв.), расположенного в Северо-Западной Сибири, в бассейне реки Обь. Рассмотрены типы жилых и хозяйственных построек того периода. Представлена также коллекция обнаруженных артефактов, которые иллюстрируют пример экологической адаптации локальной этнической группы хантов, населявших пойменные районы р. Оби. Памятник интерпретирован как зимнее поселение аборигенов Сибири, функционировавшее в качестве постоянного двора (почтовой станции), который был расположен на зимнем пути Самаровского яма, который связывал европейскую часть России и города Тобольского Севера.

В XVII–XIX вв. в среднем течении р. Обь, на территории современного Ханты-Мансийского района ХМАО — Югры, в подтопляемой в паводок обской пойме существовали поселения аборигенов. Такое расположение поселений объяснялось сложившимся в XVI–XIX вв. хозяйственным комплексом, связанным с оседлым образом жизни и подводной повинностью по дороге Самарово — Нарым. Основными хозяйственными занятиями аборигенов были коневодство, товарное рыболовство, пушной промысел для уплаты ясака, занимались собирательством, а с XIX в. стали разводить коров.

В конце XVII в. по мере заселения Средней Оби выходцами с Русского Севера начались аккультурация и крещение коренного населения. Имели место широкие заимствования в области материальной культуры. К XX в. жители Средней Оби инкорпорировались в состав русского населения.

В начале XX в. А. А. Дунин-Горкавич назвал обитателей этих поселений «лошадными» или «конными» остяками [1, с. 88, 130]. А. В. Головнёв определяет данный комплекс как приречно-таежный промысловый,

M. YU. BARANOV

Baranov Maxim Yurjevich — ООО «Northern Archeology-1», (Russia, Nefteyugansk).
E-mail: baranovm73@inbox.ru

MATERIAL CULTURE THE OSTYAKS FROM THE OB RIVER BASIN IN THE 17TH–19TH CENTURIES

Key words: North-West Siberia, Ob river, archaeological site, Modern History, ecological adaptation and nature exploitation, river-taiga harvesting complex, local ethnic group (the Ob river floodland's Khanty)

Summary. The paper presents the results of the field archaeological studies on a Modern History site (the 17th–the 19th centuries) located in the North-West Siberia in the Ob river basin. Two types of houses and barns of that period were studied. The author also presents an assemblage of artifacts which illustrated an example of ecological adaptation of the Khanty local ethnic group from the floodland regions on the Ob river. The archaeological site has interpreted as the winter settlement of the Siberian aborigines which functioned as a coaching inn (post relay station) on the Samarov Yam winter road connecting the European part of Russia and the Tobolsk North towns.

In the 17th–19th centuries in the middle flow of the Ob river in the territory of the modern Khanty-Mansiysk district of KhMAO — Ugra there were several aboriginal settlements in the flooded during the snowmelt period Ob floodland. This location of the settlement is related to the established by the 16th–19th centuries economic complex associated with the settled way of life and the carriage duty on the road Samarovo — Narym. Horse husbandry, commercial fishing, hunting for fur animals for “yasak” payment, gathering, and from the 19th century also dairy farming were main occupation activities of the aboriginal population.

In the end of the 17th century following the colonization of the middle Ob territories by the Russian immigrants from the Russian North, there began the processes of acculturation and baptizing of the indigenous population. These were accompanied with large scale borrowings in the material culture area. By the 20th century the population of the Middle Ob region was incorporated into the Russian population.

In the beginning of the 20th century A. A. Dunin-Gorkavich named the people living in those settlements the “horse” Ostyaks [1, p. 88, 130]. A. V. Golovnev defined this complex as the river-taiga harvesting typical

присущий хантам припойменных районов рек Оби и Иртыша [2, с. 47].

В 2013–2014 гг. на Приобском месторождении нефти, в районе села Селиярово, проводились аварийные раскопки в месте расположения бывших юрт Балинских. Территория памятника значительно повреждена при прокладке высоковольтной линии и грунтовой автодороги. К настоящему времени на разрушенной части поселения вскрыта площадь 8 000 кв. м.

Культурный слой содержит остатки деревянных конструкций жилых и хозяйственных сооружений. Прослежено четыре строительных горизонта середины XVIII – конца XIX вв. Обнаружены остатки трех десятков построек различных размеров и функционального назначения. Выявлены традиционные каркасные и срубные жилые постройки. Остатки отопительных сооружений представлены развалами чувалов и глинобитных печей. Выявлены основания крупных амбаров производственного назначения, навесов для содержания скота, хозяйственные ямы для хранения и засолки рыбы, уличные очаги.

Коллекция артефактов датируется периодом середины XVIII – концом XIX вв.

В керамическом комплексе присутствуют местная грубая лепная керамика, привозная чернолощенная, морёная и серолощенная керамика, характерные для XVIII в. Более поздние виды керамики середины XVIII–XIX вв. представлены сероглиняной и поливной. Единичны фрагменты привозных изделий из светло-жгущейся глины.

Промысловое снаряжение включает в себя оснастку сетевых орудий лова, принадлежности ручных луков и шомпольных ружей, капканы, ножи. Детали обозно-конского снаряжения свидетельствуют о широком использовании лошадей. Найденные кузнечные инструменты указывают на существование специально оборудованной кузницы.

Археологи нашли в раскопе кухонную и печную утварь, берестяную посуду, приборы для сервировки стола, навесные и сундучные замки, гири-разновесы, подсвечники, предметы христианского культа, привозные украшения, оловянные литые накладки местного производства.

В коллекции широко представлены фабричные ткани, что связано с торговлей текстилем в населенных пунктах по Сибирскому тракту. Большая часть кожаной обуви шита согласно местным традициям. Имеются образцы обуви промышленного пошива, изготовленной в городах Европейской России в середине XIX в. Фрагменты войлочной обуви единичны. Комплекс монет царского чекана датируется периодом с 1742 по 1916 гг., большая часть монет относится ко времени с 1800 по 1850-е гг.

for the Khanty of the near floodland territories of the Ob and the Irtysh rivers [2, p. 47].

In 2013–2014 risqué excavations were undertaken in the Priobskoye oilfield near the Seliyarovo village at the place of the former Balincki Yurts location. The territory of the site was significantly damaged during the high-voltage power line and the dirt road construction. An area of 8,000 sq. m has been excavated so far in the destroyed part of the settlement.

The cultural level contained the remains of wooden frames of houses and barns. Four construction horizons of the middle of the 18th – end of the 19th centuries were identified. The remains of three dozen structures of various sizes and functional purpose were discovered. There were traditional frame and log houses. The remains of the heating structures were represented with the ruins of open type hearths and clay ovens. The bases of large production purpose barns were identified, as well as cattle sheds, storage pits for storage and salting of fish, and open air hearths.

The artifacts assemblage is dated back to the middle of the 18th – the end of the 19th centuries.

In the ceramics complex there are local coarse molded pottery, the imported black-glazed, stained, and gray-glazed pottery characteristic for the 18th century. Later types of ceramics of the middle of the 18th–19th century are represented with gray clay and glazed pottery. There are isolated fragments of imported light-burning kaolinite clay.

The hunting equipment included the fishing nets accessories, bows and muzzle-loading guns parts, traps, and knives. The details of the horse-carriage equipment and harness served as evidence of wide use of horses. The discovered forging tools pointed to the existence of a dedicated smithy.

The archaeologists found in the excavation also kitchen and oven utensils, birch bark ware, table ware, padlocks and trunk locks, scale weights, candle sticks, Christian cult items, imported decorations, tin cast pads of local making.

The factory-made textile is well represented, which is related to active trade in textiles in the villages along the Siberian road. The majority of leather footwear was made in accordance with the local traditions. There are samples of factory-made footwear made in the towns of European Russia in the middle of the 19th century. Fragments of woolen footwear are rare. A complex of the imperial mint coins is dated back to the period from 1742 to 1916, most of the coins are of the period from 1800 to the 1850^s.

Based on the analysis of historical records, the cartographic materials and the obtained assemblage the studied site could be interpreted as the winter settlement

На основании анализа исторических источников, картографических материалов и полученной коллекции исследованный памятник интерпретирован как зимнее поселение аборигенов, функционировавшее в качестве постоянного двора (почтовой станции), расположенного на зимнем пути Самаровского яма, который связывал европейскую часть России и города Тобольского Севера.

Вещевой комплекс свидетельствует о высокой степени адаптации сложившейся хозяйственной структуры к местным природным условиям. Отмечен ряд изделий и форм, характерных для аборигенов, однако большая часть изделий типична для русского населения. Наличие некоторых видов изделий, отнюдь не являвшихся предметами первой необходимости, позволяет говорить о налаженных торговых связях и востребованности предметов роскоши при обслуживании постоянного двора. Материалы археологических исследований подтверждают данные письменных источников XVII–XIX вв. об активном привлечении аборигенного населения к подводной гоньбе и товарному рыболовству. Наличие этих материалов позволяет выполнять объемные реконструкции локальных хозяйственных структур и этнокультурных традиций.

Литература / References:

1. Дунин-Горкавич А. А. Тобольский Север. М., 1995. Т. 1: Общий обзор страны, ее естественных богатств и промышленной деятельности населения.
2. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.

УДК 904(470.53)«65»

A. M. BELAVIN

Белавин Андрей Михайлович — д.и.н., ПГГПУ (Россия, Пермь). E-mail: belavin@pspu.ru

ПОГРЕБЕНИЯ С ВОИНСКИМИ ЗНАКАМИ
СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ
ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Ключевые слова: мадьяры, Предуралье, маски, сабли, подвески-всадники, поясные сумочки

Резюме. В угорских средневековых предуральских погребениях отчетливо выражены мадьярские признаки, которые могут быть интерпретированы как особые воинские знаки: сабли, маски, подвески, «комплекс коня» и т. д. Это свидетельствует о включении Предуралья в территорию «Magna Hungaria».

Эпоха средневековья в Предуралье характеризуется высокой ролью угорского этнического и культурного компонента среди населения неволинской и

of the aborigines functioning as the coaching inn (post relay station) on the Samarov Yam winter road connecting the European part of Russia and the Tobolsk North towns.

The materials` complex evidence the high degree of adaptation of the established economic pattern to the local natural environment. There are a number of artifacts and shapes characteristic for the aboriginal population, however, most of the articles were typical for the Russian population. The presence of some articles which obviously were not the primary essentials, allowed assuming the established trade relations and the existence of demand for luxury articles associated with the coaching inn services. The archaeological study materials confirms the written records of the 18th-19th centuries data about the active involvement of the aboriginal population in the carriage traffic and commercial fishing. Availability of these materials makes possible the large scale reconstructions of the local economy structures and the ethno-cultural traditions.

A. M. BELAVIN

Belavin Andrey Mikhailovich — Doctor of History, PSHPU (Russia, Perm). E-mail: belavin@pspu.ru

BURIALS WITH WARRIOR INSIGNIA FROM THE
MIDDLE AGE CEMETERIES OF
THE PERM CIS-URALS

Key words: Magyars, the Cis-Urals, masks, sabers, horse-rider pendants, belt bags

Summary. In the Ugrian Middle Age Cis-Uralian interments the distinct Magyar attributes could be interpreted as special warrior insignia: sabers, masks, pendants, a “horse complex”, etc. This is an evidence of the inclusion of the Cis-Urals in the territory of Magna Hungaria.

The Middle Ages in the Cis-Ural could be characterized by an active role of the Ugrian ethnic and cultural component among the populations of the

ломоватовско-поломской культур. В их материальной культуре и погребальной обрядности ярко представлены угорские (мадьярские) черты: погребальные маски, изделия с постсасанидским влиянием, своеобразное почитание шкуры лошади, декорированные сабли и прочее.

Характерные для мадьяр и угров Западной Сибири металлические лицевые погребальные покрытия широко представлены в ломоватовских захоронениях IX–XI вв., неволинских могильниках VII–IX вв. и ранних памятниках ванвиздинской культуры. У угров Сибири погребальные маски сохранились вплоть до нового времени. В погребальной обрядности венгров «периода Арпадов» в Подунавье также известны разные типы погребальных масок. Таким образом, для средневековой Восточной Европы погребальная маска — элемент угорской (мадьярской) погребальной обрядности, не менее яркий, чем поясные сумочки-ташки с металлическими украшениями, как отличительный элемент мадьярского костюма.

Практически все могильники ломоватовской культуры содержат свидетельства особой роли лошади в погребальной обрядности. В ногах отдельных погребенных лежат остатки лошади — череп (чаще только челюсти) и кости ног или копыта. Но обычно в засыпи погребения присутствуют лишь отдельные кости лошади (чаще зубы) — рачительность не позволяла лесным уграм хоронить вместе с человеком всю тушу коня. По наблюдениям венгерских археологов, еще один вариант такого обычая заключался в том, что в могилу клали только конскую сбрую и части конского снаряжения.

Многие могильники Пермского Предуралья содержат великолепные образцы всаднического вооружения. Наиболее знатные воины захоранивались с типично мадьярским набором оружия: сабля, боевой топор, стрелы. Погребения с саблями изучены в Демёнковском, Телячий Брод, Редикарском, Баяновском, Плёсинском, Агафоновском I, Аверинском II, Загарском, Степаново плотбище могильниках. Многие сабли имеют серебряные или бронзовые навершия и украшения наконечника и петель ножен, схожие с украшениями венгерских сабель «эпохи обретения Родины». В погребениях с саблями, как правило, встречаются детали узды, стремени, подпружные пряжки, изредка — кости коня.

Следует отметить, что в Венгрии «периода Арпадов» погребения с лошадиными костями, уздой и стремени, оружием, поясными сумками и драгоценными украшениями составляют около 3 %, что очень близко к могильникам Предуралья.

Среди средневековых могильников Пермского Предуралья ярко выделяется Баяновский могильник

Lomovatovskaya — Polomskaya cultures. In their material culture and the mortuary rituals the Ugrian (Magyar) features were visibly represented: the funeral masks, the post-Sasanians articles, the unique worship of the horse hide, the saber decoration, etc.

The characteristic for the Magyars and the Ugrians of western Siberia funeral metal face covers are well represented in the Lomovatovsky burials of the 9th–11th centuries, the Nevolinsky cemeteries of the 7th–9th centuries, and in the early Vanvizdino culture sites. The Siberian Ugrians maintained the funeral masks tradition until the Modern History. In the mortuary rituals of the Hungarians of the Arpad's period in the Danube region various types of funeral masks are also known. Thus for the medieval Eastern Europe the funeral mask was an element of the Ugrian (Magyar) mortuary rituals no less representative than the belt sabretache bags with metal decorations as the distinctive element of the Magyar costume.

Practically all burials of the Lomovatovskaya culture evidence the special role of horses in the funeral rites. At the feet of the deceased there were horse remains — a skull (more often only the jaws) and the long bones or hoofs. However, usually in the fill of the interments there were only some horse bones (most often teeth) — the thriftiness did not allow the forest Ugrians to bury the whole horse's carcass together with a deceased. According to the Hungarian archaeologists another version of this rite consisted in putting in the grave only a horse's harness and part of it.

Many cemeteries of the Perm Cis-Urals yielded splendid examples of horse-riders armor. The most noble warriors were buried with the typically Magyar set of arms: a saber, an axe, and arrows. Burials with sabers were studied in Demenkovskoje, Telyachy Brod, Redikar, Bayanovo, Plesy, Agafonofskoje I, Averinskoje II, Zagarskoje, and Stepanovo Plotbishche cemeteries. Many sabers had silver or bronze pommels and decorations of the cap and sheath similar to the decorations of the Hungarian sabers of the Hungarian Conquest period. In interments with sabers there were, as a rule, parts of bridle, stirrups, belly band clasps, and rarely — horse bones.

It should be noted that in Hungary of the Arpad's period interments with horse bones, bridle and stirrups, arms, belt bags and precious decorations constituted about 3 %, which is very similar to the same ratio in the Cis-Uralian cemeteries.

In the group of the medieval burials of the Perm Cis-Urals one of the most interesting sites is the Bayanovo necropolis of the 10th–11th centuries from the Kosva river. The material culture and the mortuary ritual indicate that it was left by the Ugrian-Magyar population. The Bolshetigan burial site in Tatarstan and the Hungarian

X–XI вв. на р. Косье. Материальная культура и погребальный обряд заставляют оценивать население, оставившее его, как угров-мадьяр. Ближайшие аналогии ему — Большетиганский могильник в Татарстане и могильники венгров периода Арпадов. Скорее всего, этот могильник оставлен населением, очень близким по этнокультурным традициям (видимо, и по языку) к венграм периода «обретения Родины».

Здесь найдено 105 погребальных масок разной конструкции от кусочков серебряных пластин и монет, положенных на глаза (как в венгерском могильнике Башхалом), наглазников и наротников типа венгерских из могильника Ракамаз, до цельных портретных масок с декоративными элементами, выполненными чеканкой. Процент погребений с масками очень высок — более 40 %.

Многочисленны погребения с саблями (2 десятка), с деталями узды и другим конским снаряжением, с останками коней в засыпи, в ногах погребенного в виде черепа (челюсти) и костей ног (2 погребения).

В 15 погребениях найдены остатки кожаных поясных кошельков с металлическими деталями. Особый интерес представляют находки 2 сумочек-ташек с серебряными лицевыми пластинами, в том числе, в погр. 279 с пластиной, украшенной великолепным гравированным орнаментом в виде пальметт. В сумочке, благодаря консервирующим свойствам серебра лицевой пластины, сохранились роговая солонища с деревянными пробками и деревянный биконьковый гребень, украшенный традиционным угорским орнаментом.

Во многих захоронениях с саблями и деталями узды на груди погребенного находился особый знак — серебряная подвеска в виде всадника на основании (из 9 найденных подвесок 6 — в комплекте с саблей). Видимо, это был знак принадлежности к особой всаднической касте, в могилах венгров периода «обретения Родины» найдены похожие знаки.

О богатстве воинов свидетельствуют и остатки шелковых одежд. Шелком по традиции расплачивались со своими федератами — тюрками и уграми — византийцы. В одном из погребений Баяновского могильника с погребальной маской, деталями узды, пикообразным наконечником копья и легким боевым топориком-«фокош» был найден серебряный византийский художественный пояс с уникальным сюжетом «царские утехы». Такие пояса производились в Византии VIII в. в качестве наград для воинов союзников из числа «варваров». В Прикамье пояс попал, скорее всего, вместе с воином, принимавшим участие в каких-либо военных операциях византийцев. Пояс бережно сохранялся до X в., когда был похоронен,

interments of the Arpad's period are the closest analogues to this site. Most likely this site was left by the population very close in its ethno-cultural traditions (probably, linguistically as well) to the Hungarians of the Hungarian Conquest period.

105 funeral masks of various design were found in the burials ranging from silver plates pieces and coins placed on the eyes (as in the Hungarian Bashalom interment), eye guards and mouth covers of the Hungarian type from Rakamaz interment, to whole portrait masks with decorative elements made in embossing technique. The percentage of burials with masks is quite high — over 40 %.

There were numerous interments with sabers (two dozens), with details of bridle and other caparison, with remains of horses in the fill at the feet of the buried person in the form of a skull (jaws) and legs bones (2 interments).

In 15 interments there were remains of leather belt bags with metal parts. Of a particular interest were the finds of 2 sabretache bags with silver face plates, including in interment 279 with a plate decorated with a magnificent palmette ornament. In the bag, owing to the conservation properties of the face plate silver there was a well preserved antler salt box with wooden stops, and a wooden arched comb decorated with a traditional Ugrian ornament.

In many interments with sabers and bridle details there was a special sign on the deceased breast — a silver pendant in the shape of a rider on a base (out of 9 found pendants 6 are in the same set with a saber). Apparently this is a sign of belonging to a special horse-riders cast, in the Hungarian graves of the Hungarian Conquest period there were similar signs.

The remains of their silk dress evidence the richness of the warriors' clothes. Silk was a commodity in which the Byzantines traditionally paid their federates — the Turks and the Ugrians. In one of the Bayanovo burials with the funeral mask, bridle details, pike-shaped spear point, and a light battle axe — “fokos” there was a silver Byzantine decorated belt with the unique motif “tsar's pleasures”. This type of belts was made in Byzantium in the 8th century as military decorations for the allied “barbarian” warriors. The belt came to the Kama region, most likely, together with the warrior himself, who participated in some Byzantine military campaign. The belt was carefully kept until the 10th century, when it was buried, possibly, with the last male warrior in the family. The presence of the silver composite belts in the military graves of the Bayanovo cemetery indicate the preservation of the long-standing military traditions in the medieval Ugrian society of the Perm Cis-Urals.

возможно, с последним мужчиной-воином в этой семье. Присутствие серебряных наборных поясов в воинских захоронениях Баяновского могильника указывает на длительное сохранение древних военных традиций в средневековом угорском обществе Пермского Предуралья.

В могильниках Предуралья X–XII вв. встречены и собственно венгерские вещи — лицевые накладки поясных кошельков, поясные серебряные наборы, сабли, серебряные сосуды венгерского производства. Все это указывает на сохранение прямых связей с Западной Венгрией долгое время после ухода мадьяр в Подунавье. Пермское Предуралье (южная часть ломоватовских памятников IX–XI вв.), таким образом, также входила в Magna Hungaria, как и население Южного Предуралья (Башкирии и Северо-восточного Татарстана). Маски, сабли и подвески-всадники составляли особые воинские знаки в этой среде.

УДК 904(571.1)«65»

А. П. БОРОДОВСКИЙ

Бородовский Андрей Павлович — д.и.н.,
ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС
В ЭЛИТАРНЫХ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ
РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ВЕРХНЕЙ ОБИ¹

Ключевые слова: транскультурный предметный комплекс, элитарные детские погребения, эпоха раннего средневековья, Западная Сибирь

Резюме. Транскультурный предметный комплекс эпохи раннего средневековья Западной Сибири по материалам детских элитарных захоронений Верхней Оби отражает парные законы одновременного действия: специализации и универсализации, дивергенции и конвергенции, полиморфизма и полифункциональности, универсализации и многофункциональности.

На территории Верхней Оби транскультурный предметный комплекс наиболее отчетливо представлен в сопроводительном инвентаре раннесредневековых элитарных детских захоронений (Умна-2, Умна-3, Юрт-Акбалык-8, Ивановка-6) верхнеобской культуры [1; 2; 3; 4]. Отдельные предметы

¹ Исследование выполнено за счет гранта РФФ, проект № 14-50-00036

In the Cis-Ural cemeteries of the 10th–12th centuries there were occasional finds of the Hungarian proper artifacts — face plates of the belt bags, belt silver sets, sabers, silver vessels of Hungarian manufacturing. All this indicates the preservation of direct ties with the Western Hungary for a long time after the Magyars migration to the Danube area. The Perm Cis-Urals (the southern part of the Lomovatovsky sites of the 9th–11th centuries) was, in this way, also a part of Magna Hungaria, similarly to the population of the southern Cis-Urals (Bashkiria and the north-east Tatarstan). The masks, sabers, and rider-pendants were used as special warrior insignia in this environment.

A. P. BORODOVSKY

Borodovsky Andrey Pavlovich — Doctor of History,
IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk).
E-mail: altaicenter2011@gmail.com

TRANSCULTURAL GRAVE GOODS` COMPLEX OF
THE ELITE CHILDREN`S BURIALS OF THE EARLY MIDDLE
AGE IN THE UPPER OB RIVER BASIN¹

Key words: transcultural grave goods` complex, the elite children`s burials, early Middle Age, Western Siberia

Summary. The transcultural grave goods` complex of the early Middle Age of Western Siberia according to the materials of the elite children`s burials of the Upper Ob river basin is a manifestation of the paired joint action laws: specialization and universalization, divergence and convergence, polymorphism and polyfunctionality, universalization and multifunctionality.

In the Upper Ob river basin the transcultural grave goods` complex is most visibly represented in the archaeological finds of the early Middle Age elite children`s burials (Umna-2, Umna-3, Yurt-Aktybalyk-8, Ivanovka-6) of the Upper Ob culture [1; 2; 3; 4]. Some finds from Ivanovka-6 [4] are similar to the grave goods from the chieftan`s burials near Tugozvonovo

¹ The study was financed by the Russian Research Foundation grant (project № 14-50-00036)

из Ивановки-6 [4] близки к изделиям из княжеского захоронения у с. Тугозвонovo [5, с. 129–163]. Например, серебряная фибула-подвеска, декорированная зернью с гранатовым кабошоном [6]. Это полихромное украшение соотносится с изделиями из Средней Азии, а также первой группой предметов полихромного стиля, типичного для Северного Причерноморья [7, с. 16–24; 8, с. 59].

Одним из характерных транскультурных предметов из детского погребения Ивановки-6 эпохи раннего средневековья является бронзовая гривна ромбического сечения с петлевидным окончанием «ломатовского» типа. К таким же изделиям можно отнести бронзовые наконечники украшения в виде объемных зооморфных отливок из этого же погребального комплекса. Они выполнены в «пермском» зверином стиле, и часто встречаются в V–VI вв. вместе с бронзовыми гривнами ромбического сечения [9, с. 77–79].

Местная адаптация производства предметов «общеевразийской моды» хорошо прослеживается и в особенностях изготовления «геральдических» псевдопряжек поясной фурнитуры из детского погребения Юрт-Акбалык-8 [2].

Кроме предметов с ложной зернью, скорее всего, импортного происхождения (Тимирязево-1, Крохалева-23, Ераска) [10, с. 90; 11, с. 77–80] такой декоративный элемент получил широкое распространение в местной западносибирской металлопластике – подпрямоугольных бляхах с выпуклостями и прорезями с псевдозернью из состава поясной фурнитуры. На юге Западной Сибири серия таких изделий локализуется в Верхнем Приобье от г. Новосибирска (Юрт-Акбалык-4, Юрт-Акбалык-8; Черное Озеро-1, Ивановка-6, Старобибеево) и до г. Бийска (Бийское городище 2). Аналогичные предметы так же представлены в раннесредневековых памятниках южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья (Усть-Тара VII) и Сургутского Приобья (городище Сартым-урий) [12].

Безусловно, местным украшением из Ивановки-6 являются серьги в виде знака вопроса с витым стержнем из бронзовой проволоки с остатками в нем дерева. В Западной Сибири такие серьги представлены от южно-таежной зоны Тоболо-Иртышья (Усть-Тара VII) [12, с. 124, рис. 6, 4] до Верхней Оби (Ближние Елбаны-3, Ивановка-6) [13].

С хронологической точки зрения в предметном комплексе элитарных верхнеобских детских погребений эпохи раннего средневековья представлены два варианта существования транскультурного предметного комплекса: синхронный и несинхронный вещевой набор. Последняя особенность связана с

village [5, p. 129–163]. For instance, there is silver filigree decorated fibula-pendant with garnet cabochon [6]. This polychrome decoration is correlated with the finds from Central Asia, as well as with the first group of polychrome artifacts typical for the northern Black Sea region [7, p. 16–24; 8, p. 59].

One of the characteristic transcultural finds from a child's interment Ivanovka-6 of the early Middle Age is a rhombic section bronze necklet with a loop-shaped end of the Lomovatovskaya type. Bronze braid decorations in the shape of three dimensional zoomorphic castings from the same burial complex could also be referred to the same group. They have been done according to the "Perm" animal style and were quite commonly found in the 5th–6th century sites together with the bronze rhombic section necklets [9, p. 77–79].

Local adaptation of the "Pan-Eurasian fashion" goods production is well visible also in the specific manufacturing features of the "heraldic" pseudo-clasps of the belt accessory set from a child's interment Yurt-Aktybalyk-8 [2].

In addition to the false filigree finds, most likely of imported origin (Timiryazovo-1, Krokhalovka-23, Epaska) [10, p. 90; 11, p. 77–80], this decorative element is also quite common in the local Siberian metal plastics – sub-rectangular plaques with embossments and slots with pseudo filigree from the belt accessory sets. In the south of Western Siberia a series of such items is localized in the Upper Ob river basin from Novosibirsk (Yurt-Aktybalyk-4, Yurt-Aktybalyk-8; Chernoye Ozero-1, Ivanovka-6, Starobobejevo) and up to Biysk (Biysk hillfort 2). Similar artifacts are also presented in the early Middle Age archaeological sites of the south taiga zone of the Tobol-Irtysh rivers basin (Ust-Tara VII) and the Surgut-Ob river area (Sartym-Urij hillfort) [12].

A question mark shaped ear-rings with a twisted bronze wire rod with the remains of wood in it from Ivanovka-6 site is of undoubtedly local origin. In Western Siberia such type of ear-rings is well-known over the territory from the southern taiga zone of the Tobol-Irtysh rivers basin (Ust-Tara VII) [12, p. 124, fig. 6, 4] to the Upper Ob river (Blizhnije Elbany-3, Ivanovka-6) [13].

From the point of view of chronology of studied finds two variants of existence of the transcultural grave goods` complex are represented in the elite children's interments of the early Middle Age: the synchronous and the asynchronous sets of artifacts. The latter fact is related to the characteristic specific feature of all elite interments, the grave goods of which often contains rare and imported artifacts.

характерной спецификой любых элитарных захоронений, в сопроводительном комплексе которых достаточно часто встречаются раритетные, импортные предметы.

Литература / References:

1. Троицкая Т. Н. Детские погребения в VI–V вв. до н. э. — VII–VIII вв. н. э. в Новосибирском Приобье // Экономика и общественный строй древних и средневековых племен Западной Сибири. Новосибирск, 1989. С. 59–68.
2. Троицкая Т. Н., Бородавский А. П. Погребения младенцев в курганах VII в. в Новосибирском Приобье // Мировоззрение финно-угорских народов. Новосибирск, 1990. С. 149–162.
3. Троицкая Т. Н., Новиков А. А. Кохалевка-23 — памятник одинцовского этапа верхнеобской культуры // Этническая история тюркских народов Сибири и сопредельных территорий (по данным археологии). Омск, 1992. С. 116–119.
4. Borodovskij A. P. Fruhmittelalterliche Prunkbestattungen von Kindern am Oberen Ob', Sibirien // Eurasia Antiqua. Berlin, 2001. Bd. 7. S. 569–584.
5. Уманский А. П. Погребение эпохи «Великого переселения народов» на Чарыше // Древние культуры Алтая и Западной Сибири. Новосибирск, 1978. С. 129–163.
6. Бородавский А. П., Оболенский А. А., Бабич В. В., Борисенко А. С., Морцев Н. К. Древнее серебро Сибири. Новосибирск, 2005.
7. Засецкая И. П. Классификация полихромных украшений гуннской эпохи по стилистическим данным // Древности эпохи великого переселения народов V–VIII вв. М., 1982. С. 14–30.
8. Засецкая И. П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб, 1994.
9. Боброва А. А. Реконструкция косников, наконечных головных украшений по материалам средневековых могильников // Скифо-сибирская культурно-историческая общность. Раннее и Позднее Средневековье. Омск, 1987. С. 76–79.
10. Беликова О. Б., Плетнева Л. М. Памятники Томского Приобья в V–VIII вв. Томск, 1983.
11. Егоров Я. В. Новое исследование погребения воина эпохи великого переселения народов на Алтае // Культура древних народов южной Сибири. Барнаул, 1993. С. 77–80.
12. Борзунов В. А., Чемякин Ю. П. Карымские памятники и общество таежного Приобья: основные характеристики // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 102–124.
13. Бородавский А. П. Проблемы этно-территориальной интерпретации некоторых раннесредневековых украшений Верхней Оби // Методика комплексных исследований культур и народов Западной Сибири. Томск, 1995. С. 29–31.

УДК 904(571.16)«65»

Е. В. ВОДЯСОВ, О. В. ЗАЙЦЕВА

Водясов Евгений Вячеславович — к.и.н., ТГУ
(Россия, Томск). E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Зайцева Ольга Викторовна — к.и.н., ТГУ
(Россия, Томск). E-mail: snori76@mail.ru

ФЕНОМЕН ШАЙТАНСКОГО РУДНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II тыс. н. э.)¹

Ключевые слова: металлургия железа, средневековье, Томское Приобье

E. V. VODYASOV, O. V. ZAITSEVA

Vodyasov Evgeni Vyacheslavovich — PhD in History,
TSU (Russia, Tomsk) E-mail: vodiasov_ev@mail.ru

Zaitseva Olga Victorovna — PhD in History,
TSU (Russia, Tomsk) E-mail: snori76@mail.ru

PHENOMENON OF THE SHAITAN MINING AND METALLURGICAL COMPLEX (TOMSK OB RIVER BASIN, FIRST HALF OF THE 2ND MILLENNIUM AD)¹

Key words: ferrous metallurgy, Middle Ages, Tomsk Ob region

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220 № 14.В25.31.0009)

¹ The study was performed as part of the project “Man in a changing world. Problems of identity and social adaptation in history and the present time” (grant of the Government of the RF P 220 № 14.V25.31.0009)

Резюме. В статье изложены итоги комплексных исследований Шайтанского рудно-металлургического комплекса, расположенного на юге Томской области. Масштабы производств железа средневековым населением урочища Шайтан позволяют назвать его крупнейшим металлургическим центром Обь-Иртышья первой половины II тыс. н. э.

На юге Томской области находится один из крупнейших в Верхнем Приобье комплекс средневековых памятников, получивший название Шайтанского археологического микрорайона [1]. Девятнадцать археологических памятников расположены «сплошной вереницей» на правой надпойменной террасе р. Оби. Как показали исследования, проведенные в 2000–2013 гг., большинство поселений и городищ существовали синхронно и датируются в пределах X–XV вв. н. э. [2, с. 11]. Практически на каждом из них открыты многочисленные свидетельства железоделательного производства: десятки металлургических горнов и сотни скопления железистых шлаков и железной дробленой руды. Сырьевой базой для столь масштабного металлургического производства служило расположенное здесь же Киреевское проявление сидерита. Доступность выходов руды (поверхностное залегание) и ее хорошее качество (среднее содержание Fe — 47,7%) во многом предопределили хозяйственную направленность жившего здесь населения. Плавка железа осуществлялась как непосредственно на территории поселков, так и на специально отведенных производственных площадках, расположенных поблизости. На самой крупной производственной площадке геофизическими методами и археологическими раскопками было выявлено более 80 металлургических объектов. По итогам исследований выделено два основных типа сыродутных горнов, синхронно бытовавших в хозяйстве средневекового населения урочища Шайтан [2, с. 19].

Первый тип представлен небольшими теплотехническими сооружениями с округлым основанием (30–50 см в диаметре), имевшими наземную глиняную конструкцию в форме усеченного конуса высотой не более 0,5 м. Такие горны исследованы непосредственно в жилищах или рядом с ними и, вероятно, служили для получения небольшого количества металла для бытовых нужд.

Второй тип горнов обеспечивал выход железа в несколько килограммов. Характеризуется наземной глиняной конструкцией прямоугольной формы (длиной до 1 м) и наличием предгорновой ямы для выпуска шлака в ходе сыродутного процесса. Такие сооружения имели плавильные камеры значительно

Summary. The article presents the results of a comprehensive study of the Shaitan mining and metallurgical complex in the south of the Tomsk Oblast. The scale of iron production by the medieval population of the Shaitan tract gave reasons to attribute it as the biggest metallurgical center of the Ob-Irtysh rivers' basin of the first half of the 2nd millennium AD.

In the south of the Tomsk Oblast there is one of the largest in the Upper Ob river basin complex of the Middle Age archaeological sites, known as the Shaitan archaeological district [1]. Nineteen archaeological sites are located in a “solid line” on the right, above flood-plain terrace of the Ob river. As it was demonstrated by the 2000–2013 research most of the settlements and fortresses functioned synchronously and are dated within the range of the 10th – the 15th centuries AD. [2, p. 11]. Practically in each of them there are numerous evidence of iron-making production: dozens of metallurgical furnaces and hundreds of iron slag and crushed iron ore accumulations. The raw material base for such a large-scale metallurgical operation is the location in the same area of a Kireev iron-carbonate occurrence. Accessibility of the ore occurrences (surface deposition) and its good quality (average iron content — 47.7%) have in many respects predetermined the nature of the economy of the local population. Iron smelting was performed both directly in the settlements territory, and in the dedicated production sites located nearby. On the largest production site over 80 metallurgical facilities have been discovered with the use of geo-physical and archaeological research methods. By the results of the research two main types of synchronously functioned by the medieval population of the Shaitan tract Catalan furnaces were identified.

The first type is represented with small size heat-treatment hearths with rounded bottom (30–50 cm in diameter), in the form of surface, truncated cone shaped clay structures, the height of which was not more than 0.5 m. This type of furnaces were found directly in the houses, or nearby and served, apparently, for producing small quantities of metal for household needs.

The second type of furnaces could produce up to several kilograms of iron. It is represented with surface, rectangular clay structures (up to 1 m long) and the presence of a pit in front of the furnace, which was used for letting out slag produced in the bloomery process. These structures had smelting chambers of significantly larger size than the first type furnaces, and the iron produced in them was, probably, used for commercial exchange.

The overall amount of iron slag discovered so far on the Shaitan archaeological district sites is about 1,500 kg: on an average 1.5 kg of slag per 1 sq. m of the

большого размера, чем горны первого типа, а получаемое в них железо, возможно, предназначалось для торговых обменов.

Всего на сегодняшний момент на памятниках Шайтанского микрорайона обнаружено порядка 1 500 кг железистых шлаков: в среднем – 1,5 кг шлака на 1 кв. м исследованной площади. Как показывают результаты наших экспериментальных плавов, соотношение веса загружаемой в горн руды и получаемого шлака равняется приблизительно 3:1 [3, с. 232]. Таким образом, для образования такого количества шлака необходимо переработать около 4 500 кг обогащенной руды. В ходе естественнонаучных и экспериментальных исследований установлено, что потери при прокаливании сидеритовой руды составляют около 30 %. Получается, что средневековые металлурги добыли приблизительно 15 000 кг сырой необогащенной руды, которая способна была дать им порядка 3 000 кг железа. Учитывая, что на настоящий момент раскопками исследовано только 2 % от общей площади более 10 га, занимаемой средневековыми поселениями, можно считать Шайтанский рудно-металлургический комплекс крупнейшим из всех известных на территории Обь-Иртышья.

Естественно, возникает вопрос: почему именно здесь в X–XV вв. н.э. случился расцвет железоделательного производства, вызвавший появление крупнейшего в регионе поселенческого комплекса, при том, что памятники более раннего времени в этом месте вообще не известны. Вероятно, появление Шайтанского рудно-металлургического комплекса может быть связано с миграциями «степного» населения на рубеже I–II тыс. н. э. Прибывшее в эти места группы людей, как показывают археологические материалы, специализировались на скотоводстве (с преобладанием в стаде лошади) и массовом производстве железа. Скорее всего, выбор места для будущего крупного поселенческого комплекса был связан с наличием качественной минерально-сырьевой базой и обширными пойменными пастбищами. Вероятно, в рассматриваемое время здесь образовался крупный политический и экономический центр, обеспечивающий железными изделиями не только собственное население, но и соседние регионы.

Литература / References:

1. Зайцева О. В., Барсуков Е. В., Гусев А. В. О выделении Шайтанского археологического микрорайона на юге Томской области // Археологические микрорайоны северной Евразии. Омск, 2004. С. 37–40.
2. Водясов Е. В. Черная металлургия в Обь-Томском междуречье в эпоху средневековья: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Кемерово, 2012.
3. Зайцева О. В., Водясов Е. В. Экспериментальное моделирование средневековых технологий получения железа (по материалам Обь-Томского междуречья) // Экспериментальная археология. Взгляд в XXI век: материалы междунар. полевой науч. конф. Ульяновск, 2013. С. 231–237.

researched area. As it was demonstrated by the results of our experimental heats the ratio of furnace charge to the obtained slag was approximately 3:1 [3, p. 232]. Thus for the formation of this amount of slag it was necessary to smelt about 4,500 kg of enriched ore. In the course of scientific and experimental studies it was established that process losses during the iron-carbonate ore roasting were about 30 %. This meant that the Middle Age metallurgists mined approximately 15,000 kg of crude ore, which was capable to yield about 3,000 kg of iron. Taking into account that at present only about 2 % of the total area of over 10 hectares covered by the Middle Age settlements has been researched, we may assume that the Shaitan mining and metallurgical complex is the largest of the so far known complexes in the territory of the Ob-Irtysh rivers` basin.

This inevitably raised a question: why it was that area that in the 10th–15th centuries AD experienced a rise of iron making production, which led to the appearance of the largest in the area settlement complex, particularly, bearing in mind that there was no evidence of any earlier archaeological sites in that territory. It is probable that the appearance of the Shaitan mining and metallurgical complex could be related to migrations of the “steppe” population at the turn of the 1st – 2nd millennia AD. The groups of people shifted to these territories, as it was evidenced by the archaeological materials, specialized in herding (with horses being the dominant species) and mass production of iron. Most likely the choice of places for a future large settlement complex was related to the availability of high quality raw material base and the vast flood land pastures. Apparently during the studied chronological locus a large political and economic center was formed in the area, which produced iron goods not only for its own population, but also exported them to the neighboring regions.

УДК 904(571.5):903.04

Т. Н. ГЛУШКОВА

Глушкова Тамара Николаевна — д.и.н., Сургутский государственный педагогический университет (Россия, Сургут). E-mail: tam.g@mail.ru

ФРАГМЕНТ ВОРСОВОГО КОВРА ИЗ РАСКОПОК
В СТАРОТУРУХАНСКЕ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО
ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ В СИБИРИ XVII —
НАЧАЛА XVIII ВВ.

Ключевые слова: ворсовый ковер; метод технологической аналогии; экспериментальный метод; сибирский торговый тракт в XVII–XVIII вв.

Резюме. Среди текстильных материалов XVII — начала XVIII вв. из Старотуруханска был обнаружен необычный предмет в форме стельки, который при более тщательном исследовании оказался фрагментом ворсового ковра. Технология изготовления текстильного фрагмента по технологическим характеристикам соотносима с тюменскими ворсовыми коврами, появившимися в Сибири в это время. Проведенный сопоставительный анализ материала позволяет поставить вопрос о появлении ковровых изделий на севере Восточной Сибири благодаря активной торговле, соединившей в XVII — начале XVIII вв. западные и крайние восточные территории Российского государства.

Текстильные материалы из Старотуруханска уже частично введены в научный оборот и это позволяет сделать вывод о том, что здесь преобладали те виды текстильных изделий, которые бытовали на территории Западной Сибири в XVII–XVIII вв. повсеместно. Это разнообразные ткани из шерсти полотняного и саржевого переплетения, полотно из растительного сырья, вязаные одной иглой рукавицы, плетеный гайтан, войлочные изделия. Безусловно импортными можно считать шелковые ткани, тонкое цветное сукно, шерстяное полотно высокого качества с цветными нитями в кромке [1]. Таким образом, текстильные материалы из Старотуруханского городища демонстрируют очень разные технологические характеристики, что может говорить в пользу их импортного происхождения для этой территории. Часть текстильных образцов может быть описана как серийный материал, который был широко распространен в это время и на других территориях Сибири [2; 3; 4; и др.]

Однако один фрагмент явно выпадает по своим характеристикам из серийного материала. Это фрагмент ворсового ковра с довольно оригинальными

T. N. GLUSHKOVA

Glushkova Tamara Nikolayevna — Doctor of History, Surgut State Pedagogical University (Russia Surgut). E-mail: tam.g@mail.ru

FRAGMENT OF TUFTED CARPET FROM EXCAVATIONS
IN STAROTURUKHANSK AS AN EVIDENCE OF TRADE
CONTACTS IN SIBERIA IN THE 17TH — EARLY 18TH
CENTURIES

Key words: tufted carpet, technological analogy method, experimental method, Siberian trade road in the 17th–18th centuries

Summary. In the group of the 17th — early 18th century textile materials from Staroturukhansk an unusual, slipsole shaped find was registered, which upon more detailed examination proved to be a tufted carpet fragment. The technique of this textile fragment manufacturing is in its technological characteristics similar to the Tyumen tufted carpets which appeared in Siberia at that time. Comparative analysis of the material allowed raising a question about the importation of carpet goods into eastern Siberia as a result of active trade connecting in the 17th — early 18th centuries the western and the far eastern territories of the Russian state.

Textile materials from Staroturukhansk are already partially researched, on the basis of which a conclusion was made that the dominant type of textile goods there were some which were commonly used in the territory of western Siberia in the 17th–18th centuries. These were various types of fabric from plain or twill weave wool, vegetable tissue, knitted with one needle mittens, braided gaitan, and felt goods. Apparently we could also include in a group of imported goods silk; thin, colored woolen cloth; and high quality wool with colored thread in the hem [1]. Thus the textile materials from Staroturukhansk fortress demonstrates quite varied technological characteristics, which could be interpreted as an evidence of their imported origin in this territory. Part of textile samples could be described as mass production material which was quite common at the time also in other territories of Siberia [2; 3; 4; et al.]

However, one fragment obviously stood out from this group by its characteristics. This was a fragment of a tufted carpet with rather unique characteristics which was used secondarily as a slipsole judging by the surface wear. This was quite logical, since an item with such characteristics (rather dense, thick, and, at the same time, soft and elastic) had good heat-protective properties, could create comfortable conditions for feet in the

характеристиками, который явно использовался вторично — как стелька, судя по заношенности поверхности. Это вполне оправданно, так как тканый предмет с такими характеристиками (довольно плотный, толстый, при этом мягкий, эластичный) имел хорошие теплозащитные свойства, мог создавать комфортные условия для нахождения ноги в верхней обуви в холодную погоду. То, что этот фрагмент текстиля не был специально изготовлен как стелька, говорит его внешний вид (он был явно вырезан по форме и размеру ноги или обуви из большего по размерам полотна ковра с ворсом).

Технологические характеристики образца ворсового ковра имеют много аналогий с т. н. «тюменскими махровыми или морховыми коврами», которые изготавливались кустарным способом в это время и имели широкое распространение, благодаря сибирскому торговому тракту [5]. Имеются известия о том, что в документах начала XVIII в. часто встречалось упоминание о коврах «кармацкого дела», местом производства которых были старинные русские деревни, расположенные вдоль бойкого торгового и почтового Московского тракта, где женщины активно занимались рукоделием, в том числе «тканием разношерстных цветных из коровьей шерсти ковров» [5, с. 22]. Ковры здесь изготавливали также и из овечьей пряжи. По сути, здесь сформировался промысловый центр с устоявшейся технологией ткачества, которого не было на других сибирских территориях. Его развитие было связано с потребностями рынка (ворсовые ковры кроме домашнего применения использовались также как санные для утепления повозки). Представляется, что можно предположить с большой долей вероятности, что необычная стелька из раскопок в Старотуруханске — это кусок ворсового ковра, изготовленного в тюменских селах, оказавшегося на территории Восточной Сибири в начале XVIII в. благодаря действию торгового и почтового тракта. Этот вывод позволяет сделать использование метода технологической аналогии по результатам специального технологического исследования материалов текстильной коллекции Старотуруханска. Экспериментальный метод, примененный студенткой СурГПУ Г. Насибуллиной [6] позволил получить реплику текстильного изделия, которое полностью соответствовало внешнему виду археологического образца и отражало все значимые характеристики тюменского ковра.

Литература / References:

1. Глушкова Т. Н., Шулаева А. Н. Сравнительная характеристика текстильных материалов из Мангазеи и Старотуруханска (XVII в.) // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи: материалы Всерос. науч. археол. конф. (Сургут, 1–4 октября 2013 г.). Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 238–242.
2. Глушкова Т. Н. Археологические ткани Западной Сибири. Сургут, 2002.

shoes in cold weather. The fact that this textile fragment was not initially made as a slipsole was clear from its appearance (it was obviously cut according to the foot or shoe shape and size out of a bigger in size pile carpet).

The technological characteristics of a tufted carpet sample has plenty of similarities with the so-called “Tyumen cut-pile carpets”, which were hand-made at that time and were quite common in a wide territory thanks to the Siberian trade road [5]. There is information that in the documents of the beginning of the 18th century some “Karmatian type” carpets were often mentioned, which originated from the old Russian villages located along the actively used trade and Moscow post road, where women have been actively engaged in handicrafts, including “weaving of all types of colored cow wool carpets” [5, p. 22]. Sheep wool carpets were also made there. In fact there formed a manufacturing center with the established weaving technique with no analogues in any other territory of Siberia. Its development is related to the exiting market demand (tufted carpets apart from homes were also used for warmth-keeping in sleds and carriages). We believe that it may be assumed with high probability that an unusual slipsole from the Staroturukhansk excavation is a piece of tufted carpet made in one of the Tyumen villages and brought to the territory of eastern Siberia in the beginning of the 18th century owing to the operation of the trade and post road. This conclusion is made possible as a result of technological analogies method employed in a dedicated technological study of the materials of textile collection from Staroturukhansk. The experimental method used by a student of Surgut State Pedagogical University G. Nesibullina [6] allowed to obtain a replica of a textile which completely matched in appearance the archaeological sample and demonstrated all meaningful characteristics of a Tyumen carpet.

3. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г., Глушкова Т. Н., Киреева Е. В., Сутула А. В. Текстиль Мангазеи (начало XVII в.) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2006. № 1 (25). С. 117–131.
4. Глушкова Т. Н., Матвеев А. В., Аношко О. М. Остатки текстильных изделий в материалах раскопок на верхнем посаде Тобольска // Экология традиционных обществ: сборник докладов конференции. Вып. 4. Тюмень, 2011. С. 218–220.
5. Сезева Н. И. Ковры России. Тюменский ковер. М., 2009.
6. Насибулина Г. И. Оригинальная стелька из Старотуруханского городища конца XVII–XIX вв. // Материалы 51-й междунар. науч. студент. конф. «Студент и научно-технический прогресс» 12–18 апреля 2013 г. Археология. Новосибирск, 2013. С. 105

УДК 904(470.51)«65»

Е. В. ГОЛДИНА

Голдина Екатерина Владимировна — к.и.н.,
УдГУ (Россия, Ижевск). E-mail: goldina66@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ОЖЕРЕЛИЙ ИЗ БУС ПО
МАТЕРИАЛАМ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА
I–V вв. НА СРЕДНЕЙ КАМЕ

Ключевые слова: Среднее Прикамье, Тарасовский могильник, бусы, бисер, комбинации ожерелий, торговые связи

Резюме. В статье представлены итоги анализа комбинаций ожерелий из бус уникального памятника Среднего Прикамья — Тарасовского могильника. Доминирование образцовых и основных комбинаций позволяет предположить, что бусы и бисер попадали на территорию Среднего Прикамья на протяжении I–V вв. при минимальном количестве посредников, скорее всего, из мастерских Северного Причерноморья.

Тарасовский могильник — один из крупнейших раскопанных финно-угорских могильников России, который существовал на протяжении первой половины I тыс. н. э. и представляет собой своеобразный памятник чегандинского варианта пьяноборской общности [1, с. 3, 301, 306–307]. Около трети погребений его содержали бусы и бисер (18 512 экземпляров; 611 погребений, 32,5 %). Данное исследование является одним из серии статей, посвященных бусам Тарасовского могильника [2; 3].

К исследованию бус были применены некоторые оригинальные идеи, например, представление о виде комбинации ожерелий, предложенное Р. Андреа и впервые использованное в России Ю. Л. Щаповой [4, с. 159–160]. Этот метод помогает различать способы и место, где были составлены наборы бус. Исследователем выделено 3 вида комбинаций: образцовая, основная и сборная. Он считает, что образцовая комбинация, которую составляет сам изготовитель

E. V. GOLDINA

Goldina Ekaterina Vladimirovna — PhD in History,
UdSU (Russia, Izhevsk). E-mail: goldina66@yandex.ru

SPECIFIC FEATURES OF BEAD NECKLACES FROM THE
MATERIALS OF TARASOVSKY CEMETERY OF THE 1ST–5TH
CENTURIES IN THE MIDDLE KAMA RIVER BASIN

Key words: Middle Kama river basin, Tarasovsky cemetery, necklace, beads, combination of necklaces, trade contacts

Summary. The article presents the results of the study of bead necklaces combinations from the unique archaeological site of the Middle Kama river basin — Tarasovsky cemetery. Domination of model and base combinations proposed an assumption that large and small beads penetrated into the territory of the Middle Kama basin in the 1st–5th centuries without the participation of a large number of intermediaries, most likely from the small shops of the Northern Black Sea area.

Tarasovsky cemetery is one of the largest excavated Finno-Ugric burial sites in Russia which existed during the first half of the 1st millennium AD, and was an original site of the Chaganda variant of the Pianobor community [1, p. 3, 301, 306–307]. About one third of interments contained small and large beads (18,512 pieces; 611 interments, 32.5 %). This study is one of a series of articles on the study of beads from the Tarasovsky cemetery [2; 3].

Various original ideas were employed in the study of beads, e.g. an idea of the type of necklaces combinations proposed by R. Andrea and used for the first time in Russia by Yu. L. Shchapova [4, p. 159–160]. This method helped distinguishing the techniques and the places where the beads sets were made. The researchers identified three types of combinations: model, base and composite. We believe that the model combination which was made by the manufacturer or a related seller fixed the variety and mix of synchronous beads of the same

или торговец, связанный с ним, фиксирует разнообразие и набор синхронных бус, одинаковых по происхождению. Сборная комбинация создается из различных по материалу и технологии изготовления бус, которые оказались в распоряжении потребителя в данный момент. Основная комбинация — измененная образцовая, дополненная другими видами бус, занимает промежуточное положение между образцовой и сборной комбинациями, но более тяготеет к образцовой [5, с. 250].

Для анализа наборов бус Тарасовского могильника с точки зрения типа комбинаций были взяты ожерелья, содержащие не менее двух бусин (392 погребения). Если с определением образцовых комбинаций трудностей нет, то на принципах выделения основных комбинаций необходимо остановиться подробнее. Для Тарасовского могильника, не отличающегося разнообразием технологий изготовления стеклянных бус, к основным отнесены ожерелья, которые содержат стеклянные бусы, выполненные в двух техниках изготовления, либо стеклянные, изготовленные в одной технике плюс бусы из одного иного материала. Ожерелья, содержащие бусы, изготовленные в двух-трех техниках изготовления, либо стеклянные в одной технике плюс бусы из двух видов иных материалов обозначены как сборные.

Образцовые ожерелья на Тарасовском могильнике преобладают (232 погребения, 59,2 %) и содержат от 2 до 599 бусин. Как правило, они состояли из стеклянных бус, изготовленных из тянутой трубочки (146 погребений). Зафиксированы и иные варианты из стекла — тянутая палочка (75), навивка (7), сгиб полосы (1) или из иных материалов — янтарь (1), раковина (2).

Основные ожерелья выявлены в 134 погребениях (34,2 %). Они содержали следующие сочетания: тянутая трубочка + палочка (90 могил); палочка + сгиб полосы (12); палочка + навивка (8); трубочка + навивка (7); палочка + хрусталь (6); трубочка + не установленная техника (н/у) (4); палочка + халцедон (3); палочка + н/у (1); палочка + янтарь (1); трубочка + сгиб полосы (1); трубочка + раковина (1). Основные ожерелья содержали от 2 до 2 012 бусин.

Наборы бус, которые можно отнести к сборным ожерельям, немногочисленны (26 погребений, 6,6 %). Для них характерно сочетание палочка + трубочка, дополненное стеклянной бусиной, изготовленной в другой технике, либо каменной бусиной: палочка + тянутая трубочка + сгиб полосы (8 погребений); палочка + тянутая трубочка + навивка (5); палочка + тянутая трубочка + хрусталь (2). В состав сборных ожерелий входили от 5 до 1 682 бусин.

origin. A composite combination was created from different in terms of material and the making technique beads, which were at the disposal of the user at the time. A basic combination was a modification of the model one complemented with other types of beads, it was an intermediary variant between the model and the composite combinations, however closer to the model one [5, p. 250].

For the purposes of the beads` sets from Tarasovsky cemetery analysis we took necklaces containing at least two beads (392 interments). While there were no problems with identification of the model combinations, the principles of identification of the base combinations required more detailed explanation. With regard to the Tarasovsky burial site, where there was no great variety of glass beads making techniques, we referred to the basic category the necklaces, which contained glass beads made with the use of two techniques, or the glass beads made with use of one technique plus beads made from one other material. Necklaces containing beads made with the use of two-three techniques, or glass beads in one technique plus beads made from two other types of materials were designated as the composite ones.

The model necklaces are dominant in the Tarasovsky cemetery (232 interments, 59.2 %) and contain from 2 to 599 beads. As a rule they consist of glass beads cut from a drawn tube (146 interments). Other glass variants were also registered — drawn stick (75), coiling (7), strip bending (1), or beads made from other materials — amber (1), shell (2).

Basic necklaces were identified in 134 interments (34.2 %). They contained the following combinations: drawn tube + stick (90 graves); stick + strip bending 912); stick + coiling (8); tube + coiling (7); stick + crystal (6); tube + unidentified technique (n/i) (4); stick + calcedony (3); stick + n/i (1); stick + amber (1); tube + strip bending (1); stick + shell (1). Basic necklaces contain from 2 to 2,012 beads.

Beads` sets which could be referred to the composite category are few in number (26 interments, 6.6 %). There is characteristic combination for them a stick + a tube, complemented by a glass bead made in some other technique, or a stone bead: stick + drawn tube + strip bending (8 interments); stick + drawn tube + coiling (5); stick + drawn tube + crystal (2). Composite necklaces contained from 5 to 1,682 beads.

Thus the domination of model and basic combinations in necklaces (93.4 %), as well as numerous analogues of the most common types of large and small beads [6] allowed assuming that these decorations were brought to the territory of the Middle Kama region in the 1st–5th centuries with the participation

Таким образом, доминирование образцовых и основных комбинаций в ожерельях (93,4%), а также многочисленные аналогии массовым типам бус и бисера [6] позволяют предположить, что эти украшения попадали на территорию Среднего Прикамья на протяжении I–V вв. при минимальном количестве посредников, скорее всего, из мастерских Северного Причерноморья через сармат.

Литература / References:

1. Голдина Р. Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Т. I. МИКВАЭ. Т. 10. Ижевск, 2004.
2. Кузьминых Н. В. Бусы Тарасовского могильника в контексте римского стеклоделательного производства // Материалы XXXIII Урало-Поволжской археол. студен. конф. Ижевск, 2001. С. 74–75.
3. Голдина Е. В., Кузьминых Н. В. Особенности бус Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме // Переходные эпохи в археологии: Материалы Всерос. археол. конф. с междунар. участием «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 59–61.
4. Шапова Ю. Л. Византия и Восточная Европа. Направление и характер связей в IX–XII вв. (по находкам стекла) // Византия. Средиземноморье. Славянский мир. К XVII междунар. конгр. византинистов. М., 1991. С. 155–177.
5. Лихтер Ю. А., Шапова Ю. Л. Гнездовские бусы. По материалам раскопок курганов и поселений // Смоленск и Гнездово. М., 1991. С. 244–259.
6. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья // САИ. Вып. Г1–12. М., 1978.

УДК 904(571.1)«653»:711

Е. М. ДАНЧЕНКО, М. А. ГРАЧЕВ

Данченко Евгений Михайлович — к.и.н., РНИИКПН (Россия, Москва). E-mail: dantchen@rambler.ru

Грачев Максим Александрович — Музей археологии и этнографии, ОмГУ (Россия, Омск). E-mail: max803@yandex.ru

К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОМ СТАТУСЕ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ

Ключевые слова: позднесредневековые города и «городки» Западной Сибири

Резюме. При изучении укрепленных поселений эпохи позднего средневековья и Нового времени неизбежно возникает проблема определения их статуса. Решения этой задачи осложняется отсутствием четких критериев, позволяющих считать населенный пункт городом, и малой информативностью археологических источников. Определенную информацию о соотношении понятий «город» и «городок» дают фольклор, летописи и карты.

В последние десятилетия в западносибирской археологии заметно возрос интерес к изучению городов и «городков» эпохи позднего средневековья и Нового времени, известных по письменным и

of a minimum number of intermediaries, most likely, directly from the shops of the Northern Black Sea via the Sarmatians.

E. M. DANCHENKO, M. A. GRACHEV

Danchenko Evgeni Mikhailovich — PhD in History, Russian Research Institute of culture and nature heritage studies (Russia, Moscow) E-mail: dantchen@rambler.ru

Grachev Maxim Alexandrovich — Archaeology and Ethnography Museum, OmSU (Russia, Omsk). E-mail: max803@yandex.ru

ABOUT URBAN STATUS OF WEST SIBERIAN FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE LATE MIDDLE AGES AND THE MODERN HISTORY

Key words: late Middle Age towns and “hillforts” of Western Siberia

Summary. In the process of study of the late Middle Ages and the Modern era fortified settlements the scholars inevitably face the problem of their status determination. Solution of this problem is further complicated by the lack of clear criteria which would allow to consider a settlement an urban center, and the low informativeness of archaeological sources. Some information with regard to the notions “town” and “small town” can be found in folklore, chronicles or maps.

In recent decades there is a growing interest in the West Siberian archeology towards the study of towns and “fortresses” of the late Middle Ages and the Modern history known from the written sources and old maps.

картографическим источником. Об этом свидетельствуют раскопки столиц Сибирского ханства — Искера, Кызыл-Туры, Чимги-Туры; исследования «русских» слоев в Томске, Тобольске, Таре; монографические публикации материалов Мангазеи, Полуисского и Надымского городков, городища Эмдер. Судя по числу докладов, посвященных «городской» проблематике на IV Всероссийском археологическом съезде в Казани в 2014 г., похожая ситуация прослеживается и в других регионах страны. Причем, в центре внимания специалистов оказываются не только результаты полевых исследований, но и методологические вопросы, связанные с выделением критериев, отличающих города от населенных пунктов других видов [1; 2].

Известно, что город как социально-пространственная структура многофункционален и может являться административным, военно-политическим, торгово-экономическим, религиозным, культурным центром. В нем могут возводиться оборонительные сооружения, объекты монументальной архитектуры, в том числе культовые; в отличие от хаоса «неокультуренной» природы его отличает регулярная планировка, отражающая модель мироздания. Городское население значительно по численности и степени разделения труда. Город служит пунктом сосредоточения и перераспределения продукции и товаров, в котором может осуществляться монетная чеканка.

Вместе с тем, ни один из перечисленных признаков не может считаться обязательным или первостепенным: в различные периоды существования функции и статус городов могли изменяться, что не всегда отражается в археологическом материале. На позднесредневековых городищах Западной Сибири не выявлено остатков монументальных сооружений, плановой застройки, местного монетного производства, а площадь памятников, мощь фортификации, расположенные неподалеку крупные могильники с социально-знаковыми предметами в составе инвентаря могут служить лишь косвенными свидетельствами. Даже при хорошей сохранности органики в условиях мерзлоты о назначении иных предметов и конструкций можно лишь гадать, не говоря уже о статусе укрепленных поселков в восприятии современников. Приблизиться к решению проблемы отчасти позволяют письменные и картографические материалы, которые в свою очередь являются разными формами отражения фольклорных сюжетов. При этом удается проследить определенную смысловую иерархию терминов: у С. У. Ремезова, например, упоминание городов связано с именами «царей» (Кызыл-Тура — Он-Сом; Чимги-Тура — Чингис; Искер — Кучум), в то время как в «городках» живут «князцы». Уменьшительные производные от слов

Evidences of this are the excavations of the capitals of the Siberian Khanate — Isker, Kyzyl-Tura, Chimgi-Tura; the study of the “Russian” levels in Tomsk, Tobolsk, and Tara; the monographic publications of the materials of Mangazeya, the Nadym and Polui fortified settlements, and Emdar hillfort. If the number of presentations on the “urban center” topic at the IV Russian archaeological congress in Kazan in 2014 was any indication of the trend, a similar situation is observed in other Russian regions as well. It should be noted that the focus of this research is wider than simple analysis of the field study results, it covers also the methodological issues related to identification of criteria distinguishing urban centers from other types of settlements [1; 2].

It is known that a town as a social and spatial structure is multi-functional and can be administrative, military-political, commercial and economic, religious, or cultural center. In it people could build defense structures, objects of monumental architecture, including the religious ones; unlike the chaotic wild nature landscape it is characterized by regular planning reflecting a given model of the universe. Urban population is significant in terms of numbers and the degree of the division of labor. A town serves as a center of concentration and redistribution of products and goods where money could also be coined.

At the same time none of the aforementioned attributes could be considered a mandatory or a primary one: in different periods of their existence the functions and the status of towns could change, which was not always reflected in the archaeological materials. In the late Middle Age fortresses of Western Siberia no remains of monumental structures, planned development, or local coinage were discovered, and the total area of the sites, strength of their fortifications, large burial sites with socially meaningful grave goods located nearby could only serve as indirect evidence. Even in case of good preservation of the organic material in the permafrost conditions one could only guess the purpose or functions of some items and structures, to say nothing about the status of the fortified settlements as they were perceived by their contemporaries. The written and cartographic materials allowed to get closer to the solution of the problem, though these sources, in their turn, were also just various forms of the folklore stories reflection. However this allowed to trace a certain semantic hierarchy of terms: e. g. in the texts of S. U. Remezov all references to towns were related to the names of “tsars” (Kyzyl-Tura — On Som; Chimgi-Tura — Genghis Khan; Isker — Kuchum), while the “small towns” were the seats of “inferior princes”. This use of diminutive derivatives of the words “prince” and «town» was an intentional indication of the lower status of both the

«князь» и «город» явно использовались автором для обозначения более низкого статуса как самих правителей, так и их ставок, причем на чертежах «Хорографической книги» города и «городки» обозначены по-разному [3].

Подобная связь укрепленных поселений с историческими или легендарными персонажами не выглядит случайной. Достаточно вспомнить историю некоторых золотоордынских городов второй половины XIII–XIV вв., которые на голом месте вырастали вокруг ханских ставок и развивались, обретая со временем новые функции, пока не ослабевала жесткая центральная власть [4, с. 232]. Именно пребывание правителя и его окружения в конкретном пункте определяло военно-политический статус последнего, становилось системообразующим фактором взаимоотношений с подконтрольными территориями, обеспечивало их консолидацию.

Однокоренные термины «городище», «городок», «город» подразумевают неодинаковый контекст: в первом случае — археологический, во втором — скорее фольклорный, в третьем — социально-исторический. Это необходимо учитывать в ходе междисциплинарных исследований, чтобы не допускать подмены понятий и произвольного смешения разнородных данных [5].

Литература / References:

1. Коваль В. Ю. Малые города средневековой Руси: основные отличительные особенности // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 3. С. 76–79.
2. Новиков А. В. Древние города севера Западной Сибири: историческая реальность или метафора // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Казань, 2014. Т. 3. С. 645–647.
3. URL: <http://pds.lib.harvard.edu/pds/view/18273155?printThumbnails=no&action=jp2resize&op=jimagesize=2400&pvHeight=1200&pvWidth=1200&n=17&rotation=0&bbx1=0&bby1=0&bbx2=130&bby2=89&jp2Res=0.5&pres=.25&jp2x=-1&jp2y=-1&maximum.x=8&maximum.y=6> (дата обращения: 12.11.2014).
4. Федоров-Давыдов Г. И. Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 229–236.
5. Грачев М. А., Данченко Е. М. О проблемах использования междисциплинарного подхода в позднесредневековой археологии Среднего Прииртышья // Время и культура в археолого-этнографических исследованиях древних и современных обществ Западной Сибири и сопредельных территорий: проблемы интерпретации и реконструкции: материалы Западно-Сибирской археол.-географ. конф. Томск, 2008. С. 34–37.

rulers themselves, and their seats, and even in the drawings of the “Khorographic book” the towns and “small towns” (fortresses) were marked differently [3].

This link between a fortified settlement and the historical or legendary figures does not seem to be random. A good example is the history of some Golden Horde cities of the second half of the 13th–14th centuries which sprung around the Khan’s headquarters in bare steppe and developed gradually obtaining new functions with time until the firm central power subsided [4, p. 232]. It was the residence of a ruler and his court in a particular location that determined the military and political status of the latter, became a systemogenetic factor in its relations with the controlled territories, and ensured their consolidation.

Close in their meaning and origin terms “hillfort”, “small town”, and “town” (Russian gorodishche, gorodok, gorod) imply different context: in the first case — archaeological, in the second — mostly folklore, and in the third — social and historical. This should be borne in mind for the purposes of interdisciplinary studies to avoid the terms’ confusion or arbitrary mixture of dissimilar data [5].

УДК 904(571.16)«653»

О. В. ЗАЙЦЕВА, Е. В. ВОДЯСОВ, О. Б. БЕЛИКОВАЗайцева Ольга Викторовна — к.и.н., ТГУ
(Россия, Томск). E-mail: snori76@mail.ruВодясов Евгений Вячеславович — к.и.н., ТГУ
(Россия, Томск). E-mail: vodiasov_ev@mail.ruБеликова Ольга Борисовна — к.и.н., ТГУ
(Россия, Томск). E-mail: bob@mail.tsu.ru**БРОНЗОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ ИЗ
ТИМИРЯЗЕВСКОГО-1 КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА
В НИЖНЕМПРИТОМЬЕ: КОНТЕКСТ НАХОЖДЕНИЯ
И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ¹**

Ключевые слова: Сибирь, раннее Средневековье, антропоморфные изображения

Резюме. В статье анализируется неординарная категория археологических находок из раскопок 1973 и 2014 гг. Тимирязевского-1 курганного могильника (Нижнее Притомье; Томская область) — бронзовые антропоморфные изображения. На основе анализа археологического контекста обнаружения личин они рассматриваются как вместилище душ умерших людей и/или предков-покровителей.

Раскопками 1971 и 1973 гг. Л. М. Плетнёвой Тимирязевского-1 курганного могильника эпохи раннего Средневековья, расположенного в нижнем течении р. Томь, обнаружены 4 бронзовых литых антропоморфных личины (всего тогда было раскопано 67 курганов V–VIII вв.) [1]. В 2014 г. в ходе исследований памятника авторами найдено еще 2 аналогичных находки.

Для всех этих 6 ед. неординарных артефактов общими является ряд морфологических и иных признаков:

- техника одностороннего литья;
- близость размеров (от 4 до 6 см);
- иконографическое сходство — овальная вытянутая форма изображения, наличие «шеи» и «татуировки» и пр.

Несомненно, схож и археологический контекст обнаружения личин.

Во-первых, личины найдены в тех курганных комплексах, где отмечено наличие погребения человека. И это на фоне того, что для Тимирязевского-1 могильника, по материалам раскопок Л. М. Плетнёвой, характерно достаточно большое количество

¹ Выполнено в рамках государственного задания (проект № 2059: Изучение историко-культурного наследия России (сибирский аспект))

О. V. ZAITSEVA, E. V. VODYASOV, O. B. BELIKOVAZaitseva Olga Victorovna — PhD in History,
TSU (Russia, Tomsk). E-mail: snori76@mail.ruVodyasov Eugeny Vyacheslavovich — PhD in History,
TSU (Russia, Tomsk). E-mail: vodiasov_ev@mail.ruBelikova Olga Borisovna — PhD in History,
TSU (Russia, Tomsk). E-mail: bob@mail.tsu.ru**BRONZE ANTHROPOMORPHIC 'FACES' FROM
THE TIMIRYAZEVSKY-1 BARROW IN THE LOWER
TOM RIVER BASIN: DISCOVERY CONTEXT
AND INTERPRETATION¹**

Key words: Siberia, early Middle Age, anthropomorphic images

Summary. The publication presents an analysis of an unusual category of archaeological finds from the 1973 and 2014 excavations of Timiryazevsky-1 barrow (Lower Tom river basin, the Tomsk Oblast) — the bronze anthropomorphic images. Based on the face images archaeological context analysis they were interpreted as the containers of the deceased people's souls and/or as protector ancestors images.

During the L. M. Pletneva's 1971 and 1973 excavations of the Timiryazevsky-1 barrow of the early Middle Age period located in the downstream Tom river 4 cast bronze anthropomorphic face images were found (during that period the total of 67 barrows of the 5th–8th centuries were excavated) [1]. In 2014 in the course of the site's study by the authors two more similar finds were done.

All 6 of these unusual artifacts shared some common morphological and other attributes:

- one-sided casting technique;
- dimensions proximity (from 4 to 6 cm);
- iconographic similarity — an oval elongated shape of the image, the presence of a "neck" and "tattoo", etc.

The archaeological context of the 'faces' discovery was undoubtedly similar as well.

First, the "faces" were found in those barrow complexes where human interments were registered. This is particularly important since according to L. M. Pletneva's excavations the Timiryazevsky-1 burial site was characterized by a rather significant number of cenotaphs (about 30 %), i. e. barrows not containing

¹ The project was performed as part of the public research contract (project № 2059: The Study of the Historical and Cultural Heritage of Russia (Siberian aspect))

курганов-кенотафов (около 30 %), т.е. не содержащих человеческих останков. Только в одном случае антропоморфное изображение обнаружено в кургане 55, не включающем погребение человека.

Во-вторых, в курганах с человеческими останками личины зафиксированы за пределами погребения:

a. выше уровня погребения – в курганных насыпях (курганы 39, 59, 60);

b. на краю материковой ямы (размер 111 x 46 см, глубина 0,32 см) и в ней самой, содержащей единичные находки зубов человека (раскоп № 2, 2014 г.)

В-третьих, каждая личина включена в какое-либо скопление предметов, преимущественно миниатюрных моделей, при этом в его составе практически всегда имеется керамический сосуд и/или железный нож:

курган 39 – личина вместе с миниатюрным сосудом и, возможно, железной моделью ножа;

курган 55 – личина вместе с 3 сосудами (два из них – миниатюрные), при этом в сосуде нормативных размеров и одном миниатюрном сосуде находилось приблизительно 16 и 11 железных моделей предметов, включая ножи и теса, а также бронзовое изображение лошади;

курган 59 – личина вместе с 2 фрагментами сосуда;

курган 60 – личина вместе с сосудом, в котором лежали железная модель теса, а также нормативных размеров железные нож и пряжка;

яма в раскопе № 2 (2014 г.) – одна личина (с зооморфным навершием) найдена вместе с бронзовой пряжкой, фрагментом железной панцирной (?) пластины и железной моделью ножа; другая личина (навершие в виде птицы) – вместе с бронзовым изображением медведя, железной моделью плоского ромбического наконечника стрелы (?) и железным предметом неясного назначения.

Логичен вопрос о роли антропоморфных личин в погребально-поминальном обряде рассматриваемого памятника.

Ещё в 1983 г. Л. М. Плетнёва по поводу материалов именно Тимирязевского-1 курганного могильника отметила, что предметы из насыпи следует рассматривать как снабжение умершего «не только во время похорон, но и позже, во время поминок», которые связаны с заботой об умершем. И на примере находки из кургана 59 она высказала мнение о прикладывании бронзовой личины «к какой-либо основе, возможно, к деревянной или тряпичной кукле». Эту куклу, исходя из контекста ее обращений к этнографии народов Сибири, она рассмотрела как «вместилище одной из душ умершего» [1, с. 107, 111–112].

Комплексный анализ 6 личин из раскопов 1973 и 2014 гг. Тимирязевского-1 могильника относительно

human remains. Only in one case the anthropomorphic image was found in barrow 55 not containing a human interment.

Second, in the barrows with human remains the ‘faces’ were registered outside the limits of the interments:

a. higher than the interment level – in barrow fill (barrows 39, 59, 60);

b. on the edge of the mainland pit (dimensions 111 x 46 cm, depth 0.32 cm) and in the pit containing isolated finds of human teeth (excavation № 2, 2014).

Third, each ‘face’ includes in some kind of accumulation of articles, mostly miniature models, which practically always included a ceramic vessel and/or an iron knife;

barrow 39 – a “face” together with the miniature vessel and, possibly, an iron knife model;

barrow 55 – a “face” together with the three vessels (two of them – miniature ones), also in the regular size vessel and in one miniature vessel there were approximately 16 and 11 iron models of various articles including knives and adzes, as well as a bronze horse image;

barrow 59 – a “face” together with two vessel fragments;

barrow 60 – a “face” together with a vessel in which there were an iron adz model, as well as regular size iron knife and a clasp;

a pit in excavation № 2 (2014) – one “face” (with a zoomorphic pommel) was found together with a bronze buckle, a fragment of iron shield (?) plate and an iron knife model, another “face” (a bird shaped pommel) together with bronze bear image, an iron model of flat rhombic arrowhead (?) and an iron item of unknown functionality.

It would be logical to ask a question about the role of anthropomorphic “faces” in the funeral-burial rites of the studied archaeological site.

Already in 1983 L. M. Pletneva noted specifically with regard to the materials of the Timiryazevsky-1 burial site, that the items from the fill should be interpreted as offering to the deceased of grave goods “not only during the funeral, but also later, during the memorial rites” which were the expression of care about the deceased. Using the find from barrow 59 as an example she expressed a hypothesis that the bronze “face” could be applied to “some kind of base, possibly, to a wooden or cloth doll”. She interpreted those dolls, based on the context of her study of the ethnography of the peoples of Siberia, as the “container of the deceased persons souls” [1, p. 107, 111–112].

A comprehensive analysis of 6 “faces” from the excavations of 1973 and 2014 from the Timiryazevsky-1 burial site with regard to their morphology and archaeological context led to the following conclusions by the authors:

их морфологии и археологического контекста нахождения позволил авторам сделать следующие выводы.

1. На основе наличия у всех антропоморфных изображений «шей», а также различных ризок достаточно надежно реконструируется факт их наложения или вставления, прикладывания и пр. к какой-то основе из органики (дерево, ткань, кожа и т. д.), необходимой для изготовления куклы. В этом авторы солидарны относительно интерпретации подобных артефактов с рядом других исследователей [1, с. 112; 2; и др.].

2. Синтаксическое рассмотрение материалов Тимирязевского-1 могильника уверенно свидетельствует о намеренном оставлении личин (кукол) рядом с могилами и включении их в состав специальных, изолированных, скоплений вещей, включая модельные предметы. Прослежена четкая связь символов: личина (кукла) — скопление вещей.

3. Характер стратиграфии и планиграфии местонахождений личини всего комплекса сопряженного с ним инвентаря указывает на включение этой акции ритуала к числу именно погребальных действий — поминок и пр.

4. Мирозренческая интерпретация личин, скоплений вещей ограничена возможностями самого археологического источника. Привлекаемые из этнографии сравнительные материалы позволяют обозначить только основной вектор смысловой интерпретации личин и трактовать их какместилище душ конкретных умерших людей, захороненных в Тимирязевском некрополе, а также изображение душ предков-покровителей и пр.

В заключении необходимо добавить, что в представленном анализе учтено 6 антропоморфных личин из Тимирязевского-1 курганного могильника, полученных в ходе археологических раскопок 1973 и 2014 гг. К сожалению, значительно большее их число было изъято из культурного слоя современными грабителями, при этом фотографии этих личин открыто публикуются на сайтах кладоискателей. Археологический контекст их обнаружения утрачен навсегда.

Литература / References:

1. Беликова О. Б., Плетнёва Л. М. Памятники Томского Приобья V–VIII вв. н. э. Томск, 1983.
2. Боброва А. И., Торощина Н. В. Антропоморфные изображения из могильника Бедеровский Бор II // Вестн. Том. гос. ун-та. 2013. № 2 (22). С. 18–21

1. Based on the presence of a “neck” in all anthropomorphic images, as well as various matchmarks it is possible to assume with a high degree of certainty that they were applied, or inserted, or superimposed, etc. over or on some organic base (wood, cloth, leather, etc.) required for making a doll. In this the authors agree with regard to the interpretation of similar artifacts with a number of other researchers [1, p. 112; 2; etc.].

2. Syntactic study of the materials from Timiryazevsky-1 burial site gave convincing evidence of the intentional leaving of the “faces” (dolls) near the graves, and of the inclusion of them into special, isolated accumulations of artifacts, including model items. A clear relationship of the symbols was discovered: a “face” (doll) — artifacts accumulation.

3. The nature of stratigraphy and planigraphy of the “faces” location and of the whole complex of the accompanying grave goods pointed to the inclusion of this ritual action into the group of post-funeral actions — memorial rites, etc.

4. Ideological interpretation of the “faces”, and the artifacts accumulations was limited by the possibilities offered by the archaeological site itself. The comparative materials from ethnographic sources allowed only indicating the main vector of the “faces” meaning interpretation, and interpret them as containers for the souls of the deceased persons buried in the Timiryazevsky necropolis, as well as the images of the protector-ancestors’ souls, etc.

In conclusion it is necessary to note that the scope of analysis covered the 6 anthropomorphic “faces” from the Timiryazevsky-1 barrow discovered in the course of archaeological excavations of 1973 and 2014. Unfortunately, a significantly larger number of these artifacts were removed from the cultural level by present day robbers, moreover, the photos of those “faces” were openly published on the treasure hunters’ web sites. The archaeological context of their discovery is lost forever.

УДК 904(470.5)«653»

В. А. ИВАНОВИванов Владимир Александрович — д.и.н.,
БашГУ (Россия, Уфа). E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru**УГРЫ ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ:
КЛИМАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ
ГЕОГРАФИИ**

Ключевые слова: природно-климатический фактор, почвоведение, палеоклиматология, угры, финно-пермяки

Резюме. В статье рассматривается историческая география ломоватовской, неволинской, кушнаренковской и караякуповской культур второй половины I тыс. н. э., которые определяются как угорские. Автор приходит к выводу о том, что и топография памятников указанных культур, и причины их исчезновения в регионе в IX в. определялись динамикой природно-климатических условий лесного и лесостепного Предуралья в конце I тыс. н. э.

Археологические культуры Предуралья середины – второй половины I тыс. н. э. – неволинская, ломоватовская, кушнаренковская и караякуповская – угорская принадлежность которых определяется серией морфологических признаков погребального обряда и вещевого комплекса [1, гл. 5–7] в рассматриваемое время составляли основное содержание этнокультурной карты региона. Предлагаемая этническая интерпретация носителей перечисленных культур вызывает ожесточенные возражения со стороны Н. А. Мажитова, Р. Д. Голдиной и др. На мой взгляд, немалую роль в эскалации дискуссии о роли угров в этнокультурной истории Предуральяского региона играет и то обстоятельство, что сторонники альтернативных точек зрения («ломоватовцы», «неволинцы» – финно-пермяки, «кушнаренковцы», «караякуповцы» – башкиры) в своих изысканиях обращают недостаточное внимание на историческую географию указанных культур, гиперболизируя масштабы территориального распространения их носителей.

Хорошо известно, что природно-климатический фактор играл решающую роль в этно- и культуругенезе, непосредственно влияя на хозяйственно-культурный тип, историческую демографию и историческую судьбу того или иного населения. Применительно к объекту нашего исследования это означает, что расселение угорских племен в лесном и лесостепном Предуралье во второй половине I тыс. н. э. определялось климатическими условиями региона в то время,

V. A. IVANOVIvanov Vladimir Alexandrovich — Doctor of History,
BSPU (Russia, Ufa). E-mail: ivanov-sanych@inbox.ru**THE UGIANS OF THE CIS-URALS IN THE MIDDLE
AGES: CLIMATOLOGICAL ASPECT OF HISTORICAL
GEOGRAPHY**

Key words: environment and climatic factor, pedology, paleoclimate studies, the Ugrians, Finno-Permyaks

Summary. The focus of the article is historical geography of the Lomovatovskaya, the Nevolinskaya, the Kushnarenkovskaya, and the Karayakupovskaya cultures of the second half of the 1st millennium AD, which are traditionally defined as the Ugric ones. The author draws a conclusion that both the topography of the archaeological sites of these cultures, and the reasons for their disappearance from the region around the 9th century were determined by the dynamics of the environmental and climatic conditions of the forest and forest-steppe Cis-Ural at the end of the 1st millennium AD.

The archaeological cultures of the Cis-Ural of the middle – second half of the 1st millennium AD – the Nevolinskaya, the Lomovatovskaya, the Kushnarenkovskaya, and the Karayakupovskaya – the Ugric origin of which was established based on series of morphological attributes of their mortuary rite and the material complex [1, Ch. 5–7] of the studied period were a dominant component in the ethno-cultural map of the region. The proposed ethnic interpretation of the mentioned cultures population met with strong opposition from N. A. Mazhitov, R. D. Goldina, et al. To my mind, not the least role in the escalation of debates about the role of the Ugrians in the ethno-cultural history of the Cis-Ural region was played by the fact that the advocates of the alternative interpretation (populations of the Lomovatovskaya and the Nevolinskaya cultures were the Finno-Permyaks, and populations of the Kushnarenkovskaya and the Karayakupovskaya cultures – the Bashkirs) paid insufficient attention in their studies to the historical geography of the said cultures hyperbolizing the scope of their territorial expansion.

It is well known that the environment and climatic factor played a principle role in the ethno- and culturegenesis directly influencing the economic and the cultural type, the historical demography and the historical fate of certain groups of population. With regard to the subject of our study this means that the settlement of the Ugric tribes in the forest and the forest-steppe Cis-Ural in the second half of the 1st millennium AD was

динамика которых в конечном итоге и обусловила причины их ухода отсюда в конце I тыс.

Результаты исследований почвоведов и палеоклиматологов на археологических памятниках степной, лесостепной полосы Восточной Европы показывают, что за последние 2 тыс. лет существенных климатических изменений здесь не происходило [2; 3; 4; 5, с. 157–158]. Следовательно, та природно-климатическая и ландшафтная ситуация, которую мы наблюдаем в регионе в настоящее время, соответствовала или была близка ситуации в рассматриваемое время.

Исходя из этих данных, мы и должны рассматривать историческую географию ломоватовской, неволинской, кушнаренковской и караякуповской (угорских) культур в соответствии с топографией составляющих их памятников. А это значит: первое — ломоватовская культура представляет собой серию неравнозначных по занимаемой территории локальных групп (по Р. Д. Голдиной — 10 [6, рис. 1; с. 65]), состоящих из городищ, селищ и могильников (от 2 городищ в Косвинской группе до 14 — в Иньвенской), разделенных обширными заболоченными пространствами Верхнего Прикамья. Например, от Харинского и Мазунинского (Даниловского) городищ Гайнинской группы до ближайших к ним городищ Карашор и Кычедзовского (Косинская группа) более 40 км по прямой. Это — 1–1,5 часа конной скачки или не менее 8 часов пешего хода. Реальный путь по террасам в обход болот был еще длиннее.

Второе — памятники неволинской культуры аналогичным образом расположены мелкими «гнездами» по краям надпойменных террас нижнего и среднего течения р. Сылвы и ее притоков — Шаквы и Ирени [7, с. 232–233]. Причем, большинство поселений расположены так плотно, что дают основание усомниться в их одновременном существовании: в группе Киселево-Стерлягово-Елкино на площади в 8 кв км расположены 6 поселений и могильник; в группе Гари-Шатово-Щелканы на площади в 12 кв. км — 11 поселений; в группе Курманаево-Киндели-Дикужи (Кислое озеро) — на расстоянии в 12 км расположены 11 поселений и т. д. То есть, на одно поселение в среднем приходится по 1 кв. км. Переведем эти данные в реальную пространственную плоскость — и сколько там могло жить и хозяйствовать людей одновременно?

Третье — что касается памятников кушнаренковской и караякуповской культур в Башкирском Предуралье, то они не образуют даже небольших «гнезд» (могильник+поселение), а спорадически разбросаны по надпойменным террасам рек Бelaya, Дема, Ик на расстоянии 20–30 км друг от друга (как, например, Таптыковское и Караякуповское

determined by the climatic conditions in the region at that time, the dynamics of which eventually caused their out-migration from the region at the end of the 1st millennium.

The results of the pedologists and paleoclimatologists studies on the archaeological sites of the steppe and the forest-steppe band of Eastern Europe demonstrated that over the past 2 thousand years there were no significant climate changes [2; 3; 4; 5, p. 157–158]. Therefore the natural and climatic situation currently observed in the region corresponded, or was close to the situation during the period under study.

Based on these data we should study the historical geography of the Lomovatovskaya, the Nevolinskaya, the Kushnarenkovskaya and the Karayakupovskaya (Ugric) cultures in accordance with the topography of their archaeological sites. This means: first, the Lomovatovskaya culture is a series of uneven in terms of the settlement territory local groups (according to R. D. Goldina — 10 [6, fig. 1; p. 65]), consisting of fortresses, rural settlements and burial sites (from 2 fortresses in the Kosvino group to 14 in the Inven group) separated by vast waterlogged territories of the Upper Kama river basin. For instance, the straight line distance from the Kharinsky and the Mazuninsky (Danilovsky) fortresses of the Gainino group to the nearest to them fortified settlements Karashor and Kychedzovsky (Kosino group) is 40 km. This corresponded to 1–1.5 hours horse ride or at least 8 hours walking. The real distance, taking the route across the terraces bypassing the swamps is even longer.

Second — the Nevolinskaya culture sites are similarly located in small “clusters” along the edges of the above flood-plain terraces of the lower and the middle flow of the Sylva river and its tributaries — Shakva and Iren [7, p. 232–233]. Moreover, the density of most of the settlements distribution gave reasons to question their synchronous existence: in Kiselevo-Sterlyagovo-Elkino group in the area of 8 km there are 6 settlements and a burial site; in Gari-Shatovo-Shchelkany group in the area of 12 km there are 11 settlements; in Kurmanaevo-Kindeli-Dikushi (Kisloje Ozero) group — 11 settlements are located within the distance of 12 km, etc. That is, there is, on an average, 1 sq. km per settlement. If we translate these data into the real spatial category we should raise a question — how many people could live there simultaneously and succeed economically?

Third, the Kushnarenkovsky and the Karayakupovskiy sites in the Bashkir Cis-Ural do not form even the small “clusters” (burial site + settlement), but are instead chaotically scattered across the above flood-plain terraces of the rivers Belaya, Dema, Ik 20–30 km apart from each other (as. e. g. the Taptykov and the Karayakup

городища, Старо-Калмашевское городище и Сынтыштамакский могильник и др.).

Выводы: разобщенные в пространстве носители ломоватовской и неволинской культур представляли собой отдельные родовые группы, спорадически селившиеся на наиболее возвышенных участках среди заболоченной верхокамской тайги.

Занимаясь в основном скотоводством, охотой и лесными промыслами, подспорьем которым у «ломоватовцев» и «неволинцев» являлось подсечно-огневое земледелие (пашенное земледелие в регионе появляется только в начале II тыс. н. э. [8, с. 11] и связано уже с другим населением), предуральские угры находились в прямой зависимости от природно-климатических условий своего местобитания. Любые их изменения должны были повлечь (и повлекли) за собой миграционные процессы.

Археологически это выражалось в прекращении существования в регионе ломоватовской, неволинской и караякуповской культур, носители которых в IX в. и осуществили угорско-мадьярскую миграцию на запад.

Литература / References:

1. Белавин А. М., Иванов В. А., Крыласова Н. Б. Угры Предуралья в древности и средние века. Уфа, 2009.
2. Волго-Донские степи в древности и средневековье / В. А. Демкин [и др.]. Пушино, 2010.
3. Демкин В. А., Демкина Т. С. Археологическое почвоведение: новое направление в изучении древней и средневековой истории природы и общества // Археология восточноевропейской степи. URL: www.sgu.ru/files/nodes/41059/05.pdf (дата обращения: 1.11.2014).
4. Хохлова О. С. Морфолого-генетический анализ хронорядов почв курганных групп Покровка 1, 2 и 10 в 1995 году // Курганы левобережного Илека. М., 1996. Вып. 4. С. 61–67.
5. Воронина Р. Ф. Лядинские древности: из истории мордвы-мокши: конец IX – начало XI века: по материалам Цнинской археологической экспедиции 1983–1985 гг. М., 2007.
6. Голдина Р. Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. Иркутск, 1985.
7. Голдина Р. Д. О датировке и хронологии неволинской культуры // Древности Прикамья эпохи железа. Ижевск, 2012. С. 203–285.
8. Сарапулов А. Н. Средневековое земледелие Пермского Предуралья по археологическим данным: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2014.

УДК 904(470.53)«653»:739.2

Н. Б. КРЫЛАСОВА, Ю. А. ПОДОСЁНОВА

Крыласова Наталья Борисовна — д.и.н.,
ПНЦ УрО РАН (Россия, Пермь). E-mail: n.krylasova@mail.ru

Подосёнова Юлия Александровна — к.и.н.,
ПГГПУ (Россия, Пермь). E-mail: podosenka@yandex.ru

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ЧЕРНЬЮ С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ

Ключевые слова: чернь, ювелирное дело, ювелирные изделия, Пермское Предуралье, эпоха средневековья

hillforts, the Staro-Kalmash hillfort, and the Syntyshamak burial site, etc.)

Conclusions: the spatially disconnected populations of the Lomovatovskaya and the Nevolinskaya cultures were separate tribal clans which sporadically settled on the most elevated areas in the waterlogged Upper Kama taiga.

The Cis-Ural Ugrians mostly engaged in herding, hunting and forest harvesting, complemented for the Lomovatovsky and the Nevolinsky populations by slash-and-burn agriculture (arable agriculture appeared in the region only in the beginning of the 2nd millennium AD) [8, c. 11] and is related to the already different population), were directly dependent in their subsistence on the natural and climatic conditions of their environment. Any changes thereof should have triggered (and did so) migration processes.

The archaeological manifestation of these processes was the termination of the existence in the region of the Lomovatovskaya, the Nevolinskaya, and the Karayakupovskaya cultures, whose populations participated in the 9th century in the Ugric-Magyar migration to the west.

N. B. KRYLASOVA, YU. A. PODOSENOVA

Krylasova Natalia Borisovna — Doctor of History,
PRC UB RAS (Russia, Perm). E-mail: n.krylasova@mail.ru

Podosenova Yulia Alexandrovna — PhD in History,
PSHPU (Russia, Perm). E-mail: podosenka@yandex.ru

MIDDLE AGE NIELLO JEWELRY IN THE TERRITORY OF THE PERM CIS-URALS

Key words: niello, jewelry, jewelry decorations, the Perm Cis-Ural, Middle Ages

Резюме. Среди ювелирных изделий Пермского Предуралья выделяется группа предметов, декорированных чернью. Проникновение этих изделий в указанный регион происходит уже на первом этапе становления черного дела в Восточной Европе. Новая техника была заимствована местными ювелирами. Не исключено, что черневые перстни и медальоны с «охотничьим» сюжетом, могли являться местной продукцией, о чем свидетельствует ряд характерных особенностей.

Среди ювелирных украшений, происходящих с территории Пермского Предуралья, выделяется группа изделий с чернью. Вопрос о месте их изготовления поднимался неоднократно. Основываясь на анализе орнаментальных сюжетов, сравнении формальных признаков отдельной категории изделий с чернью, исследователи выдвигали разные, порой противоположные предположения. Но, исходя из того, что изучение изделий с определенным техническим признаком, не свойственным ранее для конкретной территории, требует анализа всего массива изделий с данным техническим признаком, попробуем произвести предварительный сбор и технический анализ изделий с чернью из материалов Пермского Предуралья эпохи средневековья.

Чернение – это декорирование предметов из металла наплавлением черного состава. Рецепт изготовления черни в древности неизвестен, но на основе письменных источников можно предполагать, об основных ее компонентах: серебра, меди, камеди или свинца и серы [1, с. 341–342; 2, с. 12–13]. Чернь наносилась на орнамент или фон орнамента готового изделия. Чернью покрывалась вся поверхность орнамента, а после ее застывания лишняя часть убиралась механическим путем.

Ранние в Пермском Предуралье изделия с чернью обнаружены на Рождественском могильнике в погребениях X–XI вв. Среди них выделяются детали поясной гарнитуры из серебра. Все они выполнены с помощью литья, линии орнамента после отливки доработаны, чернь в изделиях наложена на фон и в линии декора. Изделия поясной гарнитуры хорошо сопоставляются с известными черненными накладками, представленными среди первых изделий с чернью в Восточной Европе. Их происхождение связывается с Хазарией или, шире, с «кочевническими древностями» X в. [2, с. 25–31, рис. 11].

Появление подобных вещей в Пермском Предуралье не удивительно, учитывая обширные торговые связи местного населения. Но вполне можно допустить и возможность проникновения самой техники, поскольку в материалах Рождественского могильника

Summary. Within the Perm Cis-Ural jewelry category one group, the articles with niello decoration, stands out. These jewelry pieces penetrated into the region already in the first stage of the niello jewelry development in Eastern Europe. The new technique was borrowed by the local jewelers. It is quite possible that the niello rings and medallions with “hunting” motifs could be a product of local workshops, an evidence of which could be found in a number of characteristic features.

Within the category of jewelry originating from the Perm Cis-Ural territory one group, the niello decorated articles, stands out. A question about the place of their making was raised repeatedly. Based on the analysis of ornamental motifs, comparison of the formal attributes of a separate category of niello pieces the researchers proposed different, sometimes opposite suggestions. However, considering that the study of articles with a certain common technical attribute which was not earlier registered in a given territory requires a study of the whole array of articles with the said technical attribute, let us try first preliminarily collect and perform the technical analysis of niello pieces from the materials of the Perm Cis-Urals of the Middle Age.

Black finish (niello) is a technique of metal items decoration by means of fusing of a deep black metal mixture onto the metal surface. The composition of niello mixture has not been known in antiquity, but from the written sources its main components could be deduced: silver, copper, gum or lead and sulfur [1, p. 341–342; 2, p. 12–13]. An incised design or ground was filled with niello to produce an ornamental effect on a finished article. The whole surface of the ornament was covered with niello, and after its setting the excess was removed mechanically.

The earliest niello items in the Perm Cis-Urals were found on Rozhdestvensky burial site in the 10th–11th century interments. In this set a group of silver belt accessories elements are of particular interest. All of them were made with the use of casting technique, the ornament lines were additionally finished after casting, niello was filled in the ground and the decor lines. The belt accessories articles compared well with the known niello plates of the earliest niello items assemblages in Eastern Europe. Their origin was related to Khazaria or, wider, to the “nomadic antiquities” of the 10th century [2, p. 25–31, fig. 11].

The appearance of this type of articles in the Perm Cis-Urals is not surprising considering the wide trade contracts of the local population. However, it is quite possible to assume also the penetration of the technique itself, since in the materials of Rozhdestvensky burial site there was a silver funeral mask with niello

встречена погребальная маска из серебра с чернью, предназначенная для обеспечения важного элемента погребального обряда, свойственного местному населению. На маске-личине чернь подчеркивает нос и щеки, выделяет глаза [3, с. 367].

Позднее распространяются серебряные щитковосрединные пластинчатые перстни с чернью, известные и на соседних территориях в продолжительный период времени (XI–XIV вв.). Эти изделия долгое время связывали с мастерскими Волжской Болгарии. Но в последнее десятилетие вопрос об их происхождении был поднят снова [4, с. 44–49; 5, с. 91–97; 6, с. 5–10].

Таких перстней обнаружено много [4, с. 44–49; 5, с. 145; 3, с. 367; 7, с. 4–7; 8, с. 357–360]. Форму им придавали двумя способами: расковкой прута и вырезанием контура из пластины. Орнамент наносился с помощью гравировки. Чернью покрыт фон орнамента в виде плетенки; волнистых линий; растительных побегов; переплетенных линий; креста из двух овалов; косоугольного креста; имитации витого шнура. Некоторые элементы орнамента подвергались золочению. Основной орнамент дополняли изображением крины, точками, треугольниками. При определенном сходстве с орнаментами перстней из других центров прослеживаются определенные местные особенности.

Известная категория изделий с чернью — бляхи с сокольниковым. Подобные известны на соседних территориях, но в Пермском Предуралье их найдено больше всего. Датируются они весьма условно — XI–XIV вв. [5, с. 94–97]. Данные изделия также было принято считать болгарскими изделиями, но в настоящее время вопрос об их происхождении поднят снова [5, с. 94–97; 6, с. 5–10; 9, с. 54].

Бляхи с сокольниковым Пермского Предуралья, выполненные из серебра с чернью, неоднократно становились объектом внимания исследователей [5, с. 94–97; 6, с. 5–10; 9, с. 50–55]. Обобщая краткие описания техники их изготовления [5, с. 94–97], можно сделать вывод, что форма им придавалась путем расковки, тиснением или путем вырезания контура; орнамент наносился с помощью чеканки, гравировки. Чернью покрывался фон орнамента.

Интерес вызывает медальон с изображением хищной птицы, изготовленный путем литья из бронзы. На нем имеются следы чернения фона и золочения рисунков, хотя чернение и золочение изделий из бронзы было не свойственно в данный период [5, с. 97].

Таким образом, первые черневые изделия проникают в Пермское Предуралье на самом раннем этапе их появления в Восточной Европе, и, очевидно, сразу

decoration, the purpose of which was supporting an important element of a funeral rite characteristic for the local population. On a face mask niello emphasized the nose and cheeks, and marked the eyes [3, с. 367].

Later the silver, disk-shaped niello rings with shields in the middle became common. This type of rings is also known in the neighboring territories over an extended period of time (the 11th–14th centuries). These items were for a long time related to the Volga Bulgaria workshops. However, in the past decade a question of their origin was raised again [4, p. 44–49; 5, p. 91–97; 6, p. 5–10].

A large number of such rings was found [4, p. 44–49; 5, p. 145; 3, p. 367; 7, p. 4–7; 8, p. 357–360]. They were modeled in two ways: by upsetting a rod and by cutting a contour out of plate. The ornament was engraved. Niello filling was used on the ornament in the form of plaiting; wavy lines; floral design; twisting lines; a cross of two ovals; a sidelong cross; and torsade imitation. Some ornament elements were gold-plated. Main ornament was complemented with dots and triangles patterns. Notwithstanding some similarities with the ornaments on rings from other centers, there were certain local specific features.

There is a well known category of niello pieces - falconer plaques. Similar items are also known in the neighboring territories, but in the Perm Cis-Urals they are most numerous. They are very tentatively dated as the 11th–14th centuries [5, p. 94–97]. These items are also traditionally considered to be Bulgarian, however, recently a question of their origin is raised again [5, p. 94–97; 6, p. 5–10; 9, p. 54].

The silver falconer plaques with niello from the Perm Cis-Urals have repeatedly drawn the attention of researchers [5, p. 94–97; 6, p. 5–10; 9, p. 50–55]. Summing up the brief description of their making techniques [5, p. 94–97] we may conclude that they were modeled by upsetting, stamping, or by means of cutting out the contour; the ornament was made by embossing and engraving. Niello was fused onto the ornament background.

A medallion with a bird of prey image made with the use of bronze casting technique is of a particular interest. It has traces of background niello and gold plating of the ornament, though niello decoration or gold plating of bronze items were not common during that period [5, p. 97].

Thus the first niello pieces penetrated into the Perm Cis-Urals at the earliest stage of their existence in Eastern Europe and, apparently, the new decoration technique was immediately borrowed by the local jewelers. Later, in the same way as in other territories, niello was used for decoration of a limited group of items — mostly the finger rings and medallions.

новая техника декорирования заимствуется местными ювелирами. В дальнейшем, как и на других территориях, чернь использовалась при оформлении достаточно ограниченного круга вещей — преимущественно перстней и медальонов.

Литература / References:

1. Минасян Р. С. Металлообработка в древности и Средневековье. СПб., 2014.
2. Макарова Т. И. Черное дело Древней Руси. Москва, 1986.
3. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афула: археологический комплекс у с. Рождественское. Пермь, 2008.
4. Адамов А. А. Серебряные перстни с чернением болгарского типа из Предуралья // Тр. Камской археол.-этногр. экспед. Пермь, 2014. Вып. IX. С. 44–49.
5. Белавин А. М. Камский торговый путь. Средневековое Приуралье в его экономических и этнокультурных связях. Пермь, 2000.
6. Федорова Н. В. Художественный металл Волжской Болгарии // Восточный художественный металл из Среднего Приобья. Новые находки: катал. временной выставки к 70-летию отдела Востока. Л., 1991. С. 5–10.
7. Брюхова Н. Г., Лычагина Е. Л., Руденко К. А. Перстни из раскопок Плотниковского могильника // Вестн. музея археологии и этнографии Пермского Предуралья. Пермь, 2010. Вып. 3. С. 4–7.
8. Руденко К. А. Этнокультурные контакты народов Западной Сибири и Поволжья в X–XV вв. по находкам художественного металла // Культура как система в историческом контексте: опыт Западно-Сибирских археолого-этнографических совещаний. Томск, 2010. С. 357–360.
9. Шатунов Н. В. Медальон с сокольниковым из сибирской коллекции Ф. Р. Мартина // Барсова гора: древности таежного Приобья. Екатеринбург; Сургут, 2008. С. 50–55.

УДК 904(571.1)«65»:704

А. В. КУЗИНА

Кузина Алёна Васильевна — ИАЭТ СО РАН (Россия, Ханты-Мансийск). E-mail: alekuzina@gmail.com

ПЕРСТЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ С ГРАВИРОВАННЫМИ ОРНАМЕНТАМИ

Ключевые слова: Север Западной Сибири, средневековье, археологический источник, перстень, гравированные орнаменты

Резюме. В статье представлен обзор нескольких гравированных композиционных схем, зафиксированных на перстнях, обнаруженных на территории Севера Западной Сибири.

Перстни с гравированными орнаментами на щитках составляют особую группу среди перстных украшений, найденных на территории Севера Западной Сибири. Изображения данной группы зачастую обладают обобщенным характером, что еще более затрудняет их интерпретацию. В работе предложен обзор нескольких таких композиционных схем.

Первая схема зафиксирована на щитках девяти перстней (находки у деревень Мозямы, Няксимволь, Чемаша, городище и святилище Ермаково I), состоит из расположенных по окружности прямых и

A. V. KUZINA

Kuzina Alena Vasiljevna — PhD candidate, IAET SB RAS (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: alekuzina@gmail.com

RING DECORATIONS WITH ENGRAVED ORNAMENTS OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA

Key words: north of Western Siberia, Middle Ages, archaeological source, finger ring, engraved ornament

Summary. The article presents a review of several engraved composition patterns registered on finger rings found in the territory of the north of Western Siberia.

Rings with engraved ornaments on shields represent a separate group of ring decorations found in the territory of the north of Western Siberia. The images belonging to this group are often rather schematic which makes the task of their interpretation even more difficult. The research presents several such composition patterns.

The first pattern was registered on shields of nine rings (found near the villages Mozyama, Nyaksimvol, Chemashi, hillfort and sacred site Yermakovo I), it consisted of circumferentially arranged straight and arched grooves fringed with a zigzag line. This pattern is characteristic for rings with rounded shields.

дугообразных желобков, окаймленных зигзагообразной линией. Данная схема характерна для перстней с округлым щитком.

Вторая схема зафиксирована на щитках двух перстней (находка у деревни Мозямы, городище Стариков Мыс I). Орнаментируемая плоскость щитка разделена на четыре части крестообразно расположенными линиями; в каждой из частей расположен растительный элемент в виде «завитка». Данная схема не привязана к форме щитка; зафиксирована на перстнях с округлым и подквадратным щитком.

Третья схема зафиксирована на щитках восьми перстней (находки у деревень Мозямы, Няксимволь, городище и святилище Ермаково I, местонахождение Стариков Мыс I), представляет собой сетку из ромбовидных сегментов, заключенную в окружность и дополненную с трех сторон дугообразными линиями или растительными элементами. По контуру щитка изображение окаймлено углубленным желобком. Данная схема характерна для перстней с овальным щитком и во всех случаях ориентирована вдоль его длинной стороны.

Аналогии выше перечисленным изобразительным схемам среди опубликованных исследований не выявлены. Что касается семантических особенностей рассматриваемых изображений, определенной трактовки на сегодняшний день они не получили. Наиболее вероятная интерпретация изображений первой и второй схем, на наш взгляд, связана с солярной символикой. В основе этих изображений заложены круг и крест — одни из основных солярных знаков. Перстняные украшения первой группы также дополнены округлым щитком и, в целом, изображение близко к коловрату — символу солнца у древних славян. Перстни второй группы напоминают стилизованную свастику.

Согласно археологическим и этнографическим исследованиям, основная масса украшений с солярной символикой (главным образом подвески к ожерельям, бляшки, височные кольца, фибулы) существовала на Руси в границах X–XIII вв. [1; 2]. Перстни с солярными изображениями получили широкое распространение в XIII–XIV вв. [3]. Солярные символы на перстняных украшениях севера Западной Сибири не повторяют напрямую древнерусские орнаментальные мотивы, а скорее «напоминают» их стилистически, что вероятно, связано с более поздним временем бытования рассматриваемых групп изображений. Тем не менее, многочисленные варианты солярных изображений на ранних славянских и поздних русских перстнях, а также широкие пространственные рамки их распространения, могут

The second pattern was registered on shield of two rings (found near Mozyama village, and Starikov Cape I hillfort). The ornamented surface of the shield was divided into four parts by crossing lines; in each of the four parts there was a “curl” shaped floristic element. This pattern was not tied to the shape of a shield; it was registered on both the rounded and the sub-square shields.

The third pattern was registered on shields of eight rings (found near Mozyama village, Nyaksimvol, hillfort and sacred site Yermakovo I, and Starikov Cape I site); it consisted of a rhombic segments pattern placed inside a circle and complemented on three sides with arched lines or floristic ornament. The image was fringed along the contour by a recessed groove. This pattern was characteristic for rings with oval shield, and in all cases it was oriented along the long side of the shield.

There are no analogues to the described above ornamentation patterns in the published research materials. The semantics of these images has not so far been convincingly interpreted. The most probable interpretation of the first and the second patterns images is, in our opinion, related to solar symbolism. A circle and a cross are main elements of these images — the most important solar signs. Ring decorations of the first group also include rings with rounded shield, and, in general, the image is close to a Kolovrat symbol, the sun symbol of the ancient Slavs. Rings of the second group resembled a stylized swastika.

According to the archaeological and the ethnographic research a large part of all decorations with solar symbolism (mostly necklace pendants, plaques, temple rings, and fibulas) existed in Russia within the time period of the 10th–13th centuries [1; 2]. Rings with solar images became quite common in the 13th–14th centuries [3]. Solar symbols on rings of the north of Western Siberia did not directly replicate the ancient Russian ornamental motifs, but rather “resembled” them stylistically which was, probably, related to the later period of their existence. Nonetheless, numerous variants of the solar images on the early Slavic and the later Russian rings, as well as the wide geography of their distribution could be an evidence of active trade contacts and the popularity of these images among the people.

The third group ornament is also based on a circle, however its image was shifted to the side and complemented with a number of elements not characteristic for the solar images, which did not allow relating it directly to the solar symbolism. According to the archaeological data [4; 5], the most probable dates for this type of rings are the end of the 16th–19th centuries.

говорить об активных торговых связях и востребованности данных изображений у населения.

В основе орнамента третьей группы перстней также есть круг, однако его изображение смещено в сторону и дополнено рядом элементов, не свойственных для солярных изображений, что не позволяет напрямую связать его солярной символикой. По археологическим данным [4; 5], наиболее вероятная датировка подобных перстней составляет конец XVI–XIX вв.

Таким образом, среди изображений, сохранившихся на перстнях украшениях северных районов Западной Сибири, можно выделить перстни с гравированными орнаментами на щитках, отличающиеся от других групп данной категории украшений визуально и стилистически. Внутри этой группы перстней выделяется несколько изобразительных схем, обобщенность и стилизованность которых на сегодняшний день, затрудняют определение культурно-хронологической принадлежности этих украшений.

Тем не менее, «тиражированность» орнаментов дает основание предположить, что перстни или восходят к одному достаточно известному прототипу, растиражированному в одной или группе мастерских, или происходят из одного мощного центра ремесленного производства, чья продукция широко распространилась в результате межрегиональных торговых контактов.

Литература / References:

1. Даркевич В. П. Символы небесных светил в орнаменте Древней Руси // Советская археология. М., 1960. № 4. С. 56–67.
2. Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987.
3. Седова М. В. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.
4. Морозов В. М. Отчет об археологической разведке по трассе газопровода «Уренгой-Челябинск» осенью 1981 года в Сургутском районе Тюменской области (д. Ермаково, г. Когалым). Свердловск, 1982. Архив АУ ЦОКН. Инв. 6276. Д. 141.
5. Морозов В. М. Отчет об исследовании городища Стариков Мыс I в окрестностях д. Согом Ханты-Мансийского района Тюменской области. Екатеринбург, 1998. Архив АУ ЦОКН. Инв. 1285. Д. 51 а, б.

УДК 904(571.122)«653»

А. Н. ЛАБАУРИ

Лабаури Анастасия Николаевна — УрФУ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: guthoff2@mail.ru

ОБ ОСОБОМ ТИПЕ ЗАХОРОНЕНИЙ
ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ
НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ

Ключевые слова: кремация, погребальный обряд, средневековье, Нижнее Приобье

Thus in the group of images preserved on ring decorations of the northern regions of Western Siberia there was a sub-group of engraved ornaments on shields which was visually and stylistically different from all other groups of this category of decorations. Inside this group of rings there were several ornamental patterns, the generalized and stylized nature of which made difficult the task of identification of their cultural or chronological attribution.

Nonetheless, the mass-scale replication of the ornaments gave reasons to assume that the rings either went back to a common and a relatively well known prototype replicated in one of the workshops, or originated from one strong craftsmanship center, the products of which spread across a wide territory as a result of inter-regional trade contacts.

A. N. LABAURI

Labauri Anastasia Nikolayevna — UrFU
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: guthoff2@mail.ru

ON A SPECIFIC TYPE OF INTERMENTS IN THE
LATE MIDDLE AGE BURIALS OF THE LOWER
OB RIVER BASIN

Key words: cremation, mortuary rituals, Middle Ages, Lower Ob river basin

Резюме. В работе рассматриваются случаи захоронения голов человека на позднесредневековых могильниках Северо-Западной Сибири.

При раскопках Ендырских I и II могильников (Октябрьский район ХМАО – Югры) была выделена группа погребений, содержащих только кости сожженного черепа, или кости черепа с шейными позвонками. Погребения этой группы представляли собой скопления кальцинированных костей диаметром до 36 см в слое лесной подстилки, иногда с небольшим углублением в грунт. Обряд погребения может быть интерпретирован как кремация на стороне с последующим погребением кальцинированных костей компактно на поверхности, в некоторых случаях сохранились остатки берестяных туесов, в которые были помещены останки.

Всего обнаружено восемь таких комплексов (два на Ендырском I могильнике, шесть – на Ендырском II), что составляет 11,3% от общего числа исследованных на могильниках погребений. Данные объекты могут быть датированы концом XV – концом XVI вв. Антропологическое определение было проведено для шести захоронений: установлено, что в двух случаях останки голов принадлежали детям в возрасте 1–6 и 2–7 лет, в остальных случаях – взрослым (пол установлен не был).

Захоронения сожженных голов не содержали погребального инвентаря, за исключением погребения 14 Ендырского I могильника, где вместе с остатками кремации были уложены 13 пуговиц в виде ягод крыжовника, рядом со скоплением обнаружены два ножа. [1, с. 146, рис. 62].

Таким образом, эти погребения имеют наземный характер, почти во всех захоронениях отсутствует погребальный инвентарь. Наличие костей черепа и шейных позвонков может свидетельствовать об отрубании голов, т. е. расчленении умерших (а сами эти погребения можно отнести к так называемым «парциальным захоронениям»). Планиграфический анализ не позволяет связать эти объекты с другими, грунтовыми погребениями.

Интересны также погребения 18 и 19 могильника Ендырский I, где в грунтовом погребении были помещены останки сожженных голов и кости посткраниального скелета, не подвергавшиеся воздействию огня [1, с. 148–152].

Захоронения отдельных черепов известны на средневековых памятниках Северо-Западной Сибири: погребения отчлененных детских голов зафиксированы на могильниках Барсовском I [2, с. 96] и Барсовском IV, три погребения отдельных черепов найдены при раскопках могильника Усть-Балык [3, с. 21].

Summary. The paper describes the instances of human heads burials in the late Middle Age burial sites from the north-west Siberia.

During the excavations of Endyr I and II burial sites (Oktyabrsky district of KhMAO – Ugra) a group of interments was identified which contained only the cremated skull bones, or the skull bones with cervical vertebra. Interments of this group were registered as accumulations of calcinated bones up to 36 cm in diameter in the forest litter level, sometimes slightly buried into the ground. The funeral rite could be interpreted as surface cremation with subsequent burial of calcinated bones in a compact form on the surface, in some cases there were also fragments of birch bark boxes in which the remains were placed.

There were eight such complexes altogether (two on Endyr I burial site, and six on Endyr II), which corresponded to 11.3% of the total number of the studied interments on the site. These sites could be dated back to the end of the 15th – end of the 16th centuries. Six burials were studied anthropologically: it was established that in two cases the remains of the heads belonged to children aged 1–6 and 2–7 years, in all other cases – to adults (their sex was not identified).

Cremated heads interments contained no grave goods with the exception of interment 14 from Endyr I cemetery, where together with the cremation remains there were 13 gooseberry shaped buttons, near the accumulation there were also two knives [1, p. 146, fig. 62].

Thus these interments were surface type, practically in all of them there were no grave goods. The presence of cranial bones and cervical vertebra could evidence heads cutting, i. e. dismemberment of the deceased (and the interments themselves could be referred to the group of the so-called “partial interments”). The planigraphic study did not produce any data relating these burials to other surface interments.

Interments 18 and 19 of Endyr I cemetery are also of particular interest, there in an earth interment there were the remains of cremated heads and postcranial bones without traces of exposure to fire [1, p. 148–152].

Separate skull burials are known in some other medieval sites from the north-west Siberia: interments with dismembered children’s heads are registered on Barsovo I [2, p. 96] and Barsovo IV cemeteries, three skull interments were found during the excavation of Ust-Balyk burial site [3, p. 21]. Interments with scorched skull bones were also found in the taiga Trans-Ural on Likin cemetery [4, p. 160]. A special attitude towards human heads is also mentioned in relation to the “warship-religious rites” – beheading and scalping of enemies [2, p. 96; 5, p. 137–140].

Захоронение костей обожженного черепа известно в таежном Зауралье на Ликинском могильнике [4, с. 160]. Особое отношение к человеческим головам также прослеживается в связи с «военно-ритуальными обрядами» — обезглавливанием и скальпированием врагов [2, с. 96; 5, с. 137–140].

Подобные захоронения могут свидетельствовать об особом отношении таежного населения к головам (волосам) человека. И связаны они с представлением обских угров о том, что голова и волосы являются вмещением одной из душ человека — души-тени [6, с. 45].

Литература / References:

1. Зыков А.П., Кокшаров С.Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.
2. Зыков А.П. Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
3. Семенова В.И. Средневековые могильники Юганского Приобья. Новосибирск, 2001.
4. Викторова В.Д. Древние угры в лесах Урала (страницы ранней истории манси). Екатеринбург, 2008.
5. Карачаров К.Г., Ражев Д.И. Обычай скальпирования на севере Западной Сибири в средние века // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2002. Вып. 4. С. 137–140.
6. Карьялайнен К.Ф. Религия Югорских народов. Томск, 1994. Т. 1.

УДК 904(470.342)«653»:711

Л. Д. МАКАРОВ

Макаров Леонид Дмитриевич — д.и.н., УдГУ
(Россия, Ижевск). E-mail: arch@uni.udm.ru

ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ РУССКИЕ ГОРОДКИ
СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ЮГ¹

Ключевые слова: Устюжская земля, р. Юг, городища, материальная культура

Резюме. Проблемы заселения русскими Устюжской земли: письменные и археологические источники. Городища среднего течения р. Юг: Колотовское, Подгорбуновское, Аксентьевское (Осиновец) и степень исследования. Их фортификация, материальная культура, социальный статус и период функционирования.

В 1977 и 1978 гг. среднее течение р. Юг в пределах Подосиновского района Кировской области впервые подверглось сплошному археологическому исследованию отрядом Камско-Вятской археологической экспедиции Удмуртского университета под руководством автора, при этом было открыто и обследовано

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке со стороны Минобрнауки РФ на выполнение базовой части государственного задания (НИР № 2174) в сфере научной деятельности в 2014–2016 гг.

This type of interments could evidence a special attitude of the taiga population to human heads (hair). They are related to the Ob Ugrians beliefs that the heads and the hair were a repository of one of the human souls — soul-shadow [6, p. 45].

L. D. MAKAROV

Makarov Leonid Dmitrievich — Doctor of History, UdSU
(Russia, Izhevsk). E-mail: arch@uni.udm.ru

LATE MIDDLE AGE RUSSIAN TOWNS IN THE MIDDLE
BASIN OF THE YUG RIVER¹

Key words: Ustyug land, the Yug river, fortresses, material culture

Summary. Problems of colonization of the Ustyug land by the Russians: written and archaeological sources. Fortresses of the middle basin of the Yug river: Kolotovo, Podgorbunje, Aksentjevskoje (Osinovets) and their research status. Their fortifications, material culture, social status, and the period of functioning.

In 1977 and 1978 the middle basin of the Yug river in the area of Podgorbunovsky district of the Kirov region was for the first time subject to a large-scale archaeological study performed by a team of the Kama-Vyatka archaeological expedition of the Udmurt University under the supervision of the author. In the course of the study 27 archaeological sites were discovered and

¹ The work has been performed with the financial support of the Ministry of Education and Science of the RF for the performance of the main part of the public research contract (NIR № 2174) in 2014–2016

27 памятников, на 12 из которых найден русский материал. В числе последних и три городища.

1. Колотовское городище. Д. Колотово, левый берег р. Шеньги, левого притока р. Юг.

Городище, упоминавшееся в конце XIX и в первой трети XX в., располагается в 200 м к Ю от д. Колотово в излучине р. Шеньги на залесенном мысу вытянутой пятиугольной формы высотой 25 м. Мыс соединяется на востоке с коренной террасой узким (5–10 м) перешейком. Площадка городища (6 000 кв. м) ограничена с севера крутым склоном, спускающимся к реке, а южный пологий склон дополнительно укреплен дугообразным валом длиной 210 м., высотой от 1 до 5 м. Со стороны перешейка дополнительно вырыт ров размером 42 x 6–9 м, глубиной 1 м и возведен вал длиной 30, шириной 15, высотой 2,5 м. В южной части имеется 5-метровый проход на городище. Площадка изрыта кладоискательскими ямами. В шурфе найдено 17 фрагментов круговой посуды с короткими шейками и округлыми венчиками второй половины XVI–XVII в. Городок возник в период раннего нового времени и функционировал в сложных условиях «смутного времени».

2. Подгорбуновское городище. Д. Подгорбунье, правый берег р. Юг.

Памятник располагается в 150 м к ЮВ от д. Подгорбунье на вытянутом с севера на юг мысе высотой 15 м, площадью 1 300 кв. м. С напольной стороны площадка ограждена дугообразным валом длиной 20 м, высотой более 2 м и рвом глубиной до 3 м при ширине 8 м. Склоны мыса и часть площадки залесены, культурный слой поврежден кладоискательскими ямами. Первые упоминания городка приводятся в конце XIX в., а затем сведения о нем поступили в 1976 г. от местного краеведа В. И. Малахова. В 1977 и 1978 гг. раскопки на городище проводил отряд Камско-Вятской экспедиции под руководством автора. Общая вскрытая площадь составила 195 кв. м, материалы памятника опубликованы.

Всего на городище изучены древности трех хронологических комплексов: VIII–IX, XII–XIV, XV–XVI вв.

Поздний слой памятника XV–XVI вв. представлен фрагментом крепостной линии, состоящей из четырех сооружений шириной 3,2–4,4 м, с развалами печей-каменок и кусками глиняной обмазки. Судя по стратиграфии, перед возведением этих построек площадка была выровнена, лишний грунт перемещен к склону, остатки пожара засыпаны, а поверхность утрамбована. Затем на месте прежних были установлены новые срубы, под тяжестью которых грунт со временем продавился и под ними образовались канавки. На внутренней части площадки выявлены лишь небольшие скопления камней и следы кострищ.

researched, on 12 of which some Russian materials were found. The latter group includes three hillforts.

1. Kolotovo fortress. Village Kolotovo, left bank of the Shenga river, left tributary of the Yug river.

The fortress, which was mentioned in the end of the 19th and the first third of the 20th century, is located 200 m south of Kolotovo village in the bend of the Shenga river on a forested elongated, pentagonally shaped, 25 m high cape. The cape is connecting on the east with the base-ment terrace by a narrow (5–10 m) land bridge. The site platform (6,000 sq. m) is bound on the north by a steep slope descending to the river, and the southern gentle slope was additionally fortified with an arc-shaped 210 m long, and 1 to 5 m high embankment. On the side of the land bridge an additional 42 x 6–9 m, and 1 m deep trench was made, and a 30 m long, 15 m wide, and 2.5 m high bulwark was erected. In the southern part there was a 5 m wide passage into the fortress. The platform has numerous signs of treasure hunters' digging. In a test unit 17 fragments of round ceramic ware with short necks and round-shaped rims of the second half of the 16th–17th century were found. The fortress was built in the early Historic time and functioned under the difficult conditions of the Time of Troubles period.

2. Podgorbunje fortress. Village Podgorbunje, the right bank of the Yug river.

The site is located 150 m south-east of Podgorbunje village on the extended in the north-south direction 15 m high cape with the total area of 1,300 sq. m. From the floor level side the platform was protected with an arc-shaped 20 m long, over 2 m high embankment, and an 8 m wide ditch with the depth up to 3 m. The cape slopes and part of the platform are forested, the cultural level was disturbed by treasure hunters' pits. First mention of the site was made in the end of the 19th century, and then additional information was received in 1976 from a local regional ethnographer V. I. Malakhov. In 1977 and 1978 the site was excavated by a team of the Kama-Vyatka archaeological expedition under the supervision of the author. The total excavated area is 195 sq. m, the materials of the site have been published.

In the fortress the materials of three chronological periods are represented: the 8th–9th; the 12th–14th, and the 15th–16th centuries.

The latest level of the site — the 15th–16th century, is represented with a fragment of fortifications line consisting of four 3.2–4.4 m wide structures with the remains of stone ovens and bits of clay lining. Judging by the stratigraphy prior to the building of these structures the platform was leveled, extra soil moved down the slope, the remains of the fire fill up with earth, and the surface packed. Later, new log frames were placed over the old ones, under the weight of which the earth sagged and

Вещевой комплекс: более 8 тыс. фрагментов круговой керамики, два развала лепных кувшинообразных сосудов с ручками, пряслица из стенок горшков, глиняная свистулька и обломок другой, фрагменты тиглей, железные изделия, бронзовые перстень и кольцевидная фибула, кости животных, изделия из них, каменные оселки. Все эти находки ярко характеризуют русскую культуру XV–XVI вв.

Особое значение имеет керамика. В статистическую обработку вошло 112 фрагментов шеек. В целом посуда хорошего обжига, крепкая, плотная, темно-серого и черного цвета с примесями в тесте дресвы и слюды, толщина стенок 3–5 мм. Выделены две категории сосудов — горшки и банки. Наиболее многочисленны горшки (87%), представленные в равной степени двумя типами: с вертикальной или слабо отогнутой шейкой и с сильно отогнутой шейкой. По форме венчиков выделено 5 вариантов. В категории баночных сосудов — две группы: чашки (40%) и банки (60%). Аналогичная посуда наиболее близка новгородской XIV–XVI вв. Посуда почти не украшена, встречаются лишь единичные фрагменты с линейно-волнистыми узорами или широкие линии, нанесенные черной краской. На днищах выявлены однотипные гончарные клейма (3 целых, 16 фрагментарных): 2 окружности, пересеченные радиальными линиями. Эти сосуды изготовлены, вероятно, на одном круге и одним мастером.

Городище имело крепостную систему в виде жилых оборонительных клеток, известных как в Южной Руси в XII–XIII вв., так и на Русском Севере с IV в. Следы таких клеток выявлены нами и на Средней Вятке. Большого военного значения городище, очевидно, не имело, о чем говорят малочисленность предметов вооружения и отсутствие сведений о нем в синхронных письменных источниках. Судя по всему, этот городок также, как и предыдущий, был укрепленной феодальной усадьбой.

3. Аксентьевское городище (Осиновец). Д. Аксентьевская, левый берег р. Черная, левого притока р. Юг.

Крепость известна в летописях со второй половины XV в. и в дальнейшем фигурирует в качестве городка, старого городка, урочища, городища. Во второй половине XIX в. упоминается уже как археологический памятник.

Городище располагается в 3 км к ЗСЗ от пос. Подосиновец на мысу подтрапециевидной формы высотой 19–20 м. Площадка памятника — 14 400 кв. м, защищена валом длиной 85 м, шириной 14 м, высотой 3,5 м и рвом длиной 80 м, шириной 15 м, глубиной до 4-х м.

У северного края площадки заложено два шурфа, содержащих напластования мощностью 60–100 см

small trenches were formed under the structures. On the inner side of the platform only small accumulations of stone and marks of fireplaces were found. Artifacts complex: over 8 000 wheel-made pottery fragments, two accumulations of molded jar-shaped vessels with handles, spindle whorles made from pot walls, an earthenware whistle and a fragment of another, fragments of melting pots, iron goods, a bronze ring and a ring-shaped fibula, animal bones and articles made from them, and whetstones. All these finds are vividly characterized the Russian culture of the 15th–16th centuries.

Ceramics is of a particular interest. 112 items were sampled for statistical analysis. In general the pottery was well baked, it is strong, dense, of dark-gray and black color with addition of gruss and mica in the paste, wall thickness — 3–5 mm. Two categories of vessels were identified — pots and jars. The most numerous are pots (87%) represented in equal proportion with two types: with vertical or slightly deflected neck and with strongly deflected neck. With regard to the collar shape 5 variants were identified. In the jar-type category there were two groups: cups (40%) and jars (60%). This type of pottery is close to the Novgorod type of the 14th–16th centuries. The pottery is practically without any ornamentation, there were only single fragments with linear-wavy ornaments and wide lines made with black paint. On the bottoms there are similar potter's stamps (3 whole and 16 fragmented): 2 circles crossed by radial lines. These vessels were most likely made on one wheel and by the one potter.

The fortress had a system of fortifications in the form of residential defense klets, known both in the Southern Russia in the 12th–13th centuries, and in the Russian North beginning from the 14th century. Marks of such klets were found by us also in the Middle Vyatka region. The fortress apparently did not have a significant military importance, an indication of which is the scarcity of arms and the lack of information about it in the synchronous written records. In all probability this site was, like the previous one, a fortified feudal estate.

3. Aksentjevskoje fortress (Osinovets). Village Aksentjevskaya, the left bank of the Chernaya river, left tributary of the Yug river.

The site was first mentioned in the chronicles beginning from the second half of the 15th century, and later it was occasionally mentioned as a town, old town, a tract, and fortress. In the second half of the 19th century it was already mentioned as an archaeological site.

The fortress is located 3 km west-north-west from Podosinivets village on a sub-trapezoid, 19–20 m high cape. The site's platform has an area of 14,400 sq. m, was protected by an 85 m long, 14 m wide, and 3.5 m high embankment, and an 80 long, 15 m wide, and up to 4 m deep ditch.

(шурф 1) и 110–130 см (шурф 2). Керамика — гончарная, серого, черного, коричневого и оранжевого цвета с примесью песка в тесте — от горшков, баночных и чашевидных сосудов. Горшки имели высокие или короткие шейки с сильно или слабо отогнутыми наружу округлыми, плоскими, приотстренными или срезанными внутрь венчиками. Галечниковый кремль (скобель и скол) также мог использоваться русскими обитателями городища. Керамический материал подтверждает летописную дату первого упоминания городка и дальнейшее его использование: XV–XVIII вв. Достаточно большая площадь городища, грандиозные оборонительные сооружения, мощный культурный слой, удобное стратегическое расположение свидетельствуют о важной роли города Осиновца в защите Устюжской земли от вражеских набегов. Об этом говорят и страницы летописей.

УДК 904(571.121)«65»:711

А. В. НОВИКОВ, Ю. Н. ГАРКУША

Новиков Андрей Владиленович — к.и.н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

Гаркуша Юрий Николаевич — ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: Yunga1971@ngs.ru

ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙКАРСКОГО ГОРОДКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2012–2014 ГГ.)

Ключевые слова: Нижнее Приобье, Войкарский городок, деревянная архитектура северных хантов 2-й половины II тыс. н. э.

Резюме. В статье рассматриваются особенности деревянного домостроительства аборигенного населения Нижнего Приобья на примере исследованных авторами в 2012–2014 гг. архитектурных конструкций городища Усть-Войкарское I (Войкарского городка). Выделены некоторые технологические принципы деревянного домостроительства, особенности интерьеров жилых помещений и пространственной организации поселения.

В ходе работ 2012–2014 гг. на Войкарском городке было выявлено и исследовано семь различных жилых построек, относящихся к XVII и, возможно, к XVIII вв. [1; 2; 3]. По размерам их можно разделить на: «малые постройки» — с длиной стен до 3-х м — шесть построек (группа I); и «крупные постройки» — с длиной стен более 6 м, единственное

The northern edge of the platform was studied by two test-units, which yielded cultural sediments of 60–100 cm (test-unit 1) and 110–130 cm (test-unit 2). Ceramics — pottery, of gray, black, brown and orange colors with traces of sand in paste — fragments of pots, jars and cup-shaped vessels. Pots have high or short necks with slightly or strongly deflected to the outside, rounded, flat, sharpened or cut to the inside rims. Pebble chert (scraper and spall) could also be used by the Russian residents of the fortress. Ceramic material confirmed the chronicles date of the first mention of the fortress and its further use: the 15th–18th centuries. A relatively large area of the settlement, huge fortifications, thick cultural level, and its convenient strategic location evidenced the important role of the Osinovets town in the protection of the Ustyug land from the enemy raids. This is also supported by the chronicles.

A. V. NOVIKOV, YU. N. GARKUSHA

Novikov Andrey Vladilenovich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

Garkusha Yury Nikolayevich — IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk) E-mail: Yunga1971@ngs.ru

ARCHITECTURE AND SPATIAL ORGANIZATION OF VOIKAR FORTRESS (BASED ON THE MATERIALS OF THE EXCAVATIONS IN 2012–2014)

Key words: Lower Ob river basin, Voikar fortress, wooden architecture of the Northern Khanty of the 2nd half of the second millennium AD

Summary. The article presents a discussion of specific features of wooden house building practices of the aboriginal population of the Lower Ob river basin using the researched by the authors in 2012–2014 architectural structures of the Ust-Voikar I fortress (Voikar fortress) as a case study. Several technological features of wooden house building practices were identified, as well as the living space interior organization and the spatial layout of a settlement.

In the course of the 2012–2014 archaeological excavations on Voikar fortress several houses of the 17th and, probably, 18th centuries were found and studied. [1; 2; 3]. According to their size they could be divided into the following groups: “small buildings” — with the walls length up to 3 m — six structures (group I); and “large buildings” — with the walls length over

сооружение — постройка № 7 (нумерация построек, продолжающаяся с 2012 г.), которую можно отнести в группу II.

Группа I представлена однокамерными, квадратными в плане постройками. Несущие стены собирались из плах либо из бревен длиной 2,7–2,9 м, с использованием углового сопряжения «в чашу». Отмечены случаи комбинации различных видов углового соединения.

Подготовка древесины для строительства была незначительной. Типичным является использование материала из демонтированных ранее построек. В одном стеновом наборе использовалась древесина разного диаметра и длины. Также могли использоваться и неошкуренные бревна, в основном, в нижних венцах. Для теплоизоляции могли использовать «завалинку» — дополнительное ограждение вокруг несущих стен; пространство между ними заполнялась щепой и грунтом.

Основания стен укладывались на предварительно уплотненную поверхность. При формировании нижнего венца первоначально укладывались бревна будущих передней и задней стен дома. Перед монтажом стен нижний венец фиксировался кольщиками. Горизонтальное выравнивание происходило, при необходимости, подкладыванием под стены обрубков древесины. Подготовка площадки заключалась также в сооружении небольшого по глубине (0,2–0,25 м) котлована, по краю которого и укладывались нижние венцы. Использование котлованов могло быть и вторичным, что связано с необходимостью неоднократного ремонта или перестройки жилища, сопровождавшихся частичным или полным демонтажем несущих конструкций и изменением интерьера. Обновленное сооружение возводили нередко в тех же границах, что и предыдущее, но уже на новом уровне, сформированном накопленным за пределами жилища строительным мусором.

Сохранились основания входных проемов (порогов), оборудованных для установки дверей в середине стены. Конструкция порогов была схожей для построек, выполненных в разной строительной технике: продольный треугольный выруб, выполненный в боковой плоскости бревна 2-го венца, обращенной внутрь помещения. По обе стороны от него находились пазы различной формы для установки вертикальных стоек — деталей дверного проема. На горизонтальной плоскости выруб выполнялся паз с дополнительным углублением для установки и открывания двери. Вертикальная плоскость выруб ограничивала свободное вращение двери и обеспечивала ее открывание только внутрь жилища. Нами обнаружен пока единственный фрагмент дверного

6 м — the only structure was building No 7 (the indexing continued from 2012 field season), which could be referred to group II.

Group I is represented by one chamber, square in the plane structures. The supporting walls were made from blocks, or logs 2.7–2.9 m long with the use of angle half-lap joint. There were instances of combination of different types of corner joints.

Timber for construction was only slightly dressed. It was common to use the material from the earlier dismantled houses. In one wall set there were blocks of different length and diameters. It was common to use rough logs, particularly in lower timber sets. Heat insulation was achieved by means of a “bank” — additional fence around the support walls; space between them was filled with chips and earth.

Wall bases were placed on a preliminarily flattened surface. The first timber set was formed starting with the logs of the future front and back walls of the house. Before the start of construction the first timber set was fixed with pegs. Horizontal alignment was done, where necessary, by means of placing of timber stubs under the walls. Platform preparation also included digging a shallow (0.2–0.25 m deep) pit along the brim of which the lower timber sets were placed. The use of construction pits could also be secondary, which was related to the need of repeated repairs or reconstructions of the houses, accompanied by a complete or partial removal of the support structures and the change of interior. The renovated building was quite often erected within the same limits as the old one, but on a new level formed by construction waste accumulated outside the house.

Some entrance bases (thresholds) fitted for mounting the doors in the middle of walls are well-preserved. The thresholds structure is similar for buildings made with the use of different construction techniques: longitudinal triangular cut made in a side surface of the second timber set log facing inwards. On both sides of it there are slots of different shapes for mounting vertical heel posts — elements of the doorway. On a horizontal plane of the cut there is a slot with additional recess for the door mounting and opening. The vertical plane of the cut limited free movement of the door and ensured its opening only to the inside. So far we found only one fragment of a door panel. It was composed of several boards fixed by lateral planks pulled to the boards with the help of ropes passed through holes in them. The dimensions of that door are quite small — its height is only 0.52 m. The width of the door could be reconstructed from the threshold cut length: in the researched structures it varied within the range of 46–72 cm. The hinges were integrated with the door panel sockets.

полотна. Оно набрано из нескольких досок, скрепленных поперечными планками, притянутыми к доскам с помощью веревок через сквозные отверстия. Размеры этой двери отличаются миниатюрностью — ее высота всего 0,52 м. Ширина двери реконструируется по длине порогового выруб: в исследованных постройках она варьировалась в пределах 46–72 см. Шарниры представляют собой единые с дверным полотном втулки.

Входом дома были ориентированы на юг или восток, однако, несмотря на различную ориентацию, в зависимости от положения постройки в структуре поселения, передний фасад был обращен на внутреннюю часть городища. Предвходовое пространство могло быть оборудовано коридором.

Пространственное размещение сооружений напоминает планировку Надымского городка XVII — начала XVIII вв., где зафиксировано наличие центральной улицы, протянувшейся по длинной оси поселения [4, с. 42, рис. 2.5, 2.6]. Крупные постройки смещены вдоль продольной оси поселения и обращены входом на внутреннюю улицу, с которой соединялись небольшими коридорами. Периферийные поперечные сегменты поселения заняты плотной малоразмерной застройкой. Распределение построек свидетельствует об отсутствии преемственности в развитии планировочных схем для этой части поселения. Некоторые из них функционировали длительное время и видоизменялись в границах, заданных еще на раннем этапе строительства. Размещение других было невозможно без частичного демонтажа уже существовавших на тот момент конструкций, при этом менялась и планировка. Наблюдаемый своеобразный «архитектурный палимпсест» может свидетельствовать об интенсивной строительной деятельности на периферии городища, по сравнению с территорией в средней его части. Отметим, что общие черты с Надымским городком прослеживаются не только в принципах организации пространства поселения, но и в архитектуре отдельных строений, прежде всего, с постройками, расположенными в так называемых «остяцких» кварталах, приуроченных к периферии поселения.

Литература / References:

1. Новиков А. В., Слюсаренко И. Ю., Швец О. Л., Ломов П. К. Предварительные результаты исследований на Войкарском городке в 2012 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы Итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2012 г. Новосибирск, 2012. Т. XVIII. С. 262–266.
2. Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н., Шеин А. Н. Археолого-геофизические исследования Войкарского городка в 2013 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 305–309.
3. Новиков А. В., Гаркуша Ю. Н., Шеин А. Н. Продолжение археолого-геофизических исследований Войкарского городка в 2014 г. // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новая серия. Новосибирск, 2014. В печати.

The house entrances were oriented towards the south or the east, however, despite their different orientation depending on the position of the building within the settlement structure, its front always faced the inner part of the hillfort. The space in front of the entrance could be arranged as a corridor.

Spatial arrangement of the structures resembled the layout of the Nadym fortress of the 17th — early 18th centuries, where a central street running along the long axis of the settlement was registered [4, p. 42, fig. 2.5, 2.6]. Large buildings were slightly moved along the longitudinal axis of the settlement with their entrances facing the inner street with which they connected by short corridors. The peripheral lateral segments of the settlement were filled with densely spaced small-size structures. The structures placement evidenced a lack of continuity in the planing patterns development for this part of the settlement. Some of them functioned for a long time and changed within their boundaries set already at the early stages of construction. Placement of others would have been impossible without partial taking down of the already existing at the time structures with the respective change of layout. The observed peculiar “architectural palimpsest” could be an evidence of intensive development works at the hillfort’s periphery compared to the territory of its central part. It should be noted that the similarities with the Nadym fortress could be traced not only in the principles of the settlement’s space organization, but also in the architecture of individual buildings, first of all, the buildings located in the so-called “Ostyak” sections referred to the settlement’s periphery.

4. Кардаш О. В. Надымский городок в конце XVI — первой трети XVIII вв. История и материальная культура. Екатеринбург; Нефтеюганск, 2009.

УДК 904(571.122)«653»

А. В. НОВИКОВ, О. И. НОВИКОВА

Новиков Андрей Владиленович — к.и.н., ИАЭТ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

Новикова Ольга Ивановна — к.и.н., ИАЭТ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: science@archaeology.nsc.ru

ГОРОДИЩЕ НЯЛИНСКОЕ-1 КАК РИТУАЛЬНО-ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС

Ключевые слова: Среднее Приобье, ритуально-производственный комплекс, ханты, средневековье

Резюме. В статье рассматриваются признаки, позволяющие интерпретировать археологический объект городище Нялинское-1 как производственно-ритуальный комплекс 2-й половины I тыс. н. э. — 2-й половины II тыс. н. э.

Исследователи обско-угорских народов отмечают, что возникновение их культовых мест часто связано с археологическими объектами — старыми местами проживания. «Есть основания считать эту традицию (размещение культовых мест на старых городищах) общей для хантов и манси» [1, с. 155–161; 2, с. 126]. Одним из примеров подобного рода изменения функциональной направленности объекта в традиционной культуре хантов является, на наш взгляд, археологический объект — городище Нялинское-1.

Памятник находится в Ханты-Мансийском районе ХМАО — Югры, в 5 км к северо-западу от западной окраины пос. Нялино, в районе слияния крупнейших рек Западной Сибири Оби и Иртыша. Памятник относится к типу мысовых городищ и расположен на узком длинном мысу, вдающемся в низкую болотистую пойму р. Оби. Южная оконечность мыса отделена от остальной площади городища глубоким (до 4 м) рвом. Верхняя площадка мыса, имеющая с напольной стороны ширину 8 м, постепенно сужается, достигая ширины менее 1 м. Высота мыса составляет 8 м от подножия и 9 м от уреза воды. Длина мыса по гребню — 76 м от рва до оконечности у подножия террасы. Общая площадь мысовой части городища приблизительно 230 кв. м, она значительно потревожена несанкционированными раскопками «черных археологов», а также имеет разрушения природного характера. Таким образом, городище Нялинское-1 расположено на доминирующем элементе ландшафта — вдающемся в

A. V. NOVIKOV, O. I. NOVIKOVA

Novikov Andrey Vladilenovich — PhD in History, IAET SB RAS
(Russia, Novosibirsk). E-mail: Novikov@archaeology.nsc.ru

Novikova Olga Ivanovna — PhD in History, IAET SB RAS
(Russia, Novosibirsk). E-mail: science@archaeology.nsc.ru

NYALINSKOJE-1 FORTRESS AS A RITUAL AND PRODUCTION COMPLEX

Key words: Middle Ob basin, ritual and production complex, the Khanty, the Middle Ages

Summary. The paper presents a study of the attributes allowing to interpret the archaeological site Nyalinskoje-1 fortress as a ritual and production complex of the 2nd half of the 1st millennium AD — 2nd half of the 2nd millennium AD.

According to the researchers of the Ob-Ugrians the location of their ritual places are often related to the archaeological sites — past places of residence. “There are reasons to believe that this tradition (location of the ritual places on places of past fortresses) was common for the Khanty and the Mansi” [1, p. 155–161; 2, p. 126]. We believe that one of the examples of such type of change of the site’s functionality in the traditional culture of the Khanty is the archaeological site Nyalinskoje-1 fortress.

The site is located in the Khanty-Mansiysk district of KhMAO — Ugra, 5 km north-west of the western edge of Nyalino village, in the area of confluence of the two major rivers of West Siberia — the Ob and the Irtysh. The site belongs to the type of cape settlements and is located on a long narrow cape cutting into the low, waterlogged floodland of the Ob river. The southern point of the cape is separated from the remaining area of the fortress by a deep (up to 4 m) ditch. The upper platform of the cape, which was 8 m wide at the floor level is gradually narrowing down to a width of less than 1 m. The cape height is 8 m from the foot and 9 m from the water edge. The cape length along the crest is 76 m from the moat to the point at the foot of a terrace. The total area of the cape part of the hill fort is approximately 230 sq. m, it is significantly disturbed by illegal excavations by “black archaeologists”, and also has traces of natural destruction. Thus, fortress Nyalinskoje-1 is located on a dominant landscape element — high terrace

обширную пойму высокому останцу террасы, покрытому темно-хвойной растительностью, благодаря чему он резко выделялся на общем фоне пойменно-речного ландшафта. Подобного рода ландшафтные доминанты в традиционных представлениях аборигенного населения западно-сибирского севера рассматриваются как священные места [1, с. 155–161; 3, с. 129–134; 4, с. 133].

Городище Нялинское-1 было обнаружено в 1994 г. разведочной группой Уральской археологической экспедиции в составе О. В. Малоземовой и А. П. Зыкова, исследовалось Л. Н. Сладковой в 2006–2007 гг., а в 2013–2014 гг. работы на памятнике были продолжены авторами [5, с. 302–304]. Исследования Л. Н. Сладковой показали, что городище Нялинское-1, вероятно, является культовым местом хантов, которое функционировало начиная с эпохи раннего средневековья и вплоть до начала XX в.

В ходе работ на южной площадке памятника были обнаружены следы железоделательного производства в виде фрагментов льячек, литейных форм, печной обмазки, воздухоудных труб, многочисленных фрагментов шлака и нескольких небольших по размерам теплотехнических конструкций, которые наиболее вероятно относятся к XVII–XIX вв. Е. Н. Черных подробно рассмотрел различные аспекты мифологических представлений и их ритуальных проявлений у народов мира, связанных с металлургическим производством [6, с. 134–173]. Примеры подобных представлений известны и у хантов. Так, например, при исследовании многослойного памятника Каменные пески (р. Большой Юган), на его площадке были зафиксированы позднейшие конструкции и находки, которые можно интерпретировать как культовое место хантов на археологическом объекте, связанном с железоделательным производством [4, с. 134].

Ассортимент находок с городища Нялинское-1 весьма разнообразен: это серьги, височные кольца, подвески, накладки, перстни и кольца, бляхи из свинцово-оловянистого сплава с односторонними рельефными изображениями [7, с. 54–58; 8, с. 132–136], бусы и бисер, а также многочисленные «чешуйки» и монеты XVII–XIX вв. [9, с. 91–92]. Значительное количество различных изделий из железа, бронзы, серебра позволяет рассматривать их как преднамеренные приношения на место производственной (металлургической) площадки.

Совокупность перечисленных признаков позволяет согласиться с мнением первого исследователя памятника Л. Н. Сладковой и интерпретировать изученную часть городища как производственно-ритуальный комплекс.

butte cutting into a vast floodland, and covered with dark coniferous vegetation, which made it sharply contrasting with the background river-floodland landscape. Landscape dominants of this type are considered in the traditional beliefs of the aboriginal population of the West Siberian North to be sacred places [1, p. 155–161; 3, p. 129–134; 4, p. 133].

Nyalinskoje-1 fortress was discovered in 1994 by a survey group of the Ural archaeological expedition of O. V. Malozemova and A. P. Zykov, was later studied by L. N. Sladkova in 2006–2007, and by the authors in 2013–2014 [5, p. 302–304]. The studies by L. N. Sladkova demonstrated that Nyalinskoje-1 fortress was, probably, a ritual place of the Khanty, which functioned from the early Middle Age and until the beginning of the 20th century.

In the course of excavations on the southern platform of the site marks of iron-making objects were discovered in the form of smelting ladles fragments, furnace lining, blast pipes, numerous fragments of slag and several small in size thermotechnical structures belonging, most probably, to the 17th–19th centuries. E. N. Chernykh studied in detail various aspects of different peoples of the world mythological beliefs and their ritual manifestations related to the metallurgical production process [6, p. 134–173]. Examples of such beliefs are known among the Khanty as well. Thus, during the study of a multi-level archaeological site Kamennyje Peski (the Bolshoy Yugan river), later structures and artifacts were registered in its territory, which could be interpreted as a ritual place of the Khanty on an archaeological site related to the iron making facilities [4, p. 134].

The finds assemblage from Nyalinskoje-1 fortress is quite varied: there are ear rings, temple rings, pendants, plates, signet and plain rings, lead alloy plaques with one-sided relief images [7, p. 54–58; 8, p. 132–136], large and small beads, as well as numerous “scales” and coins of the 17th–19th centuries [9, p. 91–92]. A significant number of various artifacts from iron, bronze, and silver allowed interpreting them as intentional offerings to the location of production (metallurgical) site.

A combination of the above mentioned attributes provides reasons to agree with the opinion of the first researcher of the site L. N. Sladkova and interpret the studied part of the fortress as a production-ritual complex.

Литература / References:

1. Балалаева О.Э. Священные места хантов средней и нижней Оби // Очерки истории традиционного землепользования хантов (материалы к атласу): науч.-ист. очерки. Екатеринбург, 2002. С. 149–166.
2. Гемуев И.Н., Сагалаев А.М. Святылища манси как феномен культурной традиции // Этнические культуры Сибири. Проблемы эволюции и контактов. Новосибирск, 1986. С. 125–141.
3. Малышкина Ю.А. Заверованные места (археологические памятники) в традиционной культуре коренного населения бассейна р. Конды // Ханты-мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2007. Вып. 4. С. 129–134.
4. Семенова В.И. Некоторые археологические данные о культовом почитании мест, связанных с металлургическим производством у хантов в начале II тыс. н. э. // Мировоззрение народов Западной Сибири по археологическим и этнографическим материалам. Томск, 1985. С. 133–134.
5. Исследования городища Нялинское I в 2013 г. / А.В. Новиков, Ю.Н. Гаркуша, О.И. Новикова, А.В. Кениг // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий: материалы итоговой сессии ИАЭТ СО РАН 2013 г. Новосибирск, 2013. Т. XIX. С. 302–304.
6. Черных Е.Н. Каргалы. М., 2007. Т. V.
7. Новиков А.В., Новикова О.И., Суховольских Т.В. Семантический анализ сюжета изображения на двух позднесредневековых бляхах // Архаическое и традиционное искусство: проблемы научной и художественной интерпретации: материалы Всерос. (с междунар. участием) науч. конф. Новосибирск, 2014. С. 54–58.
8. Новиков А.В., Новикова О.И., Суховольских Т.В. Металлическая бляха с барельефом из городища Нялинское-1 // Культура русских в археологических исследованиях. В 2 т. Омск; Тюмень; Екатеринбург, 2014. Т. II. С. 132–136.
9. Большакова А.А. Нумизматическая коллекция городища Нялинское-1 (по результатам раскопок 2013 года): материалы 52-й Междунар. науч. студен. конф. Новосибирск, 2014. С. 91–92.

УДК: 904(571.121):392.8

С. Г. ПАРХИМОВИЧ

Пархимович Сергей Григорьевич — НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск).
E-mail: Par18@yandex.ru

S. G. PARKHIMOVICH

Parkhimovich Sergey Grigorjevich — NPO "Northern Archeology-1" (Russia, Nefteyugansk).
E-mail: Par18@yandex.ru

**НАХОДКА ПЕРЕГОННОГО АППАРАТА НА
МАНГАЗЕЙСКОМ ПОСАДЕ (К ПРОБЛЕМЕ
ВИНОКУРЕНИЯ В МАНГАЗЕЕ)**

Ключевые слова: перегонный куб, аламбик, «горячее вино», кабак, Мангазея

Резюме. В докладе сообщается о находке перегонного куба на Мангазейском городище и рассматривается вопрос об организации винокурения в Сибирском Заполярье в начале XVII в.

В 2014 г. на Мангазейском городище экспедицией НПО «Северная археология-1» в слое начала XVII в. были изучены остатки сгоревшего дощатого амбарчика, в котором лежал завернутый в рогожу набор из 4-х медных предметов, представлявших собой детали перегонного куба — аппарата для «курения» «горячего вина» (водки).

Куб представляет собой плоскодонный котел усечено-конической формы с широким крутым плечиком и коротким узким венчиком, накрывавшийся

**A FIND OF A DISTILLING TANK ON MANGAZEYA
SETTLEMENT (TO THE PROBLEM OF DISTILLING TRADE
IN MANGAZEYA)**

Key words: distilling tank, alambic, "hot wine", tavern, Mangazeya

Summary. The paper deals with a find of a distilling tank in the Mangazeya fortress and studies the problem of a distilling trade organization in the Siberian polar regions in the beginning of the 17th century.

In 2014 the expedition of NPO "Northern Archeology-1" studied the remains of a burnt down wooden barn in the early 17th century level of Mangazeya fortress, in which there was a wrapped in canvas set of 4 copper finds — parts of a distilling tank, an apparatus for making "hot wine" (vodka).

The tank is a truncated-cone shaped, flat bottom bowl with a wide steep shoulder, short narrow collar, and a dome-shaped steam-collector lid. In the upper third of the bowl there is a riveted seam, and on the

куполообразной крышкой-паросборником. В верхней трети котла — клепаный шов, а на плечиках — пара противоположащих приклепанных дровяных петель для подвешивания. Дно — плоское, чуть выпуклое. Вместимость котла — около 7 литров, что соответствует полуведру в системе русских мер XVII в. Емкость купола крышки, где собирались летучие пары спирта — около 0,85 л. Сбоку в нем было вырезано овальное отверстие для пароотводной трубки, состоявшей из двух частей. Обе части длиной около 62 см и 68 см и диаметром 4–4,4 см.

Раритетные экземпляры перегонных кубов подобной конструкции (т. е. «аламбики») известны в Западной Европе. Судя по высокому качеству исполнения, мангазейский аппарат был изготовлен в одной из западноевропейских специализированных мастерских.

Злободневность «хмельной темь» для русского населения Сибири и для московской власти в XVII–XVIII вв. убедительно подтверждается данными письменных источников о снабжении городов «подрядным» (привозным) вином и заведении в них государственных кабаков, местного винокурения и пивоварения. Повышенное внимание властей к этим проблемам объясняется фискальными интересами: десятинные пошлины и прибыль от государевых кабаков составляли существенные доли в доходах казны. Хмельные напитки были действенным стимулятором в сборах десятинной пошлины с торговых и промышленных людей и ясака с аборигенного населения: в царских наказах разрешалось продавать им вино и мед только после выполнения ими этих обязанностей. В XVII в. служилым людям выдавалось и винное жалование.

В Мангазее государев кабак был устроен в 1621 г., когда по государеву указу тобольский воевода Иван Куракин туда подъячего Никиту Чаплина с большими припасами вина горячего и меда. Выступивший инициатором этого предприятия Куракин обратил внимание царя на огромные убытки, причинявшиеся казне «вольной» деятельностью прежних мангазейских воевод, «торговых и всяких людей», которые «корыстовались» тем, что «меж себя вино и мед продают», а прибыль минует казну [1, с. 35–36]. Этим указом вводилась государственная монополия на курение вина и торговлю привозными винами и медом.

Предполагая перебои с поставками «подрядного» вина, составители текста указа рекомендовали «завести приготовление вина и меду на месте, а материал для того покупать у торговых людей» [1, с. 36]. Мангазейскому воеводе было велено дать Чаплину «под кабацкие запасы новую избу и амбар», а также

shoulders a pair of opposing riveted rod hinges for hanging. The bottom is flat, slightly barreled. The bowl volume is about 7 liters, which corresponded to a half-bucket in the system of Russian measures of the 17th century. The lid dome capacity, where the volatile alcohol vapors were accumulated, is about 0.85 l. On the side there is an oval opening for a two-component steam-outlet pipe. Both parts are about 62 cm and 68 cm long, and 4–4.4 cm in diameter.

Some rare examples of distilling tanks of this design (i. e. “alambics”) are known in Western Europe. Judging by the high quality of manufacturing the Mangazeya apparatus was made in one of the West European specialized shops.

The relevance of the “groggy subject” for the Russian population of Siberia and for the Moscow authorities in the 17th–18th centuries is strongly supported by the written sources about the supply to the towns of “contracted” (imported) wine and the organization in them of public taverns, and local breweries and distilling shops. Significant attention of public authorities to these problems could be explained by the fiscal interests: the tithe duties and the profit from public taverns constituted a significant share of state revenues. Alcoholic drinks are an efficient stimulants for tithe collection from the traders and manufacturers, as well as collection of yasak (tax taken in furs) from the aboriginal population: in the Tsar’s decrees it was allowed to sell them wine and mead only subject to payment of those taxes. In the 17th century the soldiers also received part of their pay in wine.

In Mangazeya the public tavern was established in 1621, when under the Tsar’s decree the Tobol Voivode Ivan Kurakin sent there his minor clerk Nikita Chaplin with a large supply of hot wine and mead. Ivan Kurakin who was an initiator of this enterprise complained to the Tsar about huge losses caused to the crown by “free” trade of the former Mangazeya Voivodes, “commercial and other people”, who profited from “among themselves trading in wine and mead”, and that none of that profit went to the crown [1, p. 35–36]. This decree introduced state monopoly for distilling business and trade in imported wines and mead.

In anticipation of delays in the supply of “contracted” wine the drafters of the decree recommended “establishing of wine and mead making locally, and the materials for this to be purchased from traders” [1, p. 36]. Mangazeya Voivode was ordered to give Chaplin “for the tavern supplies a new house and a barn”, as well as a tapster from the traders or the manufacturers class. The Voivode also gave him another “house with a mud room, because in one house the crown’s tavern supplies storing, and for him, Nikita with his people living, and

целовальника из торговых или промышленных людей. Ему же воевода передал и другую «избу с сениями для того, что в одной избе государевы кабацкие запасы и ему, Никите, со служилыми людьми жить и питухом государева питья пить за теснотою немочно» [2, с. 73].

Судя по дощатой конструкции амбара и составу находок в нем, он использовался для хранения разнообразной домашней и хозяйственной утвари. Из найденных в амбаре 332 предметов различных категорий с винокурением (помимо перегонного куба), торговлей и хранением хмельных напитков можно связать детали бондарных емкостей — 7 клепок и 6 днищ биров, на которых фиксировалось движение товаров и денег. Особый интерес представляет скопление из 34 серебряных копеек и 19 фальшивых монет (или заготовок их), нарубленных из оловянного прута.

Вероятно, амбар входил в состав двора, владелец которого (или постоялец) занимался винокурением и торговлей хмельными напитками. Решение проблемы идентификации этого двора с мангазейским кабаком зависит от результатов дальнейших раскопок на участках, примыкающих к амбару с юга и запада. Предполагается, что там находились изба и (или) поварня, где «курили» вино и торговали им. Датировка этого двора дендрохронологическим методом — дело будущего, однако вероятность его соотнесения с «новой избой и амбаром», переданными Чаплину в 1621 г., представляется довольно высокой. Косвенно на это указывают дендродаты построек стоявшей рядом усадьбы — 1618–1620 гг.

Мангазейский перегонный куб — первое натурное свидетельство винокурного производства в Московской Руси начала XVII в., позволяющее судить о его технико-технологических характеристиках.

Литература / References:

1. Буцинский П. Мангазея. Сургут, Нарым и Кетск, Тюмень, 1999.
2. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Ч. 1. Л., 1980.

УДК 904(470.53)«653»

М. Л. ПЕРЕСКОКОВ

Перескоков Михаил Львович — к.и.н. ПГНИУ (Россия, Пермь). E-mail: Pereskokoff@yandex.ru

ЭВОЛЮЦИЯ КУРГАННОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ПРИКАМЬЕ

Ключевые слова: курганно-грунтовые могильники, культурно хронологический горизонт, погребальный обряд, ременная гарнитура

for all the hot wines drinking it would not for the lack of room be possible" [2, p. 73].

Judging by the structure of a wooden barn and the composition of the finds from it, it was used for storage of all kinds of house ware and tools of the trade. Out of 332 artifacts of various categories found in the barn the following ones (apart from the distilling tank) could be related to trade and storage of alcoholic drinks: parts of wooden casks — 7 staves and 6 bottoms and buckets, 8 fragments of shtof-bottles, as well as 9 counting tags on which the goods and money movement was registered. An accumulation of 34 silver kopecks and 19 counterfeit coins (or blanks) cut from a tin rod is of a particular interest.

Most probably the barn is part of a yard the owner (or tenant) of which was a trader in, or a producer of alcoholic drinks. Solution of the problem of identification of this yard with Mangazeya tavern will depend on the results of future excavations on areas adjoining the barn on the south and the west side. We believe that there were a house and (or) brewery, where they "brewed" wine and sold it. The dating of this yard with the use of dendrochronology method is a matter of future research, however, there is a high probability that it could be correlated with the "new house and barn" given to Chaplin in 1621. The dendro-dates of the structures of the neighboring estate — 1618–1620 may indirectly confirm this.

The Mangazeya distilling tank is the first material evidence of the distilling trade in Moscow Russ of the early 17th century, which allowed to study its technical and technological characteristics.

M. L. PERESKOKOV

Pereskokov Mikhail Lvovich — PhD in History, PSNRU (Russia, Perm). E-mail: Pereskokoff@yandex.ru

EVOLUTION OF BARROW BURIAL RITE IN THE KAMA RIVER BASIN

Key words: barrow-soil burials, cultural and chronological attribution, burial rite, belt set

Резюме. Рассматривается эволюция элементов погребального обряда курганно-грунтовых могильников Прикамья в эпоху Великого переселения народов.

Масштабные археологические раскопки на памятниках Прикамья в 80-е гг. XX — начале XXI вв. дали значительный объем нового материала, обобщение которого может решить многие спорные вопросы, в частности в хронологии и культурной интерпретации памятников региона. В особенности это важно для проблемы появления на территории Прикамья погребений под курганными насыпями, за которыми в археологической литературе закрепилось название «харинские»¹.

Первые исследователи пытавшиеся интерпретировать материалы прикамских курганно-грунтовых некрополей однозначно связывали их с притоком в Прикамье инокультурных племен, этнический состав которых исследователями определялся по разному [1; 2; 3; 4]. Иной точки зрения придерживался основной исследователь гляденовской культуры Ю. А. Поляков, считавший, что курганы оставлены местным гляденовским населением на позднем этапе функционирования культуры [5]. Так или иначе, курганно-грунтовые могильники рассматривались целостно, как этнический признак.

Детальное исследование хронологии и погребального обряда могильников рубежа раннего железного века и раннего средневековья Пермского Прикамья выявили три этапа функционирования курганно-грунтовых могильников, имеющих значительные отличия.

1 этап датируется третьей четвертью IV в. — началом V в. и связан с появлением в Прикамье курганных погребений хорошо вооруженных воинов (Тураевский, Кудашевский, Мокинский, Кала-Урын, Бродовский и др. могильники), в которых помимо вооружения появляются в большом количестве элементы поясной гарнитуры предгуннского времени, а также обряд обезвреживания погребенных. Эти комплексы рассматриваются нами в рамках Тураевско-Кудашевского культурно-хронологического горизонта, объединяющего сходные элементы культуры в широких географических границах и связанного с миграцией на территорию Прикамья небольших тяжеловооруженных воинских отрядов, которые постепенно растворились в местной

Summary. The study deals with the evolution of the burial rite elements of barrow-earth burials of the Kama river basin during the period of Great Migration of Peoples.

Large scale archaeological excavations of the sites of the Kama basin during the 1980s — the beginning of the 21st century yielded a significant amount of new materials, the study of which could solve some controversial problems, in particular the questions of chronology and cultural interpretation of the local archaeological sites. This is of particularly importance with regard to the problem of the origin over the territory of the Kama region of interments under artificial barrows known in the archaeological literature as the Kharinsky type burials¹.

The first scholars who tried to interpret the materials of the Kama barrow-earth necropolises unanimously explained their origin by the inflow to the Kama region of alien culture tribes, it was only the opinions on their ethnic composition that differed [1; 2; 3; 4]. One of the leading researchers of the Glyadenovo culture Yu. A. Polyakov was of a different opinion, he believed that the barrows were left by the local Glyadenovo population at the late stage of the culture existence [5]. Anyhow, the barrow-earth burial sites have been interpreted together as an ethnic attribute.

A detailed study of chronology and the burial rite of interments of the turn of the early Iron and the early Middle Ages in the Perm Kama region allowed identification of three stages of the barrow-earth burials evolution which demonstrated significant differences.

1 stage is dated back to the third quarter of the 4th — beginning of the 5th centuries and is related to the appearance in the Kama region of barrow burials of the well armed warriors (Turajevsky, Kudashevsky, Mokinsky, Kala-Uryn, Brodovsky, etc. burial sites) where in addition to arms there were numerous elements of belt sets of the pre-Hunnic style, as well as signs of rendering the dead harmless rite. We referred these complexes to the Turajevo-Kudashevsky cultural and chronological horizon which combined similar elements of culture across a wide geographical area and related to migration into the territory of the Kama basin of small, heavily armed military groups, which gradually mixed with the local Kama population leaving behind a burial rite and a “fashion trend” in the elements of costume and arms [6; 7].

¹ Все могильники «харинского типа» в Прикамье, где присутствуют курганные группы, имеют и грунтовую часть, т.е. являются смешанными, курганно-грунтовыми

¹ All Kharinsky type burial sites in the Kama region with barrows groups also had an earth-burial part, i. e. they were mixed, barrow-earth interments

среде Прикамского населения, оставив после себя погребальный обряд и «моду» на элементы костюма и вооружение [6; 7].

2 этап датируется V в. В течении второго этапа происходит эволюция погребального обряда, который начинает иметь синкретический характер — обряд сооружения курганной насыпи начинает смешиваться с местным обрядом — строительством «домов мертвых» [8]. Появляются гибридные формы конструкций. Изменяется обряд обезвреживания погребенных, где увеличивается влияние обрядов, связанных с огнем (частичная и полная кремация). Происходит массовое распространение ременной гарнитуры.

3 этап датируется рубежом V–VI — начало VII в. Происходит вырождение курганного обряда и постепенное его исчезновение. В конце этапа появляются раннегеральдические типы ременной гарнитуры [7].

При этом, на всех этапах и на всех могильниках присутствуют синхронные грунтовые погребения, весь комплекс материальной культуры кроме вооружения и ременной гарнитуры развивается постепенно в рамках сначала гляденовской и мазунинской (Тураево) культур, а затем, раннесредневековых культур Прикамья (неволинской, ломоватовской, полемской, ванвиздинской), сформировавшихся на основе гляденовской. Т. е. признак курганного обряда, который на первом этапе (у его носителей) был этническим, следующие несколько поколений (на втором этапе) статусным (традицией), а затем постепенно растворился и слился с местным погребальным обрядом (третий этап) [9].

Литература / References:

1. Генинг В. Ф. Очерк этнических культур Прикамья в эпоху железа // Тр. Казанского филиала АН СССР. Сер. гуманитарных наук. Казань, 1959. Вып. 2. С. 157–219.
2. Генинг В. Ф., Голдина Р. Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье // ВАУ. Вып. 12. Свердловск, 1973. С. 60–125.
3. Голдина Р. Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 2004.
4. Смирнов А. П. Очерки древней средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28. М., 1952.
5. Поляков Ю. А. Гляденовская культура // Археология и этнография Среднего Приуралья. Вып. 1. Безрезники, 2001. С. 10–19.
6. Перескоков М. Л. Культурно-хронологический горизонт Тураево-Кудаш: теоретический аспект // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. II. Казань, 2014. С. 378–381.
7. Перескоков М. Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина — середина I тыс. н. э.): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Казань, 2013.
8. Коренюк С. Н., Мельничук А. Ф., Перескоков М. Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.) // Вестник Пермского университета. Серия История. 2011. Вып. 1 (15). С. 65–80.
9. Коренюк С. Н., Перескоков М. Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н. э. // Исследования по средневековой археологии Евразии. Казань, 2012. С. 133–141.

УДК: 904(571.121)«65»:393

О. Е. ПОШЕХОНОВАПошехонова Ольга Евгеньевна — ИПОС СО РАН
(Россия, Тюмень). E-mail: poshehonova.olg@gmail.com**НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВЕРХНЕТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПАХ XVII–XIX ВВ.***Ключевые слова:* Западная Сибирь, р. Таз, новое время, северные селькупы, поселение, могильник*Резюме.* В результате археологических исследований североселькупских памятников XVI–XIX вв. в окрестностях с. Киккиакки подтверждена версия о существовании здесь некогда центра Караконской волости — селения Караконская (Караковская). Впервые получены данные о погребальной обрядности верхнетазовских селькупов в XVII–XIX вв.

По версии историков и этнографов северные селькупы являются потомками нарымских селькупов, мигрировавших в XVII–XVIII вв. на р. Вах и оттуда в верховья р. Таз [1, с. 36; 2, с. 8–74]. Верхнетазовские селькупы известны по русским документам XVIII–XIX вв. как караконские остяки (караконцы) или каралькупы — жители Караконской волости (позднее — инородческой управы) [3]. Этнографу В. Н. Адаеву удалось доказать этот факт, скорректировав предположение известного исследователя истории и этнографии селькупов Г. И. Пелих о том, что Каракольская (Караконская) волость в XVII в., в момент ее образования, находилась на Оби, в XIX в. — на территории Сургутского уезда, на р. Вах, и лишь позднее оказалась в бассейне Таза [2, с. 30–31]. Кроме того В. Н. Адаев приводит убедительные доводы в пользу существования центра Караконской волости — селения Караконская (Караковская) в окрестностях современного с. Киккиакки [3].

Археологические объекты, которые соотносятся с тазовскими селькупами, стали известны лишь в 1998 г. [4]. Тогда были найдены два позднесредневековых могильника Пюльки и Кикки-Акки. Остановимся на описании более полно изученного в 2013 г. могильника Кикки-Акки, который по нашей версии расположен в районе некогда существовавшего селения Караконская (Караковская). Из 17 могил были исследованы шесть погребений, необходимо отметить большое разнообразие элементов обрядности. Все погребения выполнены по обряду ингумации в грунтовых ямах, три одиночных захоронения, два парных и одно тройное. В трех случаях встречены намогильные сооружения, у некоторых могил располагались остатки погребальных костров.

O. E. POSHEKHONOVAPoshekhonova Olga Evgenjevna — IPDN SB RAS
(Russia, Tyumen). E-mail: poshehonova.olg@gmail.com**NEW DATA ON SELKUPS OF THE 17TH–19TH CENTURIES FROM THE UPPER TAZ RIVER BASIN***Key words:* Western Siberia, the Taz river, Modern Time, the northern Selkups, settlement, burial site*Summary.* As a result of archaeological studies of the northern Selkup sites of the 16th–19th centuries in the vicinity of Kikkiakki village a hypothesis of the past existence in this area of the Karakon province center — the Karakonskaya (Karakovskaya) village was confirmed. The data on the funeral rites of the Selkup population in the 17th–19th centuries from the Upper Taz river basin were obtained for the first time.

According to the historians and the ethnographers the northern Selkups are the descendants of the Narym Selkups, who migrated in the 17th–18th centuries into the Vakh river area and thence on to the Taz river headstream territory [1, p. 36; 2, fig. 8–74]. The Upper Taz Selkups are known from the Russian documents of the 18th–19th centuries as the Karakon Ostyaks (the Karakon), or the Karalkups — the population of the Karakon province (later the non-Russian municipality) [3]. Ethnographer V. N. Adajev succeeded in finding evidence of this fact, on the basis of which he corrected the earlier hypothesis proposed by a well known researcher of the Selkups history and ethnography G. I. Pelikh, who presumed that the Karakolskaya (Karakonskaya) province in the 17th century, when it was formed, was located on the Ob, in the 19th century — in the territory of the Surgut region, on the Vakh river, and only later it covered the Taz river basin [2, p. 30–31]. Additionally, V. N. Adajev provides a convincing evidence in favor of the existence of the center of the Karakonskaya province — the Karakonskaya (Karakovskaya) village in the vicinity of the present Kikkiakki village [3].

The archaeological objects which correlated with the Selkups from Taz basin became known only in 1998 [4]. In that period two Late Middle Age burial sites — Pyulki and Kikki-Akki were discovered. We'd like to offer a description of the more thoroughly studied in 2013 burial site Kikki-Akki, which, according to our hypothesis, was located in the territory of past existence of the Karakonskaya (Karakovskaya) village. Out of the total 17 graves six interments were studied, it is necessary to note a great variety of the funeral rites. All interments were inhumation burials in ground pits, three of them

В грунтовых ямах устраивались сооружения пяти типов.

Погребенные были уложены с многочисленным инвентарем, среди которого немало вещей западно-сибирского производства, есть русские, волжско-булгарские, пермские, также присутствуют реплики-подражания. Примечательно наличие вещей возрастом гораздо старше самих захоронений. Практически в каждом погребении были найдены четырехчастные плоские нашивки — украшения поясов, обуви, ножен, одежды, погребальных лицевых покрывал. Они представляют собой пластинки, состоящие из четырех круглых секторов, отлитые из различных сплавов (латунь, оловянная бронза, многокомпонентные сплавы на основе меди). Практически такие же предметы были широко распространены у южных селькупов, они найдены во многих могильниках XVII в. [5; 6], единственное отличие — каждый их сектор был в разрезе полусферической формы. Кроме этого в могильнике Кикки-Акки найдены нашивки «лунницы», колесовидные и восьмерковидные подвески из разнообразных сплавов, также характерные для украшений поясов и очелий южных селькупов в XVII в. [5; 6]. Погребенные были уложены головами на СВ, ЮВ и В. Все тела захоронены без какого-либо спеленывания или связывания, в одежде и обуви. На лица покойных были накинута погребальная покрывала из ткани, на которые было нашито по одному изделию из сплавов цветных металлов (плоские четырехчастные нашивки, русские пуговицы, нашивки «лунницы»).

По вещевому комплексу четыре могилы можно датировать XVII — началом XVIII в. Это подтверждают результаты радиоуглеродного исследования образцов древесины — (СОАН-9030) 285±40 лет, (СОАН-9032) 220±50 лет, (СОАН-9033) 270±50 лет. Два погребения относятся к первой половине XIX в. Однозначно определена этническая принадлежность могильника к тазовским (северным) селькупам, много общего зафиксировано с погребениями селькупов Томской области [7], без сомнения также присутствие иных компонентов, например хантыйского.

В окрестностях с. Киккиакки был найден еще один небольшой могильник Кикки-Акки 4 того же времени и семь поселений XVI–XVIII вв., планировка одного из них напоминает городище. Поселения исследованы лишь небольшими шурфами, но обнаруженные находки (нашивки «лунницы») позволяют связать их с селькупам. Кроме того, бросается в глаза практически полная идентичность исследованных жилищ и современных построек северных селькупов, расположенных вокруг с. Киккиакки, т. н. пой-мат (деревянный дом).

were single interments, two double, and one triple. In three instances there were above-grave constructions, near some graves there were remains of funeral pyres. Five types of structures were present in ground pits.

The deceased were buried with abundant grave goods including numerous artifacts of West Siberian origin, there were also items of the Russian, Volga-Bulgarian, Perm origin, as well as replicas-imitations. An interesting feature is the presence of some items whose age was much older than the graves themselves. Practically in every interment there were four-part flat plates — decorations of belts, footwear, sheaths, clothes, funeral face covers. They were plates made up of four round segments cast from different alloys (brass, tin bronze, multi-component copper based alloys). Practically the same type of items were wide-spread among the southern Selkups, they were found in many interments of the 17th century [5; 6], with the only difference that each segment is half-spherical in section. In addition, in the Kikki-Akki burial site there were “half-moon” plates, wheel and eight shaped pendants from various alloys also characteristic of belt and head piece decorations of the southern Selkups in the 17th century [5; 6]. The dead were buried with heads to NE, SE and E. All bodies were buried without any wrapping or bondages dressed in clothes and footwear. The faces of the deceased were covered with funeral facecloth with sewn on one non-ferrous alloy item (flat four-part plates, Russian buttons, “half-moon” plates).

On the basis of grave goods analysis four interments could be dated back to the 17th — early 18th centuries. This was also confirmed by the results of radiocarbon analysis of wood samples — (COAN-9030) 285±40 BP, (COAN-9032) 220±50 BP, (COAN-9033) 270±50 BP. Two interments were attributed to the first half of the 19th century. The ethnicity of the deceased is unambiguously determined as the Taz (northern) Selkups, there were many similarities with the Selkup interments in the Tomsk region [7], undoubtedly there were also other components present, e. g. the Khanty.

In the vicinity of Kikkiakki village another small burial site, Kikki-Akki 4 of the same period was discovered, as well as seven settlements of the 16th–18th centuries, the layout of one of them resembled a fortress. The settlements were studied with only small test units, however the discovered finds (“half-moon” plates) made it possible to relate them to the Selkups. In addition there is an obvious, practically complete identity of the studied structures and modern houses of the northern Selkups located around Kikkiakki village, the so-called poi-mat (wooden house).

Thus, based on the results of a small-scale study we registered the remains of the center of the Karakonskaya

Таким образом, по результатам небольшого исследования нами были зафиксированы остатки центра Караконской волости — селения Караконская (Караконская) и кладбищ, в которых были захоронены жители этого населенного пункта. То есть можно полагать, что в XVI в. в верховьях Таза проживали именно северные селькупы и миграция селькупов из Нарымского Приобья началась раньше, чем считалось ранее.

Литература / References:

1. Мифология селькупов. Томск, 2004.
2. Пелих Г. И. Селькупы XVII в. Очерки социально-экономической истории. Новосибирск, 1981.
3. Адаев В. Н. Селькупы Верхнего Таза: межкультурные связи и пути сообщения с населением соседних речных бассейнов в XVIII–XX вв. // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. Тюмень, 2014. Вып. 4. С. 124–132.
4. Сумин В. В. Отчет об археологических работах, проведенных в Красноселькупском районе в 1998 году. Екатеринбург, 2012.
5. Чиндина Л. А. О ритуальной одежде селькупской женщины XVII века // «Моя избранница наука, наука без которой мне не жить»: сб. материалов. Барнаул, 1995. С. 179–187.
6. Боброва А. И, Бодрова А. Ш. Пояса XVII века из Прикетья: особенности технологии и декора // Интеграция археологических и этнографических исследований. Иркутск; Омск, 2013. С. 34–43.
7. Очерки культуругенеза народов Западной Сибири. Т. 2: Мир реальный и потусторонний. Томск, 1994.

УДК 902(571.1)

A. V. RASTORPOV

Расторопов Александр Васильевич — Самарское археологическое общество (Россия, Самара).
E-mail: rastoropov-av@mail.ru

A. V. RASTORPOV

Rastoropov Alexander Vasilievich — Samara Archaeological Society (Russia, Samara). E-mail: rastoropov-av@mail.ru

К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЪ-ИРТЫШСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ

Ключевые слова: объ-иртышская и саргатская археологические общности, кулайская археологическая культура, синдейский археологический тип памятников

Резюме. В середине I тыс. до н. э. на территории таежного Обь-Иртышья происходит формирование объ-иртышской археологической общности. К III в. оно завершается и ее население начинает выходить за пределы тайги. Ее особенностью являлась традиция орнаментации глиняной посуды фигурными штампами.

В середине I тыс. до н. э. в таежном Обь-Иртышье складывается новая археологическая общность. Ее особенностью являлась орнаментация посуды фигурными штампами. Она просуществовала по XII в. н. э. и выделяла ее ареал на фоне других территорий. Лучше всего были изучены Нарымское и Сургутское Приобье. Соответственно и выводы строились исходя из них. Формирование объ-иртышской

ON THE PROBLEM OF THE OB-IRTYSH ARCHAEOLOGICAL COMMUNITY FORMATION

Key words: Ob-Irtysh and Sargat archaeological communities, Kulai archaeological culture, Sindey type of archaeological sites

Summary. The formation of the Ob-Irtysh archaeological community began in the territory of the taiga Ob-Irtysh rivers` basin by the middle of the 1st millennium BC. It was completed by the 3rd century BC and its population began migrating beyond the taiga zone. Its specific feature is the tradition of ceramics ornamentation with figured stamps.

By the middle of the 1st millennium BC a new archaeological community has formed in the taiga Ob-Irtysh rivers` basin. Its specific feature is ornamentation of ceramics with figured stamps. It existed till the 12th century AD and had distinct areal quite visible against other territories background. This tradition is well studied in the Narym and the Surgut Ob rivers` basin. Hence all conclusions have been drawn on the basis of these

археологической общности происходило примерно в одно время с формированием в лесостепи Тоболо-Иртышья саргатской. Видимо, эти процессы были взаимосвязаны между собой причинно-следственными связями. Кочевники с их меридиональными перекочевками, вероятно, играли роль торговых посредников и способствовали установлению торговых связей между территорией Средней Азии и населением саргатской археологической общности. Важную роль в контактах, вероятно, играли металлургические очаги, существовавшие на Алтае, в Казахстане и на Южном Урале. Изделия из бронзы широко использовались таежным населением для совершения культовых обрядов. В обмен оно, видимо, поставляло пушнину и она через население саргатской археологической общности и кочевников поступала в государства Средней Азии. Торговые операции способствовали ускорению социального развития таежного общества и выделению в нем верхушки из вождей, жрецов и, вероятно, металлургов-литейщиков. Происходит рост численности населения, усиливаются межгрупповые контакты и миграции, что способствовало установлению общекультурных норм и стиранию локальных различий. К III в. до н. э. завершается становление обь-иртышской археологической общности.

В процессе изучения памятников лесной зоны Западной Сибири раннего железного века сформировалось понятие о кулайской археологической культуре. По мнению Л. А. Чиндиной, она возникла в середине I тыс. до н. э. на территории Среднего Приобья и только затем, не ранее II в. до н. э., распространилась в другие районы Приобья [1, с. 105, 122]. В бассейне Тавды выделены археологические памятники синдейского типа второй половины I тыс. до н. э., с местными корнями и преемственностью в последующих хронологических комплексах [2, с. 254–270]. Более поздние исследования позволяют включить в их ареал среднее течение Конды, верховья Северной Сосьвы и район Нижней Оби, прилегающий к Сургутскому Приобью. С керамикой памятников синдейского типа соотносят материалы раннего железного века Ендырского VIII поселения, расположенного в 71 км к ЮВ от г. Нягань Октябрьского района ХМАО – Югры в Нижнем Приобье. Керамика синдейского типа на нем представлена, как минимум, тремя сосудами, которые выделены по шейкам [3, с. 124–125, рис. 4]. В жилище найдена бронзовая накладка с ушком, которая датируется III–II вв. до н. э. [3, с. 126]. С ним соотносятся материалы городища Няксимволь в верховьях Северной Сосьвы. Радиоуглеродные даты дают разброс от IV в. до н. э. [4, с. 151]. Наиболее представительным

studies. The formation of the Ob-Irtysh archaeological community occurred approximately at the same time as the formation of the Sargat community in the forest-steppe of the Tobol-Irtysh rivers` basin. Apparently there were cause-effect relations between these processes. The nomads with their meridional migrations could, probably, play the role of trade intermediaries and contributed to the establishing of trade contacts between the territories of the Central Asia and the population of the Sargat archaeological community. An important role in the contacts was, probably, played by the centers of metallurgy existing in the Altai region, in Kazakhstan, and in the southern Urals. Bronze goods were wide used by the taiga population for ritual purposes. In exchange they, apparently, supplied furs, which, via the population of the Sargat archaeological community and the nomads, penetrated into the territory of the Central Asian states. Commercial transactions facilitated the acceleration of social development of the taiga societies and the formation in them of the elite consisting of chieftains, priests and, probably, metallurgists-casters. The population was growing, intergroup contacts and migrations intensified, which promoted the establishing of the general cultural norms and the deletion of local differences. By the 3rd century AD the formation of the Ob-Irtysh archaeological community was completed.

In the process of the study of the West Siberian forest zone early Iron Age archaeological sites the notion of the Kulai archaeological culture was coined. According to L. A. Chidina it emerged in the 1st millennium BC in the territory of the Middle Ob river basin and only later, not earlier than the 2nd century BC it spread into the other regions of the Ob [1, p. 105, 122]. The archaeological sites of the Sindey type of the second half of the 1st millennium BC with evidence of the local roots and continuity in the future chronological complexes were studied in the Tavda basin [2, с. 254–270]. Later studies allowed including into their areal the Middle Konda, the Sosva headstream, and the Lower Ob regions neighboring on the Surgut Ob region. The Sindey type ceramics is normally correlated with the early Iron Age materials of Endyr VIII settlement located 71 km south-east of Nyagan in the Oktyabrsky district of KhMAO – Ugra in the Lower Ob region. The Sindey type ceramics is represented there with at least three vessels identified by the necks [3, p. 124–125, fig. 4]. Inside dwelling a bronze plate with tab dated back to the 3rd–2nd century BC was found. [3, p. 126]. These vessels correlated well with the materials of Nyaksimvol fortress in the Northern Sosva headstream. Radiocarbon dates provide a range from the 4th to the 1st centuries BC [4, p. 151]. One of the most representative sites of the Sindey type is Katysh fortress

памятником синдейского типа является городище Катыш в бассейне среднего течения Конды, левого притока Иртыша, исследованного в Кондинском районе ХМАО – Югры Тюменской области. Датированного серединой и второй половиной I тыс. до н. э. [5, с. 246–254]. Для них характерно присутствие значительной доли посуды, украшенной различными вдавлениями, насечками, шнуровидными оттисками. Памятники этого типа, вероятно, существовали в рамках большой археологической общности, которая сложилась на территории таежного Обь-Иртышья к III в. до н. э. С этого времени ее население начинает выходить за пределы тайги, что связано, вероятно, с ее перенаселенностью.

Выделение кулайской культуры явилось, скорее всего, следствием неравномерного изучения таежной зоны Обь-Иртышья. Наиболее активно исследовалось Нарымское Приобье, откуда первоначально выводились корни кулайской культуры. После ввода в научный оборот материалов по Сургутскому Приобью, стало необходимым говорить о всей территории Среднего Приобья как о «родине» кулайских культур.

Литература / References:

1. Чиндина Л. А. Древняя история Среднего Приобья эпохи железа (кулайская культура). Томск, 1984.
2. Викторова В. Д. Этапы развития фигурно-штамповой орнаментации на сосудах памятников бассейна р. Тавды // Проблемы хронологии и культурной принадлежности археологических памятников Западной Сибири. Томск, 1970.
3. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Раскопки Ендырского VIII поселения в 2004 г. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2006. Вып. 3.
4. Стародумов Д. О. Результаты спасательных археологических полевых работ на городище Няксимволь 1 // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Ханты-Мансийск; Томск, 2012. Вып. 10.
5. Расторопов А. В. Исследование комплекса археологических памятников бассейна Конды у села Старый Катыш // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы охраняемых археологических исследований: материалы VII науч.-практ. конф. «Сохранение и изучение недвижимого культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры». Екатеринбург; Нефтеюганск, 2014. С. 246–254.

УДК 904(571.121)«653»:711

М. А. РУДКОВСКАЯ

Рудковская Мария Алексеевна — ООО НПО «Северная археология-1» (Россия, Нефтеюганск).
E-mail: mariykar@yandex.ru

КРЕПОСТНАЯ СТЕНА НОВОЙ МАНГАЗЕИ (1672–1776 гг.) ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ

Ключевые слова: Новая Мангазея, Старотуруханское городище, кремль, тарасы, городни

Резюме. Раскопки 2013 г. Старотуруханского городища позволили уточнить данные о типе строения

in the basin of the Middle Konda, a left tributary of the Irtysh river in the Konda district of KhMAO – Ugra, the Tyumen Oblast. It is dated back to the middle and the second half of the 1st millennium BC [5, p. 246–254]. A characteristic feature of these sites is the presence of a significant amount of pottery decorated with various impressions, incisions, and cord imprints. The sites of this type existed, apparently, as part of a large archaeological community which was formed in the territory of the taiga Ob-Irtysh rivers' basin by the 3rd century BC. From that time its population began to migrate outside the taiga zone, which was, probably, a consequence of overpopulation of the territory.

Identification of the Kulai culture ias, most likely, a result of gaps in the research coverage of the taiga zone of the Ob-Irtysh region. The Narym Ob rivers' basin – which used to be the territory of the Kulai culture origin – is the most actively studied area. After the publication of materials on the Surgut Ob basin it became apparent that the territory of the “origin” of the Kulai culture should cover the whole of the Middle Ob territory.

M. A. RUDKOVSKAYA

Rudkovskaya Maria Alexejevna — ООО «Northern Archaeology-1» (Russia, Nefteyugansk).
E-mail: mariykar@yandex.ru

NEW MANGAZEYA VALLUM (1672–1776) ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA

Key words: New Mangazeya, Staroturukhansk fortress, kremlin, “tarases”, vallum

Summary. 2013 excavations of Staroturukhansk fortress yielded new data on the type of New Mangazeya

крепостных стен Новой Мангазеи — тарасная конструкция, и подтвердить дату основания города.

В 2013 г. начаты раскопки на месте расположения кремля Новой Мангазеи — Старотуруханского городища. Раскопки проводит комплексная экспедиция ООО «НПО «Северная археология-1».

Памятник расположен на территории деревни Старотуруханск Туруханского района Красноярского края. В 1672 г. на месте Туруханского зимовья был основан город Новая Мангазея, который стал центром Мангазейского уезда. В этот же год воеводой Данилой Наумовым был заложен кремль. Известно, что в 1776 г. городовые стены за ветхостью и ненадобностью были разобраны.

По разным данным крепостная стена имела длину 250, 312, 316 или 439,5 м [1, с. 52; 2, с. 219; 3, с. 32; 4]. Четырехугольную крепость по углам венчали четыре четырехугольные башни, пятая башня — въездная, в первом ярусе была шестиугольная, во втором ярусе — восьмиугольная.

Раскоп 2013 г. разбит в центральной части памятника, на восточном склоне визуально фиксируемого в рельефе возвышения. В III секторе раскопа выявлен фрагмент восточной стены крепости. Исследован один сруб — «тараса» оборонительной стены. Конструкция представляет собой две сплошные стены, сложенные из составленных встык бревен. Стены соединены поперечными перерубами. В раскопе конструкция сохранилась на высоту двух венцов. Ширина тарасы, исследованной в раскопе — 3,1 м; перерубы выполнены через 4,3 м. Конструкция сложена из крепких лиственничных бревен. Продольные стены образованы из бревен диаметром 0,18–0,3 м, длиной более 3,6 м (концами уходят в северную и южную стенки раскопа). Перерубы — из бревен длиной 3,6 м, толщиной 0,15–0,26 м. Венцы соединены в обло с выпусками. Нижними в связке являются бревна продольных (западной и восточной) стен. Нагрузка на стены была столь велика, что нижний окладной венец просел в материковую глину в некоторых местах почти полностью.

Данные архивных источников о типе сложения крепостных стен расходятся — «городни» [3, с. 32; 4, с. 103–108] и «тарасы» [2, с. 219; 5, с. 287]. Стена состояла из 65 «городней» [1, с. 52], которые были в основании шириной в сажень с аршином [4], что составляло 2,84 м. Ширина стены примерно соотносится с данными раскопок — 3,1 м.

Крепостные стены тарасной конструкции в Сибири строились в Мангазее (1607 г.) [6, с. 56], в Томске (1604 г.) [7, с. 5], в Зашиверске (1639 г.) [8, с. 84–85]. Также «рублеными» городами были Тара (1594 г.),

vallum design — a “tarased” type structure — and confirmed the date of the town’s foundation.

Excavations of the New Mangazeya kremlin — Staroturukhansk fortress started in 2013. The excavations have been undertaken by an integrated team of ООО “Northern Archaeology-1”.

The archaeological site is located in the territory of Staroturukhansk village of the Turukhansk district in the Krasnoyarsk Krai. New Mangazeya town was founded in place of the Turukhansk wintering place in 1672 and later became the center of the Mangazeya district. In the same time the Voivode Danila Naumov founded a kremlin. It is known that in 1776 the city walls were taken down as ramshackle and unnecessary.

According to various sources the stockade was 250, 312, 316, or 439.5 meters long [1, p. 52; 2, p. 219; 3, p. 32; 4]. The quadrangular fortress had four towers on the corners, the fifth tower — the gates was hexagonal at the base, and octagonal in its second tier.

The 2013 excavation embraced the central part of the site, on the eastern slope of the visible elevation in the relief. A fragment of the eastern part of stockade was discovered in the 3rd sector of the excavation unit. One timber block was studied — a defense wall “taras”. The structure consisted of two solid walls made of butt-to-butt joined logs. The walls were connected by lateral partitions. In the excavation the structure was preserved to the height of two timber sets. The width of the “taras” studied in the excavation was 3.1 m; the partitions were added every 4.3 m. The structure was made from strong larch tree logs. The lengthwise walls were made from 0.18–0.3 m diameter and over 3.6 m long logs (the ends continued into the northern and the southern walls of the excavation pit. The partitions were made from 3.6 m long and 0.15–0.26 m thick logs. The timber sets corner joints were half-log with ends extending past the corner. The lower sets formed the logs of the lengthwise (western and eastern) walls. The load on the wall was so heavy that the lower timber set caved in to the mainland clay, in some places almost completely.

The archive data on the type of stockade construction techniques are differed — they referred to either as “gorodnya” (vallum) [3, p. 32; 4, p. 103–108], or “taras” (log-house structure) [2, p. 219; 5, p. 287]. The wall consisted of 65 stockades [1, p. 52], about one Russian fathom and arshin wide at the base [4], which corresponded to 2.84 m. The wall’s width roughly corresponded to the excavations data — 3.1 m.

The defensive walls of “taras” design were built in Siberia in Mangazeya (1607) [6, p. 56], Tomsk (1604) [7, p. 5], and Zashiversk (1639) [8, p. 84, 85]. Other “log-house” towns were Tara (1594), Irkutsk (1669), Selenga

Иркутск (1669 г.), Селенгинская крепость (1685 г.), Албазин (1683 г.), Тобольск (1678 г.), Пелым (1668 г.), Тюмень (1593–1596 гг.), Якутск (1681–1687 гг.).

В Мангазее рубленый город, построенный в 1607 г. по данным Расписного списка 1625–1626 гг., был составлен из «городней» — ряда из отдельных срубов, примыкающих друг к другу [9, с. 40]. Данные раскопок 1968–1970, 1973 гг. показали, что стены — «прясла» состояли из «тарас» — конструкции из двух параллельных стен с перерубами. При этом прясла не были едиными конструкциями, они делились на отдельные секции, составленные из нескольких (как правило, двух-трех) «тарас». Таким образом, в оборонном строительстве Мангазее сочетались «тарасная» конструкция с «городнями». Возможно, разночтения в источниках по поводу типа стен Туруханска имеют эту же причину. Пока нами исследована одна ячейка «тарасной» конструкции. Являлась ли она частью единого «прясла» или стена также была разбита на секции, будет выяснено в ходе дальнейших раскопок Старотуруханского городища.

В ходе раскопок 2013 г. были отобраны образцы древесины для дендрохронологического анализа. Четыре спиля бревен окладного венца дали одинаковую дату заготовки древесины — 1671 г. Гистометрический анализ образцов показал, что заготовка деревьев проходила, скорее всего, в осенне-зимний период¹. Полученная дата хорошо соотносится с архивными данными: июнь 1670 г. — проезд назначенного мангазейского воеводы Данилы Наумова в Туруханск; декабрь 1670 г. — получение разрешения от Сибирского приказа поставить город в «добром и угожем месте», где «от неприятельских приходов оберегательно», а в Мангазее посылать годовальщиков для сбора ясака [3, с. 31]; 14 сентября 1671 г. — получение им царской грамоты о переносе уездного центра из старой Мангазее в Новую. С этого времени, когда уже стало известно, что городу быть, видимо и начали заготавливать древесину для постройки. Город был заложен 12 июня 1672 г. [1, с. 52; 2, с. 219].

Таким образом, материалы раскопок Старотуруханского городища дают возможность дополнения и уточнения сведений архивных источников, позволяя расширить наши знания о характере освоения русским населением Крайнего Севера Сибири.

fortress (1685), Alnazin (1683), Tobolsk (1678), Pelym (1668), Tyumen (1593–1596), Yakutsk (1681–1687).

In Mangazeya the log-house town built in 1607 according to 1625–1626 inventory list was made up of “gorodnyas” — a series of separate log structures adjoining each other [9, p. 40]. The data of 1968–1970, 1973 excavations demonstrated that the walls — “pryasla” (parts of walls) — were designed as “tarases”, structures consisting of two separate walls with lateral partitions. Moreover, the “pryasla” were not solid structures, they were divided into separate sections made up of several (as a rule, two or three) “tarases”. Thus in the defense wall construction in Mangazeya there was a combination of “tarased” design and “gorodnya” (stockade). It is possible that the variations in the description of the type of the Turukhansk walls design were also a result of such combination. So far we have studied one cell of the “taras” structure. It is still not clear whether it was a part of a solid “pryaslo”, or the wall was also divided into sections, this would become clear in the course of further excavations of Staroturukhansk hillfort.

In the course of 2013 excavations samples of timber were taken for dendrochronological analysis. Four saw cuts of a timber set produced the same timber felling date — 1671. The histometric analysis of samples demonstrated that the felling took place, most likely in the autumn-winter period¹. The obtained date coincide well with the archive data: June 1670 — the arrival of the appointed Mangazeya Voivode Danila Naumov to Turukhansk; December 1670 — obtaining a permit from the Siberian “prikaz” to build a town in a “good and fit place”, where it would be “from the enemy’s raids protected”, and to send people to Mangazeya to collect “yasak” tax [3, p. 31]. On 14 September 1671 the Voivode received a Tsar’s decree to transfer the province center from the old Mangazeya to the new one. Apparently, at that time, when it became obvious that the construction was approved, the works on timber felling for the building began. The town was founded on 12 June 1672 [1, p. 52; 2, p. 219].

Thus the materials of Staroturukhansk fortress excavations provided an opportunity to complement and clarify the data from the archive sources expanding our knowledge about the nature of colonization by the Russian population of the Far North of Siberia.

¹ Дендрохронологическое исследование проведено д. и. н. В. С. Мыгланом (Лаборатория естественнонаучных методов в археологии и истории Института естественных и гуманитарных наук Сибирского федерального государственного университета, г. Красноярск)

¹ The dendrochronological analysis was performed by the Doctor of History V. S. Myglan (Laboratory of science research methods in archeology and history of the Institute of Science and Arts of the Siberian Federal State University, Krasnoyarsk)

Большинство сибирских городов имели острожные оборонительные стены, к тому же, города и остроги, на которых проводились археологические исследования — единичны. На этом фоне исследования Старотуруханского городища имеют огромное значение. Кремль Новой Мангазеи, построенный «по наказам и памятям», по подобию старой Мангазеи, в тоже время, имеет собственную выразительную архитектуру. Это обуславливает особую значимость материалов раскопок Старотуруханского городища, которое является неоценимым источником для реконструкции сибирского крепостного зодчества.

Литература / References:

1. Кочемазов В. И. Первые русские города Сибири. М., 1978.
2. Резун Д. Я., Василевский Р. С. Летопись сибирских городов. Новосибирск, 1989.
3. Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край) // Тр. ИЭ АН СССР. М., 1964. Т. 87.
4. Крадин Н. П. Русское деревянное оборонное зодчество. М., 1988.
5. Ополовников А. В., Ополовникова Е. А. Древний Обдорск и заполярные города-легенды. М., 1998.
6. Белов М. И., Овсянников О. В., Старков В. Ф. Мангазея. Мангазейский морской ход. Л., 1980. Ч. 1.
7. Черная М. П. Томский кремль середины XVII–XVIII в.: Проблемы реконструкции и исторической интерпретации. Томск, 2002.
8. Окладников А. П., Гоголев З. В., Ащепков Е. А. Древний Зашиверск. Древнерусский заполярный город. М., 1977.
9. Овсянников О. В. Из истории русского оборонного зодчества XVII в. // КСИАМ. 1972. Вып. 129. С. 37–41.

УДК 902(571.51)«653»

П. О. СЕНОТРУСОВА

Сенотрусова Полина Олеговна — к.и.н.,
СФУ (Россия, Красноярск). E-mail: Pollina1987@rambler.ru

СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ В НАЧАЛЕ
II тыс. н.э. В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Ключевые слова: Северное Приангарье, развитие средневековья, культурные связи

Резюме. В период развитого средневековья население Приангарья было включено в сложную систему межкультурных связей. Это подтверждается многочисленными находками импортных изделий, происхождение которых связано с территорией Западной, Южной Сибири и более отдаленных территорий. Большинство предметов импорта представлено украшениями из цветных металлов.

Проведение масштабных археологических исследований в зоне затопления ложа водохранилища Богучанской ГЭС позволило существенно увеличить объем материалов по древней и средневековой истории Северного Приангарья [1].

Most of Siberian towns had defense walls, moreover, very few ones and stockaded towns were excavated. Against this background the study of Staroturukhansk fortress is of primary importance. The New Mangazeya kremlin has been built in accordance with “decrees and instructions” on the model of the old Mangazeya had, at the same time, its own expressive architecture. This predetermined the particular importance of the excavation materials from Staroturukhansk fortress, which is an invaluable source for the reconstruction of the Siberian stockaded towns architecture.

P. O. SENOTRUSOVA

Senotrusova Polina Olegovna — PhD in History,
SFU (Russia, Krasnoyarsk). E-mail: Pollina1987@rambler.ru

NORTHERN ANGARA RIVER BASIN IN THE
EARLY 2ND MILLENNIUM AD IN INTER-CULTURAL
COMMUNICATION SYSTEM

Key words: Northern Angara river basin, classic phase of the Middle Age, cultural contacts

Summary. During the classic phase of the Middle Age the Angara basin population was part of a complex system of inter-cultural communications. This is confirmed by numerous finds of imported goods, the origin of which is associated with the territory of southern Siberia and the far distant areas. Major part of the imports is represented by non-ferrous metal decorations.

A large scale archaeological excavations` project in the flooding area of the Boguchan hydro power plant lake yielded a significant increase of the number of materials on ancient and medieval history of the Angara river basin [1].

Анализ массива новых археологических источников позволяет говорить о сложении в начале II тыс. н. э. в Ангаро-Енисейском бассейне единой культурной общности — лесосибирской археологической культуры. Для носителей этой культурной традиции характерны погребения по обряду трупосожжения на стороне, керамика с гребенчатой орнаментацией [2], комплексное хозяйство с развитой металлургией железа [3], наличие укрепленных поселений [4]. В захоронениях Приангарья отмечен многочисленный погребальный инвентарь, в который входили оружие, орудия труда, посуда и разнообразные украшения. Среди находок зафиксировано большое количество предметов импорта, отражающих направления культурных связей средневекового населения региона. Абсолютное большинство привезенных изделий составляют украшения и детали одежды, изготовленные из различных сплавов меди и серебра. Также зафиксированы единичные импортные предметы вооружения.

Основным направлением культурных контактов является Западная Сибирь, откуда поступала значительная часть украшений. Из Нижнего Приобья на кинтусовском этапе в Приангарье проникли шумящие, лапчатые и колоколовидные подвески, четырехлепестковые и трехчастные нашивки, бронзовые пронизки [5]. Из лесостепных районов Западной Сибири на Ангару поступали ажурные подвески, характерные для сrostкинской культуры, двусоставные застёжки, спиралевидные серьги, некоторые поясные наборы. В Приангарье найдены единичные изделия, характерные для askizской культуры. Среди них преобладают железные элементы поясной гарнитуры, встречаются трехлопастные наконечники стрел, стремена, клинковое оружие. Эта группа изделий датируется XI–XII вв.

В монгольское время на территории Нижней Ангары появляются поясные наборы с крупными сабельными бляхами-обоймами, серьги в виде знака вопроса, большое количество бус, плоские наконечники стрел [6]. К этому же периоду следует отнести находку монетовидного амулета с изображением извивающихся змееобразных драконов. Проникновение этих предметов в южно-таежную зону Средней Сибири отражает включение Приангарья в сферу монгольского влияния.

Единичные изделия попали на Ангару из более отдаленных территорий. Поясной набор с миниатюрными сердцевидными накладками находит прямые аналогии в материалах Поволжья X–XII вв. Эта находка свидетельствует о широком распространении предметов, изготовленных в Волжской Болгарии, в таежной зоне Сибири [7]. В начале II тыс. н. э. в Приангарье

The study of the new archaeological data allow to suggest a formation in the beginning of the 2nd millennium AD in the Angara-Yenisei rivers' basin of an unique cultural community — the Forest-Siberian archaeological culture. The characteristics of this culture's population included surface cremation mortuary rituals, ceramics ornamented in comb-stamp technique [2], integrated economy with the developed ferrous metallurgy technology [3], existence of fortified settlements [4]. The Angara region's interments are rich in grave goods including arms, work tools, tableware, and various decorations. Among the finds there is a significant number of imported objects reflecting the vectors of the cultural contacts of the Middle Age population of the region. An absolute majority of imported goods are decorations and elements of clothes made from various copper and silver alloys. There are some finds of imported weaponry as well.

Western Siberia was main direction of those cultural contacts wherefrom a significant number of decorations has been imported. At the Kintusovo stage the jingling, duck-feet, and bell-shaped pendants, four-leafed and triple pads, and bronze hollow pendants were brought to the Angara from the Lower Ob region [5]. Imports from the forest-steppe of Western Siberia to the Angara included open-work pendants characteristic for Srostkino culture, two-part clasps, spiral ear rings, some belt sets. Only a few finds characteristic for the Askizskaya culture have been found in the Angara river basin. Most of them are represented by iron elements of belt sets, there are also three-blade arrowheads, stirrups, and bladed weapons. This group of artifacts is dated back to the 11th–12th centuries.

During the Mongolian invasion in the territory of the Lower Angara there appeared belt sets with large saber plate-clips, question mark shaped ear rings, a large number of beads, flat arrowheads [6]. The find of a coin-like amulet with the coiling snake-like dragons image should be referred to the same period. The penetration of those items into the south taiga zone of Middle Siberia reflected the inclusion of the Angara region into the sphere of Mongolian influence.

Sporadic artifacts have been got to the Angara river from far distant territories. A belt set with miniature heart-shaped plates has direct analogues among the materials from the Volga river basin of the 10th–12th centuries. This find evidences a wide distribution of the artifacts manufactured in Volga Bulgaria over the taiga zone of Siberia [7]. In the beginning of the 2nd millennium AD Chinese goods very rarely penetrated into the Angara basin. A group of such items includes a mirror with a bump-loop on the back side, and a "Xiang Fu Yuan Bao" coin. The coins with this legend were

проникали редкие вещи и из Китая. К ним следует отнести зеркало с шишкой-петлей на обратной стороне и монету «сянфу юаньбао». Монеты с такой легендой отливались в эпоху Северной Сун периода Да Чжун Сян Фу в 1008–1016 гг.

Население Приангарья начал II тыс. н. э. было активно включено в систему межкультурных связей. Это привело к формированию своеобразного облика лесосибирской археологической культуры, для которой характерно сочетание разнообразных привозных украшений из цветных металлов с местными изделиями из железа. Имеющиеся материалы позволяют утверждать, что контакты между населением Западной Сибири и Нижнего Приангарья в развитии средневековые носили постоянный характер. Культурное взаимодействие с населением других районов было менее интенсивным.

Литература / References:

1. Богучанская археологическая экспедиция. Новосибирск, 2014.
2. Мандрыка П. В., Бирюлева К. В., Сенотрусова П. О. Керамика лесосибирского стиля на комплексе Проспихинская Шивера-IV в Нижнем Приангарье. Вестник ТГУ. История. 2013. 2. С. 67–71.
3. Князева Е. В. Технология металлургии и металлообработки на территории Нижнего Приангарья в эпоху средневековья: опыт экспериментально-трассологических исследований // Вестн. НГУ. Сер.: История и филология. 2011. Т. 10. Вып. 5. С. 108–116.
4. Мандрыка П. В. Средневековое городище в енисейской тайге // Вестник НГУ: Археология и этнография. Новосибирск, 2003. Т. 2. Вып. 3. С. 89–91.
5. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Культурные контакты населения севера Западной Сибири и Северного Приангарья в средние века // Археология Севера России: от эпохи железа до Российской империи. Екатеринбург; Сургут, 2013. С. 194–198.
6. Сенотрусова П. О., Мандрыка П. В. Монгольский компонент в культуре средневекового населения Северного Приангарья // Древние культуры Монголии и Байкальской Сибири. Улан-Батор, 2012. Вып. 3. С. 426–432.
7. Гуненко Я. Д., Сенотрусова П. О. Набор бронзовых изделий, найденных в погребении № 50 могильника Проспихинская Шивера-IV // Древности Приенисейской Сибири. Красноярск, 2013. Вып. VI. С. 68–74.

УДК 904 (571.122)«653»:711

Т. Н. СОБОЛЬНИКОВА

Собольникова Татьяна Николаевна — Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок (Россия, Ханты-Мансийск). E-mail: sobtn@mail.ru

НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВЬЮ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ

Ключевые слова: таежная зона Западной Сибири, Нижнее Прииртышье, средневековые городища, археологический микрорайон

Резюме. В работе освещаются итоги полевых исследований средневекового городища Чебачья Пристань 2 (Ханты-Мансийский район ХМАО — Югры, оз. Домашний Сор), проведенных в 2014 г.: характеристика топографии и рельефа; описание объектов,

minted during the Northern Song Ya Zhong Xiang Fu period in 1008–1016.

The population of the Angara river basin of the 2nd millennium AD has actively involved in the inter-cultural communication system. This resulted in a formation of a unique appearance of the Forest-Siberian archaeological culture characterized by a combination of various non-ferrous imported decorations and ferrous local goods. The available materials make it possible to suggest that the contacts between the population of Western Siberia and the Lower Angara basin during the classic phase of the Middle Age were permanent. Cultural contacts with the population of other regions were less intensive.

T. N. SOBOLNIKOVA

Sobolnikova Tatiana Nikolayevna — Ob-Ugric Institute for Applied Research and Development (Russia, Khanty-Mansiysk). E-mail: sobtn@mail.ru

NEW DATA ON THE MIDDLE AGES OF THE TAIGA ZONE OF WEST SIBERIA

Key words: taiga zone of West Siberia, Lower Irtysh river basin, Middle Age fortresses, archaeological district

Summary. The paper describes the results of field studies of the Middle Age fortress Chabachjya pristan 2 (the Khanty-Mansiysk district of KhMAO — Ugra, lake Domashny Sor) performed in 2014: characteristics of topography and terrain; description of objects discovered in the excavation; analysis of the finds, the most

выявленных в раскопе; анализ находок, среди которых к массовым категориям относятся — керамика и остеологические материалы, к индивидуальным — изделия из кости, металла, камня.

Археологические памятники эпохи средневековья таежной зоны Северо-Западной Сибири изучены крайне неравномерно. Масштабные полевые исследования проводились на территории отдельных микрорайонов Сургутского Приобья (Барсова Гора, Сайгатино), Нижнего Приобья (бассейн р. Ендырь) [1; 2]. Источники по другим районам зачастую ограничиваются сборами и материалами эпизодических разведок.

В рамках настоящей работы дается краткая характеристика результатов археологических исследований средневекового городища Чебачья Пристань 2. Памятник располагается на западном берегу оз. Домашний Сор, в окрестностях п. Согом. К настоящему времени по количеству археологических объектов (более 200) это самый крупный археологический микрорайон Нижнего Прииртышья.

Городище Чебачья Пристань 2 было выявлено в 1965 г. На тот момент городище представляло собой площадку округлой формы (20 x 20 м) с тремя жилищными впадинами, окруженную системой оборонительных сооружений (вал, ров). По керамике, найденной в шурфе, городище предварительно датировано ранним средневековьем (карымская культура; IV–VI вв.) [3]. Новый этап в исследовании памятника связан с проведением в 2011 г. масштабной инвентаризации археологических объектов в окрестностях оз. Домашний Сор [4]. В рамках этой программы была проведена топографо-геодезическая съемка городища и прилегающей к нему территории. В результате было выявлено селище, расположенное вплотную к внешним линиям фортификации с северной стороны. Визуально в современном рельефе оно представлено семью впадинами подчетыреугольной формы с обваловкой, располагающимися близко друг к другу (на расстоянии 1–2 м) в два ряда. В плане городище и селище представляют собой единый комплекс, аналогов которому в пределах левобережной части низовий Иртыша — Конды пока нет.

В полевом сезоне 2014 г. на городище были начаты стационарные полевые исследования. Раскоп площадью 4 x 10 м был заложен вдоль участка линии оборонительных сооружений в северо-восточной части городища. В процессе работ выявлены элементы сгоревших деревянных конструкций (возможно сруба), располагающихся на валу городища и небольшого сооружения (?) в месте его перехода в ров. Кроме того, в северной части раскопа зафиксирован угол

numerous of which are ceramics and osteological materials, as well as several bone, metal and stone artifacts.

The archaeological sites of the Middle Ages in the taiga zone of north-west Siberia have been very unevenly researched. Large scale field investigations were carried out in the territory of some districts of the Surgut Ob river basin (Barsova Gora, Saigatino), the Lower Ob (the Endyr river) basin [1; 2]. Sources on other districts were often no more than occasional surface finds and collections from surveys.

This paper gives a brief description of the results of archaeological studies of the Middle Age fortress Chabachjya pristan 2. The site is located on the west shore of lake Domashny Sor) not far from Sogom village. Currently in terms of the number of archaeological sites (over 200) this is the largest archaeological district in the Lower Irtysh river basin.

The Chabachjya pristan 2 fortress was discovered in 1965. At that time the site was a rounded in shape platform (20 x 20 m) with three house pits surrounded with a system of defense structures (a bulwark and a oat). The fortress is dated back to the early Middle Age period by the ceramics found in a test unit (the Karym culture; the 4th — the 6th centuries) [3]. A new stage in the site's research is related to a large scale archaeological sites inventory performed in 2011 in the area surrounding Domashny Sor lake [4]. This program included topographic and geodetic surveying of the hillfort and the surrounding territory. As a result of the survey a settlement was detected, which is located immediately next to the outer fortification lines on the northern side. Visually in the modern relief it is represented with seven subquadrangle banked depressions located close to one another (1–2 m apart) in two rows. In the plane the fortress and the settlement represent a single complex to which there are no yet analogues in the left bank lower reaches of the Irtysh and the Konda rivers.

During the field season of 2014 a stationary excavations of the fortress started. A 4 x 10 m excavation covers along the section of the defense structures line in the north-east part of the site. In the process of work elements of burnt down wooden structures (possibly a house frame) were detected on the fortress's bulwark, and a small structure (?) in the place of its junction with the ditch. In addition, in the northern part of the excavation pit a corner of a structure (a house) located on the fortress platform was registered.

The cultural level was rich with finds; their total number is 5,112 examples. The ceramic fragments are the most common category. The profiled medium and large size pots decorated with comb and figured stamps are prevailing group in its category. In the

сооружения (жилища), расположенного на площадке городища.

Культурный слой насыщен находками, общее их количество составило 5112 ед. Наиболее массовая категория — это фрагменты керамических сосудов. Среди них преобладают профилированные горшки средних и крупных размеров, орнаментированные гребенчатыми и фигурными штампами. К редким находкам относятся фрагменты миниатюрных сосудов (диаметром 4–5 см). На одном из них нанесены антропоморфные геометризированные изображения. В коллекции выделена группа фрагментов стенок сосудов со следами их «вторичного» использования (возможно, в качестве орудий для обработки кожи). Наиболее близкие аналогии для большей части сосудов прослеживаются с керамикой кинтусовского этапа, выделенного по материалам Сургутского Приобья (X–XII вв.), а также с посудой юдинской культуры лесного Зауралья (X–XIII вв.) [2; 6].

Вторую по массовости категорию находок составляют остеологические материалы, включающие в себя кости крупных и мелких животных, некоторые из них имеют следы обработки или обожжены (всего 172 ед.). К индивидуальным находкам относятся: каменная бусина; изделия из камня (скребки, точильные бруски), кости и бересты; металлические изделия (рыболовный крючок, наконечник стрелы, пластина); фрагменты тиглей; бронзовая ажурная нашивка с зооморфным изображением (олень?). Прямые аналогии последней находке имеются в коллекциях бронзового литья Прикамья (пермский звериный стиль).

Мощность (до 2 м) и насыщенность находками культурного слоя позволяют сделать предположение о долговременном характере функционирования городища Чебачья Пристань 2. Состав и характер находок позволяет сделать заключение о развитии у оставившего его населения гончарного ремесла, металлообработки, обработки кожи. По своим характеристикам (сочетание небольших размеров площадки с мощной, двойной с тыльной стороны системой укреплений; наличие селища-«посада») городище Чебачья Пристань 2 отличается от других средневековых памятников данного микрорайона. Эти обстоятельства указывают на неординарный характер (роль?) городища в пределах археологического микрорайона.

Дальнейшие исследования городища, изучение и анализ полученных материалов и коллекций позволят выявить локальные особенности, присущие данному микрорайону, а также направленность связей и контактов средневековых обществ, населяющих низовья Иртыша.

rare finds category there are fragments of miniature vessels (4–5 cm in diameter). On one of them there are anthropomorphic geometric pattern images. A separate group in the assemblage is represented by vessels' wall fragments with traces of their "secondary" use (possibly as tools for leather working). The closest analogues for the majority of vessels could be found in the Kintusovo stage ceramics identified in the materials of the Surgut Ob region (the 10th-12th centuries), as well as the Yudino forest Trans-Ural culture (the 10th-13th centuries) [2; 6].

The second in size category of the finds consists of osteological materials, including large and small animal bones some of which have traces of working or were burnt (172 items in total). The individual finds includes: a stone bead; stone tools (side scrapers, whetstones, dice and birch bark; metal artifacts (a fishing hook, an arrowhead, a plate); fragments of melting pots, bronze open work plate with a zoomorphic image (a reindeer?). There are direct analogues to the latter find in the assemblages of bronze casting of the Kama river basin (the Perm animal style).

The thickness (up to 2 m) and the abundance of artifacts in the cultural level allow to assume the long-term nature of Chabachjya pristan 2 fortress functioning. The composition and the nature of the finds gave reasons to draw a conclusion about wide use by the population of the site of pottery, metal working, and tanning. In its characteristics (a combination of small area and a strong, double on the rear side, system of fortifications; the existence of a "posad" settlement) Chabachjya pristan 2 fortress differs from other medieval sites of this region. These factors point to an unusual character (role?) of the site in the context of the studied archaeological district.

Further research of the site, the study and analysis of the obtained materials and assemblages will allow understanding the local specific characteristics for the district, as well as the vector of migrations and contacts of the medieval communities of the lower reaches of the Irtysh river.

Литература / References:

1. Зыков А. П., Барсова Гора: очерки археологии Сургутского Приобья. Средневековье и новое время. Екатеринбург, 2012.
2. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф. Древний Эмдер. Екатеринбург, 2001.
3. Шорикова Л. Г. Разведка в Ханты-Мансийском национальном округе. Свердловск, 1965 // Архив АКА УрГУ. Ф. П. Д. 36.
4. Соболевникова Т. Н., Кузина А. В. Мониторинг состояния и установление границ объектов археологического наследия, расположенных в пределах территории сельского поселения Согом, выявленных в 1960–90-х гг. // Ханты-Мансийский автономный округ в зеркале прошлого. Томск; Ханты-Мансийск, 2012. Вып. 10. С. 284–290.
5. Матвеева Н. П., Рафикова Т. Н. Новые данные о юдинской культуре (по материалам Криволукского городища) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2005. № 6. С. 105–116.

УДК 904(571.651):636.013

Л. Н. ХАХОВСКАЯ, И. Е. ВОРОБЕЙ

Хаховская Людмила Николаевна — к.и.н.,
СВК НИИ ДВО РАН (Россия, Магадан).
E-mail: hahovskaya@mail.ru

Воробей Игорь Евгеньевич — Магаданский областной
краеведческий музей (Россия, Магадан).
E-mail: vorobeyie@mag-museum.org

L. N. KHAKHOVSKAYA, I. E. VOROBEY

Khakhovskaya Lyudmila Nikolayevna — PhD in History,
NEISRI FEB RAS (Russia, Magadan).
E-mail: hahovskaya@mail.ru

Vorobey Igor Evgenjevich — Magadan Regional History
Museum (Russia, Magadan).
E-mail: vorobeyie@mag-museum.org

**ПАЛЕОАЗИАТСКАЯ ДОМЕСТИКАЦИЯ
В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ**

Ключевые слова: северо-восточные палеоазиаты, доместикация, оленеводство, скребки, каменные кладки, погребения рогов

Резюме. Авторы рассматривают пять категорий археологических источников, перспективных для характеристики оленеводческой стадии этнической истории северо-восточных палеоазиатов (чукчей и коряков) и освещения актуального и дискуссионного вопроса доместикации северного оленя на Северо-Востоке России.

Дискурс происхождения чукотско-корякского оленеводства включает главным образом гипотетические выкладки, которые апеллируют к демографическим, этнографическим, этногенетическим и историческим доводам. Сквозь призму «овеществленного» процесса данный феномен рассматривается преимущественно с позиции анализа этнографических фактов. Авторы привлекают внимание к эвристическому потенциалу археологических источников, имеющих параллели в этнографическом «облике» оленеводства и/или маркирующих события, относящиеся ко времени предполагаемого начального этапа доместикации. Эти источники могли бы быть более весомыми и наглядными аргументами для прояснения проблемы перехода северо-восточных

**PALEOASIAN DOMESTICATION IN
THE ARCHAEOLOGICAL CONTEXT**

Key words: north-eastern Paleoasians, domestication, reindeer breeding, scrapers, stone layouts, antler burials

Summary. The authors consider five types of archaeological records, which seemed promising from the point of view of characterization of reindeer breeding stages in the ethnic history of the north-eastern Paleoasians (the Chukchi and the Koryak) and the description of the important and controversial issue of reindeer domestication in the North-East of Russia.

The discourse on the origins of the Chukchi-Koryak reindeer breeding mostly operates with the hypothetic assumptions appealing to the demographic, ethnographic, ethnogenetic and historical arguments. Seen through a prism of “materialized” process this phenomenon is viewed predominantly from the positions of the ethnographic facts analysis. The authors draw attention to the heuristic potential of archaeological records revealing certain parallels in the ethnographic “appearance” of reindeer herding, and/or referencing the events belonging to the period of the presumed initial stages of domestication. These data could become stronger and more informative arguments for the clarification of the problem of transition of the north-eastern Paleoasians (the Chukchi and the Koryak) to a reproducing wildlife management pattern. In the

палеоазиатов (чукчей и коряков) к производящему природопользованию. Среди археологических материалов Крайнего Северо-Востока Азии даже на достигнутом уровне изученности определимы древности, которые могут пролить свет на эту интригующую проблему истории региона, обозначить хронологические, пространственные и этнические координаты [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Во-первых, это внутриконтинентальные комплексы с дериватами расщепления галек и валунов, включающие характерные изделия скребковой морфологии, большей частью без обработки лезвийного края (Агробаза III с радиоуглеродными датировками в диапазоне ~700–300 л. н. на Верхней Колыме; Б. Эльгахчан 6, Геодезическая 11 в верховьях Омолона и др.), а также с более интенсивной, в том числе периметральной, обработкой (Излучина Дручака 2 в бассейне Гижиги и др.). Эти формы хорошо сопоставимы с вкладными лезвиями двуручных скребков-стругов и историографически уже связываются со становлением оленеводства. Именно скребковая категория инвентаря представляется индикатором резкого возрастания интенсивности скорняжной обработки, что обусловлено облегчением доступа к меховому сырью и может быть следствием domestikации северного оленя. Обратим внимание на то, что в инструментальном плане собственно домашнее оленеводство имеет крайне мало и этнографических маркеров, поскольку почти все они относятся к категории утвари, средств передвижения, упряжи. Так что каменные скребки — едва ли не единственная нить, зримо соединяющая археологический и этнографический облик культуры оленеводов-палеоазиатов. Интересно, что в некоторых случаях современные коряки-олeneводы (мужчины) опознают как «свои» только скребки с интенсивной обработкой.

Во-вторых, непосредственное отношение к проблеме имеют широко распространенные в регионе линейные и фигурные выкладки из камней (клас-тоформы), в которых исследователи усматривают явления ритуального, утилитарного и социального порядка, датируя их временем от середины I тыс. до н. э. до этнографической современности. Среди них выделяются объекты («палыквыны» на стоянке Гетлянен 3, вблизи пос. Лаврентия на Восточной Чукотке и др.) с радиоуглеродными датировками в диапазоне ~850–200 л. н. Они сопоставимы со структурами, создаваемыми в ходе погребальных обрядов (наземных погребений и трупосожжений), характерных именно для оленеводческих подразделений северо-восточных палеоазиатов, довольно информативны и по некоторым позициям согласуются с другими источниками.

archaeological materials of the Far North-East of Asia, even at the existing state of research, there are some identifiable groups of antiquities which could shed some light on this intriguing problem in the region's history, and set some chronological, spatial, and ethnic coordinates [1; 2; 3; 4; 5; 6].

First of all these were the intercontinental complexes with the derivatives of pebbles and cobbles flaking, including the characteristic side scraper morphology items, mostly without blade edge retouch (Agrobasa III with the radiocarbon dating within the range ~700–300 BP on Upper Kolyma; B. Elgakhchan 6, Geodezicheskaya 11 in the Omolon headstream, etc.) as well as the artifacts with more intensive, including the perimeter retouch (Izluchina Druchaka 2 in the Gizhiga basin, etc.) These shapes well correlated with the set-in blades of two-handed scraper-shavers and historiographically could already be related to the evolution of reindeer herding. It was the scraper category of the tools set that appeared to be an indicator of a significant increase of skinnery treatment, which was associated with easier access to furs and could be a consequence of reindeer domestication. It should be noted that in terms of tools the domestic reindeer herding as such had also extremely few ethnographic markers, since all of them belonged to the categories of domestic ware, transportation, and harness. This made stone side scrapers perhaps a sole line creating a visible connection between the archaeological and the ethnographic appearance of the Paleoasian reindeer breeding's culture. It is interesting that in some cases the modern Koryak breeders (males) recognized as "theirs" only the side scrapers with intensive retouch.

Second, the quite common in the region linear and shaped stone displays (cluster forms) had a direct relevance to the problem. The researchers saw in them the phenomena of the ritual, utilitarian, or social nature dating them as belonging to the time interval from the middle of the 1st millennium BC to the ethnographic present time. Several objects ("palyakvyn" on Getlyanien 3 occupation site near Lavrentia village in eastern Chukotka, etc.) with radiocarbon dates in the range of ~850–200 BP are quite interesting in this group. They are comparable with the structures created in the funeral ritual (above-ground burial and cremation) characteristic specifically for the reindeer herding groups of the north-east Paleoasians, quite informative, and in some positions agreed well with other sources.

Third, the artificial accumulations of antlers (including the buried and/or arranged in a line in the Northern Chukotka), which were occasionally found either as independent structures, or in association with stone displays and interments. The finds have been interpreted as ritual burials related to the "reindeer cult",

В-третьих, это искусственные скопления оленьих рогов (в том числе погребенные и/или линейно-упорядоченные на Северной Чукотке), которые находят как в виде самостоятельных сооружений, так и в ассоциации с каменными кладками и могильниками. Находки трактуются как ритуальные захоронения, связанные с «культурой оленя», возможно, охотничьим. Некоторые данные дают основание видеть в них свидетельства иноэтничного (тунгусского или юкагирского) влияния на палеоазиатскую доместикацию северного оленя.

В-четвертых, на объектах, традиционно относимых к атарганской стадии древнекорякской культуры (поселение в бухте Астрономической и МБА 1) обнаружены предметы, свидетельствующие о существовании нартенного транспорта, среди которых — дугообразные копылья из оленьего рога. Учитывая этническую неопределенность местонахождений и возможное взаимодействие автохтонных палеоазиатов и мигрантов-тунгусов, можно предположить, что нартовое использование оленя, возникшее из сочетания практик верховой езды на олене и запряжки ездовых собак в санки, послужило основным импульсом одомашнивания.

Наконец, свидетельством оленеводческой культуры являются каменные обкладки очагов и периметров переносных жилищ (яранг). Такие объекты повсеместно встречаются на террасах и водораздельных пространствах. Принято считать, что это следы жилищ современных оленеводов и на этом основании выводить за пределы анализа. Но возникает закономерный вопрос: куда в таком случае исчезли каменные остатки оленеводческих жилищ более раннего времени — по крайней мере, XVII–XIX вв.? Выявление, тотальное картографирование, описание и датирование подобных объектов естественно-научными методами (радиоуглеродным и лихенометрическим) придадут новый ракурс историографии региона в средневековье и новом времени.

Литература / References:

1. Диков Н. Н. Азия на стыке с Америкой в древности. СПб., 1993.
2. Кирьяк М. А. Археология Западной Чукотки. М., 1993.
3. Слободин С. Б. Верхняя Колыма и Континентальное Приохотье в эпоху неолита и раннего металла. Магадан, 2001.
4. Кирьяк М. А. Погребения рогов северного оленя на Чукотке (бассейн р. Млелин, Чаунский район, Зап. Чукотка) // III Диковские чтения: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 50-летию Магаданской области. Магадан, 2004. С. 218–226.
5. Воробей И. Е. Каменные выкладки (кластоформы) на Крайнем Северо-Востоке Азии // История и культура Востока Азии. Новосибирск, 2002. Т. II. С. 45–48.
6. Воробей И. Е., Хаховская Л. Н. Археолого-этнографические аспекты изучения отдельных категорий инвентаря // Интеграция археологических и этнографических исследований: XI Междунар. науч. семинар. Омск, 3–6 июня 2003 г. Омск, 2003. С. 92–94.

probably of the hunters population. Some data gave reason to see in them the evidences of alien ethnicity (the Tungus or the Yukaghir) influence on the Paleoasian reindeer domestication.

Fourth, on the sites which are traditionally referred to the Ataghan stage of the ancient Koryak culture (settlement in Astronomicheskaya bay and MBA 1) some finds evidence the existence there of sled transport, including the bow-shaped spurs on antlers. Considering the ethnic uncertainty of the occupations and the possible contacts between the autochthonous Paleoasians and the migrant Tungus, it may be assumed that the use of reindeer for sled drawing, arising from a combination of reindeer riding practices and sledge drawing dogs harness served as the main impulse for domestication.

Finally, the evidence of the reindeer herding culture is also the stone hearth and mobile dwellings (yaranga) perimeters lining. Objects of this type are quite common on the terraces and the watershed areas. It used to be that these are marks of the modern reindeer herders homes, and on these grounds they are excluded from the scope of analysis. However, a reasonable question arises: where in this case did the stone remains of reindeer herders' dwellings of the earlier periods — at least of the 17th–19th centuries — disappear? Detection, total mapping, description and dating of such objects with the use of scientific analysis methods (radiocarbon and lichenometric) could lend a new perspective to the historiography of the region in the Middle Ages and the modern time.

УДК 904(571.121)«653»

И. Ю. ЧИКУНОВА

Чикунова Ирина Юрьевна — к.и.н., ИПОС СО РАН
(Россия, Тюмень). E-mail: chikki@mail.ru

УСТЬ-ВАСЪЁГАН 1 — СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ В СЕВЕРНОМ ПРИОБЬЕ

Ключевые слова: Северное Приобье, эпоха средневековья, жилища с обваловкой

Резюме. Материалы городища Усть-Васъёган 1 (2013–2014 гг.) свидетельствуют о появлении человека на этом памятнике в III тыс. до н. э. Затем в эпоху средневековья здесь было основано укрепленное поселение одной родственной группой, переселенцами из южных районов, воспользовавшихся р. Обь как водным путем для поиска лучших, новых мест. Почвенный анализ показал, что в то время здесь был более теплый климат, в большей степени характерный для среднетаежных районов, чем для тундры.

Городище Усть-Васъёган 1 расположено в Приуральском районе Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменской области, в 9 км к северо-востоку от г. Салехарда, на правом коренном берегу р. Обь, в устье р. Васъёган, на ее правом берегу.

В процессе исследований 2013–14 гг. выяснилось, что культурные остатки принадлежат двум периодам — эпохе энеолита и раннего средневековья. Ранний период обитания зафиксирован только по наличию керамики и датируется III тыс. до н. э.

В средневековое время вдоль мыса построены 8 наземных прямоугольных жилищ с обваловками и очагами в центре. С напольной стороны городище защищено рвом, дно его укреплено досками из лиственницы. Результаты почвенного исследования заполнения рва показали, что вода здесь стояла круглогодично.

Постройки сооружены на поверхности, с которой предварительно был срезан дерн не только под строениями, но и вокруг. Стены сооружены из жердей и досок, снаружи утеплены обваловкой из щепы, дерна, мха, хвои. Нельзя исключать шатровый тип построек. Кровля была сооружена из жердей и укрыта пластами бересты и дерна.

Коллекция массовых находок представлена необработанными камнями, гальками и фрагментами керамической посуды двух эпох.

Керамика эпохи энеолита украшена оттисками пагающей гребенки, сотовым орнаментом, плотным штампованным узором, ногтевыми отпечатками, есть фрагменты стенок с ручкой.

I. YU. CHIKUNOVA

Chikunova Irina Yurievna — PhD in History, IPDN SB RAS
(Russia, Tyumen). E-mail: chikki@mail.ru

UST-VASJEGAN 1 — MEDIEVAL FORTRESS IN THE NORTH OB RIVER BASIN

Key words: North Ob river basin, Middle Ages, banked dwellings

Summary. The materials of Ust-Vasjegan 1 (2013–2014) fortress evidence of the presence of people on this site already in the 3rd millennium BC. Later, in the Middle Ages a fortified settlement was built there by one kin group of migrants from the southern regions, who used the Ob as a water way in their search for better places for life. Soil analysis demonstrates that at that time the climate in the region was warmer, more characteristic for the middle taiga regions than for tundra.

Ust-Vasjegan 1 fortress is located in the Priuralsky district of the Yamal-Nenets Autonomous Okrug of the Tyumen Oblast, 9 km north-east of Salekhard, on the right, basement bank of the Ob river, in the mouth of the Vasjegan river, on its right bank.

During the 2013–14 excavations it was established that the cultural remains belonged to two periods — the Eneolithic and the early Middle Ages. The earlier occupation period was registered only by the presence of ceramics and was dated back to the 3rd millennium BC.

In the Middle Ages eight surface rectangular banked houses with hearths in their center were built along the cape. From the floor level side the fortress was protected by a ditch, its bottom was strengthened with larch planking. The results of the ditch filling soil analysis demonstrate that it was filled with water all year-round.

The houses were built on the surface from which the turf was preliminarily cut not only under the houses, but also around them. The walls were built from poles and planks, on the outside additionally heat-insulated by banks with chips, turf, moss and pine needles filling. It is quite possible that the houses were of the tent type. The roofs were made from poles and covered with layers of birch bark and turf.

The common finds assemblage included rough stones, pebbles and fragments of pottery from the two periods.

The Eneolithic ceramics was decorated with stepped comb stamp, grid-like ornament, dense stamped ornament, nail impressions, there were fragments of pot walls with handles.

Все средневековые сосуды орнаментированы. Декор располагается по шейке, переходу и плечу. Большинство сосудов имеет пояс из круглых ямок вдоль венчика, практически всегда на чистом поле, окаймленном наклонными или горизонтальными отпечатками гребенчатого штампа. Реже использовались также уголкового, крестообразного штампы и др.

Вещевой комплекс — каменные и керамические скребки, оселки, абразивы, бронзовый лом, фрагменты сланцевых наконечников стрел, фрагменты железных и бронзовых изделий. Интерес представляют подвеска из белой бронзы с личиной, литая антропоморфная фигурка, костяная накладка на лук, железный наконечник стрелы и металлический перстень, которые дают основания для датировки памятника XIII в.

Судя по оставленному инвентарю и палеозоологическим остаткам, обитатели городища занимались рыбной ловлей, не исключено — охотой, собирательством. Местонахождение городища в выгодном месте, где можно было осуществлять контроль над речными путями, предполагает возможность товарообмена.

Сравнительный анализ морфологического строения погребенной и современной почв дал основание заключить, что в раннем средневековье общая природная ситуация в районе городища Усть-Васьган 1 была более благоприятной, чем в настоящее время. Самое важное заключается в том, что ландшафты того периода, по сравнению с современными, были более продуктивны и могли обеспечить большее количество населения пищей.

УДК 904(470.21)«653»:726.5

М. М. ШАХНОВИЧ

Шахнович Марк Михайлович — к.и.н.,
Национальный музей Республики Карелия
(Россия, Петрозаводск). E-mail: marksuk@onego.ru

**ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ
ПАМЯТНИКОВ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ
ЛАПЛАНДИИ**

Ключевые слова: Кольский п-ов, позднее Средневековье, монастыри Русской Лапландии

Резюме. Дается краткое описание результатов раскопок православных церквей и сопутствующих некрополей XV–XVII вв. на Кольском полуострове. Изучение позднесредневековых памятников православной культуры Русской Лапландии проводится впервые.

All Medieval vessels were decorated. The decor was located around the neck, the transition area, and the shoulder. Most of the vessels had belts of round pits along the collar, practically always on a clean area, bordered with slanted or horizontal comb stamp impressions. Less frequently the angle, cross-shaped stamps were also used.

The artifacts complex consisted of stone and ceramic side scrapers, whetstones, bronze scrap, fragments of shale arrowheads, iron and bronze articles fragments. A group of interesting artifacts include a white bronze pendant with a face image, a cast anthropomorphic figure, a bone bow plate, and iron arrowhead, and a metal signet ring, which made it possible to date the site as the 13th century.

Judging by the artifacts assemblage and the paleozoological remains the inhabitants of the fortress were engaged in fishing, probably, hunting and gathering. The location of the site in a vantage point, where it was possible to control the waterways, allow to suggest a possible commodity exchange.

Comparative analysis of the morphologic structure of the paleo- and modern soil provide with arguments in favor of the opinion that in the early Middle Ages the general climatic situation in the area of Ust-Vasjegan 1 fortress was more favorable than today. The most important conclusion is that the landscapes of that time were more productive compared to the present day, and could provide subsistence for a larger number of people.

M. M. SHAKHNOVICH

Shakhnovich Mark Mikhailovich — PhD in History,
Karelia National Museum
(Russia, Petrozavodsk). E-mail: marksuk@onego.ru

**STUDY OF THE LATE MIDDLE AGE ARCHAEOLOGICAL
SITES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CULTURE IN
LAPLANDIA**

Key words: Kola Peninsula, late Middle Ages, Russian Lapland monasteries

Summary. The publication provides a brief description of the results of excavations of the Russian Orthodox churches and the accompanying necropolises of the 15th–17th centuries in the Kola Peninsula. The study of the late Middle Age archaeological sites of the Russian

С 2009 г. экспедицией Национального музея Республики Карелия проводятся работы по обследованию «поздних» объектов, связанных со средневековой историей Православия на Кольском полуострове.

Борисоглебская церковь на р. Паз. В 2010 г. впервые раскапывались руины знаменитой церкви свв. Бориса и Глеба на р. Паз (Патсойоки) в Печенгском районе Мурманской области. Церковь находится в 5 км от моря, на левом берегу р. Паз, около поселка Борисоглебский. Раскоп (33 кв. м) был заложен на месте кафоликона. Средняя мощность слоя с древними и современными культурными отложениями незначительна — 0,1–0,15 м.

Специфику набора находок (284 экз.) обусловили два обстоятельства: мощный пожар 1944 г. и сакральный статус объекта. По временному признаку вещи в коллекции можно разделить на три условные группы. Первая — период эпохи Средневековья; вторая — от возведения церкви во 2 половине XVI в. до ее реконструкции в середине XIX в. и третья — до гибели храма (конец XIX — середина XX в.). К первой группе относятся биллоновый браслет, миниатюрная железная застежка — «простая» фибула, четырехконечный крест-«тельник» XVI в., однолезвийный, поясной саамский нож (goakka). Среди церковной утвари — деформированная церковная «свеча», части бронзового паникадила, оплавленные остатки блюда большого диаметра из медного сплава, фрагмент края колокола, фрагмент серебряной цаты, бесформенные слитки меди от расплавившейся церковной утвари, две одинаковые книжные застежки, скорее всего, от богослужебной книги. Прочие находки — большое количество кованых гвоздей, российские и финляндские монеты XVIII–XX вв., незначительное количество фрагментов керамики XVIII — начала XIX в., кресальные кремни, части дверного снаряда и т. п.

Церковь возведена на участке многовековых саамских промыслов, рядом с «лопарским» погостом. Обломки серебряного браслета, фибула и нож, большое количество раздробленных, без следов вываривания фрагментов костей северного оленя, находившиеся под полом церкви, т. е. попавшие в слой до ее возведения, могут быть привлечены в качестве аргументов гипотезы о бытовании здесь «языческого капища».

Церковь Рождества Христова Печенгского монастыря. В 2011 г. исследовалась церковь Рождества Христова на усадьбе Печенгского монастыря, основанного в 1-ой половине XVI в. прп. Трифоном. Храм, по преданию, поставлен над могилой печенгских иноков, убитых во время нападения финского отряда в

Orthodox culture in Russian Laplandia was performed for the first time.

Since 2009 the expedition of the Karelia National Museum has been researching the “late” sites related to the medieval history of the Russian Orthodoxy in the Kola Peninsula.

The Borisoglebskaya church on the Paz river. In 2010 the ruins of the famous Boris and Gleb church on the Paz (Patsojoki) river in the Pechenga district of the Murom region were excavated for the first time. The church is located 5 km away from the sea, on the left bank of the Paz river, near Borisoglebsky town. The excavation (33 sq.m) was started in the katholikon area. Average thickness of the level containing ancient and modern cultural depositions is insignificant — 0.1–0.15 m.

The specifics of the finds mix (284 pieces) was determined by the following circumstances: a strong fire in 1944 and the sacral status of the object. Chronologically the items from the assemblage could be arranged in three conventional groups: the first — the Middle Ages; the second — from the time of the church erection in the 2nd half of the 16th century to its reconstruction in the middle of the 19th century, and the third — until the destruction of the church (the end of the 19th — the middle of the 20th centuries). The first group includes a billon bracelet, a miniature iron clasp — “simple” fibula, a four-point wearing cross of the 16th century, a one blade, belt Saami knife (goakka). In the church articles group there are a deformed church “candle”, parts of bronze chandelier, the fused remains of a large diameter copper alloy dish, a fragment of a bell edge, a fragment of a silver crescent collar, shapeless copper pieced from the molten church articles, two similar book clasps, most likely from a liturgic book. Other finds include a large number of forged nails, Russian and Finnish coins of the 17th–20th centuries, a small number of ceramics fragments of the 18th — early 19th century, flint stones, parts of door fixtures, etc.

The church was built in the place of a long standing Saami settlements near the “Lappish” graveyard. The fragments of a silver bracelet, a fibula and a knife, a large number of crushed, without traces of cooking reindeer bone fragments found under the church floor, i. e. deposited before the church was built, could be used as the arguments in favor of a hypothesis of prior existence of a “pagan sacred place” in that place.

The Nativity church of the Pechenga monastery. In 2011 we studied the remains of Nativity church within the estate of the Pechenga monastery founded in the 1st half of the 16th century by the venerable monk Trifon. According to a legend the church was erected over the grave of the Pechenga monks murdered during

1589 г. Первоначально здесь находилась деревянная часовня, которую в 1905–1908 гг. переделали в церковь Рождества Христова на валунном фундаменте. В очень ветхом состоянии церковь простояла до сильного пожара 2007 г. Храм находился на левом берегу р. Печенга, в южной части одноименного поселка.

В границах небольшого исследованного участка алтаря площадью 7,22 кв. м удалось зафиксировать два соприкасающихся объекта XVI в. — хорошо сохранившиеся обугленные четыре венца деревянной стены и могильную (?) яму.

Хорошая сохранность обугленной древесины позволяет с большой степенью достоверности реконструировать конструкцию стены. Рубка здания произведена «в обло» с небольшим выпуском концов поперечной стены на 0,1 м. Хорошо видны полукруглые врубки, сделанные в нижних бревнах. Торцы опилены. В качестве строительного материала использованы стволы деревьев хвойных пород (сосна?). Диаметр окоренных бревен, уменьшившийся в ходе обугливания — 0,28–0,36 м. Стена поставлена без фундаментных подкладок непосредственно на твердый массив глинистых ледниковых отложений. Остатки полового настила не прослежены. Просматривается конструктивная связь между ямой и стеной. Вероятно, обугленные бревна перекрыты грунтом выброса при создании рядом находящейся ямы, выкопанной с небольшим временным промежутком после пожара. Календарный возраст образцов древесного тлена нижней части первого венца стены и угля, взятого из нижнего бревна, приходится на интервал 1489–1603 гг. Таким образом, время строительства здания датируется XVI в. Выявленную конструкцию можно интерпретировать как фрагмент двухкамерного дома — цельнорубленного «пятистенка» на невысоком подклете. В пользу предположения о том, что это остатки стены церкви, говорит отсутствие бытовых находок, ориентация здания по длинной оси восток — запад и, вероятно, намеренное «подзащитное» братской могилы (ямы).

Свято-Никольская церковь с. Варзуга. В 2011–2013 гг. проводились раскопки на месте старейшего храма Русской Лапландии — Свято-Никольской церкви. Сплошной площадью исследована небольшая часть прицерковного некрополя — 40 кв. м. На этом участке раскрыто 38 целых или частично нарушенных погребений. Из них одиннадцать — новорожденные и дети первого полугодия жизни. Кроме того, обнаружены остатки двух нижних венцов здания и частокольной изгороди XIV–XV вв. Целенаправленное подзащитное захоронение младенцев вдоль стены, ее одинаковая ориентация с «взрослыми» погребениями и данные радиоуглеродных датировок

the attack of a Finnish team in 1589. Initially it was a wooden chapel, which was in 1905–1908 reconstructed as the Nativity church on rock foundation. The church stayed in a very ramshackle condition until a strong fire in 2007. The site is located on the left bank of the Pechenga river, in the southern part of a village of the same name.

Within the limits of a small studied altar area of 7.22 sq. m two adjoining 16th century objects were registered — these are the well preserved charred timber sets of a wooden wall and a grave (?) pit.

Good preservation of the charred wood allowed to reconstruct the wall design with a high degree of accuracy. The construction style is half-log with the lateral wall ends slightly extending by 0.1 m. The hemispheric notches in lower logs are well visible. The ends have been trimmed. Coniferous tree-trunks (pine?) were used as construction material. The peeled logs diameter, decreased as a result of charring, was 0.28–0.36 m. The wall was placed without any foundation support directly onto the solid ground consisting of clay glacier deposits. There are no traces of flooring. Apparently there is a structural relationship between the pit and the wall. Apparently the charred logs are overlaid with excavation soil from the nearby pit excavated within a short time interval after the fire. The calendar age of the wooden dust samples from the lower part of the first timber set of the wall, and the charcoals sampled from the lower log fell within the time interval 1489–1603. Thus the construction time is dated back to the 16th century. The identified structure could be interpreted as the two-chamber house fragment — a log five-walled house on a low basement. The lack of household finds, the building's orientation along the long axis east-west, and, probably, intentional multiple burial in a common grave (pit) could be interpreted as arguments in favor of the hypothesis that the wall belonged to a church.

St. Nikolas church in Varzuga village. In 2011–2013 we excavated the area of the oldest church in Russian Lapland — the St. Nikolas church. A small area of the church necropolis — about 40 sq. m — was studied by all-over excavation. In this area 38 intact or partially disturbed interments were recovered. Eleven of them are newborns and infants of the first half year of life. In addition the remains of two lower timber sets of a building and stockade fence of the 14th–15th centuries were found. The intentional multiple burial of babies along the wall, its identical orientation with the “adult” interments and the radiocarbon dates (557±25 and 550±30 BP — SPb 734, 779) allow to identify the remains of the log wall as the church building destroyed during the raid of the “Murmans” in 1419.

(557±25 и 550±30 л. н. — SPb 734, 779) позволяют отождествить остатки бревенчатой стены со зданием храма, погибшего во время набега «мурман» в 1419 г.

Какие-то специфичные нормы погребального обряда для православной общины с. Варзуга в позднем Средневековье не отмечены. Как и на других сельских некрополях Русского Севера, фиксируются традиционные черты: рядность и ярусность захоронений; преимущественно небольшая глубина ям; подзахоранивание детей в могилу к «взрослому»; перекрытие гробовины берестой; специальная похоронная кожаная обувь; захоронение новорожденных и младенцев вдоль стены церкви; установка «в ногах» могильных столбиков. Таким образом, на протяжении XIV–XVIII вв., археологически прослеживаемый погребальный обряд жителей села, с очень небольшими «местными» особенностями, консервативно не менялся и на фоне позднесредневековых православных могильников Карелии и Архангелогородчины не отличался своеобразными признаками.

Из редких находок нужно отметить серебряную деформированную цату, позолоченный фрагмент оклада иконы Богородицы (к XVI в.), остатки погребальной одежды.

No funeral rite norms specific for the Russian Orthodox community of Varzuga village in the late Middle Ages were registered. Same as in the other rural necropolises of the Russian North there were traditional characteristics: burials in rows and in tiers; predominantly shallow grave pits; multiple burial of newborns and infants into the same grave with the “adult” person; overlaying of the coffin with birch bark; special funeral leather footwear; burial of the babies and infants along the church wall; placement of grave poles “at the foot”. Thus over the 14th–18th centuries the archaeologically traceable funeral rites of the village population with very insignificant “local” features stayed unchanged, and demonstrated no unique attributes compared to the late Middle Ages Russian Orthodox burial sites of Karelia and the Archangel region.

The group of rare finds include the silver deformed crescent collar, the gilded fragment of the Mother of God icon setting (end of the 16th century), and the remains of funeral clothes.

ОБРАЗЫ СЕВЕРА: КОНЦЕПЦИИ,
МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ИКОНОГРАФИЯ

IMAGES OF THE NORTH: CONCEPTS,
IDEOLOGY, ICONOGRAPHY

УДК 39 (571.16):73

А. И. БОБРОВА, Н. В. ТОРОШЧИНА

Боброва Анна Ивановна — к.и.н., Томский областной краеведческий музей (Россия, Томск).
E-mail: a_bobrova@bk.ru

Торощина Наталья Витальевна — ПНИИЛИАЭ ТомГУ (Россия, Томск). E-mail: natator@mail.ru

**АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА
СЕЛЬКУПОВ РЕКИ ТЫМ**

Ключевые слова: Западная Сибирь, Тым, археология, этнография, антропоморфная скульптура, селькупы

Резюме. Статья посвящена систематизации антропоморфных скульптурных изображений с р. Тым, правого притока р. Обь (Каргасокский район, Томская область). Территорию заселяли селькупы диалектно-локальной группы «чумылькуп», которые сохранили традиции, связанные с представлениями о душе и духах, материальным воплощением которых выступает деревянная антропоморфная скульптура.

В Притымые, которое заселяли селькупы «чумылькуп», сохранились традиции, связанные с представлениями о душе и духах, материальным воплощением которых выступает деревянная антропоморфная скульптура. Отношения таежного жителя с хозяевами местности, духами-предками и богатырями, собственными душами составляли основу стабильности общества. Отсюда его стремление выстроить систему взаимоотношений с духами разного ранга. В семейных и родовых культовых амбарчиках хранились духи — изображения предков и бывших шаманов, в которые переселялись их души. Им служили и находились вместе с ними духи-помощники, имевшие антропо- и зооморфный облик. Действия духов-покровителей охватывали район влияния семьи и рода. От их благосклонности и расположения зависели здоровье и жизнь всех селькупов.

Разнообразие изображений, их иконография, семантика издавна привлекали внимание исследователей, чему посвящены известные публикации. На основе этнографических и археологических источников авторы предлагают систематизацию скульптурных изображений селькупов р. Тым.

Группа 1. Антропоморфная скульптура. Разнополые изображения (куклы) культовых амбарчиков и изображения иттерма (могильник Бедеревский Бор II). Появление амбарчиков связано с культом предков/богатырей, хозяев земли. Их ставили в «святых» местах. Действия духов родовых амбарчиков охватывали район влияния рода и почитались

A. I. BOBROVA, N. V. TOROSHCHINA

Bobrova Anna Ivanovna — PhD in History, Tomsk Regional museum (Russia, Tomsk). E-mail: a_bobrova@bk.ru

Toroshchina Natalia Vitaljevna — Problem Research Laboratory of History, Archaeology and Ethnography of Siberia, TomSU (Russia, Tomsk). E-mail: natator@mail.ru

**ANTHROPOMORPHIC SCULPTURE OF
THE SELKUPS OF THE TYM RIVER**

Key words: West Siberia, Tym, archeology, ethnography, anthropomorphic sculpture, Selkups

Summary. The article deals with the problem of systematization of anthropomorphic sculptured images from the Tym river, the right tributary of the Ob, Kargasok district, Tomsk Oblast). The territory was populated by the Selkups of the dialect-local group “Chumylkup”, who maintained the traditions related to the ideas of the soul and spirits, the material incarnation of which were the wooden anthropomorphic sculptures.

In the Tym territory, which was populated by the “Chumylkup” Selkups the traditions related to the ideas of the soul and spirits, the material incarnation of which were wooden anthropomorphic sculptures have been preserved for a long time. The relationships of the taiga people with the masters of the territory — the ancestor spirits and giant warriors, as well as their own souls were the basis of stability of their society. Hence the desire to build a system of relationships with the spirits of various rank. In the family and the clan ritual shed-like structures they kept spirits — the figures of ancestors and former shamans into which their souls moved. In the same shed there were spirits-helpers, who served them, normally represented by anthropo- and zoomorphic figures. The power of the protector-spirits covered the region of influence of a family or a clan. The health and the life of all Selkups depended on their benevolence and grace.

The variety of the images, their iconography and semantics had for a long time drawn the attention of researchers, and there are plenty of publications on the subject. On the basis of the ethnographic and the archaeological sources the authors propose a systematization of the Selkup sculptured images from the Tym river.

Group 1. Anthropomorphic sculpture. Different gender images (dolls) from the cult sheds and the itterma images (burial site Bederevsky Bor II). The appearance of the sheds was related to the cult of the ancestors/warriors, the land masters. They were placed in “sacred”

группой лиц, связанных кровным родством. Амбарчик — место сосредоточения духов-помощников рода — некогда реально существовавших предков и сильных шаманов, души которых переселялись в антропоморфные скульптурные изображения — куклы. Самыми сильными на Тыме считались лымбельские и ыйские «лозы». В Лымбельском амбарчике сохранилось более 70 деревянных скульптур высотой от 16 до 84 см. Следуя жестким канонам, скульптор тщательно вырезал Т-образные брови, клиновидной формы нос, углубления для глаз, намечал линию рта. Особое внимание уделялось оформлению головы — ей придавали остроугольную или округлую форму. Туловище, руки, ноги прорабатывались менее тщательно. Большинство лымбельских изображений имело остроугольное завершение головы, ыйских — закругленное. Есть упоминание и о скульптуре семиголового «главного лоза» Напаса, выкованной из железа в рост человека.

Другой разновидностью антропоморфной скульптуры были куклы-двойники живых людей и изображения-кукол умерших. Согласно этнографическим материалам, каждому члену семьи куклу-двойника изготавливали обязательно. По представлению селькупов, одна из душ человека после некоторого пребывания в теле человека-хозяина переселялась в деревянное антропоморфное изображение (5–30 см). Куклы-двойники сопровождали человека на протяжении всей жизни. Кукол обычных людей по истечении срока траура сжигали, бросали в могилу или хранили на чердаке дома. Изображения старейших и уважаемых мужчин становились предками-покровителями и их хранили в переднем углу дома. Кукол покойных шаманов относили в специально отведенные места. На р. Тым — в окрестности пос. Компас.

Разное отношение к «куклам» демонстрируют материалы из двух захоронений грунтового могильника XVII–XVIII вв. Бедеревский Бор II, где на поверхности одной из могил найдены две личины из жести, а в другой около головы покойного сохранилась личина из свинцовой пластины, представлявшая собой лицо/голову куклы. Иконография на пластине характерна для изображений пантеона богов и духов самодийских и обско-угорских народов.

Группа 2. Антропоморфные личины, вырубленные на деревьях. У тымских селькупов они изображали духов-хранителей определенной территории в виде личин, вырубленных на стволах деревьев. Они обнаружены на культовых местах на островах Ворожейном и Шаманном, причем, известно, что на последнем личины на кедрах были вырезаны представителями семьи Кулевых (род орла). Сосна с тремя личинами стояла на культовом месте

places. The powers of the clan sheds spirits covered the area of influence of the clan and were worshiped by a group of kindred relatives. A shed was a place of concentration of the clan's protector spirits, the one time really existing ancestors and strong shamans, whose souls moved into the anthropomorphic sculptured figures — dolls. The strongest in the Tym area were generally believed to be the Lymbel and the Yisk "lozes" (evil spirits). In the Lymbel shed there were over 70 wooden sculptures ranging from 16 to 84 cm in height. Following the strict canon the sculptor carefully cut the T-shaped eyebrows, the wedge-like nose, the eye holes, and an outline of a mouth. Particular attention was paid to the head shaping — it had to be rounded or acute-angled. The body, legs and arms were less carefully finished. Most of the Lymbel images had acute-angled heads, and the Yisk ones — rounded. There were also some references to a seven headed "main Loz" Napas — a human scale iron forged figure.

Another type of anthropomorphic sculpture were dolls-replicas of the living people and the doll images of the deceased. According to the ethnographic materials for each member of a family there was always a doll-counterpart. According to the Selkup beliefs one of the human souls after some time spent in the body of a host person moved into a wooden anthropomorphic figure (5–30 cm). Dolls-counterparts accompanied a person throughout his or her life. Dolls of the ordinary people after the expiration of the mourning period were burned and thrown into the grave, or kept in the attic of a house. Images of the elders and respected males became protector-ancestors and were kept in a front corner of a house. Dolls of the deceased shamans were taken to the special dedicated places. On the Tym river in the vicinity of Kompas village.

Different treatment of "dolls" was demonstrated by the materials from two interments of the earth burial site of the 17th–18th centuries Bederovsky Bor II, where on the surface of one of the graves there were two tin face masks, and in another grave near the deceased head there was a lead plate "face", which was a face/head of a doll. The plates iconography was characteristic for the images of the deities and spirits pantheon of the Samody and the Finno-Ugric peoples.

Group 2. The anthropomorphic faces cut on trees. Among the Tym Selkups they were considered to be the images of protector-spirits of a certain category in the form faces cut in the tree trunks. They were found in ritual places on islands Vorozheny and Shamanny, moreover, it is known that on the latter the faces on cedar trees were cut by the representatives of the Kulev family (eagle clan). A pine tree with three faces was found in a ritual place of Kananak village near the sheds of the inter-clan ritual center on Poltu 3 lake, on

д. Кананак, возле амбарчиков межродового культового центра на озере Польшу 3, на берегу р. Усец и др. Есть сведения о том, что личины вырубали на деревьях шаманы и о том, что это делали в «нечистых» местах, где духи шамана караулили болезнь.

Аналоги антропоморфной скульптуре тымских селькупов известны у северных селькупов.

УДК 902.01

В. Д. ВИКТОРОВА

Викторова Валентина Дометьяновна — к.и.н.,
ИИиА УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: viktorova1108@yandex.ru

ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИКОНИЧЕСКИХ ЗНАКОВ

Ключевые слова: метод, методология, знак, иконография

Резюме. В публикациях уральских и западносибирских археологов используются различные критерии иконографической типологии, поэтому результаты работ чаще всего не сопоставимы. В тезисах даны методологические основания выделения критериев иконографической типологии иконических знаков.

Метод иконографической типологии был воспринят в XIX в. археологами первобытного общества из античной археологии, а археологи-античники в свою очередь опирались на работы искусствоведов. В конце XIX в. этот метод был успешно применен Д. Н. Анучиньим [1] для описания металлических птицевидных изображений Урала раннего железного века. В XX в. для анализа материалов с уральских культовых памятников к этому методу обращались Д. Н. Эдинг [2], В. Н. Чернецов [3], В. И. Мошинская [4].

В конце XX — начале XXI вв. метод иконографической типологии получил признание целого ряда археологов, анализирующих следы изобразительной деятельности населения древних эпох Урала. Он был применен при рассмотрении росписей Каповой и Игнatieвской пещер, наскальных изображений края [5], урало-сибирской каменной скульптуры [6], металлопластики [7; 8; 9; 10], и при этом каждый автор использовал свой критерий выделения типов.

Вместе с тем любой научный метод имеет свои основания концептуального плана. Поскольку речь пойдет о художественной деятельности, в основу методологии исследования будут положены два философских принципа — предметно-практической деятельности и отражения — специфики человеческого сознания.

the bank of the Usets river, etc. There is information that the faces were cut in the tree trunks by shamans, and that this was done in “unclean” places, where the shaman’s spirits kept watch for a disease.

The analogues of the anthropomorphic sculpture of the Tym Selkups were also found in the Northern Selkups materials.

V. D. VICTOROVA

Victorova Valentina Dometjanovna — PhD in History,
IH&A UB RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: viktorova1108@yandex.ru

ICONOGRAPHIC TYPOLOGY OF ICONIC SIGNS

Key words: methods, methodology, sign, iconography

Summary. The publications of the Ural and the West Siberian archaeologists are often relying on different iconographic typology criteria, therefore the results of the studies are frequently incompatible. The article describes the methodological bases for defining the iconographic typology criteria for the iconic signs.

The iconographic typology method was borrowed by the primitive societies archaeologists from the archeology of antiquity, and the antiquity archaeologists in their turn based their definitions on the art historians’ approaches. In the end of the 19th century this method was successfully applied by D. N. Anuchin [1] for the description of the early Iron Age metal ornitomorphic images of the Ural. In the 20th century this method was used for the analysis of the Ural’s ritual sites materials by D. N. Eding [2], V. N. Chernetsov [3], and V. I. Moshinskaya [4].

At the end of the 20th — beginning of the 21st century the iconographic typology method was recognized by a significant number of archaeologists analyzing the traces of artistic work of the ancient population of the Ural. It was applied in the study of Kapova and Ignatievskaya caves drawings, the rock art sites of the region [5], the Ural-Siberian rock sculpture [6], and metal plastics [7; 8; 9; 10], however, each author used their own types identification criteria.

At the same time any scientific analysis method has its own conceptual foundation. Since we are discussing the artistic activities our research methodology would be based on two philosophic principles — the substantive work and reflection — the specific features of human consciousness.

Опираясь на этот тезис, а также на работы предшествующих исследователей, рассмотрим возможный вариант анализа иконических знаков.

На первый взгляд, критерии типологии вещей и знаков совпадают: сущностные силы создателя, материал, технология, форма. Вместе с тем в иконографической типологии все эти характеристики существенно отличаются от вещных. В деятельности художника или мастера формообразование знаков, соединение знаков в тексты и включение их в мифологическую картину мира определялись общественной потребностью в обосновании мировидения — представлений об устройстве окружающего мира и организации конкретно-исторического социума. Эта потребность на основе ассоциативного мышления и свойственного первобытному мышлению антропоморфизма реализовалась через органический сплав сущностных сил — способностей, знаний, навыков и чувств художника или мастера.

Метод складывается из двух подходов — технологического и морфологического. Технология изображения знаков зависит от таких показателей, как вид изобразительной деятельности, материал, уровень развития технологии конкретного общества, способностей, навыков и мастерства создателей предметов искусства. Рисунки, гравировка и шлифование по камню на уральских памятниках наносились линейными, контурными и силуэтными (тонируемыми) приемами. Скульптура из различных материалов — камня, глины, кости и дерева — имела свои технические приемы обработки [6; 11; 12].

Для морфологического анализа иконических знаков выделено шесть основных критериев. Первый — выбор кодов знаковой системы: антропоморфного, зооморфного, орнитоморфного, природно-ландшафтного, растительного, вещного. Он определялся знаниями художника окружающей среды с учетом значимости определенных образов в мифо-ритуальных традициях своего общества.

Второй критерий — степень натурализации образа/знака — позволяет выделить фигуры реалистические и схематические. Выделение этого критерия зависело от способностей художника, его знания внешнего облика денотата.

С детальным знанием природы, а также в соответствии с первым и вторым критериями связана третья позиция типологии — характеристика деталей головы, тела, конечностей, крыльев, хвоста.

Закон первобытного мышления — тождество целого и его частей — диктовал четвертый критерий типологии — абрис фигуры, целое изображение или его часть.

Let us consider the possible approaches to the iconic signs analysis relying on this principle, as well as on the work of previous researchers.

At first sight the criteria for the typology of objects and signs are the same: the ontological powers of the creator, the material, the technique, and the form. At the same time in the iconographic typology all these characteristics are significantly different from the corporeal ones. In the work of an artist or an artisan the shaping of signs, the combination of signs to make a text, and their inclusion into the mythological picture of the world were determined by the public need to provide substantiation of the world vision — the understanding of the organization of the surrounding world and the particular historical society. Based on the associative thinking and the characteristic for the primitive mind anthropomorphism this need was manifested via the organic fusion of ontological powers — capabilities, knowledge, skills, and senses of an artist or an artisan.

The method is the combination of two approaches — the technological and the morphological ones. The technique of the signs representation is dependent on several factors, including the type of artistic activity, the material, the level of technological development of a particular society, the capabilities, skills and craftsmanship of the art objects creators. The drawings, engravings, and polished stone items found in the Ural sites were made with the use of linear, contour and silhouette (tinted) techniques. Sculptured works made from different materials — stone, clay, bone and wood — had their own finishing techniques [6; 11; 12].

For the morphological analysis of the iconic signs six main criteria were identified. The first was the selection of the sign system codes: anthropomorphic, zoomorphic, ornithomorphic, natural-landscape, floral, or corporeal. It was dependent on the artist's knowledge about the environment taking into account the importance of certain images in the mytho-ritual traditions of a given society.

The second criterion — the degree of naturalization of an image/sign — allowed distinguishing the realistic and the schematic figures. The identification of this criterion depended on the artist's capabilities, his knowledge of the outward appearance of the denotation.

The third position of the typology is related to the detailed knowledge of the object, as well as to the first and the second criteria — this is the characterization of details of the head, the body, the limbs, the wings, and the tail.

The laws of primitive thinking — the identity of the whole and its parts — dictated the fourth criterion of typology — the outlines of the figure, a whole image or its part.

В свою очередь значимость отдельных частей фигур в мифических представлениях древнего населения определяла деление пятого критерия — пропорции — на две позиции: пропорциональность и не пропорциональность фигуры (увеличение или уменьшение головы, живота, конечностей).

В основе шестого критерия — позы — лежат два закона знакообразования. В соответствии с законом симметрии и асимметрии и направления взгляда художника на денотат поза может быть анфасной, вид сверху или снизу, профильной, развернутой вправо или влево. Закон диалектики — соотношение движения и покоя — определял положение позы в статике (стоячая, сидячая, лежащая, свернутая) или динамике направлением вперед, вверх, вниз.

Для типологии индексных и символических знаков требуется корректировка обозначенных выше критериев или добавление новых.

Литература / References:

1. Анучин Д. Н. Из истории искусства и верований у Приуральской чуди // МАВГР. 1899. Т. 3.
2. Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. Из истории звериного стиля // Труды ГИМ. 1940. Вып. 10.
3. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала // САИ. 1971. Вып. В4–12.
4. Мошинская В. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
5. Широков В. Н., Чаиркин С. Е. Наскальные изображения Северного и Среднего Урала. Екатеринбург, 2011.
6. Ченченкова О. П. Каменная скульптура лесостепной Азии эпохи палеометалла III–I тыс. до н. э. Екатеринбург, 2004.
7. Оятева Е. И. К вопросу о методе изучения художественной металлической пластики Прикамья // Археологический сборник. СПб., 1995. № 32.
8. Федорова Н. В. Иконография медведя в бронзовой пластике Западной Сибири (железный век) // Медведь в древних и современных культурах Сибири. Новосибирск, 2000.
9. Королькова Е. Ф. Образы верблюдов и их развитие в искусстве ранних кочевников Евразии // Археологические памятники Оренбуржья. Оренбург, 1998.
10. Викторова В. Д. Почему на птицевидных изображениях появились личины // Уральский исторический вестник. 2002. № 8.
11. Семенов С. А. Развитие техники в каменном веке. Л., 1968.
12. Филиппов А. К. Происхождение изобразительного искусства. СПб., 1997.

УДК 392.544.2(571.121)«18/19»

Е. М. ГЛАВАЦКАЯ

Главацкая Елена Михайловна — д.и.н., УрФУ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

ПОЛИГАМНЫЕ СЕМЬИ ЯМАЛА: ЭТНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПО МАТЕРИАЛАМ КОНЦА XIX — НАЧАЛА XX в.

Ключевые слова: арктическая полигамия, многоженство, ревизские сказки, Ямал

Резюме. Доклад посвящен феномену полигамных семей на территории Ямала. В нем проанализированы сведения о полигамных семьях, содержащиеся

In its turn the importance of the individual parts of the figures in the mythological beliefs of the ancient people predetermined the split of the fifth criterion — proportion — into two parts: proportionality or disproportionality of a figure (enlargement or contraction of the head, belly, or limbs).

The sixth criterion — attitude — is based on two laws of the signs generation. In accordance with the law of symmetry and asymmetry and the direction of the artist's view of the denotation the attitude may be full face, view from above or below, in profile, turned to the right or to the left. The law of dialectics — the correlation of movement and rest determined the static attitude (standing, sitting, lying, or fold up), or dynamic — directed forward, up, or down.

The typology of indexed and symbolic signs will require certain correction of the above criteria or adding the new ones.

E. M. GLAVATSKAYA

Glavatskaya Elena Mikhailovna — Doctor of History, UrSU
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: elena.glavatskaya@urfu.ru

POLYGAMOUS FAMILIES OF THE YAMAL: ETHNO-STATISTICAL ANALYSIS BY THE MATERIALS OF THE END OF THE 19TH — BEGINNING OF THE 20TH CENTURY

Key words: Arctic polygamia, plural marriage, “revizskie skazki”, Yamal

Summary. The subject of the paper is the phenomenon of polygamous families in the territory of the Yamal. It analyses information about polygamous families from

в материалах фольклора, этнографических описаниях, материалах статистического учета конца XIX – начала XX вв.

Сведения о существовании полигамных семей на территории Ямала содержатся в материалах героического эпоса ненцев, которые описывают события до начала русской колонизации и могут быть датированы XIV–XV вв. Сбор жен по разным землям был одним из главных сюжетов героических сказаний ненцев, а многоженная семья свидетельствовала о высоком социальном статусе мужчины [1, с. 44]. Однако первые описания таких семей на основе личного наблюдения были сделаны российским этнографом Василием Зуевым [2, с. 60]. Он в качестве участника экспедиции Палласа провел полевые исследования среди остяков и самоедов в течение двух месяцев в 1771–1772 гг. Медик Франц Белявский, посетивший территорию в 1824 г., также поделился личными впечатлениями о встрече с самоедским старшиной, который имел трех жен [3, с. 127–128]. Сведения о полигамных браках у ненцев и хантов содержатся в экспедиционных материалах финского этнографа М. А. Кастрена, проводившего исследования в крае в 1845–1849 гг. [4]. Описание отдельных полигамных семей были сделаны участником ветеринарной экспедиции 1914 г. Тарасовым [5] и Владимиром Евладовым, проводившим несколько полевых сезонов в составе Ямальской экспедиции в 1928–1929 гг. [6]. Этнографические свидетельства при всей их колоритности не дают возможности представить степень распространения феномена полигамных семей на Ямале и их состава.

Легализация «язычества» народов Севера на уровне законодательства привела к сохранению не православных религиозных традиций на Ямале, что нашло отражение в официальных материалах статистического учета населения, в том числе в записях ревизских сказок. Несмотря на то что специальное исследование, посвященное феномену полигамии, пока не появилось, многие исследователи обращали на него внимание, приводя примеры состава некоторых семей [7; 8; 9]. Анализ материалов ревизских сказок позволит определить этнический и демографический состав полигамных семей, а также степень распространения феномена на территории Ямала (Обдорской волости) в XIX в.

Наиболее детальное описание полигамных семей зафиксировано в материалах Приполярной переписи 1926–1927 гг. Сведения о населении собирали участники Уральской экспедиции, заполняя, помимо обычной демографической карточки, несколько дополнительных формуляров, в которые вносились

the folklore, ethnographic descriptions, and the materials of statistical records of the end of the 19th – beginning of the 20th centuries.

The data about the existence of polygamous families in the territory of Yamal were present in the materials of the heroic sagas of the Nenets, which described the events of the beginning of the Russian colonization and could be dated as the 14th–15th centuries. Looking for wives in different lands was one of the main stories of the heroic tales of the Nenets, and the family with many wives was an evidence of the high social status of a man [1, p. 44]. However, the first descriptions of such families based on personal knowledge were made by the Russian ethnographer Vasily Zuev [2, p. 60]. As a member of Pallas's expedition he studied the Ostayks and the Samoyeds during the two months of 1771–1772. A medical doctor Franz Belyavsky, who visited the territory in 1824 also shared his personal impressions about his meeting with the Samoyed elder, who had three wives [3, p. 127–128]. Information about polygamous marriages among the Nenets and the Khanty was also present in the field materials of the Finnish ethnographer M. Kastren who visited the region in 1845–1849 [4]. The descriptions of individual polygamous families were made by a member of a veterinary expedition of 1914 Tarasov [5], and Vladimir Evladov, who spent several field seasons with the Yamal expedition in 1928–1929 [6]. The ethnographic evidences, notwithstanding their colorful nature, do not provide information about the commonness of the polygamous families phenomenon in the Yamal, nor give details about their composition.

Legalization of the northern people's "paganism" at a legislative level resulted in the preservation of non-Christian traditions in the Yamal region, which was reflected in the materials of statistical records of the population, including in the "revizskie skazki" (population census) records. Despite the fact that no dedicated research of the polygamia phenomenon has been published so far, many researches mentioned this phenomenon, providing examples of the composition of some families [7; 8; 9]. Analysis of "revizskie skazki" materials will allow determining the ethnic and the demographic composition of polygamous families, as well as the commonness of the phenomenon in the Yamal territory (the Obdorsk Volost) in the 19th century.

The most detailed description of polygamous families, was given in the materials of the Polar region census of the 1926–1927. The data about the population were collected by members of the Ural expedition who filled, in addition to the standard demographic cards, several supplementary forms, in which they registered

сведения о хозяйственных занятиях, имуществе, жилище, одежде [10; 11].

На основе анализа материалов Приполярной переписи — похозяйственных карточек, бюджетных бланков, карточек факторий и поселенных бланков было выявлено пять полигамных семей. Каждый из глав семьи имел по две жены. Все они занимались оленеводством, охотой и рыболовством и имели крупные стада. Средний размер семьи составлял 11,4 человек, что вдвое превышало среднестатистический по региону — 5,5 человек. При этом в полигамных семьях имелись взрослые холостые сыновья и братья, незамужние дочери. В этническом отношении это были остяк, самоеды, юрак и «осамоедившийся» русский. Все это позволяет предположить, что в основе полигамии на Ямале в конце XIX — начале XX вв. была хозяйственно-экономическая необходимость, которая осознавалась членами общества, готовыми идти на отказ от создания семьи.

Литература / References:

1. Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.
2. Зуев В. Ф. Материалы по этнографии Сибири XVIII в. (1771–1772). М.; Л., 1947. (Гр. Ин-та этнографии. Нов. сер. Т. 5).
3. Белявский Ф. Поездка к Ледовитому морю. М., 1833.
4. Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири в 1838–1844, 1845–1849 гг. СПб., 1860.
5. Тарасов В. Сообщение о поездке на полуостров Ямал с ветеринарной экспедицией С. И. Драчинского в 1913 г. // Ежегодник Тобольского губернского музея. Тобольск, 1915. № 24. С. 1–32.
6. Евладов В. П. В тундрах Ямала. Свердловск, 1930.
7. Хомич Л. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966.
8. Миненко Н. А. Северо-Западная Сибирь в XVIII — первой половине XIX в. Историко-этнографический очерк. Новосибирск, 1975.
9. Лёзова С. В. Сибирские ненцы в середине XIX века: диалог кочевников и чиновников // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. С. 191 — 208.
10. Glavatskaya E. Undaunted Courage: The Polar Census in the Obdor Region // The 1926/27 Soviet Polar census Expeditions. New York; Oxford, 2011. P. 97–117.
11. Главацкая Е. М., Боровик Ю. А. Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись 1926–1927 гг. Екатеринбург, 2013.

УДК 7.031.1(48)

Л. ДЖАНИК

Джаник Лилиана — Др., Кембриджский университет (Великобритания, Кембридж). E-mail: lj102@cam.ac.uk

СВЯЗУЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЛАНДШАФТЫ ПРОШЛОГО

Ключевые слова: Северо-восточная Скандинавия, ландшафт, наскальное искусство, события, окружающая среда, люди, животные, птицы, растения

Резюме. Одним из наиболее интересных аспектов Северного наскального искусства является возможность для нас увидеть концептуализацию прошлых

the data about economy, property, living conditions, clothes, etc. [10; 11].

Based on the analysis of the Polar region census materials — household cards, budget forms, factory cards and community records five polygamous families were identified. Each of such families heads had two wives. They were all engaged in reindeer herding, hunting and fishing, and had large deer herds. Average size of the family was 11.4 which was twice as high as the statistical average for the region — 5.5 persons. Moreover, in the polygamous families there were adult unmarried sons and brothers and unmarried daughters. In terms of ethnic compositions these were an Ostyak, the Samoyeds, a Yurak, and an “assimilated as a Samoyed” Russian. All this makes it possible to assume that the basis of polygamia in Yamal in the end of the 19th — beginning of the 20th century was the household-economic necessity, which was accepted by members of society who were willing to refuse to have their own family.

L. JANIK

Janik Liliana — Dr, University of Cambridge (UK, Cambridge). E-mail: lj102@cam.ac.uk

BINDIG RELATIONSHIPS: THE LANDSCAPES OF THE PAST

Key words: Northeastern Scandinavia, landscape, rock art, events, environment, peoples, animals, birds, plants

Summary. One of the most interesting aspects of Northern rock art is the way we can look at the conceptualisation of the past landscapes by prehistoric

ландшафтов доисторическими сообществами рыболовов-собираателей и их представителей, которые в процессе творчества отражали в наскальных изображениях тот мир, в котором они жили. В настоящей презентации я рассматриваю ландшафт как сеть взаимоотношений, связывающих события, действия и действующих лиц (людей, наземных и морских млекопитающих, рыб, птиц и растения) и, в то же время, ландшафт, как окружающую среду, в которую помещены эти отношения. В качестве иллюстраций используются примеры доисторических наскальных изображений из юго-восточной Скандинавии и Беломорья.

Подход. Прошлые и современные исследования среды обитания сообществ рыболовов-собираателей-охотников Севера концентрировались, в основном, на двух аспектах: во-первых, на способах освоения ландшафта; и, во-вторых, на способах установления и поддержания социальных связей. В настоящей презентации я предлагаю расширить такой подход, и рассмотреть некоторые черты жизни доисторических общин рыболовов-собираателей-охотников и той среды, в которой она проходила. В частности, я буду говорить о художественном отображении событий, действий и того окружения, в каком они происходили, а также действующих лиц этих событий: людей, наземных и морских млекопитающих, рыб, птиц и растений. Обращаясь к указанным чертам и связям между ними, я предлагаю культурную и символическую категоризацию доисторического ландшафта, как связующей сети событий, действий, среды и действующих лиц [1].

Рассматривая среду, в которой происходили действия и события, я провожу связь между каждым действующим лицом и каждой зоной окружающей среды, а также с тем, что было намеренно опущено доисторическими художниками, что, в свою очередь, предоставляет свидетельства о культурно обусловленном выборе в отношении того, что следует, и что не следует изображать. Посредством введения категории времени/хронологии в анализ изображений, я рассматриваю динамику процесса включения и исключения конкретных элементов среды, действий, событий и действующих лиц, как показатель сдвигов и изменений в динамике культурно взаимосвязанного выбора изобразительных тем в неолите и раннем бронзовом веке юго-восточной Скандинавии.

Изображение ландшафта в наскальных рисунках как выражение взаимосвязанных выборов, которые могли меняться со временем, может интерпретироваться с использованием конкретных теоретических концепций, основанных на представлении о ландшафте, как фоне, на котором разворачиваются события и осуществляются действия. Это указывает

fisher-gatherer communities and their members, who in the creative process of carving the rocks captured the world they inhabited. For the purpose of this presentation I will be looking at the landscape as a network of relationships that binds events, activities and actors (people, terrestrial and marine mammals, fish, birds and plants) and, at the same, the landscape as an environmental setting for those relationships. This will be illustrated by examples of prehistoric rock art from Southeastern Scandinavia and the White Sea region.

The approach. Past and contemporary research into fisher-gatherer-hunter landscapes of the North has been focused mainly on two aspects: first, the way the natural landscape has been utilised; and second, the way social networks were created and sustained. In this presentation I propose to widen such an approach and look at a number of features of prehistoric fisher-gatherer-hunters' lives and the settings in which they took place. In particular, I will focus on the artistic expression of events, activities and their setting, as well as the actors of those events; people, terrestrial and marine mammals, fish, birds and plants. By looking at the proposed features and the relationships between them, I will suggest the cultural and symbolic categorisation of the prehistoric landscape as a bound network of events, activities, setting and actors [1].

By looking at the settings for events and activities, I will be linking which actor is linked with each environmental zone, as well as what was intentionally omitted by prehistoric carvers of the rock art, which in turn provides evidence for culturally governed choices of what and what not to depict. By introducing the medium of time/chronology of carvings, I will look at the dynamic process of inclusion and exclusion of specific settings, activities, events and actors as an indication of shifts and alterations in cultural interconnected choices of what to depict in the Neolithic and Early Bronze Age of Southeastern Scandinavia.

Depictions of landscape in rock art as an expression of interlinked choices that may alter through time can be interpreted with the use of particular theoretical concepts around the idea of landscape as a setting for events and activities. This argues for understanding the landscape as an interlinked network of human-performed tasks. This theory creates a framework for understanding the relationships of those who are the actors in the network of links and dependences.

Theoretical concept. The first concept used here is Gibson's [2] idea of affordances: "The environment provides (affords) resources or supports that an animal (including human) may (or may not) use" [3, p. 154]. This can be understood as a not only as fish in the river but

на понимание ландшафта, как взаимосвязанной сети выполняемых человеком задач. Эта теория создает основу для понимания отношений между теми, кто является действующими лицами в сети взаимосвязей и зависимостей.

Теоретическая основа. Первая из использованных здесь концепций основана на идее Гибсона [2] об «аффордансе» (возможности действия): «Среда предоставляет (дает возможность использовать) ресурсы или поддержку, которыми живые существа (включая человека) могут воспользоваться (или не воспользоваться)» [3, p. 154]. Это может быть понято не просто как рыба в реке, но и как сама река, что в тексте настоящей презентации понимается как множество возможностей и фонов для событий и совершения действий.

Вторая концепция основана на идее «деятельного ландшафта» Инголда, по которой ландшафт состоит из хронологического сочетания «деятельностей» («taskscape»), как «модели оккупационных занятий» человека [4], как указания на события и действия, визуально отображенные в наскальном искусстве. Эта концепция тесно связана с ролью самого ландшафта, который является не просто фоном, но и действующей силой [5, p. 46]: «свойства реального окружения напрямую воспринимаются действующим лицом в контексте практического действия», или, иными словами, действия отдельного лица испытывают влияние/или служат ответом на конкретные черты или требования, обуславливающие существование в конкретной ландшафтной среде; в горах или на реках.

Третья концепция связывает между собой «аффорданс» и «деятельный ландшафт», вводя связующее звено, действующих лиц. Термин, предложенный для этого понятия Латуром, «акторно-сетевая теория», содержит элемент «артикуляторов» или «локализаторов» в качестве основы нашего понимания ландшафта как одновременно сети отношений и фона для таких отношений. Локализаторы/артикуляторы — это люди, наземные и морские млекопитающие, рыбы, птицы и растения, как живые и часто подвижные элементы ландшафта, наряду со средой, в которой они обитают: рекой, горами, или лесами, и т.п. Это именно те элементы, которые, по моему мнению, мы, как археологи, можем выделить как артикуляторов или локализаторов ландшафта в доисторическом искусстве [1].

Значение подхода. Поместив три эти концепции вместе во временной контекст наскального искусства Беломорского региона, датируемого периодом между VI и вплоть до IV тысячелетия до настоящего времени, я надеюсь показать богатство ландшафтов прошлого. Среда, действующие лица, события

the river itself, used in this presentation as a multitude of possibilities and setting for events and actions.

The second concept used here is Ingold's idea of "taskscape" where the landscape is a chronological blend of "taskscape" as "a pattern of dwelling activities" by humans [4], as indicators of the events and actions visualised in the rock art. This concept is closely linked with the agency of the landscape itself, which is not only setting but also agent [5, p. 46]: "properties of the real environment as directly perceived by an agent in the context of practical action", or in other words the action of an individual is influenced/or responds to particular features or requirements, to move in the specific setting of the landscape; mountain or rivers.

The third concept ties the affordances and taskscape together by adding the binding element, the actors. Latour's [6] term is "actor-network-theory" which contains the element of "articulators" or "localisers" as a focal point in our understanding of the landscape as a network of relationships and the setting of those relationships at the same time. The localisers/articulators are people, terrestrial and marine mammals, fish, birds and plants, as living and often mobile parts of the landscape alongside the setting in which they dwell: the river, the mountain or the woods etc. These are the elements I suggest we as archaeologists can distinguish as articulators or localisers of the landscape in prehistoric art [1].

Significance of the approach. By putting these three concepts together in the temporal context of the rock art of the White Sea, dated between the 6th and continuous into the 4th millennium BP, I hope to show the richness of the landscapes of the past. The settings, actors, events and actions captured in the rock art imagery provides us not only with new and innovative tools to interpret the prehistoric art in different parts of the world, but also allows us to access the complexity of the visual vocabulary used by prehistoric communities of the North.

и действия, отображенные в художественных образах, дают нам не просто новый и инновационный инструмент для интерпретации доисторического искусства в различных частях мира, но также дают нам возможность оценить всю сложность изобразительного словаря, использовавшегося доисторическим населением Севера.

Литература / References:

1. Janik L. Visual vocabulary of the landscape: environmental exploitation and Upper Palaeolithic art // *Living in the Landscape*. Cambridge, 2014. P. 137–146.
2. Gibson E. J. *Principles of Perceptual Learning and Development*. New York, 1969.
3. Heft H. Ecological Psychology in Context: James Gibson, Roger Barker, and the legacy of William James's radical empiricism // *Contemporary Psychology*. 2003. № 2. P. 149–180.
4. Ingold T. The temporality of the landscape // *World Archaeology*. 1993. № 25 (2). P. 152–174.
5. Ingold T. Perception of the environment // *Bush Base: Forest Farm — Culture, Environment and Development*. London, 1992. P. 39–56.
6. Latour B. *Reassembling the Social. Introduction to Actor-Network-Theory*. Oxford, 2005.

УДК 903.27(571.651):7.031.1

М. А. ДИКОВА

Дикова Маргарита Александровна — д.и.н., СВКНИИ ДВО РАН (Россия, Анадырь). Email: mdikova.37@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА ГРИБОВ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ ЧУКОТКИ

Ключевые слова: культ галлюциногенных грибов, монументальное искусство, мобильное искусство, охотничья магия, шаманизм

Резюме. В статье исследуются изображения грибов в древнем монументальном и мобильном искусстве Чукотки. Для анализа привлекаются тематически аналогичные материалы, подтверждающие существование в древности культа галлюциногенных грибов во всем мире.

В монументальном и мобильном искусстве древней Чукотки встречаются изображения грибов. Многократно повторяется сюжет с грибами и грибовидными антропоморфными фигурами среди Пегтымельских петроглифов [1]. Присутствует он и в древнем графическом искусстве Чукотки. На сланцевой плитке стоянки Раучувагыттын I изображения грибов составляют орнамент одной из композиций. Гриб мухомор изображен и на сланцевой плитке с западночукотской стоянки Тытыль V [2].

Исследователь Пегтымельских петроглифов Н. Н. Диков, опираясь на мнение советского миколога Б. В. Василькова [3] и учитывая иконографию пегтымельских рисунков, пришел к заключению, что на скалах изображены не съедобные грибы, которых

M. A. DIKOVA

Dikova Margarita Alexandrovna — Doctor of History, NEIRI FEB RAS (Russia, Anadyr). E-mail: mdikova.37@mail.ru

REPRESENTATION OF MUSHROOM CULT IN ANCIENT ART OF CHUKOTKA

Key words: mind-expanding mushrooms cult, monumental art, mobile art, hunters' magic, shamanism

Summary. The article studies mushroom images in the ancient monumental and mobile art of Chukotka. The analysis covers the study of the topically similar materials providing evidences of the existence in antiquity of the mind-expanding mushrooms cult throughout the world.

In the monumental and the mobile art of ancient Chukotka mushroom images were quite common. There were numerous repetitions of the motif with mushrooms and mushroom-like anthropomorphic figures in the Pegtymel petroglyph gallery [1]. It was also present in ancient art of Chukotka. On a slate plate from Rauchuvagytyyn I site the ornament of one of the compositions was made up of mushroom images. The fly-agaric mushroom was also represented on a slate plate from west Chukotka camp site Tytyl V [2].

The researcher of the Pegtymel petroglyphs N. N. Dikov referring to the opinion of a Soviet mycologist B. V. Vasilkov [3], and considering the iconography of the Pegtymel drawings came to a conclusion that the rock drawings represented not the edible mushrooms, which were not part

северные народы не употребляли, а ядовитые грибы-мухоморы с их галлюциногенными свойствами.

Изображения грибов характерно и для наскальной живописи Сибири. Образ гриба встречается в Забайкалье [4, табл. 14, 2–6, 9–12; 5, рис. 33, 3; 364, 7; 36], присутствует в петроглифах Средней Лены [6, табл. 91, 1; 98, 1; 142, 4], Ангары [7, табл. 104, 5; 168, 1], Монголии [8, табл. 149, 1–10; 9, табл. 92, 1, 108, 3; 10, с. 101].

Култ грибов был широко распространен в Африке и Южной Америке. Наиболее ярко он представлен в наскальной живописи Тассили – Аджера (горного плато в юго-восточной части Алжира). На фризе протяженностью 15 м изображены, помимо животных, мифические антропоморфные существа в стилизованных масках муфлонов и грибы [11, с. 384–385]. Исследователи относят это изображение к культуре «круглых голов» (VI тыс. до н. э.), что свидетельствует о раннем культе галлюциногенных грибов и использовании их в ритуально-религиозной практике шаманов [11].

Эзотерический култ гриба отмечен в древних традициях Мезоамерики: он существовал в горных районах от Мексики до Гватемалы и Сальвадора, но в отличие от североафриканских памятников нашел иное воплощение – грибы представлены скульптурными изображениями. Наиболее древние изваяния сочетают в себе два элемента: гриб и выступающее у основания ножки изображение человеческого лица, стилизованного животного, птицы или жабы. Датированы они древним доклассическим периодом (II тыс. до н. э.).

От традиционной интерпретации «каменных грибов» впервые отошел научный сотрудник Гарвардского ботанического музея Р. Г. Уоссон, распознав в грибовидных фигурах встречающиеся в природе галлюциногенные грибы и предположив существование у древних майя определенных культов, религиозных церемоний, в которых эти грибы использовались [12]. Он же предложил новое название психотропному грибу – «энтоген» (Бог, родившийся изнутри) и пришел к выводу о существовании культа гриба во всем мире, высказав предположение о зарождении этого культа в глубине далекого прошлого на территории Евразии [12].

В мифологических традициях и фольклоре Евразии и Америки можно выделить целый пласт представлений, связывающих грибы с такими природными явлениями, как молния, гром, гроза. В отдельных случаях связь гриба с молнией или громом отражена в самом его названии. В русском фольклоре гриб называли «громовик», у словен – «молнийный гриб», в китайском фольклоре – «гриб громового раската

of the Northern peoples diet, but the poisonous fly-agaric mushrooms with their hallucinogenic effect.

The mushroom images were characteristic for the rock art of Siberia. Mushroom images were found in Trans-Baikal area [4, table 14, 2–6, 9–12; 5, fig. 33, 3; 364, 7; 36], they were present in petroglyphs of the Middle Lena [6, table 91, 1; 98, 1; 142, 4], the Angara [7, table 104, 5; 168, 1], Mongolia [8, table 149, 1–10; 9, table 92, 1, 108, 3; 10, p. 101].

Mushroom cult was quite common in Africa and South America. Most vividly it was represented in the rock art of Tassili n’Ajer (a mountain plateau in the south-east part of Algeria). In a 15 m long frieze there were, alongside with the animal images, the images of mythological anthropomorphic creatures in the stylized moufflon masks and mushrooms [11, p. 384–385]. The researchers referred this image to the «round heads» culture (6th millennium BC), which evidenced the early existence of the mind-expanding mushrooms cult and their use in the ritual and religious practices by the shamans [11].

Manifestations of the esoteric mushroom cult were found in ancient traditions of Mesoamerica: it existed in the mountainous regions from Mexico to Guatemala and El Salvador, however unlike the North American sites it had different manifestation – there the mushrooms were represented in sculptures images. The oldest figures combined two elements in their form: a mushroom and the protruding at the base of a foot image of a human face, a stylized animal, a bird or a toad. They were dated as belonging to the ancient pre-classic period (2nd millennium BC).

The first to offer a new, non-traditional interpretation of “stone mushrooms” was a researcher from the Harvard Botanical Museum R. G. Wasson, who recognized in the mushroom-like figures the naturally occurring in wildlife hallucinogenic mushrooms and offered a hypothesis about the existence in the ancient Maya culture of certain cults, religious ceremonies, in which those mushrooms could have been used [12]. He also proposed a new name for the psychotropic mushroom – an “entogene” (a God born inside), and came to the conclusion about the existence of a mushroom cult throughout the world, suggesting that this cult could have originated in the remote past in the territory of Eurasia.

In mythological traditions and folklore of Eurasia and America it is possible to identify a whole group of notions relating mushrooms to such natural phenomena as thunder, lightning, and thunderstorm. In certain cases the relationship between a mushroom and a lightning or thunder was reflected in its very name. In the Russian folklore the mushroom was called “gromovik”

[13, с. 336]. Этому же кругу идей близка и символическая связь между жабой и грибом [14].

В мифологии многих народов мира отмечается и другой концептуальный подход к символике гриба, связанный, как полагают исследователи [14], с ассоциативным мышлением древнего человека, в представлении которого гриб воплощал в себе единство двух начал — мужского (ножка гриба — фаллос) и женского (плодовое тело гриба или шляпка — вульва) или воспринимался иногда в качестве мужского символа; в кетском мифе, например, грибы объясняются как захиревшие в лесу фаллосы [13, с. 335].

Психогенное свойство мухомора использовалось в прошлом многими народами мира в повседневном быту. Опьяняющие мухоморы употребляли чукчи, по религиозным представлениям которых эти грибы представляют собою «особое племя». В мифологии всех палеоазиатских народов мухоморы как источник наркотической ритуальной пищи играют большую роль [13, с. 275].

(thunder mushroom), the Slovenes called it “lightning mushroom”, in Chinese folklore it was a “thunder bolt mushroom” [13, p. 336]. To the same group of ideas belonged a symbolic link between a toad and a mushroom [14].

In the mythology of many peoples of the world there was a different conceptual approach to mushroom symbolism, related, according to some researchers [14], to the associative thinking of the ancient people, for whom a mushroom was a representation of the unity of two elements — the male (stipe — a phallus), and the female (mycothallus or cap — vulva), or was sometimes perceived as a male symbol; in a Ket myth, e. g., mushrooms were explained as the fallen into decay in the forest phalli [13, p. 335].

The psychogenic properties of fly-agaric were used in the past by many peoples of the world in their everyday life. Intoxicating fly-agaric was also used by Chukchi, according to whose religious ideas these mushrooms were a “special tribe”. In the mythology of Paleasian peoples the fly-agaric played a significant role as the source of narcotic ritual food [13, p. 275].

Литература / References:

1. Диков Н. Н. Наскальные загадки древней Чукотки. Петроглифы Пегтымея. М., 1971.
2. Кирьяк (Дикова) М. А. Загадочный мир древних граффити. Магадан, 2012.
3. Васильков Б. П. Очерки географического распространения шляпочных грибов в СССР. М.; Л., 1955.
4. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Забайкалья. Л., 1959. Ч. 1.
5. Тиваненко А. В. Древнее наскальное искусство Бурятии. Новосибирск, 1990.
6. Окладников А. П., Запорожская В. Д. Петроглифы Средней Лены. Л., 1972.
7. Окладников А. П. Неолитические памятники Нижней Ангары (от Серово до Братска). Новосибирск, 1976.
8. Окладников А. П. Петроглифы Центральной Азии. Л., 1980.
9. Окладников А. П. Петроглифы Монголии. Л., 1981.
10. Коваль П. В. Галерея наскального искусства в Хангае // Природа. 1980. № 2. С. 96–102.
11. Мириманов В. Б. Стилистическая эволюция наскальной живописи Сахары // Ранние формы искусства. М., 1972. С. 373–395.
12. Wasson R. G. Soma. Divine Mushroom of immortality. New York, 1968.
13. Мифы народов мира. М., 1987. Т. 1; 1988. Т. 2.
14. Heim R., Wasson R. Y. Les Champignons Hallucinogenes du Mexigus «Archives du Museum National d' Histoire Naturelle» Paris, 1958. Sept. Ser. Vol. 6.

УДК 903.27:7.031.1

**Е. Г. ДЭВЛЕТ, А. И. ФАХРИ, Е. С. ОСТРИРОВА,
Э. А. ГРЕШНИКОВ, А. С. ПАХУНОВ, УЛЬЯНОВ А. А.**

Дэвлет Екатерина Георгиевна — д.и.н.,
ИА РАН (Россия, Москва). E-mail: eketek@yandex.ru

Факри Амина Ильгизовна — ИА РАН
(Россия, Москва). E-mail: fakhri.amina@gmail.com

Острирова Елена Сергеевна — к.и.н.,
ИА РАН (Россия, Москва). E-mail: maraveriza@gmail.com

Грешников Эдуард Аркадьевич — НИЦ «Курчатовский
Институт». E-mail: levkon1963@yandex.ru

**E. G. DEVLET, A. I. FAKHRI, E. S. OSTRIROVA,
E. A. GRESHNIKOV, A. S. PAKHUNOV, A. A. ULYANOV**

Devlet Ekaterina Georgievna — Doctor of History,
IA RAS (Russia, Moscow) E-mail: eketek@yandex.ru

Fakhri Amina Ilgizovna — IA RAS (Russia, Moscow)
E-mail: fakhri.amina@gmail.com

Ostrirova Elena Sergejevna — PhD in History,
IA RAS (Russia, Moscow). E-mail: maraveriza@gmail.com

Greshnikov Eduard Arkadjevich — National Research Center
“Kurchatov Institute” E-mail: levkon1963@yandex.ru

Пахунов Александр Сергеевич — ИА РАН
(Россия, Москва). E-mail: science@pakhunov.com

Ульянов Александр Алексеевич — ИА РАН
(Россия, Москва). E-mail: UlyanovAA@iaran.ru

Pakhunov Aleksander Sergejevich — IA RAS
(Russia, Moscow) E-mail: science@pakhunov.com

Ulyanov Alexander Alekseevich — IA RAS
(Russia, Moscow) E-mail: UlyanovAA@iaran.ru

ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СПИСКЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО¹

Ключевые слова: наскальное искусство, ЮНЕСКО, Танум, Альта

Резюме. Представлен обзор проблем номинирования памятников наскального искусства Северной Евразии в Список всемирного наследия ЮНЕСКО и рассмотрен опыт скандинавских памятников Танума (Швеция) и Альта-фьорда (Норвегия).

Памятники наскального искусства занимают все большее место в Списке всемирного наследия ЮНЕСКО (<http://whc.unesco.org/en/list/>). Интегрированные в систему современных ценностей, структуру культурного туризма, символы и образы древних культур во многих странах мира являются мощным ресурсом исторической памяти, наиболее привлекательным с эстетической точки зрения и удобным для современного восприятия окном в мир древних культур. Из северных памятников наскального искусства в Списке ЮНЕСКО представлены с 1985 г. местонахождение Альта на севере Норвегии, а с 1994 г. петроглифы Танума в районе Богуслена на западе Швеции.

Скопления петроглифов Альта расположены на самом севере Норвегии в провинции Финнмарк, на прибрежных горизонтальных скальных выходах и плоскостях с небольшим наклоном. На пяти скоплениях насчитывается более 5 000 фигур, датированных началом VI/концом V — серединой I тыс. до н. э., даты петроглифов Альта-фьорда связаны с изменением уровня моря. Наскальные изображения Альты преимущественно выбитые, те, которые не были сильно эродированы, видны хорошо, поскольку выбивка достаточно глубокая. Среди петроглифов Альты встречаются зооморфные (северные олени, медведи) и антропоморфные фигуры, изображения рыб, лодок, рыболовных снастей, знаков и др. Примечательно наличие многофигурных сюжетных композиций, например сцен охоты, рыболовного промысла и пр.

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 15-01-00240а

ROCK ART SITES ON UNESCO WORLD CULTURAL HERITAGE LIST¹

Key words: rock art, UNESCO, Tanum, Alta

Summary. The paper presents a review of issues to be addressed for the purposes of nominating rock art sites for listing on UNESCO World Heritage list and a case study of two Scandinavian sites — Tanum (Sweden) and Altafjord (Norway).

Rock art sites are acquiring a growing prominence on UNESCO World Heritage list (<http://whc.unesco.org/en/list/>). The symbols and images of ancient cultures integrated into the system of modern values for many countries are important as a historical memory, the most attractive window for the modern mind into the world of ancient cultures. Two of the northern rock art regions — Alta in the north of Norway (since 1985), and Tanum petroglyphs in Bohuslän county in the west of Sweden (since 1994) — have been nominated for the UNESCO World Heritage list.

Rock art site in Alta are located in the far north of Norway in the Finnmark province, on the coastal horizontal and the slightly sloping rock surfaces. In the five locations there are over 5,000 figures dated as the beginning of the 6th/end of the 5th — the 1st millennium BC, the Altafjord petroglyphs dates are tied to the shoreline changes. The rock drawings of Alta were mostly carved, those which escaped severe erosion mostly visible, because the carving was sufficiently deep. In the Alta petroglyphs group there were zoomorphic (reindeer, bears), and anthropomorphic images, as well as images of boats, fishing nets, signs, etc. It is interesting to note the presence of multified narrative compositions, i.e. hunting and fishing scenes.

A significant cluster of rock art sites is the Tanum site in Bohuslän county (Sweden) demonstrated a long-standing tradition of petroglyph creation, the most important and numerous materials were related to the Bronze and the early Iron Ages. The petroglyphs were located on horizontal and sloping granite and basalt rock outcrops and boulders. The themes included numerous

¹ The study was performed with the financial support of the RHRG grant, project № 15-01-00240а

Значительный кластер памятников Танума в районе Богуслен (Швеция) демонстрирует долговременную традицию создания петроглифов, наиболее важные и многочисленные материалы связаны с эпохой бронзы и ранним железным веком. Петроглифы расположены на горизонтальных и наклонных скальных выходах и валунах, сложенных гранитами и базальтами. Среди мотивов многочисленны изображения лодок, зафиксированы разные антропоморфные фигуры: от небольших схематических до крупных, облаченных в доспехи персонажей с поножами и щитами, есть батальные сцены, зооморфные фигуры, множество знаков. В список ЮНЕСКО включены не только местонахождения петроглифов Богуслена, но и весь регион с его удивительной природой и историческими ландшафтами, и археологические объекты выступают лишь как компонент показа.

В настоящее время в список ЮНЕСКО включен 41 район наскального искусства, которые характеризуются исключительной иконографией изображений. С точки зрения опыта управления существенный интерес представляют история признания эстетической и культурно-исторической ценности, особенности стратегий и наработанный опыт системы сохранения, музефикации и показа. Для включения в список ЮНЕСКО необходимо провести на памятниках значительные охранные, консервационные и поляризационные мероприятия, поднять престиж памятников изобразительной деятельности в глазах общественности.

В Список всемирного наследия ЮНЕСКО памятники наскального искусства включались в следующей последовательности:

1. Меса Верде, США, культура, один из видов памятников (1978);
2. Валкамоника, Италия, культура, основной объект (1979);
3. Долина Везера, Франция, культура, один из видов памятников (1979);
4. Гран-Каньон, США, культура, один из видов памятников (1979);
5. Какаду, Австралия, смешанный, один из видов памятников (1981, 1987, 1992);
6. Тассилин Аджер, Алжир, культура, основной объект (1982);
7. Альта, Норвегия, культура, основной объект (1985);
8. пещера Альтамира, Испании (2008) + палеолитические пещеры Северной Испании, культура, основной объект (1985);
9. Тандрарт Акакюс, Ливия, культура, основной объект (1985);

boat drawings, there were also various anthropomorphic figures: from small schematic ones to the large, clad in armour personages with chausses and shields, there were also battle scenes, zoomorphic figures, and numerous signs. The UNESCO list covers besides the Bohuslan petroglyph sites also the whole region with its amazing nature and historical landscapes.

The UNESCO list in 2015 includes 41 rock art regions which are characterized by exceptional iconography of the images. Of a particular interest from the sites management perspective are the specific strategies of their preservation, recognition of their aesthetic and cultural-historical value, the accumulated experience of operation of the system of preservation and public awareness. In order to qualify for listing on the UNESCO list it is necessary to perform significant preservation and conservation actions on the sites, raise the rock art sites for the community and visitors.

Various rock art sites were added to the UNESCO World Heritage list in the following order:

1. Mesa Verde, USA, culture, type of site (1978);
2. Valcamonica, Italy, culture, main site (1979);
3. The Vezere Valley, France, culture, type of site (1979);
4. Gran Canon, USA, culture, type of site (1979);
5. Kakadu, Australia, mixed nomination, type of site (1981, 1987, 1992);
6. Tassili n'Ajjer, Algeria, culture, main site (1982);
7. Alta, Norway, culture, main site (1985);
8. Altamira, Spain, (2008) + Paleolithic caves in Northern Spain, culture, main site (1985);
9. Tadrart Acacus, Libya, culture, main site (1985);
10. Chaco, USA, culture, type of site (1987);
11. Uluru-Kata Tjuta, Australia, culture, mixed nomination, type of site (1987, from 1994 renomination);
12. Cliff of Bandiagara (Land of the Dogons), Mali, mixed nomination, type of site (1989);
13. Serra da Capivara, Brazil, culture, main site (1991);
14. Air and Ténéré, Niger, mixed nomination, type of site (1991);
15. Sierra de San Francisco, Mexico, culture, main site (1993);
16. Tanum, Sweden, culture, main site (1994);
17. Nasca and Pampas de Jumana, Peru, mixed nomination, type of site (1994);
18. Easter Island, Chile, culture, type of site (1995);
19. San-Agustin, Colombia, culture, type of site (1995);
20. Pyrenees, Spain, culture, main site (1998);
21. Fuerte de Samaipata, Bolivia, mixed, type of site (1998);
22. Côa Valley, Portugal, 2010 + Siega Verde, Spain, culture, trans-border nomination, main site (1998);

10. Чако, США, культура, один из видов памятников (1987);
11. Улуру Ката Гьюта, Австралия, культура, смешанная номинация, один из видов памятников (1987, с 1994 реноминация);
12. Нагорье Бандиагара (земля догонов), Мали, смешанная номинация, один из видов памятников (1989);
13. пещера Серра-да-Капивара, Бразилия, культура, основной объект (1991);
14. Аир и Тенере, Нигер, смешанная номинация, один из видов памятников (1991);
15. Сьерра-де-Сан-Франсиско, Мексика, культура, основной объект (1993);
16. Танум, Швеция, культура, основной объект (1994);
17. Наска и Пампас-де-Хумана, Перу, смешанный, один из видов памятников (1994);
18. остров Пасхи, Чили, культура, один из видов памятников (1995);
19. Сан-Агустин, Колумбия, культура, один из видов памятников (1995);
20. Пиренеи, Испания, культура, основной объект (1998);
21. Фуэрте-де-Самайпата, Боливия, смешанный, один из видов памятников (1998);
22. Долина Коа, Португалия, (2010) + Сьега Верде, Испания, культура, трансграничная номинация, основной объект (1998);
23. пещера Куэва-де-Лас-Манос, Аргентина, культура, основной объект (1999);
24. Дракенсберг, Южная Африка, (2013) + Малоти, Лесото, смешанный, трансграничная номинация, один из видов памятников (2000);
25. Исчигуаласто и Талампайя, Аргентина, смешанный, один из видов памятников (2000);
26. Цодило, Ботсвана, культура, основной объект (2001);
27. Бхимбетка, Индия, культура, основной объект (2003);
28. Мапунгубве, Южная Африка, культура, один из видов памятников (2003);
29. Матобо, Зимбабве, культура, один из видов памятников (2003);
30. Кебрада-де-Умауака, Аргентина, смешанный, один из видов памятников (2003);
31. Тамгалы, Казахстан, культура, один из видов памятников (2004);
32. Кондоа, Танзания, культура, основной объект (2006);
33. Чонгони, Малави, культура, основной объект (2006);
34. Твифелфонтейн, Намибия, культура, основной объект (2007);
23. Cueva de las Manos, Argentina, culture, main site (1999);
24. The Drakensberg, South Africa, 2013 + Maloti, Lesotho, mixed, trans-border nomination, type of site (2000);
25. Ischigualasto and Talampaya, Argentina, culture, type of site (2000);
26. Tsodilo, Botswana, culture, main site (2001);
27. The Bhimbetka, India, culture, main site (2003);
28. Mapungubwe, South Africa, culture, type of site (2003);
29. Matobo, Zimbabwe, culture, type of site (2003);
30. Quebrada de Humahuaca, Argentina, mixed, type of site (2003);
31. Tamgaly, Kazakhstan, culture, type of site (2004);
32. Kondoa, Tanzania, culture, main site (2006);
33. Chongoni, Malawi, culture, main site (2006);
34. Twyfelfontein, Namibia, culture, main site (2007);
35. Gobustan, Azerbaijan, culture, main site (2007);
36. Lope-Okanda, Gabon, mixed, type of site (2007);
37. Sulayman-Too, Kyrgyzstan, culture, type of site (2009);
38. Caves of Yagul and Mitla in the Central Valley of Oaxaca, culture, type of site (2010);
39. Mongolian Altai, Mongolia, main site (2011);
40. Wadi Rum, Jordan, mixed, type of site (2011);
41. Chauvet, France, culture, main site (2014).

In Russia there is a significant demand for the systematized, general knowledge about the existing practice of submitting information about the cultural heritage sites nominated for UNESCO World Heritage list, as well as tentative list, where two Russian sites – Shulgan-Tash (Капова Cave) in Bashkortostan, and Sikachi-Alyan in the Khabarovsk region are already included. Project № 15-01-00240 financed by the Russian foundation for humanities will focus on the systematization of information about historical and cultural importance, the specific features of the regional traditions reflected in the rock art sites on the UNESCO list, their chronology, technical and stylistic characteristics and problems related to the study and site's management.

35. Гобустан, Азербайджан, культура, основной объект (2007);

36. Лопе-Оканда, Габон, смешанный, один из видов памятников (2007);

37. Сулайман-Тоо, Кыргызстан, культура, один из видов памятников (2009);

38. пещеры Ягула и Митла, центральная долина Оахака, Мексика, культура, один из видов памятников (2010);

39. Монгольский Алтай, Монголия, культура, основной объект (2011);

40. Вади Рам, Иордания, смешанный, один из видов памятников (2011);

41. пещера Шове, Франция, культура, основной объект (2014).

В России существует значительная потребность в систематизированном, обобщенном знании о практике представления информации по объектам культурного наследия, номинируемым в Список мирового культурного наследия и в предварительный список ЮНЕСКО, включающий, в частности, два российских объекта — Шульган-Таш (Капова пещера) в Башкортостане и Сикачи-Алян в Хабаровском крае. При поддержке РГНФ начат проект по систематизации информации об историко-культурном значении, особенностях региональных традиций наскального искусства памятников из Списка ЮНЕСКО, их хронологии, технике и стилистических особенностях, исследовательских и общественных проблемах, связанных с изучением и использованием памятников.

УДК 903.27:7.031.1

В. С. ЖИТЕНЕВ

Житенев Владислав Сергеевич — к.и.н., МГУ (Россия, Москва). E-mail: macober@mail.ru

ФИГУРА ЗООАНТРОПОМОРФА ИЗ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ И ГИБРИДНЫЕ НАСТЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ФРАНКО-КАНТАБРИИ¹

Ключевые слова: верхний палеолит, Капова пещера, зооантропоморф

Резюме. В работе описывается единственное достоверное настенное изображение зооантропоморфной фигуры в Восточной Европе, находящееся в Каповой пещере (Южный Урал), а также проводится краткое сравнение с похожим типом гибридных фигур из

V. S. ZHITENEV

Zhitenev Vladislav Sergeevich — PhD in History, MSU (Russia, Moscow). E-mail: macober@mail.ru

ZOO-ANTHROPOMORPHIC IMAGE FROM KAPOVA CAVE AND THE HYBRID WALL DRAWINGS IN FRANCO-CANTABRIAN CAVE ART¹

Key words: upper Paleolithic, Kapova cave, zoo-anthropomorphic

Summary. The paper presents a description of the only positively confirmed wall drawing of a zoo-anthropomorphic figure in Eastern Europe from Kapova cave (Southern Ural), as well as a brief comparison with the similar type of hybrid images from the Franco-Cantabrian

¹ Исследования проводятся при поддержке РФФИ, проект № 13-06-0027

¹ The study was performed with the support of RFPF, project № 13-06-00277

Франко-Кантабрии. Основной вывод заключается в генетическом родстве зооантропоморфных образов Западной и Восточной Европы.

В искусстве верхнего палеолита одними из наиболее дискуссионных образов является тип фигур, сочетающих в себе признаки человека и животного/животных — зооантропоморфов. Наиболее емкие терминологические обозначения этих существ принадлежат А. Леруа-Гурану и З. А. Абрамовой — композитные (составные, комбинированные) или гибридные фигуры [1–4]. Основное достоинство данных определений заключается в том, что они не предполагают преобладание ведущих черт только человека или только животного по отношению к другим чертам.

На территории России единственное бесспорное палеолитическое пещерное изображение зооантропоморфа зафиксировано в Каповой пещере (Южный Урал, р. Белая), где в 1959 г. А. В. Рюминым были открыты настенные красочные изображения [5; 6]. С 1960 г. начались систематические археологические исследования, проводившиеся в разные годы О. Н. Бадером, В. Е. Щелинским, Т. И. Щербакковой, В. Г. Котовым, в настоящее время — В. С. Житеневым.

В результате работ О. Н. Бадера были обнаружены и расчищены от современных граффити и кальцитовых натечек настенные изображения в залах среднего (Купольный, Знаков, Хаоса) и верхнего (Рисунков) ярусов [5]. В пещере кроме единственного рисунка зооантропоморфа представлены зооморфные образы (мамонты, лошади, носорог, бизон) и геометрические знаки.

В 1973 г. сотрудники экспедиции О. Н. Бадера закончили расчистку двух фигур (размещенных одна над другой: верхняя — лошадь; нижняя — зооантропоморф), выявленных на восточной, самой дальней от входа на средний ярус, стене зала Хаоса. Высота расположения рисунков от современного уровня пола зала составляет от 3,3 до 3,8 м. О. Н. Бадер описывает обнаруженное изображение гибридного существа так: «Нижняя, антропоморфная фигура после дополнительной расчистки головы выглядит как фигура животного с коротким хвостиком и массивной головой. Задние ноги, относительно очень длинные, имеют выступающие вперед ступни, похожие на человеческие... Передние конечности описываемой фигуры не имеют этой особенности, а одна из них, лучше сохранившаяся, выглядит как двупалая. Поза фигуры с приподнятой передней частью туловища и передними конечностями, так же как строение последних и короткий хвостик, не

region. The author arrived at a conclusion that there was a genetic kinship between the zoo-anthropomorphic images in Western and Eastern Europe.

In the upper Paleolithic art the most debated images were the ones combining the attributes of a human and an animal/animals — the zoo-anthropomorphic figures. The most succinct terminological definitions of these creatures belong to A. Leroi-Gourhan and Z. A. Abramova — composite (compound, combined) or hybrid figures [1–4]. The advantage of these definitions is the fact that they do not imply domination of the main features of a human or an animal with regard to the other features.

In the territory of Russia the only undisputed cave image of a zoo-anthropomorphic figure was found in the Kapova cave (Southern Ural, the Belaya river), where A. V. Ryumin discovered colorful wall images in 1959 [5; 6]. Beginning from 1960 there were systemic archaeological studies performed in different years by O. N. Bader, V. E. Shchelinsky, T. I. Shcherbakova, V. G. Kotov, and currently by V. S. Zhitenev.

As a result of the works by O. N. Bader wall images in the middle (Dome Chamber, Chamber of Signs, Chamber of Chaos) and the upper (the Painted Chamber) levels were discovered and cleared from modern graffiti and calcite incrustation [5]. In addition to the sole zoo-anthropomorphic figure the cave walls were also covered with zoomorphic images (mammoth, horses, a rhinoceros, a bison) and geometric signs.

In 1973 members of the O. N. Bader's expedition completed clearing of two figures (placed one over another: the upper was a horse, and the lower — a zoo-anthropomorphic figure) discovered on the eastern, the furthest from the entrance into the middle level wall of the Chamber of Chaos. The height of the images position above the modern floor level was from 3.3 to 3.8 m. O. N. Bader described the discovered image of a hybrid creature as follows: "The lower, anthropomorphic figure after additional clearing of the head looked as a figure of an animal with a short tail and a massive head. The hind legs were relatively too long with protruding feet resembling human feet... The front limbs of the described figure did not have this attribute, and one of them, the better preserved one, looked like a two-finger limb. The pose of the figure with the raised front part of the body and the front limbs, as well as the form of the latter, and a very short tail, did not match the figures of oxen, horses, or deer. The round head did not have a protruding muzzle, which, together with the too long legs prevented seeing in the drawing a figure of a bear, despite the very short tail. Apparently what

соответствуют фигурам быков, лошадей или оленей. Круглая голова не имеет выступающей морды, что вместе с очень длинными ногами мешает видеть в рисунке фигуру медведя, несмотря на короткий хвост. Видимо, перед нами здесь фантастическая фигура человека-зверя...» [8, с. 22–23].

По всей видимости, изображение головы и одной из рук зооантропоморфа сохранилось не полностью либо из-за утраты части кальцитово-кварцевой коры, на которую был нанесен рисунок, либо из-за несовершенной расчистки. Вероятно, представленное гибридное существо имело первоначально не округлую голову, а наклоненную вниз подтреугольную. В связи с этим особое внимание следует уделить хорошо видимой линии, идущей вниз от условной нижней челюсти. Особенности прорисовки удовлетворительно сохранившейся кисти руки не имеет (на сегодняшний день) аналогий в художественной проработке копыт животных из пещеры. Следует отметить и хвост, который представлен крайне короткой линией. Изображение коротких хвостов можно увидеть в Каповой пещере только у некоторых фигур мамонтов, носорога и бизона, но и на этих рисунках хвосты пропорционально длиннее, чем это показано у зооантропоморфа.

Зооантропоморф из Каповой пещеры имеет явные общие иконографические (типологические признаки/схемы) параллели с изображениями похожих гибридных существ из Франко-Кантабрийской области развития палеолитического искусства [1–4; 9; 10]. Основные аргументы, позволяющие сделать подобные выводы, следующие. Форма головы: изображенная анфас, подтреугольная. Положение туловища: твердая опора на ноги, т.е. бипедия, несмотря на значительный наклон вперед. Положение рук: у большей части зооантропоморфов руки согнуты в локтях и направлены вперед. Изображение ног: часто не имеют аналогов среди изображаемых лап животных. Выраженный знак пола: как и у многих франко-кантабрийских изображений, не выделен. Хвост: обозначен.

Определить элементы конкретных родов/видов животных в изображении рассмотренного образа не представляется на сегодняшний день возможным, как и на многих франко-кантабрийских рисунках и гравировках.

Исходя из изложенного выше, есть все основания утверждать, что фигура зооантропоморфа из Каповой пещеры является прямой аналогией гибридным существам из памятников Франко-Кантабрии, что еще раз подтверждает генетическую связь художественных ансамблей пещер Западной и Восточной Европы.

Литература / References:

1. Leroi-Gourhan A. Préhistoire de l'art occidental. Paris, 1971.

we saw there was a fantastic figure of a man-animal...» [8, p. 22–23].

In all probability the image of the head and one of the hands of this zoo-anthropomorphic figure were not completely preserved either because of the loss of part of calcite incrustation, on which the drawing was made, or because of the clearing defects. It is probable that the hybrid creature in the drawing initially had a head, which was not round, but slightly turned down and sub-triangle in shape. In this connection a particular importance must be paid to a clearly visible line going down from the conventional lower jaw. The specific draftsmanship features of a satisfactorily preserved hand did not have (as of today) any analogues in the artistic technique of the animal hoofs drawings from the cave. The tail, which was indicated by an extremely short line, should also be noted. Short tail drawings could be seen in the Kapova cave only in some of the mammoth, rhinoceros, and bison figures, however, even in those drawings the tails were proportionally longer than in the zoo-anthropomorphic figure.

The zoo-anthropomorphic figure from Kapova cave had clear common iconographic (typological attributes/patterns) parallels with the images of similar creatures from the Franco-Cantabrian region of the Paleolithic rock art [1–4; 9; 10]. Main arguments in favor of this conclusion may be summed up as follows: Head shape: full face representation, sub-triangular. Position of the body: firmly standing on feet, i. e. bipedia, despite a significant bent forward. Arms position: in most of the zoo-anthropomorphic images the arms were shown as bent in elbows and projecting forward. Legs images: often did not have analogues among the animal legs representations. Explicit gender indication: like in many of the Franco-Cantabrian images was not indicated. Tail: indicated.

As of today it does not seem possible to identify specific types/species of animals in the studied image, as is also true with regard to many of the Franco-Cantabrian rock art images.

Based on the above there are good reasons to believe that the zoo-anthropomorphic figure from the Kapova cave is a direct analogue to the hybrid creatures images from the Franco-Cantabrian rock art sites, which is another confirmation of a genetic kinship between the artistic assemblages from the caves of Western and Eastern Europe.

2. Leroi-Gourhan A. Les Entités imaginaires. Esquisse d'une recherche sur les monstres pariétaux paléolithiques // Dans Homenaje al Prof. Martin Almagro Basch. Madrid, 1983–1984. P. 251–263.
3. Абрамова З. А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.; Л., 1966.
4. Абрамова З. А. Животное и человек в палеолитическом искусстве Европы. СПб., 2005.
5. Бадер О. Н. Каповая пещера. Палеолитическая живопись. М., 1965.
6. Щелинский В. Е. Некоторые итоги и задачи исследований пещеры Шульган-Таш (Каповой). Уфа, 1996.
7. Scelinsky V. E., Sirokov V. N. Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka. Die altsteinzeitlichen Bildhohlen im sudlichen Ural. Sigmaringen, 1999.
8. Бадер О. Н. Отчет об археологических исследованиях северной палеолитической экспедиции Института археологии АН СССР в 1973 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9591.
9. Duhard J.-R. Les Humains ithyphalliques dans l'art paléolithique // Bulletin de la Société Préhistorique de l'Ariège. 1992. T. XLVII. P. 133–159.
10. Tymula S. Figures composites de l'art paléolithique européen // Paléo. 1995. № 7. P. 211–248.

УДК 903.26 «6347/637»

Е. Д. КАВЕРЗНЕВА, Е. А. КАШИНА

Каверзнева Елена Дмитриевна — ГИМ
(Россия, Москва). E-mail: ekaverzneva@mail.ru

Кашина Екатерина Александровна — к.и.н., ГИМ
(Россия, Москва). E-mail: eakashina@mail.ru

E. D. KAVERZNEVA, E. A. KASHINA

Kaverzneva Elena Dmitrievna — SHM
(Russia, Moscow). E-mail: ekaverzneva@mail.ru

Kashina Ekaterina Alexandrovna — PhD in History,
SHM (Russia, Moscow). E-mail: eakashina@mail.ru

СКУЛЬПТУРЫ И КОСТИ ПТИЦ В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ ФИНАЛА КАМЕННОГО — СЕРЕДИНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА

Ключевые слова: каменный век, бронзовый век, охотники-собиратели, скульптура, кости птиц, ритуал

Резюме. Материалы ряда погребений каменного и бронзового века Северо-Востока Европы свидетельствуют о том, что возможное почитание разных видов птиц в качестве тотемов выражалось не только в ношении скульптурных подвесок-нашивок, но и в использовании оперенных элементов птичьих крыльев, по-видимому, как деталей костюма, отражающих принадлежность владельца к определенной родовой группе.

Почитание птиц зафиксировано в материальной культуре охотников-собирателей-рыболовов лесной зоны Северо-Востока Европы как в контексте петроглифов и искусства малых форм, так и в погребальном ритуале (находки в мезолитических погребениях необработанных костей птиц в Германии, Франции, Польши, Дании, Швеции, Латвии, Эстонии, Карелии) [1–3]. На территории лесной зоны Восточной Европы в финале каменного века образ птицы в искусстве малых форм представлен разнообразно [4]. Анализ всех зооморфных скульптур-подвесок позволил предположить, что они были связаны с тотемистическими представлениями, так как ряд сюжетных

SCULPTURED BIRDS' IMAGES AND BONES IN RITUAL PRACTICES OF THE EUROPEAN NORTH-EAST POPULATION IN THE FINAL STONE AGE — MIDDLE OF THE BRONZE AGE PERIOD

Key Words: Stone Age, Bronze Age, hunters-gatherers, sculpture, birds' bones, ritual

Summary. Materials from a number of Stone and Bronze Age burial grounds of the North-East of Europe gave evidence that the possible totemic birds worship could be manifested, in addition to the wearing of sculptured sewn-on pendants, also in the use of feathered bird's wings elements, apparently as costume detail reflecting the owner's belonging to a particular family clan.

Birds' worship cult was registered in the material culture of hunters-gatherers-fishermen in the forest zone of the North-East of Europe both within rock art and minor art forms context, as well as in the funeral rites (the finds in the Mesolithic interments of untreated birds' bones in Germany, France, Poland, Denmark, Sweden, Latvia, Estonia, Karelia) [1–3]. In the territory of the forest zone of Eastern Europe in the final Stone Age birds images were widely represented with minor arts items [4]. Analysis of all zoomorphic sculptured pendants gave reasons to assume that they were related to totemic beliefs, since a number of motif groups (snake, fish, birds of various species) were distributed across specific river basins. A significant number of finds, their

групп (змея, рыба, птицы разных пород) распределен по конкретным бассейнам рек. Значительное количество находок, заполированность, а также следы ремонта креплений, позволяют предполагать, что каждый человек носил эти вещи на себе при жизни и они могли отражать его принадлежность к определенному клану/роду [5, с. 39–40].

В этой работе в центре внимания будет находиться такая категория скульптур птиц как подвески-нашивки, которые происходят с территории России, Латвии, Эстонии, Республики Беларусь (142 экземпляра). Они сделаны из кости (105 экземпляров), кремня (30 экземпляров), янтаря (7 экземпляров). Костяные крепились с помощью отверстий или насечек, янтарные — только отверстий, кремневые — парных выемок или же не имеют очевидных приспособлений для крепления. Предметы найдены чаще всего в слоях поселений, в жилищах, редко в погребениях и кладах, относятся к культурам балтийской гребенчато-ямочной керамики (кость и янтарь, около 4000–3000 BC cal), северо-белорусской/усвятской (кость, около 3000–2000 BC cal), волосовской (кость, 3500–2700 BC cal), асбестовой керамики Карелии (кремень, 3300–3000 BC cal), «над-волосовским» слоям эпохи ранней — средней бронзы (кремень, предположительно, 3000–2000 BC cal).

Морфологически все подвески, изображающие птиц, можно подразделить на полнофигурные и парциальные (изображающие только голову на стерженьке), последние характерны исключительно для волосовских памятников Волго-Окского междуречья [4]. Представлены различные породы птиц, преимущественно, водоплавающие и глухарь (особенно много в Волго-Окском междуречье), хищные птицы отсутствуют.

На волосовских поселениях Шагара II и Великоворье I в придонной части ряда жилищ были найдены совместно подвески-нашивки, изображающие разные виды птиц. Возможно, это указывает на то, что в одном доме проживали члены разных родов, объединенные браками. Вероятно, скульптуры не были потеряны, а выбрасывались намеренно по неясной нам причине.

Возвращаясь к вопросу о намеренном помещении в погребения необработанных костей птиц, отметим, что их находки совместно с подвесками-нашивками крайне редки, известно всего два случая (могильник Тамула, Эстония, погребения VII, XIV) [6].

В Центральной России погребения со скульптурой практически отсутствуют [7]. Обратимся к материалам Шагарского могильника в Рязанской области, которые относятся к двум последовательным периодам — волосовскому (предположительно 3500–2700 BC cal) и шагарскому (около 2700–2000 BC

polished surfaces, as well as traces of fixture repairs suggested that the people were wearing these items during their lifetime, and they could have reflected their belonging to a particular family/clan [5, с. 39–40].

This work is focused on a particular category of birds' sculptured images — the sewn-on pendants originating from the territory of Russia, Latvia, Estonia, and the Republic of Belarus (142 pieces). They were made from bone (105 pieces), flint (30 pieces) and amber (7 pieces). The bone items were fixed with the help of holes or notches, the amber ones — only holes, and the flint ones — with the help of paired indentations, or lacked any apparent fixture devices. Most often the items were found in the settlement levels, in the houses, less often in interments and hoards, belonged to the Baltic comb-pit ceramics culture (bone and amber, c. 4,000–3,000 BC cal), North Belorussian/Usvyaty culture (bone, c. 3,500–2,700 BC cal), Volosovo (bone, 3500–2700 BC cal), asbestos ceramics of Karelia (flint, 3,300–3,000 BC cal), and the “over Volosovo” levels of the early-middle Bronze Age (flint, presumably 3,000–2,000 BC cal).

Morphologically all bird-shaped pendants could be divided into the full-figure and partial (representing only a head on a small rod) items groups, the latter were characteristic exclusively for the Volosov sites of the Volga-Oka interfluvium [4]. Various birds species were represented, predominantly the waterfowl and capercaillie (particularly numerous in the Volga-Oka interfluvium), with a marked absence of birds of prey.

On Volosovo settlements Shagara II and Velikovorje I in the near bottom part of a number of houses there were synchronous finds of sewn-on pendants representing different birds species. It is possible that this indicated that members of different intermarried clans lived in the same house. Apparently the sculptured images were not lost, but were thrown away intentionally for the yet unknown to us reason.

Getting back to the issue of intentional placing of untreated birds bones into the interments it should be noted, that their presence alongside with sewn-on pendants was extremely rare, we are aware of only two instances (the burial ground Tamula, Estonia, interments VII, XIV) [6].

In the Central Russia there are practically no interments with sculptured items [7]. Let us consider the materials from the Shagara burial ground in the Ryazan region which belonged to the two successive periods — the Volosovo (presumably 3,500–2,700 BC cal) and the Shagara (c. 2,700–2,000 BC cal), which differed in their ceramic traditions, in a significant number of bronze items, the Shagara tradition of placing a vessel into an interment and burying their dead in extended position, as well as in anthropological differences between

cal), которые различаются в керамических традициях, в большем количестве бронзовых изделий, в традиции шагарцев ставить сосуд в погребение и хоронить умерших в вытянутой позиции, в антропологических различиях волосовской и шагарской остеологических серий [8, 9]. Коллективные погребения известны в обеих культурах. Три погребения привлекли особое внимание.

1. № 18 — волосовской культуры, в материке, коллективное, дата — 3950–3500 BC cal (ГИН-5451), мужчина, две женщины и трое детей [10, с. 153–156], рядом с бедром мужского костяка — компактное скопление из десяти подвесок из зубов животных и двух скульптур птиц (головки особи отряда гусеобразных и цапли (?)).

2. № 13 — шагарской культуры, в культурном слое, женское; перекрывало, но не доходило до № 18. Дата 2300–2030 BC cal (ГИН-5455). Помимо прочего инвентаря имелось две парных кости сагrometacarpus (пряжки) на груди [10, с. 153], возможно, от серого гуся.

3. № 93–93 а — шагарской культуры, в культурном слое, молодой мужчина (в составе коллективного погребения, включавшего трех взрослых и одного ребенка). Две парных кости сагrometacarpus (пряжки) найдены лежащими параллельно под тазовыми костями [11, с. 63], возможно, от лебедя-кликлуна. (Определения выполнены к.б.н. П.А. Косинцевым (ИЭРЖ УрО РАН), за что авторы выражают ему свою искреннюю признательность).

Отсутствие каких-либо данных о находках необработанных костей птиц в волосовских погребениях Волго-Очья, наличие необработанных парных костей-пряжек крупных водоплавающих птиц в обеих шагарских погребениях в сходном контексте и тот факт, что погребение 13 перекрывает погребение 18, указывают на следующее:

1. на поселениях у оз. Шагара на протяжении примерно 1000 лет население, вероятно, почитало в качестве тотемных животных крупных водоплавающих птиц в рамках двух хронологически последовательных культурных традиций — волосовской и шагарской;

2. произошла смена традиции ношения подвесок-нашивок в виде птиц на возможное нашивание на костюм (спереди или сзади) частей птичьих крыльев с красивыми длинными маховыми перьями;

3. символическое значение определенных пород птиц, вероятно, оставалось неизменным.

Широко распространенное в культурах охотников-сборщиков от Скандинавии до Средней Волги восприятие образа птицы в качестве тотема дополнялось символикой парности, выражавшейся в повседневном ношении подвесок-нашивок, а также в погребальном обряде. В Шагарском

the Volosovo and the Shagara osteological series [8, 9]. Collective burials were practiced in both cultures. Three interments were of a particular interest.

1. № 18 — of the Volosovo culture, in native soil, collective, date — 3,950–3,500 BC cal (GIN-5451), man, two women and three children [10, p. 153–156], near the man's bones thighs there was a compact concentration of ten pendants made from animal teeth and two sculptured bird images (heads of an anseriformes representative and a heron (?)).

2. № 13 — of the Shagara culture, in the cultural level, female; capped but did not reach № 18. Date 2,300–2,030 BC cal (GIN-5455). In addition to other grave goods there were two paired carpometacarpal bones on a breast [10, c. 153], possibly, from a gray goose.

3. № 93–93a — of the Shagara culture, in the cultural level, young man (as part of a collective burial including three adults and one child). Two paired carpometacarpal bones were found lying parallel to each other under the pelvis [11, p. 63], possibly from a whooper swan. (The definitions were performed by P. A. Kosintsev (Institute of Plant and Animal Ecology, UB RAS), for which the authors extend their sincere gratitude).

The lack of any data on the finds of untreated birds' bones in the Volosovo interments of the Volga-Oka region, the presence of untreated paired bone-clasps from large waterfowl bones in both Shagara interments in a similar context, and the fact that interment № 13 capped interment № 18 pointed to the following:

1. the population of the Shagara lake settlements had, probably, for about 1,000 years worshiped large waterfowl as their totem birds within the context of two chronologically successive traditions — the Volosovo and the Shagara ones;

2. there was a change of tradition from wearing sewn-on bird-shaped pendants to the possible sewing on the costume (in front or back) of parts of birds' wings with beautiful long flight feathers;

3. a symbolic meaning of particular birds' species stayed, apparently, unchanged.

The quite common in the hunters-gatherers' cultures from Scandinavia to the Middle Volga perception of a bird image as a totem was complemented by a pairing symbolism manifested in everyday life in wearing sewn-on pendants, as well as in the funeral ritual. In the Shagara burial ground there were two sculptured bird images in interment 18, paired grey goose and whooper swan bone (carpometacarpus) in interments 13 and 93–93 a. In Tamula burial ground (Estonia) — paired sculptured waterfowl images in male interment XIX [6]. In Zveiniki burial ground (Latvia) — paired sculptured bird images on the neck in male interment 228 [12]. In a burial ground on Ajvide

могильнике — две скульптуры птиц в погребении 18, парные кости-пряжки (*carpometacarpus*) серого гуся и лебедя-кликуна в погребениях 13 и 93–93 а. В могильнике Тамула (Эстония) — парные скульптуры водоплавающих птиц в мужском погребении XIX [6]. В могильнике Звейниеки (Латвия) — парные скульптуры птиц на шее в мужском погребении 228 [12]. В могильнике на поселении Айвиде (о. Готланд) — четыре случая находок пронизок из парных птичьих костей в погребениях [1].

Мотив парных водоплавающих птиц, вероятно, изображавших самца и самку, представлен на Онежских петроглифах, встречается на Беломорских петроглифах и писаницах Финляндии [13, с. 46–48]. Все приведенные выше данные свидетельствуют о значимости и постоянстве парных птичьих образов в мировоззрении охотников и собирателей Северо-Востока Европы.

Литература / References:

1. Mannermaa K. Birds and burials at Ajvide (Gotland, Sweden) and Zvejnieki (Latvia) about 8000–3900 BP // *Journal of Anthropological Archaeology*. 27 (2008). 201–225.
2. Маннермаа К., Пантелеев А. В., Саблин М. В. Птицы в мезолитических и неолитических погребениях Северной Европы. Что говорят эти находки о людях и среде их обитания? // *Хронология, периодизация и кросс-культурные связи в каменном веке. Замятинский сборник*. 1. СПб., 2008. 174–188.
3. Grünberg J. M. Animals in Mesolithic Burials in Europe // *Anthropozoologica*. 48 (2). 231–253.
4. Жульников А. М., Кашина Е. А. Образ птицы в искусстве неолита-энеолита лесной зоны Восточной Европы // *РА*. 2010. № 2. С. 5–17.
5. Кашина Е. А. К проблеме изучения обменных и брачно-родственных связей в неолите-энеолите лесной зоны Восточной Европы и Финляндии // *Образы времени: из истории древнего искусства*. М., 2012. (Труды ГИМ. Вып. 189). С. 35–41.
6. Jaanits L. Neue Gräberfunde auf dem spätneolithischen Wohnplatz Tamula in Estland // *Finska Fornminnesforeningens Tidskrift*. 58. Helsingfors, 1957. 80–100.
7. Уткин А. В., Костылева Е. Л. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. М., 2010.
8. Казарницкий А. А. Новые краниологические материалы из Шагарского могильника // *Радловский сборник*. СПб., 2008. С. 193–200.
9. Казарницкий А. А. Остеологические материалы из Шагарского могильника // *Радловский сборник*. СПб., 2009. С. 92–96.
10. Каверзнева Е. Д. Шагарский могильник конца III — начала II тысячелетия до н. э. в Центральной Мещере // *РА*. 1992. № 3. С. 147–159.
11. Каверзнева Е. Д. Погребение с ладьей-колыбелью из Шагарского могильника эпохи бронзы // *Образы времени: из истории древнего искусства*. М., 2012. (Труды ГИМ. Вып. 189). С. 57–63.
12. Zagorskis F. *Zvejnieki akmens laikmeta kapulauks*. Riga, 1987.
13. Жульников А. М. Петроглифы Карелии. Образ мира и миры образов. Петрозаводск, 2009.

settlement (Gotland Island) — four instances of hollow pendants finds made from paired birds' bones in interments [1].

The paired waterfowl motif, which, probably, represented a male and a female, could be found in the Onga petroglyphs, White Sea petroglyphs, and the rock paintings of Finland [13, с. 46–48]. All these data gave evidence of the importance and the permanence of the paired bird images presence in the world views of hunter and gatherers of the North-East of Europe.

УДК 73.05(520)

С. КАНЕР

Саймон Канер — Др., Институт изучения японского искусства и культуры Сэйнсбери (Великобритания, Сэйнсбери). E-mail: s.kaner@sainsbury-institute.org

К ВОПРОСУ О ДОИСТОРИЧЕСКИХ СТАТУЭТКАХ: ПОЧЕМУ ИХ ТАК МНОГО В ЯПОНИИ И ТАК МАЛО В ДРУГИХ МЕСТАХ?

Ключевые слова: древняя Япония, керамические статуэтки, Британский музей в Лондоне

Резюме. В работе представлены результаты исследования, проведенного в рамках подготовки двух выставок, относящихся к доисторическим фигуркам: «Сила догу: керамические статуэтки из древней Японии» в Британском музее в Лондоне, осень 2009 г. [1], и «Извлеченные из земли», в Центре изобразительных искусств в Сэйнсбери, Университет Восточной Англии, Норидж, лето 2010 г. [2]. Обе эти выставки финансировались в рамках крупного исследовательского проекта под названием «Духи глины: керамические статуэтки из древней Японии и Европы», при поддержке Совета по искусству и гуманитарным наукам Великобритании. Настоящая работа расширяет рамки этих выставок за счет включения анализа статуэток из России, Китая и Корейского полуострова, и пытается дать ответ на вопрос, почему так много керамических статуэток было найдено на островах Японского архипелага по сравнению с другими частями восточной Евразии.

База данных статуэток джомон, хранящаяся в Национальном музее истории Японии, содержит информацию о более чем 15 000 керамических статуэтках и их фрагментах, датируемых периодом джомон (около 14 000 кал. л. до н. э. — около 500 кал. л. до н. э.). Эти керамические статуэтки представляют собой лишь один, хотя и весьма выразительный, аспект изображения человеческого образа с начала заселения человеком Японского архипелага. Другие проявления включают в себя глиняные маски, каменные фигурки, антропоморфные изображения на керамической посуде и различные изображения, интерпретируемые как человеческие гениталии, самыми известными из которых являются, пожалуй, каменные бруски или прутки различных пропорций.

В течение последних нескольких лет мы проводили изучение этих объектов и их значения в доисторической Японии с нескольких точек зрения, включая: соматизацию; важность изображения частей тела, таких как отпечатки рук и ног младенцев

S. KANER

Simon Kaner — Dr, Sainsbury Institute for the Study of Japanese Arts and Cultures (UK, Sainsbury). E-mail: s.kaner@sainsbury-institute.org

REFLECTING ON PREHISTORIC FIGURINES: WHY SO MANY IN JAPAN AND SO FEW ELSEWHERE?

Key words: ancient Japan, ceramic figures, British Museum in London

Summary. This paper will expand on research undertaken as part of the preparation of two exhibitions relating to prehistoric figurines: “The power of dogu: ceramic figures from ancient Japan” at the British Museum in London, autumn 2009 [1], and “Unearthed”, at the Sainsbury Centre for Visual Arts, University of East Anglia, Norwich, in summer 2010 [2]. These two exhibitions were funded as part of a major research project entitled ‘Spirits of Clay: ceramic figures from ancient Japan and Europe’ funded by the UK Arts and Humanities Research Council. This paper broadens the scope of this exhibition, to include analysis of figurines from Russia, China and the Korean peninsula, and addresses the question of why so many ceramic figures have been found in the Japanese archipelago as against other parts of eastern Eurasia.

The Jomon figurine database held at the National Museum of Japanese History holds details of more than 15,000 ceramic figurines and figurine fragments dating to the Jomon period of Japanese prehistory (c. 14,000 cal. C — c. 500 cal. BC). These ceramic figurines are just one, albeit impressive and evocative, aspect of the representation of the human form from the early occupation of the Japanese archipelago. Other manifestations include clay masks, stone figurines, anthropomorphic designs on pottery vessels, and various representations interpreted as human genitalia, perhaps most notably stone bars or rods of various proportions.

For the past few years, we have been investigating these objects and their significances in prehistoric Japan from a number of perspectives including: somatization; the importance of bodily impressions, such as the imprints of infants hands and feet on clay plaques; the importance of understanding traditions of figurine manufacture, copying and the development of certain styles; the construction of gender identities; anonymisation and elaboration; the projection of emotion; the metamorphosis between human and animal forms; the

на глиняных пластинках; важность понимания традиций изготовления статуэток, копирования и выработки определенных стилей; построение гендерной идентичности; обезличивание и конструирование; проекция эмоций; метаморфозы между человеческими и животными формами; роль ношения масок и возможное отображение приписываемой идентичности; место статуэток в общении с «потусторонним миром».

Иногда эти предметы были обнаружены изолированно, часто в мусорных отложениях, и лишь иногда в четко определенных археологических контекстах. На небольшом числе поселенческих памятников джомон было обнаружено огромное количество этих статуэток, в то время как на других они встречаются лишь как единичные экземпляры. Хотя они обычно встречаются во фрагментированном виде, было также обнаружено и небольшое число целых статуэток. Эти статуэтки вызывают огромный интерес, самые «изящные» экземпляры были отнесены к категории Важных Культурных Ценностей или даже Национального достояния, что свидетельствует о том значении, которое придается этим древним артефактам в современной Японии. Традиция изготовления керамических статуэток внезапно обрывается на большей части архипелага с наступлением эпохи возделывания риса.

Напротив, ранний доисторический период в Китае и на Корейском полуострове был отмечен отсутствием сколько нибудь значительного числа антропоморфных изображений. В настоящей работе будет рассмотрено значение этого различия для понимания крупномасштабных культурных процессов на территории древней доисторической восточной Азии. В работе обсуждается, как это отражается на различных процессах построения, передачи и воспроизводства традиций ритуальных практик и знаний в так называемых трансэгалитарных обществах региона, и высказываются предложения в отношении возможных подходов к рассмотрению вариаций отображения «божественного» через антропоморфизм в древней восточной Азии.

Восточно Азиатская традиция изготовления статуэток. Каждый раз, когда в археологической практике встречаются традиции антропоморфной пластики, перед нами встает задача интерпретации их значения, семантики, использования и функционального назначения. Мы хотим знать, что эти «люди ручной работы» говорят нам о тех, кто их сделал и включил их в свою жизнь, как будто они тоже были людьми, какими они видели самих себя. Мы полагаем, что эти смыслы и значения различаются для разных культур.

role of wearing masks and the possible representation of ascribed identities; the place of figurines in communication with the “Other World”.

Sometimes these objects are found in isolation, often in dump deposits, and only occasionally in well-defined archaeological contexts. A small number of Jomon settlement sites have produced very large numbers of these figurines, while most produce at most just a few. While they are normally found broken into fragments, a small number of complete figurines have been found. There is great interest in these figurines, the “finest” examples of which are designated Important Cultural Properties, or even National Treasures, testimony to the significance placed on these ancient artifacts in contemporary Japan. The tradition of making ceramic figurines comes to an abrupt end in most of the archipelago with the advent of rice agriculture.

In contrast, the early prehistory of China and the Korean peninsula is marked by an absence of large numbers of anthropomorphic representations. This paper will consider the significance of this difference for understanding broad-scale cultural processes in early prehistoric East Asia. It will discuss how this reflects on the different processes of the construction, transmission and reproduction of traditions of ritual practice and knowledge in what are becoming known as transegalitarian societies in the region, and suggest how we might begin to consider variations in the “representation of the divine” through anthropomorphism in early East Asia.

The East Asian tradition of figurine manufacture. Each time traditions of anthropomorphic sculptural art appear in the archaeological record, we are challenged to provide interpretations as to their meaning, significance, use and function. We want to know what these “hand-made people” tell us about what the people who made and incorporated them into their lives thought it was to be human, how they saw themselves. We consider that these meanings and significances would be culturally specific.

We are also drawn to ask why it is, at certain times and places, the representation of the human form becomes particularly the focus of attention. We might also consider how these objects relate to other representations of the human figure, or aspects of it. In addition, we can ask why, in other, contiguous regions, we find either very few, or no examples.

In East Asia, a striking example of this presence and absence is found when one compares the Jomon period of the prehistoric Japanese archipelago, with the contemporary Mesolithic and Neolithic periods of the Korean Peninsula and the Chinese mainland.

Analytical framework. Recent work on figurines in the west has focused on issues such as fragmentation, the

У нас также возникает вопрос, почему так случается, что в какое-то время и в каком-то месте изображения человека начинает уделяться особое внимание. Мы могли бы также рассмотреть, как эти предметы сопоставляются с другими изображениями фигуры человека или ее отдельных частей. Кроме того, мы можем задаться вопросом, почему в других сопредельных регионах мы находим либо единичные экземпляры, либо их полное отсутствие.

В восточной Азии ярким примером такого присутствия и отсутствия может служить сравнение периода джомон на территории доисторического Японского архипелага с современным ему периодом мезолита и неолита на Корейском полуострове и в материковом Китае.

Анализ. В последнее время в ходе изучения статуэток на западе основное внимание уделяется таким вопросам, как фрагментация, изображение самого себя, и того, что мы можем назвать психо-визуальными аспектами миниатюризаци.

Статуэтки джомон подвергались столь же широкому по охвату анализу. Они исследовались с помощью рентгена, копировались, реконструировались, подвергались комплексному анализу, и даже использовались как модели для современных фигурок аниме.

В нашей работе мы исходим из трех принципов:

Во-первых, традиции изготовления фигурок человека и животных подчиняются тем же принципам, что и другие грани материальной культуры: они не обязательно являются отражением социальной реальности.

Во-вторых, антропоморфные и зооморфные изображения предоставляют творческое пространство, в рамках которого концептуализированные отношения между само-идентификацией (через создание телесного образа) и настоящим и другими мирами могут исследоваться и выражаться.

И, в-третьих, всегда остается возможность для манипулирования такими пространствами, использования их для создания впечатления, что получаемые изображения контролируют, то, что на самом деле, не поддается контролю, посредством поощрения подавления веры.

Литература / References:

1. Kaner S. (ed.) The power of dogu: ceramic figures from ancient Japan. London, 2009.
2. Bailey D., Cochrane A., Zambelli, G. (eds.). Norwich, Sainsbury Centre for Visual Arts and Sainsbury Institute for the Study of Japanese Arts and Cultures. (unearthed).

representation of selfhood, and what we might describe as the psycho-visual aspects of miniaturisation.

Jomon figurines have been analysed in an equally wide-ranging fashion. They have been x-rayed, replicated, reconstructed, subjected to multivariate analysis, and adopted as models for contemporary anime figures.

We are working from three principles:

Firstly, traditions of representation of the animal and human form are subject to the same principles as other facets of material culture: they are not necessarily direct reflections of social reality.

Secondly, anthropomorphic and zoomorphic representations provide a creative space within which conceptualised relationships between self-identification (through manifestations of the body) and the present and other worlds can be explored and expressed.

And thirdly, there is always the potential for such spaces to be manipulated, to be used for creating the impression that the resulting representations control that which is in fact beyond control, through the encouragement of the suspension of belief.

УДК 904(571.1):7.031.1

Г. Г. КОРОЛЬКороль Галина Георгиевна — к.и.н., ИА РАН
(Россия, Москва). E-mail: ggkorol08@rambler.ru**ЛЕТЯЩИЕ НА СЕВЕР ПТИЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ
СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ САЯНО-АЛТАЯ)¹**

Ключевые слова: средневековье, торевтика малых форм, декор, Саяно-Алтай, орнитоморфные изображения, водоплавающие птицы

Резюме. Рассмотрены орнитоморфные изображения на торевтике малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий конца I — начала II тыс., представленные мотивами перелетных водоплавающих птиц, пути ежегодных миграций которых на север проходят над рассматриваемой территорией. В ритуалах, верованиях, мифологии народов Саяно-Алтая эти птицы имеют особое значение, связанное с древними тотемами, культом природных сил, местными божествами.

Торевтика малых форм Саяно-Алтая и прилегающих территорий конца I — начала II тыс. представлена значительным числом ременных украшений всадника-воина, а также амулетов, в том числе определенно женских, изготовленных преимущественно из цветного металла. Предметы в основном декорированы в стиле «степного орнаментализма». Преобладает растительный код; зооморфный менее популярен. Он включает в себя как изображения разных животных, так и орнитоморфные образы.

Мотивы декора представляют разных птиц, в том числе и фантастических, все варианты которых условно можно объединить названием «феникс» [1]. Помимо птицы феникса определенно китайской классической иконографии интересны экземпляры, напоминающие классических фениксов, но имеющие чрезвычайно оригинальную иконографию, композиционно это парные (противостоящие) птицы. Птицы подобной иконографии похожи на фламинго с павлиньим хвостом, размещенных на «гнездове».

По сведениям специалистов, в традиционной культуре саяно-алтайских тюрков фламинго, которые иногда залетают на Саяно-Алтай и пролетают над этой территорией весной и осенью, относятся к птицам из разряда «проклинающих» (наряду с лебедями,

G. G. KOROLKorol Galina Georgievna — PhD in History, IA RAS
(Russia, Moscow). E-mail: ggkorol08@rambler.ru**BIRDS FLYING NORTH (ON THE MATERIALS OF THE
MIDDLE AGE TOREUTICS OF THE SAYAN-ALTAI
REGION)¹**

Key words: Middle Ages, minor arts objects toreutics, decor, the Sayan-Altai region, ornithomorphic images, waterfowl

Summary. The paper presents a discussion of ornithomorphic images on minor arts objects toreutics of the Sayan-Altai region and the neighboring territories of the end of the 1st — beginning of the 2nd millennium represented with the migrating waterfowl motifs, the annual northwards migration routes of which crossed the territories under study. In the rituals, beliefs, and mythology of the Sayan-Altai peoples these birds were always given a particular importance related to the ancient totems, the cult of the nature's elements, and the local deities.

The minor arts objects toreutics of the Sayan-Altai region and the neighboring territories of the end of the 1st — beginning of the 2nd millennium was represented by a significant number of belt decorations, as well as amulets, including the definitely female ones mostly made from non-ferrous metals. The items were mostly decorated in the “steppe ornamentalism” style. The floristic code was predominant, the zoomorphic code occurred less frequently. It included images of various animals as well as ornithomorphic motifs.

The motifs of the decor represented different birds, including the fantastic ones, all variations of which may be conventionally grouped together as the “phoenix” type [1]. In addition to the phoenix images of the markedly Chinese classic iconography, there were also interesting pieces resembling the classical phoenixes, but with the highly original iconography. In terms of composition these were paired (opposing) birds. Birds with this iconography resembled flamingos with a peacock's tail sitting on a “nest”.

According to the specialists, in the traditional culture of the Sayan-Altai Turks flamingos, which occasionally flew over this territory in spring and in autumn, belonged to a class of the “maledictory” birds (alongside

¹ Работа подготовлена при финансовой поддержке РФНФ, проект № 13-01-00322а

¹ The study was performed with the financial support of the RHRG grant, project № 13-01-00322а

журавлями). Фламинго (а также лебеди и журавли) воспринимались как парные птицы, которых нельзя разлучать. По мнению исследователей, почитание этих птиц уходит корнями в древний тотемизм [2, с. 97–100, 173].

Сибирь, Западно-Сибирская равнина, включая ее северные окраины, – места крупнейших обитаний гусей и других водоплавающих птиц. Миграции некоторых видов уток и гусей на север проходят над Саяно-Алтаем и прилегающими районами: через Хакасию, юг Красноярского края на север; через Тоболо-Ишимскую лесостепь, Северную Кулунду в пойму и низовья Оби. Весенние миграции происходят в апреле-мае и знаменуют собой обновление природы.

У тюркских народов водоплавающие птицы (утка, гусь) также входят в число особо почитаемых. В широком смысле это символ единства, союза между землей, водой и небом. В эпосе и мифах это часто встречающиеся образы [3, с. 146–149]. В алтайском мифе доброе божество Ульген представлялся в виде светлого гуся или утки. Сюжет об утке как птице-демиурге сохранился в хакасском фольклоре у качинцев. Сюжет этот известен в мифах многих сибирских народов.

Мотив утки в рассматриваемом декоре представлен в двух вариантах одного приема – изображения летящих птиц с распростертыми крыльями: одиночные утки, которые иногда изображены с цветами (цветущей ветвью) по сторонам головы; стилизованные в виде фигурок уток застежки, т. е. фактически парные птицы, накрепко соединенные друг с другом. Отметим, что оба варианта изображения, во-первых, так или иначе, передают движение, полет, овеществленное воплощение той самой весенней миграции птиц на север; во-вторых, несут в себе семантику обновления жизни, размножения и плодovitости, возможно, брачного союза. Застежки в виде летящих уток с распахнутыми крыльями – оригинальное пластическое декоративное решение мотива. Известны их находки в женских погребениях [4; 5]. К северу от саяно-алтайского региона такой вид декоративных деталей костюма считается элементом культуры, связанным с тюркизацией местного самодийского и обско-угорского населения [4, с. 239–240]. Мотив птицы, в том числе водоплавающей, – характерная для местного населения мифологема, связанная в первую очередь с птицей-демиургом [6, с. 399; 7, с. 98–100]. Привнесенные на север от Саяно-Алтая с волной тюркского населения предметы с такими изображениями были, по-видимому, понятны и близки населению этих регионов.

Таким образом, «летащие на север птицы» – часть не только средневековой культуры, но и устойчивый

with the swans and the cranes). The flamingos (as well as the swans and the cranes) were perceived as the paired birds, which should never be separated. According to the researchers, the roots of the cult of these birds' worshiping went back to the ancient totemism [2, p. 97–100, 173].

Siberia, West-Siberian plane, including its northern border regions, were the places of the largest habitats of geese and other waterfowl. North migration routes of some species of ducks and geese went over the Sayan-Altai and the neighboring regions: across Khakassia, south of the Krasnoyarsk Krai to the north; across the Tobol-Ishim forest-steppe, North Kulunda to the floodland and the downstream territories of the Ob. Spring migrations occurred in April-May and designated the revival of nature.

For the Turkic peoples the waterfowl (ducks, geese) were also among the most worshiped. In a wider sense they were a symbol of unity, an alliance between the earth, water, and the sky. In the epos and the myths these images were quite common [3, p. 146–149]. In an Altai myth a kind deity Ulgen was represented as a light goose or duck. The story of the duck as the demiurge-bird survived in the Khakas folklore of the Kachi people. This story is also known in the mythology of many Siberian peoples.

The duck motif in the studied decor was represented in two variants of the same technique – images of flying birds with spread wings: single ducks which were sometimes shown with flowers (a blossoming branch) on the sides of the head; and stylized as the duck figures clasps, i.e. in fact paired birds firmly connected to each other. It should be noted that both variants of the images were first, representing in some way a movement, a flight, a materialized manifestation of the spring migration of birds to the north; second, they represented a semantics of the revival of life, reproduction and fertility, and, possibly, marriage. The clasps in the shape of flying ducks with spread wings were an original plastic and decorative manifestation of the motif. They were occasionally found in female interments [4; 5]. North of the Sayan-Altai region this type of decorative costume detail was considered a culture attribute related to the Turkisation of the local Samody and the Ob-Ugric population [4, p. 239–240]. A bird motif, including the waterfowl, was a characteristic for the local population mythologem related, in the first place, to the demiurge-bird [6, p. 399; 7, p. 98–100]. The items with these images brought to the Sayan-Altai region with the wave of the Turkic migration were, apparently, close and familiar to the local population of the regions.

Thus the “birds flying north” were not just a part of the Middle Age culture, but were also a familiar image

образ, зафиксированный в ритуалах, обрядах и эпосе населения Саяно-Алтая этнографического времени. Сохранение образа связано в первую очередь с мировоззрением, верованиями, а питали их не только древние корни, но и наблюдаемые явления окружающей природы, в том числе миграции водоплавающих птиц.

Литература / References:

1. Король Г.Г. Фантастические птицы в декоре средневекового художественного металла Саяно-Алтая // Научное обозрение Саяно-Алтая. 2013. № 1 (5). С. 160–176.
2. Бутанаев В.Я., Монгуш Ч.В. Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан, 2005.
3. Король Г.Г. Искусство средневековых кочевников Евразии. Очерки. М.; Кемерово, 2008. (Труды САИПИ. Вып. V).
4. Король Г.Г., Конькова Л.В. Торевтика малых форм IX–X вв. из раскопок И.А. Армстронга у Семипалатинска (комплексное исследование) // Культурно-экологические области: взаимодействие традиций и культурогенез. СПб., 2007. С. 228–248.
5. Арсланова Ф.Х. Женские украшения кимаков и кыпчаков // Очерки по средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Астана, 2013. С. 93–120. (Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. 3).
6. Мифы народов мира. Энциклопедия. Т. 2. М., 1988.
7. Дэвлет М.А., Дэвлет Е.Г. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М., 2005.
8. Кызласов Л.Р., Король Г.Г. Декоративное искусство средневековых хакасов как исторический источник. М., 1990.

УДК 903.27(571.6):7.031.1

А. Р. ЛАСКИН

Ласкин Артур Робертович — НПЦ по охране и использованию памятников истории и культуры Хабаровского края (Россия, Хабаровск).
E-mail: archaeology@inbox.ru

ОРНИТОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПЕТРОГЛИФАХ АМУРА И УССУРИ¹

Ключевые слова: наскальные изображения Дальнего Востока, петроглифы, Сикачи-Алян, Шереметьево, амуро-уссурийский комплекс, орнитоморфные изображения

Резюме. В статье рассматриваются орнитоморфные изображения в составе петроглифов Сикачи-Алян и Шереметьево, расположенных в бассейне рек Амура и Усури.

Памятники древнего наскального искусства, входящие в состав амуро-уссурийского комплекса, составляют Шереметьевские, Сикачи-Алянские и Киинские петроглифы, расположенные в нижнем течении рек Амура и Усури (Хабаровский край).

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-01-00453

fixed in rituals, customs and mythology of the Sayan-Altai population of ethnographic time. The preservation of the image was, first of all, related to their ideology and beliefs, and was nourished not only by the ancient roots, but also by the observed natural phenomena, including the waterfowl migrations.

A. R. LASKIN

Laskin Arthur Robertovich — RPC for protection and use of historical and cultural monuments of the Khabarovsk Krai (Russia, Khabarovsk).
E-mail: archaeology@inbox.ru

ORNITOMORPHIC IMAGES IN PETROGLYPHS OF THE AMUR AND THE USSURI COMPLEXES¹

Key words: rock art of the Far East, petroglyphs, Sika-chi-Alyan, Sheremetyevo, the Amur-Ussuri complex, ornitomorphic images

Summary. The focus of the paper is the study of ornitomorphic images from the Sikachi-Alyan and Sheremetyevo petroglyph complexes located in the basin of the Amur and the Ussuri rivers.

The ancient rock art sites of the Amur-Ussuri complex include the Sheremetyevo, the Sikachi-Alyan, and the Kiin petroglyphs located in the downstream areas on the rivers Amur and Ussuri (the Khabarovsk Krai). As a result of monitoring performed in the recent years a

¹ The study was performed with the support of the RHRG grant, project № 14-01-00453

В результате мониторинга, проводимого в последние годы, здесь был выявлен ряд новых изображений, которые пополнили общий контекст дальневосточных памятников наскального искусства [1–3]. Большой интерес представляют орнитоморфные сюжеты или изображения птиц в комплексе петроглифов Шереметьево и Сикачи-Аляна.

Нужно отметить, что орнитоморфные изображения имеются на многих памятниках наскального искусства как за рубежом, так и на территории нашей страны. На самом севере Азии орнитоморфные петроглифы зафиксированы на р. Пегтымель (Западная Чукотка) в уникальном комплексе Кайкульского обрыва.

Среди многочисленных петроглифов Сикачи-Аляна присутствуют изображения как водоплавающих птиц, так и лесных. А. П. Окладников указывал, что эти два орнитоморфных изображения сходны как по позе, так и по форме тела, по характерной обрисовке головы. Больше всего эти птицы напоминают сидящих хищников — орлов, а может быть ворона или глухаря [4, с. 86]. К водоплавающим относится парное изображение уток на камне 96 в пятом пункте и камне 24 в пункте втором комплекса Сикачи-Алянских петроглифов.

Орнитоморфные петроглифы — особенность комплекса наскальных изображений у с. Шереметьево на р. Уссури. В сюжетах есть лебеди, утки, возможно, гуси, а также изображение цапли и лесной птицы. В 1859 г. известный путешественник и этнограф Р. К. Маак во время своего путешествия по р. Уссури видел изображение птицы, которая по своим очертаниям наиболее походила на гуся [5, с. 43]. Описываемый Маком петроглиф находится в пункте втором комплекса Шереметьево и представляет собой довольно крупное изображение лебедя с крестообразным пересечением туловища. Крест у многих народов издавна ассоциировался с вселенной, а четыре конца символизировали стороны света. Сами водоплавающие птицы играли важную роль в сотворении мира и земной поверхности, а в старых нанайских мифах — были вместилищем душ умерших людей и шаманов. Относительно изображения лебедя существует мифопоэтическая традиция, известная в мире в различных вариантах [6, с. 180].

В пункте третьем Шереметьевских петроглифов есть изображение двух водоплавающих птиц, расположенных друг над другом. У птиц овальное, заостренное сзади, туловище; длинная вертикально поднятая шея, большая голова с массивным клювом. В центральной части головы слабо просматривается пятно глаза. У верхнего изображения птицы, посреди туловища, отчетливо видно сложенное крыло

number of new images found in the area complemented the overall context of the Far Eastern rock art sites [1–3]. An interesting group of images consisted of ornithomorphic motifs or bird images in the petroglyph complexes of Sheremetyevo and Sikachi-Alyan.

It should be noted that the ornithomorphic images were found on many rock art sites both abroad in the territory of our country. In the far north of Asia ornithomorphic petroglyphs were found on the Pegtymel river (West Chukotka) in the unique Kaikuul steep complex.

Among the numerous Sikachi-Alyan petroglyphs there were images of both the waterfowl and the forest birds. A. P. Okladnikov wrote that both of these groups of ornithomorphic images were similar in pose, the shape of the body and the characteristic head outline. These birds resembled most of all the sitting birds of prey — eagles, or, maybe, ravens or wood grouse [4, p. 86]. In the group of waterfowl there were a paired image of ducks on stone 96 in the fifth segment, and on stone 24 in the second segment of the Sikachi-Alyan petroglyphs complex.

The ornithomorphic petroglyphs were a specific feature of the rock art complex near Sheremetyevo village on the Ussuri river. In the drawings motifs there were swans, ducks, probably, geese, as well as an image of an heron and a forest bird. In 1859 a famous explorer and ethnographer R. K. Maak during his trip along the Ussuri river noticed a bird image, which in its outline most of all resembled a goose [5, p. 43]. The petroglyph described by Maak was located in the second segment of the Sheremetyevo complex and was a rather large image of a swan with the cross-like intersection of the body. In the tradition of many peoples the cross was frequently associated with the universe, and the four points symbolized the cardinal points. The waterfowl themselves played an important role in creation of the universe and the earth surface, and in the old Nanaj myths they were a repository for the souls of the dead people and the shamans. A swan image was also associated with a mytho-poetical tradition known throughout the world in different versions [6, p. 180].

In the third segment of the Sheremetyevo petroglyphs there was an image of two waterfowl placed one above another. The birds had an oval pointed to the back body, long vertically raised neck, and big head with a massive beak. In the central part of the head a poorly visible eye spot could be seen. In the middle of the body of the upper bird image there was a clear outline of a folded wing in the shape of an open pointed oval. In the same segment there was a composition consisting of a face and a waterfowl, possibly, a swan or a goose. The bird had a long almond-shaped body, steeply arched neck and a long narrow head ending

в виде неоконченного заостренного овала. В этом же пункте — композиция из личины и водоплавающей птицы, возможно, лебедя или гуся. У птицы длинное миндалевидное туловище, выпнутая крутой дугой шея и длинная узкая голова, переходящая в массивный клюв. На спине птицы в виде скобы показано крыло. От туловища вниз отходят две короткие вертикальные полоски, обозначающие ноги [4, с. 265].

Изображения птиц в комплексе петроглифов Шереметьево обнаружены не только на вертикальных скальных выступах цокольных террас, но и на отдельно лежащих базальтовых валунах, существование которых было неизвестно до недавнего времени.

Отдельно лежащий камень (пункт 5) находится на правом берегу р. Уссури, в 1,2 км к северо-востоку от пункта второго Шереметьевских петроглифов. На одной из сторон, обращенной в противоположную от реки сторону относительно небольшого округлого камня, выбито три рисунка. Извилистым желобком показано тело змеи с отчетливо выделенной головой в нижней части. Левее, в технике горельефа, сплошным пикетажем изображены две птицы. Одна, возможно, хищник, с мощным туловищем и выделяющимся клювом, а также широким хвостом и лапами. Вторая птица похожа на цаплю, показано характерное овальное туловище, вытянутая шея и длинный острый клюв. Лапы укорочены, словно она стоит в воде во время охоты.

Отдельно лежащий камень (пункт 8) находится на краю второй надпойменной террасы, в 10 м к востоку от правого берега р. Уссури, в 0,37 км к северо-востоку от северной оконечности пункта второго комплекса Шереметьевских петроглифов. На северной плоскости небольшого округлого базальтового валуна, который на $\frac{1}{2}$ заглублен в грунт, глубоким широким желобом выбиты рисунки двух водоплавающих птиц, возможно, уток или гусей. Обе птицы изображены одна за другой, головой обращены в сторону реки. Они крупные, размером в высоту до 0,5 м.

Развитие сюжетной линии орнитоморфных изображений в комплексе Шереметьевских петроглифов происходило от простых контуров и линий, как в пунктах 2, 3 и 8, к более сложным орнаментальным и техническим приемам, которые просматриваются в пункте 5. Последние находки петроглифов на отдельно лежащих валунах позволили существенно пополнить сведения о комплексе древнего наскального искусства, существовавшего на берегах р. Уссури в эпоху неолита и палеометалла.

Литература / References:

1. Дэвлет Е.Г., Ласкин А.Р. К изучению петроглифов Амура и Уссури // КСИА. 2014. Вып. 232. С. 8–31.
2. Ласкин А.Р., Дэвлет Е.Г. Новые петроглифы на реке Уссури в Хабаровском крае // Проблемы истории, филологии, культуры. 2013. № 4 (42). С. 209–215.

with a massive beak. On the back of the bird a wing was indicated with a bracket. Two short lines going down from the body marked the legs [4, p. 265].

Bird images in the Sheremetyevo petroglyph complex were found not only on the vertical ledges of rock terraces, but also on the separately standing basalt boulders. Until recently the researchers were not aware of those images.

A separately standing boulder (segment 5) was located on the right bank of the Ussuri river, 1.2 km north-east of the second segment of the Sheremetyevo petroglyphs complex. On one of the sides facing away from the river of this relatively small rock there were three toreutic drawings. A curving groove indicated the body of a snake with a clearly marked head in the lower part. To the left, there were two birds made with solid picketage high relief technique. One of them was, possibly, a bird of prey with a strong body and prominent beak, as well as a wide tail and legs. The second bird looked like an heron with a characteristic oval body, extended neck and long pointed beak. The legs were shortened, as if it was standing in the water hunting.

A separately standing boulder (segment 8) was located at the edge of the second above flood-plain terrace, 10 m east of the right bank of the Ussuri river, 0,37 km north-east of the northern point of the second segment of Sheremetyevo petroglyphs group. In the northern plane of the small rounded basal boulder, one third of which was buried into the ground, there were drawings of two waterfowl, possibly, ducks or geese, carved with a deep wide groove. The birds were shown as one following another with the heads turned towards the river. They were large, up to 0.5 m in height.

The ornitomorphic motifs line in the Sheremetyevo petroglyphs complex gradually developed from the simple contours and lines, as in segments 2, 3 and 8 to the more sophisticated ornamental motifs and techniques, which can be seen in segment 5. Recent finds of petroglyphs on the separately standing boulders significantly expanded our knowledge of the ancient rock art complex which existed on the banks of the Ussuri river during the Neolithic and the Paleometal period.

3. Ласкин А. Р. О результатах обследования петроглифов Сикачи-Аляна и Шереметьево // Краткие сообщения Института археологии. 2014. Вып. 236. С. 82–86.
4. Окладников А. П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.
5. Маак Р. К. Путешествие по долине реки Уссури. Ч. 1. СПб., 1861.
6. Дэвлет Е. Г., Дэвлет М. А. Мифы в камне: Мир наскального искусства России. М., 2005.

УДК 903.27(470.22):7.031.1

Н. В. ЛОБАНОВА

Лобанова Надежда Валентиновна – к.и.н.,
ИЯЛИ КарНЦ РАН (Россия, Петрозаводск).
E-mail: hopelob@yandex.ru

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАРЕЛИИ

Ключевые слова: Карелия, наскальное искусство, хронология, периодизация

Резюме. На основе анализа всех собранных материалов (по археологии, геологии, геоморфологии и палеогеографии) с учетом современных данных о датировке древних культурных типов Карелии автором сделана попытка аргументировать и уточнить наши представления о хронологии и эволюции наскального творчества Карелии.

В течение последних 15 лет проводились регулярные и целенаправленные исследования петроглифов Карелии, а также их природного и культурного контекста. Были открыты новые группы изображений, в том числе с неизвестными до того момента мотивами (сюжетами); выявлена, по всей вероятности, начальная стадия наскального искусства Онежского озера; установлены некоторые признаки взаимного влияния и прямых контактов создателей Онежских и Беломорских наскальных полотен. На основе анализа всех собранных материалов (по археологии, геологии, геоморфологии и палеогеографии) с учетом современных данных о датировке древних культурных типов Карелии автором сделана попытка аргументировать и уточнить наши представления о хронологии и эволюции наскального творчества Карелии. Критическому рассмотрению подвергнуты взгляды некоторых современных исследователей [1–4] на проблему хронологии и периодизации наскального искусства Карелии. В их работах указанная проблема рассмотрена формально и однобоко, выводы далеко не в полной мере согласуются с последними данными о древней природной среде Карелии, во многом противоречат они и современным представлениям об абсолютной хронологии древностей Карелии.

N. V. LOBANOVA

Lobanova Nadezhda Valentinovna — PhD in History,
ILLA KarRC RAS (Russia, Petрозаводск).
E-mail: hopelob@yandex.ru

ONCE AGAIN ON THE QUESTION OF CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF KARELIAN ROCK ART

Key words: Karelia, rock art, chronology, periodization

Summary. Based on the analysis of all available materials (on archeology, geology, geomorphology and paleography) and taking into account the contemporary data on the dating of the ancient cultural types of Karelia the author offered new argumentation and clarification of our understanding of the chronology and the evolution of the rock art of Karelia.

Over the past 15 years there were regular and dedicated studies of petroglyphs of Karelia, as well as their natural and cultural context. New groups of images were discovered, including some with the formerly unknown motifs (stories), the apparently initial stage of the Onega lake rock art was identified, several indications of mutual influence and direct contacts between the creators of the Onega and the White Sea region rock art series were established. Based on the analysis of all available materials (on archeology, geology, geomorphology and paleography) taking into account the contemporary data on the dating of the ancient cultural types of Karelia the author made offered new argumentation and clarification of our understanding of the chronology and the evolution of the rock art of Karelia. The ideas proposed by certain modern researchers [1–4] on the problem of chronology and periodization of the rock art of Karelia have been critically reviewed. In their works the problem was presented formally and one-sidedly, the conclusions were sometimes in conflict with the recent data on the ancient natural environment of Karelia, they also in many respects contradicted modern understanding of the absolute chronology of the Karelian antiquities.

According to the author the total chronological range of the Karelian petroglyphs was, most likely, not more

По мнению автора, общие хронологические рамки петроглифов Карелии, скорее всего, не превышают одну тысячу лет в пределах неолитической эпохи [5; 6]. Их создателями и почитателями были носители культуры с ямочно-гребенчатой керамикой всех фаз ее существования, датируемой 6200–5000 лет назад. В развитии карельской петроглифической традиции можно выделить 2–3 последовательных этапа, которые более четко прослеживаются на Онежских петроглифах. Но эта проблема еще далека от своего разрешения, она требует дальнейшего более глубокого внимания исследователей, особенно в свете новых открытий. Не менее важный аспект связан с изучением элементов сходства в наскальном искусстве Онежского озера и Белого моря. Возможно, что возникшая на несколько сотен лет раньше Онежская петроглифическая традиция дала определенный толчок для ее появления в Беломорье.

Литература / References:

1. Савватеев Ю. А. Наскальные изображения (петроглифы) Карелии // Археология Карелии. Петрозаводск, 1996. С. 125–148.
2. Жульников А. М. К вопросу о датировке беломорских петроглифов // Первобытная и средневековая история и культура европейского Севера: проблемы изучения и научной реконструкции. Соловки, 2006. С. 238–247.
3. Gjerde J.-M. Rock Art and landscapes. Studies of Stone Age rock art from Northern Fennoscandia. A diss. for the degree of PhD. University of Tromsø, 2010.
4. Janik L. Development and periodization of White Sea rock carvings // Acta Archaeologica. 2010. № 81 (1). P. 83–94.
5. Лобанова Н. В. Петроглифы Старой Залавруги: новые данные — новый взгляд // Археология, этнография и антропология Евразии. 2007. № 1 (29). С. 127–135.
6. Лобанова Н. В. К вопросу о хронологии и периодизации наскальных изображений Онежского озера // Российская археология. 2014. № 3. С. 98–110.

УДК 904(571.1):7.031.1

П. К. ЛОМОВ, А. В. НОВИКОВ

Ломов Павел Константинович — НИИГУ
(Россия, Новосибирск). E-mail: lomov90@mail.ru

Новиков Андрей Владиленинович — к.и.н.,
ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

**К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ
ОБЬ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ I тыс. н.э.¹**

Ключевые слова: Обь-Иртышское междуречье, глиняная пластика, потчевашская археологическая культура, кулайская археологическая культура

than one thousand years within the Neolithic period [5; 6]. Their creators and worshipers were the populations of the pit-comb ceramics culture in all phases of its existence dated as 6200–5000 years ago. In the evolution of the Karelian petroglyphs tradition 2–3 successive stages could be identified, which were most clearly visible in the Onega lake petroglyphs. However, this problem is still far from resolved, it requires further, and closer, attention on the part of researchers, particularly in the light of the new discoveries. Not least important aspect is related to the study of the elements of similarity in the rock art of the Onega lake and the White Sea area. It is possible that the several hundred years older Onega petroglyphic tradition had some influence on the emergence of this tradition in the White Sea region.

P. K. LOMOV, A. V. NOVIKOV

Lomov Pavel Konstantinovich — NNRSU
(Russia, Novosibirsk). E-mail: lomov90@mail.ru

Novikov Andrey Vladilenovich — PhD in History,
IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk).
E-mail: novikov@archaeology.nsc.ru

**REFLECTIONS ON THE STUDY OF MODELED CLAY
FIGURES OF THE OB-IRTYSH INTERFLUVE OF THE
FIRST HALF OF THE 1ST MILLENNIUM AD¹**

Key words: Ob-Irtysh interfluve, modeled clay figures, Potchevash archaeological culture, Kulai archaeological culture

¹ Работа выполнена при поддержке РФФ, проект № 14-28-00045

¹ The study was performed with the support of the Russian Research Foundation grant, project № 14-28-00045

Резюме. В статье представлен историографический обзор предметов глиняной пластики с территории Обь-Иртышского междуречья, датируемых первой половиной I тыс. н. э. По хронологическому принципу представлены названия ключевых памятников, авторы раскопок, дана предварительная атрибуция материала авторами.

Изучение мелкой глиняной пластики Евразии различных эпох проводилось неоднократно; исследованы количественный состав, морфология, семантика, особенности и закономерности развития мелкой глиняной пластики.

В отличие от скульптуры глиняная пластика создается в процессе лепки из пластического исходного сырья, при котором автор не «убавляет», а «прибавляет» материал, наращивая его и придавая ему задуманную форму. Во многом это и отличает пластику от другого художественного феномена древнего искусства — скульптуры, которая создается из твердых материалов (камень, мрамор, песчаник, кость) путем отсечения лишних частей [1, с. 21]. Поэтому по сравнению со скульптурой специфика технологии изготовления не ограничивает изобразительные возможности авторов при создании предметов мелкой глиняной пластики, поскольку не обусловлена исходной формой сырья. Среди объемных изображений середины I тыс. н. э. Западной Сибири известна как скульптура, так и пластика [2, с. 6].

Впервые глиняная пластика, относящаяся к середине I тыс. н. э., в Западной Сибири была обнаружена в 1878–1879 гг. А. И. Дмитриевым-Мамоновым и М. С. Знаменским на городище Потчеваш, недалеко от Чувашского мыса, расположенного на правой коренной террасе Иртыша, в 2 км от Тобольска. Фигурки коллекции были интерпретированы как изображения лошадей [3, с. 195, табл. XII–XIII].

В Обь-Иртышском междуречье (Барабинской лесостепи) первые находки мелкой глиняной пластики в виде головки животного и изображения барана были сделаны на городище Большой лог, расположенном на правом берегу р. Омь, в 6 км от г. Омска и приблизительно в 10 км по реке от ее устья. Однако авторы раскопок отнесли данное изображение к эпохе раннего железа [4, с. 80]. Проблема культурной интерпретации городища Большой Лог и на сегодняшний день остается дискуссионной, большинство авторов относят городище к саровскому этапу кулайской археологической культуры [5, с. 47].

Основная масса предметов мелкой глиняной пластики в лесостепном Обь-Иртышье была получена в результате полевых исследований 1970–1980-х гг. В этом регионе было открыто и изучено более

Summary. The article offers an historiographic review of modeled clay items from the territory of the Ob-Irtysh interfluvium dated as the first half of the 1st millennium AD. Following the chronological principle the article lists the names of the key archaeological sites, the excavations authors, and the preliminary attribution of the materials by authors.

There were numerous studies of small modeled clay items of Eurasia from different historical periods, the scope of the studies included their number, morphology, semantics, the specifics and the regularities of the small clay figures evolution.

Unlike sculpture objects modeled clay figures were created in the process of modeling from plastic raw material in the process of which the author did not “cut off”, but “added” the material shaping it and giving it the intended form. In many respects this was what made clay modeling different from another ancient art — sculpture, which used hard materials (rock, marble, sandstone, bone) by means of cutting off the excess material [1, p. 21]. Therefore, compared to sculpture the specifics of manufacturing did not set any limitations on the creative potential of the authors in the process of modeling of clay figures, since it was independent on the initial shape of the raw material. In the category of volume images of the middle of the 1st millennium AD in Western Siberia there were both sculpture and modeled clay figures [2, p. 6].

For the first time the clay figures of the middle of the 1st millennium AD were found in Western Siberia in 1878–1879 by A. I. Dmitriev-Mamonov and M. S. Znamensky on Potchevash hillfort not far from Chuvash cape located on the right basement terrace of the Irtysh 2 km away from Tobolsk. The figurines from the assemblage were interpreted as the horse images [3, p. 195, table XII–XIII].

In the Ob-Irtysh interfluvium (the Barabino forest-steppe) the first finds of small modeled clay figures in the form of an animal head and a ram image were made on Bolshoy Log hillfort located on the right bank of the Om river, 6 km from Omsk and approximately 10 km up the river from its mouth. However the authors of the excavation believed this item belonged to the early Iron Age period [4, p. 80]. The problem of cultural interpretation of Bolshoy Log hillfort even today remains a subject of debate, most of the authors believe the hillfort belonged to the Sarov stage of the Kulai archaeological culture [5, p. 47].

Most of the modeled clay items in the forest-steppe Ob-Irtysh region were obtained as a result of field studies of the 1970–1980s. Over a dozen sites of the Potchevash culture were discovered and researched in this region [6,

десять памятников потчевашской культуры [6, с. 15]. На памятниках Кама-4, Туруновка-3 и Сопка-1 была получена основная часть коллекции мелкой глиняной пластики с территории лесостепного Обь-Иртышья. Исследователями было предложено разделить изображения на группы по виду животных: к первой отнесены изображения лося; вторую группу составили изображения лошади [7, с. 159–164].

В Среднем Прииртышье в 1980-е гг. на памятнике Паново II обнаружены два фрагмента изделий мелкой глиняной пластики [8, с. 44]. Один фрагмент представлял собой «массивное туловище лося с частично уцелевшей треугольной шеей, коротким торчащим хвостом и четырьмя овальными отверстиями для съемных ног внизу туловища» [9, с. 90], вторая находка представляла собой «фрагмент головы на длинной и массивной шее, переходящей в частично уцелевшее туловище» [9, с. 93]. Б. А. Конилов отметил, что глиняные фигурки животных были характерны для населения потчевашской культуры [8, с. 44].

В 1990-х гг. при исследовании поселения Долговское-1 близ Тобольска А. А. Адамовым было обнаружено пять глиняных фигурок лошадей различной степени сохранности, а также фигурки всадников и миниатюрная модель седла [10, с. 218]. Фигурки в различной степени повреждены. Две небольшие глиняные лошадки, длиной 4–5 см, имеют туловище, в нижней части которого находятся четыре отверстия, куда вставлялись палочки, изображавшие ноги. Еще три фигурки представлены только обломками шей лошадей [11, с. 28–29].

Таким образом, к настоящему времени накоплена немногочисленная (63 экз.), но довольно показательная коллекция глиняных пластических изображений I тыс. н. э. В археологической литературе была опубликована лишь часть глиняных фигурок и высказан ряд предположений относительно их семантики и использования [7; 8; 3].

Литература / References:

1. Кепинов Г. И. Технология скульптуры. М., 1936.
2. Молодин В. И. Древнее искусство Западной Сибири (Обь-Иртышская лесостепь). Новосибирск, 1992.
3. Мошинская В. И. Городище и курганы Потчеваш // Древняя история Нижнего Приобья. М., 1953. С. 189–220. (МИА; № 35).
4. Чернецов В. Н., Мошинская В. И. Городище Большой Лог // КСИИМК. 1951. Вып. 37. С. 32.
5. Конилов Б. А. Городище Большой Лог и история исследования кулайских древностей в Омском Прииртышье // Третьи исторические чтения памяти М. П. Грязнова. Ч. 1. Омск, 1995. С. 49–52.
6. Елагин В. С., Молодин В. И. Бараба в начале I тысячелетия н. э. Новосибирск, 1991.
7. Елагин В. С., Молодин В. И., Соболев В. И. Глиняная пластика в I тыс. н. э. из Барабинской лесостепи // Скифо-сибирский мир: Искусство и идеология. Новосибирск, 1987. С. 159–164.
8. Конилов Б. А. Омское Прииртышье в раннем и развитом средневековье. Омск, 2007.
9. Конилов Б. А. Поселение Паново II из южнотаежного Прииртышья (к вопросу о культурной идентичности Потчеваша, Зеленогора и Кучимино) // Проблемы археологии и истории Северной Евразии. Томск, 2009. С. 89–103.

p. 15]. Main part of the small modeled clay items collection of the territory of the forest-steppe Ob-Irtysh region was discovered in the sites Kama-4, Turunovka-3 and Sopka-1. The researchers suggested breaking down this group of items into smaller groups by types of animals: the first group included the elk figures, and the second group – the figures of horses [7, p. 159–164].

In the Middle Irtysh region in the 1980^s on Panovo II archaeological site two fragments of small modeled clay figures were found [8, p. 44]. One fragment was a “massive body of an elk with partially intact triangular neck, short sticking out tail and four oval holes for removable legs in the lower part of the body” [9, p. 90], the second find was a “fragment of a head on a long and massive neck gradually passing into a partially preserved body” [9, p. 93]. B. A. Konikov noted that clay animal figures were characteristic for the population of the Potchevash culture [8, p. 44].

In 1990^s during the study of Dolgovskoye-1 settlement near Tobolsk A. A. Adamov discovered five clay horse figures of varying degrees of preservation, as well as the horse-riders figurines and a miniature model of a saddle [10, p. 218]. All figures were more or less damaged. Two small clay horses 405 cm long had bodies in the lower part of which there were four holes for inserting sticks representing the legs. Three more figures were represented only by debris of the horses necks [11, p. 28–29].

Thus at present there is a not numerous (63 pieces), but quite representative collection of modeled clay figures. Only part of these clay figures were published in the archaeological literature and a number of suggestions were made with regard to their semantics and possible use [7; 8; 3].

10. Адамов А. А. Глиняная антропоморфная фигурка из Прииртышья // Обские Угры. Материалы II Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск; Омск, 1999. С. 218–221.

11. Таскаева Н. А. Глиняные изделия с городища Долговское 1 // Диалог культур и цивилизаций: материалы XI Всерос. науч. конф. молодых исследователей. Тобольск, 2010. С. 28–29.

УДК 903.27:7.03.1

Е. А. МИКЛАСHEВИЧ

Миклашевич Елена Александровна — КемГУ
(Россия, Кемерово). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

ОБРАЗЫ ВЫМЕРШИХ И ИЗМЕНИВШИХ АРЕАЛ
ЖИВОТНЫХ В ДРЕВНЕЙШЕМ НАСКАЛЬНОМ
ИСКУССТВЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ¹

Ключевые слова: наскальное искусство, Минусинская котловина, древнейшие петроглифы

Резюме. Рассматривается древнейший пласт в наскальном искусстве Среднего Енисея. Зооморфные образы представлены вымершими животными (дикая лошадь, первобытный бык, бизон) и теми, которые сейчас не обитают в ареале, где расположены писаницы (медведь, кабан, архар, лось) или редки (благородный олень). Датировка этих петроглифов дискуссионна (верхний палеолит/неолит/энеолит), но они определенно не моложе III тыс. до н. э. Изучение источника с точки зрения палеозоологии могло бы помочь в решении этой проблемы и, возможно, получить новые данные для этой науки.

Наскальное искусство Минусинской котловины — один из важнейших в мировом масштабе ареалов памятников этого рода; значение его определяется как количеством, так и «качеством» материала. Здесь представлены разнообразные по техническим, стилистическим, иконографическим характеристикам изображения, относящиеся к разным эпохам и культурам. Хорошо разработанная, базирующаяся на привязке к другим памятникам археологии хронологическая колонка наскального искусства, позволяет использовать некоторые группы изображений в качестве полноценных исторических источников. Однако наскальные изображения могут быть полезными источниками информации и для других наук, в частности — для палеозоологии. Видовой состав животных, изображаемых на скалах в определенную эпоху — это источник, который пока еще недостаточно оценен

¹ Работа выполнена в рамках государственного задания №33.1175.2014/К Министерства образования и науки РФ

E. A. MIKLASHEVICH

Miklashevich Elena Alexandrovna — KemSU
(Russia, Kemerovo). E-mail: elena-miklashevich@yandex.ru

IMAGES OF EXTINCT AND CHANGED THEIR
HABITAT ANIMALS IN THE EARLIEST ROCK
ART OF THE MIDDLE YENISEI¹

Key words: rock art, Minusinsk basin, earliest petroglyphs

Summary. The subject of the study was the earliest layer in the Middle Yenisei rock art. Zoomorphic images depicted both extinct animals (wild horse, aurochs, bison) and the ones which are either no longer found in the rock art sites area (bear, wild boar, argali, elk), or became rare (red deer). The dating of these petroglyphs is controversial (Upper Paleolithic/Neolithic/Eneolithic), however they could definitely not be younger than the 3rd millennium BC. A study of this source from the position of paleo-zoology could have helped in addressing this problem and, possibly, obtaining new data for further research.

Rock art of the Minusinsk basin is one of the largest in world scale concentrations of ancient petroglyphs; its importance derives both from the quantity and the «quality» of the available material. It offers a collection of the diverse in their technical, stylistic, and iconographic characteristics images belonging to different periods and cultures. The well established, based on referencing to other archaeological materials rock art chronology allowed using certain groups of images as full-fledged historical sources. Furthermore, rock art images could also serve as useful sources of information for other academic disciplines, specifically for paleo-zoology. The repertoire of species depicted on rock surfaces in a particular period represents a source, which has so far not been sufficiently appreciated by the specialists. On the other hand, the paleo-zoological analysis of this type of material may give some grounds for dating of the groups of images the attribution of

¹ The project was performed as part of the public research contract №33.1175.2014/K of the Ministry of Education and Science RF

специалистами этого профиля. С другой стороны, палеозоологический анализ такого источника может дать какие-то основания для датирования тех групп изображений, которые не поддаются атрибуции археологическими методами.

В наскальном искусстве региона достаточно достоверно выделены все культурно-хронологические группы, начиная с эпохи ранней бронзы, так как для этого есть надежные основания в виде изображений, встречающихся на плитах в могилах тех или иных культур. Пласт наскального искусства, предшествующего эпохе ранней бронзы, также выделяется с уверенностью по своим стилистическим отличиям от более поздних изображений. Он обозначается как «древнейший», но убедительных аргументов для более точной датировки у нас пока нет. Мнения исследователей о возрасте древнейших изображений на скалах Среднего Енисея расходятся: от эпохи камня, предположительно неолита, «не исключая и их верхнепалеолитического возраста» [1, с. 118–121; 2, с. 53–55; 3, с. 190–193; 4, р. 72–73; 5] до принадлежности их к энеолитической афанасьевской культуре [6; 7] и поисков аналогий в искусстве эпохи бронзы [8].

Сам этот пласт тоже неоднороден, в нем присутствуют явно более древние (что подтверждается стратиграфически) изображения так называемого минусинского стиля [2; 3; 9], возможно более поздние (стилистически тяготеющие к окуневскому искусству эпохи бронзы) изображения «ангарского» стиля [там же], но также и очень большая количественно группа, обладающая признаками как того, так и другого стиля. Пока неясно, как она соотносится с изображениями минусинского стиля: сменяет ли его хронологически или это разные художественные манеры одного исторического периода? Не ясно и то, есть ли временной разрыв между «минусинскими» и «ангарскими» изображениями, и если есть, насколько он значителен? Подчеркнем, что все три группы изображений встречаются на одних и тех же памятниках, и часто на одних и тех же плоскостях. Есть у них и другие общие признаки: подавляющее большинство этих рисунков связано с береговыми скалами; многие находятся на высокорасположенных неприступных плоскостях (во время создания этих изображений, к ним, скорее всего, были доступные подходы по нижележащим карнизам скального массива, но за тысячелетия произошли сильные изменения геологического характера, и нижние карнизы отслоились и разрушились, что также свидетельствует в пользу большой древности этих изображений). При всех стилистических различиях изображения трех групп объединяет реализм в передаче образов, прекрасное

which could not be achieved with the use of archaeological methods.

All cultural and chronological groups, beginning with the Early Bronze Age have been quite accurately identified in the region's rock art owing to the availability of reliable reference materials represented by images depicted on the burial slabs belonging to particular cultures. The rock art layer preceding the Early Bronze Age was also quite confidently distinguished by its stylistic features from later images. It was defined as the «earliest», however we do not yet have solid arguments for a more exact dating. The researchers' opinions about the age of the earliest images in the Middle Yenisei rock art differ: from the Stone Age, presumably the Neolithic «not excluding also their Upper Paleolithic age» [1, p. 118–121; 2, p. 53–55; 3, p. 190–193; 4, p. 72–73; 5] up to attributing them to the Eneolithic Afanasjevo culture [6; 7] and the search of similarities in the Bronze Age art [8].

The layer itself is also not uniform, it contains the clearly older (which is confirmed stratigraphically) images of the so-called Minusinsk style [2; 3; 9], the possibly later (stylistically closer to the Okunev Bronze Age art) images of the «Angara» style [op cit.], but also a very large in number group with marked features of both styles. It is not yet clear how it related to the Minusinsk style images: whether it succeeded it chronologically or these were different artistic styles belonging to the same historical period? It is also not clear whether there was a time gap between the «Minusinsk» and the «Angara» images, and if yes, how significant it was? It should be emphasized that all three groups of images occurred on the same rock art sites, and often in the same panels. They also had other features in common: a vast majority of this imagery is associated with the river bank rocks; many of them were located on high inaccessible surfaces (at the time these images were created there, apparently, existed a more or less easy access along the lower stages of the rocks, however during the past millenniums the geological relief changed significantly, and the lower stages were broken or destroyed, which could be taken as another evidence of the old age of these images). Notwithstanding their stylistic differences the images of the three groups shared the same realism in the rendering, perfect knowledge of the character of the represented animals, and the skill in depiction of the most characteristic attributes of the species, as well as the high aesthetic qualities of the drawings. Another common feature is the repertoire of images in all three groups, though there was some prevalence of deer in the «Minusinsk» style, aurochs and wild horse in the «transition» group, and elk in the «Angara» style.

The greatest number of earliest images were found in such sites as Shalabolino [1], Oglakhty [10], Tepsei/

знание природы изображаемых животных и умение передать наиболее характерные видовые признаки, высокие эстетические качества рисунков. Общим является и репертуар образов всех трех групп, хотя можно отметить преобладание оленя среди «минусинских» изображений, быка и лошади — среди «переходных», лося — среди «ангарских».

Наибольшим количеством изображений древнейшего пласта отличаются такие памятники, как Шалаболино [1], Оглахты [10], Тепсей/Усть-Туба [4]; есть они также на скалах Моисеихи, Суханихи, Черemuшного Лога [11], Георгиевской, Боярского хребта [7]; единичные образы встречаются на некоторых других местонахождениях.

Если рассматривать древнейшие изображения Среднего Енисея как единый пласт, то очень характерно, что к нему относятся изображения животных, которые в настоящее время на этой территории не обитают или вообще вымерли как вид. К вымершим животным относятся образы дикой лошади (видимо, даже нескольких видов, так как их изображения имеют существенные морфологические различия), первобытного быка-тура и бизона. Изменили свой ареал (сейчас в местах расположения упомянутых памятников на скального искусства не обитают) такие животные, как лось, архар/снежный баран(?), кабан и медведь. При этом благородный олень и козуля, весьма распространенные среди древнейших петроглифов, до сих пор водятся в этих местах. Имеются также единичные «странные» изображения копытных, которые не идентифицируются с известными видами.

Несомненно, присутствие на скалах вымерших и изменивших ареал животных свидетельствует о том, что некогда на этой территории был другой биоценоз, другая экосистема, другой ландшафт, другой климат. Можно предположить, что палеозоология, палеоклиматологии и др. науки смогут установить, для какого именно периода было характерно такое сочетание видов крупных млекопитающих, и тем самым помогут археологам в установлении возраста древнейшего пласта петроглифов Минусинской котловины. Также хотелось бы подчеркнуть, что данные на скального искусства Сибири, видимо, по большей части остаются неизвестными специалистам-палеозоологам и практически не используются в их реконструкциях, а между тем — это интереснейший источник информации и для них.

Литература / References:

1. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985.
2. Советова О. С., Миклашевич Е. А. Хронологические и стилистические особенности среднеенисейских петроглифов // Археология, этнография и музейное дело. Кемерово, 1999. С. 47–74.
3. Шер Я. А. Петроглифы Средней и Центральной Азии. М., 1980.

Ust-Tuba [4]; they are also presented on the rocks of Moiseikha, Sukhanikha, Cheremushny Log [11], Georgievskaya, Boyarsky ridge [7]; individual images could also be found in other locations.

A characteristic feature of the earliest images of the Middle Yenisei (if treat it as a single layer) is the representation of animals which no longer inhabit this territory, or are extinct. The extinct species included a wild horse (apparently even several species of it, since their depictions have significant morphological differences), an aurochs, and a bison. Such animals as elk, argali/bighorn (?), wild boar and bear changed their habitat (currently they do not live in the regions of the said rock art sites). At the same time red deer and roe which were quite common in the earliest petroglyphs are still present in this area. There were also individual «strange» images of the ungulates, which could not be identified as any known species.

By all means the presence on the rock panels of extinct or changed their habitat animals gave evidence of the former existence in this territory of a different biocenosis, different ecosystem, different landscape, and different climate. It may be assumed that with the help of paleo-zoology, paleo climate studies and other research disciplines it will be possible to establish which particular period was characterized by this combination of large mammals species, and in so doing help the archaeologists in establishing the age of the earliest layer of the Minusinsk basin petroglyphs. We would also like to emphasize that the Siberian rock art data apparently remain practically unknown to paleo-zoologists and hence are practically never used in their reconstructions, while this is definitely a most interesting source of information for their studies as well.

4. Blednova N., Francfort H.-P., Legtchilo N., Martin L., Sacchi D., Sher J., Smirnov D., Soleilhavoup F., Vidal P. Tepsej I–III, Ust'-Tuba I–VI (Russie, Khakassie). Répertoire des pétroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule № 2. Paris, 1995.
5. Miklashevich E. The Earliest Rock Art of Southern Siberia // Congreso Internacional de Arte Rupestre. Cochabamba, Bolivia, 1997. P. 43.
6. Есин Ю.Н. Проблемы выделения изображений афанасьевской культуры в наскальном искусстве Минусинской котловины // Афанасьевский сборник. Барнаул, 2010. С. 53–73.
7. Русакова И.Д. К вопросу о хронологии древнейших петроглифов Минусинской котловины // Мир наскального искусства. М., 2005. С. 214–218.
8. Ковтун И.В. Изобразительные традиции эпохи бронзы Центральной и Северо-Западной Азии. Новосибирск, 2001.
9. Подольский Н.Л. О принципах датировки наскальных изображений // Советская археология. 1973. № 3. С. 265–275.
10. Sher J., Blednova N., Legtchilo N., Smirnov D. Oglakhty I–III (Russie, Khakassie). Repertoire des petroglyphes D'Asie Centrale. Fascicule № 1. Paris, 1994.
11. Sher, J., Savinov D., Legtchilo N., Sher, M. Cheremushny Log, Ust'-Kulog; Steles de Khakassie. Repertoire des Petroglyphes d'Asie Centrale. Fascicule №. 4. Paris, 1999.

УДК 903.27(571.64):7.031.3

Л. И. МИССОНОВА

Миссонова Людмила Ивановна — к.и.н.,
ИЭА РАН (Россия, Москва). E-mail: missmila@iea.ras.ru

**ОБРАЗ ЧЕРЕПАХИ В МИФОРИТУАЛЬНОМ
СОЗНАНИИ И ЖИЗНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ОСТРОВОВ
САХАЛИН, ИТУРУП, МОНЕРОН)**

Ключевые слова: артефакты Сахалина, Итурупа, Монерона; черепаха, мифы

Резюме. Сакральное искусство, отраженное на археологических артефактах, можно исследовать в сопоставлении с материалами лексики и фольклора («словесными артефактами») тунгусо-маньчжурских этнических общностей. Образ «черепахи» в мифоритуальном сознании служит отражением жизненных законов пространства освоенной территории Земли и звездного Неба, выполняя роль транслятора культурного кода (кода территории «памяти»).

Основанием для изучения «образа черепахи» послужили находки сахалинских археологов: фрагменты керамики (стоянка близ поселения Рейдово, о. Итуруп), фрагмент костяной накладки (стоянка Бухта Чупрова-1, о. Монерон), а также артефакты, найденные при раскопках в районе г. Поронайска (оз. Невское, о. Сахалин) и некоторые другие. Найденные фрагменты (X–XIII вв. н. э.) ныне хранятся в экспозиции Учебного археологического музея Сахалинского государственного университета (г. Южно-Сахалинск) и Поронайском краеведческом музее (г. Поронайск).

L. I. MISSONOVA

Missonova Ludmila Ivanovna — PhD in History,
IEA RAS (Russia, Moscow). E-mail: missmila@iea.ras.ru

**TURTLE IMAGE IN MYTHO-RITUAL CONSCIOUSNESS
AND REAL LIFE (ON THE MATERIALS OF
ARCHAEOLOGICAL ARTIFACTS FROM SAKHALIN,
ITURUP, AND MONERON ISLANDS)**

Key words: artifacts from Sakhalin, Iturup, and Moneron islands; turtle, myth

Summary. Sacral art reflected in archaeological artifacts may be studied in comparison with the materials of the Tungus-Manchu lexicon and folklore (“verbal artifacts”) of ethnic communities. The turtle image in mytho-ritual consciousness serves as a reflection of the laws of life of the assimilated territory of the Earth and the Starscape fulfilling the role of translator of the cultural code (the “memory” territory code).

The study of the “turtle images” was based on the finds made by the Sakhalin archaeologists: ceramics fragments (archaeological sites near Reidovo village, Iturup island), fragment of bone plate (an archaeological site in Bukhta Chuprova-1, Moneron island) as well as artifacts found during the excavations in the vicinity of Poronaisk (lake Nevskoje, Sakhalin island) and some others. The fragments (10th–13th centuries AD) now belong to the collections of the Archaeological Museum of the Sakhalin State University (Yuzhno-Sakhalinsk) and the Poronai Regional History Museum (Poronaik).

Ornamental compositions represented on ceramics and bone may be studied in comparison with the

Орнаментальные композиции, представленные на керамике и кости, можно исследовать в сопоставлении с материалами лексики и фольклора («словесными артефактами») тунгусо-маньчжурских этнических общностей, причастных к освоению Дальневосточной территории (как островной, так и материковой), а также путями маршрута миграции кожистой черепахи в Тихоокеанском регионе и ее функциями «пастуха» (в мифологическом смысле, также «хозяина»), к примеру, лососевых рыб.

Сакральное искусство служит четким отражением жизненных законов пространства освоенной территории Земли и звездного Неба, а также ярким выражением мифоритуального сознания этнической (в частности, тунгусо-маньчжурской) или иной общности. Кроме того, выявляется и подтверждается давнее использование человеком основных принципов прикладной (технической) бионики, точнее — биомиметики. Восприятие (и равноуровневое «использование» — от обыденного до ритуального) сакрального пространства, заложенное в «этническое» изобразительное и словесное искусство, играет основополагающую роль в сохранении и трансляции культурного кода (или кода территории «памяти»). Сакральные композиции островного «изобразительного фольклора» веками выполняют роль языка, связующего разновременное мифоритуальное сознание изучаемого региона.

УДК 903.27(571.1):398

Ю. И. ОЖЕРЕДОВ

Ожередов Юрий Иванович — к.и.н., ТомГУ
(Россия, Томск). E-mail: nohoister@gmail.com

ВЕДИЙСКИЙ СЮЖЕТ В КУЛАЙСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ И СЕЛКУПСКОЙ МИФОЛОГИИ

Ключевые слова: кулайская культура, селькупы, древо познания, первопредки

Резюме. Исследование посвящено семантике кулайской ритуальной поделки со сценой из двух птиц, дерева и змеи. Сюжет находит трактовку в мифологии селькупов и ведийских текстах, символически иллюстрирует библейскую легенду о первопредках человечества. Изделие ретранслирует архаический текст в сознание населения тайги, фиксируя этногенетические процессы с участием пришлых племен юга.

На протяжении более чем столетнего изучения мировоззрения обских самодийцев-селькупов

materials of of the Tungus-Manchuria lexicon and folklore (“verbal artifacts”) of ethnic communities involved in the colonization of the Far Eastern territory (both the islands and the mainland), as well as the ways of leatherback turtle migration routes in the Pacific region and its functions of a “shepherd” (in a mythological sense also a “master”) of, e. g., salmon.

Sacral art serves as a clear reflection of the laws of life of the assimilated territory of the Earth and the Starscape, as well as a vivid manifestation of the mytho-ritual consciousness of an ethnic (specifically, Tungus-Manchu) or other community. In addition the research confirmed a hypothesis that humans already in antiquity used the main principles of applied (technical) bionics, or, to be more exact — biomimetism. The perception (and the multilevel “use” — from the trivial to the ritual) of sacral space inherent in the “ethnic” visual and verbal art played a fundamental role in the preservation and translation of the cultural code (or the “memory” territory code). Sacral compositions of the islands’ “artistic folklore” for ages played the role of a language connecting mytho-ritual consciousness of different periods in the studied region.

YU. I. OZHEREDOV

Ozheredov Yuri Ivanovich — PhD in History, TomSU
(Russia, Tomsk). E-mail: nohoister@gmail.com

VEDIC THEME IN KULAI METAL PLASTICS AND SELKUP MYTHOLOGY

Key words: Kulai culture, Selkups, tree of knowledge, forebears

Summary. The subject of the study is the semantics of Kulai ritual articles with scenes representing two birds, a tree and a snake. An original interpretation of the theme was offered in the Selkup mythology and the Vedic texts serving as a symbolic illustration of the Biblical legend about the forebears of humanity. The item retranslated the archaic text into the consciousness of the taiga population reflecting the ethnogenic processes with the participation of migrant tribes from the south.

Over more than a hundred years of studies of the Ob Samody Selkups’ worldviews a significant body

собран и систематизирован обширный материал от древности до современности. При этом наиболее загадочным остается ранний период истории этноса, соотносимый с кулайской археологической общностью раннего железного века, отличительной чертой которого стали самобытные культовые отливки из медных сплавов.

К наиболее интересным образцам с орнитоморфным сюжетом, безусловно, относится находка с Кулайского культового места, дислоцированного на территории локально-диалектной группы селькупов «шиешгула» [1, с. 26, 28; 2, с. 152]. Сцена включает дерево и двух птиц по сторонам от ствола, обращенных клювами друг к другу. Снизу вверх по левой границе композицию охватывает дугообразная фигура с завершением в виде головы змеи.

Семантика данной сцены обнаружена нами в селькупском мифе о мировом дереве, произрастающем у начала мира «на стрелке рек Кедровки и Орла у дома прародительницы». На ее ветвях сидят орел и кедровка, а висят солнце и луна [3, с. 107], подразумеваемая гендерные различия героев. Тема перевоплощений прародительницы в селькупской традиции развивается в сторону отождествления женщины и дерева: Богиня обратилась в «девку красивую», поселившуюся в стволе дерева. Когда дупло заросло, «девка» сама стала деревом [4, с. 10].

Аналогичный сюжет в обско-угорской мифологии трактует птиц в качестве семейной пары духов, а два принадлежащих им зеркала именует солнцем и луной [5, с. 25], подразумеваемая гендерную разнь.

Образ прародительницы в форме дерева имеет универсальный характер, «защитный» в популярный в странах Передней Азии и Средиземноморья миф о мировом древе. В Мемфисе телом богини Гатор или местом божеств Нут и Гатор считалось сикомора, Зевс почитался дубом, а Дионис жил в чинаре [6, с. 440, 445]. Но самое близкое сходство с селькупским и угорским мифами обнаруживают ведийские тексты, давно уже ставшие надежным источником для решения загадок мировоззрения народов тайги [7; 8].

В «Упанишадах» рассказывается, как «две птицы... обхватывают одно и то же дерево. Одна из них ест сладкие плоды, другая — смотрит, не прикасаясь к плодам». В другом варианте птицы расположились не на дереве, а на «четырёхкосой» юнице, символизирующей космическое древо. Птицы на ней соотнесены с солнцем и луной [9, с. 48; 10, с. 71, 82, 104], как и в таежных мифах. По другой версии, в птицах содержатся индивидуальная и вселенская душа [10, с. 294], а дерево мыслится обителью духов [11, с. 445].

of information has been accumulated covering a vast timespan from antiquity to the modern period. At the same time the early period of their ethnic history still remains the most mysterious stage normally associated with the Kulai archaeological community of the early Iron Age, a characteristic feature of which were the unique ritual cast copper alloy items.

One of the more interesting examples with ornithomorphic motif is, apparently, a find from the Kulai sacred place located in the territory of the local-dialect group of the “Shieshgula” Selkups [1, p. 26, 28; 2, p. 152]. The scene represented a tree and two birds on both sides of the trunk facing each other. Along the left side the composition was framed by an arched figure ending with a snake head.

The semantics of the scene was discovered by us in a Selkup myth about a world tree growing at the beginning of the world “at the spit of Kedrovka and Orel rivers near the pra-mother’s house”. On its branches there sat an eagle and a nutcracker, and hung the sun and the moon [3, p. 107], implying the gender differences of the personages. The topic of reincarnations of the pra-mother in Selkup tradition was developing towards identification of a woman and a tree: the Goddess turned into a “beautiful girl” who settled in a tree trunk. When the hollow cavern in a trunk closed, the “girl” herself also became a tree [4, p. 10].

A similar theme in the Ob-Ugrian mythology was interpreting the birds as a family couple of spirits, while the two mirrors belonging to them were called the sun and the moon [5, p. 25], implying their gender differences.

The image of the pra-mother in the form of a tree was a universal motif inherent in the world tree myths popular in the countries of Western Asia and the Mediterranean region. In Memphis the sycamore tree was considered to represent the body of Gator goddess, or the place of Nut and Gator gods residence, Zeus was represented as an oak, and Dionysus lived in a plane tree [6, p. 440, 445]. However the closest resemblance to the Selkup and the Ugric myths was found in the Vedic texts which have long become a reliable source for solving mysteries of the taiga peoples ideologies [7, 8].

In the Upanishads there was a story about “two birds... embracing one and the same tree. One of them was eating sweet fruit, another one was looking without touching the fruit”. In another version the birds sat not on a tree, but on a “young girl with four braids” who symbolized the cosmic tree. The birds there were also correlated with the sun and the moon [9, p. 48; 10, p. 71, 82, 104], in the same way as in the taiga myths. According to still another version the birds contained an individual and a universal souls [10, p. 294], and the tree was understood as the spirits repository [11, p. 445].

При знакомстве с ведийскими текстами возникает ощущение, что птицы не идентичны: они противопоставлены позиционно и занимают разные стороны в пространстве, одна ест плоды, другая нет, они хранят разные души. Точно так же не идентичны фигуры птиц на кулайской отливке: помимо позиционирования их отличает оформление голов и сильно разнятся шейные украшения.

Наметки к разгадке имеются уже в таежных мифах, а подтверждение тому дает «Махабхарата», где записано, что на деревьях росли мужчины и женщины [12, с. 447], подразумевая, тем самым, гендерные различия персонажей. К этому же выводу склоняют результаты изучения изображений парных лапчатых подвесок [13] и ритуального аттитюда божеств приобских народов [14].

Дерево, две разнополюсные персоны и змей с кулайской отливки — это символы одного из главных библейских преданий, повествующего о древе познания добра и зла, о первопредках человечества. Следовательно, изученная кулайская отливка — возможно, одна из древнейших иллюстраций к этому универсальному для культуры человечества сказанию.

Литература / References:

1. Ожередов Ю.И. Барклай, курганный могильник // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. Материалы к энциклопедии Томской области. Томск, 2001. С. 26–28.
2. Ожередов Ю.И. Средневековье позднее // Народы и культуры Томско-Нарымского Приобья. С. 150–155.
3. Прокофьева Е.Д. К вопросу о социальной организации селькупов (род и фратрия) // Тр. Ин-та этнографии. Нов. сер. Т. XVIII. М.; Л., 1952. С. 88–107.
4. Пелих Г.И. Селькупская мифология. Томск, 1998.
5. Хэжель Й. Почитание духов и дуальная система у угров (к проблеме евразийского тотемизма). Томск, 2001.
6. Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии: Исследования, статьи, лекции. М., 2012.
7. Элиаде М. Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения. М., 1999.
8. Ожередов Ю.И. «Ведийские ритуалы» у народов Северо-Западной Сибири: посмертная посуда // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2013. Вып. 2. С. 120–132.
9. Иванов В.В. Проблемы этносемиотики // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С. 38–61.
10. Топоров В.Н. О брахмане. К истокам концепции // Мировое дерево: Универсальные знаковые комплексы. Т. 2. М., 2010. С. 62–107.
11. Тресиддер Д. Словарь символов. М., 2001.
12. Нойман Э. Великая мать. М., 2012.
13. Ожередов Ю.И. Лапчатые подвески из захоронений палеоселькупов Нарымского Приобья: семантический контекст // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. III. Казань, 2014. С. 136–138.
14. Ожередов Ю.И. Архетипический «аттитюд» в изобразительном творчестве коренных обитателей Сибири // Творчество в археологическом и этнографическом измерении. Омск, 2013. С. 364–372.

The acquaintance with the Vedic texts gives a feeling that the birds were not identical: they were counterposed positionally and sat on the opposing sides in space, one was eating fruit, another one not eating, and they were keepers of different souls. Similarly the birds were not identical in a Kulai casting: in addition to different positioning there were also significant differences in the shapes of their heads and neck decorations.

Some prompts to the solution could be found already in the taiga myths, and the confirmation to this was received in Mahabharata, which said that men and women grew on trees [12, p. 447], implying in this way the gender differences of the personages. The same conclusion may be drawn from the study of the images of paired duck-feet pendants [13] and the ritual attitude of the Ob peoples deities [14].

The tree, two persons of different gender, and a snake from the Kulai casting were the symbols of one of the main Biblical stories telling about the tree of knowledge of good and evil and the forebears of humanity. Hence the studied Kulai casting was, possibly, one of the oldest illustrations to this universal legend of the human culture.

УДК 903.7(470.54)«633/636»

С. Н. ПАНИНАПанина Светлана Николаевна — СОКМ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: snpanina@yandex.ru**ИЕРОТОПИЯ ИССЛЕДОВАННОЙ ЧАСТИ САКРАЛЬНОГО
ПРОСТРАНСТВА УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА —
КУЛЬТОВОГО ПАМЯТНИКА НЕОЛИТА — ПОЗДНЕГО
ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ***Ключевые слова:* культовое место, насыпной холм, иеротопия, сакральный и тафальный ландшафты*Резюме.* Материалы исследованной части Усть-Вагильского холма позволяют проследить иеротопию (процесс возникновения и развития) сакрализованного пространства в эпоху неолита и энеолита.

На территории Среднего Зауралья в ранние эпохи в составе пространства жизнеобитания конкретно-исторической общности сакрализация культовых мест была связана с особенностями природного ландшафта: гора, скала, грот, архитектура входов и залов пещер, мысы, останцы. Исключением из этого правила и, в то же время, спецификой края, является создание рукотворных, искусственных мест сакрализованного пространства в виде насыпных холмов: Кокшаровского, Махтыльского, трех Полуденковских [1, с. 76], Усть-Вагильского. Эти сооружения обладают рядом общих черт: все они возникли в эпоху неолита, расположены в пойме, близко к воде, многослойны; верхние слои датируются бронзовым веком, железным веком. В. Ф. Старков, совершенно справедливо, отнес холмы к культовым памятникам, предположив при этом, что в начале процесса сакрализации пространства холм (как место раннего поселения) уже являлся доминантой ландшафта [1, с. 77].

Рассмотрим процесс создания сакрализованного искусственного ландшафта Усть-Вагильского холма, его исследованной северо-восточной части.

Он расположен на стрелке в месте впадения р. Вагиль в Тавду, в пойме [2, с. 131, рис. 1 а]. Топографически этот левый берег р. Тавды — самый низменный относительно правого берега Тавды и левого берега Вагиля. Естественный ландшафт — низкая пойма с невыраженными террасами. То есть, доминантой пространства территория, на которой возник холм изначально не была. Возможно, сакрализация связана с экстраординарным событием, когда-то произошедшим в этом месте в эпоху неолита, после которого возник обряд, визуально фиксируемый в виде насыпного сооружения — холма.

S. N. PANINAPanina Svetlana Nikolajevna — RNHM
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: snpanina@yandex.ru**HIEROTOPY OF THE STUDIED PART OF
THE UST-VAGIL HILL SACRAL SPACE —
NEOLITHIC-LATE IRON AGE RITUAL SITE
OF THE FOREST TRANS-URAL***Key words:* ritual place, artificial mound, hierotopy, sacral and tafal landscapes*Summary.* The materials of the studied part of the Ust-Vagil hill allowed tracing the hierotopy (process of origination and development) of the sacral space during the Neolithic and the Eneolithic.

In the territory of the Middle Trans-Ural during the early historical ages the sacralization of ritual places within the living space area of a specific historical community was connected to the specifics of the natural landscape: a mountain, a rock, a grotto, the architecture of entrances and cave halls, capes, and buttes. An exception from this rule and, at the same time, a specific feature of the region, was the creation of artificial sacral space places in the form of artificial mounds: the Koksharov, the Makhtylsky, the three Poludenkovsky [1, p. 76], and the Ust-Vagil hills. These structure had certain features in common: all of them originated in the Neolithic, were located in the flood lands, close to the water, were multi-level, and their upper levels were dated as the Bronze and the Iron Age. V. F. Starkov quite correctly defined these hills as the ritual sites, offering at the same time a hypothesis that in the beginning of the sacralization process a hill (as the early settlement place) already was a landscape dominant [1, p. 77].

Let us consider the process of creating an artificial sacral landscape of Ust-Vagil hill, or rather its studied north eastern part.

It is located on the river spit at the point of inflow of the Vagil river into the Tavda, in their flood land area [2, p. 131, fig. 1a]. Topographically this is the left bank of the Tavda river — the lowest one compared to the right bank of the Tavda, or the left bank of the Vagil. Its natural landscape was a low flood land with undeveloped terraces. That is, the territory on which the mound was erected was not initially the dominant feature of the landscape. It is possible that the sacralization was related to some extraordinary event which happened once in this place during the Neolithic, and after which a ritual originated which was visually manifested in the form of an artificial mound — a hill.

Раскопками 2005–2014 гг. в основании вскрытой части холма исследовано жертвенное место эпохи раннего неолита. Оно включает в себя скопление костей и рогов животных, и шести фрагментов человеческих черепов в слое черно-коричневой супеси с включением углей. В святилищном слое присутствует белая глина в двух вариантах: мелкие бесформенные фракции, смешанные с основным слоем, и в виде небольших сфероидов и жгутов диаметром не более 3 см. В стороне от основного скопления костей лежал седьмой фрагмент теменной кости человеческого черепа, заполненный фракциями белой глины, чешуей и костями рыб. Рядом с ним зафиксировано несколько плохо сохранившихся костей животных.

Сакрализованное пространство всегда имеет границу, отделяющую его от профанного пространства, оно дискретно, неоднородно «... в нем много разрывов, разломов; одни части пространства качественно отличаются от других» [3, с. 261]. При раскопках граница фиксируется в виде рва, частокола, сохранившихся идолов.

На Усть-Вагильском холме святилище расположено на периферии и отделено от основной части холма дугообразной канавкой, заполненной слоями прокаленной почвы и небольшими углистыми плашками. Вдоль части канавки были зафиксированы столбовые ямки от кольев, врытых, в некоторых случаях, наклонно [4, с. 183].

Процесс сакрализации пространства А. М. Лидов обозначил термином «иеротопия» — священное пространство, в котором происходит формирование сакральных ландшафтов под влиянием региональной этнокультуры.

В свою очередь, «сакральный ландшафт — это часть более крупного социокультурного образования — культурного ландшафта как земного пространства жизненной среды группы людей. Пространство сакрального ландшафта одновременно цельно и структурировано, содержит природные и культурные компоненты, освоено утилитарно, семантически и символически» [5].

Святилище с фрагментами человеческих черепов и костями животных было перекрыто слоем земли и бересты. Последующие культурные слои памятника с мощными проколами были также перекрыты землей и берестой. В результате продолжительной обрядовой деятельности появился насыпной холм.

В эпоху энеолита усложняется структура сакрального пространства. В юго-восточной части подошвы холма был исследован второй сакральный комплекс, связанный с энеолитическим погребением и жертвенной площадкой, покрытой деревянными

Excavations of 2005–2014 at the foot of the excavated part of the hill revealed a sacrificial place of the early Neolithic. It included an accumulation of animal bones and antlers, and six fragments of human skulls in a layer of black-brown sandy loam with coal inclusions. White clay was present on the sacred place in two variants: small shapeless fractions mixed with the main layer, and in the form of small spheroids and bands not more than 3 cm in diameter. Aside from the main human bones accumulation there was the seventh fragment of the parietal bone of human skull filled with white clay fractions, fish scale and bones. Nearby there were several poorly preserved animal bones.

The sacral space always had a border separating it from the profane space, it was discreet, non-uniform “... it contained lots of discontinuities, breaks; some parts of the space were qualitatively different from the others” [3, p. 261]. In the course of excavations such border is normally registered as a trench, a fence, or the preserved idols.

In the Ust-Vagil hill the sacred place was located on the periphery and separated from the main part of the hill by an arc-shaped trench filled with layers of calcinated soil and small coaly slips. Along part of the trench there were post holes from stakes, which were in some cases fixed at an angle [4, p. 183].

A. M. Lidov denoted the sacralization process with the term “hierotopy” — sacral space in which sacral landscapes are formed under the influence of the regional ethnic culture.

In its turn the “sacral landscape” is a part of a larger socio-cultural formation — cultural landscape as the land space, or the life environment of a group of people. The sacral landscape space is at the same time integral and structured, it contains both natural and cultural components, it is developed utilitarianly, semantically, and symbolically [5].

The sacred place with fragments of human skulls and animal bones was overlaid with a layer of earth and birch bark. The later cultural levels of the site with thick layers of burnt soil were also covered with earth and birch bark. As a result of long periods of ritual activity an artificial mound was formed.

During the Eneolithic the structure of the sacral space became more complicated. In the south-east part of the hill foot a second sacral complex was studied, which was related to the Eneolithic interments and a sacrificial platform covered with wide wooden planks, which were burnt either in an accident or intentionally. Burial places (tafal landscapes) in the same way as the religious ritual objects are generally defined as belonging to the traditional sacral landscapes [2, p. 32].

широкими плахами, сгоревшими или сожженными сознательно. Места погребений (тафальные ландшафты) также как и культовые и ритуальные объекты относят к числу традиционных сакральных ландшафтов [2, с. 32].

Усть-Вагильский холм, возникнув как локальное святилище, с течением времени становится сакральным центром нескольких поколений, культур, приобретая универсальную значимость. Холм эпизодически посещался вплоть до позднего железного века, но характер обрядов видоизменился, хотя суть осталась прежней — жертвоприношение (бескровное).

Литература / References:

1. Старков В. Ф. О так называемых «богатых буграх» в лесном Зауралье // Вестник Московского университета. История. М., 1969. № 5. С. 72–76.
2. Панина С. Н. Фрагмент сакрального пространства эпохи энеолит у подошвы Усть-Вагильского холма в лесном Зауралье // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда. Казань, 2014. Т. I. С. 330–334.
3. Элиаде Мирча. Избранные сочинения: Миф о вечном возвращении; Образы и символы; Священное и мирское. М., 2000.
4. Панина С. Н. Новые данные в исследовании Усть-Вагильского холма — культового места эпохи неолита — железного века в лесном Зауралье // Тр. III (XIX) Всерос. археол. съезда. СПб.; М.; Великий Новгород, 2011. Т. I. С. 183–185.
5. Лидов А. М. Иеротопия. Пространственные иконы и образцы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009.

УДК 902:7.03.1

А. С. ПАХУНОВ

Пахунув Александр Сергеевич — ИА РАН
(Россия, Москва), science@pakhunov.com

**МЕТОДЫ ЦИФРОВОГО УСИЛЕНИЯ КОНТРАСТА ДЛЯ
ВЫЯВЛЕНИЯ ДЕТАЛЕЙ КРАСОЧНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ:
УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ¹**

Ключевые слова: верхний палеолит, Капова пещера (Шульган-Таш), пещерные изображения, цифровая обработка

Резюме. Рассмотрено место методов усиления цветового контраста в комплексе средств визуализации выполненных краской рисунков. Применение цифровой обработки изображений позволяет эффективно выявлять слабо различимые рисунки, уточнять границы и особенности изображений. В тоже время эти методы не позволяют на скале отличить естественный красочный материал от антропогенного. Являясь частью комплексной методики изучения росписей на скалах, включающей в себя также анализ состава материалов, методы цифрового усиления контраста позволяют на новом уровне проводить визуализацию

¹ Работа выполнена в рамках проекта ГНФ № 15-01-00240а

The Ust-Vagil hill which originated as the local sacred place with time became a sacral center for several generations and cultures having acquired a universal importance. The hill was visited from time to time up to the late Iron Age, however the nature of the rituals changed, though their meaning remained the same — it was a sacrificial offering (bloodless).

A. S. PAKHUNOV

Pakhunov Alexander Sergeevich — IA RAS
(Russia, Moscow), science@pakhunov.com

**USING DIGITAL IMAGE ENHANCEMENT FOR THE
REVEALING OF THE DETAILS OF FADED IMAGES:
ITS PRINCIPLES AND APPLICATION¹**

Key words: Upper Palaeolithic, Kapova Cave (Shulgan-Tash), cave art, digital image enhancement

Summary. The significance of digital image enhancement methods of cave art paintings has been discussed. Digital image processing is a powerful tool for the revealing of faded drawings. At the same time these methods are incapable of distinguishing between paintings and the natural minerals formation on a rock surface. As part of an integrated rock art study methodology, including also the analysis of materials composition, color enhancement allows performing a high quality visualization of drawings themselves and the underlying substrates, as well as mapping of colonies of microorganisms.

¹ The study was performed as part of RFBF project 15-01-00240a

самых красочных изображений, субстратов, по которым они выполнены, а также фиксировать зоны распространения биопоражений.

Состояние сохранности красочных изображений пещерных памятников зависит от воздействия многих факторов как природных, так и антропогенных. Выявленные в 1959 г. в Каповой пещере (Шульган-Таш) рисунки были перекрыты посетительскими надписями, удаление которых оказало прямое воздействие на красочные слои. Многие граффити остались не удалены, что актуализирует задачу выявления границ рисунков, а также разработку критериев объективной оценки следов красного цвета на стенах пещеры — являются ли они остатками изображений или же ожелезнениями естественного происхождения.

Использование обработки фотографий для уточнения деталей изображений в Каповой пещере имеет продолжительную историю. Фотографии, применяемые в качестве основы для прорисовок, являются для исследователя первичным материалом для последующей работы. В монографии О.Н. Бадера по Каповой пещере [1] приводятся выполненные художником зарисовки, существенно отличающиеся от обработанных фотографий [2]. В полевом отчете 1971 г. О.Н. Бадера приводятся доработанные фотографии, а также фотографии копий рисунков, на которых их контуры выглядят отчетливо [3, д. 4689 А], в отчете 1974 г. границы некоторых рисунков были обведены [4, д. 5633 А]. Первые результаты по компьютерной обработке изображений приводятся в монографии В.Е. Щелинского и В.Н. Широкова [5]. Систематическая обработка цветных фотографий была начата А.К. Солодейниковым в начале 2000-х гг. [6]. В опубликованных в последние годы двух каталогах изображений в Каповой пещере наряду с фотографиями в видимом свете приводятся и фото после цифровой обработки [7; 8]. Результаты применяющихся методов обработки существенно разнятся.

В процессе работы установлено, что основными условиями для сопоставления результатов обработки являются: съемка в формате RAW и стандартный для всех снимков процесс конвертации и постобработки; использование одного источника света с высоким индексом цветопередачи и одинаковой или близких схем освещения; предпочтительно использование камер одного производителя.

Проведение серийной обработки позволило установить, что изображения с усиленным цветовым контрастом возможно использовать не только для уточнения границ красочных изображений, но также для анализа и сопоставления подстилающих

The state of preservation of painted images at cave art sites depends on many factors both natural and anthropogenic. The drawings discovered in 1959 in Kapova Cave (Shulgan-Tash) were partially covered with modern visitors' graffiti the removal of which directly affected the painting layers. Lots of graffiti still remain in place, which makes the task of defining the drawings, as well as the development of criteria for objective assessment of red paint traces on the cave walls — whether they are the remains of the drawings or iron staining of natural origin — even more relevant.

Application of image processing for clarification of paintings details at the Kapova Cave has a long history. Photos used as the basis for tracing have always been a researcher's primary material for all further studies. In a monograph by O.N. Bader on Kapova Cave [1] there were some sketches made by an artist which differed significantly from the processed photos [2]. In a 1971 field report by O.N. Bader there were augmented photos, as well as photos of the drawings tracings where the outlines were quite clear [3, d. 4689 A], in 1974 report the borders of some drawings were outlined [4, d. 5633 A]. The first results on computer processing of images were published in V. E. Shchelinsky's and V. I. Shirokov's monograph [5]. Systematic work on digital image processing was started by A. K. Solodeinikov in the early 2000s [6]. In the two recently published catalogs of Kapova Cave drawings some enhanced photos were published alongside with the conventional photos [7; 8]. The results of different enhancement workflows varied significantly.

It has been established that primary rules for comparison of processing results were: taking photos in RAW format and the using standard operations for all photos during the conversion and post-processing; using the same light sources with high color rendering index and the similar lighting schemes; using of the cameras from the single manufacturer.

As a result of processing of the series images it was established that color enhanced images could be used not only for the clarifying of the faded images, but also for analyzing and comparing underlying substrates. The colors obtained as a result of processing were universal for weathering crust, columnar calcite layers and other calcite formations at the different halls in the cave.

At the same time application of digital image enhancement methods to conventional photos has some limitations:

1. The shots made in visible light did not register colonies of microorganisms specifically, while the mapping of which was necessary for monitoring of the preservation state of the images.

2. Processing of the conventional images did not allow us to detect repainting since only the upper layer was visible.

субстратов — получаемые в процессе обработки условные цвета универсальны для кор выветривания, слоев параллельно-шестоватого кальцита и прочих натечных образований.

Вместе с тем, применение методов цифрового усиления контраста только к прямым фотографиям в видимом диапазоне связано со следующими ограничениями:

1. При фотосъемке в видимом диапазоне не фиксируются биопоражения, картирование которых необходимо для мониторинга состояния сохранности рисунков.

2. Цифровая обработка изображений в видимом свете не позволяет обнаруживать поновления ввиду того, что проводится анализ только верхнего слоя.

3. Прорисовки по прямым фотографиям не точно передают пропорции изображений ввиду существенного рельефа стен.

Применение комплексной методики, включающей в себя фотосъемку в УФ и ИК диапазоне [9], а также получение наборов фотографий для фотограмметрических реконструкций скальных поверхностей с рисунками, позволяет нам формировать файлы, включающие в себя несколько слоев, содержащих взаимодополняющую информацию об исследуемом изображении.

Эта информация, дополненная данными химико-аналитических исследований состава микропроб, позволяет объективно определять границы рисунков и отличать их от естественных ожелезнений, распространенных на стенах пещеры.

Литература / References:

1. Бадер О.Н. Каповая пещера: Палеолитическая живопись. М.: Наука, 1965.
2. Солодейников А.К. К вопросу о методах и методологии изучения наскальной живописи // Вестник Гуманитарного Факультета СПбГУТ им. проф. М.А. Бонч-Бруевича. № 2. СПб, 2005. С. 94–107.
3. Бадер О.Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1971 г. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. 1971. Ф. Р-1.
4. Бадер О.Н. Отчет о работах Уральской палеолитической экспедиции в 1974 г. Альбом иллюстраций // Архив ИА РАН. 1974. Ф. Р-1.
5. Šcelinskij V. E., Širokov V. N. Hohlenmalerei im Ural: Kapova und Ignatievka; die altsteinzeitlichen Bilderhöhlen im südlichen Ural. Sigmaringen: Thorbecke, 1999.
6. Solodeynikov A. K. Research on the Recordings of rock paintings in the Kapova cave (Ural) // International Newsletter on Rock Art (INORA). 2005. V. 43. P. 10–14.
7. Ляхницкий Ю.С. Сокровище палеолита. Рисунки и знаки пещеры Шульганташ. Уфа: Китап, 2008.
8. Ляхницкий Ю.С., Минников О.А., Юшко А.А. Рисунки и знаки пещеры Шульганташ (Каповой). Уфа: Китап, 2013.
9. Пахунув А.С. Фотосъемка в инфракрасном диапазоне и цифровая обработка изображений палеолитической живописи Каповой пещеры: первые результаты и перспективы // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. Казань: Отечество, 2014. С. 87–91.

3. Tracing made by using direct photos of the paintings did not reveal the images proportions correctly because of a significant difference in the relief of walls.

Use of complex methodology including the digital image enhancement of the UVF and IR photos [9], as well as photogrammetry for reconstruction of the rock surfaces with drawings would allow us to produce multilayer files containing complementing information about the studied images.

This information combined with the data of chemical analysis of the micro samples would improve the objective delineation of the images and their distinguishing from the natural staining of the cave walls.

УДК 903.27:7.03.1

Д. Г. САВИНОВ

Савинов Дмитрий Глебович — д.и.н.,
Институт истории СПбГУ (Россия, Санкт-Петербург)
E-mail: history@spbu.ru

СЕВЕРНЫЙ/СИБИРСКИЙ КОМПОНЕНТ ОКУНЕВСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ

Ключевые слова: окуневская культура, Южная Сибирь, эпоха бронзы, неолитический компонент

Резюме. Рассмотрена проблема неолитического компонента окуневской культуры эпохи ранней бронзы. Среди изобразительных памятников окуневского культурного круга на территории Сибири выявлены те образы и представления, которые в северных (периферийных) его областях сохранились в «чистом» виде и, следовательно, представляют местную основу изобразительной традиции собственно окуневской культуры Минусинской котловины.

Понятие «окуневская культура» (соответственно «окуневская изобразительная традиция») может рассматриваться в следующих измерениях: 1). Как наименование археологической культуры, занимающей свое место в периодизации эпохи бронзы Южной Сибири; 2). Как определение древнесибирской «цивилизации», значение которой выходит далеко за пределы окуневской археологической культуры (Минусинская котловина). На перекрестке этих двух подходов — формационного и цивилизационного — раскрываются наибольшие возможности изучения феномена окуневского искусства, впитавшего в себя ряд разнородных и, на первый взгляд, противоречивых компонентов.

Наличие местного — сибирского — компонента в окуневском культурогенезе рассматривалось главным образом в русле решения проблемы происхождения окуневской культуры. Выделивший окуневскую культуру Г. А. Максименков считал ее «истинно сибирской», начальное формирование которой происходило в районе, расположенном севернее Минусинской котловины, где в памятниках местного неолита имеются наиболее близкие аналоги многим элементам окуневского культурного комплекса (в первую очередь керамика и предметы изобразительного искусства). Некоторые другие параллели, правда, не столь четко выраженные, можно было найти и среди так называемого окружения окуневской культуры: глазковская культура Прибайкалья, материалы поселения Самусь IV в Приобье, кротовская культура Барабы, отдельные известные

D. G. SAVINOV

Savinov Dmitry Glebovich — Doctor of History,
Institute of History, St. Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia). E-mail: history@spbu.ru

NORTHERN/SIBERIAN COMPONENT OF THE OKUNEV ARTISTIC TRADITION

Key words: Okunev culture, Southern Siberia, Bronze Age, Neolithic component

Summary. The problem of Neolithic component in the early Bronze Age Okunev culture has been considered. Within the Okunev culture circle art objects group found in the territory of Siberia the authors identified those images and concepts which in the culture's northern (peripheral) regions had been preserved in their «pure» form and, hence, represented the local basis of the artistic tradition of the Okunev culture proper in the Minusinsk depression.

The concept «Okunev culture» (and «Okunev artistic tradition» respectively) may be studied in the following dimensions: 1). As a name of an archaeological culture with its own place in the Southern Siberia Bronze Age periodization; 2). As a definition of the old Siberian «civilization», the meaning of which went far beyond the boundaries of the Okunev archaeological culture areal (the Minusinsk depression). The intersection of these two approaches — the formative and the civilizational — offers the greatest opportunities for the study of the Okunev art phenomenon, absorbing a number of diverse and, at a first glance, controversial components.

The presence of local — Siberian — component in the Okunev culture genesis was interpreted mostly within the context of addressing the problem of the Okunev culture origin. G. A. Maximenkov, who first identified the Okunev culture considered it to be «truly Siberian», the initial formation of which occurred in a region north of the Minusinsk depression, where the closest analogues to many elements of the Okunev culture complex (in the first place earthenware and visual art items) were found in the local Neolithic sites. Some other parallels, though not as clearly manifested, could be found also in the so called Okunev culture circle: Glaskovo culture of the Baikal region, the Samus IV materials in the Ob region, Krotov culture of Baraba, some of the then known sites of the Altai and Tuva [1]. However it remained unclear how they were related to the origin of the Okunev culture.

In later years the search for the Okunev artistic tradition sources was mostly redirected towards the

тогда памятники Алтая и Тувы [1]. Однако какое они имели отношение к происхождению окуневской культуры, оставалось неясным.

В дальнейшем поиски истоков окуневской изобразительной традиции были в основном направлены в зону высоких цивилизаций Древнего Востока: Передняя Азия — Двуречье, Малая Азия — Хетты, Индия — Мохенджо-Даро; а также Эгейский мир и Средняя Азия (А. А. Формозов, М. Д. Хлобыстина, Я. А. Шер, Б. Н. Пяткин, Е. А. Миклашевич, Л. Р. Кызласов, В. Д. Кубарев, Л. А. Соколова и др.) Основанием для этого служили совпадения отдельных элементов изображений окуневской культуры и их далеких предпологаемых прототипов, накладывавшихся на местную (неолитическую?) основу. При этом сама эта неолитическая основа, за исключением работы Л. А. Соколовой [2], удачно и доказательно дополненной рассуждения Г. А. Максименкова, как бы отошла на «второй план».

Отдельные сюжеты и образы, которые можно отнести к северному/сибирскому компоненту окуневской изобразительной традиции уже неоднократно рассматривались в литературе. К ним относятся изображения лосей в характерном «ангарском» стиле (А. П. Окладников, А. И. Мартынов, Н. Л. Подольский, В. И. Молодин, Я. А. Шер и др.); антропоморфные стоящие фигуры и сердцевидные личины (М. А. Дэвлет, А. Л. Заика); предметы мелкой пластики (С. В. Студизская); изображения на самусьской керамике (Ю. Н. Есин) и др. Среди них есть, безусловно, как более ранние (неолитические), так и более поздние изображения, одновременные с уже сформировавшейся окуневской культурой.

Судя по имеющимся в настоящее время материалам, подобные изображения охватывают обширный культурно-исторический ареал, который (в русле построений В. Г. Тан-Богораза) можно определить как окуневский культурный круг. Северная граница его проходит по траверсу подтаежных пределов лесостепи: Средняя Обь с притоками — Средний Енисей (Красноярско-Канский район) — Нижняя и Средняя Ангара — Западное Прибайкалье. Отдельные культурные импульсы доходили до бассейна Средней Лены. Из представленных в этом ареале изображений, западное происхождение которых заведомо исключено, наиболее показательны несколько образов: сердцевидные личины, изображения лосей в «ангарском» стиле, клиновидные фигурки, антропоморфные изображения с раскинутыми руками, возможно, лодки.

Сердцевидные личины вообще имеют очень широкий ареал — от Урала до Дальнего Востока — и маркируют своего рода «фон» каких-то очень

high civilizations of the Ancient Orient zone: Western Asia — Mesopotamia, Asia Minor — the Hittites, India — Mohenjo-daro; as well as the Aegean world and the Central Asia (A. A. Formozov, M. D. Khlobystina, Ya. A. Sher, B. N. Pyatkin, E. A. Miklashevich, L. R. Kyzlasov, V. D. Kubarev, L. A. Sokolova, etc.) This shift was prompted by certain matching elements in the Okunev culture images and their remote alleged prototypes superimposed on the local (Neolithic?) substrate. At the same time this Neolithic substrate itself, with the exception of L. A. Sokolova's study [2], who had successfully and conclusively developed the ideas proposed by G. A. Maximenkov, was somehow moved aside.

Individual motifs and images which could be referred to the Northern/Siberian component of the Okunev artistic tradition have been repeatedly discussed in literature. These included the elk images in a characteristic «Angara» style (A. P. Okladnikov, A. I. Martynov, N. L. Podolsky, V. I. Molodin, Ya. A. Sher, etc.); the anthropomorphic standing figures and the heart-shaped faces (M. A. Devlet, A. L. Zaika); small plastic items (S. V. Studzitskaya); the Samus pottery images (Yu. N. Esin), etc. Among them there were, by all means, both the earlier (Neolithic) and the later images contemporaneous with the already mature Okunev culture.

Judging by the currently available materials the images of this type were common across a vast cultural and historical area which (following the V. G. Tan-Bogoraz argumentation) might be defined as the Okunev culture circle. Its northern boundary could be drawn along the edge of the sub-taiga forest-steppe regions: the Middle Ob with its tributaries — the Middle Yenisei (Krasnoyarsk-Kansky region) — the Lower and Middle Angara — Western Baikal region. Individual cultural impulses even reached the Middle Lena basin. In the group of images represented in this area, the hypothesis of Western origin of which was admittedly excluded, several images were most significant: heart-shaped faces, elk images in the «Angara» style, wedge-shaped figurines, anthropomorphic images with spread arms, and, possibly, boats.

The heart-shaped faces in general had a very wide area of distribution — from the Ural to the Far East — and marked a kind of a «cultural background» for some very wide (epoch-making) cultural and historical processes. The «Angara» style elk images known in the Upper Lena and the Angara regions, though demonstrating the same stylistic characteristics as the Okunev ones (Sukhanikha, Sartygoi, Verkhny Askiz I, Karakol, etc.), were made much closer to their life models, more realistically. This was even more obvious in the «derivative» figures of the Okunev style «stepping» predators. The largest number of the «Angara» style elk images were

широких (эпохальных) культурно-исторических процессов. Изображения лосей в «ангарском» стиле, известные на Верхней Лене и на Ангаре, при соблюдении тех же стилистических особенностей, что и окуневские (Суханиха, Сартыгой, Верхний Аскиз I, Каракол и др.), выполнены значительно ближе к натуре, реалистично. Тем более это касается «производных» от них фигур окуневских «шагающих» хищников. Больше всего изображений лосей в «ангарском» стиле представлено на Шалаболинской писанице [3], что вполне естественно, учитывая ее нахождение на р. Туба (правобережье Енисея), в наибольшей близости от Саяно-Ангарского региона. Длительность бытования изображений этого вида подтверждается наскальными рисунками лошадей с элементами сейминского стиля (Ызырых-тас или «Пьяный камень») и особенно изображениями лосей на Томской писанице, некоторые из которых (очевидно, наиболее поздние) по оформлению в «скелетном» стиле смыкаются с кулайскими бронзами [4].

Клиновидные фигурки, в основе которых скорее всего лежит архетип деревянного остроконечного столба, увенчанного антропоморфным изображением (навершием? маской?), известны в наскальных изображениях (Шалаболинская и Майская писаницы, Каракол) и в рисунках на керамике (Крохалева I, жертвенное место на р. Лена и др.). Стоящие фронтально антропоморфные фигуры с раскинутыми руками и слегка согнутыми ногами известны в наскальных изображениях Нижней Ангары [5] и на самусьской керамике [6]. В двух случаях они представлены в специальном облачении с подвесными лентами (Каракол, Оглахты) и явно изображают каких-то служителей культа (условно «шаманствующих» лиц).

Возможно, что в этом же ряду следует рассматривать и редкие для основного ареала окуневской культуры изображения лодок с «гребцами» (так называемые лодки в страну предков) и изображения птиц (на одном из окуневских изваяний и на керамике самусьской культуры). Особо следует отметить необычную трактовку антропоморфной фигуры с горизонтально переданным туловищем и показанной анфас головой на Майской писанице (Средняя Лена), единственная аналогия которой (еще не отмеченная исследователями) — это фигурные «утожки» эпохи бронзы из Западной Сибири, в том числе найденный на поселении Самусь IV [7].

Более цельное впечатление о содержательной стороне рассматриваемых изображений дает анализ двух самых насыщенных в композиционном отношении петроглифических памятников — Шалаболинской писаницы на Среднем Енисее [8] и Майской писаницы на Средней Лене [9].

present at the Shalabolinskaya rock art site [3], which was quite natural, in view of its location on the Tuba river (right-bank side of the Yenisei), the location closest to the Sayan-Angara region. The period of existence of this type of images was confirmed by rock drawings of horses with the Seimin style elements (Yzyrykh-Tas or «Pjany kamen») and, particularly, the elk images of Tomsk rock art site, some of which (apparently, the latest) in their «skeletal» style rendering closely resembled the Kulai bronzes.

The wedge-shaped figurines, the prototype of which was, most likely, the archetype of a wooden pointed pillar crowned with an anthropomorphic image (pommel? mask?), have been known in rock art images (Shalabolinskaya and Maiskaya rock art sites, Karakol) and on ceramics (Krokhalevka I, sacrificial site on the Lena river, etc.). The frontal standing anthropomorphic figures with spread arms and slightly bent knees have been known in rock art images of the Lower Angara [5] and the Samus ceramics [6]. In two cases they were represented in special type clothes with hanging ribbons (Karakol, Oglakhty) and were clearly depicting some religious cult ministers (conventionally «shaman» type persons).

It is possible that the rare for the main Okunev culture areal images of boats with «oarsmen» (the so called boats on their way to the land of the ancestors) and the bird images (on one of the Okunev sculptured figures and the Samus culture ceramics) should be referred to the same group. An unusual interpretation of the anthropomorphic figure with the horizontally rendered body and full-face head on the Maiskaya petroglyphs panel (eh Middle Lena), the only analog to which (not yet noted by the researchers) could be found in the figured Bronze Age «sander pads» from Western Siberia, including the one found in Samus IV settlement [7] should be mentioned separately.

A more consistent understanding of the semantic aspect of the images under study could be obtained from the analysis of the two most densely filled in terms of composition petroglyphs sites — the Shalabolinskaya rock art site on the Middle Yenisei [8] and the Maiskaya panel on the Middle Lena [9].

The remarkable composition on the Shalabolinsky rocks (panel 53) consisted of three decipherable semantic blocks. The dominant image of the composition is the central face with ox-horns and in solar «crown» (typically Okunev style). On the right and left of it there were two anthropomorphic figures: one in adoration attitude with raised arms; and another with spread out arms from under which crosses — «souls» (?) «poured» down. Above this image there were five wedge-shaped figurines with «little horns» (protector spirits?). In the left hand bottom part there was an elk depicted in the

Замечательная композиция Шалаболинских скал (камень 53) состоит из трех семантических блоков, поддающихся расшифровке. Доминирующее положение в ней принадлежит центральной личине с бычьими рогами и в солнечной «короне» (типично окуневскими). Справа и слева от нее располагаются две антропоморфные фигуры: одна в позе адорации, с поднятыми руками; другая с раскинутыми руками, из-под которых вниз «сыплются» кресты – «души» (?). Выше нее показаны пять клиновидных фигурок с «рожками» (духи-охранители?). В левой части внизу изображен лось, выполненный в «ангарском» стиле, в спину которого вонзился дротик (жертвоприношение?). Фланкируют всю сцену две безрукие фигуры в высоких головных уборах, выполненные в ранне-окуневском тас-хазинском стиле. В целом, смысловое значение композиции может быть определено как изображение цикла ритуальных действий (под «патронажем» верховного «божества»), посвященных испрашиванию плодородия («реинкарнации»).

На Майской писанице в ряд изображены четыре антропоморфные фигуры; две из них – с раскинутыми руками – явно основные. Левая показана контурно и расположена на «первом плане», с клиновидным туловищем. Выше нее находятся две «дочерние» фигурки, как бы «вырастающие» из ее раскинутых рук. На лицах показаны типично окуневские поперечные полосы. Правая фигура также изображена с раскинутыми, но прямыми руками; от головы отходит вверх короткая прямая линия. С этой фигурой связаны рисунки нескольких предметов, в том числе двух орнаментированных сосудов и изогнутого ножа, по своей форме близко напоминающих изделия окуневской (или карасукской?) культуры. В верхней части композиции изображен крупный солярный знак (Солнце), в нижней – подтреугольная темная фигура-«маска» с таким же антенновидным отростком. Четко выделяется «цветовая» дихотомия изображений: одна сторона – светлая, другая – темная. Если темная сторона может ассоциироваться с представлениями о нижнем мире (в таком случае изображенные здесь предметы можно рассматривать как «сопроводительный инвентарь»), то светлая символизирует идею реинкарнации, возрождения, что и показано в «дочерних» фигурах, «вырастающих» из раскинутых рук «божества» (или его изображения) на «первом плане».

Несмотря на различие в деталях содержания Шалаболинской и Майской писаниц, на глубинном концептуальном уровне родство между ними представляется достаточно очевидным, а учитывая разделяющее их расстояние (Средний Енисей – Средняя Лена) – общераспространенным. Оно заключается

«Angara» style with a dart stuck in its back (a sacrifice?). The whole scene was flanked by two armless figures in high headdresses drawn in the early Okunev Tas-Khazin style. In general the semantic meaning of the composition could be defined as the image of a cycle of ritual actions (under the «patronage» of a supreme «deity»), dedicated to solicitation of fertility («reincarnation»).

In the Maiskaya petroglyphs panel there were four anthropomorphic figures in a row; two of them with spread out arms - obviously the main ones. The left-hand one shown in outline in the «foreground» had a wedge-shaped body. Above it there were two «daughter» figures, which seemed to «grow» from its spread arms. The faces were crossed laterally with the typically Okunev strips. The right-hand figure was also shown with spread out, but straight arms with a short straight line going from the head. Drawings of several items were connected to this figure, including two ornamented vessels and a curved knife, the shape of which closely resembled the items of the Okunev (or the Karasuk?) culture. In the upper part of the composition there was a large solar sign (the Sun), and in the lower - a sub-triangular dark figure-«mask» with the same type antenna-like sprout. There was a clear «color» dichotomy of the images: one side was light, and the other - dark. While the dark side could be associated with the ideas of the lower world (in that case the items represented there could be interpreted as the «accompanying goods»), the light one symbolized the idea of reincarnation, revival, which was shown in the «daughter» figures «growing» from the spread out arms of the «deity» (or its image) in the «foreground».

Despite the differences in detail of the Shalabolinskaya and Maiskaya rock art sites' content, at the deeper, conceptual level their similarity appeared quite obvious, and, taking into account the distance between them (the Middle Yenisei - the Middle Lena) - as quite common. It was demonstrated by the personification of the supreme «deity», the opposition of the «lower» and the «upper» worlds, the idea of reincarnation (in a wide sense) as the precondition of life and prosperity. Free from the influence of other civilizations in its most «pure» form the world of these images and ideas was preserved in the northern (peripheral) regions of the Okunev culture circle, and in that quality formed the basis of the Okunev artistic tradition.

в персонификации верховного «божества», противопоставлении «нижнего» и «верхнего» миров, идее реинкарнации (в широком значении этого термина) как условия обеспечения жизнедеятельности и благополучия. Не перекрытый влияниями других цивилизаций в наиболее «чистом» виде мир этих образов и представлений сохранился в северных (периферийных) областях окуневского культурного круга и в этом качестве составил основу окуневской изобразительной традиции.

Литература / References:

1. Максименков Г. А. Окуневская культура: автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Новосибирск, 1975.
2. Соколова Л. А. Формирование Окуневского культурного комплекса: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009.
3. Пяткин Б. Н., Мартынов А. И. Шалаболинские петроглифы. Красноярск, 1985.
4. Бобров В. В. Петроглифы Сибири и кулайская металлопластика // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. Мат-лы конф. СПб., 2004. С. 309–313.
5. Заика А. Л. Антропоморфные личины Нижней Ангары в контексте развития наскального искусства Азии // Окуневский сборник: Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 330–342.
6. Есин Ю. Н. Искусство самумской культуры: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2004.
7. Матюшенко В. И. О северо-западных границах самумско-окуневской общности // Окуневский сборник 2. Культура и ее окружение. СПб., 2006. С. 312–321.
8. Пяткин Б. Н. Ранние петроглифы Шалаболинских скал // Археология Южной Сибири. Вып. 11. Кемерово, 1980. С. 27–44.
9. Окладников А. П., Мазин А. И. Писаницы реки Олекмы и Верхнего Приамурья. Новосибирск, 1976.

УДК 903.27(571.1/5):7.031.1

О. С. СОВЕТОВА

Советова Ольга Сергеевна — д.и.н., КемГУ
(Россия, Кемерово). E-mail: olgasovetova@yandex.ru

ТЕМА ЗИМЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СИБИРИ¹

Ключевые слова: наскальные изображения, лыжники, сани, зима, отображение непогоды

Резюме. В статье рассматриваются некоторые данные о жизнедеятельности древних создателей наскальных изображений в зимнее время: изображения лыжников-охотников, лыжников-воинов. Отмечаются некоторые косвенные данные: изображения нарт (Хызыл-Хая), теплых срубных домов (Боярские писаницы); «непогода» — дождь или снег (Тепсей, Боярская писаница) и т. д.

Наносились ли на скалы рисунки в зимнее время года? Однозначного ответа быть не может. Кто-то

O. S. SOVETOVA

Sovetova Olga Sergejevna — Doctor of History, KemSU
(Russia, Kemerovo). E-mail: olgasovetova@yandex.ru

WINTER MOTIFS IN ROCK ART OF SIBERIA¹

Key words: rock images, skiers, sled, winter, foul weather representations

Summary. The subject of the article is the study of some data from the life of the ancient rock art creators in winter time: images of hunter-skiers and soldier-skiers. Some indirect data have been analyzed: images of sleds (Khyzyl-Khaya), warm timber houses (Boyar petroglyphs); “foul weather” — rain or snow (Tepsei, Boyar petroglyphs), etc.

Were these drawings made in winter time? There could be no simple answer. Some researchers believe that the images themselves were referred to the seasonal

¹ Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Министерства образования и науки России, № 33.1175.2014К

¹ The paper was prepared for the project sponsored by the Ministry of Education and Science of Russia № 33.1175.2014K

из исследователей считает, что сами рисунки были приурочены к сезонным праздникам их создателей, но список таких праздников пока не разработан (чаще всего упоминаются весенне-летние праздники типа Ысыаха у якутов; зимний медвежий праздник и некоторые др.). Полагают также, что какой-то пласт рисунков был связан с производительной магией и поэтому охотник, посвящавший «высшим силам» изображение животного, мог это делать в сезоны охоты, в том числе и зимой. В любом случае «зимние» темы вполне можно было воспроизводить на скалах и не в зимний период. Любопытно, что сами рисунки представляют нам некоторую информацию о жизнедеятельности древних в зимнее время.

Прежде всего следует отметить зимние виды транспортных средств — лыжи и сани, которые иногда встречаются в наскальном искусстве. Самыми «зимними» являются, безусловно, изображения лыжников, поскольку сани могли использоваться не только зимой. Изображения лыжников на памятниках наскального искусства Сибири встречаются не часто. Их анализу посвящена интересная статья М. А. Дэвлет и Со Хо Чжан [1]. Сюжеты с лыжниками эти авторы трактуют с позиций мифологии и полагают, что некоторые из сцен отражают миф о «космической погоне» — популярном у сибирских народов на протяжении многих столетий. Естественно, что тематика композиций с лыжниками, как и формы снегоступов и лыж (показанных и совсем короткими, и средними, и достаточно длинными, с разной степенью загнутоности носов) менялись с течением времени. Первоначально лыжи использовались по прямому назначению — для передвижения по глубокому снегу во время охоты, военных действий в зимних условиях и т. п. Это и определяло их тогдашние пропорции — они были короткие и широкие, удобные скорее для переступания, чем для скольжения. В наскальных сценах наиболее ранних эпох, как правило, запечатлена погоня лыжника за лосем (или другим животным) [1, рис. 1, 2; 2, 1, 2]. Среди народных рисунков на скалах Верхнего Енисея (Ортаа-Саргол) обнаружена сцена облавной охоты с участием лыжника [1, рис. 2, 3].

Пока имеется единственная (среди огромного множества батальных сцен тагарской эпохи) композиция с лыжниками, запечатленная на местонахождении Четвертый Сундук (Белый Июс, Хакасия), позволяющая «увидеть» сражения в зимний период времени. В ней изображены бегущие на лыжах воины с луками в руках. В них прицеливается из лука воин, опустившийся на одно колено [2, рис. 5]. А. И. Соловьев, характеризуя военное дело тагарского населения, пишет, что зимой, когда устанавливался глубокий снежный покров, главной ударной единицей тагарского войска

festivals of their creators, however no list of such festivals has been made so far (most frequently mentioned festivals included the spring-summer festivals like the Yakut Ysyakha; the winter bear festival, and some others). It is also believed that a certain group of images was related to the production magic and therefore a hunter, who dedicated the animal drawing to “supreme forces” could do that during the hunting season, including in winter time. In any case “winter” themes could easily be reproduced on rocks during other seasons. It is curious that the drawings themselves give us certain information about the life of the ancient people in winter time.

First of all attention should be paid to winter means of transportation — ski and sleds which were occasionally shown in rock art. The most “winter” images were, of course, the images of skiers, since sleds could be used in other seasons as well. The images of skiers in rock art of Siberia occurred infrequently. An interesting analysis of such images is given in the article by M. A. Devlet and So Ho Chang [1]. Motifs with skiers were interpreted by these authors from the mythological positions, they believed that some of the scenes reflected a myth about a “cosmic pursuit” — a myth popular among the Siberian peoples for many centuries. Naturally the topics of the compositions with skiers, as well as the shapes of snowshoes and skis (which were represented as the very short, medium length, and quite long, and with different angles of nose curve) changed in time. Initially the skis were used for their direct purpose — for moving across deep snow during a hunting expedition, winter military campaigns, etc. This dictated their proportions — they were short and wide, more convenient for stepping than sliding. In the rock art of the earliest periods the scenes, as a rule, represented a hunter chasing an elk (or other animal) [1, fig. 1, 2; 2, 1, 2]. Among the folk drawings on the Upper Yenisei rocks (Ortaa-Sargol) a beat hunting scene with the participation of a skier was found [1, fig. 2, 3].

At present there is only one known (among a tremendous number of the Tagar age battle scenes) composition with skiers in location Chetverty Sunduk (Bely Iyus, Khakassia) which allowed “to see” battles during the winter period. It depicted running skiers with bows in their hands. Another soldier kneeling on one knee was aiming at them with a bow. A. I. Solovjev in his characterization of the Tagar population military art wrote that in winter, when the deep snow cover settled, the Tagar army’s main strike units were teams of skiers using the foragers tactics. They hit the enemy with arrows on the move and, in case the attack did bring immediate success, disappeared escaping the pursuit. In order to protect the head from possible strikes metal plates were sewn on their hats, a cylindrical quiver with

становились отряды лыжников, использовавшие тактику рассыпного строя. В движении они поражали противника стрелами и, если атака не приносила быстрого успеха, исчезали, спасаясь от погони. Чтобы надежнее защитить голову от удара, на шапку нашивались металлические бляшки, цилиндрический колчан со стрелами забрасывался за спину — так он меньше мешал при ходьбе. А. И. Соловьевым сделана реконструкция тагарского лыжника по материалам петроглифов и находок из погребальных комплексов Минусинской котловины [3, с. 79, рис. 75 а, б; 76]. Любопытно, что в рассматриваемой сцене противник изображен без лыж (возможно, так маркировался противник?).

Еще одним в привычном значении слова зимним видом транспорта являются нарты. Их изображения на памятнике Хызыл-Хая хорошо известны по публикации Х. Аппельгрена-Кивало [4, Abb. 296–298]. В одной из сцен четырехкопильную нарту с «пассажиром» тянет животное (конь?), в другом из-за плохой сохранности определяется только передняя часть животного. В одном эпизоде композиции Большой Боярской писаницы Д. Г. Савинов также видит погребальную нарту [5, с. 105, рис. 2–7]. Однозначно сказать, какое время года отображено в этих сценах, невозможно, поскольку для погребальной практики они могли быть использованы и в летний период (и в другие сезоны), о чем свидетельствует обширная этнографическая литература [6, с. 65–67; 7].

Оналичии уже у тагарского населения теплых срубных домов свидетельствуют изображения их в «поселках» тагарского времени на Боярских писаницах [8].

Не исключено также, что непогода иногда как бы «присутствует» в наскальных композициях. В этих случаях поверхность скалы бывает испещрена выбоинками и насечками, которые вряд ли могли быть порождены камнепадом (Тепсей, Боярская писаница). Возможно, такие черточки и крапинки обозначали снег или дождь.

Литература / References:

1. Дэвлет М. А., Со Хо Чжан. Изображения лыжников в наскальном искусстве Сибири и Центральной Азии // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 59–63.
2. Ларичев В. Е. Структуры Мироздания и обитатели его в мировоззрении тагарского жречества Южной Сибири // Астрономия древних обществ. М., 2002. С. 217–220.
3. Соловьев А. И. Оружие и доспехи. Сибирское вооружение: от каменного века до средневековья. Новосибирск, 2003.
4. Appelgren-Kivalo H. Alt-Altische Kunstdenkmaler (Briefe und Bildmaterialen von I. R. Aspelins Reisen in Sibirien und der Mongolei 1887–1889). Helsingfors, 1931.
5. Савинов Д. Г. К интерпретации изображений Боярских писаниц // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 100–105.
6. Кызласов И. Л. Древнехакасские сани: (Из истории средств передвижения) // Вопросы этнографии Хакасии. Абакан, 1981. С. 45–67.
7. Анучин Д. Н. Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда. М, 2011.

arrows was thrown behind their backs — in this way it did not hinder their movement. A. I. Solovjev made a reconstruction of a Tagar skier by the materials of petroglyphs and the finds from the burial complexes of the Minusinsk depression [3, p. 79, fig. 75 a, b; 76]. It is interesting that in the said scene an enemy was shown without skis (possibly that was how they marked an enemy?).

Another article traditionally understood as winter transport was the sled. Sled images of the Khyzyl-Khaya site are well known from publications by H. Appelgren-Kivalo [4, Abb. 296–298]. In one of the scenes the four-poppet sled with a “passenger” was drawn by an animal (a horse?), in another because of the poor preservation of the image only the front part of the animal could be discerned. In one of the episodes of the Great Boyar petroglyphs D. G. Savinov also saw a funeral sled [5, p. 105, fig. 2–7]. It is impossible to state definitely what season of the year was shown in these scenes, since for the funeral practices the sled could also be used in the summer period (as well as in other seasons), evidences of which may be found in abundant ethnographic literature on the subject [6, p. 65–67; 7].

An evidence of the use by the Tagar of warm timber houses may be found in the images of them in “villages” of the Tagar time in the Boyar petroglyphs series [8].

It is also possible that foul weather was sometimes “inscribed” into the rock art compositions. In those cases the rock surface was covered with dents and hatches which could hardly be a result of a rockfall (Тепсей, Boyar petroglyphs). It is possible that such scratches and dots indicated snow or rain.

8. Дэвлет М. А. Большая Боярская писаница. М., 1976.

УДК 903.26(571)«638»

А. Я. ТРУФАНОВ, Ж. Н. ТРУФАНОВА

Труфанов Александр Яковлевич — к.и.н.,
ООО НАЦ «АВ КОМ-Наследие» (Россия, Екатеринбург).
E-mail: trufanov_alex@rambler.ru

Труфанова Жанна Николаевна — к.и.н., СурГУ
(Россия, Сургут). E-mail: janent@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ «ОБРАЗЕ ЛОСЯ»
В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ
РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА

Ключевые слова: ранний железный век, металлопластика, образ лося

Резюме. В докладе с использованием методов картографирования и количественной статистики рассматриваются распространенность и удельный вес изображений лося в металлопластике раннего железного века Западной Сибири.

Сложившиеся в кругу исследователей представления о значении «образа» лося в металлопластике раннего железного века Западной Сибири характеризуются выражениями «исключительно распространенный» [1, с. 114], «абсолютно доминировавший» [2, с. 127] и им подобными [3, с. 127].

Картографирование мест находок изображений кулайских лосей и оценка их количественной составляющей привели нас к следующим выводам.

1. Из 32 пунктов находок кулайского литья в восточном ареале культуры изображения лося присутствуют лишь на 9 пунктах. Все они локализируются в пределах Томско-Нарымского Приобья (к этой же территории относятся немногочисленные изображения «кулайских лосей» на Томских писаницах). Севернее и западнее нижнего течения р. Васюган изображения лося не известны.

2. Даже в этом локальном районе образ лося далеко не доминирует. Если сравнить соотношение фигур лосей и хищников (как условных антиподов) в восточном ареале кулайской металлопластики, то выясняется, что количество фигур лосей и хищников совпадает почти абсолютно. Удельный вес изображений лосей и хищников на многофигурных кулайских изображениях демонстрирует соотношение 1:4. Если же оценить изображения лося на фоне всей кулайской металлопластики восточного ареала (включая антропоморфные, орнитоморфные и пр. изображе-

A. YA. TRUFANOV, ZH. N. TRUFANOVA

Trufanov Alexander Yakovlevich — PhD in History,
SAC "AV COM-Heritage" Ltd (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: trufanov_alex@rambler.ru

Trufanova Zhanna Nikolajevna — PhD in History,
SurGU (Russia, Surgut). E-mail: janent@mail.ru

TO THE ISSUE OF AN "ELK IMAGE" IN WEST
SIBERIAN METAL PLASTICS IN THE EARLY
IRON AGE CULTURES

Key words: early Iron Age, metal plastics, elk image

Summary. The article presents the study of the proportional distribution of elk images in metal plastics of the early Iron Age in Western Siberia based on the use of mapping and quantitative statistic analysis methods.

The established in the researchers' community idea of the "elk" image in metal plastics of the early Iron Age in Western Siberia is characterized by such expressions as "extremely common" [1, p. 114], "absolutely dominant" [2, p. 127] and the like [3, p. 127].

Mapping of places where the Kulai elk images were found and assessment of their quantitative component led us to the following conclusions.

1. Of the 32 places of the Kulai cast figures' occurrences in the eastern areal the elk images were present only in 9 places. All of them were localized within the territory of the Tomsk-Narym Ob region (the scarce images of the "Kulai elks" images on Tomsk rock drawings belonged to the same territory). North and west of the lower part of the Vasjugan river no elk images have ever been found.

2. Even in that local territory the elk image was far from dominant. The comparison of the number of elks and predators images (as conventional antipodes) in the eastern areal of the Kulai metal plastics demonstrated that the number of elks and predators figures was practically identical. The proportional distribution of elks and predators in the multi-figure Kulai images demonstrated a 1:4 ratio. An attempt at assessment of the elk images distribution against the general Kulai metal plastics of the eastern areal background (including anthropomorphic, ornitomorphic, etc. images) demonstrated that this image was lost in the general mass as a hardly noticeable (quantitatively speaking) residue.

ния), то образ лося растворится среди них с едва заметным (в количественном отношении) осадком.

Вывод о локальности лося как персонажа на территории Севера Западной Сибири иллюстрирует положение о том, что в раннем железном веке в разных областях распространения западносибирского культового литья сложились собственные «пантеоны», различающиеся как известной уникальностью их состава, так и степенью значимости общих мифологических персонажей. Это, несомненно, нужно учитывать при конструировании различного рода семантических построений.

Литература / References:

1. Троицкая Т. Н., Дураков И. А. Изображения лосей и медведей в торевтике Приобья (V в. до н. э. — начало VIII в. н. э.) // Археология Южной Сибири. Новосибирск, 2003. С. 114–117.
2. Мец Ф. И. О возможной балканской параллели одному из сюжетов западносибирской металлопластики («медведь в жертвенной позе») // Ханты-Мансийский округ в зеркале прошлого. Вып. 2. Томск; Ханты-Мансийск, 2004. С. 125–136.
3. Зыков А. П., Кокшаров С. Ф., Терехова Л. М., Федорова Н. В. Угорское наследие: Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета. Екатеринбург, 1994.

УДК 394.21(674)

Э. Р. УСМАНОВА, Б. С. КОЖАХМЕТОВ

Усманова Эмма Радиковна — Сарыаркинский археологический институт (Казахстан, Караганда).
E-mail: emmadervish2004@mail.ru

Кожухметов Бактияр Сапарбекович — музей-заповедник Улытау (Казахстан, Караганда).
E-mail: camel62@mail.ru

E. R. USMANOVA, B. S. KOZHAKHMETOV

Usmanova Emma Radikovna — Saryarka Archaeological Institute (Kazakhstan, Karaganda).
E-mail: emmadervish2004@mail.ru

Kozhakhmetov Baktiyar Saparbekovich — Museum-Reserve Ulytau (Kazakhstan, Karaganda).
E-mail: camel62@mail.ru

КУЛЬТ КОНЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ КАЗАХОВ

Ключевые слова: цикл весенних праздников, культ коня, обряд, кочевое хозяйство, культ плодородия, ритуальные изоглоссы

Резюме. Статья посвящена редкому обряду «бие байлау» («сватовство жеребца»), который сохранился в современной жизни казахов-коневодов, и связан с обрядами природного цикла и культом плодородия. В ритуальной основе этого обряда — культ коня как изоглосс обрядов, свидетельства о которых запечатлены в наскальных рисунках святилища Теректы эпохи бронзы.

Культом коня, который сформировался самим укладом кочевой жизни, представляет социальную значимость лошади, которая проявляется в разных обрядах: свадебных, погребальных, семейных и в обрядах, определяющих природный цикл. Архетипичность обряда, описанного в данном сообщении, такова, что

HORSE CULT IN MODERN LIFE OF THE KAZAKH PEOPLE

Key words: spring festivals cycle, horse cult, ritual, nomadic economy, fertility cult, ritual isoglosses

Summary. The article describes a rare ritual “bie bailau” (“stallion’s suit”) which is still alive among the Kazakh horse-breeders and is related to the nature cycle rituals and the fertility cult. The basis of this ritual is a horse cult as a ritual isogloss, an evidence of which can be found in the rock drawings of Turekty sacred place of the Bronze Age period.

A horse cult which developed naturally from the nomadic way of life reflected the social importance of a horse, which was manifested in numerous rituals: marriage, burial, and family rituals, as well as the rituals related to the nature cycle. The archetypal nature of the ritual described in this article means that all its main semantic ritual features related to the fertility cult could

основные его знаковые ритуальные реалии, связанные с культом плодородия, могут присутствовать и в обрядах кочевников Северной Евразии.

Для нейтрализации близкородственного скрещивания (избегание инбридинга) смена жеребца в табуне происходит каждые два года. Это хозяйственная необходимость была вызвана желанием человека исключить кровосмешение, которое в конце концов приводит к деградации потомства. В ауле Терисаккан (Казахстан, Карагандинская область, Улытауский район) естественный отбор и смена жеребца оформляются в обряд «бие байлау». Название обряда можно перевести на русский язык как «сватовство жеребца» или «лошадиная свадьба». У казахов этот обряд входит в общий цикл календарных весенних праздников, связанных с культом плодородия.

Обычай «сватовство жеребца» занимает самостоятельное место в весенних праздниках, которые определяются коневодческими потребностями: доение кобылиц, приготовление первого кумыса, приручение жеребят к оголовью. В Казахстане он сохранился на отдельных территориях. Чаще всего является рядовым запуском жеребца в табун для случки как проявление заботы о хорошем потомстве и воспроизводстве лошадей. Это действие в ритуальных изоглоссах сохранилось в обрядовой среде жителей аула Терисаккан.

Само действие «сватовства жеребца» начинается зимой. Жители аула ходят друг к другу в гости и за накрытым угощением столom-дастарханом обсуждают достоинства и качества того или иного жеребца и договариваются об обмене жеребцами. В природе этот процесс происходит свободно. Поскольку такой свободный обмен не в интересах хозяев, он регулируется самими коневодами для улучшенного воспроизводства лошадей. Запуск жеребца в табун осуществляется весной по предварительному согласию между хозяевами лошадей.

Обряд «бие байлау» происходит весной, 1-го мая. Сами жители села не могут точно объяснить, почему была выбрана именно эта дата. Скорее всего, она приурочена к середине цикла весенних праздников животноводов. В конце апреля, в начале мая большинство кобылиц уже отжеребилось и начинают приходить в охоту. В это же время готовится традиционный напиток из кобыльего молока — кумыс. Это и период Первомайских праздников, когда люди отдыхают и могут присутствовать на обрядовом зрелище. По сообщению информаторов, обряд на их памяти проводится уже в течение нескольких десятилетий.

Вся суть обряда сводится к демонстрации культуры плодородия в разных его животноводческих

also be found in the rituals of the nomadic peoples of Northern Eurasia.

In order to prevent closely related mating (avoid inbreeding) every two years the stallion in a horse herd was changed. This economic necessity was caused by a desire of the people to exclude possibility of incest, which ultimately led to the degradation of the breed. In Terisakkan aul (Karaganda region, Ulytau district, Kazakhstan) the natural selection and stallion rotation practices took the form of the “bie bailau” ritual. The name of the ritual can be translated into Russian as “stallion’s suit” or “horse marriage”. For the Kazakh people this ritual is one of the calendar spring festivals related to the fertility cult.

The “stallion’s suit” custom plays a special role in a series of spring festivals closely related to the horse-breeding practices: milking of mares, making the first koumiss, the foals’ head harness training. In Kazakhstan the ritual is still practiced in some territories. Most often it is simply an ordinary letting a stallion into a herd for mating as a manifestation of care for good progeny and the horses population reproduction. This act as a ritual isogloss was preserved among the people of Terisakkan aul.

The “stallion’s suit” act itself begins already in winter. The people from the aul visit each other and sitting around the festive meal — dastarkhan — discuss the merits and qualities of this or that stallion and agree about the stallions’ exchange. In nature this process is free and unregulated. But since such a free exchange does not answer the interests of the owners, it is regulated by the horse-breeders themselves to improve the horse breed. Letting of a stallion into a herd is done in spring following the preliminary agreement between the horses owners.

The “bie bailau” ritual is performed in spring, on 1 May. The people of the village themselves could not explain clearly why they chose that particular date. Most likely it was chosen simply because it was somewhere in the middle of the spring horse-breeders festivals period. By the end of April — beginning of May for most of mares the foaling period is already over, and they are ready for mating again. During the same period a traditional mare milk drink — koumiss is prepared. This is also the period of the official May holidays, when the people are not working and may attend the ritual performances. According to our informers the ritual was practiced for at least several decades in their memory.

The whole meaning of the ritual is the demonstration of the fertility cult in its various horse-breeding manifestations: taming of the foals, milking of mares, stallions and mares mating in the hopes of getting numerous

реалиях: приучение жеребят, доение кобыл, случка жеребцов и кобыл, происходивших в надежде на большое поголовье. В обряде заключено три главных действия: запуск жеребца в стадо; приучение жеребенка к недоуздку и доение кобылиц. Утром 1-го мая нарядно одетые жители аула собираются на поле. Старейшина произносит традиционное «бота» — слова благости и пожелания хорошего «бие байлау», дословно «удачной случки». Запуск жеребца в табун оформляется торжественно. У каждого дома, где есть лошади, накрывается дастархан с угощением — символ свадебного стола, на котором выставляются майское масло желтого цвета, сладкие сливки, кисломолочный продукт и изделия из муки. Для присутствующих на празднике обязательное правило угоститься едой со стола с пожеланием благополучия хозяевам. Это хороший знак в магии приумножения животных.

Параллельно происходит доение кобылиц и обряд «нокталау» — надевание недоуздки на жеребят. Затем их привязывают на длинный канат, закрепленный к земле железными колами. Женщины обмазывают маслом хвост жеребят и железные кольца, держащие канат. При этом приговаривают «байлар коп болсын, ак мол болсын»: «пусть будет больше богатых, приумножится молоко». Это ритуал демонстрирует культовую сущность праздника — плодородие, рождение и увеличение скота (в данном случае лошадей), главного богатства казаха-степняка.

Есть и другие ритуальные моменты, связанные с кобыльим молоком, вернее приготовлением из него кумыса. Один из них — окуривание кубы, имеет отношение к магии культа плодородия. Это высокая деревянная посуда конусовидной формы, где готовится кумыс. Кубы изнутри обмазывают маслом вперемешку с жиром казы (конской колбасы). Потом поджигают ветки степной таволги и ее дымом через трубу самовара, засунутую внутрь посуды, окуривают кубы. Душистый дым таволги очищает посуду. Масло и казы придают своеобразный запах кумысу и способствуют процессу брожения. Заканчивается праздник традиционной игрой детей в асыки, которая символизирует весеннее возрождение. Асык — символ-знак овцы, играть и выигрывать — значит «желать хорошего благосостояния».

В Улытауском районе есть местонахождение наскальных рисунков Теректы эпохи бронзы. Основная композиция — это изображения жеребых кобылиц, жеребят и жеребцов в возбужденном состоянии. До сих пор Теректы — место поклонения казахов и может считаться святилищем, где на протяжении тысячелетий совершаются ритуалы. В обряде «бие байлау», этого ежегодного весеннего праздника

progeny. The ritual consists of the three main acts: letting of a stallion into the herd; training of a young foal to head harness, and milking of mares. In the morning of 1 May the people of the aul in festive dress gather in the field. An elder says the traditional “bota” — works of grace and wishing for a good “bie bailau” (literally “successful mating”). A stallion is let into the herd in a festive atmosphere. Near every house with horses a дастархан meal is laid out — a symbol of a marriage feast, with the May yellow colored butter, sweet cream, a fermented milk product, and various types of pastries. Everybody present at the festival must taste some food from the table wishing good to the hosts. This is a good sign in the animals’ reproduction magic.

At the same time milking of the mares and “noktalau” ritual take place — putting a head harness on foals. Then they are tied to a long rope fixed to the ground with iron spikes. Women smear the foals’ tails and the iron spikes, on which the rope is fixed, with butter. In doing so they say “bailar kop bolsyn, ak mol bolsyn”: “let there be more rich people and more milk”. This action demonstrates the ritual meaning of the festival — fertility, giving birth and multiplication of the herds (in this case of horses), main item of wealth of the steppe Kazakh.

There are also other ritual moments related to the mares’ milk, or, to be more exact, making a koumiss from it. One of them — the vat fumigation — is related to the fertility cult magic. The vat is a tall wooden cone-shaped vessel in which the koumiss is fermented. The inside of a vat is smeared with butter mixed with kazy (horse meat sausage) fat. Then the meadowsweet branches are fired, and the vats are fumigated with this smoke via a samovar chimney stuck inside a vat. The aromatic meadowsweet smoke cleans the vat. The butter and kazy add a specific smell to koumiss and stimulate the fermentation process. The festival ends with a traditional children’s game asyki, which symbolizes the spring revival. Asyk is a sign-symbol of sheep, to play and win means “wish prosperity”.

In the Ulytau district there is a rock drawings location Terekty of the Bronze Age period. Its main composition was a picture of pregnant mares, foals and stallions in an agitated state. Even today Terekty is a place of worship for the Kazakh people and may be considered a sacred place where over thousands of years various rituals have been practiced. In the “bie bailau” ritual, this annual spring festival of Terisakkan aul the isoglosses of a horse cult have been preserved, the semantic code of which was also present in the Bronze Age sacred place Terekty rock art.

в ауле Терисаккан, сохранились изоглоссы культуры коня, знаковый код которого присутствует в наскальных рисунках эпохи бронзы святилища Теректы.

УДК 391.984(571.1)

Е. Г. ФЕДОРОВА

Федорова Елена Геннадьевна — к.и.н.,
МАЭ (Kunstkamera) РАН (Россия, Санкт-Петербург).
E-mail: elenfed@kunstkamera.ru

ОРНАМЕНТ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСКИХ УГРОВ)

Ключевые слова: обские угры, ханты, манси, орнамент

Резюме. Рассматривается вопрос об орнаменте как признаке, на основании которого можно различать «свою» и «чужую» культуру; обозначаются возможные причины распространения орнаментальных узоров на «чужих» территориях.

В любой культуре существуют определенные, закрепленные традицией критерии, на основании которых происходит различение «своего» и «чужого». Они действуют на уровне индивидуального и общественного сознания и находят свое выражение в разных сферах культуры, в том числе и в материальных объектах через ряд их характеристик. Выявление таких характеристик (знаков, признаков) необходимо для определения общего и особенного в каждой культуре, путей распространения культуры, их взаимовлияний. Одним из наиболее ярких признаков, отличающих как этнические, так и археологические культуры, является орнамент.

Орнамент наделен несколькими функциями: магической, коммуникативной (социально- и этнодифференцирующей), эстетической. По орнаменту, как известно, можно установить, какому народу принадлежит или к какой археологической культуре относится та или иная вещь, т. е. изначально бытование орнамента ограничено конкретными рамками, но внутри них происходит «движение» орнаментальных мотивов. При определенных обстоятельствах орнамент может выходить за рамки «своей» культуры. Обычно появление «чужого» орнамента в той или иной культуре называют заимствованием, но механизм этого заимствования, как правило, не раскрывается.

Среди народов Сибири наиболее выразительной орнаментальной системой обладает оседлое и полуседлое население бассейнов больших рек. К числу этих народов относятся и обские угры

E. G. FEDOROVA

Fedorova Elena Gennadievna — PhD in History,
MAE (Kunstkamera) RAS (Russia, St. Petersburg).
E-mail: elenfed@kunstkamera.ru

ORNAMENT: THE “KIN” AND THE “ALIEN” (ON THE OB UGRIC MATERIALS)

Key words: Ob Ugrians, Khanty, Mansi, ornament

Summary. The article studies the ornament as an attribute on the basis of which it is possible to distinguish the “kin” and the “alien” culture and outlined possible reasons for the distribution of ornaments in the “alien” territories.

In any culture there are certain fixed by tradition criteria used for distinguishing between the “kin” and the “alien”. They operate on the levels of the individual and the public mind and find manifestation in various spheres of culture, including in the material objects via a number of their characteristics. Identification of such characteristics (signs, attributes) is necessary for the determination of the general and the specific in every culture, ways of the distribution of cultures and their interdependence. One of the most vivid attributes distinguishing both ethnic and archaeological cultures is the ornament.

Ornament fulfills several functions: the magic, the communicative (socio- and ethno-differentiating), and the aesthetic. As is known the ornament may indicate to which ethnic group or archaeological culture a particular item belonged, i. e. from the very beginning the existence of the ornament was limited by certain boundaries, however, inside those limits there was a “movement” of ornamental motifs. Under certain circumstances the ornament may cross the boundaries of its own, or “kin” culture. Normally the appearance of an alien ornament in a certain culture is called a borrowing, however the mechanism of such borrowing remains, as rule, undisclosed.

Among the peoples of Siberia the most expressive ornamental system belonged to the settled and semi-settled population of the basins of major rivers. The Ob Ugrians (the Khanty and the Mansi) also belonged to this group of peoples. Until recently main attention in the studies of their ornament was paid to the origin and the development of its imagery (V. N. Chernetsov,

(ханты и манси). До недавнего времени при изучении их орнамента основное внимание уделялось происхождению и развитию его изобразительных форм (В. Н. Чернецов, С. В. Иванов, О. М. Рындина). Вопросы, связанные с семантикой орнамента, которые были обозначены еще В. Н. Чернецовым, стали активно рассматриваться с появлением исследователей из числа носителей культуры (Т. А. Молданова и др.). Важно то, что орнамент стал изучаться на уровне территориальных групп этноса — появилась возможность выявления локальных особенностей культуры.

Для каждой из групп хантов и манси характерен собственный набор орнаментируемых материалов и предметов, хотя во многом они пересекаются. Больше различаются техника орнаментации и собственно орнамент.

Для населения конкретной территориальной группы, которая привязана к бассейну какой-либо реки, характерно наличие одного или нескольких узоров, которые ведут происхождение от изображения почитаемого там животного, птицы, рыбы и т. п.

Одни и те же узоры обско-угорского орнамента встречаются у разных групп хантов и манси. Иногда, что отражено в этнографической литературе и музейных коллекциях, они могут иметь разные названия. Как представляется, это может быть связано с тем, что названия оказались зафиксированными у тех людей, которые не относились к числу «посвященных». Например, один из характерных для верховьев р. Ляпин мансийский орнамент мужчины и женщины называют по-разному.

Еще в последние десятилетия XX в. многие манси и ханты, проживавшие в сельской местности, могли определить чужой орнамент, который воспринимался именно как признак «чужого». Речь, как правило, шла о представителях другого народа или других подразделениях собственного. Но названия чужих узоров знали далеко не всегда.

В традиционной культуре любой человек, осознавая свою принадлежность к определенной группе, зная, что эта группа маркируется определенным же орнаментом, будет украшать свои вещи именно «своим» орнаментом. Иначе его будут считать «чужим». Вещь, орнаментированная «чужим» узором, при определенных условиях может стать «своей», но как это происходит можно объяснить не во всех случаях. Одно из объяснений — распространение «чужих» узоров в результате брачных связей. Но вопрос о том, какие орнаменты может использовать женщина после замужества — характерные для группы отца или группы мужа, пока нельзя назвать решенным. По полевым материалам автора 1970-х гг. есть основания

S. V. Ivanov, O. M. Ryndina). The questions related to the ornament's semantics, which were first raised already by V. N. Chernetsov became the subject of active studies only with the appearance of native researchers (T. A. Moldanova, etc.) It is important that the ornament began to be studied at the level of the territorial ethnic groups — it became possible to identify the local cultural specifics.

For each of the groups of the Khanty and the Mansi there was its own characteristic set of ornamented materials and articles, though in many ways they overlapped. Greater differences may be seen in the ornamentation techniques and the ornament itself.

There was normally one or several ornaments characteristic for the population of a specific territorial group associated with the the basin of some river, which had their roots in the images of a worshiped animal, bird, fish, etc.

Similar patterns of the Ob Ugrian ornament can be found in the materials of different groups of the Khanty and the Mansi. Sometimes this was reflected in the ethnographic literature and museum collections, though they could have different names. Apparently this could be a result of fixation of the names by the people who did not belong to the group of the “ordained”. For instance, one of the characteristic for the headstream of the Lyapin river Mansi ornament was called differently by men and women.

Even in the last decades of the 20th century many of the Mansi and the Khanty who lived in the rural areas could identify an alien ornament, which was perceived exactly as an attribute of the “alien”. As a rule in this case it referred to the representatives of another people, or other groups of one's own people. The names of the alien ornaments were not always known.

In a traditional culture any person conscious of his/her belonging to a certain group, knowing that the group's identity was marked by a certain ornament would decorate his/her clothes by this particular “kin” ornament. Otherwise he/she would be perceived as an “alien”. An article decorated with an “alien” ornament under certain circumstances may become one of the “kin”, but it is not always possible to explain the mechanism of this transformation. One of the explanations is the distribution of “alien” ornaments as a result of intermarriage. However the question about which ornaments may be used by a married woman — characteristic for her father's or her husband's group has not yet been answered. According to the author's field materials of 1970^s there are reasons to believe that in a husband's house the decorated articles brought from a father's house, particularly items of clothes, were worn by a woman only when she was alone.

считать, что в доме мужа взятые из дома отца орнаментированные вещи, а именно одежду, женщина использовала в тех случаях, когда оставалась одна.

Значительна понятнее ситуация, которая наблюдалась в последние годы XX в. и в более позднее время. К концу советского периода орнамент практически утратил свою знаковую функцию. Это результат социально-экономических и культурных преобразований, которые привели к исчезновению многих традиционных явлений. Но сам орнамент не исчез. Он стал заимствоваться, распространяться по всей территории, занимаемой хантами и манси. Большую роль в этом сыграли и продолжают играть разные мероприятия, на которых мастерицы обмениваются опытом, хотя среди них продолжают сохраняться знания о локальной принадлежности того или иного орнамента. Некоторым известны и названия узоров. В представлениях же значительной части обских угров и местного населения другой национальной принадлежности орнамент выступает как «ханты-мансийский».

УДК 904(571.1):7.031

Ю. П. ЧЕМЯКИН

Чемякин Юрий Петрович — к.и.н., УрГПУ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: yury-che@yandex.ru

**ОБ ОСОБОМ «ОБСКО-УРАЛЬСКОМ СТИЛЕ
ИСКУССТВА» В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ**

Ключевые слова: металлопластика, кулайская общность, Западная Сибирь

Резюме. В докладе предлагается критический анализ взглядов на общезападносибирский стиль (общерегиональную концепцию) бронзовой художественной пластики, особого «обско-уральского стиля искусства».

Металлопластика народов Урала и Сибири издавна привлекала внимание исследователей. Возникли понятия «пермский звериный стиль», «печорский звериный стиль», «западносибирское культовое литье» и т. п. История ее изучения освещена в ряде статей и монографий (см. работы А. В. Шмидта, Л. С. Грибовой, Г. М. Бурова, Л. В. Чижовой, Ю. В. Балакина, Ж. Н. Труфановой и др.). В Западной Сибири интерес вызывали находки в Томско-Нарымском и Верхнем Приобье. В. Н. Чернецов видел «несомненную связь... между изображениями усть-полуйскими и древними пермскими, с одной стороны, и некоторыми гляденовскими фигурками птиц с Караульной

The situation observed in the last decades of the 20th century and in later years was much clearer. By the end of the Soviet period the ornament practically lost all its semantic functions. This was a consequence of the social and economic, as well as cultural transformations which resulted in the disappearance of many traditional phenomena. However, the ornament itself did not disappear. It was borrowed and shared by different Khanty and Mansi groups across the whole territory of the region. A significant role in this process was played and is still played by various cultural events where the women share their skills, though they still maintain knowledge about the local attribution of this or that ornament. Some of them even know the names of the ornaments. However for most of today's Ob Ugriand and the local population from other ethnic groups all these ornaments are known simply as the "Khanty-Mansi" ones.

YU. P. CHEMYAKIN

Chemyakin Yury Petrovich — PhD in History, USPU
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: yury-che@yandex.ru

**ON THE SPECIAL "OB-URAL ART STYLE"
IN THE IRON AGE**

Key words: metal plastics, the Kulai community, Western Siberia

Summary. The paper presents a critical analysis of ideas on the general West Siberian style (general regional concept) of bronze decorative casting, and hypothesis on the existence of a special "Ob-Ural art style".

Metal plastics of the peoples of the Ural and Siberia has for a long time drawn the attention of researchers. Various concepts were offered for its description — the "Perm animal style", the "Pechora animal style", the "West Siberian ritual casting", etc. The history of its study has been described in detail in a number of articles and monographs (see works by A. V. Schmidt, L. S. Gribova, G. M. Burova, L. V. Chizhova, Yu. V. Balakina, Zh. N. Trufanova et al). Of a particular interest in Western Siberia were the finds in the Tomsk-Narym and the Upper Ob regions. V. N. Chernetsov saw an "obvious connection... between the Ust-Polui and the ancient Perm images on the one hand, and some Glyadenovo bird figures from Karaulnaya hill... on the other" [1,

горы... — с другой» [1, с. 139] (опустим современную трактовку орнитоморфов с Караульной горы). В то же время он различал «плоское (усть-полуйское) и ажурное (кулайское) литье с их стилистическими различиями ... как западный и восточный варианты одного и того же явления» [1, с. 176]. К. И. Корепанов и В. А. Оборин оперируют понятием «уральский звериный стиль», различая в нем два варианта — «приуральский (пермский) и зауральский» [2, с. 177].

Сегодня в восточных областях кулайского ареала найдены сотни поделок культового характера, многие из них происходят из датированных комплексов. Сравнение коллекций из разных районов кулайской культурно-исторической общности показывает их своеобразии, наличие наряду со сходством различий по иконографии, стилистике, сюжетам. Можно говорить о томско-нарымском, сургутском и усть-полуйском (нижнеобском) вариантах кулайского литья. Находки из Среднего Прииртышья близки к пластике Томско-Нарымского Приобья, а из Нижнего (в т. ч. из бассейна Конды) имеют сходство с материалами Сургутского и Нижнего Приобья. Эволюция металлопластики в этих регионах отличается от той, что прослежена на томско-нарымских материалах. В то же время своеобразии литья отдельных регионов вполне укладывается в рамки образов, распространенных в урало-сибирской тайге, что позволяет говорить о едином транскультурном феномене [3; 4, с. 222].

Новые материалы позволили Н. В. Фёдоровой рассмотреть металлопластику севера Западной Сибири на широком территориально-хронологическом фоне. Она выделяет период формирования этого вида искусства (VII–III вв. до н. э.) и три этапа развития «общерегиональной концепции», или «общезападносибирского стиля бронзовой художественной пластики». Увы, эта интересная мысль оказалась недоработанной: датировки этапов расплывчатые, как и их характеристики. Так, обозначенные в работе 1994 г. признаки второй общерегиональной концепции западносибирской бронзовой пластики [5, с. 38–39], в работе 2001 г. характеризуют первую общерегиональную концепцию [6, с. 47].

К сожалению, определенная поспешность наблюдается и при выделении исследовательницей «для широкого региона Северного Приобья — северного Урала особого стиля искусства, существовавшего и развивавшегося, как минимум, 2000 лет», «особого, обско-уральского стиля искусства, известного с древности до «этнографической современности» [7, с. 109–110]. В докладе не очерчен ареал этого стиля, не намечен его генезис. Заметно преувеличение роли «древнего святилища Усть-Полуй на северном полярном круге... Усть-Полуй выступает как центр

p. 139] (we'll skip here the modern interpretations of the Karaulnaya hill ornithomorphs). At the same time he distinguished between the "flat (Ust-Polui) and the open work (Kulai) casting with their stylistic differences ... as the western and the eastern variants of one and the same phenomenon" [1, p. 176]. K. I. Korepanov and V. A. Oborin used the concept "Ural animal style" distinguishing two versions of it — "the Cis-Ural (perm) and the Trans-Ural" [2, p. 177].

As of today hundreds of ritual items have been found in the eastern regions of the Kulai areal, many of them originated from the dated complexes. Comparison of assemblages from different regions of the Kulai cultural and historical community demonstrated their originality, the presence, alongside with their similarity, of iconographic, stylistic and thematic differences. It is possible to distinguish the Tomsk-Narym, the Surgut, and the Ust-Polui (Lower Ob) variants of the Kulai casting. The finds from the Middle Irtysh region were close to the Tomsk-Narym Ob region, and the ones from the Lower Irtysh (including from the Konda basin) had greater similarity with the materials from the Surgut and the Lower Ob regions. The evolution of metal plastics in these regions was different from the evolution of the Tomsk-Narym materials. At the same time, despite their originality the cast items from individual regions were quite comparable to the images common in the Ural Siberian taiga, which allowed referring to them as to a common transcultural phenomenon [3; 4, p. 222].

New materials allowed N. V. Fedorova to study the metal plastics of the North of Western Siberia against a wide territorial and chronological background. She distinguished a period of the formation of this type of art (the 7th–the 3rd centuries BC) and identified three stages of the development of the "general regional concept", or the "general West Siberian style of bronze decorative plastics". However, this interesting idea was not brought to completion: the dates of the stages remained vague, same as their characterization. Thus the defined in a 1994 paper attributes of the second general regional concept of the West Siberian decorative plastics [5, p. 38–39] in a 2001 paper were listed as characterizing the first general regional concept [6, p. 47].

Unfortunately, a certain precipitance was observed also in the researcher's approach to the definition "for a wide region of the Northern Ob — Northern Ural of a special artistic style, which existed and developed for at least 2000 years", a "special Ob-Ural art style known from antiquity to the 'ethnographic modernity'" [7, p. 109, 110]. The paper did not outline the borders of this areal, nor did it identify its genesis. There was an obvious overstatement of the role of the "ancient

формирования искусства, здесь зарождаются его отдельные жанры, такие, как графика, скульптура, пластика, рельеф; иконография антропоморфных и зооморфных образов; композиционное построение сцен с участием различных персонажей. Здесь же впервые проявляется различие «культовых» и «статусных» изделий...» [7, с. 109].

Выше отмечалась неоднородность кулайской металлопластики (а именно она лежит в основе «общерегиональной концепции», по Н. В. Фёдоровой), были предварительно намечены локальные варианты, показаны ее истоки в пластике эпохи бронзы [3].

Что касается Усть-Полуя, то, несмотря на его 14-летние раскопки, остаются дискуссионными характер памятника, время его функционирования, не ясны стратиграфия, планировка, датировка отдельных объектов, связь найденных материалов, в том числе керамики, со святилищем и т. д. Без уникальных предметов из органики памятник не выделяется среди одновременных ему кулайских древностей. Более того, культовая металлопластика, обнаруженная в так называемых кладах и на культовых местах в Томско-Нарымском Приобье, святилище на городище Барсов городок I/9 в Сургутском Приобье, на городище Ус-Нёл и др. в Нижнем Приобье, значительно превосходит по объему коллекцию с Усть-Полуя. Вряд ли Усть-Полуй выступает «как центр формирования искусства», скорее, это уникальное «хранилище». Истоки же этого искусства, в том числе металлопластики, уходят корнями в эпоху бронзы и даже глубже. Поэтому без глубокого анализа всей металлопластики Западной Сибири (да и Урала) рано говорить об «особом обско-уральском стиле искусства».

sacred place Ust Polui on the northern Polar circle ... Ust Polui stood out as the center of arts development, it was there that its individual genres first appeared, such as graphics, sculpture, plastics, relief; iconography of the anthropomorphic and zoomorphic images; compositional arrangement of scenes with the participation of various personages. It was there also that the difference between “ritual” and “status” articles became apparent for the first time...” [7, p. 109].

As was noted above the Kulai metal plastics was far from uniform (and it was this phenomenon that formed the foundation for the “general regional concept” according to N. V. Fedorova), its local variants were preliminarily outlined with the indication of their sources in the Bronze Age plastics [3].

As to Ust Polui, despite the 14 years of its excavations there is still a lot of debate about the nature of the site, the time of its functioning; its stratigraphy, layout, dates of individual objects; the connection of the found materials, including the ceramics, with the sacred place, etc. is still unclear. Without the unique organic items the site would not have been any different from other contemporary to it Kulai antiquities. Moreover, the ritual metal artifacts found in the so-called hoards and in assemblages of sacred places in the Tomsk-Narym Ob region, the sacred place on Barsov Gorodok hillfort I/9 in the Surgut Ob region, on Us-Njol hillfort, etc. in the Lower Ob were significantly larger than the Ust Polui assemblage. Ust Polui can hardly be defined as the “center of arts development”, it was rather a unique “storage”. Whereas the roots of this art, including the metal plastics, go back to the bronze Age and even deeper. Therefore without a deep analysis of the whole body of metal plastics of Western Siberia (and the Ural for that matter) it is too early to speak about the “special Ob-Ural art style”.

Литература / References:

1. Чернецов В. Н. Бронза усть-полуйского времени // МИА. № 35. М., 1953. С. 121–178.
2. Корепанов К. И., Оборин В. А. Рец.: Грибова Л. С. Пермский звериный стиль: (Проблемы семантики) // СЭ. 1978. № 6. С. 175–180.
3. Чемякин Ю. П. О кулайской металлопластике // Переходные эпохи в археологии: материалы Всерос. археол. конф. «XIX Уральское археологическое совещание». Сыктывкар, 2013. С. 78–80.
4. Чемякин Ю. П., Кузьминых С. В. Металлические орнитоморфные изображения эпохи раннего железа Восточной Европы и Урала // У истоков археологии Волго-Камья (к 150-летию открытия Ананьинского могильника). Вып. 8. Елабуга, 2009. С. 216–238.
5. Фёдорова Н. В. Бронзовая художественная пластика // Угорское наследие (Древности Западной Сибири из собраний Уральского университета). Екатеринбург, 1994. С. 35–41.
6. Зыков А. П., Фёдорова Н. В. Холмогорский клад: коллекция древностей III–IV вв. из собрания Сургутского художественного музея. Екатеринбург, 2001.
7. Фёдорова Н. В. Традиции в древнем и средневековом искусстве севера Западной Сибири // Тр. IV (XX) Всерос. археол. съезда в Казани. Т. IV. Казань, 2014. С. 108–110.

АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ

ARCHAEOLOGY OF THE ARCTIC

УДК: 39(571.1):636.04

В. Н. АДАЕВ

Адаев Владимир Николаевич — к.и.н.,
ИГЮС СО РАН (Россия, Тюмень).
E-mail: whitebird4@yandex.ru

СОБАКОВОДСТВО СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СВЕТЕ
ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ

Ключевые слова: домашняя собака, народы Севера, этнодифференцирующие признаки

Резюме. Собака давно является домашним животным народов Севера, выполняющим охотничью, пастушескую и транспортную функции. Сфера и способы ее использования, правила обращения с ней у проживающих по соседству народов могли принципиально различаться. Требуемые для каждой функции качества и навыки животного, характеристики экстерьера, условия содержания, были весьма специфичны, и подчас взаимоисключающими.

Общеизвестно, что собака — первое одомашненное человеком животное. На севере Западной Сибири она в течение многих веков его неизменно сопровождает. При этом сфера и способы использования собаки, правила обращения с ней у проживающих по соседству аборигенных народов или даже у отдельных хозяйственных групп в составе одного этноса могли принципиально различаться. Здесь представлены некоторые этнографические наблюдения, которые могут стать полезными археологам для идентификации и дифференцирования древних общностей.

Основные функции собаки у народов Севера Западной Сибири — охотничья, пастушеская и транспортная. Требуемые для каждой из них качества и навыки животного, характеристики экстерьера, условия содержания, были весьма специфичны, и, что немаловажно, подчас оказывались взаимоисключающими.

Охотничья функция. Наиболее высокий уровень охотничьей специализации собак представлен у народов тайги. В ориентированных на охотничий промысел коллективах к собаке предъявляются высокие требования в плане склонности к поиску и травле зверя, остроты чутья, выносливости, звонкости голоса, уровню интеллекта. Не случайно, выведенные сибирскими таежниками разновидности охотничьей собаки — вогульская и остяцкая — стали предками породы западносибирской лайки.

Исходя из индивидуальных качеств собак, таежники выводили лаек, специализированных для охоты

V. N. ADAEV

Adaev Vladimir Nikolajevich — PhD in History,
IPDN SB RAS (Russia, Tyumen).
E-mail: whitebird4@yandex.ru

DOG BREEDING PRACTICES OF THE NORTHERN
PEOPLES OF WESTERN SIBERIA IN THE LIGHT OF
ETHNO-ARCHAEOLOGICAL PROBLEMS

Key words: domestic dog, peoples of the North, ethno-differentiating attributes

Summary. A dog has for a long time been a domestic animal for the peoples of the North, and was actively used as a hunting, shepherd, and sledge dog. The spheres and the methods of its use, the rules of dogs treatment by the neighboring peoples could differ significantly. The qualities and skills required for each function, the exterior characteristics, the animal welfare norms were quite specific and, sometimes, incompatible.

It is well known that a dog was the first domesticated animal. In the north of Western Siberia it accompanied humans for many centuries. However, the sphere and the methods of the dogs use, the rules of dogs treatment by the neighboring aboriginal peoples, or even by the individual economic groups within one ethnic community could differ dramatically. Here we present some ethnographic observations, which could be useful for the archaeologists for identification of and differentiation between ancient communities.

Main functions of a dog used by the peoples of the North in Western Siberia were the hunting, shepherd, and transportation. The qualities and skills required for each function, the exterior characteristics, the animal welfare norms were quite specific and, what was quite important, sometimes, incompatible.

Hunting function. The highest degree of the dog's hunting specialization existed among the taiga peoples. The groups focused on hunting developed a set of very high qualification requirements to dogs in terms of aptitude towards search and hounding animals, power of scent, stamina, voice sonority, and intellect. It stands to reason that the hunting dogs varieties produced by the Siberian taiga breeders — the Vogul and the Ostyak — became the ancestors of the West Siberian laika.

Based on the individual qualities of the dogs the taiga hunters bred laikas specializing on hunting different animals. For instance, in the 19th–20th centuries the Khanty and the Evenk hunters of the Lower Irtysh region had laikas specializing on hunting squirrel, sable, elk, and bear. A certain degree of hunting universality

на разные виды животных. Например, в XIX–XX вв. у хантыйских и эвенкийских промысловиков Нижнего Прииртышья были представлены лайки бельчатницы, соболятницы, лосятницы и медвежатницы. Та или иная степень охотничьего универсализма была скорее редкостью, так как развиваемые для разных специализаций качества часто были взаимоисключающими.

Результатом специализации было содержание большого количества животных. Так, в 1920-е гг. в семьях демьянских хантов, особенно активно занимавшихся охотой, приходилось в среднем по 3–4, а иногда и более лаек на одного промысловика, а общее соотношение людей и собак достигало показателя $\frac{1}{2}$. Такое положение поддерживалось еще и тем, что собаки дополнительно выполняли транспортную функцию.

Транспортная функция. Широкое совмещение транспортной и охотничьей функций лаек обычно было представлено в коллективах, не имевших вообще или в достаточном количестве ездовых оленей. Если практиковалась постоянная перевозка тяжелых грузов на нартах, то в хозяйстве могли разделять животных на ездовых и охотничьих. На хорошей охотничьей лайке старались вообще не возить груз, так как собака, таскающая нарты, потом начинает задыхаться на бегу.

Наиболее часто большое количество специальных ездовых собак содержали коллективы, ориентированные на рыболовство, так как имели в достаточном количестве рыбу для кормления лаек. Собаки выполняли на их поселениях и важную санитарную функцию — поедали массовые рыбные отбросы. Рыболовы содержали не только самое многочисленное поголовье собак, но и самое разнообразное по экстерьеру, у них чаще встречались животные крупной комплекции.

Пастушеская функция. Примером высокой специализированности северных собак являются ненецкие пастушеские лайки, использовавшиеся для выпаса крупных оленьих стад в тундре. Ненцы подразделяли оленегонков на группы, в зависимости от особенностей характера, физического состояния, природных способностей и выработанных навыков, позволяющих более успешно выполнять те или иные задачи. Выделяли, например, лаек собирающих стадо, гонящих оленей домой, поисковых, удерживающих стадо. Собаки, успешно выполняющие сразу нескольких функций, встречались нечасто, так как каждый вид деятельности подразумевает определенный тип темперамента, физической подготовки, специфических навыков. Среднее количество лаек на домохозяйство составляло 4–6, в некоторых случаях до 10, реже — более животных.

was rather a rarity, since the qualities developed for the purposes of specialization were often mutually exclusive.

A result of such specialization was the keeping of large packs of animals. Thus in 1920^s in the families of the Demyansky Khanty who traditionally were active hunters, there were on an average 3–4 or even more laikas per each hunter, and the general people to dogs ratio reached $\frac{1}{2}$. This situation was also supported by the fact that the dogs additionally fulfilled the transportation function.

Transportation function. Combination of transportation and hunting functions by the dogs was common in groups which had insufficient number, or no reindeer for transportation. In case there was a constant need to carry heavy loads on sledge the teams could be divided into the hunting and the sled dogs. The hunters tried to avoid using good hunting laikas as sled dogs, since the dogs which had to pull heavy sled would become short of breath while running.

Most often a large number of dedicated sled dogs were kept by groups focusing on fishing, since they had plenty of fish for feeding the dogs. In their settlements the dogs fulfilled an important sanitary function — they ate all the accumulated fish waste. The fishermen used to keep not only the largest dog packs, but also most varied in terms of exterior, they more often had large dogs.

Shepherd function. An example of extreme specialization of northern dogs were the Nenets shepherd laikas used for shepherding large reindeer herds in the tundra. The Nenets arranged the dogs in teams depending on their character, physical condition, natural capabilities and acquired skills which allowed them to fulfill certain functions more successfully. There were, e. g. the dogs collecting the herd, driving reindeer home, search dogs, and restraining the herd dogs. The dogs which could successfully fulfill several functions were rare, since each type of work implied a certain type of temperament, physical training, and specific skills. An average number of dogs per household was 4–5, in some cases up to 10, and, on rare occasions, even larger.

The tundra population harshly suppressed the hunting instincts in their dogs, to prevent their being distracted by wild animals during the herd shepherding and avoid the possibility of reindeer being attacked by the dogs. The use of laikas as sled dogs was considered extremely undesirable. Harnessing the shepherd dog even jokingly or during a game was considered a bad sign.

The dogs of the taiga reindeer herders (particularly the Selkup, and the forest Nenets) combined the shepherd and the hunting functions. There the emphasis was on the dogs universality, therefore their average number per household was 2–3. Because of the

Тундровики жестко пресекали охотничьи склонности собак, чтобы те не отвлекались на диких животных во время выпаса и не травмировали оленей. Крайне нежелательным считалось использование лайки в качестве транспортного животного. Запряжка пастушьих собак в нарты, будь это сделано даже в шутку или во время игры, воспринималась как дурной знак.

У оленеводов тайги (в частности, селькупов, лесных ненцев) собаки совмещали пастушескую и охотничью функции. Ставка делалась на универсализм лайки, поэтому среднее количество собак на одно домохозяйство — 2–3. Из-за использования собак в качестве охотничьих животных обычным делом была агрессия лаек в отношении оленей. По этой причине, необходимостью становились разного рода приспособления, ограничивающие лайку в движениях (колодки, рогатины).

Как видим, каждому варианту функционального использования лайки соответствуют четкие параметры количества животных и особенностей их экстерьера. К этому можно добавить ряд других важных деталей, которые могут быть полезными для идентификации хозяйственного комплекса или этнической принадлежности коллектива. К таким деталям относятся морфологические особенности лаек, считавшиеся приметами хорошей работоспособности или непригодности; нали чие построек для содержания и отдыха собак; приспособлений для ограничения их подвижности, а также возможности использования собак (или запрет таковых) в качестве источника мяса, меха, жертвенного животного; традиционные способы убийства собаки; причины, по которым это может произойти; места и способы захоронения.

УДК 902(470)

И. О. ВАСКУЛ

Васкул Игорь Орестович — к.и.н., ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар). E-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru

АРКТИЧЕСКАЯ И СУБАРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА
ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В РАННЕМ
ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ

Ключевые слова: археологические культуры, культурные связи, генезис

Резюме. Дается характеристика археологических памятников I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э., рассматриваются направления культурных связей населения региона, отмечается влияние климатического фактора на развитие культуры

use of dogs as hunting animals the laikas aggression towards reindeer was quite common. For this reason it was necessary to develop special restrains for laikas (stocks, forks).

As you can see each variant of the functional use of dogs matched clear parameters in terms of the number of animals and their exterior. This may be complemented by a number of other important details, which may be useful for identification of the economic complex or the ethnic belonging of a group. These details include the morphological characteristics of laikas which were considered the signs of good working capacity or ineptitude; the availability of structures for dogs keeping and their rest; devices restraining their movements, as well as the possibility to use dogs (or prohibition thereof) as a source of meat, fur, or sacrificial animal; traditional methods of slaying dogs; reasons, for which this could be done; places and methods of their burial.

I. O. VASKUL

Vaskul Igor Orestovich — PhD in History, ILLA Komi RC UB RAS (Russia, Syktyvkar). E-mail: vaskul@mail.illhkomisc.ru

ARCTIC AND SUB-ARCTIC ZONE OF THE EUROPEAN
NORTH-EAST IN THE EARLY IRON AGE

Key words: archaeological cultures, cultural ties, genesis

Summary. The subject of the article is the characterization of archaeological sites of the 1st millennium BC — 1st millennium AD, the discussion of the vectors of the cultural ties of the population of the region, the influence of climate factor on the culture development

в арктической и субарктической зоне Европейского Северо-Востока.

Арктическая и субарктическая зона Европейского Северо-Востока (далее ЕСВ) включает в себя территорию Большеземельской и Малоземельской тундры, лесотундры и крайней северной тайги в пределах Республики Коми и Ненецкого автономного округа Архангельской области. Известные в настоящее время археологические памятники железного века здесь немногочисленны, что обусловлено дальнейшим ухудшением климатических условий в I тыс. до н. э. [1]. Большая часть из них относится к первому, ананьинскому периоду железного века, значительно меньше памятников гляденовского времени.

Древности ананьинского времени представлены на территории ЕСВ комплексами четырех культурно-хронологических типов, выделенных В. И. Канивцом: Ластва (VIII–VI вв. до н. э.), Чаркабож (VIII–VI вв. до н. э.), Перный (VI–III вв. до н. э.), Ямашор (VI–III вв. до н. э.) [2]. Формирование этих культурных типов происходило на основе взаимодействия местного населения и переселенцев с территории Волго-Камья, Зауралья и Западной Сибири [2; 3]. В исследуемом регионе представлены ластинские, перныйские и ямашорские памятники, реже — чаркабожские. Известны поселения, могильник и пещерное святилище. В пределах арктической и субарктической зоны ЕСВ древности ананьинского периода распространены неравномерно. В Большеземельской тундре известно только три стоянки ананьинского времени [4]. Большинство археологических памятников расположено в южной части региона, в Приполярье по берегам Печоры и ее притоков, на водораздельных озерах Центрального Тимана. Имеющиеся материалы свидетельствуют о постоянном обитании здесь населения, оставившего памятники вышеперечисленных культурных типов. Прослеживаются культурные связи с культурами ананьинской КИО, Прибеломорья, Западной Сибири.

Древности следующего, гляденовского периода (конец III–II вв. до н. э. — первая пол. I тыс. до н. э.), относятся на ЕСВ к пиджской археологической культуре (далее АК), памятники которой распространены в таежной зоне бассейна р. Печора. Известны поселения, пещерные святилища и погребения. Она сформировалась на базе культурных типов ананьинского времени, что прослеживается в форме сосудов, построении схемы их орнаментации, типах поселений, погребальном обряде [5; 6]. Фиксируются этнокультурные контакты с населением Вычегодского края, Прикамья, Западной Сибири. В арктической зоне Припечорья древности пиджской культуры на раннем этапе ее существования отсутствуют на

in the Arctic and the sub-Arctic zones of the European North-East.

The Arctic and the sub-Arctic zones of the European North-East (hereinafter ENE) covers the territory of the Bolshezemelskaya and the Malozemelskaya tundra, forest-tundra and the far north taiga within the boundaries of the Komi Republic and the Nenets Autonomous Okrug of the Arkhangelsk Region. The currently known archaeological sites of the Iron Age in this territory are not numerous, which was a result of further deterioration of climatic conditions in the area in the 1st millennium BC [1]. Most of them belonged to the first, Ananjin period of the Iron Age, with the significantly smaller number of sites of the Glyadenov period.

The antiquities of the Ananjin time were represented in the ENE territory with the complexes of the four cultural and chronological types defined by V. I. Kanivets: Lasta (8th–6th centuries BC), Charkabozh (8th–6th centuries BC), Peryn (6th–3rd centuries BC), Yamashor (6th–3rd centuries BC) [2]. The formation of these cultural types occurred under the effect of contacts between the local population and the migrants from the territory of the Volga-Kama, the Trans-Ural and Western Siberia [2; 3]. In the studied region the Lasta, the Peryn, and the Yamashor types of sites, less frequently — the Charkabozh ones have been registered. The known sites include settlements, a burial site and a cave sacred place. Within the limits of the Arctic and the sub-Arctic zone of the ENE the Ananjin time antiquities distribution was uneven. In the Bolshezemelskaya tundra only three Ananjin time occupation sites have been discovered [4]. Most of the archaeological sites were located in the southern part of the region, in the Polar region along the Pechora and its tributaries, and on the watershed lakes of the Central Timan. The existing materials give evidence of the permanent residence in those areas of the population groups which left the sites of the aforementioned cultural types. There were signs of cultural ties with the cultures of the Ananjin HCC, the White Sea coast, and Western Siberia.

The antiquities of the following, Glyadenov period (end of the 3rd–2nd centuries BC — the first half of the 1st millennium AD) in the ENE belonged to the Pidzh archaeological culture (hereinafter AC) the sites of which were quite common in the taiga zone of the Pechora basin. The group includes settlements, cave sacred places and graves. They were formed on the basis of the Ananjin time cultural types, which could be traced in the shape of the vessels, their ornamentation patterns, types of settlements, and the funeral rites [5; 6]. There are evidences of ethno-cultural contacts with the populations of the Vychegda, the Kama regions,

территории Большеземельской тундры. Уменьшается их число в пределах современной зоны лесотундры и северной тайги. Это связано с пиком похолодания, который приходится на переходное время от суббореального к субатлантическому периоду в последней четверти I тыс. до н. э., что вызвало сдвиг зоны тундры к югу на 150 км от современной границы [1].

Культурная ситуация в регионе изменяется в начале I тыс. н. э. На основе взаимодействия населения пиджской АК и продвинувшихся из-за Урала носителей кулайской АК в Печорском крае формируются памятники бичевницкого культурного типа. Бичевницкие древности распространены в лесной и тундровой зонах ЕСВ, Верхнем Прикамье, Нижнем Приобье [7; 8]. В Большеземельской тундре выделены близкие бичевницким керамические комплексы типа Море-Ю [9]. Новое освоение арктической зоны ЕСВ было обусловлено, прежде всего, благоприятными климатическими условиями, позволившими, судя по радиоуглеродным датировкам поселения у Мыса Входной, уже в первые века нашей эры выйти на побережье Баренцева моря [10]. Еще одним фактором, способствовавшим заселению этого региона в первой половине I тыс. н. э. и усилению культурных связей между ЕСВ и Нижним Приобьем, стало развитие транспортного оленеводства [11]. По всей видимости, именно с этого времени начинается процесс формирования в арктической зоне ЕСВ культуры, генетически связанной с нижнеобско-ямальским кругом культур.

and Western Siberia. In the Arctic zone of the Pechora region no Pidzh culture antiquities of its early stages were found in the territory of the Bolshezemelskaya tundra. Their number within the modern forest-tundra and the northern taiga zones was also decreasing. This was related to the peak of the cooling period which fell on the transition time between the sub-boreal and the Atlantic period in the last quarter of the 1st millennium BC, which caused the shift of the tundra zone 150 km south of the modern border [1].

The cultural situation in the region changed in the beginning of the 1st millennium AD. As a result of contacts between the populations of the Pidzh AC and the advanced from behind the Ural Kulai AC the Bichevniki cultural type sites began to appear in the Pechora region. The Bichevniki antiquities were common in the forest and the tundra zones of the ENE, the Upper Kama, and the Lower Ob regions [7; 8]. In the Bolshezemelskaya tundra similar to the Bichevniki ceramic complexes of the More-Yu type were identified [9]. The new period of the Arctic ENE zone development was determined, first of all, by the favorable climatic conditions which made possible, judging by the radiocarbon dates of the Vkhodnoy Cape settlement, migrations of the population to the Barents Sea coast already in the first centuries AD [10]. Another factor contributing to the colonization of this region in the first half of the 1st millennium AD and the strengthening of cultural ties between the ENE and the Lower Ob regions was the development of transportation reindeer herding practices [11]. Apparently it was in this period that the process of the formation in the Arctic ENE zone of a culture genetically related to the Lower Ob-Yamal group of cultures began.

Литература / References:

1. Никифорова Л.Д. Динамика ландшафтных зон голоцена Северо-Востока Европейской части СССР // Развитие природы территории СССР в позднем плейстоцене и голоцене. М., 1982. С. 154–162.
2. Канивец В.И. Печорское Приполярье. Эпоха раннего металла. М., 1974.
3. Ашихмина Л.И., Васкул И.О. Памятники ананьинской культурной общности // Археология Республики Коми. М., 1997. С. 314–348.
4. Чернов Г.А. Атлас археологических памятников Большеземельской тундры. М., 1985.
5. Васкул И.О. Памятники гляденовской культурной общности. М., 1997. С. 349–399.
6. Васкул И.О. Шиховской могильник раннего железного века (первые результаты исследований). Сыктывкар, 2002.
7. Мельничук А.Ф. Этнические процессы и освоение Северного Прикамья в эпоху раннего железного века – позднего средневековья // Исторические истоки, опыт взаимодействия и толерантности народов Приуралья: материалы междунауч. конф. Ижевск, 2002. С. 101–109.
8. Мошинская В.И. Археологические памятники севера Западной Сибири // САИ. М., 1965. Вып. ДЗ-8.
9. Мурыгин А.М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992.
10. Хлобыстин Л.П., Питулько В.В. Многослойное поселение Мыс Входной // Древности Русского севера. Вологда, 1996. Вып. 1. С. 123–133.
11. Фёдорова Н.В. Олень, собака, кулайский феномен и легенда о сихиртя // Древности Ямала. Екатеринбург; Салехард, 2000. Вып. 1. С. 54–66.

УДК 904(571.121)

АЛ. В. ГУСЕВ

Гусев Александр Васильевич — ГКУ ЯНАО
«Научный центр изучения Арктики»
(Россия, Салехард). E-mail: Gusev962@mail.ru

ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СРЕДНЕВЕКОВОГО
НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ
У ПОС. ЗЕЛЕНЬЙ ЯР)

Ключевые слова: Нижнее Приобье, Сургутское Приобье, археологический комплекс Зеленый Яр, средневековые, погребальный обряд, поминальные комплексы

Резюме. В работе анализируется погребальный обряд населения севера Западной Сибири в эпоху средневековья на примере могильника XIII в. н. э., входящего в археологический комплекс Зеленый Яр. Автор систематизирует основные признаки погребального обряда, характерные для данного региона, и проводит сравнительный анализ с обрядом могильников Сургутского Приобья.

Описание памятника. Поздний могильник, датированный XIII в. н. э. входит в состав археологического комплекса у поселка Зеленый Яр. Его уникальными чертами является наличие мумифицированных останков людей, относительно хорошая сохранность погребальных сооружений, одежды и покровов захороненных. За все годы раскопок на памятнике было вскрыто 36 погребений, относящихся к позднему могильнику, из них 27 погребений содержали останки взрослых людей; 8 — детских захоронений; одно погребение принадлежит, по всей видимости, подростку.

Общая характеристика погребений. Все могилы грунтовые, совершены в неглубоких (от 20 до 60 см от древней поверхности), узких ямах. Следов каких-либо надмогильных сооружений не обнаружено. Для позднего могильника прослежены внутримогильные конструкции четырех типов. Первый — захоронение в деревянной лодке. Второй — захоронение в берестяном чехле, сшитом в виде лодки. Третий — погребения в закрытых деревянных колодах-саркофагах, имитирующих форму лодки. И, наконец, четвертый — захоронения в берестяном коробе.

Все погребения взрослых людей, кроме погребения № 27, были разрушены уже после распада составных связей [1, с. 114]. Детские погребения не имели следов грабительского вмешательства.

AL. V. GUSEV

Gusev Alexander Vasiljevich — SPI YaNAO
“Arctic Research Center” (Russia, Salekhard).
E-mail: Gusev962@mail.ru

FUNERAL RITES OF THE MIDDLE AGE
POPULATION OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA
(BASED ON THE MATERIALS OF BURIAL SITES NEAR
ZELENY YAR VILLAGE)

Key words: Lower Ob region, Surgut Ob region, archaeological complex Zeleny Yar, Middle Ages, funeral rites, memorial complexes

Summary. The paper analyses the funeral rituals of the population of the north of western Siberia during the Middle Age period on the example of the 13th century AD burial site forming a part of Zeleny Yar archaeological complex. The author systematized main attributes of the funeral ritual characteristic for the region and performed a comparative study of the ritual represented in the burial sites of the Surgut Ob region.

Site description. The late period burial site dated as the 13th century AD is part of the archaeological complex near Zeleny Yar village. Its unique features are the presence of mummified human remains, the relatively good preservation of the grave structures, clothes and covering blankets of the buried people. Over the whole period of the site's excavations 35 interments belonging to the late period burial site were excavated, out of that number 27 interments contained the remains of the adults; 8 were children's interments; and one interment was, apparently, a teenager's burial.

General description of the interments. All graves were ground interments in shallow (20 to 60 cm from the ancient surface) narrow pits. No traces of any above ground structures were identified. In the late period burial site four types of inner grave structures were registered. The first one — burial in a wooden boat. The second — burial in a boat shaped sewn birch bark bag. The third — burials in closed wooden blocks-sarcophagus imitating the boat shape. And, finally, the fourth — burials in a birch bark box.

All adult interments, with the exception of interment № 27, were destroyed already after the fibrous bands decay [1, p. 114]. The children's interments had no traces of interference.

Judging by their location in the burial site area it is possible to assume that the interments were arranged in groups.

По расположению на площади могильника, вероятно, можно говорить о том, что погребения располагались группами.

Погребенные укладывались на спину, руки вдоль туловища; кисти, там, где удалось фиксировать, сложены внизу живота либо заводились под таз. В большинстве могил было зафиксировано связывание погребенных в области плеч, локтей, талии и ног в области колен.

Важными элементами погребального обряда являются:

1. Размещение медных пластинок в области лица погребенного и под его ступнями. При этом форма и даже размер пластин не играют роли — важен факт наличия в этих местах меди.

2. Все погребенные одеты и обернуты в меховые одежды (покровы).

3. Редкая деталь погребального обряда — наличие в ногах погребенных своеобразных конусов, свернутых из стенки медного котла (встречено в двух погребениях).

4. Необычной чертой погребального обряда могильника Зеленый Яр является практически полное отсутствие в составе инвентаря керамических или металлических сосудов. Исключением стало только одно погребение, в котором в области коленей погребенного среди остатков меха обнаружены фрагменты сферической бронзовой чаши [2].

Кроме одиночных могил дважды зафиксированы коллективные погребения. В отличие от одиночных погребений, в групповых могилах захороненные лежали свободно, ремни перевязок не фиксировались [1, с. 143].

Детские погребения, в общем, выполнены по тому же обряду. Тела были захоронены в деревянные колоды, имитирующие лодки, наблюдались следы ременных перевязок, медные скобы, большое количество медных пластин и растительные перевязки поверх саркофагов. Два детских погребения выделялись из остальных захоронений особым, не физиологическим положением головы: в первом она была отогнута под углом почти в 90°. Во втором детском погребении шея умершего была согнута вперед, а подбородочная область лица прижата к груди.

Поминальные действия. Погребальные действия сопровождалась поминальными церемониями, представленными наборами предметов, в том числе из серебра и бронзы, оставленных в межмогильном пространстве вне границ могил на уровне древней поверхности, что, по-видимому, происходило во время поминальных церемоний [3].

Аналогии как погребальному обряду в целом, так и отдельным его элементам можно найти в соседнем Сургутском регионе, где раскопано большое

The buried persons were placed on their backs, arms extended along the body, the hands, where fixation was possible, were either arranged on the lower part of the belly, or placed under the pelvis. In most graves the bodies were bound in the area of shoulders, elbows, waist and knees.

The following features were the important elements of the funeral ritual:

1. Placing of copper plates in the area of the face of the deceased and under the person's feet. The shape, or even the size of the plates did not matter — the important factor was the very presence of copper in those areas.

2. All bodies were dressed and covered in fur clothes (covers).

3. A rare detail of the funeral rite was the presence at the feet of the bodies of conical objects made from the walls of a copper cauldron (such objects were found in two interments).

4. An unusual feature of the funeral rite of Zeleny Yar burial site was the practically complete absence in the grave goods of any ceramic or metal vessels. Only one interment was an exception to this rule, where in the area of the deceased person's knees there were fragments of a spherical bronze cup [2].

In addition to the individual graves in two instances the collective interments were registered. Unlike individual interments in group graves the bodies were free, no bondages were registered [1, p. 143].

Children's interments in general followed the same pattern. The bodies were buried in wooden blocks imitating boats, there were traces of leather bondages, copper clamps, a large number of copper plates and vegetative bonds over the sarcophagus. Two children's interments differed from other interments by an unusual non-physiological position of the heads: In the first it was turned at almost 90° angle. In the second child's interment the neck of the deceased was turned forward, and the mental part of the face was pressed to the chest.

Memorial actions. The funeral actions were accompanied by the memorial ceremonies represented with a set of items, including silver and bronze ones, left in the inter-grave areas outside the grave boundaries at the level of ancient surface, which, apparently, was done during the memorial ceremonies [3].

Similarities to both the funeral ritual in general, and to its individual elements could be found in the neighboring Surgut region, where a large number of medieval burial sites has been excavated. In general the burial sites of the two northern regions of Western Siberia had a lot in common. The burials were made in wooden structures, into the relatively shallow pits; there was a common practice of lining the burial chamber with wooden plates, and making a wooden ceiling. In

количество средневековых могильников. В самых общих чертах погребальные памятники двух северных регионов Западной Сибири похожи. Захоронения совершались в деревянных сооружениях, в относительно не глубокой яме; практиковалась обкладка погребальной камеры плахами, а также их перекрытие из плах. Во всех могилах фиксируется береста на дне ямы и долбленные из дерева колоды. Погребенные укладывались вытянуто на спине, руки вдоль тела. Необходимо отметить, что имеются и некоторые, очевидно, региональные отличия в погребальном обряде памятников Нижнего и Среднего Приобья.

Литература / References:

1. Зеленый Яр: археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург: Салехард 2005.
2. Фёдорова Н. В., Ражев Д. И. Средневековый могильник в полярной зоне Западной Сибири. Результаты четырех лет исследований. URL: <http://yamalarchaeology.ru/index.php?module=subjects&func=viewpage&pageid=108> (дата обращения: 1.12.2014).
3. Гусев Ал. В. Поминальные действия на могильниках у пос. Зелёный Яр // Научный вестник ЯНАО. Салехард, 2015. В печати.

УДК 903(571.121)«638»

АН. В. ГУСЕВ

Гусев Андрей Васильевич — ГКУ ЯНАО
«Научный центр изучения Арктики»
(Россия, Салехард). E-mail: gusev_av2004@mail.ru

**ДРЕВНИЕ ПРОИЗВОДСТВА В САКРАЛЬНОМ
ПРОСТРАНСТВЕ СВАТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ**

Ключевые слова: север Западной Сибири, ранний железный век, древне святилище Усть-Полуй, древняя обработка металлов, кости, выделка шкур, получение тканей

Резюме. В публикации предлагается к рассмотрению гипотеза о сакральном характере зафиксированных на святилище Усть-Полуй (ранний железный век) остатков бронзолитейного, железоделательного, косторезного производств. Рассматриваются только археологически прослеживаемые следы вышеупомянутых занятий. Многие из этих действий не фиксируются на современных этнографических святилищах обских угров и, тем более, ненцев. В то же время, их анализ позволит раскрыть многие аспекты материальной и духовной культуры древнего населения.

Современные святилища обско-угорских народов представляют собой лишь малую часть того богатого сакрального мира, который был почти разрушен во время христианизации XVIII–XIX вв., а потом

all graves there was birch bark at the bottom of the pit and the hollowed out wooden blocks. The bodies were placed on their back with arms extended along the sides. It is necessary to note that there were also certain, apparently regional, differences in the funeral ritual of the sites of the Lower and the Middle Ob regions.

AN. V. GUSEV

Gusev Andrey Vasiljevich — SPI YaNAO
“Arctic Research Center” (Russia, Salekhard).
E-mail: gusev_av2004@mail.ru

**ANCIENT PRODUCTION SITES WITHIN THE SACRAL
SPACE OF UST POLUI SACRED PLACE**

Key words: north of Western Siberia, early Iron Age, ancient sacred place Ust Polui, ancient metal and bone working, hides shaving, making cloth

Summary. The publication offers a hypothesis of the sacral nature of the registered at Ust Polui sacred site (early Iron Age) remains of the bronze casting, iron making, and bone carving production facilities. Only the archaeologically traceable signs of the said occupations were studied. Many of those actions are not registered on modern ethnographic sacred places of the Ob Ugrians or the Nenets. At the same time their analysis will allow understanding many aspects of the material and spiritual culture of the ancient population.

Modern sacred places of the Ob-Ugrian peoples represent only a small part of the rich sacral world which was almost completely destroyed during the Christianization period in the 18th–19th centuries, and later during the “fighting religious superstitions” campaigns

во время «борьбы с религиозными пережитками» в XX в. То, что сохранилось и, отчасти, возродилось представлено неким общим набором верований, действий и конструкций. «Материальная» составляющая современных священных мест включает: жилище (амбарчик, навес), кострище, стол, места для сидения присутствующих на церемонии людей, деревья с вырезанными на стволах личинами или воткнутыми ножами, жертвенные жерди, фигуры духов-покровителей, деревянные изваяния лесных духов-менквов, игровые атрибуты, оружие, посуду, предметы жертвоприношений [1, с. 7; 2, с. 166]. Все вещи, попав на святилище, становились неотъемлемой собственностью духа-покровителя и уже никогда не возвращались к людям.

Значительная часть этих составляющих этнографических святилищ является продуктом трансформации их сравнительно позднего происхождения. Утрата развитого бронзолитейного, керамического, железодельного производств вследствие замещения их готовым импортом, постепенно исключила эти важные компоненты и из набора сакральных действий. От них остался, пожалуй, лишь обычай отливания из олова или свинца разнообразных фигурок в деревянной форме и приношение отлитых фигурок на святилище. В качестве других примеров из современной этнографии, отдаленно указывавших на регламентированный характер процедуры изготовления «особых» предметов, можно привести свод правил касающихся шитья жертвенных покрывал у манси и ханты, изготовление шаманского костюма, его элементов, колотушки и бубна [3, с. 13; 4, с. 338].

Изготовление вещей сакрального предназначения в более ранние эпохи осуществлялось на соответствующих их статусу местах. Данные, полученные в ходе археологических исследований святилища Усть-Полуй (ранний железный век), позволяют говорить о принадлежности его к этой категории. За годы раскопок удалось собрать многочисленную коллекцию артефактов, позволяющую характеризовать разнообразные сферы занятия древнего населения при посещении святилища.

Остатки плавки бронзы зафиксированы в виде скоплений тиглей (1994 г.), фрагментов моделей из глинистого сланца (1993, 2014 г.), обожженных камней, сплесков бронзы, отливок, в том числе произведенных в одной форме, а также сосудов на поддонах [5, с. 20]. Часто эти остатки были приурочены к деревянным настилам, сооруженным из стволов и веток лиственницы, размерами приблизительно 1,6 x 3,3 м.

Древний ров с остатками деревянного плетня на внутренней стороне был прослежен в северо-западной

of the 20th century. What was preserved and, in part, restored is represented with a certain general set of beliefs, actions and structures. The “material” component of modern sacred places consists of: a house (a small barn, a shed), a fireplace, a table, places for seating the people present at the ceremony, trees with faces cut in the trunks, or knives driven into them, sacrificial poles, figures of protector spirits, wooden images of the forest spirits—“menkvs”, the game attributes, weapons, pottery, and sacrificial items [1, c. 7; 2, p. 166]. All items once they were brought to the sacred place became an inalienable property of the protector spirit and could never be returned to the people.

A significant part of these components of the ethnographic sacred places was a product of transformation of their relatively late origin. The loss of a developed bronze casting, ceramic, or iron making productions as a result of their substitution by the ready-made imports led to the gradual exclusion of these important components from the set of sacral actions as well. What remained was, probably, only the custom of casting various tin or lead figures in a wooden mold and offering them at the sacred place. Another example from modern ethnography, which remotely pointed to the existence of regulations with regard to the process of making “special” items could be a set of rules regulating the making of sacrificial blankets of the Mansi and the Khanty, the making of the shaman’s costume, its elements, the drumstick and the tambourine [3, p. 13; 4, p. 338].

In the earlier periods the sacral items were manufactured in places which matched their status. The data obtained in the course of the archaeological studies of Ust Polui sacred place (early Iron Age) gave reasons to suggest that the site belonged to this category. Over the years of excavations it was possible to assemble a large collection of artifacts allowing to characterize various spheres of occupations of the ancient population associated with their visits to the sacred place.

The remains of bronze melting practices in the form of the crucibles accumulation (1994), fragments of clay-slate models (1993, 2014), burnt stones, bronze splashing, cast items, including the ones made in one and the same mold, as well as vessels on trays [5, p. 20]. Often these remains were referred to the wooden planking made from larch tree trunks and branches of approximately 1.6 x 3.3 m in size.

Traces of an ancient moat with the remains of a wooden fence on the inner side were found in the north-west part of the sacred place platform. A wooden bridge over this moat was dated by the wooden remains as the 1st century BC. On the inner edge of the moat there was an accumulation of iron slag, and in the filling a large

части площадки святилища. Через него был сооружен деревянный мост-переход, датированный по остаткам древесины I в. до н. э. На внутреннем краю рва было обнаружено скопление железистых шлаков, а в заполнении — крупная крица, пинцет, который служил, по всей видимости, одним из кузнечных инструментов.

Разнообразные роговые и костяные предметы различной степени изношенности: от заготовок до сильно сработанных, были обнаружены в заполнении объектов, центрами которых были очаги. Встречались также разрозненные роговые и костяные стружки, но участки с массовыми их скоплениями были прослежены в юго-восточной части площадки раскопа 2014 г. Следует отметить, что именно наличие роговой и костяной стружки является однозначным маркером косторезных работ, производимых на этом месте.

На краю и, главным образом, в заполнении сползшего в ров грунта, в линзах мерзлоты найдено много фрагментированных и целых берестяных коробок, деревянных изделий. Отсюда же были извлечены 5 крупных фрагментов ткани из растительного и шерстяного сырья и обрывки различных веревок.

Можно предположить, что сакральная территория святилища была вместе с тем площадкой важного обмена информацией, знаниями и новыми технологиями для населения таежной, лесотундровой и тундровой зон северного Приобья и Приуралья.

Вместе с тем, находки безынвентарных погребений под выкидом из рва и на краю мыса, захоронение человеческой головы, особое обращение с собаками, скульптура из рога и дерева, ложки, очевидно, сакрального назначения, выкладки из вещей, оставленные на площадке памятника, наконец, отсутствие следов долговременных построек — все это красноречиво свидетельствует об основной роли Усть-Полуя как древнего святилища.

Литература / References:

1. Бауло А. В. Священные места и атрибуты северных манси в начале XXI века: этнографический альбом. Ханты-Мансийск; Екатеринбург, 2013.
2. Шатилов М. Б. Ваховские остяки: Этнографические очерки. Тюмень, 2000.
3. Гемуев И. Н., Бауло А. В. Небесный всадник. Жертвенные покрывала манси и хантов. Новосибирск, 2001.
4. Прокофьева Е. Д. Костюм селькупского (остяко-самоедского шамана) // Сборник МАЭ. Л., 1949. Т. XI. С. 335–375.
5. Гусев А. В., Фёдорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: конструкции, действия, артефакты. Итоги исследований планиграфии и стратиграфии памятника: 1935–1936 гг. Салехард, 2012.

bloom, a pair of pincers which served, apparently, as one of the smithy tools.

Various antler and bone items of different degree of wear: from blanks to the heavily used ones were found in the filling of objects with hearths at the center of their area. There were also isolated antler and bone shavings, however the areas with their massive accumulations were found in the south-east part of the 2014 excavation platform. It should be noted that it was the presence of the antler and bone shavings which was an unambiguous marker of bone carving works performed in this place.

At the edge and, mostly in the landslide moat filling, and in the permafrost lenses there were numerous fragmented and whole birch bark boxes and wooden items. From the same area 5 large fragments of cloth made from both vegetative and woolen material were extracted, as well as pieces of various ropes.

It is possible to presume that the sacral territory of the site was at the same time a platform for important exchange of information and new technologies for the population of the taiga, forest tundra, and tundra zones of the northern Ob and Cis-Ural regions.

At the same time the finds of interments without grave goods in front of the moat and at the edge of the cape, a burial of a human head, special treatment of dogs, a wooden and antler sculpture, the spoons of apparently sacral purpose, items displays left at the site's platform, and, finally the absence of any traces of long term structures — all these features together provide a strong evidence in favor of the assumption that the main role of Ust Polui was the ancient sacred place.

УДК 903(571.651)

С. В. ГУСЕВ

Гусев Сергей Валентинович — к.и.н., Институт наследия (Россия, Москва). E-mail: agus_2004@mail.ru

ДРЕВНЕКИТОБОЙНАЯ КУЛЬТУРА ЧУКОТКИ И АЛЯСКИ И МОРСКИЕ ЗВЕРОВОИ ГРЕНЛАНДИИ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ*Ключевые слова:* древнекитобойная культура, индигенез, саккак, Чукотка, Аляска, Гренландия

Резюме. В работе рассматриваются новые данные по древнекитобойной культуре, полученные в результате раскопок поселения Уненен на востоке Чукотки. Дается сравнительный анализ находок с поселения и материалов поселений Old Whaling мыса Крузенштерн, стоянки Чёртов Овраг на о. Врангеля, прелахтинских памятников к югу от Анадыря, а также некоторых памятников Гренландии. Делается вывод о возможном распространении преэскимосских традиций внутри одной популяции.

С момента открытия в 1956 г. Дж. Гиддингсом древнекитобойной культуры на косе у мыса Крузенштерна (Аляска) [1] сущность этой культуры и ее название стали объектом яростной критики [2]. Сомнению подвергался, прежде всего, сам факт китобойного промысла. Исследования поселения Уненен на Восточной Чукотке позволили кардинально изменить ситуацию. Поселение было выявлено в 1997 г. на территории современного с. Нунлигран. Оно расположено на южной окраине современного поселка у моря, на второй морской террасе у галечно-песчаного пляжа. С запада поселение ограничено крутым склоном горы. Площадь поселения по уточненным данным составляет более 5,7 га.

Образование у берега моря в конце II тыс. до н. э. стационарного поселения морских охотников-зверобоев с высокоспециализированной морской экономикой обязано лагуне, которая служила естественной закрытой гаванью для лодок. Расположенная к юго-западу от нее, под поселением, бухточка, — идеальное место с точки зрения безопасности для лежбищ моржа и нерпы.

Причиной прекращения жизнедеятельности на поселении стало землетрясение силой 5-7 баллов, произошедшее около 3 тыс. л. н. в районе лагуны Аччен (данные Галанина, Пахомова 2010); — возраст скорректирован нами на основании дат из культурного слоя), вызвавшее обвальную-осыпные процессы, в результате которых огромные каменные блоки весом до 2,5 т и более мелкий каменный материал

S. V. GUSEV

Gusev Sergey Valentinovich — PhD in History, Heritage Institute (Russia, Moscow). E-mail: agus_2004@mail.ru

OLD WHALING CULTURE OF CHUKOTKA AND ALASKA AND THE SEA MAMMALS HUNTERS OF GREENLAND IN THE SECOND MILLENNIUM BC: COMPARATIVE STUDY*Key words:* Old Whaling culture, Independence, Saqqaq, Chukotka, Alaska, Greenland

Summary. The paper presents new data on the Old Whaling culture obtained as a result of Unenen settlement excavations in the east of Chukotka. Comparative analysis results of the finds from the settlement and the materials from Old Whaling settlements of Cape Krusenstern and the Chertov Ovrage camp on the Wrangel Island, as well as the pre-Lakhtin sites south of Anadyr and some of the Greenland sites are discussed. A conclusion is made about the possible distribution of the pre-Eskimo traditions inside one population group.

From the moment of the discovery in 1956 of the Old Whaling culture by J. Giddings on a sand bar near Cape Krusenstern (Alaska) [1] the essence of this culture and its name became the object of severe criticism [2]. What was disputed in the first place was the existence the whaling practices as such. The Unenen settlement study in eastern Chukotka allowed to change the situation completely. The settlement was discovered in 1997 in the territory of the modern village Nunligran. It was located in the southern periphery of a modern village on a second sea terrace near the pebble-sand beach. From the west the settlement was bounded by a steep mountain slope. The area of the settlement according to the updated information was over 5.7 hectares.

The appearance on the coast of a stationary sea-mammals hunters' settlement with a highly specialized maritime economy in the end of the second millennium BC was associated with the lagoon which served as a natural protected harbor for boats. A small bay located south-west of the lagoon near the settlement was an ideal, in terms of safety, rookery location for seals and walrus.

A reason for the abandonment of the settlement was an earthquake of about 5–7 points intensity which occurred approximately 3 thousand years ago in the area of Achchen lagoon (the data of Galanin, Pakhomov 2010; the age was corrected by us on the basis of the dates from the cultural level), and caused avalanche and landslide processes as a result of which huge rock blocks weighing up to 2.5 tons and smaller rocks with

с суглинком накрыли культурный слой, что хорошо прослеживается стратиграфически. Раскопки 2007 г. принесли сенсационную находку на глубине 50–60 см от современной дневной поверхности: клык моржа с гравировкой. Клык длиной 49 см оформлен в виде фигуры нерпы — с головой и плавниками на концах. С двух сторон по бокам фигуры изображена охота на китов.

Раскопки поселения Уненен с 2007 г. и по 2014 г. ведутся ежегодно на площади более 100 кв. м [3; 4].

Датировки по ^{14}C определяют возраст 2900–3200 лет от наших дней, а при переводе в календарные даты удреваются и указывают возраст поселения древних китобоев в диапазоне XV–XIII вв. до н. э. (21 дата по дереву и древесному углю).

Среди находок представлены поворотные наконечники гарпунов преэскимосских культур предорсет, саккак и индепенденс, изготовленные из рога северного оленя и клыка моржа, в том числе поворотных наконечников гарпуна типа гренландской культуры индепенденс, известных ранее за пределами Гренландии только по раскопкам на Аляске и с острова Врангеля (стоянка Чертвов Овраг). Если наконечники «предорсета» имеют пропилен на конце, в который вставлялись концевые копыца, то для «саккак» острие гарпуна могло быть и без пропила для концевого копыца. Поворотные наконечники «индепенденс» существенно отличаются: у кончика вместо пропила оформлялось снятие примерно половины массива по ширине с шлифовкой. Далее на них накладывались концевые копыца с рыбковидным основанием, которое было необходимо для крепления посредством обвязки по всему периметру, с канавкой по костяному телу гарпуна. Учитывая массовый характер находок наконечников с рыбковидным хвостом у основания на мысе Коцебу и на поселении Уненен, можно говорить о наконечниках гарпунов типа «индепенденс» как о преобладающем типе в древнекитобойной культуре.

Наряду с поворотными наконечниками гарпуна встречаются зубчатые неповоротные наконечники гарпунов «алеутского круга».

Ножи, как на поселении Уненен, так и по другим упоминающимся территориям имели двустороннюю ретушь с шлифовкой, и по одному — двум пазам, отделявшим рукоять от лезвия.

Анализ комплекса показывает культурное и геохронологическое единство поселения Уненен, Old Whaling мыса Крузенштерн со стоянкой Чертвов Овраг на о. Врангеля, прелахтинскими памятниками к югу от Анадыря, демонстрируют связи с далекой Гренландией. Калиброванные даты (22 образца) относятся к существованию поселения к XV–XIII вв. до н. э.

clay loam covered the cultural level, which is clearly observed in the site's stratigraphy. The 2007 excavations produced a sensational find at the depth of 50–60 cm from the modern day surface: an engraved walrus tusk. The 49 cm long tusk was shaped as a seal figure with the head and fins at the ends. On both sides of the figure there were drawings of whaling scenes.

The Unenen settlement excavations from 2007 to 2014 continue annually over the area of more than 100 sq. m [3; 4].

The ^{14}C dates corresponded to the age of 2900–3200 years before present, which translated into somewhat older calendar dates indicating the age of the ancient whalers settlement within the range of the 15th–13th centuries BC (21 dates for wood and charcoal).

The finds included toggling harpoon points of the pre-Eskimo cultures pre-Dorset, Saqqaq and Independence made from reindeer antler and walrus tusk, including the toggling harpoon points of the Greenland Independence culture which was formerly known outside Greenland only by excavations in Alaska and the Chertov Ovrage site on the Wrangel Island. While the pre-Dorset points had a notch at the end into which the end lances were inserted, the Saqqaq harpoon points could have no lance notches. The toggling harpoon points of Independence culture demonstrated significant differences: instead of a notch the point end was shaped by a removal of approximately half of the surface material across the point's width with further polishing. Then the lances with fish-shaped bases were attached to them, the base was necessary for fixation by tying up across the whole perimeter, with a groove in the bone harpoon body. Bearing in mind the large number of fish-shaped tail points found on Kotzebue Cape and the Unenen settlement it is possible to say that the Independence type harpoon points were a prevailing type in the Old Whaling culture.

Alongside with the toggling harpoon points there were also the denticulated non-toggling harpoon points of the Aleut group.

The knives both in the Unenen settlement and in other mentioned territories had two-sided retouch with polishing, and one or two slots separating the handle from the blade.

The analysis of the complex demonstrated the cultural and the geo-chronological unity between the settlements Unenen, Old Whaling, and the Chertov Ovrage site on the Wrangel Island, as well as pre-Lakhtin sites south of Anadyr, and demonstrated the existence of contacts with the distant Greenland. The calibrated dates (22 samples) indicated the time of the settlements existence as the 15th–13th centuries BC.

The latest paleo-genetic studies demonstrated that, apparently the pre-Eskimos were a separate migration

Последние палеогенетические исследования показывают, что преэскимосы, видимо, представляют собой особую миграционную волну из Сибири в Америку, отдельную от тех, что положили начало инуитской культуре и культурам коренных американцев, включая атабасков. Преэскимосы, помимо того что отличались культурно, представляли собой единую общность, обладая непрерывностью генетического кода в течение 4 000 лет. Представители культуры Туле, предки современных инуитов, напротив, представляли собой население, заменившее преэскимосов. Отсутствие доказательств примеси коренных американцев, позволяет предположить, что представители культур Саккак и Дорсет, а с ними и древнекитобойной культуры, жили в генетической изоляции после того как проникли на территорию Америки и на Восточную Чукотку. Таким образом, преэскимосские технические новшества и изменения, видимо, распространялись внутри одной популяции.

Литература / References:

1. Giddings J.L., Anderson D. Beach Ridge Archeology of Cape Krusenstern: Eskimo and Pre-Eskimo Settlements Around Kotzebue Sound, Alaska. Washington, 1986.
2. Диков Н.Н. Древние культуры Северо-Восточной Азии. М., 1979.
3. Гусев С.В. Древнекитобойная культура и синхронные культуры Северного Берингоморья (конец II — начало I тыс. до н.э.) // Приоткрывая завесу тысячелетий: к 80-летию Ж.В. Андреевой. Владивосток, 2010. С. 191–209.
4. Гусев С.В., Репкина Т.Ю., Каревская И.А. Заселение побережья Восточной Чукотки: археологические и палеогеографические реконструкции // IV (XX) Всерос. археол. съезд. Казань, 2014. Т. V.

УДК 904(481–922.1)

ДЕРЖАВИН В. Л.

Державин Виктор Леонидович — к.и.н.,
ИА РАН (Россия, Москва). E-mail: derzh@yandex.ru

ПЕРЕКРЫТИЯ ПОМОРСКИХ ЖИЛИЩНО-
ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ ШПИЦБЕРГЕНА

Ключевые слова: Шпицберген, промысловые жилища, становище, помор, крыша

Резюме. Полученные в течение многолетних раскопок материалы по жилищным комплексам Шпицбергена позволили воссоздать в пос. Баренцбург макет поморского промыслового дома в натуральную величину. Но плохая сохранность верхних частей сооружений, а также письменные свидетельства и рисунки путешественников XVIII–XIX вв. не позволяют считать данную реконструкцию достоверной. В первую очередь это касается конструкции крыши, которая была не двускатной, а исключительно плоской.

wave from Siberia to America, different from those which gave origin to the Inuit culture and the cultures of the aboriginal American peoples including the Athabaskan people. The pre-Eskimo in addition to the cultural differences were also a single community with an uninterrupted 4,000 years genetic code continuity. The representatives of the Tule culture, the ancestors of the present day Inuits, on the contrary, were the population which replaced the pre-Eskimos. The lack of evidences of mixing with the aboriginal Americans suggested a hypothesis that the representatives of the Saqqaq and the Dorset cultures, and with them the Old Whaling culture lived in genetic isolation after they penetrated into the territory of America and eastern Chukotka. Thus the pre-Eskimo technical innovations and modifications apparently did not go beyond one population group.

V. L. DERZHAVIN

Derzhavin Victor Leonidovich — PhD in History,
IA RAS (Russia, Moscow). E-mail: derzh@yandex.ru

ROOF DESIGN OF THE POMOR HOUSES OF
SPITSBERGEN

Key words: Spitsbergen, whalers' houses, whaling camp, Pomor, roof

Summary. The house complexes materials obtained over the many years of excavations in Spitsbergen made possible a full scale reconstruction of a Pomor whaling camp house in Barentsburg settlement. However the poor preservation of the upper parts of the buildings, as well as the written evidences and drawings of the 18th–19th century travelers led to believe that this reconstruction was not quite accurate. First of all it concerns the roof design, which should have been flat rather than gable type.

На архипелаге Шпицберген исследованы десятки поморских жилищно-хозяйственных комплексов, состоявших как из крупных становищ, так и одиночных промысловых изб — станков, но «верхние части построек не сохранились, поэтому судить об устройстве потолков, кровель, дымниц довольно трудно» [1, с. 78]. Археологических свидетельств о форме перекрытий домов почти нет, но есть косвенные свидетельства. Это — камни, лежавшие на полу, скорее всего, провалившиеся с рухнувшего перекрытия. Информация о форме крыш содержится в описаниях и рисунках европейских мореплавателей и путешественников XVIII–XIX вв. (Бакстрем, Скоресби, Кейльхау, Конвей и др.). Все они описывают сооружения с плоскими или с незначительным наклоном кровли из досок, присыпанные землей и с уложенными поверх камнями, иногда проложенные берестой. Помимо одночастных построек таким способом перекрывались двух- и трехчастные постройки (сени-теплое помещение-баня), причем далеко не всегда их крыши располагались на одном уровне, что, возможно, указывало на несколько этапов строительства.

Рисунки с изображениями поморских промысловых изб были выполнены художниками немецкой экспедиции 1827 г., французской экспедиции 1838 г. и шведской полярной экспедиции 1861 г. На острове Эдж (Восточный Шпицберген), который посетил норвежский геолог Кейльхау, располагалось одно из крупнейших становищ архипелага (Хабенихтбукта), на котором Кейльхау зафиксировал несколько построек, погребений и крестов. Двух- и трехчастные сооружения имели четко обозначенные плоские каменно-земляные перекрытия. В этой связи странным выглядит утверждение В. Ф. Старкова, что «о двускатных крышах (правда, пологих) упоминает Кейльхау» [1, с. 79]. Норвежский исследователь их описывал как раз иначе, а именно: «крыша, покрытая слоем земли и камней, была почти без наклона» [2, с. 112].

Участник шведской полярной экспедиции фон Юлен на севере Шпицбергена в Дирксбукте посетил довольно хорошо сохранившийся к тому времени русский дом с плоской крышей, присыпанный землей и камнями. Рисунок этого жилища многократно публиковался в научной литературе. Вероятно, опираясь именно на него, польский археолог Я. Хохоровский реконструировал поморский дом на исследованном им становище в заливе Хорнсунн на Западном Шпицбергене. Его реконструкция имела поразительное сходство с цветной акварелью дома в Дирксбукте [3, с. 88].

В российском поселке Баренцбург на Шпицбергене под открытым небом расположен «музей

Dozens of Pomor houses and barn complexes have been studied on Spitsbergen, which were represented both by large whaling camps, and the isolated whalers' houses — stanok, however the “upper parts of the buildings were not preserved, therefore it was quite difficult to reconstruct the design of the ceilings, roofs, or chimneys” [1, p. 78]. There are practically no archaeological data about the shape of the houses roofs, however, there are some indirect evidences. These were the stones lying on the floor, which, most likely, fell from the caved in roof. Information about the roof shape could be found in the descriptions and drawings made by the European seafarers and travelers of the 18th–19th centuries (Backstrom, Scoresby, Keilhau, Conway etc.) All of them described the structures with flat roofs, or with the slightly sloping roofing made from planks with an earth and rock blanket on top, sometimes with an underlying birch bark layer. In addition to the one-part structures the two- and three-part structures were also covered in this way, and the roofs were not always at the same level, which, possibly, indicated several construction stages.

The drawings with the pictures of the Pomor whalers' houses were made by the artists of the German expedition in 1827, the French expedition of 1838, and the Swedish Polar expedition of 1861. On Edge island (Eastern Spitsbergen), visited by the Norwegian geologist Keilhau there was one of the largest whaling camps of the archipelago (Habenihbukta) on which Keilhau registered several buildings, burials and crosses. The two- and three-part structures had clearly marked flat rock-earth roofs. In this connection the statement made by V. F. Starkov referring to “gable roofs (though not steep) mentioned by Keilhau” [1, p. 79] sounds rather strange. The Norwegian researcher described them quite differently: “a roof covered with a blanket of earth and rocks was almost without a slope” [2, p. 112].

A member of the Swedish Polar expedition von Julien visited in the north of Spitsbergen, in Dirksbukte a pretty well preserved, by that time already Russian, house with a flat roof covered with earth and rocks. A drawing of that house was many times published in the academic literature. It was probably using this drawing for reference that the Polish archeologist J. Chochorowski made a reconstruction of the Pomor house on a studied by him whaling camp in Hornsunn Bay on West Spitsbergen. His reconstruction had a striking resemblance to a colored water color drawing of a house in Dirksbukte [3, p. 88].

In the Russian settlement Barentsburg on Spitsbergen there is an open air “Pomor life museum” showing a whaling camp house and a five-meter tall modern

поморского быта», который включает в себя макеты поморского промыслового жилища и пятиметровый крест-новодел. Дом воссоздан на основании данных, полученных при раскопках становища Гравшён, датируемого XVI–XVII вв., а автором реконструкции является архитектор Г. В. Борисевич [4, с. 102]. Эта высокая и крупная срубная постройка длиной 11 м с двускатной крышей (под углом около 45°) состоит из теплого помещения, сеней и бани. Данный макет не является, на наш взгляд, полностью достоверным и справедливо вызвал нарекания исследователей [5, с. 263]. Оставляя в стороне разбор других элементов жилища, а также его параметры, размеры дверей и т. п., отметим, что никаких археологических данных для реконструкции крыши в виде двух скатов при раскопках становища Гравшён получено не было. По крайней мере, в отчете об этом не сказано ни слова, но отмечается плохая сохранность построек [6, с. 7–10]. Макет дома в Баренцбурге, скорее всего, конструктивно более близок жилым постройкам Поморья и с них же скопирован, чем к промысловым избам архипелага Шпицберген.

Промысловые избы с плоскими крышами известны и на Новой Земле, хотя этот район Арктики в археологическом отношении практически не изучен. Интересную многокамерную постройку из четырех помещений с плоскими каменно-земляными крышами, располагавшимися на разных уровнях, зафиксировал и зарисовал А. Э. Норденшельд во время плавания в 1875 г. в губе Крестовой. Ее сходство с промысловыми избами на острове Эдж, зафиксированными еще Б. М. Кейльхау, вполне очевидно. На это обратил внимание в конце XIX столетия шведский исследователь В. Карлхейм-Гюлленшельд, раскопавший в Марчисон-фьорде на Шпицбергене самую северную в мире (80° северной широты) поморскую постройку [7, с. 151–195].

Литература / References:

1. Старков В. Ф., Державин В. Л., Захаров В. Г. Материальная культура русских поморов. Т. III. Жилищно-хозяйственные комплексы. М., 2007.
2. Старков В. Ф. Первые археологические раскопки на архипелаге Шпицберген. М, 2011.
3. Chochorowski J. Problemy dendrochronologii i rossijskich stacj i lowieckich na Spitsbergene. Krakow, 1999.
4. Старков В. Ф., Красильщиков А. А., Бузни Е. Н. Музей «Помор». М., 2007.
5. Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003.
6. Старков В. Ф. Отчет об археологических исследованиях на архипелаге Шпицберген в 1979 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 8379.
7. Carlheim-Gyllensköld V., Pååttiondebredgraden. Stockholm, 1900.

replica cross. The house was reconstructed with the use of data obtained during the excavations of Gravsjoen settlement dated as the 16th–17th centuries, and the author of the reconstruction was architect G. V. Borisevich [4, p. 102]. This tall and large — 11 m long — log house with gable roof (at an angle of about 45°) consisted of a warm room, the ante-room and a sauna. This model was not, in our opinion quite accurate and provoked fair criticism from the researchers [5, p. 263]. Leaving aside the discussion of other elements of the house, as well as its dimensions, size of the doors, etc. it should be mentioned that no archaeological evidence supporting the choice of a gable roof for the reconstruction was ever obtained during the Gravsjoen settlement excavations. At least the report did not contain any mention of this fact, but emphasized instead the very poor preservation of the buildings [6, p. 7–10]. The model of the house in Barentsburg resembled rather the typical Pomorje houses, than a whaling log house of Spitsbergen archipelago, and was probably copied from them.

Whaling camp log houses with flat roofs were also known in Novaya Zemlya, though that region of the Arctic has practically never been studied archaeologically. An interesting multi-chamber structure with four rooms and flat rock-earth roofs located at different levels was registered and sketched by A. E. Norden-sheld during his 1875 voyage in Krestovaya bay. Its resemblance to the whalers' houses on Edge island noted already by B. M. Keilhau was quite evident. This was also mentioned at the end of the 19th century by a Swedish researcher V. Carlheim-Gyllensköld, who excavated the northernmost (80° of the northern latitude) Pomor building in Murchison-fjord on Spitsbergen [7, p. 151–195].

УДК 902.4

О. В. ЗАЙЦЕВА, А. А. ПУШКАРЁВ, М. В. ВАВУЛИНЗайцева Ольга Викторовна — к.и.н., ТГУ
(Россия, Томск). E-mail: snori76@mail.ruПушкарев Андрей Александрович — ТГУ
(Россия, Томск). E-mail: supdron@mail.ruВавулин Михаил Викторович — ТГУ
(Россия, Томск). E-mail: 0002004@inbox.ruАРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ В 3D¹

Ключевые слова: трехмерное сканирование, фотограмметрия, 3D фиксация и визуализация, арктическая зона, Зеленый Яр, Усть-Полуй, Мангазея

Резюме. В сообщении представлены результаты трех проектов по трехмерной фиксации, визуализации и реконструкции археологического наследия арктической зоны: «3D реконструкция русского арктического судна — коча», «3D документация и визуализация результатов раскопок археологического комплекса Зеленый Яр», «Виртуальный музей святилища Усть-Полуй». Рассмотрены возможности применения трехмерного сканирования и наземной фотограмметрии при документации результатов раскопок и создании 3D моделей артефактов.

Последнее десятилетие ознаменовалось внедрением в полевую археологию двух революционных технологий — трехмерного сканирования и наземной фотограмметрии, позволяющих создавать фотореалистичные трехмерные модели исследуемых в ходе раскопок объектов. Получаемые модели создают полный «эффект присутствия» на раскопках и любой исследователь впоследствии может во всех деталях и ракурсах увидеть то, что видел автор раскопок непосредственно при работе с археологическим объектом в поле. При этом устраняется неизбежная при всех других типах фиксации субъективность, так как сохраняются пространственные взаимоотношения всех элементов объекта.

В настоящее время становится очевидным, что в самом ближайшем будущем произойдет переход от двумерной полевой фиксации с помощью чертежей и фотографий к трехмерной электронной документации процесса раскопок. К сожалению, на территории Российской Федерации данный процесс

¹ Выполнено в рамках работ по проекту «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности» (грант Правительства РФ П 220, № 14.В25.31.0009)

O. V. ZAITSEVA, A. A. PUSHKAREV, M. V. VAVULINZaitseva Olga Victorovna — PhD in History, TSU
(Russia, Tomsk). E-mail: snori76@mail.ruPushkarev Andrey Alexandrovich — TSU
(Russia, Tomsk). E-mail: supdron@mail.ruVavulin Mikhail Victorovich — TSU (Russia, Tomsk).
E-mail: 0002004@inbox.ruARCTIC ARCHEOLOGY IN 3D¹

Key words: three dimensional scanning, photogrammetry, 3D fixation and visualization, Arctic zone, Zeleny Yar, Ust Polui, Mangazeya

Summary. The thesis sums up the results of three projects on 3D fixation, visualization and reconstruction of archaeological heritage in the Arctic zone: “3D reconstruction of the Russian Arctic boat — Koch”, “3D documentation and visualization of excavation results of the archaeological complex Zeleny Yar”, “Virtual museum of Ust Polui sacred place”. The authors reviewed the potential for the use of three dimensional scanning and surface photogrammetry for the documentation of excavation results and creation of 3D models of artifacts.

The past decade was marked by the introduction in the field archeology practices of two revolutionary technologies — the 3D scanning and the surface photogrammetry making possible the creation of photo-realistic 3D models of objects studied in the course of excavations. The obtained models create a full “participation effect” at the excavation site and any researcher may in future see in full detail and at all angles what the excavation author observed directly on site during the field studies at the archaeological excavations. This also eliminates the unavoidable in all other registration methods subjectivity, since the spacial positioning of all elements of the objects are preserved.

At present it becomes obvious that in the nearest future we will witness a transition from the two dimensional field fixation with the help of drawings and photos to the three dimensional electronic documentation of the excavations process. Unfortunately in the territory of the Russian Federation this process started with a notable delay and has not yet become a common practice [1, p. 172–174].

¹ The study was performed as part of the project “Man in a changing world. Problems of identity and social adaptation in history and the present time” (grant of the Government of the RF P 220 № 14.V25.31.0009)

происходит с заметным опозданием и пока не получил широкого распространения [1, с. 172–174].

В настоящем сообщении представлены результаты трех проектов по трехмерной фиксации, визуализации и реконструкции, осуществленных на материалах археологических памятников арктической зоны Лабораторией междисциплинарных археологических исследований «Артефакт» Томского государственного университета.

1. «3D реконструкция русского арктического судна – коча». Совместно с ООО НПО «Северная археология-1» осуществляются работы по 3D реконструкции первого русского арктического судна – коча на основе данных, полученных в ходе сканирования подлинных судовых деталей, обнаруженных Г.П. Визгаловым при раскопках городища Мангазея [2, с. 94–95]. В настоящее время создано 38 цифровых 3D моделей судовых деталей. Проведены опытные работы по 3D реконструкции киля коча с устранением деформаций и следов вторичной обработки. Полная реконструкция корабля будет возможна после оцифровки всего объема деталей и при обязательном участии в проекте специалистов по судомоделированию.

2. «3D документация и визуализация результатов раскопок археологического комплекса Зеленый Яр». В 2013–2014 гг. в ходе полевых исследований Научного центра изучения Арктики (г. Салехард) под руководством Ал. В. Гусева были продолжены раскопки известного средневекового могильника Зеленый Яр [3, с. 80–96]. Сотрудниками ЛМАИ «Артефакт» ТГУ осуществлялись работы по оперативной 3D фиксации всех исследуемых в ходе раскопок погребений. Параллельно применялись две технологии – трехмерное сканирование и наземная фотограмметрия с целью дальнейшего сравнительного анализа получаемых результатов. Обе технологии позволили получить высокоточные фотореалистичные трехмерные модели погребений. Для музейного экспонирования созданы стереоролики по наиболее информативным погребениям.

3. «Виртуальный музей святилища Усть-Полуй». Проект реализуется совместно с Ямало-Ненецким окружным музейно-выставочным комплексом им. И.С. Шемановского и Научного центра изучения Арктики (г. Салехард). На основе технологии трехмерного сканирования предполагается создать 3D модели наиболее художественно и научно значимых находок уникального археологического памятника – святилища Усть-Полуй (1 в. до н. э. – 1 в. н. э.) [4, с. 3–36; 5, с. 22–29] и разместить их в открытом доступе в сети Интернет. В настоящее время проведено сканирование и созданы модели 42 артефактов из материалов раскопок Ан. В. Гусева и Н.В. Фёдоровой. Виртуальный музей 3D моделей археологических арте-

This article presents the results of the three 3D fixation, visualization and reconstruction projects performed on the materials of archaeological sites in the Arctic zone by the Laboratory of Interdisciplinary Archaeological Studies “Artifact” of the Tomsk State University.

1. “3D reconstruction of the Russian Arctic boat – Koch”. Together with the researchers from ООО НПО «Northern Archeology-1» we have been working on 3D reconstruction of the first Russian arctic boat – koch on the basis of the data obtained in the process of scanning the authentic parts of the boat found by G. P. Vizgalov during the excavations of Mangazeya fortress [2, p. 94–95]. At present 38 digital 3D models of boat parts have been made. Test works on 3D reconstruction of the koch keel have been performed with the elimination of deformations and traces of secondary working. Full reconstruction of the boat will become possible after digitization of the full scope of parts and subject to the mandatory participation in the project of ship modeling experts.

2. “3D documentation and visualization of excavation results of the archaeological complex Zeleny Yar”. In 2013–2014 in the course of field studies by the “Arctic Research Center” (Salekhard) under the supervision of Al. V. Gusev excavations of the well known medieval burial site Zeleny Yar were resumed [3, p. 80–96]. The specialists of the LIAS “Artifact” of the Tomsk State University performed the on site 3D fixation of all the studied in the course of excavations graves. Two techniques were used simultaneously – the 3D scanning and the surface photogrammetry with the purpose of further comparative analysis of the obtained results. Both techniques produced high precision photo-realistic 3D models of the graves. The stereoscopic video files of the most informative graves were created for the museum demonstration.

3. “Virtual museum of Ust Polui sacred place”. The project has been implemented together with the Yamal Nenets Regional Shemanovsky Museum and Exhibition Complex and the “Arctic Research Center” (Salekhard). It is proposed to create 3D models of the most artistically and scientifically valuable finds from the unique archaeological site – Ust Polui sacred place (the 1st century BC – the 1st century AD) based on the 3D scanning technology [4, p. 3–36; 5, p. 22–29] and provide free access to them on the Internet. At present the scanning work has been completed and models of 42 artifacts from the materials of excavations by An. V. Gusev and N. V. Fedorova were created. Virtual museum of 3D models of archaeological artifacts will be set up for the first time in Russia. The 3D museum to be set up as a result of the project will offer unique capabilities for the remote examination and study of the assemblages, as well as contribute to the

фактов на территории России будет создан впервые. Создаваемый в ходе проекта 3D музей будет предоставлять уникальные возможности для полноценного дистанционного знакомства и научного изучения коллекции, а также способствовать популяризации и сохранению культурного наследия Арктики.

Литература / References:

1. Зайцева О. В., Пушкарёв А. А. Наземная фотограмметрия в археологии: новые возможности высокоточной оперативной полевой 3d-фиксации // Проблемы сохранения и использования культурного наследия: история, методы и проблемы археологических исследований. Екатеринбург, 2014. С. 172–174.
2. Визгалов Г. П., Пархимович С. Г. Мангазея — первый русский город в Сибирском Заполярье (по материалам раскопок 2001–2004 гг.). Нефтеюганск; Екатеринбург, 2007.
3. Гусев Ал. В., Ражев Д. И., Слепченко С. М., Зайцева О. В., Пушкарёв А. А., Водясов Е. В., Вавулин М. В. Археологический комплекс Зеленый Яр: новые технологии полевых исследований // Уральский исторический вестник, 2014. № 2 (43). С. 80–96.
4. Фёдорова Н. В., Гусев А. В. Древнее святилище Усть-Полуй: результаты исследований 2006–2008 гг. // Усть-Полуй — древнее святилище на Полярном круге. Научный вестник. Салехард, 2008. Вып. № 9 (61). С. 3–36.
5. Гусев Ан. В., Фёдорова Н. В. Древнее святилище Усть-Полуй: размышления postfactum // Археология Арктики: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию открытия памятника археологии «Древнее святилище Усть-Полуй». Екатеринбург, 2012. С. 22–29.

УДК 913

В. Г. ЗАХАРОВ, В. Л. ДЕРЖАВИН

Захаров Виктор Георгиевич — к.геогр.н.,
ГИН РАН (Россия, Москва). E-mail: zakharov_vg@mail.ru

Державин Виктор Леонидович — к.и.н.,
ИА РАН (Россия, Москва). E-mail: derzh@yandex.ru

РАЗЛИЧИЕ ЭТАПОВ ОСВОЕНИЯ ПОБЕРЕЖИЙ ГРЕНЛАНДИИ, ШПИЦБЕРГЕНА И НОВОЙ ЗЕМЛИ В СВЯЗИ С НЕСОВПАДЕНИЕМ ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦ ЭКСТРЕМУМОВ ПРИРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ (МАЛЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД)

Ключевые слова: Гренландия, Малый ледниковый период, викинги, эскимосы

Резюме. Исторические и археологические источники свидетельствуют о том, что пик Малого ледникового периода наступил в Гренландии примерно на 250 лет раньше, чем в районе Шпицбергена и Новой Земли, что подтверждается и данными изотопии ледниковых кернов.

Исторические и археологические источники дают основания утверждать, что причиной трагических зимовок поморов на Шпицбергене и Новой Земле стали тяжелые ледовые и климатические условия, наиболее ярко проявившиеся в кульминацию Малого ледникового периода: примерно середина XVIII — первая половина XIX вв. [1, с. 41]. Основой для такого предположения явилась реконструкция

popularization and preservation of the cultural heritage of the Arctic.

V. G. ZAKHAROV, V. L. DERZHAVIN

Zakharov Victor Georgievich — PhD in Geography,
GIN RAS (Russia, Moscow). E-mail: zakharov_vg@mail.ru

Derzhavin Victor Leonidovich — PhD in History,
IA RAS (Russia, Moscow). E-mail: derzh@yandex.ru

DIFFERENCES IN COLONIZATION STAGES BETWEEN THE COASTS OF GREENLAND, SPITSBERGEN, AND NOVAYA ZEMLYA BECAUSE OF NON-CONCURRENCE OF THE TEMPORAL BOUNDARIES OF THE NATURAL PROCESSES EXTREMUMS (THE LITTLE ICE AGE)

Key words: Greenland, Little Ice Age, Vikings, Eskimos

Summary. Both historical and archaeological sources contain evidences that the peak of the Little Ice Age occurred in Greenland approximately 250 years earlier than in the regions of Spitsbergen and Novaya Zemlya, which was confirmed by the glacier cores isotopy data.

The historical and archaeological sources provide arguments in favor of a hypothesis that the tragic events associated with the Pomors wintering stations in Spitsbergen and Novaya Zemlya were caused by the heavy ice and severe climatic conditions most vividly manifested during the culmination of the Little Ice Age: approximately the middle of the 18th — first half of the 19th centuries [1, p. 41]. This hypothesis is based on the reconstruction by V.F. Zakharov demonstrating the condition of the

В. Ф. Захарова, показывающая состояние морских льдов в Арктике в кульминацию Малого ледникового периода [2]. Влияние климата на деятельность поморов рассматривается как одно из доказательств, характеризующего временные границы кульминации МЛП и позволяющего выявлять отдельные его периоды с серьезными изменениями циркуляционных, гидрологических и гляциологических условий в Арктическом бассейне.

Малый ледниковый период занимал более четырех столетий с 1430 по 1850 гг. Его кульминационная фаза, в соответствии с ходом индекса суровости ледовых условий в исландских водах, приходилась на сороклетие между 1781 и 1820 гг., что подтверждено данными о суровых зимах в Европе с 1768 по 1816 гг. Важным аргументом в пользу этого служит свидетельство английского мореплавателя Уиллиама Скорсби младшего о том, что в Гренландском море в 1806–1812 гг. китобоям редко удавалось проникнуть севернее 75° северной широты [2].

Рассматриваемый район Арктики, согласно районированию Северного Ледовитого океана, является Северо-Европейским бассейном. В него входят Гренландия, Исландия, Шпицберген, Новая Земля, Земля Франца-Иосифа. Поскольку западное побережье Гренландии омывается морями Баффина и Лабрадор, то указанные острова можно отнести к более обширному географическому району — Приатлантической Арктике. На востоке ее границей является Новая Земля, на западе — восточное побережье Канады и острова Канадского Арктического архипелага [3].

Хорошо известно, что активное освоение викингами юго-западного побережья Гренландии приходится на X–XIII вв. — время Малого климатического оптимума, характеризовавшегося некоторым потеплением. В свою очередь поморы начали ходить к Шпицбергену и Новой Земле только с XVI в., а, возможно, и несколько раньше.

Наиболее подходящей в ландшафтно-климатическом отношении территорией для поселений викингов было юго-западное побережье Гренландии, где располагались два основных поселения — Западное и Восточное, расстояние между которыми составляло около 300 км. Когда викинги в X в. туда прибыли, то нашли там абсолютно пустые земли, которые и стали заселять. В XIV в. наступает похолодание и корабли, раньше регулярно доставлявшие колонистам хлеб, лес и другие необходимые товары, стали все реже посещать остров из-за тяжелых ледовых условий. Связь с Европой постепенно ослабевала и в конце-концов прервалась. Похолодание вынудило и эскимосов, которые пришли со стороны

sea ice during the culmination of the Little Ice Age (LIA) [2]. The climate effect on the life of the Pomors is considered as one of the evidences characterizing the temporal boundaries of the LIA culmination and allowing to distinguish its separate periods with the serious changes of the circulation, hydrological and glacial conditions in the Arctic.

The little Ice Age lasted for over four centuries from 1430 to 1850. Its culminating phase in accordance with the dynamics of the severity of the ice conditions index in the Icelandic waters fell on the forty years period between 1781 and 1820, which was confirmed by the data about severe winters in Europe from 1768 to 1816. An important argument in favor of this statement was an evidence by an English seafarer William Scoresby Junior, who wrote that in 1806–1812 whaling ships in the Greenland Sea could not go further north than the 75° northern latitude [2].

The studied region of the Arctic in accordance with the Arctic Ocean zoning is the territory of the North-European water area. It embraces Greenland, Iceland, Spitsbergen, Novaya Zemlya, and Franz Josef Land. Since the western coast of Greenland is washed by the Baffin Bay and Labrador, the said islands may be referred to a wider geographical region — the Atlantic Arctic. Its eastern border is Novaya Zemlya, and the western border is formed by the coast of Canada and the islands of the Canadian Arctic Archipelago [3].

It is well known that active colonization by the Vikings of the south-west coast of Greenland occurred in the 10th–13th centuries — the time of the little climatic optimum which was characterized by a certain warming. In their turn the Pomors began to travel to Spitsbergen and Novaya Zemlya only beginning from the 16th century, or even a little bit earlier.

The most suitable in terms of landscape and climate territory for the Vikings' settlements was the south-west coast of Greenland, where two settlements were located — the Western and the Eastern with the distance between them about 300 km. When the Vikings in the 10th century arrived there, they found absolutely vacant lands which they began to colonize. In the 14th century the cooling period started, and the ships, which formerly regularly delivered to the colonists bread, timber and other necessary goods could reach the island less and less frequently because of the heavy ice conditions. Ties with Europe became weaker and were ultimately broken altogether. The cooling forced the Eskimos as well, who arrived from the direction of the Canadian Archipelago to migrate from the north of Greenland along the west coast in the southern direction and come in contact with the European colonists. It is probable that their relationships were not always peaceful. In the

канадского архипелага, мигрировать с севера Гренландии по западному побережью в южном направлении и войти в контакт с европейскими колонистами. Вероятно, отношения между ними далеко не всегда были миролюбивыми. В XV в. поселки окончательно обезлюдели [4, с. 160–166].

Среди основных причин, приведших к их гибели, называют, кроме похолодания, неумение адаптироваться к изменившимся в худшую сторону климатическим условиям, непреднамеренно завезенная из Европы чума, враждебные отношения с эскимосами, ассимиляция ими викингов. Все выше перечисленные факторы, возможно, имели отчасти место, но все же определяющим являлось похолодание XIV–XV вв., в результате которого южное побережье Гренландии оказалось блокированным льдами. Именно на это время в указанной части северной Атлантики пришелся пик Малого ледникового периода. Только во второй половине XVI — начале XVII вв. ледовые условия здесь несколько смягчились, что позволило европейцам организовать ряд морских экспедиций в поисках Северо-западного прохода.

Таким образом, кульминация МЛП на юго-западе Гренландии произошла примерно на 250 лет раньше, чем на Шпицбергене или Новой Земле. Имеются, помимо прочего, данные изотопии ледниковых кернов Гренландии, которые подтверждают временные различия в границах кульминаций МЛП примерно на четверть тысячелетия. Да и современные тенденции развития ледников в Гренландии и на Шпицбергене также указывают на контрафазность в их динамике, обусловленной отличиями в режиме их питания и гидролого-метеорологических условий [5, с. 102–109].

Литература / References:

1. Захаров В.Г., Державин В.Л. Кульминация Малого ледникового периода и трагические зимовки поморов в Арктике // Тезисы 5-й Междунар. конф. «Алексеевские чтения». Человек в окружающей среде: этапы взаимодействия. М., 2013. С. 41.
2. Захаров В.Ф. Изменения состояния морских арктических льдов // Формирование и динамика современного климата Арктики. СПб., 2004. С. 112–159.
3. Захаров В.Ф. Морские льды в климатической системе. СПб., 1996.
4. Файнберг Л.А. Очерки этнической истории зарубежного Севера. М., 1971.
5. Захаров В.Г. Колебания ледников архипелагов Северо-Европейского бассейна в XX столетии // Комплексные исследования природы Шпицбергена и прилегающего шельфа. М., 2014. Вып. 12. С. 102–109.

15th century the settlements were finally abandoned by the people [4, p. 160–166].

The main reasons which led to their abandonment could be, in addition to the general cooling, the poor adaptability to the deteriorating climatic conditions, the plague, which could be unintentionally brought to the island from Europe, hostile relations with the Eskimos, and assimilation of the Vikings by them. All the aforementioned factors could, possibly, play their role, however the critical one was the cooling of the 14th–15th centuries as a result of which the southern coast of Greenland was blocked by ice. It was during that period that the peak of the Little Ice Age occurred in the said part of the northern Atlantic. Only in the second half of the 16th — beginning of the 17th centuries the ice conditions there became somewhat milder, which allowed the Europeans to organize a number of sea expeditions in search of the North-West sea route.

Thus the culmination of the LIA in the south-west of Greenland occurred approximately 250 years earlier than in Spitsbergen and Novaya Zemlya. This time lag in LIA culminations of approximately a quarter of a millennium is confirmed, alongside with other data, by the Greenland glacier cores isotopy data. In addition, the modern trends of glaciers development in Greenland and on Spitsbergen also point to a counterphase in their dynamics, which is explained by the differences in their alimentation, and the hydrological and meteorological conditions [5, p. 102–109].

УДК 903.634/636»

Е. М. КОЛПАКОВКолпаков Евгений Михайлович — к.и.н., ИИМК РАН
(Россия, Санкт-Петербург). E-mail: ugenkolp@yandex.ru**МОРСКАЯ ОХОТА В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ
ФЕННОСКАНДИИ***Ключевые слова:* Фенноскандия, морская охота, неолит, эпоха раннего металла, петроглифы

Резюме. Разные категории источников позволяют реконструировать картину морского промысла в эпохи неолита и раннего металла в Северной Фенноскандии: картографирование поселений, фаунистические остатки, артефакты из раскопок, петроглифы. В основе хозяйства лежала морская охота на китообразных и тюленей.

подавляющее большинство археологических памятников Северной Фенноскандии приурочено к древнему берегу океана, по которому происходило и первоначальное заселение этих территорий в эпоху мезолита. Не вызывает сомнений, что эксплуатация морских ресурсов была важнейшей составляющей жизни древних коллективов. Источником наших знаний о древних способах освоения морской стихии служат материалы из раскопок и наскальные изображения.

В фаунистических остатках поселений резко преобладают кости тюленей (особенно, гренландского тюленя — до 90 % определяемых костей млекопитающих). Остатки моржей и китообразных (обычно, белух) немногочисленны. Кости рыб представлены почти исключительно треской и тресковыми. Данные относятся к позднему неолиту и эпохе раннего металла, III–II тыс. до н. э., и происходят из 9 памятников (Bergeby, Karlebotn, Advik, Gressbakken, Kalkillebukta, Hoybukt, Маяк 2, Усть-Дроздовка 3, Завалишина 5).

В наскальных изображениях наблюдается совершенно иная картина, а именно: гарпунная охота с лодок на китообразных и рыбалка палтуса или камбалы. Причем многочисленные сцены охоты с лодок на китообразных есть только на Канозере и Выге. Три сцены такой охоты зафиксированы в Альте, две на Онежском озере, а в Намфорсене — всего одна, крайне невыразительная. В петроглифах можно найти всего несколько мелких фигур, которые можно определить как изображения тюленей, и несколько фигур моржей на Бесовых Следках. Рыбалка представлена серией только в Альте, где она производится с лодки, и всего одна сцена рыбалки

E. M. KOLPAKOVKolpakov Eugeny Mikhailovich — PhD in History, IHMC RAS
(Russia, St. Petersburg). E-mail: ugenkolp@yandex.ru**SEA MAMMALS HUNTING IN THE ARCHAEOLOGY OF
NORTHERN FENNOSCANDIA***Key words:* Fennoscandia, sea mammals hunting, the Neolithic, Early Metal Age, petroglyphs

Summary. Different categories of sources make possible the reconstruction of the sea mammals hunting practices during the Neolithic and the Early Metal Age in Northern Fennoscandia: mapping of settlements, faunistic remains, artifacts from excavation sites, petroglyphs. The economy was based on whaling and seals huntings.

A vast majority of archaeological sites of Northern Fennoscandia were associated with the ancient ocean coast along which the territory was initially colonized during the Mesolithic. There is no doubt that the maritime resource use was the most important component of life of the ancient populations. The source of our knowledge about the ancient methods of maritime resource base development are the excavation materials and the rock art images.

In the fauna remains of settlements seal bones were definitely dominating (particularly the Greenland seal — up to 90 % of all definable sea mammals bones). The remains of walrus and whales (normally the white whale) were not numerous. Fish bones were represented almost exclusively by codfish and anacanth. These data referred to the late Neolithic and the Early Metal Age, 2–3 millennium BC, and were obtained from 9 archaeological sites (Bergeby, Karlebotn, Advik, Gressbakken, Kalkillebukta, Hoybukt, Mayak 2, Ust-Drozdozovka 3, Zavalishina5).

In the rock art images a completely different picture was observed: harpoon whale hunt from boats and fishing for halibut or flat-fish. It should be noted that numerous boat whaling scenes were present only in Kanozero and Vyga. Three such whaling scenes were registered in Alta, and two on Omega lake, while in Nämforsen — only one, and an extremely unimpressive one at that. In petroglyphs there were only a few small figures which could be interpreted as seal images, and several walrus images in Besovy Sledki. Fishing was represented only with a series of images in Alta, where it was boat fishing, and only one fishing scene for pike without a boat in Kanozero. There were several images of the spiked harpoons themselves.

In the movable artifacts group there were bone harpoons, both spiked and toggling. There were also

на щуку без лодки — на Канозере. Есть несколько изображений самих гарпунов с шипами.

Из портативных артефактов имеются костяные гарпуны, как с шипами, так и поворотные. Есть также составные, у которых кремневое острие вставлено в гнездо на конце костяной части с шипами. Встречены крупные рыболовные крючки из кости и сравнительно небольшие составные из кости с каменным жалом. Повсеместно распространены угловые ножи из сланца, шлифованные, и из кремня, двусторонне обработанные, которые, вероятнее всего, применялись для разделки рыбы и морского зверя.

За исключением петроглифов Онежского озера, все крупные памятники наскального искусства находятся на древнем морском побережье (Канозеро в 16 км). На всех, кроме Вингена, многочисленны изображения больших лодок с экипажами до 60 человек (обычно до 10). В раскопках остатки судов, датируемых временем до железного века, в Северной Фенноскандии обнаружены лишь в Кольском Оленеостровском могильнике. Они представляют собой погребальные саркофаги-лодки-кережки и не могут рассматриваться как лодки, применявшиеся в морском промысле. В то же время, в них реализованы все необходимые в кораблестроении элементы: набор корпуса из досок, килевая доска и шпангоуты, смоление. Судя по всему, для приведения лодки в движение использовались весла-гребки, изображения которых можно усмотреть в петроглифах Новой Залавруги на Выге. Уклучины в Скандинавии появляются в железном веке, в I тыс. н. э.

Бросающееся в глаза противоречие между наскальными изображениями и материалами поселений состоит в том, что на скалах представлена почти исключительно добыча китообразных, а на поселениях встречены почти исключительно кости тюленей. С одной стороны, это демонстрирует общественное значение, которое придавалось добыче китообразных. С другой стороны, объясняется весьма прозаическими причинами, связанными с возможностями транспортировки добычи. Гренландский тюлень имеет массу до 164 кг и длину тела до 205 см; белуха до 2 т и длину тела до 6 м. Добытых тюленей грузили в лодку и доставляли на поселение целиком, белух, видимо, разделявали на ближайшем берегу и доставляли на поселение лишь части туши. Не случайно кости тюленей представлены на поселениях всеми частями скелета, а кости белух отдельными костями. В то же время одна добытая белуха по массе мяса и жира эквивалентна 10–20 тюленям. По своему значению в рационе китообразные, видимо, не уступали тюленям.

Таким образом, разные категории археологических источников дополняют друг друга. Поселения

the composite ones, where the flint point was inserted into a socket at the end of a bone cup with spikes. Occasionally large bone fishing hooks have been found, as well as the relatively small composite bone hooks with a stone dart. Quite common were the corner shale polished knives, or the flint ones with two-sided retouch which, most likely, were used for cutting fish and sea mammals.

With the exception of the Onega lake petroglyphs all large rock art sites were located on the ancient sea coast (Kanozero 16 km away). In all of them, except Vingen, there were numerous images of large boats with teams up to 60 people (normally up to 10). In the excavated sites of Northern Fennoscandia the remains of boats dated as the Iron Age period were found only in the Kola Olenestrovsky burial site. They were the funeral sarcophagus-boats-kerezhki and could not be interpreted as boats used for maritime hunting. At the same time they had all the necessary shipbuilding elements: the boat hull made from planks, the keel plate and transverse ribs, caulking. Apparently the boats were propelled by paddle-oars as shown in the Novaya Zalavruga petroglyphs in Vyga. The oar lock appeared in Scandinavia in the Iron Age, in the 1st millennium AD.

A striking mismatch between the rock art images and the settlements materials consisted in the fact that in the rock art there were almost exclusively whaling scenes, while at the settlements almost exclusively seal bones were found. On the one hand this demonstrated the importance of whaling for the ancient population. On the other hand this could be explained by quite prosaic reasons related to the difficulties associated with the whales transportation. A Greenland seal weighed up to 164 kg with the length of the body up to 205 cm; white whale weighed up to 2 tons and was about 6 m long. The killed seals were loaded into boats and carried to the settlement intact, while the white whales were, most likely, cut on the nearest beach and only parts of the bodies were delivered to the settlements. It stands to reason that seal bones were represented in the settlements with all parts of the skeleton, while the white whales — only with some bones. At the same time one killed white whale in terms of the meat and fat quantity was equivalent to 10–20 seals. Apparently the whales had at least the same dietary value as the seals.

In this way two different categories of archaeological sources complemented each other. The Neolithic and the Early Metal Age settlements were located in the bays of the Norwegian and the Barents Seas very close to the ancient shoreline. Main food of the population were seals (Greenland seals) and toothed whale (White whales). For whaling they used big wooden boats and harpoons of various types. The killed seals were brought

эпох неолита и раннего металла располагаются в заливах Норвежского и Баренцева морей, вплотную к древней береговой линии. Основной пищей были тюлени (гренландские тюлени) и зубатые киты (белухи). Охота на китообразных осуществлялась с больших деревянных лодок с помощью гарпунных различных типов. Добытые тюлени доставлялись на поселения и разделялись на них. Китообразные разделялись за пределами поселений.

УДК 904(470.1/2)

А. М. МУРЫГИН

Мурыгин Александр Михайлович — к.и.н.,
ИЯЛИ Коми НЦ УрО РАН (Россия, Сыктывкар).
E-mail: alek-murygin@yandex.ru

ЕВРОПЕЙСКОЕ ЗАПОЛЯРЬЕ В I — НАЧАЛЕ
II ТЫС. Н. Э. — ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ

Ключевые слова: северо-восток Европы, эпоха средневековья, пещера, сииртя, угры, самодийцы

Резюме. В статье рассматривается проблема исчезнувших народов северо-востока Европы — «пещеры» и «сиирти», их соответствия археологическим памятникам Печорского Севера. Поставлен вопрос о выделении на Нижней Печоре в первой половине II тыс. н. э. новой локальной группы средневековых памятников, в материальных остатках которых можно усматривать черты культуры летописной «пещеры».

В числе до сих пор окончательно не решенных проблем отечественной средневековой археологии остаются вопросы, связанные с присутствием на крайнем северо-востоке Европы носителей этнонимов «пещера» и «сииртя», их соответствия археологическим культурам. Несмотря на имевшиеся ранее и остающиеся до сих пор разногласия среди исследователей, в известной нам научной литературе не оспаривается реальность существования скрытых за этими двумя названиями древних народов Севера.

Впервые народы Печорского Приуралья упоминаются в «Повести временных лет». В Лаврентьевской летописи под 1096 г. в числе имен других народов называется «пещера». Однако географическое положение и этническая принадлежность летописной «пещеры» точно не установлены. Исследователи помещали ее на верхней, средней или нижней Печоре, усматривали в этом народе самоедов, карел, население палеоазиатского происхождения, коми-зырян [1; 2; 3].

to the settlements and cut there. While the whales were cut outside of the settlements.

A. M. MURYGIN

Murygin Alexander Mikhailovich — PhD in History,
ILLA Komi RC UB RAS (Russia, Syktывkar).
E-mail: alek-murygin@yandex.ru

EUROPEAN POLAR REGION IN THE 1ST — BEGINNING
OF THE 2ND MILLENNIUM AD — FACTS AND
HYPOTHESES

Key words: north-east of Europe, Middle Ages, Pechera, Siirtya, Ugrians, Samody

Summary. The article presents an overview of the extinct peoples of the north-east of Europe — the “Pechera” and the “Siirtya”, as well as their correlation to the archaeological sites of the Pechora north regions. The author raised a question about distinguishing of a new local group of medieval sites of the first half of the 2nd millennium in the Lower Pechora region, in the material remains of which the traces of the annalistic “Pechera” culture may be discerned.

A group of the yet finally unresolved problems of the Russian Middle Age archeology includes questions related to the presence in the far north-east of Europe of the populations with the ethnonyms “pechera” and “siirtya”, as well as their correlation with the archaeological cultures. Despite the formerly existing and still remaining disagreements among the researchers the available academic literature does not dispute the fact of the actual existence of the two ancient peoples of the North hidden behind these two names.

For the first time the peoples of the Pechora Cis-Ural were mentioned in the Primary Chronicle. In the Laurentian Chronicle for 1096 the name “Pechera” is listed alongside with the names of other peoples. However the geographic location or the ethnic belonging of the annalistic “Pechera” was never established precisely. The researchers placed it either in the upper, middle, or lower Pechora regions, associated this name with the

Что касается «сииртя», то в работах этнографов попытки обосновать присутствие на Крайнем Севере по западную и восточную стороны Полярного Урала, наряду с «печерой», югрой и самоядью, еще одного этнического элемента, предпринимались неоднократно [4; 5; 6 и др.]. Они опираются, прежде всего, на мифологические предания ненцев и немногочисленные указания в письменных источниках о каком-то загадочном народе севера Евразии. Однако этническая принадлежность этого населения остается не ясной. Все высказанные мнения на эту тему пока существуют на уровне гипотез. Большинство исследователей склоняются к тому, что, в частности, Большеземельская тундра до прихода ненцев входила в область расселения коллективов западносибирского происхождения, в составе которых существенную долю занимал угорский компонент. Отдельно хотелось выделить точку зрения Л. В. Хомич, согласно которой «сииртя» могли быть какими-то протоуральцами, включавшими в качестве компонентов черты многих, впоследствии выделившихся народов [6]. В. Н. Чернецов считал, что племена Печорского Приуралья, связанные единством происхождения, составляли аборигенный пласт таежной и тундровой зон Европейского Севера, а этнические черты общего древнего уралоязычного субстрата сохранялись местами у приполярного населения даже до средневековья [7; 8].

Если обратиться к археологическим источникам, то оснований для уточнения имеющихся данных, касающихся «печеры» и «сииртя», немного, и они также не бесспорны. Период второй половины I – первой половины II тыс. н. э. недостаточно полно отражен в археологических материалах из При- и Заполярных районов европейского северо-востока. Источниковая база по средневековой археологии тундр северо-востока Европы включает материалы не более чем 20 археологических памятников с исследованным культурным слоем [3, с. 9–20].

Не вдаваясь в подробное описание инвентаря этих памятников (все они в той или иной степени опубликованы), кратко остановимся на некоторых этногенетических выводах, сформулированных при их исследовании. Большинство авторов полагают, что материалы второй половины I тыс. н. э. отражают особенности местной, до оленеводческой культуры населения субарктической зоны северо-востока Европы, связанной своим происхождением с западносибирским (угорским или самодийским по этнокультурной принадлежности) кругом археологических культур. Культурные остатки именно этого времени приписываются легендарным «сииртя», как предшественникам и, в определенной степени,

Samoyeds, the Karel, the paleo Asian origin population, or the Komi-Zyryan [1; 2; 3].

As to the “Siirtya”, the ethnographers made numerous attempts to provide arguments in favor of the existence in the Far North on both sides of the Polar Urals alongside with the “Pechera”, Ugra and Samoyad, of one more ethnic element, [4; 5; 6 et al.]. They relied, in the first place, on the mythological tales of the Nenets and the scarce references in the written sources to some mysterious people of the north of Eurasia. However the ethnicity of this population remains unclear. All pronouncements on the subject are still made only at the level of hypotheses. Most of the researchers are inclined to believe that, in particular, the Bolshezemelskaya Tundra before the arrival of the Nenets was part of the colonization area for the groups of West Siberian origin a significant part of which was made up of the Ugric component. We would like to draw your attention to the idea formulated by L. V. Khomich, according to which the “Siirtya” could be some kind of the Proto-Uralians embracing as their components the features of many peoples which developed later on their basis [6]. V. N. Chernetsov believed that the tribes of the Pechora Cis-Ural united by their common origin constituted the aboriginal group of the taiga and the tundra zones of the European North, while the ethnic features of the common ancient Uralic languages substrate were preserved in some places by the Polar populations even till the Middle Age period [7; 8].

The archaeological sources also do not offer a lot of information for clarification of the names “Pechera” and “Siirtya”, moreover, even the few available facts are not indisputable. The period of the second half of the 1st – the first half of the 2nd millennium AD is insufficiently reflected in the archaeological materials from the Cis- and Trans-Polar regions of the European north-east. The body of sources on the medieval tundra archeology of the north-east of Europe covers the materials from not more than 20 archaeological sites with the studied cultural level [3, p. 9–20].

Without going into detailed description of the inventory of these sites (all of them were at least partially published), let us briefly discuss certain ethnogenic conclusions formulated by the researchers. Most of the authors believed that the materials of the second half of the 1st millennium AD reflected the specifics of the local reindeer herding culture of the population of the sub Arctic zone of the north-east of Europe related by its origin to the West Siberian (the Ugrian or the Samody by the ethno-cultural attributes) group of archaeological cultures. It were the cultural remains from this period which were attributed to the legendary “Siirtya” as the predecessors, and, to a certain extent, forebears of the

предкам ненецкого населения тундровой зоны, появившихся в европейском Заполярье примерно в конце I – начале II тыс. н. э.

Вещевой инвентарь более позднего времени (конец I – первая половина II тыс. н. э.), полученный из культурного слоя, сосредоточен, в основном, на памятниках Печорского Заполярья, локализованных по обе стороны Нижней Печоры (городища Новый Бор I–IV, Ортинское, Кобылиха, городище и святилище (?) Гнилка, поселение Коткино I) [9–12].¹ Датировка памятников не выходит за пределы XIII – возможно, XIV в. н. э. Найденная керамика очень своеобразна по орнаменту, включавшего в композицию фигурные элементы и фестоны, присутствуют также сосуды на поддонах. Пока неизвестны приемлемые аналогии в более южных районах таежной зоны и в тундровой полосе Европейского Северо-Востока. Предварительный анализ этой керамики позволяет поставить вопрос о возможности выделения на Нижней Печоре новой локальной культурной группы населения. Не исключена вероятность, что такая посуда могла быть оставлена населением Нижней Печоры – продолжателями культурных традиций предшествовавшего местного субстрата.

Учитывая, что к началу II тыс. н. э. относятся первые письменные свидетельства о проживании в бассейне Печоры носителей этнонимов «печера» и датировку вышеупомянутых памятников средневековым временем, можно предположительно отнести богато и тщательно украшенную керамику этих памятников к элементам традиционной культуры этого печорского населения. Вероятно, что этим исчезнувшим народом, кроме расположенных в долине нижней Печоры и по ее притокам памятников, оставлены также Нерицкий могильник [13] и Эшмесское пещерное святилище [10; 14], датированные X–XI вв. н. э.

В любом случае, на сегодня это единственная, на мой взгляд, группа средневековых археологических памятников на всей территории северо-востока европейской части России, которые в силу своего географического положения, присущих им сходных особенностей керамического производства поселенческих комплексов, деталей обряда погребения и культового инвентаря могут быть предположительно

Neenets population of the tundra zone, which appeared in the European Polar region approximately in the end of the 1st - beginning of the 2nd millennium AD.

The material inventory of the later period (the end of the 1st – the first half of the 2nd millennium AD) obtained from the cultural level was concentrated, mostly, on the sites of the Pechora Trans-Polar region localized on both sides of the Lower Pechora (fortress Novy Bor I–IV, Ortinskoje, Kobylkha, fortress and sacred site (?) Gnilka, Kotkino I settlement) [9–12].¹ The obtained dates for the sites lie within the range of the 13th – probably 14th century AD. The pottery from the sites was quite original in its decoration including intricate ornamentation and festoons, there were also vessels on trays. There are currently no comparable analogues to these items in the more southern regions of the taiga zone or the tundra belt of the European north-east. Preliminary analysis of this ceramics allows raising a question about distinguishing of a new local group of population in the Lower Pechora region. We should not exclude the possibility that this type of pottery could have been left by the Lower Pechora population continuing the cultural traditions of the preceding local substrate.

Bearing in mind that the first written evidence of the existence in the Pechora basin of the population associated with the “Pechera” ethnonym appeared in the beginning of the 2nd millennium AD, and the fact that these sites were dated as the medieval ones, it is possible to refer the richly and carefully decorated pottery of these sites to the elements of the traditional culture of this Pechora population. It is also probable that this extinct people left, in addition to the archaeological sites located in the lower Pechora valley and along its tributaries, also the Neritsky burial site [13] and the Eshmess cave sacred place [10; 14], dated as the 10th–11th centuries AD.

In any case today this is the only, to my mind, group of the Middle Age archaeological sites in the whole territory of the north-east of the European part of Russia, which, owing to their geographic position, shared similarities of the settlement pottery production complexes, details of the burial rites and the ritual inventory may be tentatively correlated with the annalistic “Pechera” as an independent ethnic and social group.

¹ Исключение представляет поселение Карпова Губа, расположенное более чем в 300 км западнее – на о-ве Вайгач. Предполагается [15], что материалы верхнего слоя этого памятника с керамикой близкой возжпайской и резко отличной от предшествующей по времени, археологически фиксируют появление самодийцев на территории северо-востока Европы, на рубеже X–XI вв. н. э.

¹ The only exception was the Karpova Guba settlement located over 300 km west – on the Vaigach island. It is generally believed [15], that the materials of the upper level of this site with the pottery close to the Vozhpai one and distinctly different from the earlier periods ceramics serves as an archaeological fixation of the time of arrival of the Samody population to the territories of the north-east of Europe at the turn of the 10th–11th centuries AD

сопоставлены с летописной «печерой» как отдельной этносоциальной группой.

Литература / References:

1. Лашук Л. П. Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар, 1958.
2. Лашук Л. П. Формирование народности коми. М., 1972.
3. Канивец В. И. Канинская пещера. М., 1964.
4. Васильев В. И. Сиртя — миф или реальность? // СЭ. 1970. № 1. С. 151–158.
5. Лашук Л. П. «Сиртя» — древние обитатели Субарктики // Проблемы антропологии и исторической этнографии Азии. М., 1968. С. 178–193.
6. Хомич Л. В. Ненецкие предания о сихиртя // Фольклор и этнография. Л., 1970. С. 59–69.
7. Чернецов В. Н. К вопросу об этническом субстрате в циркумполярной культуре. М., 1964.
8. Чернецов В. Н. Наскальные изображения Уральского ареала // Проблемы археологии и древней истории ургов. М., 1972. С. 32–55.
9. Барышев И. Б. Средневековое городище Кобылиха на нижней Печоре // Материалы по истории и археологии России. Рязань, 2010. Т. 1. С. 216–230.
10. Мурыгин А. М. Печорское Приуралье: эпоха средневековья. М., 1992.
11. Ясински М. Э., Овсянников О. В. Взгляд на Европейскую Арктику: Архангельский Север: проблемы и источники. СПб., 1998. Т. I.
12. Ясински М. Э., Овсянников О. В. Пустозерск. Русский город в Арктике. СПб., 2003.
13. Истомина Т. В. Нерицкий могильник // Проблемы истории России XVIII–XX веков: научные чтения памяти проф. Ю. Д. Марголиса. Сыктывкар, 1997. С. 106–120.
14. Мурыгин А. М. Эшмесское пещерное святилище эпохи средневековья в Печорском Приуралье // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2011. № 3 (47). С. 94–103.
15. Каган М. М., Питулько В. В. Этнокультурные процессы I тыс. н. э. в Трасуральском Заполярье // AD POLUS / Археологические изыскания. СПб., 1993. Вып. 10. С. 103–109.

УДК 904(571.651)

А. А. ОРЕХОВ

Орехов Александр Александрович — д.и.н., СВГУ (Россия, Магадан). E-mail: nothernland@mail.ru

МОБИЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЧУКОТКИ (ЛАХТИНСКАЯ И КАНЧАЛАНСКАЯ КУЛЬТУРЫ)

Ключевые слова: Восточная Чукотка, мобильность, социально-экономическая адаптация, лахтинская и канчаланская культуры

Резюме. Анализируется роль, характер, закономерности и особенности миграций в социально-экономической адаптации в условиях Севера.

Человек всегда стремился к организации ближнего (жилище), среднего (поселение) и дальнего (осваиваемая территория) пространства. Мобильность являлась важным фактором организации и освоения дальнего пространства. Приморские культуры азиатского и американского Севера отличает эффективное использование биоресурсов [1–8]. Формируется стратегия двойного природопользования (историко-экономический дуализм): использование

A. A. OREKHOV

Orekhov Alexander Alexandrovich — Doctor of History, NESU (Russia, Magadan). E-mail: nothernland@mail.ru

MOBILITY IN SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION OF THE POPULATION OF EASTERN CHUKOTKA (THE LAKHTIN AND THE KANCHALAN CULTURES)

Key words: Eastern Chukotka, mobility, socio-economic adaptation, the Lakhtin and the Kanchalan cultures

Summary. The author analyses the nature, regularities and specifics of migrations in the socio-economic adaptation patterns of the North.

The humans always wished to organize the immediate (house), intermediate (settlement) and remote (colonized territory) space around them. Mobility was an important factor in organization and colonization of the remote space. The maritime cultures of the Asian and the American North are known for their efficient use of bio-resources [1–8]. A double nature use strategy was developed (historical and economic dualism): the use of the bio-resources of the continent, the coast and the

биоресурсов континента, побережья и моря [6]. Пространственно-временная мобильность обеспечивала выживание в условиях Севера. Опыт закреплялся в социокультурных и экономических традициях как оптимальная пространственно-временная модель жизнедеятельности. Вектор и алгоритм миграций определялся наибольшей концентрацией биоресурсов, качество и количество которых определяли сезонные биоритмы и нестабильность климата [2; 4–6].

В приморских культурах ведущее значение имели миграции, связанные с морской охотой. Летом-осенью при охоте методом отгона они были направлены к лежбищам моржей и тюленей (10–20 км вдоль побережья) [6]. У древних эскимосов это были миграции от поселений на байдарах в открытое море, где охотились на плаву на моржей и китов. «Китовая аллея» свидетельствует об охотничьих экспедициях до 100 км. В охотничьих миграциях участвовали только мужчины [2–6].

На Севере логика выживания предполагала высокую социальную солидарность. Она фиксируется по отсутствию различия в питании женщин, мужчин, детей и стариков [9; 10]. Вероятно, это характерно для всех обитателей Севера, также как и дублирование социальной ответственности и связей. Большие поселения (100–500 жилищ) и могильники (до 150 могил), функционирующие около тысячи лет — свидетельство стабильности экономической и социокультурной систем [1; 2; 6; 8; 11]. Комплексный характер экономики, связанный с сезонными миграциями, зафиксирован в Пегтымельских петроглифах: сцены морской и сухопутной охоты.

Уровень развития духовной культуры древнего населения Севера, отраженный в сакральных объектах, подтвержденный социокультурными традициями, по мнению исследователей [6; 11], не уступал населению юга. Это результат успешной социально-экономической и культурной адаптации.

Пищевая адаптация — яркая и устойчивая часть культуры [10]. Динамика пищевых источников (истощение или недоступность) переориентирует на новые или добавочные ресурсы, меняет направление и характер миграций [3; 4; 6]. Отмечаются неоднократные стрессы из-за недостатка пищи при переходе от континентальных к приморским биоресурсам [9]. Это, как и неудачные сезоны, стимулировали компенсирующую тактику, в т.ч. гибкую миграционную практику [3; 4; 6].

Важными были миграции к местам переправы оленей через реки в осенний период. В них участвовали мужчины и женщины (дети?). Глубина таких миграций от моря вверх по рекам доходила до

sea [6]. The spatial and temporal mobility was a guarantee of survival under the conditions of the North. The accumulated experience was embedded in the socio-cultural and economic traditions as an optimal spatial and temporal life model. The vector and the algorithm of migrations was determined by the largest concentration of bio-resources, the quality and the quantity of which depended on the seasonal biorhythms and the instability of climate changes [2; 4–6].

In maritime cultures the most important migrations were the ones related to the sea mammals harvesting. In the summer and autumn during the drive hunting season their direction was towards the walrus and seal rookeries (10–20 km along the sea coast) [6]. In the ancient Eskimo tradition these were migrations from the settlements to the open sea on canoes, where they hunted walrus and seals afloat. The “Whale Alley” gave evidences of the hunting expeditions to distances as far as 100 km. Members of hunting expeditions were only men [2–6].

In the North the survival logics implied high level of social solidarity. It was confirmed by the lack of differences in the food rations of women, men, children and elders [9; 10]. Apparently this was characteristic for all peoples of the North, in the same way as the duplication of social responsibility and connections. Large settlements (100–500 houses) and burial sites (up to 150 graves) which functioned for about one thousand years gave an evidence of stability of the economic and socio-cultural systems [1; 2; 6; 8; 11]. The comprehensive nature of the economic patterns related to seasonal migrations was observed in the Pegtymel petroglyphs: in the land and sea hunting scenes.

The level of spiritual culture development of the ancient population of the North reflected in the sacral objects and confirmed by the socio-cultural traditions was, according to the researchers [6; 11], in no way inferior to the population of the south. This was a result of successful socio-economic and cultural adaptation.

Food adaptation was a vivid and stable part of culture [10]. The dynamics of the food sources (depletion or inaccessibility) would reorient the population to the new or additional resources thus changing the direction and the nature of migrations [3; 4; 6]. During the transition from the continental to the maritime bio-resources repeated stresses caused by the scarcity of food were observed [9]. This in combination with the bad hunting seasons stimulated the compensatory tactics including the flexible migration practices [3; 4; 6].

An important role was played by migrations to reindeer river crossing places during the autumn season. The participants were both men and women (children?). The depth of such migrations away from the sea along

200 км. От основных («зимних») поселений весной мигрировали к гнездовьям птиц (острова, птичьи базары, озера, бары), вдоль побережья на 50–70 км, или вверх по течению рек на 20–50 км. Они были кратковременными и включали не всех жителей. Для большей эффективности и расширения сферы деятельности делились на небольшие группы [6]. Летом миграции шли к местам рыбной ловли (лососевых). Коллектив поселения делился на небольшие группы (семьи). Существовала традиция рационального рассредоточения по местам наиболее эффективного рыболовства, строительства запруд, заводей, плотин [1; 3; 6; 8]. При сетевом лове рыбы вполне достаточно участка 5–10 человек.

Зимой миграции были связаны с охотой на тюленей у продушин и у края берегового льда [1–4; 6]. Они (при длительности несколько недель) определили появление жилища из снега, «иглу» у предков эскимосов и кереков [2; 6–8], а у канчаланцев — небольших мобильных, наземных жилищ. Зафиксированы поселения с полуземлянками [6], характеризующие движение из глубины лиманов, где раньше образуется лед, к открытому морю для продолжения охоты на тюленей.

Закономерности миграции определяются общими задачами и методами их реализации в рамках тактики и стратегии приморской адаптации в условиях Севера. Особенности определяются вариативностью природных условий и культурных традиций. Миграции имели систему, алгоритм, вектор, определяемый природными циклами, социальным заказом, культурными традициями, различались по количеству и составу участников. Они носили пространственно-временной импульсивный характер с возвращением к базовому поселению. Направление, дальность и длительность миграций определялись состоянием природных ресурсов и жизненными потребностями. Одна популяция осваивала территорию около 20 000 кв. км. Изучение миграций должно носить комплексный характер для объективной реконструкции эколого-экономической системы, мировоззрения, социально-экономической и культурной адаптации, моделей природопользования человека.

Литература / References:

1. Айгнер Д. С. Первые арктические поселения в Северной Америке // В мире науки. № 1. 1986. С. 84–94.
2. Арутюнов С. А. Народы и культуры (развитие и взаимодействие). М., 1989.
3. Головнёв А. В. Морские кочевники Арктики: модели адаптации // Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 95–111.
4. Головнёв А. В. Антропология движения (древности Северной Азии). Екатеринбург, 2009.
5. Круппник И. И. Арктическая этноэкология. М., 1989.
6. Орехов А. А. Роль миграций в освоении природных ресурсов древним населением Западной Берингии (приморские культуры) // Берингия — мост дружбы: материалы междунар. конф. Томск, 2006. С. 159–169.

the rivers sometimes reached 200 km. From the main (“winter”) settlements they migrated in spring to birds’ breeding sites (islands, rookeries, lakes, offshore beaches) to distances of 50–70 km along the coast, or 20–25 km up the rivers. These migrations were short-term and not all members of the community participated in them. To raise efficiency and expand the coverage they split into small groups [6]. In the summer the direction of migrations was towards the places salmon fishing. The population of a settlement was split into small groups (families). There was a tradition of balanced distribution among the places of most productive fishing, building of dams, dead channels, and dikes [1; 3; 6; 8]. A team of 5–10 people was quite sufficient for net fishing.

In winter the migrations were related to seal hunting near the air holes and at the coast ice edge [1–4; 6]. It was this practice (the hunt lasted for several weeks) that led to the appearance of snow houses “igloo” of the ancestors of the Eskimo and the Kerek [2; 6–8], and the small mobile ground houses of the Kanchalan. There were also settlements with semi pit-houses [6], which were related to movement from the depth of the coastal lagoons, where ice formed earlier, to the open sea for the continuation of a seal hunt.

The regularities of migrations were determined by the common goals and methods of their achievement within the tactics and the strategy of maritime adaptation under the conditions of the North. The specific features resulted from the variations in the natural conditions and the traditions of culture. Migrations had a system, an algorithm, a vector determined by the nature cycles, social order, cultural traditions, and differed in the number and the composition of the participants. They were the spatial-temporal impulsive migrations and implied a return to the base settlement. The direction, the distance and the length of migrations were determined by the condition of the natural resources and the vital requirements. One population group colonized a territory of about 20,000 sq. km. The objective reconstruction of the ecologo-economic system, world-views, socio-economic and cultural adaptation, and the nature use models requires a comprehensive and systemic study of migrations.

7. Dumond D. E. The development of human adaptation to the Arctic coast of the North Pacific // Paper presented at the 45th Arctic Science Conference. Anchorage; Vladivostok, 1994.
8. McCartney Allen P. Workman William B. Coast to Coast: Prehistoric Maritime Culture in the North Pacific // AA. 1998. Vol. 35, № 1. P. 361–370.
9. Попов А. Н., Чижишева Т. А., Шпакова Е. Г. Бойсманская археологическая культура Южного Приморья. Новосибирск, 1997.
10. Козловская М. В. Образ жизни и пищевая стратегия древнеэскимосского населения // I Северный археологический конгресс. Екатеринбург; Ханты-Мансийск, 2002. С. 150–171.
11. Столяр А. Д. Проблема исторической реабилитации северных культур эпохи камня (по археологическим материалам Фенноскандии) // Историческое познание: традиции и новации: тезисы междунар. конф. Ижевск. 1993. С. 16–20.

УДК 904(571.121):397.4

А. В. ПЛЕХАНОВ

Плеханов Андрей Владимирович — ГКУ ЯНАО
«Научный центр изучения Арктики»
(Россия, Салехард). E-mail: andrei_plehanov@mail.ru

СТОЙБИЩА ОЛЕНЕВОДОВ НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ — ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Ключевые слова: полуостров Ямал, этноархеология, ненцы, средневековье, организация пространства

Резюме. В работе анализируются средневековые стоянки и современные ненецкие стойбища на полуострове Ямал с позиций изучения организации пространства. Цель — установление взаимосвязей между современной традиционной культурой и ее материальными объектами для их дальнейшего распространения на археологический материал.

Исследователями неоднократно было отмечен факт совпадения месторасположения древних стоянок и поселений с местами стойбищ современного кочующего населения Ямало-Ненецкого округа. В основном археологические стоянки и поселения в средней части полуострова Ямал располагаются на останцах, привязанных к озерам. Озера эти и на сегодняшний день, большей частью, рыбные. Реже стоянки располагаются на мысах террас рек, с высотой до двух-трех метров, хорошо обдуваемых ветром.

Выбор места для стойбища тундровиками определяется несколькими факторами, а именно: наличие богатых кормовых угодий для выпаса оленей, небольшого болотца или ручья, что благоприятствует их содержанию. Кроме того, площадка должна хорошо обдуваться ветром, чтобы было меньше гнуса. Озера дают возможность населению стойбища, не занятому выпасом оленей, ловить рыбу, которая является основным источником питания летом.

A. V. PLEKHANOV

Plekhانov Andrey Vladimirovich — SPI YaNAO
“Arctic Research Center” (Russia, Salekhard).
E-mail: andrei_plehanov@mail.ru

REINDEER HERDERS CAMPS ON YAMAL PENINSULA — ETHNO-ARCHAEOLOGICAL APPROACH

Key words: Yamal peninsula, ethno-archaeology, the Nenets, Middle Ages, space organization

Summary. The subject of the study is the analysis of the Middle Age sites and the modern Nenets herders camps on the Yamal peninsula from the positions of space organization study. The purpose of the study was establishing correlations between the modern traditional culture and its material objects for their further use in the study of archaeological materials.

The researchers have often noted the facts of location coincidence between the ancient occupations and settlement sites and the modern herders camps of the nomadic population of the Yamal-Nenets Okrug. In most cases the archaeological sites and settlements in the middle part of the Yamal peninsula were located on buttes related to lakes. These lakes even today are often rich in fish. Less frequently the occupation sites were located on capes of the up to two-three meters high and well aired river terraces.

Selection of a tundra herders camp location is determined by several factors, including: availability of rich pastures for reindeer, as well as a small swamp or a stream, which create favorable conditions for herding. In addition the site must be well ventilated by wind to reduce the number of mosquitoes. The lakes offer good fishing opportunities to the people from the camp, who are not involved in herding, which is a good source of food in the summer.

В подзоне типичной тундры, на значительном удалении от побережья, выявлены и исследованы два археологических микрорайона: Яртенский и Бованенковский. Все древние стоянки в этих микрорайонах располагаются концентрированно на протяжении 3–5 км. Создается впечатление, что такие концентрации являлись, скорее, своеобразной территорией общего пользования с различными объектами и возможностью перемещения между разными хозяйственными зонами, чем серией отдельных поселений [1, с. 22].

Возможно, таким объектом общего пользования являлось «городище» Ярте VI, имеющее ярко выраженную производственную направленность, в непосредственной близости с которым находится семь практически одновременных ему стоянок со слабо выраженным культурным слоем. На «городище» Ярте VI мы можем на основании археологических наблюдений предполагать разделение хозяйственного коллектива, аналогичное современному, когда на летних стойбищах длительное время остаются в основном старики, женщины и дети.

«Обычно стойбище остается на одном месте не более полумесяца (зимой), недели (летом), двух–трех дней (весной и осенью)» [2, с. 39]. В летний период внутри стойбища переставляется и сам чум. Это обусловлено проступанием воды внутри жилищ на поверхности пола. Ремонтные и хозяйственные работы производятся на некотором отдалении в стороне от чумов, образуя, таким образом, некое подобие производственных площадок.

Кочевники мало что оставляют после себя на чумовищах. Старое место чума можно обнаружить только по поросшему желто-красным мхом костровому пятну. При этом ненцы, обычно повторяющие пути своих касланий и остановок, никогда не ставят чум точно на том же месте, очаговое пятно должно быть всякий раз новым [3, с. 208].

Несмотря на вечную мерзлоту в слое стоянок со слабовыраженным слоем, исследованных стационарно, минимизировано количество артефактов, в основном это малоинформативные фрагменты керамики и костные останки северного оленя.

Ненцами на оставляемых стойбищах мусор сбрасывается под откос сопки или сжигается. По поверьям, сразу после отъезда людей на чумовище является дух Мядинда, который собирает все останки, и через них может наслать порчу на беспечных хозяев [4, с. 111].

В летний период отсутствие пищевых остатков на стойбищах можно объяснить регулярной уборкой территории и тем, что костные остатки, к примеру, рыбы практически полностью съедаются собаками.

In a typical tundra subzone at a significant distance from the coast two archaeological districts were discovered and studied: the Yartensky and the Bovanenkovsky. All ancient sites in these districts were located in compact groups along the distance of 3–5 km. It appeared that these concentrations were rather a kind of a common use territory with various facilities and a possibility to move between different economic zones, than a series of individual settlements [1, p. 22].

It is possible that one of such common use facilities was the Yarte VI “fortress” with an obvious production orientation, in the immediate proximity to which there were seven practically synchronous to it occupation sites with the very poorly represented cultural level. On the basis of archaeological observations it is possible to assume that on Yarte VI “fortress” there was a division of the economic groups similar to the modern one, when the summer camps population for long periods of time consists mostly of old people, women and children.

“Normally a herders camp stays in one place not longer than half a month (in winter), a week (in summer), or two–three days (in spring and autumn)” [2, p. 39]. In the summer period the tent itself is also moved within the camp territory. A reason for this is the seeping of water inside the tents at the floor level. Repair and economic works take place at some distance from the tents, forming in this way a kind of production platforms.

The nomads leave very little behind when they move to other camp locations. The old tent place could be detected only by a fireplace spot overgrown with the yellow–red moss. However the Nenets, who normally repeat the routes of their migrations with herds and return to the same camp sites, never place the tents exactly on the same spot, the fireplace spot must always be a new one [3, p. 208].

Despite the permafrost in the poor cultural level of the sites studied in stationary conditions there was a minimum number of artifacts, mostly these were the not very informative ceramic fragments and reindeer bone remains.

The Nenets ditched their waste or burned it when they abandoned a camp. According to the old beliefs immediately after the people left the camp site there came the spirit Myadinda, who collected all remains and via them could hoodoo the careless people [4, p. 111].

In the summer the lack of food remains in the camps could be explained by regular cleaning of the territory and the fact, that bone remains of, for instance, fish were practically completely consumed by dogs.

In winter camps some waste accumulated in various natural potholes. In the archaeological context they could be interpreted as “domestic waste dumps”.

На зимних стойбищах в естественных западинах скапливаются мусорные остатки. В археологическом контексте они могут быть интерпретированы как «хозяйственные ямы». Однако в реальности процесс накопления носит случайный характер.

Значительное количество археологических памятников в тундре находятся на так называемых «выдувах», это — развеванные поверхности без дерна, на которых фиксируются артефакты.

В летний период на ненецких стойбищах интенсивная хозяйственная деятельность, в том числе присутствие на стойбище оленей, приводит к значительному вытаптыванию и разрушению дернового слоя на всей площади летнего стойбища.

В снежное время прежде, чем начать устанавливать чум, площадь для него расчищается от снега с помощью деревянной лопаты [5, с. 62]. Несмотря на это, наличие мощного снежного покрова на зимних стойбищах препятствует процессу вытаптывания. Верхний дерновый слой практически полностью сохраняется.

Из всего вышесказанного можно предположить, что совпадение расположения современных стойбищ с поселениями в древности носит не случайный характер, а продиктовано оно наличием благоприятных условий для проживания и ведения хозяйства. Концентрация стоянок, возможно, не является серией отдельных поселений, а представляет собой территорию с единым объектом общего пользования (например, места для обработки шкур оленя вблизи места поковки) и систематическим проживанием людей сезонно с перестановкой временных жилищ внутри нее. Желто-красные моховые пятна могут являться идентификаторами очажных пятен средневековых стоянок, с большой концентрацией находок в них. Для зимних поселений может быть в целом характерно большое количество мусора и малое — функциональных вещей, в то время как для летних стоянок, возможно малое количество мусора и большое — используемых вещей. Отсутствие прослойки погребенной почвы может указывать на сезонность поселения при площадном вытаптывании слоя и другими разрушениями, связанными с хозяйственной деятельностью.

Литература / References:

1. Грон О. Этноархеологические исследования культуры эвенков и моделирование доисторических обществ гамбургской культуры // Уральский исторический вестник, 2014. № 2 (43). С. 17-25.
2. Головнёв А. В. Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004.
3. Головнёв А. В. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995.
4. Хомич А. В. Ненцы. Историко-этнографические очерки. М.; Л., 1966.
5. Мухачёв А. Д., Харючи Г. П., Южаков А. А. Кочующие через века: оленеводческая культура и экология тундровых ненцев. Салехард; Екатеринбург, 2010.

However in reality the accumulation process was quite random in nature.

A significant number of archaeological sites in the tundra were located in the so called “blowouts”, these were the blown out surfaces not covered by turf, on which the artifacts were registered.

In the summer period in the Nenets camps the intensive economic activity, including the presence of reindeer in the camp, resulted in trampling down and destruction of the turf layer across the whole area of the summer camp.

In winter time prior to the erection of a tent the area under it was cleared from snow with the use of a wooden spade [5, p. 62]. Despite this fact the existence of a thick snow cover in winter camps prevented the trampling down of the area. The upper turf layer was practically intact.

From all the above it may be presumed that the coincidence of location of the modern herders camps and the ancient settlements was not occasional, but was dictated by the availability of favorable conditions for living and herding. Concentrations of camps sites was, possibly, not a series of individual settlements, but a territory with a common use facility (e.g. places for reindeer hides shaving close to kill-sites) and regular seasonal occupation sites within which the temporary houses were moved. The yellow-red moss spots might be the identifiers of fireplace spots of the medieval camp sites with large concentration of finds in them. The general characteristics of winter camps could be a large amount of waste, and a small number of functional items, while in the summer camps there could be a small amount of waste and a larger amount of artifacts. The lack of the buried soil layer may indicate the seasonality of a settlement and the areal trampling down of the layer, as well as other destructive effects of the economic activities.

УДК 572 (571.121):904(571.121)

Д. И. РАЖЕВ, Е. О. СВЯТОВАРажев Дмитрий Иванович — к.и.н., ИПОС СО РАН
(Россия, Тюмень). E-mail: Rajevd0@gmail.comСвятлова Евгения Олеговна — ГБУК СО НПЦ
(Россия, Екатеринбург). E-mail: svyatova@inbox.ru**БИОАНТРОПОЛОГИЯ НИЖНЕОБСКОГО НАСЕЛЕНИЯ
XII–XIII вв. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ
МОГИЛЬНИКА ЗЕЛЕНЬ ЯР)¹***Ключевые слова:* Зеленый Яр, антропология,
могильник

Резюме. В работе представлены результаты новых антропологических исследований на поздней части могильника Зеленый Яр. Пересмотрен половозрастной состав палеогруппы с учетом появления в археологических исследованиях последних лет женских захоронений. Уточнены остеологические характеристики мужской части населения и новые данные по санологическому состоянию популяции. Проведенная работа позволила воссоздать биоантропологическую характеристику населения Низовьев Оби в XII–XIII вв.

Археологический комплекс памятников Зеленый Яр находится около одноименного поселка Приуральского района ЯНАО. Он включает в себя два могильника: VIII–IX и XII–XIII вв. [1]. В результате археологических работ 2013–2014 гг. были существенно дополнены материалы позднего периода функционирования некрополя. Анализ антропологических материалов именно этого этапа посвящена данная работа, позволившая воссоздать биоантропологическую характеристику населения Низовьев Оби XII–XIII вв.

В группе поздних погребений определение пола и/или возраста удалось провести по останкам 32 человек. Это 7 детей в возрасте от рождения до 15 лет и 25 взрослых, среди которых 13 мужчин и 2 женщины. Половая принадлежность 10 взрослых индивидуумов не установлена.

Основное внимание привлекает появление на некрополе женских захоронений. С одной стороны, их количество невелико (8 % взрослых погребений).

¹ Работа выполнена при поддержке Программы Президиума РАН «Традиции и инновации в истории и культуре» (проект «Изменчивость адаптивных возможностей и санологического состояния аборигенов Сибири в конце I – середине II тыс. н. э.»), грантов РФФИ № 13-06-00158, РГНФ № 13-01-00097

D. I. RAZHEV, E. O. SVYATOVARazhev Dmitry Ivanovich — PhD in History,
IPDN SB RAS (Russia, Tyumen). E-mail: Rajevd0@gmail.comSvyatova Evgenia Olegovna — State Financed Entity
SR RPC (Russia, Ekaterinburg). E-mail: svyatova@inbox.ru**BIO-ANTHROPOLOGY OF THE LOWER OB POPULATION
OF THE 12TH–13TH CENTURIES (ON THE MATERIALS OF
ZELENY YAR BURIAL SITE INTERMENTS)¹***Key words:* Zeleny Yar, anthropology, burial site

Summary. The article sums up the results of the new anthropological studies in the late period part of burial site Zeleny Yar. The age and gender composition of the paleogroup was reviewed taking into account the discovery of female interments by the archaeological studies of the recent years. The osteological characteristics of the male part of the population and the new data on the sanological condition of the population were updated. The work made possible recreation of the bio-anthropological characteristic of the Lower Ob population in the 12th–13th centuries.

The archaeological complex of Zeleny Yar sites is located near the village of the same name in the Cis-Ural region of the YaNAO. It includes two burial sites: of the 8th–9th and the 12th–13th centuries [1]. As a result of the archaeological excavations of 2013–2014 a significant amount of additional materials about the late period of the necropolis existence were obtained. The focus of this article is the analysis of anthropological materials of this late period, which allowed recreation of the bio-anthropological characteristic of the Lower Ob population in the 12th–13th centuries.

In the late interments group the gender and age determination was successful for the remains of 32 persons. This group included 7 children aged up to 15 years from birth, and 25 adults, of them 13 men and 2 women. The gender of 10 adult persons was not determined.

The attention was drawn mostly to the discovery in the necropolis of female graves. On the one hand their number was insignificant (8 % of the adult interments). On the other hand, the very fact of female interments

¹ The study was performed with the support of the Research Program of the Presidium of RAS “Tradition and innovation in history and culture” (Project “Variability of adaptive powers and sanological state of the aborigines of Siberia in the end of the 1st – the middle of the 2nd millennium AD”), and grants RFRF № 13-06-00158 and RHRG № 13-01-00097

С другой стороны, сам факт женских погребений на некрополе, который ранее интерпретировался как специально отведенное место для мужских захоронений, связанное с воинской частью населения [1], ставит ряд вопросов и требует дальнейшего исследования.

Сохранность остеологического материала (как черепов, так и элементов посткраниального скелета) из женских захоронений крайне фрагментарна и, на настоящий момент, не позволяет охарактеризовать их подробно. Мужская часть серии обладает мезобрахиальной мозговой коробкой со средними абсолютными размерами. Лицевой отдел очень широкий и средневысокий, плоский в горизонтальной профилировке. Орбита средняя по высоте и очень широкая, нос неширокий, слабо выступающий. Нижняя челюсть очень массивная и широкая.

Сохранившиеся в некоторых погребениях волосы головы имеют черный или темно-русый цвет, мягкие, волнистые (2–3 балла). Обволошенность лица мужчины, чьи мумифицированные останки были обнаружены в погребении № 27, слабая, сильнее выраженная в области усов.

Полученные краниометрические и кефалоскопические характеристики позволяют соотнести исследуемую группу с представителями североазиатского монголоидного расового комплекса [1, с. 154–155].

Мужчины, захороненные в поздней части могильника Зеленый Яр, имеют очень малые и малые длиннотные размеры костей. По средним абсолютным размерам охватных характеристик группа попадает в малую категорию, по относительным же значениям оказываются в массивной области. Реконструированный рост относится к категории малый — ниже среднего по общемировому масштабу. По формулам В. В. Бунака [2] и Троттер и Глезер для монголоидов [2; 3], его средние значения составляют от 156,6 до 162,0 см.

Наблюдаемые индивидуумы имеют сходные пропорции, характеризуются укороченными сегментами голени, имеют относительно короткие ноги (брахигамбия). Обобщенный интермембральный индекс является большим, что характеризует рассматриваемую выборку как длиннорукую. Средне-малые размеры плечевого пояса в сочетании с ростом позволяют предположить в группе мезоморфные пропорции тела. Выявленные черты телосложения — длинные руки, укороченные ноги являются отличительными чертами центральноазиатского морфологического типа телосложения [4; 5]. Хорошо выраженная при этом мезоморфная компонента характеризует ее обладателей как представителей арктического адаптивного типа [6].

on a necropolis which was earlier interpreted as a place specifically allocated for male interments and related to the military group of the population [1] raised a number of issues and required further study.

The preservation of osteological material (both the skulls and the elements of postcranial bones) from female interments was extremely fragmentary and, at present, is insufficient for a more detailed characterization of the remains. The male part of the series was predominantly mesobrachicranial with medium absolute size indexes. The face segment was quite wide, of medium height and flat in the horizontal profile. The orbit was of medium height and quite wide, a nose not wide and slightly projecting. Lower jaw was very massive and wide.

The head hair preserved in some interments were black or dark blond, soft and wavy (2–3 points). The amount of facial hair on the face of a man, whose mummified remains were found in interment № 27 was insignificant and more apparent in the mustache area.

The obtained craniometric and cephaloscopic characteristics allowed relating the studied group to the representatives of the north Asian Mongoloid racial complex [1, p. 154–155].

The males buried in the late period part of Zeleny Yar burial site had very small and small bone length indexes. According to the average absolute values of girth characteristics the group falls into the slender category, however according to the relative values it is rather in the heavy area. The reconstructed height is in the short category — lower than the general global average. According to V. V. Bunak's [2] and Trotter and Glazer's formulas for Mongoloids [2; 3] its average values should be from 156.6 to 162.0 cm.

All the studied individuals had similar proportions with shortened shin-bone segments and the relatively short legs. The generalized intermembral index was large, which characterized the sample as long armed. Medium-small shoulder girdle dimensions in combination with the height allowed assuming the mesomorphic body proportions in the group. The identified features of the constitution — long arms, shortened legs were the distinctive features of the Central Asian morphological constitution type [4; 5]. At the same time the well developed mesomorphic component characterized the population as the representatives of the Arctic adaptive type [6].

The sanological study of the sample produced the following results. Analysis of the dentoalveolar characteristics demonstrated good dental health of the population. They had practically no serious infectious or trophic problems. The identified pathologies (apical abscesses, caries) were, apparently, a result of traumas.

Санологическое рассмотрение представленного материала проявляет следующую картину. Анализ зубо-челюстного аппарата показал высокий уровень зубного здоровья у исследованных людей. У них практически отсутствовали серьезные заболевания инфекционной и трофической природы. Выявленные патологии (апикальные абсцессы, кариес) определяются, по всей видимости, травматическим фактором. Наличие линейных гипоплазийных дефектов на передних зубах свидетельствует о переживании большинством индивидуумов периодов истощения в раннем детстве. Различные артрозные проявления обнаружены на некоторых позвонках и эпифизах длинных костей разных индивидуумов, но они имеют слабую и среднюю выраженность.

Таким образом, хорошее здоровье, малая изношенность суставов свидетельствует об очень высоком уровне адаптации рассматриваемых людей к природно-климатическим условиям обитания.

Литература / References:

1. Зеленый Яр: Археологический комплекс эпохи средневековья в Северном Приобье. Екатеринбург; Салехард, 2005.
2. Алексеев В. П. Остеометрия. Методика антропологических исследований. М., 1966.
3. Jantz R. L., Hunt D. R., Meadoows L. The Measure and Mismeasure of Tibia: Implications for Stature Estimation // Journal of Forensic Sciences. 1995. Vol. 40, № 5. P. 758–761.
4. Клевцова Н. И. Соматические особенности сибирских монголоидов в сравнительном освещении // Вопросы антропологии. 1976. Вып. 52. С. 151–168.
5. Пурунджан А. Л. Морфологический состав населения России и сопредельных стран // На путях биологической истории человечества. 2002. Т. 1. С. 139–156.
6. Алексеева Т. И. Географическая среда и биология человека. М., 1977.

УДК 903(571.1):639(571.1)

Д. С. ТУПАХИН

Тупахин Даниил Сергеевич — ГКУ ЯНАО
«Научный центра изучения Арктики»
(Россия, Салехард.). E-mail: dantupahin@gmail.com

D. S. TUPAKHIN

Tupakhin Daniel Sergeevich — SPI YaNAO
“Arctic Research Center” (Russia, Salekhard).
E-mail: dantupahin@gmail.com

РЫБОЛОВСТВО НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК АДАПТАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РАННИХ ЭПОХ

Ключевые слова: Рыбная ловля, адаптационная стратегия, каменный век Севера Западной Сибири

Резюме. Данная работа посвящена рыбной ловле — одной из важнейших хозяйственных стратегий присваивающих экономик. Хронологические рамки исследования достаточно широки, охватывают период от мезолитического времени до эпохи бронзы. Территориальные рамки исследования — Север Западной Сибири. Основная задача статьи — рассмотреть динамику, изменчивость и экономическое значение рыбной ловли.

FISHING IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA AS AN ADAPTATION STRATEGY OF THE EARLY AGES

Key words: Fishing, adaptation strategy, Stone Age in the north of Western Siberia

Summary. The subject of the work is the study of fishing — one of the most important strategies of the subsistence harvesting economy. The chronological framework of the study is quite wide, it covers the period from the Mesolithic to the Bronze Age. The territory under study was the north of Western Siberia. Main focus of the article was the discussion of the dynamics, variability and the economic importance of fishing.

Отсутствие памятников эпохи палеолита в регионе (за исключением ряда случайных находок без достоверной датировки) приводит к мысли, что проникновения человека в северные регионы Сибири в эпоху финального палеолита, в лучшем случае, были спорадическими и до известной степени случайными. Основным орудием рыбного промысла в палеолитическую эпоху служили гарпуны, копья остроги различных конфигураций, к эпохе финального палеолита была известна ловля на крючок [1, с. 18–21].

Число изученных памятников, относящихся к эпохе мезолита, в рассматриваемом нами регионе столь же невысоко. Имеющиеся материалы способны только в общих чертах прояснить ситуацию с бытованием хозяйственных типов в мезолите Нижнего Приобья. Наиболее территориально близкими из известных к настоящему времени являются материалы, относящиеся к мезолиту бассейна реки Конды. В этом регионе рыболовство предстает как отдельная отрасль хозяйства, что подтверждается рядом косвенных свидетельств [2, с. 149].

Кроме этого мы обращаемся к мезолиту Европейского Северо-Востока. К настоящему времени эти материалы довольно подробно опубликованы [3]. Рыболовство в этом регионе играет значительную роль, о чем свидетельствует наличие развитой техники промысла: крючком, стационарными ловушками, ставными сетями, острогами. Существуют разные взгляды на роль рыболовства в мезолите региона. Так, одни оценивают переход от охоты к рыболовству как причину демографического всплеска неолитической эпохи [4]. Другие, напротив, склонны оценивать рыболовство в целом как второстепенную и вспомогательную отрасль хозяйства [5]. Существует и умеренный взгляд на эту проблему. Г. М. Буров высказывает мнение, что в мезолите Северной Европы одновременно существовали коллективы с разными хозяйственно-культурными укладами. Однако в одном случае вспомогательным ресурсом является рыбный промысел, а в другом — охота.

В эпоху неолита на Севере Западной Сибири известны памятники, сосредоточенные в юго-восточной части региона, представленные, большей частью, поселениями, отдельными хозяйственными объектами и кратковременными стоянками. Сопоставление известных на сегодняшний день памятников с палеоклиматической картой [6, с. 97] выявляет распространение неолитических комплексов в границах северной тайги. В подобных условиях сезонные охотничий и рыболовный промыслы, дополняющие друг друга, являются наиболее эффективным способом хозяйства [7, с. 66]. Сложность интерпретации

The lack of the Paleolithic sites in the region (with the exception of a number of random finds without a reliable dating) suggests that the migrations of humans to the northern regions of Siberia during the final Paleolithic were, at best, sporadic and, to a certain extent, unintentional. Main fishing tools during the Paleolithic were the harpoons, spears of various configurations, and by the final Paleolithic hook fishing began to be practiced [1, p. 18–21].

The number of the studied sites referring to the Mesolithic period in the region under study was also insignificant. The available materials can offer only very general information about the existence of various economic types in the Mesolithic of the Lower Ob region. Of the currently available materials the territorially most similar ones are the materials of the Konda basin Mesolithic. In that region fishing was an independent segment of the economy, which is confirmed by a number of indirect evidences [2, p. 149].

In addition we also looked at the Mesolithic of the European North-East. At present these materials have been pretty well published [3]. Fishing in this area played a significant role, an evidence of which was the existence of a whole set of fishing techniques: by hook, with stationary traps, by stationary nets, and by spears. Opinions on the role of fishing in the Mesolithic of the region differ. Some researchers believed that the transition from hunting to fishing caused the demographic surge of the Neolithic [4]. Others, on the contrary, tend to treat fishing in general as a secondary and supplementary segment of the economy [5]. There is also a moderate view on the problem. G. M. Burov expressed an opinion that in the Mesolithic of Northern Europe there were synchronously existing groups of population with different economic and cultural organizations. However, in one case the supplementary resource was fishing, and in the other — hunting.

There are known archaeological sites of the Neolithic in the north of Western Siberia concentrated in the south-eastern part of the region, which were represented mostly with the settlements, individual economic sites, and short-term occupation locations. A comparison of the currently known sites with the paleo-climatic map [6, p. 97] demonstrated the distribution of the Neolithic complexes withing the boundaries of the northern taiga area. In those conditions a combination of the seasonal, mutually complementing hunting and fishing appeared to be the most efficient economic pattern [7, p. 66]. The difficulty of interpretation consisted in the scarcity of the researched sites [8, p. 59–63]. Compared to the previous Mesolithic period there was a tendency to a more settled way of life, which could be related to the growing importance of fishing [2, p. 153].

заключается в малом числе исследованных памятников [8, с. 59–63]. По сравнению же с предыдущей мезолитической эпохой оседлость населения возрастает, что может быть связано с усилением значения рыбной ловли [2, с. 153].

В условиях изменения экологических условий и связанного с этим ухудшения обеспеченности пищевыми ресурсами в эпоху энеолита-бронзы [2, с. 155] потребовалась выработка новых адаптационных моделей. Эту тенденцию иллюстрируют материалы поселения Горный Самотнел-I. Мощность культурного слоя (до 200 см для построек, до 70 см для межжилищного пространства) свидетельствует об интенсивном и продолжительном функционировании поселения, это же подтверждают палеоботанические исследования.

В ходе раскопок накоплена значительная коллекция артефактов, свидетельствующих о занятиях древнего населения. Прямыми свидетельствами высокой роли рыболовного промысла являются находки остатков рыболовной сети, грузил, типичных для бассейна Оби [3, с. 109], поплавок, а также остатков ихтиофауны. К косвенным свидетельствам относятся обилие инструментов деревообработки, топография поселения.

Помимо поселения Горный Самотнел-I в качестве памятников оседлых рыболовов, приуроченных к крупным рекам (в данном случае — руслу Большой Оби), с известной долей осторожности можно рассматривать культурные слои нижних горизонтов многослойных памятников — стоянки Салехард-I и поселения Усть-Васьеган-I, керамика которых находит прямые параллели в материалах поселения Горный Самотнел-I.

В эпоху бронзы, насколько можно судить по археологическим материалам, роль сетевого рыболовства несколько снижается, расположение поселений свидетельствует в пользу заборного рыболовства. Это сопровождается возвратом к «комплексности» хозяйства, увеличением роли охоты на копытных и заборного рыболовства (неприемлемого для крупных рек). Однако роль рыболовства в эпоху бронзы и последующие эпохи оставалась неизменно высокой.

Литература / References:

1. Эверстов С. И. Рыболовство в Сибири. Каменный век. Новосибирск, 1988.
2. История Ямала: в 2 т. Екатеринбург, 2010. Т. 1.
3. Буров Г. М. Рыбная ловля в эпоху мезолита на Европейском Севере России // РА. 2011. № 2. С. 5–15.
4. Формозов А. А. Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР. М., 1977.
5. Ошибкина С. В. О рыболовстве у населения Восточного Прионежья в эпоху мезолита // Рыболовство и морской промысел в эпоху мезолита — раннего металла в лесной и лесостепной зоне Восточной Европы. Л., 1991.
6. Атлас Ямало-Ненецкого автономного округа. Омск, 2004.
7. Рыболовы и охотники бассейна Оби: Проблемы формирования культуры хантов и манси. СПб., 2000.

Under the conditions of changing environmental conditions and the associated depletion of food resources during the Eneolithic — Bronze Age periods [2, p. 155] new adaptation models had to be developed. This trend was illustrated by the materials from settlement Gorny Samotnjol-1. The thickness of cultural layer (up to 200 cm for buildings, and up to 70 cm for the area between the houses) was an evidence of intensive and long-term functioning of the settlement, the same was confirmed by palaeobotanic studies.

In the course of excavations a significant artifacts assemblage with a large information potential about the ancient population's occupations has been accumulated. A direct evidence of the important role of fishing were the finds of fishing nets remains and net sinkers typical for the Ob basin [3, p. 109], as well as floats and the ichthyofauna remains. Indirect evidences included the abundance of wood working tools, and the settlement topography.

In addition to Gorny Samotnjol-1 the cultural levels of the lower horizons of multi-level sites — Salekhard-I site and Ust-Vasjegan-I settlement could, with a certain reserve, be also interpreted as the settled fishermen's sites referred to the large rivers (in this case the Great Ob riverbed). In the ceramics of these sites there were direct similarities to the materials of Gorny Samotnjol-1 settlement.

During the bronze Age, as far as may be judged by the archaeological materials, the role of net fishing somewhat decreased, and the location of the settlements gave evidences in favor of dam fishing. This was accompanied by a return to "integrated" economy, increased role of ungulates hunting, and dam fishing (which was impossible on the large rivers). However the role of fishing during the Bronze Age and the following periods remained high.

8. Косинская Л. Л. Археологические исследования УрФУ в Пуровском районе // Археология Арктики. Екатеринбург, 2014. Вып. 2.

УДК 904(571.1)

Н. В. ФЁДОРОВА

Фёдорова Наталья Викторовна — к.и.н.,
ГКУ ЯНАО «Научный центр изучения Арктики»
(Россия, Салехард). E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

ТОРГОВЛЯ И ДИПЛОМАТИЯ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. СЕВЕРНЫЙ
ШИРОТНЫЙ ХОД

Ключевые слова: международная торговля, сухопутные и водные коммуникации, Северный широтный ход, фактории, импортные товары

Резюме. В работе ставятся вопросы о значении международной торговли и о международных торговых путях, как сложной системе зонных коммуникаций в эпоху раннего железного века и средневековья. Главная задача работы — попытка восстановить картину движения людей и товаров по Северному Широтному ходу в X — первой половине XVI вв., его значения для культуры населения севера Восточной Европы и Западной Сибири.

Значение международной торговли и путей, по которым происходил обмен товарами в древности и средневековье, трудно переоценить. Оно, впрочем, не сводилось к товарообмену, «по нему (Шелковому пути — Н. Ф.) путешествовали ученые и пророки, писатели и воины, по нему шел обмен не только (быть может даже не столько) товаров. Но и идей» [1, с. 103].

Международный торговый путь — это сложная система широких зонных коммуникаций, включающая в себя сухопутные и водные пути, ответвления от основных магистралей, точек «перевала» товаров, а также ярмарок или «торговых мест» [2, с. 16].

В эпоху раннего железа, средневековья и особенно позднего средневековья международная торговля приобретает все более сложившийся вид: фиксированные торговые пути, перечень товаров для ввоза на определенные территории и для вывоза из них, упоминания в письменных источниках купцов, посредников, торговых факторий.

Наиболее известными международными торговыми магистральями Евразии были Великий шелковый путь, путь «Из варяг в греки», Волжский путь, путь из Болгара в Киев и т. д. Можно отметить, что в раннем железном веке и раннем средневековье главными

N. V. FEDOROVA

Fedorova Natalia Victorovna — PhD in History,
SPI YaNAO "Arctic Research Center"
(Russia, Salekhard). E-mail: mvk-fedorova@mail.ru

TRADE AND DIPLOMACY IN THE NORTH OF EASTERN
EUROPE AND WESTERN SIBERIA. NORTHERN
LATITUDINAL ROAD

Key words: international trade, land and water communication routes, Northern Latitudinal Road, factories, imported goods

Summary. The paper raises issues of importance of international trade and international trade routes as a complex system of zonal communications during the early Iron Age and the Middle Ages. Main task of the study was an attempt to reconstruct the picture of the movement of goods and people along the Northern Latitudinal Road in the 10th — first half of the 16th centuries, its importance for the culture of the population of the north of Eastern Europe and Western Siberia.

The importance of international trade and the roads used for goods exchange in antiquity and the Middle Ages can hardly be overestimated. However, it was much wider than a simple goods exchange "it (Silk Road — N. F.) was traveled by scientists and prophets, writers and warriors, it served the exchange of not only (and, possibly, rather not) goods, but ideas" [1, p. 103].

An international trade road was a complex system of wide zonal communications including both land and water ways, side lanes branching off from the main roads, points of "transshipment" of goods, as well as fairs or "trading places." [2, p. 16].

During the early Iron Age, the Middle Ages, and, particularly, late Middle Age international trade was becoming more and more regulated: there appeared fixed trade roads, lists of goods for importing into certain territories and exporting from them, mentions in the written sources of merchants, intermediaries and trade factories.

The most well known international trade roads of Eurasia were the Great Silk Road, the road "from the Varangians to the Greeks", the Volga road, the road from Bulgaria to Kiev, etc. It may be noted that in the early Iron Age and the early Middle Ages the most important were the latitudinal roads connecting the

были пути широтного направления, связывающие западные и восточные цивилизации, в более позднее время начинают преобладать меридиональные пути, ведущие с севера на юг.

Северный широтный ход как система торговых путей, проходивших по северу Европы и Предуралья в Западную Сибирь, приведший в результате своего функционирования к выходу этих районов на просторы средневекового Евразийского мира, пока еще не рассматривался в целом, как некое глобальное явление. Известны лишь отдельные участки и периоды действия фрагментов этой системы.

Задача работы: дать максимально возможную при существующей источниковедческой базе картину движения людей и товаров по Северному Широтному ходу в X — первой половине XVI вв. К сожалению, объем тезисов позволяет сделать это лишь в виде краткого перечня фактов, без их анализа и обсуждения.

Наличие торговых связей в эпоху средневековья фиксируется в основном по археологическим материалам, с некоторыми коррективами, вносимыми по сведениям письменных источников. Лучше всего представлено то, что ввозили на евразийский север, хотя и очевидно, что не все товары сохранились в культурном слое, так что перечень как «импорта», так и «экспорта» будет заведомо не полным. Наиболее яркими свидетельствами дальней (международной) торговли являются многочисленные изделия из металла, в основном, серебра и бронзы: посуда, украшения, принадлежности костюма, части парадного доспеха, а также стеклянные и пастовые бусы. Реже сохраняются предметы вооружения. Еще реже — импортные ткани. Письменные источники (арабоязычные, отчасти — скандинавские) упоминают как раз не серебряные изделия — об этом сведений нет — но железные клинки и сукна, а также «рабов» и какие-то пищевые деликатесы. Вывозили: меха пушных зверей, клыки и шкуры моржа, мамонтовые бивни, бобровую струю, ловчих птиц.

Торговые пути и места «факторий» маркируются находками «импортных» для северных памятников изделий, причем известны как артефакты, завезенные издали, из стран Востока и Запада, так и изделия литейщиков Западной Сибири, обнаруженные на памятниках северо-востока Европы: Хэйбидья-Пэдарское жертвенное место, городище и святилище на р. Гнилка, Оргинское городище, остров Вайгач. Последнее позволяет говорить о присутствии представителей западносибирского населения в неких «торговых пунктах» по Северному пути. Упоминания о наличии особых торговых мест встречаются в письменных источниках: «Когда они

western and the eastern civilizations, while in the later periods the meridional roads leading from the north to the south were gaining weight.

The Northern Latitudinal Road as a system of trade routes leading from the north of Europe and the Cis-Ural to Western Siberia, the functioning of which brought about the involvement of these regions in the general Eurasian world communications network has not yet been studied from a holistic approach, as a kind of a global phenomenon. Currently only individual parts and periods of functioning of some fragments of this system are known.

Problem formulation: to give the best possible (given the currently available source materials) picture of the movement of people and goods along the Northern Latitudinal Road in the 10th — first half of the 16th centuries. Unfortunately, because of the thesis size restriction this can be done here only as a brief list of facts without their analysis or discussion.

Availability of trade contacts during the Middle Ages was registered mostly by the archaeological materials with certain corrections made on the basis of written sources. The best represented group was the import to the Eurasian north, though it was quite obvious that not all goods were preserved in the cultural level, therefore the list of such “imports” and “exports” would be admittedly incomplete. Most vivid examples of the distant (international) trade were the numerous metal items, mostly silver and bronze ones: vessels, decorations, costume accessories, parts of ceremonial armor, as well as glass and paste beads. Less numerous group were the well preserved arms items. Even less frequent finds were imported textiles. The written sources (in Arabic and some Scandinavian) mentioned, on the contrary, not silver goods (there were no mentions of such items) but iron blades and woolen cloth, as well as “slaves” and some food delicacies. What was exported: furs, ivory and walrus skins, mammoth tusks, castor, hunting birds.

Trade roads and “factories” locations were marked by the finds of “imported” for the northern sites articles, there were examples of artifacts imported from remote places, from the countries of the Orient and the West, as well as the West Siberian casters products found in the sites of the north-east of Europe: Heybidya-Pedarskoye sacrificial site, a fortress and a sacred place on the Gnilka river, Ortinskoje fortress, the sites in the Vaigach island. The latter gave evidence of the presence of the representatives of the West Siberian population in some “trading places” along the Northern Road. Mentions of some dedicated trading places could be found in the written sources: “When they arrived to Bjarmaland they stayed in a trading place” [3, p. 204,

пришли в Бьярманланд, то остановились они в *торговом месте*» [3, с. 204, курсив мой — Н. Ф.]. Доказано наличие крупной фактории в Предуралье, через которую осуществлялись торговые операции, в том числе и с северо-востоком [4, с. 498–509].

Периоды функционирования Северного широтного пути различны: его самая северная часть, в том числе, морская, по-видимому, была почти заброшена около XIII–XIV вв. Возможно, сказались перемены климата в сторону похолодания. С этого времени особенно интенсивно действует сухопутный путь с запада на восток через Уральский хребет. Именно с XIII в. и по начало XVI в. наполнение западносибирских комплексов импортными товарами становится особенно заметным. Отмечу, что основная концентрация их фиксируется в местах локализации центров обско-угорских княжеств: Кодского, Бардакова, Куноватско-Ляпинского.

Анализ кладов драгоценной серебряной посуды заставляет поставить вопрос не только о результатах торговых операций, но и о вручении дипломатических даров. Причем некоторые из таких комплексов недвусмысленно свидетельствуют об успешных попытках западноевропейских мореплавателей пройти северным морским путем и даже достигнуть нижнего течения р. Обь на рубеже XII–XIII вв.

Выводы. Северный широтный ход, в расширенном понимании этого явления, включающем морские и сухопутные пути, активно функционировал с начала II тыс. н. э. и вплоть до присоединения территорий Северо-Востока Европы и Западной Сибири к России. Его значение было крайне важным как для населения Севера, так и для государств Европы и Азии. Северная торговля привела к частичной смене ценностей в мире средневековых цивилизаций с одной стороны, с другой — способствовала преодолению относительной изоляции культур и народов Северо-Востока Европы и Западной Сибири.

Литература / References:

1. Луконин В. Г. Древний и раннесредневековый Иран. М., 1987.
2. Еманов А. Г. Север и Юг в истории коммерции: на материалах Кафы 13–15 вв. Тюмень, 1995.
3. Глазырина Г. В. Исландские викингские саги о северной Руси. Тексты, перевод, комментарий. М., 1996.
4. Белавин А. М., Крыласова Н. Б. Древняя Афкула: археологический комплекс у с. Рождественское. Пермь, 2008.

emphasis added — N. F.]. There are evidences of the existence of a large factory in the Cis-Ural, via which commercial transactions were made, including trade with the north-east [4, p. 498–509].

The periods of the functioning of the Northern Latitudinal Road were different: its northernmost part, including the sea route was, apparently, almost abandoned in about the 13th — the 14th centuries. It could have been caused by the climate cooling. However beginning from that time there was intensive traffic along the land road from the west to the east across the Ural mountains. It was from the 13th and until the beginning of the 16th century that the presence of imported goods in the west Siberian complexes became particularly visible. It should be noted that the main concentration of them was registered in places of the Ob Ugrian “principalities” localization: the Koda, the Bardakov, the Kunovatsky-Lyapinsky.

Analysis of the hoards containing precious silver vessels suggested that they could be obtained not only as a result of commercial operations, but also as diplomatic gifts. Moreover, some of such complexes gave explicit evidences of successful attempts by the west European seafarers to go by the Northern Sea Route and even reach the lower Ob regions at the turn of the 12th–13th centuries.

Conclusions. The Northern Latitudinal Road in a wider meaning of this phenomenon embracing both the sea and the land routes was actively functioning from the beginning of the 2nd millennium AD and until the incorporation of the territories of the North-East of Europe and Western Siberia into the Russian state. Its importance was extremely important both for the population of the North and for the states of Europe and Asia. Northern trade led to a partial transformation of values in the world of the medieval civilizations on the one hand, and on the other it contributed to overcoming of the relative isolation of the cultures and peoples of the north-east of Europe and Western Siberia.

УДК 904(571.651):7.031.1

И. В. ШМИДТ, Т. А. ГОРБУНОВАШмидт Ирина Викторовна — к.и.н.,
ОмГУ (Россия, Омск). E-mail: rebewster@googlemail.comГорбунова Татьяна Александровна — к.и.н.,
ОмГУ (Россия, Омск). E-mail: dr.stones@yandex.ru**ЗНАКОВАЯ ИКОНИКА МОБИЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ
ЧУКОТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАНКАРЕМ**

Ключевые слова: древнеберингоморская культура, гарпунный набор, орнаментальное оформление костяных изделий древних эскимосов, орнаментальная иконика, информационное поле культуры

Резюме. Изобразительное творчество арктических культур интенсивно и плодотворно исследуется специалистами различных областей. Не повторяя достигнутых коллегами результатов, обратим внимание на некоторые аспекты бытования предметов, выполненных из моржового клыка и оформленных специфическими орнаментальными сюжетами. Реконструкция «биографии» предмета может быть проведена (не полностью, но в какой-то части) на основе иконического анализа орнаментального текста «составного комплекса», обнаруженного на памятнике. В конкретном случае анализируется иконическая гомогенность орнамента предметов гарпунного набора из жилищной зоны древних эскимосов памятника Ванкарем III.

Высокохудожественное изобразительное творчество арктических культур заслуженно оказывается в центре внимания многочисленных исследований. Особый интерес прослеживается в отношении изделий древних эскимосов, украшенных гравировками, в частности орнаментированных предметов древнеберингоморской культуры [1; 2 и др.]. Достаточно давно проводятся исследования иконики древнеберингоморского декора. К настоящему времени разработана классификация ключевых изобразительных элементов-индикаторов и отдельных сюжетов, позволяющих проводить хронологическую атрибуцию материала [3; 4], обозначены вопросы семантической нагрузки изотекстов, соотношения эстетического и знакового, коллективного и индивидуального, мифологического и натуралистического в их создании [4–8].

В 2008 г. при раскопках памятника Ванкарем III в Иультинском районе Чукотского автономного округа отрядом Омского государственного университета под руководством Т. А. Горбуновой были обнаружены три предмета гарпунного набора

I. V. SHMIDT, T. A. GORBUNOVAShmidt Irina Victorovna — PhD in History, Omsk State
University (Russia, Omsk). E-mail: rebewster@googlemail.comGorbunova Tatiana Alexandrovna — PhD in History, Omsk
State University (Russia, Omsk). E-mail: dr.stones@yandex.ru**SEMANTIC ICONICS OF MOBILE OBJECTS OF THE
CHUKCHI SETTLEMENT VANKAREM**

Key words: Old Bering Sea culture, harpoon set, ancient Eskimo's bone items ornamental decoration, ornamental iconics, information field of culture

Summary. Arctic cultures' visual art has been intensively and successfully studied by specialists from different disciplines. Without attempting to duplicate the achievements of our colleagues we'd like to focus on certain aspects of the existence of some ivory articles decorated with specific ornamental motifs. Reconstruction of an item's "biography" may be preformed (not completely, but to a certain extent) on the basis of the iconic analysis of the ornamental text of the "component complex" found on the site. In this particular case we analyzed the iconic homogeneity of the harpoon set items ornament from the living zone of the ancient Eskimo settlement site Vankarem III.

The intricate decorative art of the Arctic cultures has long been in the focus of attention of a large number of researchers. Particular attention was always paid to the ancient Eskimo's engraved articles, specifically the ornamented items of the Old Bering Sea culture [1; 2 et al.]. The studies of the Old Bering Sea decor iconics have been under way for a long time. At present there is a classification of the key visual elements-indicators and certain motifs which may be used for the chronological attribution of the materials [3; 4], the issues of semantic content of the visual texts, the correlation between the aesthetic and the semantic, the collective and the individual, the mythological and the naturalistic elements in their creation have been outlined [4–8].

In 2008 during the excavations of Vankarem III site in the Iultinsky District of the the Chukotka Autonomous District a team of the Omsk State University under the supervision of T. A. Gorbunova discovered three items of the harpoon set of the Old Bering Sea culture — the "winged object", the harpoon socket, and the bone toggling harpoon head base. The conditions of the discovery did not leave any doubts as to the complex homogeneity. A typological graphic indicators table was set up for these finds, in accordance with which their chronological

древнеберингоморской культуры — «крылатый предмет», головка древка гарпуна, костяная основа поворотного наконечника гарпуна. Условия обнаружения не оставляют сомнений в их комплексной томогенности. В отношении этих находок была создана типологическая таблица графических индикаторов, в соответствии с которой произведено их хронологическое определение, дана образная идентификация большинства изобразительных текстов [9].

В ходе исследования орнаментально-образного оформления находок были зафиксированы следующие базовые элементы — двойная линия, двойная линия, заключенная в стежковую ленту; простая гравированная линия, простая линия, поддерживаемая стежковой; стежковая. Изобразительные тексты отдельных предметов дополнены специфическими деталями, такими, например, как двойная прямая с внутренними или внешними резными «защипами» и проч. Подобные знаковые вариации возможны в том случае, когда предметы создаются или оформляются разными людьми, воспитанными, однако, в контексте одного знаково-символического пространства и способов его передачи. При этом авторский ход мысли, при условии соблюдения «макроориентиров», не исключен.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что предметы гарпунного набора памятника Ванкарем III были изготовлены разными мастерами. Единый изотекст гарпуна распадается на три части. «Гарпун-текст», как и «гарпун-предмет» оказывается настолько гибким в формировании и эксплуатации, что допускает замену любой части без принципиального изменения центральной идеи, заключенной в орнаменте. Система, по необходимости, «собирается и разбирается», отдельные части меняют хозяев и формируют свои «микро-мифы» [10, с. 32–33; 11; 12, с. 28–30, 33]. Семантика гарпунного текста обнаруживает исключительную подвижность. Работа с ним — это контакт с чем-то принципиально «живым». Отношение к нему — отношение к чему-то принципиально живому.

Литература / References:

1. Днепровский К. А. Стандарты и модули древнеэскимосского гарпуна. Гарпунный комплекс из чукотского районного музея пос. Лаврентия // Материальная культура Востока. 2005. Вып. 4. С. 134–137.
2. Днепровский К. А. К вопросу о гарпунном комплексе древних морских зверобоев Чукотки (железный век — средневековье) // ЭО. 1998. № 5. С. 62–67.
3. Arutjunov S. A., Bronstein M. M. Vorwort zum Katalog // *Arktische Waljäger vor 3000 Jahren: Unbekannte sibirische Kunst*. Mainz-München, 1993. S. 85–92.
4. Сухорукова Е. С. Художественные изделия из эвенкийского могильника и проблема эволюции древнеберингоморского искусства // Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное: катал. выставки. М., 2007. С. 48–60.
5. Сухорукова Е. С. «Крылатые предметы» Эквенского могильника: закономерности художественного оформления и конструктивного устройства // ЭО. 1998. № 5. С. 67–82.

attribution, and the identification of images of most of the visual texts was performed [9].

In the course of the study of the ornaments and the imagery of the finds the following basic elements were registered — double line, double line within a stitch band, simple engraved line, simple line supported with a stitched line, a stitched line. The ornamental texts on certain items were complemented by specific details, e. g. a double straight line with internal or external carved “tucks”, etc. This kind of signs variations could be possible only if the articles were made or decorated by different people, who, however, were educated within the context of the same semantic-symbolic environment and the methods of its representation. At the same time, the individual author’s expression, subject to compliance with the “marco-reference points” was not excluded.

The results of the study gave evidence that the harpoon set items from Vankarem III site were made by different craftsmen. The uniform ornamentation text was broken up into three parts. The “harpoon text” same as the “harpoon item” proved to be so flexible in the making and usage that it allowed substitution of any of its parts without a dramatic change of the central idea contained in the ornament. The system, when required, could be “assembled or disassembled”, individual parts could change owners and form their own “micro-myths” [10, p. 32, 33; 11; 12, c. 28–30, 33]. The semantics of a harpoon text demonstrated an exceptional mobility. The work with this text was a contact with something quite “alive”. And the attitude towards it was an attitude to something definitely living.

6. Сухорукова Е. С. К вопросу о бирнирско-пунукской художественной традиции в древнеэскимосском искусстве на Чукотке // Материальная культура Востока. 2005. Вып. 4.
7. Сухорукова Е. С. Древнеберингоморское искусство: форма, линия, цвет // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. М.; Кемерово, 2012. Тр. САИПИ. Вып. 9. С. 110–121.
8. Бронштейн М. М. Эквен и Пайпельгак глазами этнологов // Мир арктических зверобоев. Шаги в непознанное: катал. выставки. М., Анадырь, 2007. С. 26–45.
9. Шмидт И. В., Горбунова Т. А. Орнаментированные изделия из моржового клыка эскимосского «жилища» поселения Ванкарем III // Вестн. СВНЦ ДВО РАН. 2014. № 1. С. 107–116.
10. Леви-Брюль Л. Сверхъестественное в первобытном мышлении. М., 1994.
11. Мосс М. Очерк о даре. Форма и основание обмена в архаических обществах // Общества. Обмен. Личность. М., 1996. С. 83–228.
12. Меновщиков Г. Об устном повествовательном творчестве народностей Чукотки и Камчатки // Сказки и мифы народов Чукотки и Камчатки. М., 1974. С. 5–48.

МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ
СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

MULTIDISCIPLINARY RESEARCH
METHODS IN ARCHAEOLOGY OF
NORTHERN EURASIA

УДК 904(571.1):639.2

Д. О. ГИМРАНОВ, Т. В. ЛОБАНОВА

Гимранов Дмитрий Олегович — к.б.н., ИЭРЖ УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: djulfa250@rambler.ru

Лобанова Татьяна Владимировна — к.б.н., ИЭРЖ УрО РАН (Россия, Екатеринбург). E-mail: lota_64@mail.ru

РЫБОЛОВСТВО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА БУХТА НАХОДКА И НАДЫМСКОГО ГОРОДКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2012–2013 ГГ.)*Ключевые слова:* рыболовство, Бухта находка, Надымский городок, размеры рыб, орудия рыболовства

Резюме. Изучено 1158 костных остатков рыб из раскопок городища Бухта Находка (XIII–XIV вв.) и Надымского городка (XV–XVI вв.). Представлены список видов и реконструированные размеры добываемой рыбы. У населения городища Бухта Находка имелись приспособления для добычи крупной рыбы, но этот вид промысла не был постоянным. Население Надымского городка в изучаемый отрезок времени, вероятно, не практиковало избирательный лов крупной рыбы.

Рассмотрен палеоихтиологический материал из археологических памятников аборигенного населения Севера Западной Сибири. Городище Бухта Находка (БН) находится в южной части полуострова Ямал, на побережье Обской губы близ устья реки Хардэ-Яха (67°19′ с. ш., 72°10′ в. д.). Надымский городок (НГ) расположен на 150 км южнее, в дельте реки Надым, в 25 км от устья, на острове, образованном развилкой при слиянии двух нешироких (до 30 м) протоков, соединяющих систему пойменных заливных сорос (озер) с рекой (66°03′ с. ш., 72°00′ в. д.). В процессе многолетних раскопок памятников был получен обширный археозоологический материал, описания которого частично опубликованы [1; 2]. Палеоихтиологический материал, собранный за полевой сезон 2012–2013 гг. в БН датируется XIII — началом XIV вв. [3]. Костные остатки рыб из раскопок 2012 г. НГ относятся к периоду второй половины XV — первой трети XVI вв. [4]. Доля костных остатков рыб среди костей всех добываемых животных составляет на городище БН в среднем 11,6 %, в НГ — 4,8 %.

Видовая и количественная характеристика костных остатков рыб из городищ БН и НГ приведена в таблице. БН отличается от НГ по обилию костных остатков рыб в постройках и межжилищном пространстве. В первом памятнике значимых различий между комплексами не наблюдается, в НГ доминируют территории северо-западной (31,0 %) и западной

D. O. GIMRANOV, T. V. LOBANOVA

Gimranov Dmitry Olegovich — PhD in Biology, IP&AE UB RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: djulfa250@rambler.ru

Lobanova Tatiana Vladimirovna — PhD in Biology, IP&AE UB RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: lota_64@mail.ru

FISHING PATTERNS OF BUKHTA NAKHODKA AND NADYM HILLFORTS POPULATION (BASED ON MATERIALS OF 2012–2013 EXCAVATIONS)*Key words:* fishing, Bukhta Nakhodka, Nadym hillfort, fish sizes, fishing tools

Summary. 1158 fish bone remains from Bukhta Nakhodka (13th–14th centuries) and Nadym hillforts (15th–16th centuries) have been studied. A list of fish species and the reconstructed fish sizes are presented. The population of Bukhta Nakhodka hillfort had tools suitable for catching large fish, but this type of fishing was not a regular one. The Nadym hillfort population apparently did not practice a selective fishing for large species during the period under study.

Paleo-ichthyological materials from the archaeological sites of the aboriginal population of the north of Western Siberia have been studied. Bukhta Nakhodka hillfort (BN) was located in the southern part of the Yamal peninsula on the Ob bay coast near the mouth of the Kharde-Yakha river (67°19′ n. lat., 72°10′ e. lg.). Nadym hillfort (NH) was located 150 km south, in the Nadym river delta, 25 km from its mouth on an island formed by a river fork at the place of merger of two narrow (less than 30 m) channels connecting the system of floodland sors (lakes) with the river (66°03′ n. lat., 72°00′ e. lg.). As a result of several years of excavations of the sites a significant pool of archeo-zoological materials was accumulated, the description of which has been partially published [1; 2]. Paleo-ichthyological materials obtained during the field season of 2012–2013 in BN were dated as the 13th — beginning of the 14th centuries [3]. The fish bone remains from the 2012 excavation of NH belonged to the period of the second half of the 15th — first third of the 16th centuries [4]. A share of fish bone remains in the total assemblage of all harvested animals was in BN hillfort on an average 11.6 %, and in NH — 4.8 %.

The species composition and the quantitative characteristics of fish bone remains from BN and NH hillforts is shown in the Table. BN was different from NH in terms of the fish bone remains amount in the houses and the areas between the houses. On the former site no significant differences between the complexes were

(26,6 %) межфункциональных площадок, расположенных за пределами жилой зоны городка. Данные соотношения отделов скелета (головы и туловища) указывают на то, что большинство пойманных рыб приносили на городища целиком и разделявали уже на месте.

В городище БН основную часть (50 %) добываемого осетра составили особи от 90 до 120 см. Основную часть (77,7 %) добываемого осетра в НГ составили особи от 80 до 120 см. Средние размеры длины тела современного осетра района Обской губы находятся в пределах 90–110 см [5]. На городище БН в основном добывали щуку длиной от 70 до 90 см, в НГ данный вид рыбы представлен в основном особями длиной от 50 до 70 см (57,3 %). Данные о средней длине тела современной щуки Нижней Оби нам не известны. Размеры же таковых рыб из среднего и верхнего течения Оби составляют 40–60 см [5].

Коллекция рыболовных орудий БН насчитывает 6 поплавок, 11 грузил, 7 игл, 2 колотушки, 1 крючок небольшого размера и несколько крупных крючков для вытаскивания крупной рыбы [6].

В НГ к рассматриваемому периоду отнесено 117 орудий рыболовства. Доминирующими изделиями являются полавки (13 экз.) и грузила (91 экз.). В меньшем количестве отмечены остатки орудий типа верши и морды (11 экз.) и колотушки (2 экз.) для битья рыб [4; 3].

Основным объектом рыболовного промысла населения городища БН являлся сибирский осетр, тогда как в НГ добывали в основном сиговых рыб. На втором месте по обилию костных остатков в обоих памятниках находилось щука, в БН она делит это место с сигаами и налимом. Результаты анализа соотношения отделов скелета рыб позволили предположить, что на территорию городищ рыбу, скорее всего, приносили целиком. На городище БН костные остатки рыб распределены достаточно равномерно среди жилых и нежилых участками памятника, тогда как в НГ большинство костей рыб отмечено для территории межфункциональных площадок. Относительная длина тела осетра и щуки в уловах населения обоих городищ была в целом больше, чем у рыб в современных уловах из бассейна реки Обь. У древнего населения городища БН имелись приспособления для добычи крупной рыбы, однако, избирательный лов крупных особей не был постоянным. В изучаемый отрезок времени у населения НГ вероятно не было приспособлений для избирательного лова крупной рыбы. Анализ видового состава показывает, что видовая структура улова на протяжении времени существования городищ остается в целом однообразной.

observed, on the NH the dominating territories were the north-western (31 %) and western (26.6 %) inter-functional platforms located outside of the residential area of the hillfort. The data of the skeleton segments ratio (head and body) indicated that most of the caught fishes were brought to the hillfort whole, and the cutting was done on site.

In BN hillfort most (50 %) of the caught sturgeon were specimen from 90 to 120 cm long. Most (77.7 %) of the caught sturgeon in the NH were specimen from 80 to 120 cm long. Average sizes of modern sturgeon caught in the Ob bay area are within the range of 90–110 cm [5]. In BN hillfort the average sizes of caught pike were in the range of 70–90 cm, and in NH this species was mostly represented by specimen from 50 to 70 cm long (57.3 %). The data on the average body length of modern pike in the lower Ob are not available. The sizes of this species from the middle and the upper Ob are within the range of 40–60 cm [5].

A fishing tools assemblage from BN hillfort consisted of 6 floats, 11 sinkers, 7 needles, 2 beaters, 1 small size hook and several large hooks for pulling out large fish [6].

On the NH 117 fishing tools were referred to the studied period. The dominating items were floats (13 pieces) and sinkers (91 piece). There were also some remains of other fishing tools, such as buckets and fish traps (11 pieces) and beaters (2 pieces) [4; 3].

Main object of fishing for the BN hillfort population was Siberian sturgeon, while the NH population mostly fished whitefish. On both sites the second largest species in the bone remains was pike, and on BN also whitefish and burbot were almost as common. The results of the fish skeleton segments ratio analysis suggested that the fish was, most likely, brought to the territory of the hillforts whole. In BN hillfort the fish bone remains were distributed rather evenly across the residential and non-residential parts of the site territory, while in the NH most of the fish bones accumulations were found in the territory of inter-functional platforms. A relative length of sturgeon and pike in the catch of the population of both hillforts was larger, than the length of fish in the modern catches from the Ob river basin. Ancient population of BN hillfort had special tools for catching large fish, however the selective fishing for large specimen was not a regular practice. During the period under study the NH population apparently did not have tools for selective fishing for large specimen. Analysis of the species composition demonstrated that the species structure of the catch remained, in general, uniform throughout the period of the hillforts' functioning.

Видовая и количественная характеристика костных остатков рыб из городищ Бухта Находка и Надымский городок

Виды рыб	Бухта Находка		Надымский городок	
	Экз.	%%	Экз.	%%
Осетр (<i>Acipenser baeri</i>)	300	59	58	9
Стерлядь (<i>Acipenser ruthenus</i>)	5	1	—	0
Нельма (<i>Stenodus leucichthys nelma</i>)	49	10	106	16
Сиги (<i>Coregonus sp.</i>)	17	3	221	34
Налим (<i>Lota lota</i>)	61	12	7	1
Щука (<i>Esox lucius</i>)	64	13	165	25
Язь (<i>Leuciscus idus</i>)	—	0	7	1
Рыба, ближе неопределимая	9	2	89	14
Всего	505	100	653	100

The species composition and the quantitative characteristics of fish bone remains from BN and NH hillforts

Fish species	Bukhta Nakhodka		Nadym hillfort	
	Specimen	%%	Specimen	%%
Sturgeon (<i>Acipenser baeri</i>)	300	59	58	9
Sterlet (<i>Acipenser ruthenus</i>)	5	1	—	0
Nelma (<i>Stenodus leucichthys nelma</i>)	49	10	106	16
Whitefish (<i>Coregonus sp.</i>)	17	3	221	34
Burbot (<i>Lota lota</i>)	61	12	7	1
Pike (<i>Esox lucius</i>)	64	13	165	25
Orfe (<i>Leuciscus idus</i>)	—	0	7	1
Indeterminate fish	9	2	89	14
Total	505	100	653	100

Литература / References:

1. Кардаш О.В., Лобанова Т.В. Опыт реконструкции хозяйства населения городища Бухта Находка XIV–XV вв. (по материалам археозоологических исследований) // Тр. II (XVIII) Всерос. археол. съезда. Т. 3. М., 2008. С. 360–362.
2. Визгалов Г.П., Кардаш О.В., Косинцев П.А., Лобанова Т.В. Историческая экология населения севера Западной Сибири. Екатеринбург, 2013.
3. Кардаш О.В. Отчет о выполнении работ по проведению противоаварийных раскопок разрушающегося памятника археологии «Бухта находка». Нефтеюганск, 2013.
4. Кардаш О.В. Отчет о НИР. Комплексные археологические исследования Надымского городка XV–XVI вв. Нефтеюганск, 2012.
5. Меньшиков М.И. Рыбы бассейна реки Оби. Пермь, 2011.
6. Кардаш О.В. Городок сихиртя в Бухте Находка (первые результаты исследования). Нефтеюганск, 2011.

УДК 903.5(571.15)

**П. К. ДАШКОВСКИЙ, М. М. СИЛАНТЬЕВА,
Н. Ю. СПЕРАНСКАЯ, Т. А. СИНИЦЫНА**Дашковский Петр Константинович — д. и. н., АлГУ
(Россия, Барнаул). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ruСилантьева Марина Михайловна — д. б. н., АлГУ (Россия,
Барнаул). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ruСперанская Наталья Юрьевна — к. б. н. АлГУ (Россия,
Барнаул). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ruСиницына Татьяна Александровна — к. б. н., АлГУ
(Россия, Барнаул). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru**РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА
СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЧИНЕТА-II (АЛТАЙ)¹***Ключевые слова:* скифская эпоха, палеокарпологический метод, *Bunias orientalis*

Резюме. В статье представлены результаты изучения палеокарпологического материала из кургана № 19 могильника Чинета-II (Алтай), датированного IV–III вв. до н. э. С помощью классических палеокарпологических методов удалось с большой долей вероятности идентифицировать плоды свербиги восточной (*Bunias orientalis* L.). Полученные результаты дополняют сведения об обширном использовании кочевыми народами растений в бытовой и ритуальной сферах в древности.

В процессе изучения объектов на могильнике Чинета-II (Северо-Западный Алтай) экспедиция Алтайского государственного университета под руководством П. К. Дашковского исследовала курган № 19, диаметр каменной насыпи которого достигал 7,5 м, а высота — 0,5 м. В могиле выявлена деревянная рама, обложенная камнями, а сверху перекрыта поперечными плитами. Внутри рамы обнаружен скелет человека, который был уложен в вытянутом положении на спине и головой на восток. Из сопроводительного инвентаря выявлены только развал керамического сосуда, а также ритуальная пища (кости барана) и скопление растительных остатков. Особенности погребального обряда, а также

¹ Исследование выполнено при поддержке РФФИ (проект № 11-04-01207 «История формирования культурной флоры Русского Алтая») и РГНФ (проект № 14-31-01201 «Погребально-поминальная обрядность кочевников Западного Алтая и Восточного Казахстана как источник для реконструкции этногенетических и социальных процессов в контексте культурно-исторической ситуации в саяно-алтайской горной провинции в Древности и раннем Средневековье»)

**P. K. DASHKOVSKY, M. M. SILANTJEVA,
N. YU. SPERANSKAYA, T. A. SINITSYNA**Dashkovsky Peter Konstantinovich — Doctor of History,
AISU (Russia, Barnaul). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ruSilantjeva Marina Mikhailovna — Doctor of Biology, AISU
(Russia, Barnaul). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ruSperanskaya Natalia Yurievna — PhD in Biology, AISU
(Russia, Barnaul). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ruSinitsyna Tatiana Alexandrovna — PhD in Biology, AISU
(Russia, Barnaul). E-mail: dashkovskiy@fpn.asu.ru**PLANT REMAINS FROM SCYTHIAN TIME BURIAL SITE
CHINETA-II (ALTAI)¹***Key words:* Scythian time, paleo-carpological method, *Bunias orientalis*

Summary. The article presents the results of the study of paleo-carpological materials from barrow № 19 of Chineta-II burial site (Altai) dated as the 4th–3rd centuries BC. The use of the classic paleo-carpological methods allowed identification with a high degree of probability the hill mustard (*Bunias orientalis* L.) fruits. The obtained results produced additional data about the active use by the nomadic population of plants both in everyday life and for ritual purposes in antiquity.

In the process of study of Chineta-II burial site interments (North-West Altai) an expedition of the Altai State University under the supervision of P. K. Dashkovsky studied barrow № 19 the rock mound diameter of which was 7.5 m and the height — 0.5 m. Inside the interment there was a wooden frame lined with stones and covered with the transverse blocks. Inside the frame there was a human skeleton lying straight on its back with the head pointing north. The identified grave goods included only the shreds of one ceramic vessel, as well as the ritual food (sheep bones) and a plant remains accumulation. The specifics of the funeral ritual, as well as the scarce grave goods represented by a ceramic vessel had analogies in the interments of the 4th–3rd centuries BC of the nomads of the submontane and mountain parts of the Altai [1–4],

¹ The study was performed with the support of the RFRF (project № 11-04-01207 “History of the cultivated flora formation of the Russian Altai) and RHRG (project № 14-31-01201 “Funeral and memorial rituals of the nomads of Western Altai and Eastern Kazakhstan as a source for the reconstruction of ethnogenic and social processes in the context of cultural and historical situation of the Sayan-Altai mountain province in antiquity and the early Middle Ages”) grants

немногочисленный сопроводительный инвентарь, представленный керамическим сосудом, имеют аналогии в погребальных памятниках IV–III вв. до н. э. кочевников предгорной и горной части Алтая [1–4], в т. ч. и в материалах могильника пазырыкской культуры Ханкаринский дол [5], расположенного в водной долине с некрополем Чинета-II. Указанное обстоятельство позволяет датировать исследованный курган № 19 могильника Чинета-II IV–III вв. до н. э.

Особого внимания заслуживает изучение плодов и семян растений, обнаруженных в погребении, что позволило провести палеокарпологические и молекулярно-генетические исследования. Первый этап изучения был направлен на определение таксономической принадлежности семян и плодов по морфологическим признакам. Лабораторная обработка проб проводилась по стандартным карпологическим методикам. Полученный из археологического материала набор карпоидов просматривался под бинокляром МБС-10 и был разобран для определения на семена, плоды и их створки. Выделенные плоды имеют треугольную форму (одно-двух-гнездные орешки), 6–7 мм в длину, 4–5 мм в ширину и 3–4 мм в высоту, оболочка светло-коричневого цвета с неровной бугристой поверхностью. Семена небольшие, округлые, правильной формы, 2,5–3 мм в диаметре, поверхность темно-коричневая с красным оттенком, матовая, мелковыямчатая.

Палеокарпологический материал был дополнительно отдан для проведения молекулярно-генетического анализа методом секвенирования. Изучались 2 пробы — под условным названием «свербига-рута» (значительная степень деформации семян вызвала сомнения в определении, проведенном по морфологическим признакам) и «просовидный комплекс» (разрушенные цветковые чешуи злаков, не подлежащие определению обычным путем).

Поиск гомологичных последовательностей осуществлялся с помощью программы Blast NCBI (National Center for Biotechnology Information), которая позволяет сравнить полученные нами фрагменты с уже имеющимися в мировой базе данных GenBank. Сходство составило 99,78 (ITS1) и 99,75 % (ITS1, 5,8S, ITS2). В результате со значительной степенью точности установлено, что исследуемый образец относится к виду *Bunias orientalis*. Полученные последовательности фрагментов ДНК отправлены в мировую базу данных GenBank через Европейский архив нуклеотидов (European Nucleotide Archive), где им присвоен номер HE863772.

Согласно имеющимся данным по разным народам, в пищу использовали молодые побеги и листья свербиги. Так, в странах Востока до сих пор едят

including in the materials of a Pazyryk culture burial site Khankarynsky Dol [5], located in the same valley as the Chineta-II burial site. This fact allowed dating the studied barrow № 19 of Chineta-II burial site as the 4th–3rd centuries BC.

Particular attention was paid to the study of fruit and seeds of plants found in the interment, which allowed performing paleo-carpological and molecular-genetic analysis. The first stage of the study was focused on the determination of the taxonomic group of the seeds and fruit by their morphological attributes. Laboratory analysis of the samples followed the standard carpological methods. The set of carpoids obtained from the archaeological material was studied under the binocular microscope МБС-10 and was decomposed for the analysis purposes into seeds, fruit and their valves. The identified fruit had triangular shape (mono-bi-locular nuts), 6–7 mm long, 4–5 mm wide, and 3–4 mm high, with light-brown, rough, chicken skin shell. The seeds were large, rounded, of regular shape, 2.5–3.0 mm in diameter, the surface — dark brown with reddish shade, matte, finely concave.

The paleo-carpological material was subjected to molecular-genetic analysis with the use of sequencing method. Two samples were studied — under the conventional name “hill mustard” (significant deformation of seeds caused doubts as to their attribution according to the morphological attributes) and “millet complex” (destroyed floral glume of the gramineous plants which could not be identified using the regular methods).

A search for the homologous sequences was performed with the use of Blast NCBI (National Center for Biotechnology Information) software, which allowed comparing the obtained fragments with the already existing in the global database GenBank. Coincidence index was 99.78 (ITS1) and 99.75 % (ITS1, 5.8S, ITS2). As a result it was established with a significant degree of certainty that the sample under study belonged to *Bunias orientalis* species. The obtained DNA fragments sequences were sent to the global database GenBank via the European Nucleotide Archive, where they were registered under reference number HE863772.

According to the available data for different peoples the fresh sprouts and leaves of hill mustard were used as food. Thus in the oriental countries even today hill mustard fresh sprouts are considered edible, provided the rough outer skin is removed. Young hill mustard taste resembles something between radish and cabbage stump. Hill mustard is also eaten fried — fresh sprouts tops together with leaves, or peeled sprouts are dipped in batter and fried like pancakes. The hill mustard roots are also considered edible. A dried root powder is used as a substitute for mustard [6].

молодые стебли свербиги, снимая шероховатую жесткую кожуру. Вкус у молодой свербиги средний между редиской и капустной кочерыжкой. Свербигу также жарят — верхушки стеблей вместе с листьями или очищенные стебли обмакивают в жидкое тесто и поджаривают как оладьи. Едят и корни свербиги. Порошок из высушенного корня применялся в качестве замены для горчицы [6].

Проведенное исследование позволяет вновь коснуться вопроса о роли растений в хозяйственной и ритуальной деятельности древних кочевников. Впервые данная проблема в отношении nomadов горных районов Алтая в скифскую эпоху была поставлена учеными в середине XX в. после исследования элитных курганов пазырыкской культуры. При этом С. В. Киселев [7, с. 201] и М. П. Грязнов [8, с. 52] полагали, что кочевники получали зерно в процессе обмена от оседлых земледельческих народов. С. И. Руденко, напротив, допускал мысль о том, что некоторые зерновые растения, в частности, просо, могло засеиваться в отдельных районах Центрального Алтая. Такое предположение было подтверждено находками семян проса в Первом Туэктинском кургане [9, с. 200–201]. Ученый отметил ритуальное использование конопли и кориандра, семена которых были обнаружены в курганах пазырыкской элиты [11; 12]. В последующем вопрос о возможности занятия земледелием кочевниками горных районов Алтая в раннем железном веке специально рассматривал П. И. Шульга. Исследователь справедливо заметил, что такой вид деятельности был возможен не на всей территории Горного Алтая, а в Центральном и еще в большей степени Северном и Северо-Западном Алтае [11, с. 57–59]. Новый импульс изучения данной проблематики был задан исследованиям курганов пазырыкской культуры на плоскогорье Укок и погребений элиты хунну в Монголии [12; 13].

Таким образом, палеокарпологическое и молекулярно-генетическое изучение комплекса плодов и семян из кургана № 19 могильника Чинета-II позволило достоверно определить только плоды, принадлежащие свербиге восточной (*Bunias orientalis* L.), которая могла использоваться населением предгорий Алтая в качестве ценной пищевой культуры. В захоронении свербига восточная выступала, вероятно, как ритуальная пища, необходимая для посмертного путешествия умершего в загробный мир.

Литература / References:

1. Кирюшин Ю. Ф., Степанова Н. Ф., Тишкин А. А. Скифская эпоха Горного Алтая. Барнаул, 2003. Ч. 2.
2. Кубарев В. Д. Курганы Уландрыка. Новосибирск, 1987.
3. Кубарев В. Д. Курганы Юстыда. Новосибирск, 1991.
4. Кубарев В. Д., Шульга П. И. Пазырыкская культура (курганы Чуи и Урсула). Барнаул, 2007.

The research once again prompted a discussion of the role of plants in the economic and ritual life of the ancient nomads. For the first time this problem with respect of the mountainous Altai districts nomads during the Scythian time was raised in the middle of the 20th century after the discovery of the elite barrows of the Pazyryk culture. At the same time S. V. Kiselev [7, p. 201] and M. P. Gryaznov [8, p. 52] believed that the nomads received grain in the process of exchange from the settled farming population. S. I. Rudenko, on the contrary admitted that certain cereal plants, in particular, millet could be grown in some districts of the Central Altai. This assumption was confirmed by the finds of millet seeds in the First Tuektin barrow [9, p. 200–201]. A researcher noted the ritual use of hemp and coriander, the seeds of which were found in the Pazyryk elite barrows [9; 10]. Later a question of the possible use of agriculture by the mountainous Altai districts nomads in the early Iron Age was studied in detail by P. I. Shulga, who rightly stated that this type of activity was possible not in the whole territory of the Altai Mountains, but only in the Central, and, to a larger extent, in the Northern and the North-Western Altai [11, p. 57–59]. A new impulse for the study of this problem was given by the study of the Pazyryk culture barrows in the Ukok uplands and the Hunnu elite interments in Mongolia [12; 13].

Thus the paleo-carpological and molecular-genetic analysis of the fruit and seeds complex from barrow № 19 of Chineta-II burial site produced unambiguous results only with regard to the hill mustard (*Bunias orientalis* L.) determination, which could have been used by the population of the Altai foothill areas as a valuable food crop. In the interment the hill mustard was, probably, used as a ritual food necessary for the postmortem journey of the deceased into the afterworld.

5. Дашковский П. К., Усова И. А. Погребение пазырыкской культуры на могильнике Ханкаринский дол (Северо-Западный Алтай) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2011. № 3 (47). С. 78–84.
6. Вульф Е. В., Малеева О. В. Мировые ресурсы полезных растений. Л., 1969.
7. Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири // МИА. М.; Л., 1949. № 9.
8. Грязнов М. П. Первый Пазырыкский курган. Л., 1950.
9. Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.; Л., 1960.
10. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. М.; Л., 1953.
11. Шульга П. И. Хозяйство племен Горного Алтая в раннем железном веке // Археологические, фольклорные источники по истории Алтая. Горно-Алтайск, 1994. С. 48–60.
12. Королюк Е. А., Полосьмак Н. В. Растительные остатки из захоронений в курганах № 20 и 31 могильника Ноин-Ула (Северная Монголия) // Археология, этнография и антропология Евразии. 2010. № 2 (42). С. 47–63.
13. Полосьмак Н. В. Всадники Укока. Новосибирск, 2001.

УДК 902.01(470.4)

**Д. Ю. ЕФРЕМОВА, Е. А. ПУЗАТКИНА,
В. В. ГРИШАКОВ, С. Я. АЛИБЕКОВ**

Ефремова Елена Юрьевна — к. и. н.,
Национальный музей Республики Марий Эл
(Россия, Йошкар-Ола). E-mail: diana-efremva@yandex.ru

Пузаткина Елена Александровна — к. б. н.,
МарГУ (Россия, Йошкар-Ола). E-mail: elenpuz@rambler.ru

Гришаков Валерий Васильевич — к. и. н., МорГПИ
(Россия, Саранск). E-mail: vvg815@yandex.ru

Алибеков Сергей Якубович — д. т. н., ПГТУ
(Россия, Йошкар-Ола). E-mail: mim@volgatech.net

**D. YU. EFREMOVA, E. A. PUZATKINA,
V. V. GRISHAKOV, S. YA. ALIBEKOV**

Efremova Elena Yurievna — PhD in History,
National Museum of the Republic of Mariy El
(Russia, Ioshkar Ola). E-mail: diana-efremva@yandex.ru

Puzatkina Elena Alexandrovna — PhD in Biology,
MarSU (Russia, Ioshkar Ola). E-mail: elenpuz@rambler.ru

Grishakov Valery Vasiljevich — PhD in History,
MorSPU (Russia, Ioshkar Ola). E-mail: vvg815@yandex.ru

Alibekov Sergey Yakubovich — Doctor of Engineering,
VSTU (Russia, Ioshkar Ola). E-mail: mim@volgatech.net

РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКИ ФИННОВ ПОВОЛЖЬЯ

Ключевые слова: культовая практика, естественнонаучные методы, литейные принадлежности, микроэлементный анализ, волжские финны

Резюме. Одним из маркирующих элементов культуры поволжских финнов являются захоронения женщин с литейными принадлежностями. Анализ погребального обряда захоронений показал, что они могли быть связаны с бытовой культовой практикой. Микроэлементный анализ показал, что кости скелетов имеют более низкую минерализацию и высокое содержание марганца. Химический анализ внутреннего содержания орудий литья показал отсутствие следов металла на литейных ходах форм.

Рассмотрение вопроса о проявлении культовой практики в средневековом обществе сталкивается с недостаточностью и неоднозначностью в трактовке имеющихся археологических материалов. Использование естественнонаучных методов позволяет

RESULTS OF SCIENTIFIC ANALYSIS METHODS APPLICATION IN THE STUDY OF THE RITUAL PRACTICES OF THE VOLGA FINNS

Key words: ritual practices, scientific analysis methods, casting tools, micro-element analysis, Volga Finns

Summary. One of the marker elements of the Volga Finns culture are the female interments with casting tools. Analysis of the funeral rituals of interments demonstrated that they could have been related to routine ritual practices. Micro-element analysis indicated that the skeletal bones had low mineralization and high manganese content. Chemical analysis of the casting tools content demonstrated absence of any traces of metal on the casting molds' runners.

The study of manifestations of the ritual practices in medieval society is hindered by insufficiency of the available archaeological materials and their controversial interpretations. The use of scientific examination methods complements the results of archaeological studies and allows to overcome certain subjectivity of interpretation.

дополнить результаты археологических исследований и устранить их некоторую субъективность.

Археологические исследования последних лет показывают, что одним из маркирующих элементов культуры поволжских финнов являются захоронения женщин с литейными принадлежностями (ляжками, литейными формами, кусочками металла). Сравнительно-сопоставительный анализ погребального обряда данных захоронений показал, что такие женщины имели особый статус не просто «литейщиц», но и хранительниц рода, выполняя определенные ритуальные функции, связанные с бытовой культурной практикой [1].

Микроэлементный анализ с использованием метода атомной абсорбции позволил подтвердить особые условия проживания таких женщин. Соотношение минерального статуса групп населения и интересующих нас погребальных комплексов в среде волжских финнов (Чулковский, Усть-Узинский, Русенихинский, «Черемисское кладбище») отражает общие тенденции жизнедеятельности для всех сообществ, но при этом погребения «литейщиц» обладают рядом особенностей: 1) кости скелетов имеют более низкую минерализацию, что может быть обусловлено длительными контактами с предметами, изготовленными из свинца, или с технологическим процессом, требующим его использования (свинец является антагонистом кальция); 2) высокое содержание марганца, как следствие прижизненных стрессов различного порядка.

Химический анализ внутреннего содержания орудий литья (ляжек) и литейных форм, обнаруженных в погребениях «литейщиц» (Степановский, Чулковский, Шокшинский могильники), при помощи рентгено-флуоресцентного энергодисперсного метода, показал отсутствие следов металла на литейных ходах форм, что доказывает их исключительно сакральный характер [2].

Литература / References:

1. Никитина Т. Б., Ефремова Д. Ю. Погребальный обряд комплексов с литейными принадлежностями из средневековых могильников IX–XII вв. Ветлужско-Вятского междуречья // Поволжская археология. 2012. № 2. С. 146–165.
2. Ефремова Д. Ю., Гришаков В. В., Пузаткина Е. А., Алибеков С. Я. Женские захоронения с литейными принадлежностями Чулковского могильника (по материалам фондов Мордовского республиканского краеведческого музея) // Краеведческие записки. 2012: материалы XIX Всерос. краевед. чтений. Саранск, 2013. С. 16–19.

Archaeological studies of recent years demonstrated that one of the marker elements of the Volga Finns culture were the female interments with casting tools (smelting ladles, casting molds, pieces of metal). A comparative analysis of the funeral ritual of these interments demonstrated that such women had a special status of not just ordinary “caster women”, but the clan’s protectresses who fulfilled certain ritual functions related to routine ritual practices [1].

Micro-element analysis with the use of atomic absorption method allowed to confirm the existence of special living conditions of these women. Correlation of the mineral status of reference groups of population and the given burial complexes of the Volga Finns (Chulkovsky, Ust-Uzinsky, Rusenikhinsky, “Cheremisskoje cemetery”) demonstrated the existence of general trends for all communities, however the “caster women” interments had certain specific features: 1) the skeletal bones had lower mineralization index, which could be a result of long-term contact with lead items, or with the technological process, requiring its use (lead is an antagonist of calcium); 2) high manganese content as a result of intravital stresses of various nature.

Chemical analysis of the casting tools content (smelting ladles) and casting molds found in the “caster women” interments (Stepanovsky, Chulkovsky, Shokshinsky burial sites) with the use of energy dispersive X-ray fluorescence spectroscopy demonstrated the absence of metal traces on the casting molds runners, which was an evidence of their exclusively sacral nature [2].

УДК 551.794:004.9

Е. А. КОШЕЛЕВА

Кошелева Елена Альбертовна — к.геогр.н., РГТУ
(Россия, Санкт-Петербург). E-mail: koshelevaelen@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ

Ключевые слова: ГИС, база данных, Фенноскандия, стоянки древнего человека, мезолит, голоцен

Резюме. Геоинформационные технологии в археологии занимают особое место, поскольку объединяют в одном комплексном исследовательском проекте разнообразную информацию. ГИС обеспечивает единое пространственное представление результатов мультидисциплинарного исследования, что значительно облегчает не только анализ полученных археологических материалов, но и реконструкцию условий природной среды.

В настоящее время существует несколько сформировавшихся направлений использования геоинформационных технологий (ГИС) в археологии. С. Сэвейдж выделил три таких направления:

- 1) охрана археологического наследия (Cultural Resource Management) и предиктивное моделирование (predictive modeling);
- 2) моделирование исторической ситуации на основе археологических источников;
- 3) мультидисциплинарные исследования в рамках ландшафтной археологии (Landscape Archaeology) [1].

ГИС в ландшафтной археологии занимает особое место, поскольку объединяет в одном комплексном исследовательском проекте разнообразную информацию: данные палеопочвоведения, палеоклиматологии, палеорастительности, данные различных методов датирования и прочие данные. ГИС обеспечивает единое пространственное представление результатов мультидисциплинарного исследования, что значительно облегчает не только анализ полученных археологических материалов, но и реконструкцию условий природной среды.

Применение ретроспективного ландшафтного анализа на основании палеогеографических данных позволяет не только выявить в современной структуре ландшафта признаки иной фациальной принадлежности в прежние эпохи, но и смоделировать возможную принадлежность этой территории на определенном временном этапе. Реконструкция отдельных компонентов ландшафта, таких как климатические показатели, типы растительности

E. A. KOSHELEVA

Kosheleva Elena Albertovna — PhD in geography, RSPU
(St.Petersburg, Russia). E-mail: koshelevaelen@yandex.ru

POTENTIAL OF USING GEOINFORMATION TECHNOLOGIES FOR THE ANALYSIS OF PALEO-GEOGRAPHICAL AND ARCHAEOLOGICAL DATA

Key words: GIS, database, Fennoscandia, ancient man occupation sites, the Mesolithic, the Holocene

Summary. Geoinformation technologies have a special place in archeology, since they allow combination in one integrated research project of diverse information databases. GIS provide a common spatial representation of multidisciplinary projects results, which makes significantly easier both the analysis of the obtained archaeological materials and the reconstruction of the climatic and natural conditions.

Currently there exist several established spheres of application of geoinformation technologies (GIS) in archeology. S. Savage has identified three such areas:

- 1) cultural Resource Management and predictive modeling;
- 2) modeling of historical situations on the basis of archaeological sources;
- 3) multidisciplinary Landscape Archeology research [1].

GIS have a special place in landscape archeology, since they combine in one integrated research project a lot of diverse information: the data of paleo-pedology, paleo-climatology, paleo-vegetation, various dating methods, and other data. GIS provide a common spatial representation of multidisciplinary projects results, which makes significantly easier both the analysis of the obtained archaeological materials and the reconstruction of the climatic and natural conditions.

Application of retrospective landscape analysis based on paleo-geographic data allows in addition to the identification in the modern landscape structure of signs of another facial attribution during the previous periods, also modeling of the possible attribution of a given territory on a certain timeline segment. Reconstruction of individual landscape components, such as climate indexes, types of vegetation and soil cover, changes in the functioning of waterlogged areas allows performing an integrated landscape reconstruction, and hence reconstruction of the life environment of the ancient people.

In 2009 we started work on GIS "LGT-HOLOCENE FENNOSCANDIA" [2]. The following methods and approached were employed in this work:

и почвенного покрова, изменения функционирования болотных систем позволяет произвести реконструкцию ландшафта в целом, а значит, реконструировать условия существования древнего человека.

В 2009 г. нами была начата разработка ГИС «LGT-HOLOCENE FENNOSCANDIA» («Позднеледниковье — Голоцен Фенноскандии») [2]. Для ее создания были использованы следующие методы и подходы:

В качестве основы ГИС выбраны современные стандартные ГИС-оболочки (ArcGis, MapInfo) с адаптацией их к рассматриваемой территории;

1) в качестве картографической основы ГИС выбран, оцифрован и адаптирован набор разномасштабных физико-географических карт рассматриваемой территории;

2) в качестве основы базы данных использованы имеющиеся данные по болотным и озерным отложениям, стоянкам древнего человека как российских, так и зарубежных авторов. Они будут расширены и уточнены за счет новых и/или ранее недоступных литературных источников, а также во время полевых исследований;

3) в качестве дополнительных источников данных предполагается привлечь неопубликованные отчеты;

4) на основе материалов созданы базы ссылок на Internet-публикации и литературные источники в формате PDF и DJFI.

Собранный фактический материал позволяет реконструировать условия природной среды и при необходимости интерполировать его на группу стоянок древнего человека, расположенных в схожих местоположениях.

Растительность весьма быстро реагирует на всякие изменения климатических условий, а, следовательно, изменяется и количество пыльцы, продуцируемой этой растительностью. Спорово-пыльцевой анализ за счет хорошей сохранности спор и пыльцы растений дает представление о целом растительном комплексе, господствовавшем в прошлом в данной местности.

Для любого рода или вида, входящего в изучаемое растительное сообщество, можно вычислить вероятность его существования для любой конкретной температуры и для любого количества осадков. При помощи различных математических методов можно рассчитать наиболее вероятную температуру января и июля, при которой будет благоприятно существовать все растительное сообщество.

Применение методов ГИС-моделирования позволяет создать климатическую карту территории исследования на конкретный временной срез. Например, инициальное заселение территории Фенноскандии приходится на ранний голоцен. Первым этапом

Modern standard GIS-shells (ArcGis, MapInfo) adapted to the given territory have been used as the basis of GIS:

1) a set of different scale physical and geographic maps of the project territory was selected, digitized and adapted as the imaging basis of GIS;

2) the existing databases on swamps and lake deposits, ancient man occupation sites compiled by both Russian and foreign authors were used as the main source of data. These databases will be expanded and updated with the new and/or formerly inaccessible written sources, as well as using the data obtained during the field studies.

3) it is planned to use some unpublished reports as an additional source of data;

4) based on the materials a referencing database of Internet-publications and academic literature in PDF and DJFI formats was set up.

The accumulated factual material allows reconstruction of the natural environment conditions, and, where necessary, its interpolation onto a group of ancient man occupation sites located in similar areas.

Plants quickly respond to any climate change and, hence, there are the corresponding changes in the amount of pollen produced by such vegetation. The spore-pollen analysis, owing to good preservation of the plants spores and pollen gives an idea of the whole plants complex which dominated in a given territory in the past.

For any species or class within the studied plants group it is possible to calculate the probability of its existence under any given temperature or amount of precipitation conditions. With the help of various mathematical methods it is possible to calculate the most probable January and July temperatures constituting the most favorable conditions for the existence of a given phytocenosis.

The use of GIS-modeling methods allows creating a climatic map of the territory for a specific time period. For instance, the initial colonization of the territory of Fennoscandia occurred in the early Holocene. The first colonization period was the late boreal period (PB2: 9,300–10,000 ¹⁴C y. a.). For this time period a reconstruction of the paleo-climatic conditions was performed: January–July temperatures and the amount of precipitation.

заселения стал позднепребореальный период (PB2: 9300–10000 ¹⁴С л. н.). Для этого временного промежутка была произведена реконструкция палеоклиматических показателей: температуры января и июля, количество осадков.

Литература / References:

1. Savage S. H. GIS in archaeological research // *Interpreting Space: GIS and archaeology*. L., N. Y.; Philadelphia, 1990. P. 22–32.
2. Кошелева Е. А., Кошелев С. А. Географическая информационная система «LGT – HOLOCENE FENNOSCANDIA» // *Современные проблемы и пути их решения в науке, транспорте, производстве и образовании. Материалы междунар. науч.-практ. конф.* Т. 4, Вып. 4. Одесса, 2011. С. 32–35.

УДК 902.652«632»

Я. В. КУЗЬМИН

Кузьмин Ярослав Всеволодович — д. г. н.,
ИГМ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ
АРКТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА

Ключевые слова: первоначальное заселение, Евразия, Арктика, палеолит, радиоуглеродное датирование, древняя ДНК

Резюме. Сегодня (конец 2014 г.) в евразийской Арктике известно несколько палеолитических памятников: Янская стоянка (28 500 л. н.), Бызовая (28 600 л. н.), Мамонтовая Курья (в интервале 37 400–31 900 л. н.). Находка кости человека (*Homo sapiens sapiens*) близ пос. Усть-Ишим (Западная Сибирь, 58° с. ш.) (41 400 л. н.) позволяет утверждать, что человек заселил субарктическую Сибирь не позднее этого времени.

До начала 2000-х гг. данные о первоначальном заселении евразийской Арктики были весьма скудными; возраст единственного палеолитического памятника Берелех (71° с. ш.) принимался как 13 400–12 900 радиоуглеродных лет назад (далее — л. н.) [1]. Открытие и всестороннее исследование Янской стоянки в Северо-Восточной Сибири, датированной около 28 500–27 000 л. н. [2], послужило импульсом к пересмотру концепции сравнительно позднего заселения Арктики. Стало очевидным, что уже около 28 500 л. н. древние люди, владевшие к тому времени технологией производства меховой одежды с помощью костяных игл [3, p. 206–207; 4], были способны обитать в условиях экстремального холода, но при обилии пищевых ресурсов (прежде всего, копытных животных крупных и средних размеров). В это же время были опубликованы первые данные о стоянке

YA. V. KUZMIN

Kuzmin Yaroslav Vsevolodovich — Doctor of Geology,
IG&M SB RAS (Russia, Novosibirsk).
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.org

INITIAL COLONIZATION OF EURASIAN ARCTIC:
CURRENT STATE OF THE PROBLEM

Key words: initial colonization, Eurasia, Arctic, Paleolithic, radiocarbon dating, ancient DNA

Summary. Today (the end of 2014) several Paleolithic sites have been discovered in the Eurasian Arctic: the Yana occupation site (28,500 y. a.), Byzovaya, (28,600 y. a.), Mammontovaya Kurjya (within the interval of 37,400–31,900 y. a.). The finds of human bones (*Homo sapiens sapiens*) near Ust Ishim village (West Siberia, 58° n. lat.) (41,400 y. a.), gave reasons for the assumption that the humans colonized the sub-Arctic Siberia at least not later than this period.

Until the 2000-s the data on the initial colonization of the Eurasian Arctic were rather scarce; the age of the only Paleolithic site Berelekh (71° n. lat.) was believed to be 13,400–12,900 radiocarbon years ago (hereinafter — y. a.) [1]. A discovery and a comprehensive study of Yana occupation site in the North-East of Siberia dated as the period around 28,500–27,000 y. a. [2], gave an impetus for a review of the concept of a relatively late colonization of the Arctic. It became obvious that already around 28,500 y. a. the ancient people, who by that time already mastered the technique of making fur clothes with the use of bone needles [3, p. 206–207; 4], could live under the extreme cold conditions given the abundance of food resources, (first of all the large and medium size ungulates). At the same time the first data about Mammontovaya Kurjya site in the Pechora basin were published (66°30' n. lat.), with radiocarbon dates

Мамонтовая Курья в бассейне р. Печоры (66°30' с.ш.), с радиоуглеродными датами по костям мамонта от 37 400 л. н. до 31 900 л. н. из аллювия с артефактами [5–6]. Работы на стоянке Бызовая в бассейне р. Печоры (65° с.ш.) в 2000-х гг. позволили сделать вывод о том, что древний человек обитал здесь около 28 600 л. н. [7–8], хотя существуют сомнения о присутствии здесь неандертальцев [9–10].

В 2008 г. на Западно-Сибирской равнине, на бечевнике р. Иртыш близ п. Усть-Ишим (58° с.ш.) была найдена бедренная кость человека, возраст которой оказался равен около 41 400 л. н.; анализ ДНК показал, что она принадлежит человеку современного типа (*Homo sapiens sapiens*) [11]. Важность этой находки состоит в том, что впервые надежно установлен факт обитания человека в середине позднего плейстоцена в субарктической зоне Сибири. Данные о структуре ДНК позволяют сделать вывод о том, что усть-ишимский человек принадлежал к пионерной популяции, проникшей в северную Азию вскоре после начала широкомасштабного расселения современных людей из Африки и Леванта — по всей вероятности, сразу после 60 000 л. н. [11].

Таким образом, в последние годы установлено, что продвижение палеолитического населения на север Евразии имело место гораздо раньше, чем это считалось ранее [1; 12]. Также стало ясно, что миграция современного человека в Сибирь имела место очень рано — возможно, еще до того, как он попал в Европу [11]. Это позволяет сделать предварительный вывод о том, что первичное проникновение палеолитических охотников в арктические и субарктические регионы Евразии произошло уже в самом начале позднего палеолита [11]. Таким образом, модель первоначального расселения современного человека из Леванта через Аравию вдоль побережья Индийского океана в сторону Юго-Восточной Азии и Австралии ранее, чем 65 000 лет назад [13], является односторонней и требует пересмотра.

Литература / References:

1. Мочанов Ю. А. Древнейшие этапы заселения человеком Северо-Восточной Азии. Новосибирск, 1977.
2. Питулько В. В., Павлова Е. Ю. Геоархеология и радиоуглеродная хронология каменного века Северо-Восточной Азии. СПб., 2010.
3. Kuzmin Y. V. Siberia at the Last Glacial Maximum: environment and archaeology // *Journal of Archaeological Research*. 2008. Vol. 16, № 2. P. 163–221.
4. The oldest art of the Eurasian Arctic: personal ornaments and symbolic objects from Yana RHS, Arctic Siberia/V. V. Pitulko [et al.] // *Antiquity*. 2012. Vol. 86, № 333. P. 642–659.
5. Pavlov P., Svendsen J. I., Indrelid S. Human presence in the European Arctic nearly 40,000 years ago // *Nature*. 2001. Vol. 413, № 6851. P. 64–67.
6. Svendsen J. I., Pavlov P. Mamontovaya Kurya: an enigmatic, nearly 40 000 years old Paleolithic site in the Russian Arctic // *Trabalhos de Arqueologia*. 2003. Vol. 33. P. 109–120.
7. Heggen H. P., Svendsen J. I., Mangerud J. River sections at the Byzovaya Palaeolithic site — keyholes into the Late Quaternary of northern European Russia // *Boreas*. 2010. Vol. 39, № 1. P. 116–130.

by mammoth bones within the interval of 37,400 y. a. — 31,900 y. a. from the artifacts containing alluvium [5–6]. The excavations on Byzovaya site in the Pechora basin (65° n. lat.) in the 2000-s made possible to conclude that the ancient people lived there about 28,600 y. a. [7–8], though there were some doubts as to the presence in this site of the Neanderthals [9–10].

In 2008 in the West Siberian plain in the Irtysh river-side area near Ust-Ishim village (58° n. lat.) a human thighbone was found the age of which turned out to be approximately 41,400 y. a.; the DNA analysis demonstrated that it belonged to a Modern Human (*Homo sapiens sapiens*) [11]. The importance of this find was the fact that for the first time the presence of humans in the sub-Arctic zone of Siberia in the middle of the late Pleistocene was positively confirmed. The DNA structure data allowed making a conclusion that the Ust-Ishim man belonged to the pioneer population which reached northern Asia soon after the beginning of large scale migrations of the Modern Humans from Africa and Levant, most likely, immediately after 60,000 y. a. [11].

Thus it was recently established that the movement of the Paleolithic population to the north of Eurasia occurred much earlier than it was formerly believed [1; 12]. It also became clear that migration of the Modern Humans to Siberia occurred quite early — possibly, even before they reached Europe [11]. This allows making a tentative conclusion that the initial penetration of the Paleolithic hunters to the Arctic and sub-Arctic regions of Eurasia took place already in the very beginning of the late Paleolithic [11]. In this way the model of the initial out-migrations of the Modern Humans from Levant via Arabia along the Indian ocean coast towards the south-east Asia and Australia before 65,000 years ago [13], was incomplete and requires revision.

8. Late Mousterian persistence near the Arctic Circle/L. Slimak [et al.] // Science. 2011. Vol. 332, № 6031. P. 841–845.
9. Comment on “Late Mousterian persistence near the Arctic Circle”/N. Zwyns [et al.] // Science. 2012. Vol. 335, № 6065. P. 167.
10. Response to “Comment on Late Mousterian persistence near the Arctic Circle”/L. Slimak [et al.] // Science. 2012. Vol. 335, № 6065. P. 167.
11. The genome sequence of a 45,000-year-old modern human from western Siberia/Q. Fu [et al.] // Nature. 2014. Vol. 514, № 7523. P. 445–450.
12. Абрамова З. А. Палеолит Северной Азии // Палеолит Кавказа и Северной Азии. Л., 1989. С. 145–243.
13. Mellars P. Going east: new genetic and archaeological perspectives on the modern human colonization of Eurasia // Science. 2006. Vol. 313, № 5788. P. 796–800.

УДК 902.6:902(470.53)

**Е. Л. ЛЫЧАГИНА, Н. Е. ЗАРЕЦКАЯ, А. В. ЧЕРНОВ,
Е. Г. ЛАПТЕВА, С. С. ТРОФИМОВА**

Лычагина Евгения Леонидовна — к. и. н., ПГГПУ
(Россия, Пермь). E-mail: LychaginaE@mail.ru

Зарецкая Наталия Евгеньевна — к. геол. - мин. н.,
ГИН РАН (Россия, Москва). E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

Чернов Алексей Владимирович. — д. геогр. н., МГУ
(Россия, Москва). E-mail: alexey.chemov@inbox.ru

Лаптева Елена Георгиевна — к. геогр. н., ИРЭЖ УрО РАН
(Россия, Екатеринбург). E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Трофимова Светлана Станиславовна — ИРЭЖ
УрО РАН (Россия, Екатеринбург).
E-mail: Svetlana.Trofimova@ipae.uran.ru

**E. L. LYCHAGINA, N. E. ZARETSKAYA,
A. V. CHERNOV, E. G. LAPTEVA, S. S. TROFIKOVA**

Lychagina Ludmila Leonidovna — PhD in History,
PSHPU (Russia, Perm). E-mail: LychaginaE@mail.ru

Zaretskaya Natalia Evgenjevna — PhD in Geology,
GIN RAS (Russia, Moscow). E-mail: n_zaretskaya@inbox.ru

Chernov Alexey Vladimirovich — Doctor of Geography, MSU
(Russia, Moscow). E-mail: alexey.chemov@inbox.ru

Lapteva Elena Georgievna — PhD in Geography, IP&AE UB
RAS (Russia, Ekaterinburg). E-mail: lapteva@ipae.uran.ru

Trofimova Svetlana Stanislavovna — IP&AE
UB RAS (Russia, Ekaterinburg).
E-mail: Svetlana.Trofimova@ipae.uran.ru

**МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ
ВНУТРИДОЛИННЫХ ГОЛОЦЕНОВЫХ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ
ПАМЯТНИКОВ ЧАШКИНСКОГО ОЗЕРА, ВЕРХНЯЯ КАМА)**

Ключевые слова: Прикамье, палеоэкологические исследования, каменный век, средневековье

Резюме. Подводятся итоги первого этапа междисциплинарных исследований в Чашкинском микро-регионе. Делаются выводы о связи процесса освоения региона человеком с изменением палеоэкологических условий. Выделяются основные хронологические этапы этого процесса.

Чашкинское озеро расположено между городами Березники и Соликамск на севере Пермского края. Территория озера является объектом археологических исследований уже более 60 лет [1, с. 34–72]. На сегодняшний день в данном районе известно более 20 археологических памятников, относящихся практически ко всем археологическим эпохам от мезолита до средневековья [2, с. 23–26]. С 2012 г. для реконструкции природных условий, существовавших в этом районе в различные хронологические

**INTERDISCIPLINARY STUDIES OF
INTRAVALLEY HOLOCENE ARCHAEOLOGICAL
SITES (CHASHKINSKOJE LAKE,
UPPER KAMA CASE STUDY)**

Key words: Kama region, paleo-ecological studies, Stone Age, Middle Ages

Summary. The publication is a summary of the first stage of interdisciplinary studies in the Chashkinsky district. A conclusion is drawn on the relationship between human colonization of the region and the changes in the paleo-climatic conditions. Main chronological stages of this process have been identified.

Chashkinskoje lake is located between the cities of Berzniki and Solikamsk in the north of the Perm region. The territory of the lake has been the subject of archaeological studies for over 60 years [1, p. 34–72]. At present over 20 archaeological sites of practically all archaeological periods from the Mesolithic to the Middle Ages have been discovered in the region [2, c. 23–26]. Beginning from 2012 comprehensive paleo-ecological studies including paleochannel, palynological, carpological, paleo-entomological and radiocarbon analyses

периоды, проводятся комплексные палеоэкологические исследования, включающие в себя палеорусловый, палинологический, карпологический, палеоэнтомологический и радиоуглеродный анализы.

Чашкинское озеро имеет речное происхождение и представляет собой систему старичных озер и проток, сохранившихся от древних положений русла Камы в тыловой части обширного левобережного пойменного массива. В рельефе этого массива можно прочесть оставшуюся и большую часть следов блуждания русла Камы по дну своей долины.

Рисунок элементов первичного пойменного рельефа на Чашкинском массиве показывает, что он состоит из многих участков, создававшихся Камой в разное время и в разных физико-географических условиях. Причем положение русла Камы на разных этапах своего развития не совпадало с его современной конфигурацией. Таким образом, мы можем предположить, что древние поселения, ныне находящиеся на значительном удалении от реки, могли в то время располагаться вблизи русла Камы [3].

Руководствуясь этими принципами, нам удалось выделить на Чашкинском пойменном массиве и прилегающих к нему участках поймы 7 разновозрастных генераций.

С целью выявления времени формирования наиболее древних пойменных генераций, а также реконструкции природных условий в этот период нами было проведено бурение поверхностей 4-й, 5-й и 6-й пойменных генераций, отобран материал для радиоуглеродного датирования и палеоэкологических исследований. В настоящее время получены результаты комплексного анализа ядра Дедюхинский остров – 4 (ДЕД 4), который связан с формированием 5-й пойменной генерации.

Радиоуглеродный анализ показал, что процесс формирования 5-й пойменной генерации относится к концу атлантического периода. Водность Камы в этот период, по всей видимости, увеличилась. Крутые излучины были спрямлены, и русло стало переваливать к левому берегу значительно выше, в самом начале Чашкинского пойменного массива, образуя серию из трех излучин. Конечное положение русла на этом этапе сохранилось ныне в виде верхней части Чашкинского озера.

Сопряженный анализ отложений скважины ДЕД 4 палеоботаническими и палеоэнтомологическими методами показал, что в районе исследований на протяжении длительного периода существовал лесной тип растительности. В конце неолита – начале энеолита на данной территории были распространены еловые и сосновые леса, местами с примесью березы. Во время среднесуббореального потепления на изученной

have been performed with the purpose of reconstruction of the natural conditions existing in the area during various chronological periods.

Chashkinskoje lake is of a river origin and is a system of oxbow lakes and channels formed by the old positions of the Kama channel in the rear part of a huge left bank floodland area. In the relief of this territory it is possible to read the remaining and larger part of the Kama channel wandering across its valley bottom.

A picture of the primary floodland relief elements in the Chashkinsky area demonstrates that it consisted of numerous sections created by the Kama during different periods and under different physical and geographic conditions. Moreover, the Kama channel position at different stages of its evolution did not coincide with its present day configuration. Thus we may assume that ancient settlements, which are today located at a significant distance from the river, could at that time be located near the Kama channel [3].

Following these principles we were able to identify in the Chashkinsky floodland area and the adjacent floodland sections 7 asynchronous generations.

For the purposes of determining the time of the formation of the most ancient floodland generations, as well as the reconstruction of the natural and climatic conditions during that period we performed core drilling in the 4th, 5th, and 6th floodland generations and took core samples for radiocarbon dating and paleo-ecological studies. At present the results of a comprehensive Dedyukhinsky Ostrov core analysis – 4 (DED 4) related to the formation of the 5th floodland generation have been obtained.

Radiocarbon analysis demonstrated that the process of formation of the 5th floodland generation took place in the end of the Atlantic period. The Kama hydraulicity during that period apparently increased. The sharp bends were straightened and the channel began to shift significantly higher towards the left bank at the very beginning of the Chashkinsky area forming a series of three bends. The final position of the channel at this stage may be observed today in the form of the upper part of Chashkinskoje lake.

The cross-spectrum analysis of sediments from DED 4 core using paleo-botanic and paleo-entomological methods demonstrated that in the area under study for a long period of time the prevailing type of vegetation was the forest type. In the end of the Neolithic – beginning of the Eneolithic this territory was covered with spruce and pine forests mixed in some areas with occasional birch trees. During the middle subboreal warming the distribution of the broad-leaved species reached its maximum in the studied territory, however they did not play a significant role in the forest crop

территории достигли своего максимального развития широколиственные породы, но значительной роли в составе древостоя они не играли. В субатлантическом периоде увеличивается роль пихты в составе древостоя и с этого времени начинают формироваться южно-таежные пихтово-еловые леса с участием липы и сосны современного типа.

Спорово-пыльцевые спектры из отложений разрезов археологических памятников в районе Чашкинского озера позволили охарактеризовать изменения в растительных сообществах, произошедшие в периоды функционирования стоянок неолитической и энеолитической эпох Чашкинского озера II и Чашкинского озера IV [4]. Полученные пыльцевые спектры по содержанию пыльцы неморальных и таежных древесных пород существенно отличаются от субрецентных СПС. Это может свидетельствовать как о локальных трансформациях растительных сообществ под влиянием активной деятельности человека в окрестности Чашкинского озера в периоды функционирования стоянок, так и о проявлении зональных черт растительных сообществ в районе исследования.

В результате проведения радиоуглеродного анализа органических образцов с археологических памятников и из разрезов пойменных отложений, была получена 31 радиоуглеродная дата. Самой ранней является дата, полученная по углю с Запосельского поселения. Она свидетельствует о том, что уже во второй половине VII тыс. до н. э. восточный берег современного Чашкинского озера был освоен человеком. Самые поздние даты получены для средневековых памятников и относят время их существования к VIII–XII вв. н. э.

Последующие палеоэкологические исследования разрезов в окрестностях Чашкинского озера позволяют получить эталонную детальную пыльцевую летопись для района исследования, реконструировать естественную динамику растительных сообществ и при сравнении спектров из «культурных слоев» изученных археологических памятников охарактеризовать антропогенные изменения в растительных сообществах в период существования древних поселений на берегу Чашкинского озера. Продолжение междисциплинарных исследований на Чашкинском озере (в частности, бурение поверхностей 3-й и 7-й пойменных генераций) позволит нам продатировать все пойменные генерации, и соотнести их как с данными палеоботаники и палеоэнтомологии, так и с разновременными археологическими памятниками, расположенными в этом районе.

Литература / References:

1. Денисов В. П. Хуторская неолитическая стоянка // Уч. зап. Т. XII. Вып. I. Труды КАЭ. Вып. III. Пермь. 1960. С. 34–72.

composition. During the sub-Atlantic period the role of Silver fir in the forest crop composition increased significantly, and from that time the southern taiga Silver fir-spruce forests with the addition of linden and modern type pine began to form.

The spore-pollen spectra from the excavated sections of archaeological sites sediments in the Chashkinskoje lake region allowed characterization of the changes in plant communities occurring at the time of functioning of the Neolithic and the Eneolithic occupation sites Chashkinskoje lake-II and Chashkinskoje lake-IV [4]. The pollen spectra in terms of the Nemoral and the taiga tree species pollen content were significantly different from the subrecent SPS. This may be an evidence of both the local transformations of plant communities under the effect of intensive human activities in the area of Chashkinskoje lake during the occupation sites functioning, and of the manifestation of zonal features of plant communities in the area under study.

As a result of the radiocarbon analysis of organogenic samples from the archaeological sites and the floodland sediments sections 31 radiocarbon date was obtained. The earliest date was obtained for coal from Zaposelsky settlement. It demonstrated that already in the second half of the 7th millennium BC there were human settlements on the eastern coast of the modern Chashkinskoje lake. The latest dates were received for the medieval sites and fixed the time of their existence as the 8th–12th centuries AD.

Further paleo-ecological studies of the sediments sections in the vicinity of Chashkinskoje lake will provide data for the detailed pollen chronicle for the area under study, and allow reconstruction of the natural dynamics of plant communities and, when compared with spectra from the “cultural levels” of the studied archaeological sites, characterization of anthropogenic changes in plant communities during the period of existence of ancient settlements of the shores of Chashkinskoje lake. The continuation of interdisciplinary studies on Chashkinskoje lake (specifically coring in the surfaces of the 3rd and the 7th floodland generations) will make possible the dating of all floodland generations and their correlation both with the data of paleo-botanics and paleo-entomology, and the asynchronous archaeological sites located in that area.

2. Памятники археологии и архитектуры Березниковско-Усольского района. Усолье, 1994.
3. Реконструкция природных условий в районе Чашкинского озера в эпоху неолита/Е.Л. Лычагина, Н.Е. Зарецкая, А.В. Чернов, Е.Г. Лаптева // Природная Среда и модели адаптации озерных поселений в мезолите и неолите лесной зоны Восточной Европы. СПб., 2014. С. 15–19.
4. Interdisciplinary studies of the Cis-Ural Neolithic (Upper Kama basin, Lake Chashkinskoe) palaeoecological aspects/Lychagina E. [et al.] // Documenta Praehistorica. 2013. Vol. XL. P. 209–218.

УДК 903*636/638»

Л. Н. МЫЛЬНИКОВА

Мыльникова Людмила Николаевна — д. и. н.,
 ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск).
 E-mail: L. Mylnikova@yandex.ru

ПРИВОЗНАЯ КЕРАМИКА НА ПАМЯТНИКАХ
 ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ
 К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ (ПОСЕЛЕНИЕ
 ЛИНЕВО-1)¹

Ключевые слова: переходное время от эпохи бронзы к раннему железному веку, привозная керамика, методы естественных наук

Резюме. Представлены результаты комплексного исследования привозной керамики на памятнике переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку поселение Линево-1. Объективность результатов достигается использованием методов естественных наук.

Выделение на поселенческих памятниках привозной (изготовленной из сырья не местного происхождения и на основе не традиционных для данного населения технологии) керамики требует комплексного подхода, включающего исследование морфологии, технологии изготовления и орнаментации. Подобная работа проведена на керамических комплексах памятника переходного времени от эпохи бронзы к раннему железному веку поселения Линево-1 (Новосибирская обл.).

Выделена группа керамики, достаточно четко отличающаяся от основной массы. Сосуды имеют морфологическое своеобразие. Отличен по концентрации, размерам и качеству породных обломков рецепт формовочных масс, подтвержденный петрографическим методом и РФА: Глина + Породные Обломки, где породные обломки являются

¹ Работа выполнена в рамках гранта РФФИ ОФИ-Мегат № 13-06-12022 «Традиции и инновации культур неолита-раннего железного века Обь-Иртышского междуречья в контексте использования методов естественных наук»

L. N. MYLNIKOVA

Mylnikova Ludmila Nikolajevna — Doctor of History,
 IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk).
 E-mail: L. Mylnikova@yandex.ru

IMPORTED CERAMICS ON TRANSITION FROM THE
 BRONZE TO THE EARLY IRON AGE PERIOD SITES
 (LINEVO-1 SETTLEMENT)¹

Key words: transition from the Bronze to the early Iron Age period, imported ceramics, science research methods

Summary. The paper presents the results of a comprehensive study of imported ceramics on a transition from the Bronze to the early Iron Age period site Linevo-1 settlement. The use of scientific research methods allowed obtaining the objective unbiased results.

The identification on the settlement sites of imported (made from non-local raw materials and based on techniques not traditional for the local population) ceramics requires using a comprehensive approach including the study of morphology, manufacturing technique and ornamentation. This type of work was performed on ceramic complexes of the transition from the Bronze to the early Iron Age period site Linevo-1 settlement (Novosibirsk region)

A group of pottery was identified which was quite obviously different from the main pool of items. The vessels had unique morphological features. The molding mixture composition was different in terms of concentration and quality of rock fragments, which was confirmed by the petrographic analysis and XRF: Clay + Rock Fragments, where rock fragments were products of disintegration of biotite-amphibolic granite which was not characteristic for the region.

¹ The study was performed as part of the project “Traditions and innovations of the Neolithic early Iron Age cultures of the Ob-Irtysh interfluvium within the context of the application of science research methods” funded by RFRF grant № 13-06-12022

продуктами дезинтеграции биотит-амфиболовых гранитов, не характерных для региона.

Специфичен орнамент изделий: горизонтальные, наклонные и меандрообразные линии, выполненные прочерчиванием и отступанием лопаточкой с треугольным по форме рабочим краем (зубы бобра?). Бордюрный способ нанесения орнамента сочетается с сетчатым на одном сосуде. Зачастую под декором читается слой технического орнамента в виде сгруппированных следов расчесов зубчатым инструментом. На одном фрагменте сосуда орнамент в виде наклонных длинных линий присутствует на внутренней стороне горловины. Есть сосуд с двумя рядами наклепных валиков, рассеченных оттисками лопатки (как и по срезу венчика), расположенных на горловине. Подобные изделия зафиксированы также на поселении Березовый Остров (НСО).

Планиграфическое распределение этой керамики по площади памятника показывает ее залегание в тех же слоях и комплексах, что и позднеирменской, что позволяет говорить об одновременном сосуществовании их носителей. На сегодняшний день данная группа атрибутирована как самоделкинский тип, имеющий происхождение из южно-таежного Приобья [1; 2], носители которого доходили до лесостепной зоны Западной Сибири.

Литература / References:

1. Мандрыка П. В. Самоделкинский тип керамики финального периода бронзового века на берегах Енисея // Археология, этнография и антропология Евразии. Новосибирск, 2008. № 1 (33). С. 79–84.
2. Молодин В. И., Мильникова Л. Н. Керамика поселения Линево-1 переходного времени от бронзового к железному веку предгорной зоны южной Сибири // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2005. Т. XI. Ч. 1. С. 400–405.

The ornamentation of the items also had some specific features: horizontal, inclined and meander lines in the form of scratches and recessions made by spatula with a triangle work edge (beaver teeth?) The border-type ornamentation was combined with a mesh ornament on one vessel. Quite often under the decor a technical ornament layer could be discerned in the form of traces of scratches made with a denticulated tool. On one vessel fragment an ornament in the form of inclined long lines was present on the inner side of the neck. There was a vessel with two rows of stick-on bolsters dissected by spatula impressions (same as on the collar cut) on the vessel's neck. Similar items were also registered in Berezovy Ostrov settlement (Novosibirsk region).

The planigraphic distribution of this type of pottery across the territory of the site demonstrated its deposition in the same levels and complexes as the late Irmen culture, which allows presuming the synchronous existence of their populations. As of today this group has been attributed as the Samodelkino type originating from the south taiga Ob region [1; 2], the populations of which reached the forest-steppe zone of Western Siberia.

УДК 902(571.14):551.89

**А. В. НИКУЛИНА, Я. В. КУЗЬМИН,
Д. А. ЧУПИНА, И. Д. ЗОЛЬНИКОВ**Никulina Анастасия Вячеславовна — НГУ
(Россия, Новосибирск). E-mail: nikulina_a@ngs.ruКузьмин Ярослав Всеволодович — д. геогр. н.,
ИГМ СО РАН (Россия, Новосибирск).
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.orgЧупина Дарья Анатольевна — ИГМ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: chupina_da@igm.nsc.ruЗольников Иван Дмитриевич — д.г.-м.н., ИГМ СО РАН
(Россия, Новосибирск). E-mail: zol@igm.nsc.ru**ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ
ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БАРАБИНСКОЙ
ЛЕСОСТЕПИ (НЕОЛИТ — СРЕДНЕВЕКОВЬЕ)
НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ¹***Ключевые слова:* пространственный анализ, геоинформационные системы, Барабинская лесостепь, Западная Сибирь*Резюме.* В работе приводятся последние результаты пространственного анализа археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи, а также выводы по адаптации древнего населения к природным условиям в голоцене.

Работы по пространственному анализу археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи планомерно ведутся начиная с 2008 г. Регион исследования включает в себя Венгеровский, Здвинский, Чановский, Барабинский, Куйбышевский, Кыштовский, Татарский и Усть-Тарский районы Новосибирской области. Первые результаты проделанной работы были опубликованы в ряде статей в 2012–2014 гг. [1–4].

Исследование включает в себя несколько последовательных этапов: 1) составление списка археологических памятников, для которых определена хронологическая характеристика (при этом число исследуемых объектов сокращается примерно в два раза); 2) создание карты района исследования на основе цифровой модели рельефа SRTM (с пространственным разрешением около 90 × 60 м; точность по высоте ±1–2 м); 3) определение координат выбранных объектов в поле (с помощью GPS-приемника Garmin 76GSx) и их геоморфологическое описание; 4) создание базы

**A. V. NIKULINA, YA. V. KUZMIN,
D. A. CHUPINA, I. D. ZOLNIKOV**Nikulina Anastasia Vyachslavovna — NSU
(Russia, Novosibirsk). E-mail: nikulina_a@ngs.ruKuzmin Yaroslav Vsevolodovich — Doctor of Geology,
IG&M SB RAS (Russia, Novosibirsk).
E-mail: kuzmin@fulbrightmail.orgChupina Darya Anatoljevna — IG&M SB RAS
(Russia, Novosibirsk). E-mail: chupina_da@igm.nsc.ruZolnikov Ivan Dmitrievich — Doctor of Geology, IG&M SB
RAS. (Russia, Novosibirsk). E-mail: zol@igm.nsc.ru**SPATIAL ANALYSIS OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF
THE CENTRAL PART OF BARABINO FOREST-STEPPE
(THE NEOLITHIC — THE MIDDLE AGES) ON THE BASIS
OF GIS TECHNOLOGIES¹***Key words:* spatial analysis, geoinformation systems, Barabino forest-steppe, Western Siberia*Summary.* The article sums up the latest results of the spatial analysis of archaeological sites of the central part of Barabino forest-steppe, as well as some conclusions on the ancient man adaptation to the natural environment in the Holocene.

The work on the spatial analysis of archaeological sites of the central part of Barabino forest-steppe has been under way beginning from 2008. The region of study included the Vengerovsky, the Zdvinsky, the Chanovsky, the Barabinsky, the Kuibyshevsky, the Kyshtovsky, the Tatarsky, and the Ust-Tarsky districts of the Novosibirsk Oblast. The first results have been published in a number of articles in 2012–2014 [3–6].

The study was performed in several stages: 1) making a list of archaeological sites with confirmed chronological attribution (this almost halved the number of sites covered by the project); 2) drawing a map of the territory under study based on the digital relief model SRTM (with spatial resolution of about 90 × 60 m; elevation accuracy ±1–2 m); 3) field determination of the selected sites coordinates (with the use of GPS-receiver Garmin 76GSx) and their geomorphological description; 4) creation of geo-database, serving as the basis for further analysis (with the use of ArcGIS software).

¹ Работа поддержана грантом РФФИ № 12–06–00045¹ The study was performed with the support of RFRF grant № 12–06–00045

геоданных, на основе которой проводится анализ (с помощью программного пакета ArcGIS).

К настоящему времени была собрана информация о 206 археологических объектах центра Барабинской лесостепи, для которых существует хронологическая привязка. Для многослойных памятников каждая новая культура или эпоха учитывается как отдельный объект.

Таблица

Распределение археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи по геоморфологическим признакам (в%)

Эпоха	Долины	Водораздельные поверхности			
		Бровка	Плоский водораздел	Грива	Останец
Неолит (12)*	0,4	1,9	1,9	0,4	0,9
Эпоха бронзы (70)*	1,4	12,2	13,2	5,4	1,9
Железный век (67)*	—	17	4,9	8,8	1,9
Средневековье (52)*	—	12,2	3,9	9,8	1,9
Итого	1,8	43,3	23,9	24,4	6,6
Всего	1,8	98,2			
Итого (206)	100				

*Общее количество памятников данной эпохи

Исследованный участок в геоморфологическом отношении является частью Барабинской слабоволнистой гривно-озерной равнины [5, с. 192]. В пределах изучаемой территории можно выделить две крупные единицы (класса) геоморфологического районирования: 1) водораздельные пространства, включающая в себя слаборасчлененные поверхности, гривы, озерные котловины; 2) речные долины.

Абсолютное большинство археологических памятников (более 98 %) приурочено к водораздельным пространствам, что противоречит мнению ряда археологов о том, что их объекты располагаются на «поймах» и «террасах» рек (см. табл.). Лишь 1,8 % памятников расположено в пределах долинного класса рельефа; например, Старый Тартас-1, Преображенка-2.

At present collection of information about 206 archaeological sites in the central part of Barabino forest-steppe with the chronological attribution has been completed. For the multilevel sites each new culture or period were registered as a separate object.

Table

Distribution of archaeological sites of the central part of Barabino forest-steppe by geo-morphological attributes

Age	Valleys	Watershed surfaces			
		Berm edge	Flat watershed	Crest	Butte
Neolithic (12)*	0,4	1,9	1,9	0,4	0,9
Bronze Age (70)*	1,4	12,2	13,2	5,4	1,9
Iron Age (67)*	—	17	4,9	8,8	1,9
Middle Ages (52)*	—	12,2	3,9	9,8	1,9
Sub-total	1,8	43,3	23,9	24,4	6,6
Sub-total	1,8	98,2			
Total (206)	100				

*Total number of sites of this age

The studied area is geo-morphologically a part of the Barabino undulating, low ridge-lake plain [1, c. 192]. Within the studied territory two large geo-morphological zoning units (classes) may be identified: 1) watershed areas including the poorly broken relief surfaces, crests, and lake depressions; 2) river valleys.

Absolute majority of the archaeological sites (over 98 %) was referred to the watershed areas, which is contrary to the opinion of some archaeologists stating that the studied sites were located in the floodlands and rivers terraces (see tabl.). Only 1.8 % of the sites were located within the valley class of relief; e.g. Stary Tartas-1, Preobrazhenka-2.

High concentration of the studied objects was registered near the watershed berm edge in the contact zone of the two main relief classes: about 43 % of the

Повышенная концентрация объектов исследования отмечается у бровки водораздела, находящейся в зоне контакта двух основных классов рельефа: около 43 % объектов находится в данной позиции. Примерно равное количество археологических памятников приурочено к плоским водораздельным пространствам (23,9 %) и гривам (24,4 %) (см. табл.).

Закономерности пространственного положения археологических памятников по отношению к классам, формам и элементам рельефа могут быть объяснены механизмами адаптации древнего человека к природным условиям. Увеличение количества памятников на водоразделах от бронзового к раннему железному веку, по-видимому, связано с общим увлажнением климата на рубеже этих эпох, что привело к сокращению пойменных угодий [6, с. 42].

Литература / References:

1. Анализ пространственного распределения археологических памятников центральной части Барабинской лесостепи (Венгеровский район Новосибирской области) на основе ГИС-технологий/Я.В. Кузьмин [и др.] // Вестник НГУ. Сер. История, филология. 2013. Т. 12, вып. 7. С. 87–96.
2. Результаты геоархеологических исследований в Венгеровском районе Новосибирской области в 2012 г./Я.В. Кузьмин [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2012. Т. 18. С. 201–205.
3. Адаптация древнего населения центральной части Барабинской лесостепи (Западная Сибирь) к природным условиям в голоцене: анализ на основе ГИС-технологий/Я.В. Кузьмин [и др.] // Тр. IV (XX) всерос. археол. съезда. Казань, 2014. Т. 4. С. 343–346.
4. Геоархеологические исследования в Барабинской лесостепи (Новосибирская область) в 2013 г./Я.В. Кузьмин [и др.] // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2013. Т. 19. С. 235–239.
5. Рельеф Западно-Сибирской равнины/А.А. Земцов [и др.]. Новосибирск, 1988.
6. Косарев М.Ф. Древняя история Западной Сибири: человек и природная среда. Москва, 1991.

УДК 903(571.568):572

**В. В. ПИТУЛЬКО, В. И. ХАРТАНОВИЧ, В. Б. ТИМОШИН,
Е. Ю. ПАВЛОВА, А. К. КАСПАРОВ**

Питулько Владимир Викторович — к. и. н., ИИМК РАН.
(Россия, Санкт-Петербург). E-mail: pitulkov@gmail.com

Хартанович Валерий Иванович — к. и. н.,
МАЭ (Кунсткамера) РАН. (Россия, Санкт-Петербург).
E-mail: vkhartan@mail.ru

Тимошин Валерий Борисович — к. б. н.,
СПбГМУ (Россия, Санкт-Петербург).
E-mail: Nishomit@yandex.ru

Павлова Елена Юрьевна — АА НИИ
(Россия, Санкт-Петербург). E-mail: pavloval@rambler.ru

Каспаров Алексей Каспарович — ИИМК РАН
(Россия, Санкт-Петербург). E-mail: alexkas@yahoo.com

sites were located in this position. Approximately equal number of archaeological sites was referred to the flat watershed areas (23.9 %) and crests (24.4 %) (see table).

The specifics of the spatial positioning of archaeological sites with the regard to classes, forms, and elements of relief may be explained by the mechanisms of adaptation of the ancient populations to the natural environment. An increase in the number of sites on watersheds from the Bronze to the early Iron Age was apparently related to the general humidification of climate at the turn of these two periods, which resulted in shrinking of the floodland territories [2, p.42].

**V. V. PITULKO, V. I. KHARTANOVICH, V. B. TIMOSHIN,
E. YU. PAVLOVA, A. K. KASPAROV**

Pitulko Vladimir Victorovich — PhD in History, IHMC RAS
(Russia, St Petersburg). E-mail: pitulkov@gmail.com

Khartanovich Valery Ivanovich — PhD in History, MAE
(Kunstkamera) RAS. (Russia, St Petersburg).
E-mail: vkhartan@mail.ru

Timoshin Valery Borisovich — PhD in Biology, Saint-
Petersburg SPMU (Russia, St Petersburg).
E-mail: Nishomit@yandex.ru

Pavlova Elena Yurievna — AA RI
(Russia, St Petersburg). E-mail: pavloval@rambler.ru

Kasparov Alexey Kasparovich — IHMC RAS,
(Russia, St Petersburg). E-mail: alexkas@yahoo.com

**ДРЕВНЕЙШИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ
ВЫСОКОШИРОТНОЙ АРКТИКИ (ЖОХОВСКАЯ**

**ANCIENT ANTHROPOLOGICAL FINDS OF THE
HIGH LATITUDE ARCTIC (THE ZHOKHOV**

СТОЯНКА, НОВОСИБИРСКИЕ О-ВА):
ВОЗРАСТ И ГЕНЕТИКА.

Ключевые слова: антропология, мтДНК, арктическая Сибирь, ранний голоцен

Резюме. В ходе раскопок Жоховской стоянки (2000–2005 гг.) получены антропологические материалы, являющиеся древнейшими находками подобного рода в Арктике (~8000 л. н.). Исследованием выделенной мтДНК установлены пол и степень родства изученных образцов. В большинстве, они принадлежат к гаплогруппе К. Данная группировка, имеющая западноевразийские корни, предшествовала в арктической Сибири современным этносам (включая юкагиров), и была замещена ими во второй половине голоцена.

Жоховская стоянка (о-ва Де Лонга, Новосибирские о-ва) является одним из наиболее северных археологических памятников мира и древнейшим следом пребывания человека в высоких широтах. Общая изученная площадь стоянки составила 571 кв. м. В коллекции представлены изделия из камня и продукты камнеобработки (N=19162), фаунистические остатки (N=54850, NISP=21994), изделия из рога, бивня мамонта, кости (N>300), изделия из дерева — (N>1000), а также единичные плетеные и берестяные артефакты [1; 2]. В остеологической коллекции особо следует подчеркнуть наличие костных остатков человека и собаки.

Возраст культурных остатков стоянки надежно определен серией ¹⁴C датировок, и контролируется датировками вмещающих отложений. Можно утверждать, что все эпизоды обитания укладываются в интервал 8200–7850 ¹⁴C л. н. Несмотря на своеобразие геологии и тафономии, культурные остатки сохраняют в главных чертах элементы изначальной пространственной структуры стоянки.

Костные остатки человека представлены фрагментами черепной коробки (кв. Nn220, LI220), изолированными зубами, костями посткраниального скелета (локтевая, лучевая, плечевая, берцовая в виде фрагментов различного размера и сохранности), пястными костями и фрагментами ребер, в общей сложности 27 фрагментов, на основании морфологии которых можно предполагать наличие в коллекции остатков не менее двух индивидов (Nn220-1, Inf., и Nn220-2, Sen.). Остатки мальчика и старика происходят, скорее всего, из разрушенного двойного погребения. Наибольшее количество фрагментов происходит из центральной зоны раскопанной площади, в северной ее области найдены единичные рассеянные фрагменты. Хорошая сохранность

CAMP AND THE NOVOSIBIRSK ISLANDS):
AGE AND GENETICS

Key words: anthropology, mtDNA, Arctic Siberia, early Holocene

Summary. The anthropological materials obtained in the process of the Zhokhov camp excavations (2000–2005) were the most ancient finds of this type in the Arctic (~8000 y. a.). The study of the isolated mtDNA allowed to identify the gender and the degree of kinship of the studied samples. Most of them belonged to haplogroup K. This group which had West-Eurasian roots preceded all modern ethnic groups in Arctic Siberia (including the Yukaghir) and was replaced by them in the second half of the Holocene.

The Zhokhov camp site (the De Long Islands, the Novosibirsk Islands) is one of the northernmost archaeological sites of the world and the oldest evidence of the presence of humans in high latitudes. The total studied area of the site was 571 sq. m. The assemblage contained samples of stone artifacts and stone working products (N=19162), as well as faunistic remains (N=54850, NISP=21994), antler, mammoth tusk and bone articles (N>300), wooden items — (N>1000), and individual samples of wicker and birch bark artifacts [1; 2]. Of a particular interest in the osteological assemblage were the human and canine bone remains.

The age of the cultural remains of the occupation site was reliably dated by a series of ¹⁴C dates and could be verified by the contextual sediments dates. It may be stated that all occupation episodes fell within an interval of 8200–7850 ¹⁴C y. a. Despite the specifics of geology and taphonomy the cultural remains preserved, in their main characteristics, the elements of the initial spacial occupation structure.

Human bone remains were represented with fragments of skull (sq. Nn220, LI220), isolated teeth, postcranial skeleton bones (elbow, radial bones, shinbone, in the form of various size and degree of preservation fragments), metacarpal bones and ribs fragments, 27 fragments in total, on the basis of the morphology of which it was possible to presume the presence in the assemblage of the remains of at least two individuals (Nn220-1, Inf., и Nn220-2, Sen.). The remains of a boy and an old man originated, most likely, from a destroyed double interment. The largest number of fragments originated from the central zone of the excavated area, in its northern section there were individual scattered fragments. Bone tissue preservation was sufficient for extraction of mtDNA and examination of samples (N=13) for the purpose of establishing gender, kinship and continent-specificity.

костной ткани позволяет выделить мтДНК и провести исследование образцов (N=13) для установления пола, родства и континент-специфичности.

Два образца определены как женские, остальные (N=7) принадлежат мужчинам. Однозначно можно констатировать родство образцов Nn220-1 и Nn220-2, тогда как индивиды C130L и Nn200 с большой долей вероятности разные люди. Костные остатки Oo23, C130R2a, Pp240 и ED140 принадлежат одному человеку, который, возможно, находился в близком родстве с Nn220-1 и Nn220-2. Таким образом, представлены остатки не менее пяти индивидов.

Для препаратов, полученных из наилучших образцов (N=8), определены характерные ГВС-I мотивы расшифрованных последовательностей и проведен анализ полиморфизма мтДНК методом ПДРФ (полиморфизм длин рестриционных фрагментов). На этом основании определена принадлежность полученных гаплогрупп к гаплогруппе, исходя из единой классификации типов мтДНК. Установлена их принадлежность к гаплогруппе К.

Среди современных коренных обитателей севера Средней и Восточной Сибири, относящихся к различным этническим группировкам, преобладают различные линии гаплогрупп А, С, и D [3; 4], включая и юкагиров (линии С, D). Последние, как считается, являются древнейшей этнической группировкой Северо-Востока, предки которой расселились в арктической Сибири во время и после последнего ледникового максимума [4]. Данное заключение в свете полученных данных представляется неверным.

Принадлежность обитателей Жоховской стоянки к гаплогруппе U-K говорит о том, что юкагирам и любому иному азиатскому населению Восточной Сибири предшествовала группировка, генетически связанная с западноевразийским населением. В антропологическом плане, она, возможно, имела сходство с некоторыми современными популяциями уральского ареала, выделяемыми в состав специфического «уральского» антропологического типа [5].

Жоховские антропологические находки являются на сегодняшний день древнейшими в арктической области земного шара. На основании первичных результатов исследования митохондриального генома древнейшей палеопопуляции арктической Сибири можно полагать, что на рубеже голоцена на этой территории существовала группировка населения, имеющая генетическое родство с западно-евразийскими либо с уральскими людскими популяциями, уничтоженная последующим расселением монголоидных группировок.

Обсуждаемые результаты изучения Жоховской стоянки получены в рамках исследовательского проекта

Two samples were defined as the female, the rest (N=7) belonged to men. Samples Nn220-1 and Nn220-2 kinship could be established unambiguously, while individuals C130L and Nn200 were, with a high degree of probability, different people. Bone remains Oo23, C130R2a, Pp240 and ED140 belonged to one person, who was, probably, closely related to Nn220-1 and Nn220-2. Thus, there were the remains of at least five individuals.

For specimen obtained from the best preserved samples (N=8), the characteristic HVS-I motifs of the deciphered sequences were determined and the mtDNA polymorphism analysis was performed using the RFLP (restriction fragment length polymorphism) method. On the basis of these data the belonging of the obtained haplotypes to a particular haplogroup was established in accordance with the unified classification of mtDNA types. It was established that they belonged to haplogroup K.

Among the modern indigenous peoples of the north of the Middle and Eastern Siberia belonging to different ethnic groups various haplogroup A, C, and D [3; 4] lines are dominating, including the Yukagir (lines C, D). It is generally believed that the latter were the oldest ethnic group in the North-East, whose ancestors settled across the Arctic Siberia during and immediately after the Last Glacial Maximum [4]. The latest data dictated a revision of this assumption.

The fact that the inhabitants of the Zhokhov camp belonged to haplogroup U-K indicated that the Yukagir or any other Asian population of eastern Siberia were preceded by a group genetically related to the West European population. Anthropologically it could, probably, have some similarities with certain modern populations of the Ural region identified as the specific "Uralic" anthropological type [5].

The Zhokhov anthropological finds are, as of today, the oldest ones in the Arctic regions of the globe. Based on the primary results of the mitochondrial genom studies of the oldest paleo-population of Arctic Siberia it may be assumed that a group of population existed in this territory at the turn of the Holocene, which was genetically related to the West Eurasian or the Uralic human populations, and which was eliminated by the further settlement of the Mongoloid groups.

The discussed results of the Zhokhov occupation site studies were obtained by a research project "Zhokhov-2000" in 2000–2005. Field studies and data analysis were performed with the support of Rock Foundation (New York, the USA).

«Zhokhov-2000» в 2000–2005 гг. Полевые исследования и аналитические процедуры выполнены при поддержке Rock Foundation (Нью-Йорк, США).

Литература / References:

1. Питулько В. В. Жоховская стоянка. СПб., 1998.
2. Питулько В. В. О работах экспедиции «Высокоширотная Арктика: природа и человек» (проект «Жохов-2000») на Новосибирских о-вах в 2000–2005 гг. // Полярный альманах. 2011. № 2. С. 77–91.
3. Derenko M., Malyarchuk B., Grzybowski T., Denisova G., Dambueva I., Perkova M., Dorzhu C., Luzina F., Lee H. K., Vanecsek T., Vilems R., Zakharov I. Phylogeographic Analysis of Mitochondrial DNA in Northern Asian Populations // American Journal of Human Genetics. 2007. Vol. 81. P. 1025–1041.
4. Volodko N. V., Starikovskaya E. B., Mazunin I. O., Eltsov N. P., Naidenko P. V., Wallace D. C., Sukernik R. I. Mitochondrial Genome Diversity in Arctic Siberians, with Particular Reference to the Evolutionary History of Beringia and Pleistocenic Peopling of the Americas // American Journal of Human Genetics. 2008. Vol. 82. P. 1084–1100.
5. Бунак В. В. Человеческие расы и пути их образования // СЭ. 1956. № 1. С. 86–105.

УДК 55 1.8(571.53)

А. В. ПОСТНОВ, И. Д. ЗОЛЬНИКОВ, Е. В. ДЕЕВ

Постнов Александр Вадимович — к. и. н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: postnov@yandex.ru

Зольников Иван Дмитриевич — д. геол.-мин. н., ИГМ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: zol@igm.nsc.ru

Деев Евгений Викторович — к. геол.-мин. н., ИНГТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: deeev@ngs.ru

ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПАЛЕООБСТАНОВКИ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ РУБЕЖА ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА–ГОЛОЦЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛОЖА ВОДОХРАНИЛИЩА БОГУЧАНСКОЙ ГЭС

Ключевые слова: Северное Приангарье, природно-климатические реконструкции

Резюме. Материалы широкомасштабных комплексных исследований в зоне затопления Богучанской ГЭС в 2007–2012 гг., включающие анализ геолого-геоморфологических, а также природно-климатических особенностей, свидетельствуют, что все природные изменения на протяжении последнего периода плейстоцена и всего голоцена проходили постепенно и развивались автохтонно.

Широкомасштабные раскопки ангарских памятников в 2007–2012 гг. показали, что возраст артефактов, в ряде случаев, предположительно, древнее, чем предполагаемое время формирования уровня террас [1–4]. Так же выясняется ряд фактов, противоречащих новому палеогеографическому сценарию «молодой Ангары», выдвинутой коллегами из Иркутска [5]. Свидетельства произошедшего 12–7 тыс. л. н. «катастрофического выплеска Ангары

A. V. POSTNOV, I. D. ZOLNIKOV, E. V. DEEV

Postnov Alexander Vadimovich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: postnov@yandex.ru

Zolnikov Ivan Dmitrievich — Doctor of Geology, IGM SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: zol@igm.nsc.ru

Deev Evgenii Viktorovich — PhD in Geology, IOGG SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: deeev@ngs.ru

NATURAL AND CLIMATIC MODEL OF THE EVOLUTION OF PALEO-ENVIRONMENT IN THE NORTHERN ANGARA REGION OF THE TURN OF THE LATE PLEISTOCENE — HOLOCENE ON THE MATERIALS OF THE BOGUCHAN HYDRO POWER PLANT LAKE FLOODING AREA STUDY

Key words: Northern Angara region, natural and climatic reconstructions

Summary. Materials of the large scale comprehensive studies in the flooding area of the Boguchan hydro power plant lake in 2007–2012 including the analysis of geology-geomorphological, as well as the natural and climatic conditions demonstrated that all natural and climatic changes during the last Pleistocene period and the whole of the Holocene were gradual and autochthonous.

Large scale excavations of the Angara archaeological sites in 2007–2012 demonstrated that the age of the artifacts in a number of cases was presumably older than the estimated time of the terraces level formation [1–4]. In addition, a number of facts were established which contradicted the new paleo-geographic “new Angara” scenario proposed by our Irkutsk colleagues [5]. The alleged evidences of a “catastrophic Angara splashing from the Baikal passage” 12–7 thousand y. a. — a key event of this model — did not find any confirmation

из байкальского прорана» — ключевого события этой модели — не находят подтверждения ни в рельефе, ни в седиментах неоплейстоценовых и голоценовых отложений [6].

Долина самой Ангары представляет собой структуру растяжения. В результате в рассматриваемом районе наблюдаются: 1) мелководность реки на фоне общей значительной ширины долины; 2) чередование участков относительного сужения и расширения долины; 3) значительная гипсометрическая разнесенность отложений неогена и четвертичного террасового комплекса; 4) наличие, часто в непосредственной близости, последовательностей как вложенных друг в друга разновозрастных аккумулятивных речных террас, так и разновозрастных осадочных тел в террасовом комплексе, разнесенных гипсометрически и разделенных фрагментами коренного цоколя. В целом, никакого структурного несогласия между ориентировкой в плане Ангары и ее притоков нет. Притоки более мелких порядков закономерно располагаются в соответствии с изгибами долины р. Ангара, формируя древовидные структуры. Они являются тальвегами долин, прорезанных в плоскогорье на разную глубину, а не просто руслами, беспорядочно блуждающими по плоской равнине [6].

Все это свидетельствует о синхронном формировании и развитии в течение длительного времени гидросети района.

Рассматриваемый район отличается суровыми природно-климатическими условиями. Особенности современного животного мира Северного Приангарья обусловлены положением территории в подзоне южной тайги Средней Сибири. И, несмотря на то, что животный мир таежной зоны характеризуется довольно однообразным видовым составом, в этом районе он отмечается более богатым видовым составом фауны. По оценке зоологов, фауна отличается большой древностью. Наиболее широко здесь представлен комплекс таежных животных, формирование которого, по их мнению, постепенно протекало в плейстоцене [7].

Палеофаунистические остатки в материале археологических комплексов Северного Приангарья являются одним из главных источников при палеоэкологических реконструкциях. Большинство из остатков принадлежат видам таежно-лесной фауны. Это лось, северный олень, косуля, марал, кабарга, бурый медведь, соболь, лисица, заяц-беляк и бобр. В неолитических слоях с преобладанием типичных представителей таежной фауны, появляются виды открытых пространств — бизон и лошадь [8]. Очень важно, что были обнаружены остатки гигантского оленя (*Megaloceros giganteus*) в неолитических слоях

либо в рельефных характеристиках, либо в Плейстоцене и в голоцене осадочных отложений [6].

Ангара — геологически протяженная структура. Это предопределяет формирование следующих характеристик: 1) речную мелководность на фоне значительной ширины долины; 2) чередование относительного сужения и расширения долины; 3) значительную гипсометрическую разнесенность отложений неогена и четвертичного террасового комплекса; 4) наличие, часто в непосредственной близости, последовательностей как вложенных друг в друга разновозрастных аккумулятивных речных террас, так и разновозрастных осадочных тел в террасовом комплексе; 5) наличие, часто в непосредственной близости, последовательностей как вложенных друг в друга разновозрастных аккумулятивных речных террас, так и разновозрастных осадочных тел в террасовом комплексе, разнесенных гипсометрически и разделенных фрагментами коренного цоколя. В целом, никакого структурного несогласия между ориентировкой в плане Ангары и ее притоков нет. Притоки более мелких порядков закономерно располагаются в соответствии с изгибами долины р. Ангара, формируя древовидные структуры. Они являются тальвегами долин, прорезанных в плоскогорье на разную глубину, а не просто руслами, беспорядочно блуждающими по плоской равнине [6].

Все это свидетельствует о синхронном формировании и развитии в течение длительного времени гидросети района.

Рассматриваемый район отличается суровыми природно-климатическими условиями. Особенности современного животного мира Северного Приангарья обусловлены положением территории в подзоне южной тайги Средней Сибири. И, несмотря на то, что животный мир таежной зоны характеризуется довольно однообразным видовым составом, в этом районе он отмечается более богатым видовым составом фауны. По оценке зоологов, фауна отличается большой древностью. Наиболее широко здесь представлен комплекс таежных животных, формирование которого, по их мнению, постепенно протекало в плейстоцене [7].

Палеофаунистические остатки в материале археологических комплексов Северного Приангарья являются одним из главных источников при палеоэкологических реконструкциях. Большинство из остатков принадлежат видам таежно-лесной фауны. Это лось, северный олень, косуля, марал, кабарга, бурый медведь, соболь, лисица, заяц-беляк и бобр. В неолитических слоях с преобладанием типичных представителей таежной фауны, появляются виды открытых пространств — бизон и лошадь [8]. Очень важно, что были обнаружены остатки гигантского оленя (*Megaloceros giganteus*) в неолитических слоях

либо в рельефных характеристиках, либо в Плейстоцене и в голоцене осадочных отложений [6].

трех памятников: стоянок Усть-Тушамы-1, Остров Сосновый Тушамский и стоянки Усть-Талая. Факт присутствия этих видов подразумевает наличие лесостепных или обширных пойменно-луговых участков.

Олень из Соснового-Тушамского близок к средним значениям промеров аналогичных элементов скелета росс-вюрмского *Megaloceros giganteus*. Свою роль в вымирании этого вида сыграли природно-климатические изменения в середине голоцена — похолодание и увлажнение климата, сопровождающееся деградацией степных и лесостепных участков по долине Ангары, постепенное наступление таежной растительности.

Таким образом, исходя из анализа геолого-геоморфологических, а также природно-климатических особенностей, можно утверждать, что все природные изменения на протяжении последнего периода плейстоцена и всего голоцена были достаточно незначительны, проходили постепенно и развивались автохтонно. Это, в свою очередь, позволяет проводить аналогии с современным хозяйственным освоением этой территории, являющейся весьма удобной при использовании ее человеческими коллективами в качестве рыболовно-охотничьих угодий, и иллюстрируется слабыми изменениями в вариативности форм и типов археологического материала.

Литература / References:

1. Стратиграфия СССР. Четвертичная система. Полутом 2. М., 1984.
2. Ендрихинский А. С. Последовательность основных геологических событий на территории Южной Сибири в позднем плейстоцене и голоцене // Поздний плейстоцен и голоцен юга Восточной Сибири. Новосибирск, 1982. С. 6–35.
3. Равский Э. И. Осадконакопление и климаты Внутренней Азии в антропогене. М., 1972.
4. Постнов А. В., Зольников И. Д., Деев Е. В. Проблемы генетической и стратиграфической диагностики отложений низких террас средней и нижней Ангары // Геология и минеральные ресурсы. 2012. № 3 (11). С. 25–31.
5. Ископаемые литотехнические отложения плейстоцена и голоцена в геоморфологических ситуациях антропогена Байкальской Сибири/Г. И. Медведев [и др.] // Известия Иркутского государственного университета. 2012. № 1 (1). С. 33–57.
6. К вопросу о молодости аллювиальных комплексов Ангары по материалам работ в зоне затопления Богучанской ГЭС/И. Д. Зольников [и др.] // Археология, этнография и антропология Евразии. 2013. № 4 (56). С. 38–49.
7. Магомедов М. М. Природа Усть-Илимского района. Иркутск, 2003.
8. Васильев С. К., Славинский В. С., Постнов А. В. Гигантский олень (*Megaloceros Giganteus* Blumenbach, 1803) в палеофауне голоценовых стоянок Северного Приангарья (Усть-Тушамы-1, Остров Сосновый Тушамский, Усть-Талая) // Вестн. НГУ. Сер.: История, филология. Новосибирск, 2013. Т. 12. № 7. С. 177–185.

the extinction of this species was played by the natural and climatic changes in the middle of the Holocene — the cooling and humidification of climate accompanied by a degradation of the steppe and the forest-steppe areas along the Angara valley, as well as the gradual onset of the taiga vegetation.

Thus, based on the analysis of geologo-geomorphological, as well as the natural and climatic characteristics it is possible to state that all environmental changes during the last Pleistocene period and the whole of the Holocene were rather insignificant, gradual and autochthonous. This, in its turn, allows drawing analogies with the modern economic development of this territory, which is quite convenient for its use by humans as a hunting and fishing grounds; and is illustrated by the insignificant changes in the variation of the forms and types of the archaeological material.

УДК 551.89 (571.6)

**Н. Г. РАЗЖИГАЕВА, Л. А. ГАНЗЕЙ,
Т. А. ГРЕБЕННИКОВА, Л. М. МОХОВА, Н. И. БЕЛЯНИНА**Разжигаяева Надежда Глебовна — д.геогр.н., ТИГ ДВО
РАН (Россия, Владивосток). E-mail: nadyar@tig.dvo.ruГанзей Лариса Анатольевна — к.геогр.н., ТИГ ДВО РАН
(Россия, Владивосток). E-mail: lganzev@tig.dvo.ruГребенникова Татьяна Афанасьевна — к.геогр.н.,
ТИГ ДВО РАН (Россия, Владивосток).
E-mail: TAGrebennikova@tig.dvo.ruМохова Людмила Михайловна — ТИГ ДВО РАН
(Россия, Владивосток). E-mail: ludmila-mokhova@list.ruБелянина Нина Игнатьевна — ТИГ ДВО РАН
(Россия, Владивосток). E-mail: nibelyanina@yandex.ru**N. G. RAZJIGAEVA, L. A. GANZEI, T. A. GREBENNIKOVA,
L. M. MOKHOVA, N. I. BELYANINA**Razjigaeva Nadezhda Glebovna — Doctor of Geography,
Pacific Geography Institute FEB RAS (Russia, Vladivostok).
E-mail: nadyar@tig.dvo.ruGanzei Larisa Anatoljevna — PhD in Geography, Pacific
Geography Institute FEB RAS (Russia, Vladivostok).
E-mail: lganzev@tig.dvo.ruGrebennikova Tatiana Afanasjevna — PhD in Geography,
Pacific Geography Institute FEB RAS (Russia, Vladivostok).
E-mail: TAGrebennikova@tig.dvo.ruMokhova Ludmila Mikhailovna — Pacific Geography
Institute FEB RAS (Russia, Vladivostok).
E-mail: ludmila-mokhova@list.ruBelyanina Nina Ignatjevna — Pacific Geography Institute FEB
RAS (Russia, Vladivostok). E-mail: nibelyanina@yandex.ru**СОСТОЯНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ — КАК
БЛАГОПРИЯТНЫЙ ФАКТОР РАССЕЛЕНИЮ ДРЕВНЕГО
ЧЕЛОВЕКА В МАЛЫЙ ОПТИМУМ ГОЛОЦЕНА НА ЮГЕ
ДАЛЬНОГО ВОСТОКА¹***Ключевые слова:* малый оптимум голоцена, климат,
ландшафты, древние культуры, юг Дальнего Востока*Резюме.* Климат и состояние природной среды спо-
собствовали расселению представителей различных
культур. Для юга Дальнего Востока восстановить ход
развития ландшафтов в историческое время можно
только на основе палеогеографических данных. По-
тепление в малый оптимум голоцена, которое
сопровождалось небольшой трансгрессией, в конти-
нентальной части юга Дальнего Востока было более
контрастным, чем на островах.Климатические условия и состояние природной
среды являются факторами, способствующими или
препятствующими расселению представителей раз-
личных культур. Малый оптимум голоцена проявился
в VII–XIII в. н. э. Среднегодовая температура в Вос-
точной Азии в высоких и умеренных широтах была
выше современной на 0,5–1 °C [1]. В Китае в летописях
указывается на потепление, которое началось в VIII в.,
очень теплым был IX в., в X в. климат был близким
к современному, во второй половине X–XII вв. усло-
вия были прохладнее, а в начале XIII в. — теплыми
[2]. В Японии потепление отмечается в 732–1296 гг. н. э.,¹ Работа выполнена при финансовой поддержке проектов
РФФИ и ДВО РАН**ENVIRONMENTAL CONDITIONS AS A FAVORABLE
FACTOR FOR THE ANCIENT POPULATIONS MIGRATIONS
DURING THE HOLOCENE CLIMATE OPTIMUM IN THE
SOUTH OF THE FAR EAST¹***Key words:* Holocene Climate Optimum, climate,
landscape, ancient cultures, south of the Far East*Summary.* Climate and natural environment promp-
ted migration routes for the representatives of various
cultures. Reconstruction of landscape changes during
historical time in the south of the Far East could be done
only on the basis of paleogeographic data. The Holocene
Climate Optimum warming which was accompanied
by a slight transgression was more contrast in the
continental part of the south of the Far East than on
the islands.Climatic and environmental conditions were the
factors which facilitated or hindered migrations of the
representative of various cultures. The Holocene Climate
Optimum occurred in the 7th–13th centuries AD. The
average annual temperature in Eastern Asia in the high
and temperate latitudes was higher than the modern by
0.5–1 °C [1]. Chinese chronicles referred to the warming
which started in the 8th century, the 9th century was very
warm, in the 10th century the climate was close to the
present, in the second half of the 10th–12th centuries it was
cooler, and in the beginning of the 13th century — warm
[2]. In Japan the warming was reported in 732–1296 AD,¹ The study was performed with the support of the RFRF and
FEB RAS

небольшие похолодания с иссушением климата были в начале X и XI вв., для XI–XII вв. были характерны снегопады [3]. Для юга Дальнего Востока нет документальных свидетельств об изменениях климата до XVIII в., информацию об изменениях климата и ландшафтов в историческое время можно получить только палеогеографическими методами. Проявление малого оптимума голоцена в разных регионах юга Дальнего Востока имело свою специфику. Ход развития ландшафтов отличался на профиле океанические острова – Сахалин – континентальное побережье. Современный климат определяется взаимодействием суши и океана и отличается на континенте и островах. Разнообразие современного растительного покрова во многом определяется сложно-расчлененным рельефом, влиянием теплых и холодных морских течений, наличием рефугиумов, оставшихся как от теплых, так и от холодных эпох.

На Курилах потепление проявилось во всех ландшафтных зонах, климат был мягче, среднегодовая температура немного превышала современную, но сумма активных температур была выше, что свидетельствует о более теплом и сухом лете. В зимний сезон, вероятно, был более мощный снежный покров. Ландшафтные изменения происходили в условиях изолированной суши и шли по пути изменения площадей растительных группировок. На Северных и Центральных Курилах ландшафтные смены были заглушены влиянием вулканических пеплопадов. На Центральных Курилах наиболее ярко потепление проявилось в развитии ландшафтов о. Симушир, где снизилась роль тундровых ландшафтов и расширились площади, занятые березовыми лесами. Среднегодовая температура повышалась незначительно – на десятые доли градуса, но сумма активных температур могла быть выше современной на 150–180 °С. На Южных Курилах широколиственные породы могли распространяться вплоть до юга Урупа. В составе темнохвойных лесов увеличилась роль пихты. На о. Шикотан, самом крупном на Малой Курильской гряде, в лесной растительности участвовал дуб, исчезнувший в малый ледниковый период. На небольших островах без древесной растительности на юге Малых Курил состав спорово-пыльцевых спектров отвечает более теплым, менее увлажненным условиям. В рассматриваемый период территория Курильских островов была заселена представителями охотской культуры (800–1300 г. н. э.) [4]. Потепление и более комфортные условия, вероятно, способствовали более широкому расселению.

На о. Сахалин ход палеоландшафтных изменений несколько отличался на севере, где отсутствуют термофильные элементы, и на юге в зоне темнохвойных

there were short cooling periods in the beginning of the 10th and the 11th centuries with the climate aridization, snowfalls were characteristic for the 11th–12th centuries [3]. For the south of the Far East there are no documentary evidences of climate changes until the 18th century, any information about climate and landscape changes during the historical period may be obtained only by paleographic methods. Manifestations of the Holocene Climate Optimum in different regions of the south of the Far East had their own specifics. Landscape evolution processes were different in the profile of the ocean island Sakhalin and the continental coast. Modern climate is determined by the land and ocean interface and differs on the continent and on the islands. The variety of modern vegetation is in many respects determined by broken relief, influence of the warm and cold sea currents, presence of refugiums left by both warm and cold periods.

In the Kurils the warming was manifested in all landscape zones, the climate was milder, the average annual temperature was not much higher than the modern average, however the sum of the active temperatures was higher, which was an evidence of drier and warmer summers. The snow cover in winter was, probably, thicker. Landscape changes occurred under the conditions of isolation and developed towards the change of the plant communities areas. In the Northern and the Central Kurils landscape changes were obscured by the effect of volcanic ashfalls. In the Central Kurils the most vivid manifestations of warming could be observed in the Simushir landscapes evolution, where the role of tundra landscapes decreased, and the birch forests territories expanded. The average annual temperature raised insignificantly – only by fractions of degrees, however the sum of active temperatures could be higher than the modern by 150–180 °C. In the southern Kurils the broad-leaved species could have reached even the southern Urup. In the dark coniferous forests the role of Silver fir increased. In Shikotan, the largest island of the Lesser Kurils, one of the forest species was oak, which disappeared during the Little Ice Age. In small, lacking tree vegetation islands in the south of the Lesser Kurils the sporo-pollen spectra composition corresponded to the warm, less humidified conditions. During the period under study the territory of the Kuril Islands was inhabited by the representatives of the Okhotsk culture (800–1300 AD) [4]. The warming and the more comfortable conditions probably facilitated their wider settlement.

In Sakhalin the paleo-landscape changes were somewhat different in the north, where there were no thermophilic elements, and in the south, in the dark coniferous forest area with some presence of the broad-leaved

лесов с примесью широколиственных пород. Граница темнохвойных лесов, возможно, смещалась на север в подзону современных лиственных лесов на 40–50 км. Широколиственные максимально проникли на север в конце потепления. На восточном побережье острова увеличивалась роль березы. В конце теплой фазы мог появляться дуб. Значительное проникновение термофильной растительности происходило вдоль западного побережья Сахалина [5], что связано с влиянием теплого течения.

В восточном Приморье существенные изменения биотических компонентов отмечены для побережья, где в составе растительности увеличивалась роль широколиственных пород, среди темнохвойных — пихты. На отдельных участках сокращение роли кедра, возможно, в результате лесных пожаров, и возникновение вторичных лесов, скорее всего, связано с освоением территории в раннее средневековье. На побережье бух. Кит в спорово-пыльцевых спектрах фиксируется увеличение количества пыльцы древесных пород, уменьшение содержания спор, сокращается участие темнохвойных пород, к концу малого оптимума увеличивается роль корейского кедра. Участие широколиственных пород в растительном покрове было выше, чем сейчас. В отложениях обнаружена линза вулканического пепла B-Tm влк. Байтоушань (извержение 969 г. н. э.), что важно для временной привязки. Территория Приморья в рассматриваемый период входила в состав государств Бохай (698–926 г. н. э.), Цзинь (1115–1234 г. н. э.), Восточное Ся (1215–1233 г. н. э.). Можно предположить, что условия малого оптимума голоцена были благоприятными для хозяйственной деятельности.

Потепление в континентальной части юга Дальнего Востока было более контрастным, если на островах повышение среднегодовой температуры было в пределах нескольких десятых, на материке — до 1–1.3 °С, в основном за счет более теплых зим, предполагается повышение количества атмосферных осадков [6]. Потепление сопровождалось небольшой трансгрессией, что привело к затуханию эоловых процессов на побережье, зарастанию дюн и образованию почвы, которая перекрыта дюнами малого ледникового периода. В рассматриваемый временной интервал отмечено три пика активизации теплых течений системы Курошио [7], что усиливало эффект потепления.

Литература / References:

1. Климаты и ландшафты Северной Евразии в условиях глобального потепления. Ретроспективный анализ и сценарии. М., 2010.
2. Duan V., Pu Q., Wu X. A preliminary study if Quaternary climatic changes in China // Selected papers of the conference 1978 on climatic changes in China. Beijing, 1981. P. 7–17.
3. Sakaguchi Y. Warm and cold stages in the past 7600 years in Japan and their global correlation // Bull. of the Dep. of Geogr. Univ. of Tokyo. 1983. Vol. 15, P. 1–31.

species. The dark coniferous forest boundary was, possibly, 40–50 km further north, in the modern hemlock forests sub-zone. The broad-leaved species maximum distribution in the north occurred in the end of the warming period. On the eastern coast of the island the presence of birch tree became more visible. At the end of the warm phase occasional oak trees might appear. A significant penetration of the thermophilic vegetation took place along the western coast of Sakhalin [5], which was related to the warm current influence.

In the eastern Primorie significant changes in biotic components were registered for the coast areas where in the plants composition there was an increase of broad-leaved species, and among the dark coniferous — of Silver fir. In some areas the cedar population decreased, possibly as a result of forest fires, and the secondary forests appearance was, most likely, related to the economic development of the territory during the early Middle Ages. On the Kit bay coast the sporo-pollen spectra demonstrated an increase of tree species pollen, a decrease of spores, decrease of the dark coniferous species, and by the end of the Holocene Climate Optimum an increased role of cedar. Participation of broad-leaved species in vegetation was higher than today. A volcanic ash lens B-Tm from the the eruption of Baitoushan Volcano in 969 AD was discovered in the deposits, which was important for the time attribution. The territory of Primorie during the period under study was part of the Bohai (698–926 AD), Qin (1115–1234 AD), and Eastern Xia (1215–1233 AD) states. It may be presumed that the Holocene Climate Optimum conditions were favorable for the economic development.

The warming in the continental part of the south of the Far East was more contrast; while in the islands the average annual temperature increase was within several fractions of a degree, in the continent it reached 1–1.3 °C, mostly owing to the warmer winters, an increase of the precipitation amount could also be presumed [6]. The warming was accompanied by a slight transgression, which resulted in waning of aeolian processes on the coast, overgrowing of sand-dunes and the formation of soil bridged over by the dunes of the Little Ice Age. During the studied time interval three peaks of the Kuroshio warm currents system activity were registered [7], which increased the general warming effect.

4. Archaeology in the Kuril Islands: advances in the study of human paleobiogeography and Northwest Pacific prehistory/W. Fitzhugh [et al.] // *Arctic Anthropology*. 2002. Vol. 39, № 1–2. P. 69–94.
5. Микишин Ю. А., Гвоздева И. Г. Развитие природы юго-восточной части острова Сахалин в голоцене. Владивосток, 1996.
6. Дальний Восток/А. М. Короткий [и др.] // Изменение климата и ландшафтов за последние 65 млн. лет (кайнозой: от палеоцена до голоцена). М., 1999. С. 146–164.
7. Diatom record of the late Holocene in the Okhotsk Sea/Koizumi I. [et al.] // *Marine Micropaleontology*. 2003. Vol. 49, P. 139–156.

УДК 551.7

И. ХЛАХУЛА

Хлахула Иржи — Университет Томаса Бата
(Чехия). E-mail: Altay@seznam.cz

**ГЕОАРХЕОЛОГИЯ ДОЛЕДНИКОВЫХ/ОКРАИННО-
ЛЕДНИКОВЫХ СТОЯНОК: СВЯЗЬ МЕЖДУ
СИБИРСКИМИ И СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИМИ
ПАМЯТНИКАМИ**

Ключевые слова: Заселение в плейстоцене, арктические регионы, геоархеология, доледниковые гео-контексты

Резюме. В представленной работе обсуждается вероятное географическое расположение и геоархеологический потенциал памятников эпохи плейстоцена, запечатанных глубоко в недрах геологического контекста последнего ледникового периода северной Сибири, аналогичных памятникам западной Канады, на которых были получены первые четкие свидетельства проникновения палеоамериканского населения на СЗ территории Нового Света в период, предшествовавший последнему ледниковому максимуму.

Комплексные геологические — геоархеологические исследования четвертичного периода на территориях, ранее покрытых ледниками или находившихся в пограничных перигляциальных регионах северной Евразии, а также Северной Америки, имеют решающее значение для понимания процессов изменения климата в прошлые эпохи и адаптации человека в периоды плейстоцена-голоцена. Обширная циркумполярная территория СВ Сибири, охватывающая север Якутии, Магадан и полуостров Чукотка, обладает превосходным потенциалом для проведения комплексных палео-экологических исследований, имеющих непосредственное отношение к реконструкции раннего расселения человека в Новом мире. Эта уникальная, но недостаточно изученная земля, представляющая собой «окно миграций» западного Берингоморья, соединяющего оба континента, в разное время служила домом различным

J. CHLACHULA

Chlachula Jiri — Tomas Bata University in Zlín
(Czech Republic). E-mail: Altay@seznam.cz

**GEOARCHAEOLOGY OF PREGLACIAL/PERIGLACIAL
OCCUPATION SITES: THE SIBERIAN — NORTH
AMERICAN LINKAGE**

Key words: Pleistocene peopling, Arctic regions, geoarchaeology, pre-glacial geo-contexts

Summary. The presented topic discusses likely geographical occurrences and a geoarchaeological potential of the Pleistocene-age archaeological sites sealed deeply buried in the last glacial geological context in North Siberia paralleled to those from West Canada that delivered the first clear indices of the Palaeo-American peopling of the NW New World pre-dating the Last Glacial Maximum.

Integrated Quaternary geology — geoarchaeology studies in the formerly ice-covered or ice-marginal periglacial areas of North Eurasia as well as North America are of key significance for understanding processes of past climate development and human adaptations on Pleistocene-Holocene temporal scales. The extensive NE Siberian (circum-)polar territory, encompassing the northern Yakutia, the Magadan Region and the Chukchi Peninsula, has an excellent potential for complex palaeoecology studies with a direct bearing to reconstructions of the early human dispersal into the New World. This unique, but insufficiently explored land representing a “migration gateway” of the western Beringia uniting both continents, hosted numbers of prehistoric groups that left behind rich archaeological records located in diverse geomorphic settings and specific geological contexts. Field recognition of the cultural remains (stone/bone industries) in deep stratigraphic formations, including of glacial and glaciogenic deposits, may provide new and fundamental

доисторическим группам, оставившим после себя богатое археологическое наследие, помещенное в различные геоморфные условия и специфический геологический контекст. Полевая фиксация культурных материалов (изделий из камня и кости) в глубоких стратиграфических формациях, включая гляциальные и гляциогенные отложения, может способствовать получению новых фундаментальных знаний о процессах начального заселения севера Сибири и Северной Америки. Уникальные культурные свидетельства, полученные из геологического контекста, предшествующего последнему ледниковому периоду (>24 тыс. л. до н. э.) в Альберте, указывают на более широкую модель заселения Западной Канады до последнего ледникового периода, при этом первые палеолитические стоянки в Америке были обнаружены ниже ледниковых отложений. Канадские находки подразумевают возможность существования других глубоко погребенных местонахождений, относящихся к плейстоцену, на территориях ранее покрытых ледником и/или в пограничных с ледником регионах Северной Америки и Северной Азии. Культурные материалы, извлеченные из хорошо фиксированных доледниковых контекстов, могут также использоваться в качестве важных палеоэкологических прокси-объектов («палеонтологических следов») для реконструкции региональной истории четвертичного периода с использованием различных временных и пространственных шкал; служить в качестве альтернативных четких географических и хроно-стратиграфических индикаторов прошлых ледниковых событий, дополняющих обычные методы геологического и гео-морфологического анализа. Диагностика археологического материала, найденного в исходной геологической среде, указывающего на существование свободных ото льдов условий в различные периоды, может контекстуально служить инструментом экстраполяции для реконструкций прошлых изменений климата и трансформации ландшафта в ранее покрытых ледниками или пограничных с ледниками регионах Северной Азии. В частности, открытые территории морского побережья, а также межгорные бассейны континентальной СВ Сибири могут, по мнению ученых, потенциально содержать наиболее полную информацию о циркумполярных экосистемах позднего плейстоцена, связанных с ранним расселением человека в высоких широтах Евразии.

knowledge on the initial peopling of the northern Siberia and North America. A unique cultural evidence from the pre-Last Glacial (>24 ka BP) geological contexts in Alberta indicates a broader patterned inhabitation of Western Canada prior to the last glacial stage with the first Palaeolithic sites in America discovered below glacial deposits. The Canadian evidence implies that other deeply buried Pleistocene-age loci can be anticipated in the formerly glaciated and/or ice-marginal areas in North America as well as North Asia. The cultural records retrieved from well-fixed pre-glacial contexts may also be used as important palaeoenvironmental proxies («trace fossils») for reconstructing regional Quaternary histories on various temporal and spatial scales, and provide an alternative and straightforward geographical and chronostratigraphic control of past glacial events completing the conventional geological and geomorphological methods. A diagnostic archaeological material found in the original geological settings, implying ice-free occupation conditions, may contextually serve as a extrapolative tool for past climate-change reconstructions and landscape transformations in the formerly glaciated or ice-marginal areas of North Asia. Especially the exposed coastal maritime regions as well as the intermountain basins of the continental NE Siberia are believed to potentially store most complete information on the Late Pleistocene circumpolar ecosystems linked to the early human dispersal into the high Eurasian latitudes.

АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ
И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ
В СФЕРЕ ОХРАНЫ И СОХРАНЕНИЯ
ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

RECENT APPROACHES AND LEGAL
INITIATIVES IN THE FIELD OF
PROTECTION AND PRESERVATION OF
CULTURAL HERITAGE

УДК 902.2

Ю. В. ГЕРАСИМОВ, М. А. КОРУСЕНКО

Герасимов Юрий Викторович — к. и. н., Омский филиал ИАЭТ СО РАН (Россия, Омск). E-mail: ngajapti@yandex.ru

Корусенко Михаил Андреевич — к. и. н., Омский филиал ИАЭТ СО РАН (Россия, Омск). E-mail: otto.link@gmail.com

«ЛОЖНЫЕ» ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: памятники археологии, паспортизация, охрана, обременения собственников

Резюме. В статье рассматриваются проблемы взаимодействия собственников, на участках которых, согласно учетной документации, содержатся памятники археологии, органов исполнительной власти и археологов. Ошибки в выявлении памятников археологии и их постановка на охрану в современной ситуации приводят к трудноразрешимым проблемам для собственников в хозяйственной деятельности на таких земельных участках. Решение таких вопросов невозможно без дополнительных археологических исследований, позволяющих, если не подготовить материалы для снятия таких объектов с государственной охраны, то, по крайней мере, исключить земельные участки из территорий памятников-фантомов.

Охрана памятников археологии относится к одной из самых сложных задач охраны историко-культурного наследия не только в нашей стране, но и в мире. Современная социально-экономическая ситуация в Российской Федерации привела к появлению класса собственников, в том числе и лиц, которые обладают правами собственности или правами длительной аренды земельных участков. В какой-то мере остроту проблемы охраны памятников археологии в условиях частной собственности или длительной аренды земельных участков уменьшил Федеральный закон ФЗ 73 от 25 октября 2002 г., серия подзаконных актов, детализирующих вопросы охраны памятников, в том числе — археологии. Тем не менее, в новой правоприменительной практике то и дело возникают сложные ситуации, касающиеся взаимодействия собственников с одной стороны и органов охраны памятников с другой, как раз в деле охраны памятников археологии.

В настоящей работе мы опишем подобную ситуацию, возникшую в городе Омске в 2013 г. Проблема касается так же и другой плоскости — взаимоотношений органов охраны памятников

YU. V. GERASIMOV, M. A. KORUSENKO

Gerasimov Yury Viktorovich — PhD in History, Omsk branch of IAET SB RAS (Russia, Omsk). E-mail: ngajapti@yandex.ru

Koruseenko Mikhail Andrejevich — PhD in History, Omsk branch of IAET SB RAS (Russia, Omsk). E-mail: otto.link@gmail.com

“FALSE” ARCHAEOLOGICAL SITES AND THE PROBLEM OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE PROTECTION

Key words: archaeological sites, passportization, preservation, owners' rights encumbrance

Summary. The article describes problems of communication between the owners of land plots which, according the state records, contained archaeological sites, the public authorities, and the archaeologists. Mistakes in archaeological sites identification and their listing as protection objects in today's environment are associated with difficult to resolve problems for the owners in terms of the economic use of such land plots. Resolution of such problems is impossible without further archaeological studies which would make possible if not delisting of such objects from the public heritage protection lists, then at least excluding the land plots from the phantom sites territories.

Protection of archaeological sites is one of the most difficult tasks of historical and cultural heritage protection not only in our country, by throughout the world. Modern social and economic situation in the Russian Federation lead to the emergence of a class of owners, including persons who own land titles or long-term lease rights for the land plots. The Federal Law FZ 73 of 25 October 2002 accompanied by a series of by-laws regulating specific heritage, including archaeological sites protection, issues, has to some extent defused the controversy over the problem of archaeological sites protection under the conditions of private property or long-term lease of land plots. Nonetheless in the new law-enforcement practices there are still numerous difficult cases relating to the relationships between the owners on the one hand, and the heritage protection authorities on the other, specifically with regard to archaeological sites protection.

In this paper we give a description of this type of situation which occurred in Omsk in 2013. The problem has also another dimension — the relationships between the heritage protection authorities and the researchers-archaeologists discovering the archaeological sites which would later be given a protection status. The phenomenon described by the authors as the “false archaeological site” belongs to this set of issues.

и археологов-исследователей, открывающих археологические памятники, которые затем принимаются на охрану. Вот в этой-то плоскости и возник феномен, который мы охарактеризовали с помощью термина «ложный памятник археологии».

В 2013 г. в Омский филиал Института археологии и этнографии СО РАН обратилась группа граждан — владельцев земельных участков по ул. Сибниисхозовская (Советский административный округ г. Омска) с просьбой провести историко-культурное обследование территории их землевладений. Как позже выяснилось, у них возникли проблемы с правом владения данными участками, и одним из вопросов к ним со стороны властей было как раз наличие на их территориях объекта археологического наследия — курганного могильника Сибниисхоз I. Министерство культуры Омской области в лице Управления по охране культурного наследия в рамках действующего законодательства предложило гражданам выполнить историко-культурное обследование участков на предмет установления наличия или отсутствия объекта археологического наследия на этих территориях.

Прежде чем начать полевые исследования авторы настоящей статьи, разумеется, предприняли архивные изыскания. При изучении учетной документации выяснилось, что на территории, которую согласно планам кадастровых участков, занимают землевладения, действительно расположен курганный могильник Сибниисхоз I. Памятник открыт В. В. Дубко, сотрудником Омского педагогического университета в рамках археологической разведки в г. Омске и районах Омской области в 1992 г. [1]. На памятник была составлена учетная документация — научный паспорт (паспорт памятника), после чего он был поставлен на охрану [2]. Согласно этим данным, могильник состоит из 4 курганных насыпей диаметром 20–25 м и высотой 0,8–1,0 м, в 0,6 км к ЮВ от микрорайона СибНИИСХоз, близ пересечения ул. Березовая и пр. Королева. Четыре кургана расположены по обе стороны от ул. Березовая, которая ориентирована по линии СЗ — ЮВ и пересекается с проспектом Королева, ориентированном по линии ЮЗ — СВ: курган 4 расположен юго-западнее дороги, курганы 1–3 находятся северо-восточнее дороги. Судя по размерам, объекты должны хорошо читаться на местности даже через 20 лет после их открытия, если, конечно, не принять допущение, что их внешние признаки уничтожены при хозяйственной деятельности.

При соотнесении графических планов из полевого отчета В. В. Дубко с современной градостроительной ситуацией стало ясно, что план-схема расположения

In 2013 the Omsk branch of the Institute of Archaeology and Ethnography SB RAS was approached by a group of owners of land plots in Sibniiskhozovskaya Str. (the Sovetsky administrative district of Omsk) with a request to perform historical and cultural examination of the territory of their estates. As became clear in the process of review, they had problems with obtaining title for these lands, and one of the objections on the part of the authorities was the existence in the territory of their estates of an archaeological heritage site — barrow-type burial site Sibniiskhoz I. The Ministry of Culture of the Omsk Oblast represented by the Cultural Heritage Protection Office recommended the owners, in accordance with the applicable laws to perform a historical and cultural audit of the estates in order to establish the existence or absence of archaeological heritage objects in these territories.

Prior to the beginning of the field study the authors of this article have, of course, studied the archives. In the state records we found a confirmation of the existence in the territory which, according to the cadastral plans belonged to the estates, of a barrow type burial site Sibniiskhoz I. The site was discovered by V. V. Dubko, a researcher from the Omsk Teacher Training University during the archaeological exploration works in Omsk and the Omsk region in 1992 [1]. Accounting records for the site (site passport) were made and the site was added to the heritage protection list [2]. According to these records the burial sites consisted of four barrow mounds, each 20–25 m in diameter and 0.8–1.0 m high, 0.6 km south-east of the Sibniiskhoz district near the intersection of the streets Berezovaya and Koroleva. The four barrows were located on both sides of Berezovaya Str. which was oriented along the line NW-SE and crossed Koroleva Str. oriented along the line SW — NE; barrow 4 was located south west of the road, barrows 1–3 were located north-east of the road. Judging by their dimensions the objects should have been well visible in the landscape even 20 years after their discovery, unless assuming that their exterior attributes were destroyed by economic activities.

Correlation of the graphic plans from the field report by V. V. Dubko with the modern city-planning situation demonstrated that the location diagram of the sites was not accurate. The estimated by sight plan was made with serious errors, which made an accurate tie-in of the objects impossible. The identified mistakes led the authors to a search for a non-standard solution. We have built a hypothetical model of the possible geographic location of the barrows based on the two most probable configurations of their whereabouts, and then we superimposed the obtained diagrams over the plans of the estates territory.

памятника ей не соответствует. Глазомерный план снят с серьезными ошибками, исключая точную привязку к местности. Обнаруженные ошибки привели авторов к поиску нестандартного решения. Нами была выстроена гипотетическая модель возможного расположения курганов на местности, исходя из двух наиболее вероятных конфигураций их размещения, а затем полученные схемы были наложены на современный план территории земельных участков.

В соответствии с разработанной моделью вероятного расположения курганных насыпей, авторами спланированы земляные работы на участках землевладений.

Все заложенные на территории обследованных домохозяйств шурфы и зачистки показали наличие природных, непотревоженных слоев, в ряде случаев перекрытых слоями техногенного и антропогенного происхождения — выравнивающей рельеф отсыпкой, отсыпкой для гидроизоляции, слоями городской застройки середины — конца XX в. Следы археологических объектов не выявлены.

Итак, на территории землевладений следов археологического памятника обнаружено не было. В связи с этим сложилась парадоксальная ситуация — с одной стороны, памятник существует, на него составлена учетная документация, он принят на охрану; с другой — убедительно доказано, что данный объект историко-культурного наследия не существует в реальности.

Налицо правовой парадокс с неоднозначными путями выхода. Наиболее очевидными представляются действия хозяев участка, получивших результаты историко-культурного обследования и право на хозяйственные освоения территорий без ограничений. Действия уполномоченного органа субъекта федерации (Министерство культуры Омской области) относительно мнимого объекта археологического наследия и споров вокруг земельных участков, в ближней перспективе, скорее всего, будут сведены к «соломонову» решению — территория земельных участков будет освобождена от обременений, остальная территория, где теоретически возможно нахождение памятника, останется в «подвешенном» состоянии. Долговременная перспектива развития описанного сюжета — подготовка к процедуре снятия памятника-«фантома» с охраны.

Литература / References:

1. Дубко В.В. Отчет о результатах разведки по правому берегу р. Иртыш в Омском районе Омской области в 1992 г. // Архив кабинета археологии ОмГПУ. Ф. Р-1. Д. 32-1.
2. Постановление Главы Администрации Омской области от 19 апреля 1994 г. № 176 п [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.omsklaws.ru/index.php?ds=717401> (дата обращения: 26.09.2014).

In accordance with the developed hypotheses of the probable barrow mounds location the authors planned excavation works in the estates area.

All test pits and rabotage in the territory of the studied households demonstrated the presence of the natural undisturbed levels in a number of cases capped with the technogenic and anthropogenic origin levels — removing the relief dumps, damp-proofing, urban development levels of the middle — the end of the 20th century. No traces of archaeological site were identified.

Thus there were no traces of an archaeological site in the territory of the said households. In this connection a paradoxical situation developed — on the one hand, the site did exist, it was listed in the accounting records and the heritage protection lists, on the other — it was definitely proven that this historical and cultural heritage site was non-existent in reality.

This created a legal paradox which did not have an apparent solution. The outcome for the land owners was quite straightforward — they obtained the results of historical and cultural examination and the right for unrestricted use of their property. The actions of the public authorities (Ministry of Culture of the Omsk Oblast) with regard to the alleged archaeological heritage site and the disputed land plots would, most likely follow the “Solomon’s solution” — all encumbrances will be lifted from the disputed land plots, and the remaining territories where theoretically an archaeological site could exist would remain in a “suspended” state. The long-term perspective for the development of this situation would be the preparation for the phantom site delisting.

УДК 902.2: 502.8

В.М. КОСТОМАРОВ

Костомаров Владимир Михайлович — к. и. н.,
ИПОС СО РАН (Россия, Тюмень).
E-mail: vkostomarov@yandex.ru

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ГРАНИЦ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Ключевые слова: культурный слой, методы неразрушающего контроля, определение границ, охранная зона

Резюме. В современной археологии утвердилось широкое применение ряда новых методов исследований. Одним из стабильно используемых в современной полевой практике является геофизическое обследование территории. Применение данного метода позволит наиболее эффективно выделять границы памятников и уточнять сам объект охраны.

Как известно, в последние годы наблюдается тенденция по совершенствованию законодательства в отрасли охраны объектов культурного наследия. Особое внимание уделяется самой территории охраны, способам ее определения и последующей фиксации. Однако наиболее часто в актах указываются традиционные методы исследования памятников и выделения их границ. В основном они базируются на выделении ландшафтных особенностей, шурфовке и условных рельефных границах. Однако в последние десятилетия широкое распространение в археологии получили т. н. методы неразрушающего контроля, которые позволяют определить некоторые характеристики культурного слоя без его повреждения.

К наиболее распространенным можно отнести геомагнитное или электромагнитное изучение площадей памятника. В последние несколько лет накоплен богатый опыт по производству геофизических исследований на различных памятниках [1]. Несомненно актуальность использования данных методов. Они позволяют не только выявить особенности планиграфии отдельного памятника, но и в целом дать характеристику культурного слоя.

Конечно, как и любой метод, геофизика поселений с точки зрения археологии имеет позитивные и негативные стороны. Положительным, кроме неразрушающего исследования и выявления каких-либо объектов, является возможность планирования исследований, выбора наиболее перспективных и насыщенных участков памятника. Однако всем

V.M. KOSTOMAROV

Kostomarov Vladimir Mikhailovich — PhD in History,
IPDN SB RAS (Russia, Tyumen).
E-mail: vkostomarov@yandex.ru

USE OF GEOPHYSICAL METHODS IN DEFINING THE CULTURAL HERITAGE SITES BORDERS

Key words: cultural level, nondestructive control methods, defining borders, protection zone

Summary. New research methods are widely used in modern archaeological studies. One of the regularly used field research methods is the geophysical survey of the territory. Application of this method improves accuracy of the sites' boundaries determination and allows to obtain more precise data about the protection object itself.

As is known in the recent years there is a trend towards the improvement of legal regulation in the area of cultural heritage protection. Particular attention is being paid to the protection territory as such, methods of its delineation and further fixation. However most often the certificates list the traditional methods of the sites study and delineation of their boundaries. In most cases they are based on identification of landscape features, testing and the conventional relief boundaries. However over the past decades the so-called non-destructive control methods began to be commonly used in archeology. These methods allow detection of certain cultural level characteristics without destroying it.

The most common methods are the geo-magnetic and electro-magnetic sounding of the site areas. Over the past several years a significant experience of geophysical studies of various archaeological sites has been accumulated [1]. The relevance of the use of these methods is undoubted. They allow in addition to the identification of the planigraphic features of a particular site also provide an overall characteristic of the cultural level.

Of course, like any other method the settlements geophysics has both positive and negative aspects from the point of view of archeology. The positive side is, in addition to the possibility of non-destructive study and certain objects detection, the possibility to plan the research, select the more promising and rich in the artifacts sections of the site. However, the restrictions of the use of geophysical tools are also well known, these include the forested areas, the anthropogenic disturbances distorting the picture, climate and moisture

известны и ограничения в применении геофизической аппаратуры, — это залесенность участков, антропогенные нарушения, не позволяющие дать адекватную картину, показатели климата и сырости почв, труднодоступность памятников, временные затраты на съемку.

Однако при ряде недостатков прибор электромагнитного сканирования позволил актуализировать данные по ряду памятников на территории Тюменской и Омской области. Удалось выявить продолжение системы погребений на площадке Хрипуновского могильника в Исетском районе Тюменской области, обнаружить структуру захоронений и идентифицировать границы распаханных курганов на Ботниковском курганном могильнике.

При проведении исследования на поселенческих памятниках исследования культурного слоя показали структуру поселений, особенности архитектуры и наличие руинированных и археологизированных конструкций, которые не читались в рельефе. Подобное исследование площади могильников показывает ранее неизвестные, сnivelированные сооружения, контуры иных могил, которые не были обнаружены при разведках.

Как показывает практика, в целом, геофизические методы могут быть использованы на стадии предварительной оценки состояния, площади и характеристики культурного слоя. Помимо этого, применяя данные методы, кроме научной информации мы можем получать данные, которые помогут при охране объекта в последующем. Помимо археологии, связанной с древними поселками, геофизика помогает реконструировать расположение и находить остатки достаточно поздних построек эпохи русской колонизации и первого каменного строительства в Сибири (погребя, фундаменты и пр.). Однако, если в науке практика электромагнитного зондирования считается практически нормой, то в области охраны памятников требует законодательного обоснования и закрепления в виде отдельного положения, которое бы сопровождалось рекомендациями и сопутствующими методиками.

Литература / References:

1. В поисках мерзлоты (результаты геофизических исследований курганных могильников на плато Укок)/М. И. Эпов, А. К. Манштейн, В. И. Молодин, Г. Парцингер, М. А. Чемякина, Ю. А. Манштейн, Е. В. Балков // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Новосибирск, 2003. Т. IX. С. 528–534.

content limitations, accessibility of the sites, and the time required for the survey.

However, even despite certain limitations, the electromagnetic sounding tools allowed updating information about a number of archaeological sites in the territory of the Tyumen and the Omsk regions. Thus we managed to detect the continuation of the system of interments in the Khripunovsky burial site in the Iset district of the Tyumen Oblast, identify the interments structure and determine the borders of the tilled barrows in the Botnikovsky barrow-type burial site.

During the settlement type sites' studies the cultural level survey produced a picture of the settlement's structure, specific features of the architecture and the presence of ruined and archeologized structures which could not be read in the relief. And a similar study of the burial sites demonstrated the earlier unknown leveled structures, other graves contours, which were not detected by exploration.

From practical experience it may be said that, in general, the geophysical methods may be used at the stage of preliminary assessment of the state, the area and the characteristics of the cultural level. In addition, using these methods we may get alongside with the research information the data that will help with the site's conservation in future. In addition to the archeology related to ancient settlements geophysics helps in reconstruction of the location and finding the remains of the relatively late buildings of the period of the Russian colonization and the first use of stone for construction in Siberia (cellars, foundations, etc.). However while in science the electromagnetic sounding practices are quite common, in the area of heritage protection it requires legal justification and approval by a separate act which should be accompanied with the relevant recommendations and guidelines.

УДК 562:52.8

Ю. А. ЛАВРУШИН, А. Н. БЕССУДНОВЛаврушин Юрий Александрович — д. г.-м. н.,
ГИН РАН (Россия, Москва). E-mail: lavrushin09@mail.ruБессуднов Александр Николаевич — к. и. н.,
ЛГПУ (Россия, Липецк). E-mail: lavrushin09@mail.ru

ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ ПОЗДНЕГО
ПАЛЕОЛИТА И СОХРАНЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ
ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТОВ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ¹

Ключевые слова: природная катастрофа, отложения селей, плывунов, очаговая денудация, суперполоводье, поздний палеолит, палеоклиматическое событие

Резюме. Возникновение «кладбищ» мамонтов и лошадей происходило в эпизоды проявления катастрофических природных процессов, совпадавших по времени с преобладанием в биоте хоботных и табунных животных. Для разных районов в связи со сменой геолого-геоморфологических и палеоклиматических обстановок были свойственны разного типа природные катастрофы. Рассматриваются вопросы разных вариантов стратегии сохранения фрагментов «кладбищ» мамонтов и лошадей в качестве культурного наследия, поскольку с ними нередко оказываются связаны археологические памятники.

Индикаторами проявления локальных экологических катастроф являются «кладбища» лошадей и мамонтов. Основу разработанной седиментационно-палеозоологической концепции возникновения в позднем палеолите локальных экологических катастроф составили:

Установление в Субарктике при потеплении климата значительной роли очагового процесса склоновой денудации «байжарахового типа», проявляющейся на участках крутых склонов южной экспозиции, сложенными чрезвычайно льдонасыщенными породами. При таянии льда и мерзлых пород возникают мощные потоки разжиженной алевроитовой массы, привлекающей и одновременно губящей животных (Берелех).

1. Открытие эпизодов проявления экстремального равнинного селевого осадконакопления в районах развития значительных склоновых эрозионных форм рельефа. Высокая динамичность селевых пото-

YU. A. LAVRUSHIN, A. N. BESSUDNOVLavrushin Yury Alexandrovich — Doctor of Geology,
GIN RAS (Russia, Moscow). E-mail: lavrushin09@mail.ruBessudnov Alexander Nikolayevich — PhD in History,
LSPU (Russia, Lipetsk). E-mail: lavrushin09@mail.ru

PALEO-ZOOLOGICAL CATASTROPHES OF
THE LATE PALEOLITHIC AND THE PRESERVATION
OF FRAGMENTS OF THEIR MANIFESTATION AS THE
CULTURAL HERITAGE OBJECTS¹

Key words: natural catastrophe, mudslide, drift sand deposits, local washout, super-flooding, late Paleolithic, paleo-climatic event

Summary. Mammoth and horses “cemeteries” were formed during the episodes of manifestation of the catastrophic natural processes which coincided in time with the domination in the biota of the proboscidean and the herding animals. Different regions were exposed to different types of natural catastrophes related to the change of geologo-geomorphological and paleo-climatic conditions. Different strategic options of the preservation of the mammoth and horses “cemeteries” fragments as the cultural heritage objects are considered. A reason for this is that such objects are often closely related to the archaeological sites.

Indicators of manifestation of the local ecological catastrophes are the “cemeteries” of horses and mammoths. The following assumptions formed the basis of the proposed sedimentation — paleo-zoological concept of the occurrence in the late Paleolithic of the local ecological catastrophes:

The significant role of the local process of the slope “bajjarkh type” washout in the sub-Arctic during the climate warming, which was manifested on the steep-slope sections of southern exposition made up of the extremely ice-rich rocks. In the process of ice and frozen rock melting powerful flows of liquefied aleuritic mass were formed, which attracted and at same time killed the animals (Berelekh).

1. Discovery of the episodes of manifestation of the extreme flatland torrential sediments accumulation in the areas of the significant slope erosion relief patterns development. High dynamism of landslide flows was

¹ Исследования выполнялись при финансовой поддержке РФФИ: гранты №№ 14–06–00061-а, 14–06–00438

¹ The study was performed with the financial support of RFRF: grants №№ 14–06–00061-a, 14–06–00438

ков особенно проявлялась в приустьевых частях балок (Подонье).

2. Обоснование возникновения излияний высокоплотностных потоков пльвунов в латеральных частях лессово-почвенного покрова, распространявшихся на пологие борта древних балок (Подесенье).

3. Выявление роли локального суперпотова (Севск).

Постоянные скопления животных (пункт 1, 2, 3) на склонах южной экспозиции в весеннее время были связаны с возникающей потребностью у животных включения в питание минеральных добавок и ранней зелени. Экстремальная динамичность природных процессов обуславливала гибель животных. Костища нередко использовались древними людьми в разных целях (кроме пункта 4), поэтому необходимость разработки системы мер, направленных на совершенствование сохранения фрагментов «кладбищ» как объектов культурного наследия очевидна.

УДК 902:52.8

И. А. САПРЫКИНА

Сапрыкина Ирина Анатольевна — к. и. н., ИА РАН (Россия, Москва). E-mail: dolmen200@mail.ru

МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ОХРАНЫ В АРХЕОЛОГИИ

Ключевые слова: охрана объектов археологического наследия, законодательство, предмет охраны, методика

Резюме. Определение предмета охраны — одна из ключевых методических проблем в сохранении объектов археологического наследия нашей страны. В российском законодательстве отсутствует четкая формулировка предмета охраны, что вызывает в определенной мере затруднения и разночтения в ее толковании. Для территории г. Москвы в 2013 г. была выполнена разработка методических рекомендаций по определению предмета охраны объектов культурного наследия, учитывающая как специфику объекта исследования, так и положения современного российского законодательства. Одним из основных элементов определения предмета охраны археологических объектов являются: 1) наличие полноценных и удовлетворяющих задаче архивных сведений об объекте археологического наследия; 2) результаты полевых археологических исследований на объекте археологического наследия; 3) наличие установленных границ территории объекта археологического наследия.

particularly evident in the near the mouth parts of gullies (Podonje)

2. Argumentation in favor of the occurrence of high-density drift sand flows in the lateral parts of the loessial cover expanding to the gently sloping sides of ancient gullies (Podesenje).

3. Establishing the role of the local super-flooding (Sevsk).

Regular gatherings of animals (points 1, 2, 3) on the slopes of southern exposition in spring periods were related to the animals' need to include in their feeding rations of the minerals and the early greenery. The extreme dynamism of the natural processes caused the death of the animals. Bone accumulations were often used by the ancient people for various purposes (except point 4), therefore the need to develop a system of measures aimed at better preservation of the "cemeteries" fragments as the cultural heritage objects appears obvious.

I. A. SAPRYKINA

Saprykina Irina Anatoljevna — PhD in History, IA RAS (Russia, Moscow). E-mail: dolmen200@mail.ru

METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PROTECTION OBJECT DEFINITION IN ARCHEOLOGY

Key words: protection of archaeological heritage sites, legislature, protection object, methodology

Summary. Definition of protection objects is one of the key methodological problems for protection of archaeological heritage sites in our country. The Russian law does not provide clear definition of a protection object, which causes certain complications and disagreements in legal interpretation. Methodological recommendations on defining cultural heritage protection objects taking into account the specifics of the object of study and the provisions of the applicable Russian laws have been developed for the city of Moscow in 2013. Main elements in defining the protection object of archaeological sites are the following: 1) availability of valid and relevant archive data on archaeological heritage object; 2) results of field archaeological research on archaeological heritage site; 3) established boundaries of the archaeological heritage site.

One of the main aspects of archaeological heritage preservation is the definition of protection object in archeology which entails numerous methodological

Одним из основных аспектов сохранения археологического наследия является определение предмета охраны в археологии, что влечет за собой множество методических проблем. Эти проблемы имеют как эмпирическое, так и прикладное значение, в частности, определение предмета охраны объекта археологического наследия является обязательным пунктом документов, подготавливаемых для принятия решения о включении объекта археологического наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия народов РФ (согласно статье 17 (8) № 73-ФЗ от 25.06.2002 г.).

В пункте 8 статьи 17, предмет охраны объекта археологического наследия представлен как «описание особенностей объекта, послуживших основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению (далее – предмет охраны)». Размытость этой формулировки, основанной на уже имеющихся методических разработках и сложившихся традициях определения предмета охраны для объектов архитектурного наследия, вызывает разнообразные трудности как в процессе ее толкования для объектов археологического наследия, так и собственно в процессе определения предмета охраны для объектов археологии.

Имеются единичные примеры определения предмета охраны объектов археологического наследия, которые отличаются разнообразием как в понимании и трактовке самого термина «предмет охраны», так и в его наполнении. Ряд экспертов под предметом охраны понимают совокупности признаков памятника (подлинность, древность, историчность, мемориальность и другие признаки), наличие которых позволяют отнести его к объектам культурного наследия. Другие предметом охраны считают сумму материальных элементов и характеристик объекта культурного наследия, подлежащих обязательному сохранению (стратифицированный культурный слой, погребения и так далее).

Результатом является отсутствие единых подходов при определении предмета охраны объекта культурного наследия, отсутствие понимания его обязательности в практике органов охраны объектов культурного наследия в различных регионах России. Во многих субъектах Российской Федерации в учетной документации либо отсутствует определение предмета охраны объекта археологического наследия, либо дано определение предмета охраны исходя из существующего в регионе опыта.

Для г. Москвы была предпринята попытка разработать методические рекомендации по определению предмета охраны для объектов археологического наследия, расположенных в границах города

problems. These problems have both empirical and applied importance, particularly, since defining an archaeological heritage object is a mandatory requirement for filing a request for listing an archaeological heritage object in a unified state register of archaeological heritage objects of the RF (according to Article 17 (8) № 73-FZ of 25.06.2002).

In Article 17 p. 8 the archaeological heritage object is referred to as the “description of specific features of an object giving reasons for listing it in the register as requiring mandatory protection (hereinafter – protection object)”. Ambiguity of this wording based on the existing methodological recommendations and the established traditions of defining protection objects of archaeological heritage sites creates various difficulties both in terms of its interpretation for archaeological heritage sites and in its practical application for the purposes of defining protection objects in archeology.

There are individual examples of defining protection objects of archaeological heritage sites which differ significantly both in understanding and interpretation of the very term “protection object”, and in its content. A number of experts understand a protection object as a combination of attributes of a site (its authenticity, antiquity, historicity, memorial value, etc.) availability of which makes it possible to treat it as a cultural heritage object. Others believe that a protection object is a sum of material elements and characteristics of a cultural heritage object which must be physically preserved (stratified cultural level, interments, etc.)

As a result there is no common approach to the definition of cultural heritage objects and lack of understanding of the need of its obligatory inclusion in the practice of cultural heritage preservation work in various regions of Russia. In many subjects of the Russian Federation there is no definition of a protection object of an archaeological heritage site in the cultural heritage records, at best the protection object is defined in accordance with the established practices of the region.

An attempt was made to develop methodological recommendations for the definition of archaeological heritage sites located within the borders of the city of Moscow (customer – the Department of Cultural Heritage of Moscow). A list of mandatory conditions for a complete definition of a protection object of archaeological heritage sites was proposed, including: 1) availability of valid and relevant archive data on archaeological heritage object; 2) results of field archaeological research on archaeological heritage site; 3) established boundaries of the archaeological heritage site.

Based on the analysis of all available at the time information both on archaeological heritage sites, and the definition of protection objects in other subjects of the

федерального значения (заказчик — Департамент культурного наследия г. Москвы). Одними из обязательных условий выполнения комплекса мероприятий по определению предмета охраны объекта археологического наследия были определены: 1) наличие полноценных и удовлетворяющих задаче архивных сведений об объекте археологического наследия; 2) результаты полевых археологических исследований на объекте археологического наследия; 3) наличие установленных границ территории объекта археологического наследия.

В результате анализа всей имеющейся на данный момент информации как об объектах археологического наследия, так и в определении предмета охраны в других субъектах Российской Федерации, были выработаны основные методические рекомендации по определению предмета охраны объектов археологического наследия, учитывающие как специфику объектов археологического наследия, так и существующее законодательство в сфере сохранения объектов культурного наследия народов РФ.

Предмет охраны объекта археологического наследия — совокупность количественных и качественных характеристик объекта, отражающих его особенности, послужившие основанием для включения данного объекта культурного наследия в единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, произвольное изменение и (или) утрата которых наносит вред объекту культурного наследия.

В предмет охраны включаются все элементы, характеризующие объект археологического наследия с научной, исторической, культурной позиций, расположенные в установленных границах территории объекта археологического наследия. Также в предмет охраны объекта археологического наследия могут быть включены элементы рельефа, гидрографической сети, открытые пространства и другие элементы планировки или ландшафта, непосредственно связанные с объектом археологического наследия, время возникновения которых относится к времени возникновения или функционирования объекта археологического наследия.

Все эти элементы фиксируются графически и в текстовом виде, оформляются в виде соответствующих анкет, на основании которых готовится итоговое развернутое описание предмета охраны объекта археологического наследия.

Russian Federation basic methodological recommendations on defining protection objects of archaeological heritage sites were proposed taking into account both the specifics of archaeological heritage sites, and the applicable laws regulating protection of cultural heritage objects in the RF.

Protection object of archaeological heritage site — is a combination of quantitative and qualitative characteristics of the object reflecting its specifics and serving as the reason for listing of a given cultural heritage object in a unified state register of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation, the unwarranted change and (or) loss of which would cause damage to the cultural heritage object.

Protection object should cover all elements characterizing an archaeological heritage site from the academic, historical, and cultural perspectives located within the defined boundaries of an archaeological heritage site. Protection object of an archaeological heritage site may also include elements of relief, hydrographic network, open spaces and other elements of layout or landscape directly related to an archaeological heritage site, the time of the formation of which dates back to the time of the appearance of functioning of the archaeological heritage site.

All these elements have to be recorded graphically and in text form, or executed in the form of questionnaires on the basis of which the final detailed description of an archaeological heritage site protection object is made.

УДК 902(571.122):502.8

М. Ю. СЕЛЯНИНА

Селянина Марина Юрьевна — Сургутский краеведческий музей (Россия, Сургут).
E-mail: selyanina@admsurgut.ru

АРХЕОЛОГИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО СУРГУТА

Ключевые слова: достопримечательное место, сохранение, популяризация, Сургут

Резюме. Представлена проблематика популяризации археологических памятников с целью повышения значимости и места их в структуре города Сургута.

Сургут — современный активный промышленный город, с богатой историей, скрытой новостройками и магистралями. В городе среди немногочисленных объектов культурного наследия особое место занимают памятники археологии. В настоящее время в городской черте Сургута сохраняются археологические объекты, выявленные и исследованные в конце XX и начале XXI вв. Расположение памятников в зоне городской застройки значительно усложняет возможности их сохранения и использования.

Во второй половине XX в. было выявлено пять археологических памятников, два — частично исследованы раскопками в 1993–1994 гг. Самый ранний — поселение эпохи бронзы Чернореченское I. Наиболее известный — раннесредневековое городище Сургутское I, расположенное на территории городского парка. Коллекции, полученные в ходе раскопок этих памятников, хранятся в Сургутском краеведческом музее. Многократное экспонирование предметов коллекции на выставках не исчерпывает способов их репрезентации. К 2008 г. была создана мультимедийная реконструкция городища. До настоящего времени этот проект пользуется большой популярностью у посетителей музея.

Другим чрезвычайно важным объектом является достопримечательное место «Культурный слой Сургута». Этот памятник связан с археологизированными остатками одного из первых русских городов в Сибири, который, согласно данным письменных и картографических источников конца XVII–XIX вв., находился на правом берегу р. Оби, в полутора верстах от впадения в нее р. Бардаковки и при устье р. Саймы.

Таким образом, история этого памятника является уже непосредственной историей Сургута как русского форпоста. 19 февраля 1594 г. царь всея Руси Федор Иоаннович дал наказ о строительстве

M. YU. SELYANINA

Selyanina Marina Yurievna — Surgut Regional History Museum (Russia, Surgut). E-mail: selyanina@admsurgut.ru

INDUSTRIAL SURGUT ARCHAEOLOGY

Key words: landmark, preservation, popularization, Surgut

Summary. Problems of popularization of archaeological sites for the purposes of raising their importance and place within the structure of the city of Surgut are presented.

Surgut is a modern, actively developing industrial city with a rich history hidden under new residential and commercial development and highways. Among the few cultural heritage objects of the city the archaeological sites play a special role. At present within the city bounds of Surgut there are several archaeological sites discovered and studied in the end of the 20th and the beginning of the 21st centuries. The fact that the sites are located in a zone of urban development significantly complicates the task of their preservation and use.

In the second half of the 20th century five archaeological sites were discovered, two of them have been partially studied by excavations in 1993–1994. The earliest of them is the Bronze Age settlement Chernorechenskoje I. The best known is the early Middle Age hillfort Surgutskoje I located in the territory of the city park. Assemblages obtained in the course of excavation of these sites are kept in the Surgut Regional History Museum. Methods of the artifacts representation are not reduced to their repeated presentations at various exhibitions. By 2008 a multimedia reconstruction of the hillfort was made. This projects is still quite popular with the museum's visitors.

Another very important object is a city landmark “Cultural level of Surgut”. This site is related to the archaeological remains of one of the first Russian cities in Siberia which, according to the data of written and cartographic sources of the end of the 17th–19th centuries, was located on the right bank of the Ob river one and a half verst from its confluence with the Bardakovka river and at the mouth of the Saima.

This makes the history of this site the history of Surgut itself as the first Russian outpost. On 19 February 1594 the Tsar of All Russia Fyodor Ioannovich gave an order to build the town of Surgut. In the autumn of 1594 a fortress was built with two gates, four solid and one passable towers. First citizen of Surgut were

города Сургута. Осенью 1594 г. отстроили крепость с двумя воротами, четырьмя глухими и одной проезжей башнями. Первыми жителями Сургута были 155 служилых людей. За 420 лет своей истории Сургут превратился в крупный промышленный город.

В ходе археологических изысканий 2008, 2012 гг. было выявлено месторасположение древнего города. Инициатором и непосредственным участником работ выступил Сургутский краеведческий музей. Территория расположения объекта в современном ландшафте — это большой мысовидный выступ коренной террасы правого берега р. Оби, ограниченный с юга и юго-востока руслом р. Бардаковка, а с северо-востока и востока — р. Саймой. В настоящее время — это историческое ядро Сургута, занятое плотной современной застройкой и городскими коммуникациями.

Раскопки проводились в районе Мемориала Славы. Целью исследования было выявление культурного слоя и деревянных городских укреплений Сургута XVI–XVIII вв. В результате были обнаружены уникальные артефакты, датируемые концом XVI–XIX вв. Сооружения залегали на глубине от 1,2 до 1,8 м от современной поверхности и перекрывались сверху мощными прослойками органического происхождения — древесной стружки, щепы и бересты (строительный горизонт). В Сургуте сохранились культурные слои XVII–XVIII вв. и существует необходимость их дальнейшего исследования.

Результаты работ получили широкий резонанс среди населения города. Музей нацелен и в будущем продолжить археологические исследования в исторической части города. Отношение наших современников к далекой древности далеко не однозначно. Зачастую — это воспринимается как некая помеха для повседневной деятельности. Выявление объекта в городской черте не является гарантом его сохранности. Была проведена работа по включению данного объекта в Список выявленных объектов культурного наследия Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. 14 ноября 2013 г. вышло постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры № 480-п о включении в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации объекта культурного наследия достопримечательного места «Культурный слой Сургута» (1594–1849 гг.).

Сохранение археологических памятников в Сургуте — это, в первую очередь, сохранение исторического ландшафта. В 2002 г. были проведены работы по реанимированию ландшафта городища Сургутское I, включая склоны на выступе мыса. Сегодня, спустя

155 people on the government service. Over 420 years of its history Surgut grew into a large industrial city.

During archaeological excavations of 2008 and 2012 the location of the ancient town was determined. An initiator and a direct participant of the works was the Surgut Regional History Museum. The territory of the object's location in the modern landscape is the large cape-like ledge of a basement terrace of the right bank of the Ob restricted in the south and south-east by the Bardakovka river channel, and in the north-east and east — by the Saima river. At present this is the historical core of Surgut covered by dense modern development and city communications.

Excavations were performed in the area of the Glory Memorial. The purpose of the study was the identification of the cultural level and the wooden fortifications of Surgut of the 16th–18th centuries. As a result unique artifacts of the end of the 16th–19th centuries were discovered. The structures were deposited at the depth of 1.2–1.8 m from the modern surface and capped by thick layers of organic origin — wooden shavings, chips, and birch bark (construction horizon). In Surgut there are also preserved cultural levels of the 17th–18th centuries which need further study.

The results of the excavations were highly publicized in the media. The museum intends to continue archaeological research in the historical center of the city. However the attitude of our contemporaries to antiquity is far from unanimous. Quite often this is perceived as an obstacle to the ordinary routine life of the city. Discovery of an object within the city bound is no guarantee of its preservation. Actions were taken to obtain listing of this object in the List of identified cultural heritage sites of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra. On 14 November 2013 a resolution of the Government of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra № 480-p was issued on listing in the Unified state register of cultural heritage objects (monuments of history and culture) of the peoples of the Russian Federation of a cultural heritage object, landmark “Cultural level of Surgut” (1594–1849).

Preservation of archaeological sites in Surgut is, in the first place, the preservation of their historical landscape. In 2002 the works on rehabilitation of Surgutskoye I hillfort's landscape including the slopes on the cape ledge were performed. Today, 13 years after, it is possible to say that all museum's actions aimed at preservation of the cultural and natural landscape of the site were opportune and necessary for the future museumification of the site.

However, in the industrial city there is still no proper understanding of the need for recreation of historical landscape with the partial inclusion of ancient objects.

13 лет, можно утверждать, что все действия музея по сохранению культурного и природного ландшафта памятника были своевременны и необходимы для музеефикации объекта в дальнейшем.

Однако пока в индустриальном городе остается не востребованной потребность воссоздания исторического ландшафта с фрагментарным внедрением древних объектов. Тем не менее, учитывая опыт других регионов, можно утверждать, что в активную городскую среду чрезвычайно важно внедрять фрагменты ушедших эпох. Одной из самых больших проблем является плотная застройка исторической части города.

В настоящее время все рассмотренные объекты представляют интерес для узкого круга специалистов. Музей прилагает максимум усилий для популяризации археологических памятников. Самый реальный и действенный способ предъявления открытия населению — это музейное экспонирование. Музеем накоплен некоторый опыт в области сохранения и популяризации древнего наследия Сургута. Но, как показывает практика и проведенные социологические опросы, информации о достопримечательном месте «Культурный слой Сургута», распространяющейся через музей и СМИ, не достаточно для действенного понимания горожанами исторического значения этой территории.

В настоящее время предпринимаются шаги по визуализации границ объекта культурного наследия и по дальнейшим исследованиям в городе. В этих вопросах поддержка самого индустриального Сургута и профессионального сообщества необходима.

УДК: 94(571.1):351.853

A. B. СОЮРОВА

Союрова Алёна Васильевна — ИИиА УрО РАН
(Россия, Екатеринбург). E-mail: helenka-nav@yandex.ru

ТОБОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ КРАЯ
И ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО УЧЕТУ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРЕ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-е гг.¹

Ключевые слова: археологический памятник, охрана памятников истории и культуры, Тобольское общество изучения края, Барсова Гора

Резюме. В статье проанализирована роль Тобольского общества изучения края в охране объектов

Nonetheless, taking into account the experience of other regions, we may state that it is extremely important to inscribe the elements of the past ages in the urban environment. One of the largest problems is the dense construction in the historical part of the city.

At present all the described objects are interesting only for a narrow group of specialists. The museum takes maximum efforts for the popularization of archaeological sites. The most practicable and efficient methods of presenting the discoveries to the population is the museum exhibition. The museum has accumulated some experience in the area of preservation and popularization of the ancient heritage of Surgut. However from practical experience and the sociological surveys it is evident that the information about the landmark “Cultural level of Surgut” in the media and the museum’s publications is not sufficient for the real understanding by the people of the true historical importance of this territory.

At present we are taking actions on visualization of the boundaries of the cultural heritage site and continuation of research in the city. In this we need the support of the industrial city of Surgut itself as well as of the professional community.

A. V. SOYUROVA

Soyurova Alena Vasiljevna — IH&A UB RAS
(Russia, Ekaterinburg). E-mail: helenka-nav@yandex.ru

TOBOLSK REGIONAL STUDIES SOCIETY AND
FIRST ATTEMPTS OF ARCHAEOLOGICAL SITES
REGISTRATION IN THE NORTH OF WESTERN
SIBERIA IN 1920–1930¹

Key words: archaeological site, protection of historical and cultural heritage, Tobolsk Regional Studies Society, Barsova Gora

Summary. The article studies the role of the Tobolsk Regional Studies Society in organizing protection of

¹ Работа выполнена в рамках комплексной программы УрО РАН № 15-13-6-12

¹ The study was performed as part of integrated program of UB RAS № 15-13-6-12

культурного наследия на Севере Западной Сибири в 1920–1930-е гг.

К началу 1920-х гг. в РСФСР была создана государственная система охраны объектов культурного наследия, включающая в себя центральные и региональные органы власти (Наркомпрос и его подразделения — отделы народного образования на местах). Однако на Севере Западной Сибири в связи с развернувшимися военными событиями в ходе установления советской власти, а также из-за труднодоступности и удаленности территории возникли серьезные проблемы в организации дела охраны культурных ценностей. Секция музеев и охраны памятников старины при Тюменском губернском отделе народного образования, в ведении которой сосредоточились функции по охране памятников истории и культуры Севера Западной Сибири, просуществовала недолго: с 1920 по 1923 гг. В этой ситуации большая часть ответственности по охране культурного наследия региона и, в первую очередь, по выявлению и регистрации археологических памятников, легла на краеведческие общества, возникшие в начале 1920-х гг. в Тюмени и Тобольске.

Территория Сургутского уезда (с 1923 г. — района) входила в сферу научных интересов Тобольского Общества изучения края (ОИК), которое было создано при музее Тобольского Севера в июне 1921 г. [1, д. 970, л. 6]. В начале 1920-х гг. Общество состояло из нескольких секций — орнитологической, охраны памятников старины, которая позднее вошла в состав культурно-исторической, естественно-исторической, промышленно-экономической, культурно-исторической, педагогической, пчеловодной [2, д. 225, л. 6]. К 1930 г. в Обществе функционировало 4 отделения — в селах Обдорске, Кондинском, Шеркальском и Сургуте. Количество участников Общества ежегодно росло: в 1922 г. Тобольское ОИК насчитывало 89 человек, к концу 1927 г. — 170, в 1930 г. в нем состояло уже 290 членов [3, с. 217].

Традиционно краеведение уделяло особое внимание археологическим исследованиям. Так, для организации выявления и учета археологических памятников, культурно-историческая секция Тобольского ОИК подготовила список объектов культурного наследия Тобольского округа, выявленных к 1925 г. Ближайшей задачей было поставлено «производство перерегистрации всех курганов и городищ округа, сделав каждому хотя бы краткое научное описание по принятой в археологии форме» [4, с. 31].

К тому времени на территории Тобольского округа было выявлено 29 памятников, из них на территории Тобольского района — 14, в Демьянском районе — 1,

cultural heritage sites in the north of Western Siberia in 1920–1930.

By the beginning of 1920^s a state system of cultural heritage sites protection was set up in the RSFSR, with the participation of the central and the regional public authorities (Narkompros and its divisions — local Departments of Education). However in the north of Western Siberia because of the armed conflicts during the years of the Soviet power establishment, as well as for reasons of inaccessibility and remoteness of the territory there were serious problems with organization of the cultural heritage protection work. The section of museums and archaeological sites protection of the Tyumen province Department of Education, which was supposed to fulfill the functions of protecting historical and cultural heritage sites of the north of Western Siberia proved to be short-lived: it functioned only from 1920 to 1923. In this situation most of the functions related to protection of the cultural heritage of the region and, in the first place, detection and registration of archaeological sites were assumed by the regional studies societies which were established in 1920^s in Tyumen and Tobolsk.

The territory of the Surgut uezd (from 1923 — district) was also included in the sphere of academic interests of the Tobolsk Regional Studies Society (RSS) which was established by the Tobolsk North Museum in June 1921 [1, file. 970, sheet 6]. In the early 1920^s the Society had several sections — ornithological, archaeological sites protection, which was later merged with the cultural history section, natural history, industry and economic studies, cultural history, pedagogical, and beekeeping [2, file 225, sheet 6]. By 1930 the Society had four branches — in villages Obdorsk, Kondinskoje, Sherkalskoje, and in Surgut. The number of Society's members grew annually: in 1922 the Tobolsk RSS had 89 members, by the end of 1927–170, and in 1930 it already had 290 members [3, p. 217].

A significant attention was traditionally paid to archaeological studies. Thus for the purposes of organization of detection and registration of archaeological sites the cultural-and-historical section of the Tobolsk RSS made a list of cultural heritage sites in the Tobolsk region discovered by 1925. Their declared immediate task was “reregistration of all barrows and hillforts in the region providing each with at least brief academic description in accordance with the established in archaeological research standards” [4, p. 31].

By that time in the territory of the Tobolsk region there were 29 known archaeological sites including 14 in the territory of the Tobolsk district, 1 in the Demjyansk district, 2 in the Surgut, 8 in the Berezovo, and 4 in the

в Сургутском — 2, в Березовском — 8, в Обдорском — 4 [4, с. 32–33]. Археологическими раскопками исследовано только 1 памятник, остальные оказались неописанными и незарегистрированными [4, с. 31].

Археологические памятники Сургутского района в середине 1920-х гг. представлены 2 объектами: «огромным городищем» в урочище Барсова Гора [5, с. 36] и резиденцией легендарного хантыйского князя Бардака, расположенной «при впадении в Обь с правой стороны реки Трем-Югана, в 30 верст [ах] от Сургута» [5, с. 36].

Кроме этих двух памятников археологии, в списке археологических объектов Тобольской губернии, подготовленном И. Я. Слововым еще в конце XIX в., в пределах Сургутского района значились и несколько «городков» возле Ляминского сора [6, с. 85]. Эти археологические памятники, точное количество которых на тот момент оставалось неизвестным, сотрудники Тобольского ОИК ошибочно отнесли к объектам культурного наследия Березовского района. На эту неточность указал С. А. Куклин — сургутский лесничий и активный участник Общества в письме, направленном в июле 1925 г. в Тобольское ОИК: «... в списке городищ Березовского района (под № 25) упомянуты «несколько городков, расположенных близ «Ляминского сора». Р [ека] Лямин впадает в р [еку] Обь по территории Сургутского района. При устье этой реки имеется большой «Ляминский сор», а вблизи несколько городков. Не об этих ли городках говорится ошибочно при перечислении городищ Березовского района?» [1, д. 1022, л. 49]. Позднее, когда Тобольское ОИК издало работу «Курганы и городища Тобольского округа и их изучение» в качестве краеведческой инструкции, в ней уже были учтены все 3 археологических памятника, известные к концу 1920-х гг. в Сургутском районе [7].

В этом же письме С. А. Куклин выступил инициатором проведения выявления и учета археологических памятников Сургутского района: «В связи с появлением в № 4 (8) журнала «Наш край» статьи «Курганы и городища Тобольского округа и их изучение» я задался целью собрать сведения о городищах Сургутского района. Работа по осмотру и описанию этих памятников старины начата с огромного городища, находящегося на правом берегу р. Обь в 8 верстах ниже г. Сургута на «Барсовой Горе» [1, д. 1022, л. 49]. В итоге летом 1925 г. группой тобольских краеведов (К. А. Верёвкин, А. С. Мerezizov [8], Н. Я. Павлов) при активном участии С. А. Куклина была проведена первая топографическая съемка археологических памятников Барсовой Горы — снят схематичный план ее восточной части. Всего здесь было зафиксировано 30 городищ и 1 могильник.

Obdorsk districts [4, p. 32–33]. Only one of them was studied by excavations, all others were not described or registered [4, p. 31].

The archaeological sites of the Surgut district in the mid 1920s were represented with two sites: “huge hillfort” in Barsova Gora tract [5, p. 36] and the residence of the legendary Khanty prince Bardak, located “at the confluence with the Ob on the right side of the Trem-Yugan river 30 verst from Surgut” [5, p. 36].

In addition to these two locations on the list of archaeological sites of the Tobolsk province made by I. Ya. Slovtsov already in the end of the 19th century, several other “hillforts” were listed within the territory of the Surgut district near the Layminsky sor [6, p. 85]. These archaeological sites, the exact number of which at that time was unknown, were mistakenly listed by the Tobolsk RSS members as the cultural heritage sites of the Berezovsky district. This mistake was noted by S. A. Kuklin — a Surgut forester and active Society member in his letter sent in July 1925 to the Tobolsk RSS: “... on the Berezovsky district hillforts list (under № 25) there are “several hillforts located near “Layminsky sor”. The Lyamin river flows into the Ob across the territory of the Surgut district. Near this river’s mouth there is a large “Layminsky sor” and several hillforts nearby. Is it possible that the list of the Berezovsky district hillforts mistakenly referred to these sites?” [1, file 1022, sheet 49]. Later, when the Tobolsk RSS published a paper “Barrows and hillforts of the Tobolsk region and their study” as a region study manual, it already covered all three archaeological sites known by the end of the 1920s in the Surgut district [7].

In the same letter S. A. Kuklin proposed initiating work on detection and registration of archaeological sites in the Surgut district: “In connection with the publication in № 4 (8) of “Our region” magazine of an article “Barrows and hillforts of the Tobolsk region and their study” I set myself a goal to collect information about the hillforts of the Surgut district. I started the work of visual inspection and description of these sites with the huge hillfort located on the right bank of the Ob river 8 verst down the river from Surgut on “Barsova Gora” [1, file 1022, sheet 49]. As a result in the summer of 1925 a group of Tobolsk RSS members (K. A. Verevkin, A. S. Merezizov [8], N. Ya. Pavlov) with active participation of S. A. Kuklin performed the first topographic mapping of the archaeological sites of Barsova Gora — made a layout scheme of its eastern part. In total they registered 30 hillforts and 1 burial site. A member of the topographic expedition N. Ya. Pavlov also left an explanatory note to the plan, in which he provided a description of the sites and information about their studies [9, file 27, sheet 3–6; 10, p. 41].

Участник топографической экспедиции Н. Я. Павлов составил также пояснительную записку к плану, в которой дал описание памятников и сведения об их исследованиях [9, д. 27, л. 3–6; 10, с. 41].

Выявление и учет археологического наследия продолжало оставаться основным направлением работы культурно-исторической секции Тобольского ОИК и в конце 1920-х гг. В плане работы секции на 1928 г. значились: «а) археологическая библиография края; б) регистрация и внешнее описание археологических памятников; в) археологические разведки и исследования по отдельным памятникам» [1, д. 1005, л. 4].

Однако к началу 1930-х гг. краеведческая деятельность, согласно государственным задачам, была переориентирована на естественно-географические исследования, а изучение исторического наследия сосредоточилось на сборе фольклорных данных и материалов по истории революции. Выявление и учет археологических памятников в это время не производились.

В конце 1930-х гг. состояние краеведческого движения резко ухудшилось в результате проведения массовых репрессий в отношении наиболее активных членов краеведческих обществ, а к августу 1937 г. все краеведческие организации были закрыты [10].

Таким образом, несмотря на сложные географические, политические и экономические условия, Тобольское ОИК занималось выявлением, описанием и учетом культурного наследия, т. е. по сути, выполняло функции государственного органа по охране памятников истории и культуры. Вместе с тем, не обладая реальными полномочиями, а также необходимыми финансовыми и кадровыми ресурсами, оно объективно не могло в полной мере осуществлять деятельность по охране объектов культурного наследия.

Литература / References:

1. ГАУК Тюменской области «Тобольский историко-архитектурный музей-заповедник». Коллекция документов.
2. ГБУ Тюменской области «Государственный архив в г. Тобольске». Ф. Р-167. Оп. 1.
3. Коновалова Е. Н. Общество изучения края при музее Тобольского Севера // Югория: Энциклопедия Ханты-Мансийского автономного округа. Т. 2. Ханты-Мансийск, 2000. С. 217.
4. Убыткова Е., Преображенская И., Копотилов М. Курганы и городища Тобольского округа и их изучение // Наш край. 1925. № 4 (8). С. 31–33.
5. Из жизни общества изучения края при музее Тобольского севера // Наш край. 1925. № 7 (11). С. 36.
6. Словцов И. Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии // Известия Императорского Томского университета. Кн. II. Томск, 1890. С. 76–97.
7. Курганы и городища Тобольского округа и их изучение: (краеведческая инструкция). Тобольск, 1929.
8. В литературе встречаются и другие варианты прочтения фамилии этого участника, например, Мерозидов. См. Чемякин Ю. П., Шатунов Н. В. История изучения археологических памятников Барсовой Горы // Барсова гора: 110 лет археологических исследований. Сургут, 2002. С. 41.
9. Архивный отдел администрации г. Сургута. Ф. Р-217. Оп. 1.
10. Постановление Совнаркома РСФСР от 10.06.1937 г. «О реорганизации краеведческой работы в центре и на местах» [Электронный ресурс]. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».

Detection and registration of archaeological heritage sites remained the main focus of the cultural and historical section's work of the Tobolsk RSS also in the end of the 1920s. The work plan of the section for 1928 covered the following items: "a) archaeological bibliography of the region; b) registration and external description of archaeological sites; c) archaeological reconnaissance and studies of individual sites" [1, file 1005, sheet 4].

However, by the beginning of 1930s the regional study work was, following the state priorities reoriented on the natural-geographic research, and the study of historical heritage was reduced to the collection of folklore data and materials on the history of the revolution. Work on detection and registration of archaeological sites was at that time suspended.

By the end of the 1930s the situation with the region studies seriously deteriorated as a result of mass repressions against the most active members of the region study societies, and by August 1937 all region study organizations were closed [10].

Thus, despite the difficult geographic, political and economic conditions the Tobolsk RSS was actively involved in the detection, description and registration of cultural heritage, i. e., in fact, fulfilled the public authorities' functions of protecting the historical and cultural heritage sites. At the same time in the absence of any real powers, or the necessary financial and human resources it objectively could not act as a full-scale cultural heritage protection authority.

УДК 902:502.8

А. А. ЦЫБАНКОВ

Цыбанков Александр Алексеевич — к. и. н., ИАЭТ СО РАН (Россия, Новосибирск). E-mail: tsybankov@yandex.ru

**ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ:
ОПЫТ ИАЭТ СО РАН**

Ключевые слова: Северная Азия; Сибирь; Дальний Восток; охранно-спасательная археология; разведки; раскопки

Резюме. Рассматриваются принципы и опыт охранно-спасательной деятельности ИАЭТ СО РАН в контексте программы фундаментальных исследований Института. Представляются основные направления реализации охраны и спасения объектов археологического наследия. Обоснована необходимость превентивных широкомасштабных археологических разведок.

Институт археологии и этнографии Сибирского отделения Российской академии наук (ИАЭТ СО РАН) является комплексным многопрофильным научно-исследовательским учреждением, которое в рамках программ фундаментальных исследований каждый год осуществляет десятки археологических экспедиций, организует кабинетные и лабораторные работы, музейную и архивную деятельность. Опираясь на принципиальный приоритет современной археологии физического сохранения объектов археологического наследия как свидетельств исторических эпох и цивилизаций, ИАЭТ СО РАН особое внимание обращает на раскопочное изучение памятников, которым грозит разрушение. В случае угрозы уничтожения памятников в ходе хозяйственной деятельности, активно участвует в обеспечении выполнения заказчиками работ определяемых законом мероприятий. В течение нескольких десятилетий Институт принимает участие в археологических разведках и спасательных охранных раскопках, связанных с реализацией проектов хозяйственного освоения территории Российской Азии. Такие работы за последние 20 лет активно проводятся на земельных участках, отведенных под строительство, автодорог, гидроэлектростанций, линий связи и электропередач, нефте-, газопроводов и т. д.

Для реализации охранно-спасательной деятельности в Институте создан Отдел охранно-спасательной археологии. Сотрудниками отдела и привлеченными специалистами из различных сфер научной деятельности осуществляется проведение

A. A. TSYBANKOV

Tsybankov Alexander Alekseyevich — PhD in History, IAET SB RAS (Russia, Novosibirsk). E-mail: tsybankov@yandex.ru

**SALVAGE EXCAVATIONS IN NORTHERN ASIA:
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY
SB RAS EXPERIENCE**

Key words: Northern Asia, Siberia, the Far East, salvage excavations, resting, excavation

Summary. The article gives a review of the principles and practices of IAET, SB RAS salvage excavations within the context of the Institutes' fundamental research program. Main salvage excavations and archaeological heritage protection projects are presented. The need for large scale preventive archaeological testing is explained.

The Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of RAS (IAET SB RAS) is an integrated multidisciplinary research institution which is organizing dozens of archaeological expedition every year as part of its fundamental research program implementation, performs office and laboratory studies, is engaged in active museum and archive work. In accordance with the modern archeology priorities emphasizing the physical preservation of archaeological heritage sites as the evidences of historical ages and civilizations IAET, SB RAS pays a particular attention to the excavation study of the sites threatened with destruction. In cases when there is a danger of the sites' destruction as a result of economic development its takes an active part in ensuring that the contractors complied with the statutory heritage protection requirements. Over several decades the Institute participated in archaeological testing and salvage excavations related to the economic development projects in the Russian Asia. Over the past 20 years this type of works was implemented in areas allocated for real estate development, highways, hydro-power plants, power and communication lines, oil and gas pipelines construction projects, etc.

The Institute has a dedicated department supervising all salvage excavation projects. The staff of the department together with experts from various spheres of research has been implementing large scale reconnaissance and salvage excavations in the territories of industrial development with the emphasis on multidisciplinary research.

In 2007–2014 IAET SB RAS acted as the general contractor in organizing archaeological excavations on a number of major projects "east Siberia — Pacific

масштабных разведочных и охранно-спасательных археологических работ в зонах промышленного освоения с учетом междисциплинарного характера исследований.

В 2007–2014 гг. ИАЭТ СО РАН выступал в качестве основного исполнителя археологических работ в ряде крупных проектов «Восточная Сибирь – Тихий Океан», трассы магистрального газопровода «Алтай», железной дороги Кызыл – Курагино, Богучанской ГЭС, магистральный нефтепровод «Куюмба-Тайшет», строительство 4-го автодорожного мостового перехода через р. Енисей.

В 2007–2012 гг. по заказу Министерства культуры РФ была организована самая масштабная в современной России, постоянно действующая Богучанская археологическая экспедиция, в работе которой ежегодно принимали участие более тысячи человек. За пять лет экспедицией проведены охранно-спасательные археологические исследования более чем на 200 объектах, попадающих в зону затопления водохранилища Богучанской ГЭС.

Институт активно участвует в проведении разведок на участках землотвода на территории Сибирского, Уральского, Дальневосточного федеральных округов. Такие, относительно небольшие по масштабу исследования, связаны со строительством дорог, развязок, мостов, линий ВОЛС, иных коммуникаций, промышленных и жилых сооружений и т. д.

Особое значение в середине второго десятилетия XXI в. приобретают работы Института, проведенные в 2010–2011 гг. для выявления объектов археологического наследия в зоне строительства трассы магистрального газопровода «Алтай». Были произведены археологические изыскания на территории Новосибирской области, Алтайского края и Республики Алтай. В результате разведки были обследованы в створе трассы газопровода 330 археологических разновременных памятников. По результатам исследований определены границы перспективных и малоперспективных зон проведения охранно-спасательных археологических работ.

Важным направлением охранно-спасательной деятельности ИАЭТ СО РАН является развитие в рамках работ по землотводу предшествующих фундаментальных исследований. Таковыми выступают работы в зоне затопления Богучанского водохранилища. Примером служат и работы 2013 г. в Первомайском районе г. Новосибирска, когда в зоне строительства комплекса жилых домов на левом берегу р. Инья была изучена выявленная авторами раскопок 25 годами ранее стоянка Разъезд Инья-1.

Климатические условия Северной Азии накладывают особые требования к организации полевых

Ocean”, main pipeline “Altai” route, railway Kyzyl – Kuragino, Boguchansk hydro power plant, main oil pipeline “Kuyumba-Taishet”, and the construction of the 4th highway bridge crossing over the Yenisei river.

In 2007–2012 under the order of the Ministry of Culture RF it organized the largest in modern Russia permanent Boguchansk archaeological expedition in the work of which thousands of people participated every year. Over the five years of the expedition’s operation salvage excavations on over 200 sites in the flooding area of the Boguchansk hydro power plant lake were performed.

The Institute participates in testing excavations in the land allocation areas in the territories of the Siberian, the Ural, and the Far Eastern federal districts. These relatively small scale works were related to the construction of highways, interchanges, bridges, fiber-optic communication lines, other communications, industrial and residential real estate, etc.

One of the most important projects of the Institute in the middle of the second decade of the 21st century was the 2010–2011 excavation in the construction zone of the main gas pipeline “Altai”. The excavations were performed in the territories of the Novosibirsk Oblast, the Altai Krai, and the Altai Republic. 330 asynchronous archaeological sites were studied in the territory along the gas pipeline route. By the results of this study the boundaries of the promising salvage excavations zones were determined.

An important area of salvage work of IAET SB RAS is the continuation of previous fundamental studies as part of excavations in the land allocation areas. Excavations in the Boguchansk hydro power plant lake flooding zone are an example of this type of work. Another example was a 2013 project in Pervomaisky district of Novosibirsk, when in the area of residential real estate development on the left bank of the Inya river an occupation site Razjezd Inya-1 discovered by the authors of the excavation 25 years before was re-excavated.

The climatic conditions in the Northern Asia have their effect on the field work organization. A short favorable period requires a significant intensification of work during the narrow time window. In case it is necessary to perform excavations in “winter” period it requires additional work on creating a controlled environment. In case of stationary excavations the year-round work has been successfully implemented by IAET SB RAS in the city environment (Afontova Gora site). However construction of shelters and soil melting for large-scale excavations in the difficult to access conditions of the mountains, taiga, steppe, or tundra is hardly viable. In this connection greater attention should

работ. Короткий благоприятный период для экспедиционных исследований предполагает их значительную активизацию в узкий временной промежуток. При необходимости проведения раскопок в «зимний» период необходима организация дополнительных условий. При стационарных раскопках круглогодичная работа успешно реализуется ИАЭТ СО РАН в городских условиях (стоянка Афонтова гора). Однако для проведения масштабных разведок в труднодоступных условиях нагорий, тайги, степей, тундры обеспечение укрытий и растопки грунта маловероятно. В связи с этим особое значение приобретают превентивные исследования на обширной территории Евразии. ИАЭТ СО РАН направляет средства на поиск новых памятников, уточнение сведений об известных объектах в рамках археологических разведок. Таковые проводились в Приангарье, междуречье Ангары и Подкаменной Тунгуски, юге Западной Сибири, Прибайкалье, на Алтае в 2013–2014 гг. В результате произведено обновление сведений об известных объектах археологического наследия, выявлены новые.

Итак, опыт ИАЭТ СО РАН свидетельствует, что эффективность сохранения археологического наследия предполагает реализацию трех основных направлений охранно-спасательной деятельности. Во-первых, фундаментальные поисковые археологические работы, обновление и составление археологических карт, археологическое зонирование территории, превентивное обследование участков, предполагаемого хозяйственного освоения. Во-вторых, разведки на площадях, определяемых для землеотвода. В-третьих, раскопочно-обследование объектов, при невозможности организации иных форм сохранения памятника.

УДК 902/903

Г. ШТОБЕ, И. В. ШМИДТ, Т. А. ГОРБУНОВА

Штобе Гарольд — Др., Государственная служба археологии Саксонии (Германия, Дрезден).
E-mail: Harald.Staeuble@ifa.sachsen.de

Шмидт Ирина Викторовна — к. и. н., ОмГУ (Россия, Омск). E-mail: rebewster@googlemail.com

Горбунова Татьяна Александровна — к. и. н., ОмГУ (Россия, Омск). E-mail: dr.stones@yandex.ru

РАСКОПКИ БОЛЬШИМИ ПЛОЩАДЯМИ В ЗОНАХ КРУПНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: НЕОБХОДИМОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Ключевые слова: методы спасательной археологии, раскопки большими площадями

be paid to the preventive studies across the vast territory of Eurasia. IAET SB RAS allocates funds for the search of new archaeological sites, updating information about the known sites as part of archaeological reconnaissance work. This work covered the Angara and the Stony Tunguska regions, the south of Western Siberia, the Baikal and the Altai regions in 2013–2014. As a result databases of the known archaeological heritage sites were updated and new sites were discovered.

Thus the IAET SB RAS experience demonstrated that the efficiency of the preservation of archaeological heritage implies implementation of three types of salvage excavation projects. First, the fundamental exploratory archaeological works, updating and drawing new archaeological maps, archaeological zoning of the territory, preventive study of the areas of planned economic development. Second, testing in the areas allocated for construction projects. Third, excavation study of the sites in cases when other forms of preservation are not viable.

H. STAUBLE, I. V. SHMIDT, T. A. GORBUNOVA

Staeuble Harald — Dr., State Office of Archaeology Sachsen (Germany, Dresden). E-mail: Harald.Staeuble@ifa.sachsen.de

Shmidt Irina Victorovna — PhD in History, Omsk State University (Russia, Omsk). E-mail: rebewster@googlemail.com

Gorbunova Tatiana Alexandrovna — PhD in History, Omsk State University (Russia, Omsk). E-mail: dr.stones@yandex.ru

LARGE AREA EXCAVATIONS IN MAJOR ECONOMIC DEVELOPMENT ZONES: NEED AND PERSPECTIVES

Key words: salvage archeology methods, large area excavations

Резюме. В последнее время ощущается конфликт интересов археологов и хозяйствующих субъектов в сфере охраны и исследования культурно-исторического наследия. Каждый стремится реализовать свои интересы без учета интересов другого. Жертвами данного противостояния становятся памятники истории и культуры. Наши немецкие коллеги из археологического ведомства Саксонии разработали и продолжают развивать модель раскопок широкими площадями, позволяющую минимизировать потери и сохранить баланс в отношениях с хозяйствующими партнерами.

В последние десятилетия не только в Европе, но и во всем мире наблюдается активизация строительной деятельности, включающей реорганизацию системы наземного сообщения, строительство предприятий и жилых комплексов, добычу полезных ископаемых и т. д. Данная деятельность реализуется на территориях, охватывающих большие площади, и неизбежно приводит к значительным разрушениям археологических памятников, как уже открытых ранее, так и неизвестных вплоть до момента их обнаружения в результате археологического наблюдения в процессе строительства [1]. Как показывает практика, только 10–20 % археологических памятников известны до начала хозяйственного освоения какой-либо конкретной территории, несмотря на тщательные исследования, проведенные традиционными методами разведки, и полноту археологического архива [2]. Нередко оказываются невыясненными границы распространения культурного слоя. Это означает, что при проведении археологических работ в зонах строительства остаются неизученными в среднем 8–9 местонахождений. Более того, в условиях ограниченности финансовых и людских ресурсов, на открытых памятниках исследование охватывает, главным образом, центральные, богатые находками зоны комплексов, и не включает периферию.

В данной ситуации наилучшим из возможных решений было бы предотвращение строительства. Но это невероятно. Есть и другой путь, который реализуется на практике в Саксонии с 1990-х годов. При поддержке законодательства здесь получили распространение и развитие методики поиска археологических памятников и раскопок «большими площадями», т. н. «großflächige Ausgrabungen» или «large project». Данные методики позволяют выявить максимально возможное количество археологических памятников и оценить границы их распространения, изучить не только центральную зону, но и охватить периферийную часть местонахождений. Реализация этих методик привела к получению неожиданно

Summary. Recently we've been experiencing a conflict of interest between the archaeologists and the business entities in the area of preservation and study of cultural and historical heritage. Each of the parties tries to protect its own interests disregarding the interest of another. The victim of this confrontation is the cultural and historical heritage. Our German colleagues from the Archaeological Heritage Office of Saxony have developed and continue working on the model of large area excavations providing for minimization of losses and maintaining balance in their relationship with business community.

Over the past decades not only in Europe, but also globally there is a growing number of development projects including reorganization of ground transportation system, construction of companies and residential real estate, mining projects, etc. These projects are implemented in large areas and inevitably cause a significant destruction of archaeological sites, both the already discovered and the unknown until their discovery in the process of archaeological monitoring of the construction process [1]. From practical experience it may be said that, as a rule, only 10–20 % of archaeological sites are known prior to the beginning of economic development of a particular territory despite careful examination performed by traditional reconnaissance methods or the availability of archaeological databases [2]. Quite often the boundaries of the cultural level propagation remain obscure. This means that during the archaeological excavations in the areas of construction 8–9 locations on an average remain unresearched. Moreover, given the financial and staff restraints, only the central, rich in finds zones of the complexes are covered by research in the discovered sites, and the periphery is normally excluded.

In this situation the best possible solution would be preventing any construction in the area. However this scenario does not seem probable. There is another approach, which has been implemented in Saxony beginning from 1990^s. Owing to the legislative support a methodology of search for archaeological sites and their excavations in “large areas”, the so called “großflächige Ausgrabungen” or “large project” has become a common practice in the region. These methodologies provide for detection of the maximum possible number of archaeological sites and determination of their propagation boundaries, thus studying not only the central zone, but also the periphery of the locations. Implementation of this methodology produced unexpectedly good and valuable for the archeology results [3]. One example was the discovery of archaeological traces of non-settled groups of population of the transition from

высоких и ценных для археологии результатов [3]. В качестве примера может послужить выявление археологических следов не оседлых групп населения переходного от мезолита к неолиту типа «с или без» керамического материала. Эфемерные следы таких культур отражают картину поселения, которая может быть типичной для малопродуктивных песчаных областей Лаузица на востоке Саксонии. Они в настоящий момент исследуются обширно в преддверии активной и интенсивной добычи там бурого угля. Также показательны примеры раскопок отложений лесса «большими площадями» на северо-западе Саксонии около Лейпцига, давшие значимые раннеолитические следы поселений на тех территориях, на которых планируется интенсификация сельского хозяйства или строительство автобана [4].

В России в практике археологической работы основным методом поиска и первичного изучения археологических памятников остается визуальный осмотр местности, сбор подъемного материала и шурфовка. В условиях интенсификации хозяйственного освоения земель этот метод уже не может обеспечить получение качественных результатов. Обнаружение археологического памятника представляется скорее случайной, чем закономерной. Не может принципиально изменить ситуацию и постепенное проникновение новых методов поиска и фиксации памятников — лазерного сканирования местности, стереофотограмметрии и т. д. Применение данных методов позволяет выявить объекты с выраженным рельефом на дневной поверхности, но оказывается бесполезным в поиске памятников, рельеф которых уже давно не читается на поверхности земли, и скрытых глубоко под землей.

Нам необходимо учитывать и изучать опыт наших западных коллег, адаптировать его к российской действительности, чтобы поддержать развитие археологии на высоком научном уровне и сохранить историко-культурное наследие.

Литература / References:

1. Stäuble H. The many approaches in German preventive archaeology with a special focus on Saxony: a personal view // Twenty years after Malta: preventive archaeology in Europe and in Italy. Bologna, 2013. P. 55–72.
2. Stäuble H., Steinmann C., de Vries P. Large-scale Archaeology Projects in Saxony, Germany // Understanding the Past: A Matter of Surface-Area. Acts of the XIIIth Session of the EAA Congress, Zadar 2007. BAR Intern. Ser. 2194. Oxford, 2011, P. 25–46.
3. Stäuble H. Die Bedeutung der denkmalpflegerisch bedingten Großprojekte für die archäologische Forschung // EAC Occasional Paper 6. 2012. P. 13–22.
4. Stäuble H. Braunkohlen- und Trassenarchäologie: eine Herausforderung mit Tradition // Ausgrabungen in Sachsen 2. Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, Beiheft 21. 2010. S. 67–82.

the Mesolithic to the Neolithic type “with or without” pottery. The ephemeral traces of such cultures reflected the picture of settlement, which could be typical for the low in fertility sandy territories of Lausitz in the south of Saxony. At present they are actively studied in the anticipation of the beginning of intensive large scale coal mining in the area. Other positive examples were loess sediments excavations in “large areas” in the north-west of Saxony near Leipzig which produced important early Neolithic traces of settlements in the territories where an intensive agricultural development was planned, or a highway construction [4].

In the Russian archaeological practices main archaeological sites detection and primary study methods are still visual observation of the area, collection of scatter finds and testing. Under the conditions of intensification of the economic development of the territories this method is no longer suitable for obtaining high quality results. The discovery of an archaeological site becomes rather a lucky accident than a regularity. Gradual introduction of new methods of detection and fixation of sites — laser landscape scanning, stereo-photogrammetry, etc. is also incapable of changing the situation dramatically. Use of these methods allows detecting sites with a pronounced day surface profile, but it is useless with regard to the deeply buried sites the relief of which is no longer visible on the surface.

It is necessary to study and learn from the experience of our western colleagues, adapt it to the Russian environment in order to maintain high academic standards of archaeological research and preserve our historical and cultural heritage.

ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЕ ЭТАПЫ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ

А. В. Волокитин, Н. Е. Зарецкая МЕЗОЛИТ СЕВЕРА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ: СООТНОШЕНИЕ РАДИОУГЛЕРОДНОЙ И АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ХРОНОЛОГИИ.....	8
И. Е. Воробей ГАЛЕЧНЫЕ КОМПЛЕКСЫ СЕВЕРНОГО ПРИОХОТЬЯ И ВЕРХОВЬЕВ ОМОЛОНА.....	11
К. Н. Гаврилов, Е. В. Воскресенская, Н. Е. Зарецкая СООТНОШЕНИЕ ГЕОХРОНОЛОГИЧЕСКОЙ ВРЕМЕННОЙ ШКАЛЫ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О ВРЕМЕНИ СУЩЕСТВОВАНИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПАМЯТНИКОВ ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА (НА ПРИМЕРЕ СТОЯНОК ЦЕНТРА РУССКОЙ РАВНИНЫ).....	13
М. Г. Жилин, С. Н. Савченко МЕЗОЛИТИЧЕСКАЯ МАСТЕРСКАЯ БЕРЕГОВАЯ IX А НА ГОРБУНОВСКОМ ТОРФЯНИКЕ.....	15
М. Б. Козликин НЕЛЕВАЛЛУАЗСКАЯ ИНДУСТРИЯ СРЕДНЕГО ПАЛЕОЛИТА ИЗ ДЕНИСОВОЙ ПЕЩЕРЫ.....	18
К. А. Колобова, А. И. Кривошапкин КАРЕНОИДНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	20
Я. А. Г. Кутули ТЕХНОЛОГИИ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КАМЕННЫХ ОРУДИЙ ПЕРИОДА НАЧАЛЬНОГО ЗАСЕЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКОМ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ЧАСТИ АЛЯСКИ.....	23
А. А. Орехов РАННЕГОЛОЦЕНОВЫЕ КОМПЛЕКСЫ ЧУКОТСКОГО ПОЛУОСТРОВА.....	25
Г. Д. Павленок К ВОПРОСУ ОБ АРЕАЛЕ СЕЛЕНГИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ КАМЕННОГО ВЕКА ЗАПАДНОГО ЗАБАЙКАЛЬЯ.....	28
К. К. Павленок, А. И. Кривошапкин РУБЕЖ СРЕДНЕГО И ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ БЛИЖНЕГО ВОСТОКА, ЗАПАДА ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ЮЖНОЙ СИБИРИ: ОБЩИЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА.....	31
А. А. Погодин К ВОПРОСУ О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ПРИ ПЕРЕХОДЕ ОТ МЕЗОЛИТА К НЕОЛИТУ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	33
Т. Ростедт, А. Крийска ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ: ТЕХНОЛОГИИ ОБРАБОТКИ КАМНЯ И ОСВОЕНИЕ МЕСТНОГО КАМЕННОГО СЫРЬЯ.....	35
Е. П. Рыбин К ВОПРОСУ О ВЫДЕЛЕНИИ ВАРИАНТОВ ТЕХНОЛОГИИ ПЕРВИЧНОГО РАСКАЛЫВАНИЯ КАМНЯ В КОМПЛЕКСАХ РАННЕГО ВЕРХНЕГО ПАЛЕОЛИТА ЮЖНОЙ СИБИРИ И СЕВЕРНОЙ ЧАСТИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.....	38
Ю. Б. Сериков СЛЕДЫ РАННЕГО ПАЛЕОЛИТА В СРЕДНЕМ ЗАУРАЛЬЕ.....	41

INITIAL SETTLEMENTS AND COLONIZATION OF NORTHERN EURASIA

A. V. Volokitin, N. E. Zaretskaya THE MESOLITHIC OF THE NORTH OF EUROPEAN RUSSIA: CORRELATION BETWEEN THE RADIOCARBON AND THE ARCHAEOLOGICAL CHRONOLOGY.....	8
I. E. Vorobey PEBBLE COMPLEXES OF THE NORTH SEA OF OKHOTSK REGION AND THE UPPER REACHES OF OMOLON	11
K. N. Gavrilov, E. V. Voskresenskaya, N. E. Zaretskaya CORRELATION BETWEEN THE GEO-CHRONOLOGICAL SCALE AND THE ARCHAEOLOGICAL UNDERSTANDING OF THE TIME OF EXISTENCE OF SOME UPPER PALEOLITHIC SITES (ON THE MATERIALS OF THE CENTER OF THE RUSSIAN PLAIN SITES).....	13
M. G. Zhilin, S. N. Savchenko MESOLITHIC WORKSHOP BEREGOVAYA IX ON GORBUNOVSKY PEAT-BOG.....	15
M. B. Kozlikin DENISOVA CAVE NON-LEVALLOIS MIDDLE PALEOLITHIC INDUSTRY.....	18
K. A. Kolobova, A. I. Krivoshapkin CARENOID TECHNIQUE IN THE STONE AGE OF CENTRAL ASIA.....	20
Y. A. G. Coutouly STONE TOOL TECHNOLOGY DURING THE EARLY HUMAN SETTLEMENT OF INTERIOR ALASKA.....	23
A. A. Orekhov EARLY HOLOCENE COMPLEXES OF THE CHUKOT PENINSULA	25
G. D. Pavlenok ON THE QUESTION OF THE STONE AGE WEST TRANS-BAIKAL SELENGA CULTURE AREAL.....	28
K. K. Pavlenok, A. I. Krivoshapkin THE BORDER BETWEEN THE MIDDLE AND THE UPPER PALEOLITHIC IN THE TERRITORY OF THE MIDDLE EAST, WEST OF CENTRAL ASIA AND SOUTHERN SIBERIA: GENERAL DEVELOPMENT TRENDS AND REGIONAL SPECIFICS.....	31
A. A. Pogodin TO THE QUESTION OF SUCCESSION IN TRANSITION FROM THE MESOLITHIC TO THE NEOLITHIC IN THE NORTH OF WEST SIBERIA.....	33
T. Rostedt, A. Kriiska THE INITIAL SETTLEMENT OF NORTH-EASTERN PART OF EUROPE: LITHIC TECHNOLOGIES AND THE ADAPTATION TO LOCAL RAW MATERIALS.....	35
E. P. Rybin TO THE PROBLEM OF IDENTIFICATION OF PRIMARY KNAPPING TECHNIQUES IN THE COMPLEXES OF THE EARLY UPPER PALEOLITHIC IN SOUTHERN SIBERIA AND THE NORTHERN PART OF CENTRAL ASIA.....	38
Yu. B. Serikov TRACES OF THE EARLY PALEOLITHIC IN THE MIDDLE URAL.....	41

Г. В. Синицына КУЛЬТУРЫ ФИНАЛЬНОГО ПАЛЕОЛИТА НА ВАЛДАЙСКОЙ ВОЗВЫШЕННОСТИ – ПРОБЛЕМЫ ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ.....	43
В. С. Славинский НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПАЛЕОЛИТИЧЕСКОЙ СТОЯНКИ АФОНТОВА ГОРА II.....	46
В. С. Славинский, Е. П. Рыбин, Н. Е. Белоусова ВАРИАБЕЛЬНОСТЬ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ ТЕХНОЛОГИЙ ОБРАБОТКИ КАМНЯ НА СТОЯНКЕ КАРА-БОМ, ГОРНЫЙ АЛТАЙ (НА ОСНОВЕ РЕМОНТАЖА).....	49
С. Б. Слободин УОЛБИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ РАННЕГО ГОЛОЦЕНА СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ.....	52
А. Ю. Федорченко ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ТРАСОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РЕЗЦОВ ИЗ VI КУЛЬТУРНОГО СЛОЯ УШКОВСКИХ СТОЯНОК (КАМЧАТКА): ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ.....	55
С. В. Шнайдер ГЕНЕЗИС МЕЗОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ ПАМИРО-АЛАЯ.....	58
М. В. Шуньков ГОРНЫЙ АЛТАЙ В ЭПОХУ ПОСЛЕДНЕГО ПОХОЛОДАНИЯ ВЕРХНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА.....	60
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ СЕВЕРА В КОНЦЕ КАМЕННОГО ВЕКА: ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ И ТРАНСФОРМАЦИЙ	
А. А. Анойкин, В. С. Славинский, А. Г. Рыбалко АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ КОДА-3 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ).....	64
В. В. Бобров К ПРОБЛЕМЕ ПРОЦЕССА НЕОЛИТИЗАЦИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	66
Е. Н. Дубовцева НЕОЛИТИЧЕСКАЯ ВАЛИКОВАЯ КЕРАМИКА НА ТЕРРИТОРИИ ЗАУРАЛЬЯ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	69
Д. Н. Еньшин, С. Н. Скочина, С. М. Слепченко НЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ПОСЕЛЕНЧЕСКИХ КОМПЛЕКСАХ НА ОЗ. МЕРГЕНЬ.....	72
А. Ю. Зеленская ПОЗДНЕНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ЗАХОРОНЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА АЗИИ. ОБРЯД И ПОГРЕБАЛЬНЫЕ КОМПЛЕКСЫ. ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ.....	74
Т. Ю. Клементьева АНТРОПОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ НА ЭНЕОЛИТИЧЕСКОМ СОСУДЕ С ВЕРХОВЬЕВ Р. КОНДЫ.....	77
Л. Л. Косинская, Е. А. Юдина ДРЕВНИЕ КАМЕННЫЕ КОПИ НАДЫМ-ПУРОВСКОГО ВОДОРАЗДЕЛА.....	80
Е. Л. Лычагина НЕОЛИТ СРЕДНЕГО ПРЕДУРАЛЬЯ. НЕКОТОРЫЕ ИТОГИ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	82

G. V. Sinitsyna FINAL PALEOLITHIC CULTURES OF THE VALDAI UPLANDS – CHRONOLOGY AND PERIODIZATION PROBLEMS.....	43
B. S. Slavinsky NEW MATERIALS OF THE PALAEOOLITHIC SITE AFONTOVA GORA II.....	46
V. S. Slavinsky, E. P. Rybin, N. E. Belousova VARIABILITY OF THE UPPER PALEOLITHIC STONE FLAKING TECHNIQUES ON KARA-BOM SITE, GORNY ALTAI (BASED ON REFITTING)	49
S. B. Slobodin UOLBIN TRADITION OF THE EARLY HOLOCENE IN THE NORTH-EAST ASIA.....	52
A. Yu. Fedorchenko EXPERIMENTAL USE-WEAR ANALYSIS OF BURINS FROM CULTURE LEVEL VI OF USHKOVSKY SITES (KAMCHATKA): PRELIMINARY RESULTS.....	55
S. V. Shnayder GENESIS OF THE MESOLITHIC IN THE TERRITORY OF THE PAMIR-ALAI REGION.....	58
M. V. Shunkov GORNY ALAI DURING THE LAST UPPER PLEISTOCENE COLD PERIOD.....	60
ARCHAEOLOGICAL CULTURAL COMPLEXES OF THE NORTH AT THE END OF THE STONE AGE: VECTORS OF DEVELOPMENT AND TRANSFORMATIONS	
A. A. Anoikin, V. S. Slavinsky, A. G. Rybalko ARCHAEOLOGICAL STUDY OF KODA-3 SETTLEMENT (NORTH ANGARA BASIN).....	64
V. V. Bobrov PROBLEM OF NEOLITHIC IN WEST SIBERIA.....	66
E. N. Dubovtseva NEOLITHIC BOLSTERED RIM CERAMICS IN THE TERRITORY OF TRANS-URAL AND WESTERN SIBERIA.....	69
D. N. Enshin, S. N. Skochina, S. M. Slepchenko NEOLITHIC BURIALS SETTLEMENT COMPLEXES OF LAKE MERGEN.....	72
A. Yu. Zelenskaya LATE NEOLITHIC INTERMENTS OF NORTH-EAST ASIA. FUNERAL RITES AND COMPLEXES. THE GENERAL AND THE SPECIFIC.....	74
T. Yu. Klementjeva ANTHROPOMORPHIC IMAGES ON ENEOLITHIC VESSEL FROM UPPER KONDA RIVER.....	77
L. L. Kosinskaya, E. A. Yudina ANCIENT FLINTSTONE MINES OF NADYM-PUROVSKY WATERSHED.....	80
E. L. Lychagina THE NEOLITHIC OF THE MIDDLE CIS-URAL. SOME RESULTS OF STUDY.....	82

Н. П. Макаров КАМЕННЫЕ ТОПОРЫ С УШКАМИ СЕВЕРА СРЕДНЕЙ СИБИРИ.....	85
В. С. Мосин ХРОНОЛОГИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ЗАУРАЛЬЯ В КОНЦЕ КАМЕННОГО ВЕКА.....	87
Х. Пиецонка, Н. В. Цыденова, Т. Дашцевег, Ф. И. Хензыхенова, С. Лоренц, Д. Андреева, В. Цех, В. Б. Базарова, О. Д. Намзалова РАННИЕ КЕРАМИЧЕСКИЕ КОМПЛЕКСЫ ВОСТОЧНОЙ МОНГОЛИИ: НОВЫЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЗДНЕГО КАМЕННОГО ВЕКА В СТЕПЯХ ВНУТРЕННЕЙ АЗИИ.....	90
А. Г. Рыбалко, В. С. Славинский, А. А. Анойкин, А. А. Цыбанков АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СТОЯНКИ УСТЬ-ТУШАМА-1 (СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ).....	94
С. Н. Савченко, М. Г. Жилин КОСТЯНЫЕ ЗУБЧАТЫЕ ОСТРИЯ В КАМЕННОМ ВЕКЕ СРЕДНЕГО ЗАУРАЛЬЯ.....	97
И. В. Усачева ВЗГЛЯД НА БОБОРЫКИНСКУЮ ПРОБЛЕМУ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ «УТЮЖКОВ».....	99
Т. А. Хорошун ЭПОХА ПОЗДНЕГО НЕОЛИТА – РАННЕГО ЭНЕОЛИТА НА ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ: МАТЕРИАЛЫ И ИССЛЕДОВАНИЯ.....	101
А. Н. Чеха КОМПЛЕКСЫ НЕОЛИТА – БРОНЗОВОГО ВЕКА УСТЬ-КУТАРЕЙСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО МИКРОРАЙОНА. ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ.....	104
А. Ф. Шорин О СХОДСТВЕ И РАЗЛИЧИИ НЕОЛИТИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ КОКШАРОВСКИЙ ХОЛМ И ЧЕРТОВА ГОРА.....	107
А. А. Шорина СТРАТИГРАФИЧЕСКОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ НЕОЛИТИЧЕСКИХ КЕРАМИЧЕСКИХ КОМПЛЕКСОВ ЮРЬИНСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБЪЕКТА 21).....	110
КУЛЬТУРНЫЕ МИРЫ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ И РАННЕГО ЖЕЛЕЗА	
М. Ю. Баранов, С. Ф. Кокшаров ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КЕРАМИКА ПОСЕЛЕНИЯ БАЛИНСКОЕ I.....	114
Н. А. Берсенева СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ДЕТЕЙ В ОБЩЕСТВАХ БРОНЗОВОГО ВЕКА ЮЖНОГО УРАЛА (КОНЕЦ III – ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II тыс. до н. э.): ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ.....	116
А. В. Выборнов, М. С. Нестерова КЕРАМИКА НА СТОЯНКЕ ГОРА КУТАРЕЙ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ.....	118
С. П. Грушин ИССЛЕДОВАНИЕ ДРЕВНИХ И СРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ У ГОРЫ ТАРАСКИНА (РУДНЫЙ АЛТАЙ).....	121

N. P. Makarov STONE AXES WITH TABS FROM THE NORTH OF MIDDLE SIBERIA.....	85
B. S. Mosin CHRONOLOGY AND SOCIO-CULTURAL SPACE OF THE TRANS-URAL IN THE LATE STONE AGE.....	87
H. Piezonka, N. V. Tsydenova, T. Dashtseveg, F. I. Khenzykhenova, S. Lorenz, D. Andreeva, W. Zech, V. B. Bazarova, O. D. Namzalova EARLY CERAMIC COMPLEXES IN EASTERN MONGOLIA: NEWINTERDISCIPLINARY RESEARCH ON THE LATE STONE AGE OF THE INNER ASIAN STEPPE.....	90
A. G. Rybalko, V. S. Slavinsky, A. A. Anoikin, A. A. Tsybankov ARCHAEOLOGICAL STUDY OF UST-TUSHAMA-1 SITE (NORTH ANGARA BASIN).....	94
S. N. Savchenko, M. G. Zhilin STONE AGE BONE DENTICULATED POINTS OF THE MIDDLE TRANS-URAL.....	97
I. V. Usacheva A VIEW OF BOBORYKIN PROBLEM VIA THE PRISM OF “SHAFT STRAIGHTENERS”.....	99
T. A. Khoroshun LATE NEOLITHIC – EARLY ENEOLITHIC IN THE TERRITORY OF KARELIA: MATERIALS AND RESEARCH.....	101
A. N. Chekha NEOLITHIC – BRONZE AGE COMPLEXES OF UST-KUTAREJ ARCHAEOLOGICAL MICROREGION. HISTORY OF RESEARCH AND MAIN PROBLEMS.....	104
A. F. Shorin ON NEOLITHIC SITES DIFFERENCES AND SIMILARITY KOKSHAROV HILL AND CHERTOVA GORA.....	107
A. A. Shorina STRATIGRAPHIC DISTRIBUTION OF NEOLITHIC CERAMIC COMPLEXES OF YURJINO SETTLEMENT (BASED ON DWELLING 21 MATERIALS).....	110
CULTURAL WORLDS OF NORTHERN EURASIA DURING BRONZE AND EARLY IRON AGES	
M. Yu. Baranov, S. F. Koksharov TECHNOLOGICAL CERAMICS OF BALINSKOYE I SETTLEMENT.....	114
N. A. Berseneva SOCIAL STATUS OF CHILDREN IN THE BRONZE AGE SOCIETIES OF SOUTHERN URALS (END OF THE 3 ^P – FIRST HALF OF THE 2 ND MILLENNIA BC): THE GENERAL AND THE SPECIFIC.....	116
A. V. Vybornov, M. S. Nesterova CERAMICS OF GORA KUTAREIV CAMP SITE IN THE NORTH ANGARA RIVER BASIN.....	118
S. P. Grushin STUDY OF THE PREHISTORIC AND THE MIDDLE AGE ARCHAEOLOGICAL SITES NEAR TARASKINA MOUNT (SOUTH-WESTERN ALTAI).....	121

А. В. Епимахов ВОЗНИКНОВЕНИЕ СИСТЕМ ФОРТИФИКАЦИИ В ЭПОХУ БРОНЗЫ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ И СИТУАТИВНЫЕ ФАКТОРЫ.....	123
О. Ю. Зимина КОМПЛЕКСЫ КРАСНООЗЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ ПРИИШИМЬЯ И ПРИИРТЫШЬЯ (РЕЗУЛЬТАТЫ СРАВНИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА).....	126
В. В. Илюшина ТЕХНОЛОГИЯ ИЗГОТОВЛЕНИЯ КЕРАМИКИ У НАСЕЛЕНИЯ ЧЕРКАСКУЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ ХРИПУНОВСКОЕ 1 В НИЖНЕМ ПРИТОБОЛЬЕ).....	128
Ю. Ф. Кирюшин, А. В. Шмидт МАТЕРИАЛЫ ЭПОХИ РАННЕЙ БРОНЗЫ ПОСЕЛЕНИЯ ГУЛЬБИЩЕ.....	131
О. Н. Корочкова ИННОВАЦИИ В ПРИСВАИВАЮЩЕМ МИРЕ: МЕТАЛЛ В КУЛЬТУРЕ НАСЕЛЕНИЯ УРАЛА И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ	133
С. Е. Пантелеева БЫТОВАЯ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ КЕРАМИКА СИНТАШТИНСКОГО ТИПА: СООТНОШЕНИЕ КОМПЛЕКСОВ.....	135
Н. С. Савельев О ЮЖНОЙ ГРАНИЦЕ ЛЕСНЫХ И ЛЕСОСТЕПНЫХ КУЛЬТУР НА УРАЛЕ В ЭПОХУ РАННЕГО ЖЕЛЕЗА.....	137
И. А. Спиридонов О НЕКОТОРЫХ АСПЕКТАХ МЕТАЛЛООБРАБОТКИ САМУСЬСКО-КИЖИРОВСКОГО ТИПА.....	140
И. М. Тиммушева МНОГОУГОЛЬНЫЕ ЖИЛИЩА ЭПОХИ БРОНЗЫ НА ЕВРОПЕЙСКОМ СЕВЕРО-ВОСТОКЕ.....	142
В. В. Ткачев АНДРОНОВСКИЙ МИР ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЕВРАЗИИ: ВЗГЛЯД СКВОЗЬ ПРИЗМУ ГОРНОЙ АРХЕОЛОГИИ И АРХЕОМЕТАЛЛУРГИИ.....	144
И. В. Толпеко КАМЕННАЯ ИНДУСТРИЯ ПАМЯТНИКОВ СЕЙМИНСКО-ТУРБИНСКОГО ТИПА.....	147
Э. Р. Усманова АНДРОНОВСКИЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ: ТЕХНОЛОГИЯ, ДИЗАЙН И СТАТУС.....	150
Д. П. Шульга К ВОПРОСУ О ПРОТОГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ РАННИХ КОЧЕВНИКОВ ЮЖНОЙ СИБИРИ И КИТАЯ.....	153
АРХЕОЛОГИЯ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ: ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР, ГОСУДАРСТВ И ЦИВИЛИЗАЦИЙ	
М. Ю. Баранов МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА ПРИОБСКИХ ОСТЯКОВ XVII–XIX ВВ.....	158

A. V. Epimakhov THE APPEARANCE OF FORTIFICATION SYSTEMS DURING THE BRONZE AGE: REGULARITIES AND SITUATIONAL FACTORS.....	123
O. Yu. Zimina THE KRASNOOZERSKAYA CULTURE COMPLEXES OF THE ISHIM AND IRTYSH RIVERS BASIN (COMPARATIVE ANALYSIS).....	126
V. V. Ilyushina POTTERY-MAKING TECHNOLOGY AMONG THE CHERKASKUL CULTURE POPULATION (BASED ON MATERIALS OF KHRIPUNOVSKOJE 1 SETTLEMENT IN THE LOW TOBOL BASIN).....	128
Yu. F. Kiryushin, A. V. Smidt EARLY BRONZE AGE MATERIALS FROM GULBISHCHE SETTLEMENT.....	131
O. N. Korochkova INNOVATIONS IN THE HARVESTING SUBSISTENCE WORLD: METAL IN THE CULTURE OF THE URAL AND WESTERN SIBERIA POPULATION.....	133
S. E. Panteleyeva SETTLEMENT AND RITUAL SINTASHTA TYPE CERAMICS: RELATIONSHIP BETWEEN THE COMPLEXES.....	135
N. S. Saveljev SOUTHERN BOUNDARY OF FOREST AND FOREST-STEPPE CULTURES IN THE URALS DURING THE EARLY IRON AGE.....	137
I. A. Spiridonov ON SOME ASPECTS OF METAL WORKING OF THE SAMUS-KIZHIROVSKY TYPE.....	140
I. M. Timusheva POLYGONAL HOUSES OF THE BRONZE AGE IN THE EUROPEAN NORTH-EAST.....	142
V. V. Tkachev THE ANDRONOVO WORLD IN CENTRAL EURASIA: MINING ARCHEOLOGY AND ARCHEOMETALLURGY PERSPECTIVE.....	144
I. V. Tolpeko LITHIC INDUSTRY OF THE SEIMA-TURBINO TYPE SITES.....	147
E. R. Usmanova ANDRONOVO FEMALE COSTUME: TECHNOLOGY, DESIGN AND STATUS.....	150
D. P. Shulga EARLY NOMADIC PROTO-STATE FORMATIONS OF SOUTHERN SIBERIA AND CHINA.....	153
ARCHAEOLOGY OF THE MIDDLE AGES AND THE EARLY MODERN TIME OF NORTHERN EURASIA: CONTACTS BETWEEN CULTURES, STATES AND CIVILIZATIONS	
M. Yu. Baranov MATERIAL CULTURE THE OSTYAKS FROM THE OB RIVER BASIN IN THE 17 TH -19 TH CENTURIES.....	158

А. М. Белавин ПОГРЕБЕНИЯ С ВОИНСКИМИ ЗНАКАМИ СРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	160
А. П. Бородовский ТРАНСКУЛЬТУРНЫЙ ПРЕДМЕТНЫЙ КОМПЛЕКС В ЭЛИТАРНЫХ ДЕТСКИХ ПОГРЕБЕНИЯХ ЭПОХИ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ВЕРХНЕЙ ОБИ.....	163
Е. В. Водясов, О. В. Зайцева ФЕНОМЕН ШАЙТАНСКОГО РУДНО-МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА (ТОМСКОЕ ПРИОБЬЕ, ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА II ТЫС. Н. Э.).....	165
Т. Н. Глушкова ФРАГМЕНТ ВОРСОВОГО КОВРА ИЗ РАСКОПОК В СТАРОТУРУХАНСКЕ КАК СВИДЕТЕЛЬСТВО ТОРГОВЫХ СВЯЗЕЙ В СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XVIII ВВ.....	168
Е. В. Голдина ОСОБЕННОСТИ ОЖЕРЕЛИЙ ИЗ БУС ПО МАТЕРИАЛАМ ТАРАСОВСКОГО МОГИЛЬНИКА I-V ВВ. НА СРЕДНЕЙ КАМЕ.....	170
Е. М. Данченко, М. А. Грачев К ВОПРОСУ О ГОРОДСКОМ СТАТУСЕ УКРЕПЛЕННЫХ ПОСЕЛЕНИЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ЭПОХИ ПОЗДНЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И НОВОГО ВРЕМЕНИ.....	172
О. В. Зайцева, Е. В. Водясов, О. Б. Беликова БРОНЗОВЫЕ АНТРОПОМОРФНЫЕ ЛИЧИНЫ ИЗ ТИМИРЯЗЕВСКОГО-1 КУРГАННОГО МОГИЛЬНИКА В НИЖНЕМПРИТОМЬЕ: КОНТЕКСТ НАХОЖДЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ.....	175
В. А. Иванов УГРЫ ПРЕДУРАЛЬЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: КЛИМАТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОРИЧЕСКОЙ ГЕОГРАФИИ.....	178
Н. Б. Крыласова, Ю. А. Подосёнова СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЮВЕЛИРНЫЕ ИЗДЕЛИЯ С ЧЕРНЬЮ С ТЕРРИТОРИИ ПЕРМСКОГО ПРЕДУРАЛЬЯ.....	180
А. В. Кузина ПЕРСТЯНЫЕ УКРАШЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ С ГРАВИРОВАННЫМИ ОРНАМЕНТАМИ.....	183
А. Н. Лабаури ОБ ОСОБОМ ТИПЕ ЗАХОРОНЕНИЙ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО ПРИОБЬЯ.....	185
Л. Д. Макаров ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫЕ РУССКИЕ ГОРОДКИ СРЕДНЕГО ТЕЧЕНИЯ Р. ЮГ.....	187
А. В. Новиков, Ю. Н. Гаркуша ОСОБЕННОСТИ АРХИТЕКТУРЫ И ПРОСТРАНСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ВОЙКАРСКОГО ГОРОДКА (ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТ 2012–2014 ГГ.).....	190
А. В. Новиков, О. И. Новикова ГОРОДИЩЕ НЯЛИНСКОЕ-1 КАК РИТУАЛЬНО- ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ КОМПЛЕКС.....	193

A. M. Belavin BURIALS WITH WARRIOR INSIGNIA FROM THE MIDDLE AGE CEMETERIES OF THE PERM CIS-URALS.....	160
A. P. Borodovsky TRANSCULTURAL GRAVE GOODS` COMPLEX OF THE ELITE CHILDREN`S BURIALS OF THE EARLY MIDDLE AGE IN THE UPPER OB RIVER BASIN.....	163
E. V. Vodyasov, O. V. Zaitseva PHENOMENON OF THE SHAITAN MINING AND METALLURGICAL COMPLEX (TOMSK OB RIVER BASIN, FIRST HALF OF THE 2 ND MILLENNIUM AD).....	165
T. N. Glushkova FRAGMENT OF TUFTED CARPET FROM EXCAVATIONS IN STAROTURUKHANSK AS AN EVIDENCE OF TRADE CONTACTS IN SIBERIA IN THE 17 TH – EARLY 18 TH CENTURIES.....	168
E. V. Goldina SPECIFIC FEATURES OF BEAD NECKLACES FROM THE MATERIALS OF TARASOVSKY CEMETERY OF THE 1 ST -5 TH CENTURIES IN THE MIDDLE KAMA RIVER BASIN.....	170
E. M. Danchenko, M. A. Grachev ABOUT URBAN STATUS OF WEST SIBERIAN FORTIFIED SETTLEMENTS OF THE LATE MIDDLE AGES AND THE MODERN HISTORY.....	172
O. V. Zaitseva, E. V. Vodyasov, O. B. Belikova BRONZE ANTHROPOMORPHIC `FACES` FROM THE TIMIRYAZEVSKY-1 BARROW IN THE LOWER TOM RIVER BASIN: DISCOVERY CONTEXT AND INTERPRETATION.....	175
V. A. Ivanov THE UGRIANS OF THE CIS-URALS IN THE MIDDLE AGES: CLIMATOLOGICAL ASPECT OF HISTORICAL GEOGRAPHY.....	178
N. B. Krylasova, Yu. A. Podosenova MIDDLE AGE NIELLO JEWELRY IN THE TERRITORY OF THE PERM CIS-URALS.....	180
A. V. Kuzina RING DECORATIONS WITH ENGRAVED ORNAMENTS OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA	183
A. N. Labauri ON A SPECIFIC TYPE OF INTERMENTS IN THE LATE MIDDLE AGE BURIALS OF THE LOWER OB RIVER BASIN.....	185
L. D. Makarov LATE MIDDLE AGE RUSSIAN TOWNS IN THE MIDDLE BASIN OF THE YUG RIVER.....	187
A. V. Novikov, Yu. N. Garkusha ARCHITECTURE AND SPATIAL ORGANIZATION OF VOIKAR FORTRESS (BASED ON THE MATERIALS OF THE EXCAVATIONS IN 2012-2014).....	190
A. V. Novikov, O. I. Novikova NYALINSKOJE-1 FORTRESS AS A RITUAL AND PRODUCTION COMPLEX.....	193

С. Г. Пархимович НАХОДКА ПЕРЕГОННОГО АППАРАТА НА МАНГАЗЕЙСКОМ ПОСАДЕ (К ПРОБЛЕМЕ ВИНОКУРЕНИЯ В МАНГАЗЕЕ).....	195
М. Л. Перескоков ЭВОЛЮЦИЯ КУРГАННОГО ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА В ПРИКАМЬЕ.....	197
О. Е. Пошехонова НОВЫЕ ДАННЫЕ О ВЕРХНЕТАЗОВСКИХ СЕЛЬКУПАХ XVII–XIX ВВ.....	200
А. В. Расторопов К ПРОБЛЕМЕ ФОРМИРОВАНИЯ ОБЪ-ИРТЫШСКОЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ОБЩНОСТИ.....	202
М. А. Рудковская КРЕПОСТНАЯ СТЕНА НОВОЙ МАНГАЗЕИ (1672–1776 гг.) ПО АРХЕОЛОГИЧЕСКИМ ДАННЫМ.....	204
П. О. Сенотрусова СЕВЕРНОЕ ПРИАНГАРЬЕ В НАЧАЛЕ II тыс. н.э. В СИСТЕМЕ МЕЖКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ.....	207
Т. Н. Собољникова НОВЫЕ ИСТОЧНИКИ ПО СРЕДНЕВЕКОВОЮ ТАЕЖНОЙ ЗОНЫ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ.....	209
Л. Н. Хаховская, И. Е. Воробей ПАЛЕОАЗИАТСКАЯ ДОМЕСТИКАЦИЯ В АРХЕОЛОГИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ.....	212
И. Ю Чикунова УСТЬ-ВАСЬЕГАН 1 – СРЕДНЕВЕКОВОЕ ГОРОДИЩЕ В СЕВЕРНОМ ПРИОБЬЕ.....	215
М. М. Шахнович ИССЛЕДОВАНИЕ ПОЗДНЕСРЕДНЕВЕКОВЫХ ПАМЯТНИКОВ ПРАВОСЛАВНОЙ КУЛЬТУРЫ РУССКОЙ ЛАПЛАНДИИ	216
ОБРАЗЫ СЕВЕРА: КОНЦЕПЦИИ, МИРОВОЗЗРЕНИЕ, ИКОНОГРАФИЯ	
А. И. Боброва, Н. В. Торощина АНТРОПОМОРФНАЯ СКУЛЬПТУРА СЕЛЬКУПОВ РЕКИ ТЫМ.....	222
В. Д. Викторова ИКОНОГРАФИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ ИКОНИЧЕСКИХ ЗНАКОВ.....	224
Е. М. Главацкая ПОЛИГАМНЫЕ СЕМЬИ ЯМАЛА: ЭТНО-СТАТИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПО МАТЕРИАЛАМ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX в.....	226
Л. Джаник СВЯЗУЮЩИЕ ОТНОШЕНИЯ: ЛАНДШАФТЫ ПРОШЛОГО.....	228
М. А. Дикова ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТА ГРИБОВ В ДРЕВНЕМ ИСКУССТВЕ ЧУКОТКИ.....	231
Е. Г. Дэвлет, А. И. Фахри, Е. С. Острирова, Э. А. Грешников, А. С. Пахунов, Ульянов А. А. ПАМЯТНИКИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА В СПИСКЕ МИРОВОГО КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ ЮНЕСКО.....	234

S. G. Parkhimovich A FIND OF A DISTILLING TANK ON MANGAZEYA SETTLEMENT (TO THE PROBLEM OF DISTILLING TRADE IN MANGAZEYA)	195
M. L. Pereskokov EVOLUTION OF BARROW BURIAL RITE IN THE KAMA RIVER BASIN.....	197
O. E. Poshekhonova NEW DATA ON SELKUPS OF THE 17 TH -19 TH CENTURIES FROM THE UPPER TAZ RIVER BASIN.....	200
A. V. Rastoropov ON THE PROBLEM OF THE OB-IRTYSH ARCHAEOLOGICAL COMMUNITY FORMATION.....	202
M. A. Rudkovskaya NEW MANGAZEYA VALLUM (1672-1776) ACCORDING TO ARCHAEOLOGICAL DATA.....	204
P. O. Senotrusova NORTHERN ANGARA RIVER BASIN IN THE EARLY 2 ND MILLENNIUM AD IN INTER-CULTURAL COMMUNICATION SYSTEM.....	207
T. N. Sobolnikova NEW DATA ON THE MIDDLE AGES OF THE TAIGA ZONE OF WEST SIBERIA.....	209
L. N. Khakhovskaya, I. E. Vorobey PALEOASIAN DOMESTICATION IN THE ARCHAEOLOGICAL CONTEXT.....	212
I. Yu. Chikunova UST-VASJEGAN 1 – MEDIEVAL FORTRESS IN THE NORTH OB RIVER BASIN.....	215
M. M. Shakhnovich STUDY OF THE LATE MIDDLE AGE ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE RUSSIAN ORTHODOX CULTURE IN LAPLANDIA	216
IMAGES OF THE NORTH: CONCEPTS, IDEOLOGY, ICONOGRAPHY	
A. I. Bobrova, N. V. Toroshchina ANTHROPOMORPHIC SCULPTURE OF THE SELKUPS OF THE TYM RIVER.....	222
V. D. Victorova ICONOGRAPHIC TYPOLOGY OF ICONIC SIGNS.....	224
E. M. Glavatskaya POLYGAMOUS FAMILIES OF THE YAMAL: ETHNO-STATISTICAL ANALYSIS BY THE MATERIALS OF THE END OF THE 19 TH – BEGINNING OF THE 20 TH CENTURY.....	226
L. Janik BINDIG RELATIONSHIPS: THE LANDSCAPES OF THE PAST.....	228
M. A. Dikova REPRESENTATION OF MUSHROOM CULT IN ANCIENT ART OF CHUKOTKA.....	231
E.G. Devlet, A.I. Fakhri, E.S. Ostrirova, E. A. Greshnikov, A.S. Pakhunov, A. A. Ulyanov ROCK ART SITES ON UNESCO WORLD CULTURAL HERITAGE LIST.....	234

В. С. Житенев ФИГУРА ЗООАНТРОПОМОРФА ИЗ КАПОВОЙ ПЕЩЕРЫ И ГИБРИДНЫЕ НАСТЕННЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ ФРАНКО-КАНТАБРИИ.....	237
Е. Д. Каверзнева, Е. А. Кашина СКУЛЬПТУРЫ И КОСТИ ПТИЦ В РИТУАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА ЕВРОПЫ ФИНАЛА КАМЕННОГО – СЕРЕДИНЫ БРОНЗОВОГО ВЕКА.....	240
С. Канер К ВОПРОСУ О ДОИСТОРИЧЕСКИХ СТАТУЭТКАХ: ПОЧЕМУ ИХ ТАК МНОГО В ЯПОНИИ И ТАК МАЛО В ДРУГИХ МЕСТАХ?.....	244
Г. Г. Король ЛЕТЯЩИЕ НА СЕВЕР ПТИЦЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ТОРЕВТИКИ САЯНО-АЛТАЯ).....	247
А. Р. Ласкин ОРНИТОМОРФНЫЕ ИЗОБРАЖЕНИЯ В ПЕТРОГЛИФАХ АМУРА И УССУРИ.....	249
Н. В. Лобанова ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ И ПЕРИОДИЗАЦИИ НАСКАЛЬНОГО ИСКУССТВА КАРЕЛИИ.....	252
П. К. Ломов, А. В. Новиков К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ГЛИНЯНОЙ ПЛАСТИКИ ОБЪ-ИРТЫШСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ I тыс. н.э.....	253
Е. А. Миклашевич ОБРАЗЫ ВЫМЕРШИХ И ИЗМЕНИВШИХ АРЕАЛ ЖИВОТНЫХ В ДРЕВНЕЙШЕМ НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СРЕДНЕГО ЕНИСЕЯ.....	256
Л. И. Миссонова ОБРАЗ ЧЕРЕПАХИ В МИФОРИТУАЛЬНОМ СОЗНАНИИ И ЖИЗНИ (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ АРТЕФАКТОВ ОСТРОВОВ САХАЛИН, ИТУРУП, МОНЕРОН).....	259
Ю. И. Ожередов ВЕДИЙСКИЙ СЮЖЕТ В КУЛАЙСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ И СЕЛЬКУПСКОЙ МИФОЛОГИИ.....	260
С. Н. Панина ИЕРОТОПИЯ ИССЛЕДОВАННОЙ ЧАСТИ САКРАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА УСТЬ-ВАГИЛЬСКОГО ХОЛМА – КУЛЬТОВОГО ПАМЯТНИКА НЕОЛИТА – ПОЗДНЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА ЛЕСНОГО ЗАУРАЛЬЯ.....	263
А. С. ПАХУНОВ МЕТОДЫ ЦИФРОВОГО УСИЛЕНИЯ КОНТРАСТА ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ДЕТАЛЕЙ КРАСОЧНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ: УСЛОВИЯ ПРИМЕНЕНИЯ.....	265
Д. Г. САВИНОВ СЕВЕРНЫЙ/СИБИРСКИЙ КОМПОНЕНТ ОКУНЕВСКОЙ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ.....	268
О. С. Советова ТЕМА ЗИМЫ В НАСКАЛЬНОМ ИСКУССТВЕ СИБИРИ.....	272

V. S. Zhitenev ZOO-ANTHROPOMORPHIC IMAGE FROM KAPOVA CAVE AND THE HYBRID WALL DRAWINGS IN FRANCO-CANTABRIAN CAVE ART	237
E. D. Kaverzneva, E. A. Kashina SCULPTURED BIRDS' IMAGES AND BONES IN RITUAL PRACTICES OF THE EUROPEAN NORTH-EAST POPULATION IN THE FINAL STONE AGE – MIDDLE OF THE BRONZE AGE PERIOD.....	240
S. Kaner REFLECTING ON PREHISTORIC FIGURINES: WHY SO MANY IN JAPAN AND SO FEW ELSEWHERE?.....	244
G. G. Korol BIRDS FLYING NORTH (ON THE MATERIALS OF THE MIDDLE AGE TOREUTICS OF THE SAYAN-ALTAI REGION).....	247
A. R. Laskin ORNITOMORPHIC IMAGES IN PETROGLYPHS OF THE AMUR AND THE USSURI COMPLEXES.....	249
N. V. Lobanova ONCE AGAIN ON THE QUESTION OF CHRONOLOGY AND PERIODIZATION OF KARELIAN ROCK ART.....	252
P. K. Lomov, A. V. Novikov REFLECTIONS ON THE STUDY OF MODELED CLAY FIGURES OF THE OB-IRTYSH INTERFLUVE OF THE FIRST HALF OF THE 1 ST MILLENNIUM AD.....	253
E. A. Miklashevich IMAGES OF EXTINCT AND CHANGED THEIR HABITAT ANIMALS IN THE EARLIEST ROCK ART OF THE MIDDLE YENISEI.....	256
L. I. Missonova TURTLE IMAGE IN MYTHO-RITUAL CONSCIOUSNESS AND REAL LIFE (ON THE MATERIALS OF ARCHAEOLOGICAL ARTIFACTS FROM SAKHALIN, ITURUP, AND MONERON ISLANDS).....	259
Yu. I. Ozheredov VEDIC THEME IN KULAI METAL PLASTICS AND SELKUP MYTHOLOGY.....	260
S. N. Panina HIEROTOPY OF THE STUDIED PART OF THE UST-VAGIL HILL SACRAL SPACE – NEOLITHIC-LATE IRON AGE RITUAL SITE OF THE FOREST TRANS-URAL.....	263
A. S. Pahunov USING DIGITAL IMAGE ENHANCEMENT FOR THE REVEALING OF THE DETAILS OF FADED IMAGES: ITS PRINCIPLES AND APPLICATION	265
D. G. Savinov NORTHERN/SIBERIAN COMPONENT OF THE OKUNEV ARTISTIC TRADITION.....	268
O. S. Sovetova WINTER MOTIFS IN ROCK ART OF SIBERIA.....	272

А. Я. Труфанов, Ж. Н. Труфанова К ВОПРОСУ ОБ «ОБРАЗЕ ЛОСЯ» В ЗАПАДНОСИБИРСКОЙ МЕТАЛЛОПЛАСТИКЕ РАННЕГО ЖЕЛЕЗНОГО ВЕКА.....	275
Э. Р. Усманова, Б. С. Кожаметов КУЛЬТ КОНЯ В СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ КАЗАХОВ.....	276
Е. Г. Федорова ОРНАМЕНТ: «СВОЕ» И «ЧУЖОЕ» (ПО МАТЕРИАЛАМ ОБСКИХ УГРОВ).....	279
Ю. П. Чемякин ОБ ОСОБОМ «ОБСКО-УРАЛЬСКОМ СТИЛЕ ИСКУССТВА» В ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ.....	281
АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ	
В. Н. Адаев СОБАКОВОДСТВО СЕВЕРНЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В СВЕТЕ ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ ПРОБЛЕМАТИКИ.....	286
И. О. Васкул АРКТИЧЕСКАЯ И СУБАРКТИЧЕСКАЯ ЗОНА ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРО-ВОСТОКА В РАННЕМ ЖЕЛЕЗНОМ ВЕКЕ.....	288
Ал. В. Гусев ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД СРЕДНЕВЕКОВОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРА ЗАПАДНОЙ СИБИРИ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ У ПОС. ЗЕЛЕНЫЙ ЯР).....	291
Ан. В. Гусев ДРЕВНИЕ ПРОИЗВОДСТВА В САКРАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ СВЯТИЛИЩА УСТЬ-ПОЛУЙ.....	293
С. В. Гусев ДРЕВНЕКИТОВОЙНАЯ КУЛЬТУРА ЧУКОТКИ И АЛЯСКИ И МОРСКИЕ ЗВЕРОВОИ ГРЕНЛАНДИИ ВО II ТЫС. ДО Н. Э.: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	296
Державин В. Л. ПЕРЕКРЫТИЯ ПОМОРСКИХ ЖИЛИЩНО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ КОМПЛЕКСОВ ШПИЦБЕРГЕНА.....	298
О. В. Зайцева, А. А. Пущкарёв, М. В. Вавулин АРХЕОЛОГИЯ АРКТИКИ В 3D.....	301
В. Г. Захаров, В. Л. Державин РАЗЛИЧИЕ ЭТАПОВ ОСВОЕНИЯ ПОБЕРЕЖИЙ ГРЕНЛАНДИИ, ШПИЦБЕРГЕНА И НОВОЙ ЗЕМЛИ В СВЯЗИ С НЕСОВПАДЕНИЕМ ВРЕМЕННЫХ ГРАНИЦ ЭКСТРЕМУМОВ ПРИРОДНЫХ ПРОЦЕССОВ (МАЛЫЙ ЛЕДНИКОВЫЙ ПЕРИОД).....	303
Е. М. Колпаков МОРСКАЯ ОХОТА В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ ФЕННОСКАНДИИ.....	306
А. М. Мурыгин ЕВРОПЕЙСКОЕ ЗАПОЛЯРЬЕ В I – НАЧАЛЕ II ТЫС. Н. Э. – ФАКТЫ И ГИПОТЕЗЫ.....	308

A. Ya. Trufanov, Zh. N. Trufanova TO THE ISSUE OF AN “ELK IMAGE” IN WEST SIBERIAN METAL PLASTICS IN THE EARLY IRON AGE CULTURES.....	275
E. R. Usmanova, B. S. Kozhakhmetov HORSE CULT IN MODERN LIFE OF THE KAZAKH PEOPLE.....	276
E. G. Fedorova ORNAMENT: THE “KIN” AND THE “ALIEN” (ON THE OB UGRIC MATERIALS).....	279
Yu. P. Chemyakin ON THE SPECIAL “OB-URAL ART STYLE” IN THE IRON AGE.....	281
ARCHAEOLOGY OF THE ARCTIC	
V. N. Adaev DOG BREEDING PRACTICES OF THE NORTHERN PEOPLES OF WESTERN SIBERIA IN THE LIGHT OF ETHNO-ARCHAEOLOGICAL PROBLEMS.....	286
I. O. Vaskul ARCTIC AND SUB-ARCTIC ZONE OF THE EUROPEAN NORTH-EAST IN THE EARLY IRON AGE.....	288
Al. V. Gusev FUNERAL RITES OF THE MIDDLE AGE POPULATION OF THE NORTH OF WESTERN SIBERIA (BASED ON THE MATERIALS OF BURIAL SITES NEAR ZELENY YAR VILLAGE).....	291
An. V. Gusev ANCIENT PRODUCTION SITES WITHIN THE SACRAL SPACE OF UST POLUI SACRED PLACE	293
S. V. Gusev OLD WHALING CULTURE OF CHUKOTKA AND ALASKA AND THE SEA MAMMALS HUNTERS OF GREENLAND IN THE SECOND MILLENNIUM BC: COMPARATIVE STUDY.....	296
V. L. Derzhavin ROOF DESIGN OF THE POMOR HOUSES OF SPITSBERGEN.....	298
O. V. Zaitseva, A. A. Pushkarev, M. V. Vavulin ARCTIC ARCHEOLOGY IN 3D.....	301
V. G. Zakharov, V.L. Derzhavin DIFFERENCES IN COLONIZATION STAGES BETWEEN THE COASTS OF GREENLAND, SPITSBERGEN, AND NOVAYA ZEMLYA BECAUSE OF NON-CONCURRENCE OF THE TEMPORAL BOUNDARIES OF THE NATURAL PROCESSES EXTREMUMS (THE LITTLE ICE AGE).....	303
E. M. Kolpakov SEA MAMMALS HUNTING IN THE ARCHAEOLOGY OF NORTHERN FENNOSCANDIA.....	306
A. M. Murygin EUROPEAN POLAR REGION IN THE 1 ST – BEGINNING OF THE 2 ND MILLENNIUM AD – FACTS AND HYPOTHESES.....	308

А. А. Орехов МОБИЛЬНОСТЬ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ВОСТОЧНОЙ ЧУКОТКИ (ЛАХТИНСКАЯ И КАНЧАЛАНСКАЯ КУЛЬТУРЫ).....	311
А. В. Плеханов СТОЙБИЩА ОЛЕНЕВОДОВ НА ПОЛУОСТРОВЕ ЯМАЛ – ЭТНОАРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД.....	314
Д. И. Ражев, Е. О. Святова БИОАНТРОПОЛОГИЯ НИЖНЕОБСКОГО НАСЕЛЕНИЯ XII–XIII ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОГРЕБЕНИЙ МОГИЛЬНИКА ЗЕЛЕНЬИЙ ЯР).....	317
Д. С. Тупахин РЫБОЛОВСТВО НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ КАК АДАПТАЦИОННАЯ СТРАТЕГИЯ РАННИХ ЭПОХ.....	319
Н. В. Фёдорова ТОРГОВЛЯ И ДИПЛОМАТИЯ НА СЕВЕРЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ И ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. СЕВЕРНЫЙ ШИРОТНЫЙ ХОД.....	322
И. В. Шмидт, Т. А. Горбунова ЗНАКОВАЯ ИКОНИКА МОБИЛЬНЫХ ОБЪЕКТОВ ЧУКОТСКОГО ПОСЕЛЕНИЯ ВАНКАРЕМ.....	325
МУЛЬТИДИСЦИПЛИНАРНЫЕ МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ В АРХЕОЛОГИИ СЕВЕРНОЙ ЕВРАЗИИ	
Д. О. Гимранов, Т. В. Лобанова РЫБОЛОВСТВО НАСЕЛЕНИЯ ГОРОДИЩА БУХТА НАХОДКА И НАДЫМСКОГО ГОРОДКА (ПО РЕЗУЛЬТАТАМ РАСКОПОК 2012–2013 гг.).....	332
П. К. Дашковский, М. М. Силантьева, Н. Ю. Сперанская, Т. А. Синицына РАСТИТЕЛЬНЫЕ ОСТАТКИ ИЗ МОГИЛЬНИКА СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ ЧИНЕТА-II (АЛТАЙ).....	335
Д. Ю. Ефремова, Е. А. Пузаткина, В. В. Гришаков, С. Я. Алибеков РЕЗУЛЬТАТЫ ПРИМЕНЕНИЯ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫХ МЕТОДОВ В ИЗУЧЕНИИ КУЛЬТОВОЙ ПРАКТИКИ ФИННОВ ПОВОЛЖЬЯ.....	338
Е. А. Кошелева ВОЗМОЖНОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ГЕОИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ДЛЯ АНАЛИЗА ПАЛЕОГЕОГРАФИЧЕСКИХ И АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ДАННЫХ.....	340
Я. В. Кузьмин ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ЗАСЕЛЕНИЕ ЕВРАЗИЙСКОЙ АРКТИКИ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВОПРОСА.....	342
Е. Л. Лычагина, Н. Е. Зарецкая, А. В. Чернов, Е. Г. Лаптева, С. С. Трофимова МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ВНУТРИДОЛИННЫХ ГОЛОЦЕНОВЫХ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ (НА ПРИМЕРЕ ПАМЯТНИКОВ ЧАШКИНСКОГО ОЗЕРА, ВЕРХНЯЯ КАМА).....	344
Л. Н. Мыльникова ПРИВОЗНАЯ КЕРАМИКА НА ПАМЯТНИКАХ ПЕРЕХОДНОГО ВРЕМЕНИ ОТ ЭПОХИ БРОНЗЫ К РАННЕМУ ЖЕЛЕЗНОМУ ВЕКУ (ПОСЕЛЕНИЕ ЛИНЕВО-1).....	347

A. A. Orekhov MOBILITY IN SOCIO-ECONOMIC ADAPTATION OF THE POPULATION OF EASTERN CHUKOTKA (THE LAKHTIN AND THE KANCHALAN CULTURES).....	311
A. V. Plekhanov REINDEER HERDERS CAMPS ON YAMAL PENINSULA – ETHNO-ARCHAEOLOGICAL APPROACH.....	314
D. I. Razhev, E. O. Svyatova BIO-ANTHROPOLOGY OF THE LOWER OB POPULATION OF THE 12 TH -13 TH CENTURIES (ON THE MATERIALS OF ZELENY YAR BURIAL SITE INTERMENTS).....	317
D. S. Tupakhin FISHING IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA AS AN ADAPTATION STRATEGY OF THE EARLY AGES.....	319
N. V. Fedorova TRADE AND DIPLOMACY IN THE NORTH OF EASTERN EUROPE AND WESTERN SIBERIA. NORTHERN LATITUDINAL ROAD.....	322
I. V. Shmidt, T. A. Gorbunova SEMANTIC ICONICS OF MOBILE OBJECTS OF THE CHUKCHI SETTLEMENT VANKAREM	325
MULTIDISCIPLINARY RESEARCH METHODS IN ARCHAEOLOGY OF NORTHERN EURASIA	
D. O. Gimranov, T. V. Lobanova FISHING PATTERNS OF BUKHTA NAKHODKA AND NADYM HILLFORTS POPULATION (BASED ON MATERIALS OF 2012–2013 EXCAVATIONS).....	332
P. K. Dashkovsky, M. M. Silantjeva, N. Yu. Speranskaya, T. A. Sinitsyna PLANT REMAINS FROM SCYTHIAN TIME BURIAL SITE CHINETA-II (ALTAI).....	335
D. Yu. Efremova, E. A. Puzatkina, V. V. Grishakov, S. Ya. Alibekov RESULTS OF SCIENTIFIC ANALYSIS METHODS APPLICATION IN THE STUDY OF THE RITUAL PRACTICES OF THE VOLGA FINNS.....	338
E. A. Kosheleva POTENTIAL OF USING GEOINFORMATION TECHNOLOGIES FOR THE ANALYSIS OF PALEO-GEOGRAPHICAL AND ARCHAEOLOGICAL DATA.....	340
Ya. V. Kuzmin INITIAL COLONIZATION OF EURASIAN ARCTIC: CURRENT STATE OF THE PROBLEM.....	342
E. L. Lychagina, N. E. Zaretskaya, A. V. Chernov, E. G. Lapteva, S. S. Trofimova INTERDISCIPLINARY STUDIES OF INTRAVALLEY HOLOCENE ARCHAEOLOGICAL SITES (CHASHKINSKOJE LAKE, UPPER KAMA CASE STUDY)	344
L. N. Mylnikova IMPORTED CERAMICS ON TRANSITION FROM THE BRONZE TO THE EARLY IRON AGE PERIOD SITES (LINEVO-1 SETTLEMENT).....	347

А. В. Никулина, Я. В. Кузьмин, Д. А. Чупина, И. Д. Зольников ПРОСТРАНСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ ЦЕНТРАЛЬНОЙ ЧАСТИ БАРАБИНСКОЙ ЛЕСОСТЕПИ (НЕОЛИТ – СРЕДНЕВЕКОВЬЕ) НА ОСНОВЕ ПРИМЕНЕНИЯ ГИС-ТЕХНОЛОГИЙ.....	349
В. В. Питулько, В. И. Хартанович, В. Б. Тимошин, Е. Ю. Павлова, А. К. Каспаров ДРЕВНЕЙШИЕ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ НАХОДКИ ВЫСОКОШИРОТНОЙ АРКТИКИ (ЖОХОВСКАЯ СТОЯНКА, НОВОСИБИРСКИЕ О-ВА): ВОЗРАСТ И ГЕНЕТИКА.....	351
А. В. Постнов, И. Д. Зольников, Е. В. Деев ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ РАЗВИТИЯ ПАЛЕООБСТАНОВКИ В СЕВЕРНОМ ПРИАНГАРЬЕ РУБЕЖА ПОЗДНЕГО ПЛЕЙСТОЦЕНА-ГОЛОЦЕНА ПО МАТЕРИАЛАМ ИССЛЕДОВАНИЙ ЛОЖА ВОДОХРАНИЛИЩА БОГУЧАНСКОЙ ГЭС.....	354
Н. Г. Разжигаева, Л. А. Ганзей, Т. А. Гребенникова, Л. М. Мохова, Н. И. Белянина СОСТОЯНИЕ ПРИРОДНОЙ СРЕДЫ – КАК БЛАГОПРИЯТНЫЙ ФАКТОР РАССЕЛЕНИЮ ДРЕВНЕГО ЧЕЛОВЕКА В МАЛЫЙ ОПТИМУМ ГОЛОЦЕНА НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА.....	357
И. Хлагула ГЕОАРХЕОЛОГИЯ ДОЛЕДНИКОВЫХ/ОКРАИННО-ЛЕДНИКОВЫХ СТОЯНОК: СВЯЗЬ МЕЖДУ СИБИРСКИМИ И СЕВЕРО-АМЕРИКАНСКИМИ ПАМЯТНИКАМИ.....	360
АКТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ИНИЦИАТИВЫ В СФЕРЕ ОХРАНЫ И СОХРАНЕНИЯ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ	
Ю. В. Герасимов, М. А. Корусенко «ЛОЖНЫЕ» ПАМЯТНИКИ АРХЕОЛОГИИ И ПРОБЛЕМА ОХРАНЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ.....	364
В. М. Костомаров ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГЕОФИЗИЧЕСКИХ МЕТОДОВ В ОПРЕДЕЛЕНИИ ГРАНИЦ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	367
Ю. А. Лаврушин, А. Н. Бессуднов ПАЛЕОЗООЛОГИЧЕСКИЕ КАТАСТРОФЫ ПОЗДНЕГО ПАЛЕОЛИТА И СОХРАНЕНИЕ ФРАГМЕНТОВ ИХ ПРОЯВЛЕНИЯ В КАЧЕСТВЕ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ.....	369
И. А. Сапрыкина МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПРЕДМЕТА ОХРАНЫ В АРХЕОЛОГИИ.....	370
М. Ю. Селянина АРХЕОЛОГИЯ ИНДУСТРИАЛЬНОГО СУРГУТА.....	373
А. В. Союрова ТОБОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ИЗУЧЕНИЯ КРАЯ И ПЕРВЫЕ МЕРОПРИЯТИЯ ПО УЧЕТУ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ НА СЕВЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В 1920–1930-Е ГГ.....	375
А. А. Цыбанков ОХРАННО-СПАСАТЕЛЬНЫЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В СЕВЕРНОЙ АЗИИ: ОПЫТ ИАЭТ СО РАН.....	379

A. V. Nikulina, Ya. V. Kuzmin, D. A. Chupina, I. D. Zolnikov SPATIAL ANALYSIS OF ARCHAEOLOGICAL SITES OF THE CENTRAL PART OF BARABINO FOREST-STEPPE (THE NEOLITHIC – THE MIDDLE AGES) ON THE BASIS OF GIS TECHNOLOGIES.....	349
V. V. Pitulko, V. I. Khartanovich, V. B. Timoshin, E. Yu. Pavlova, A. K. Kasparov ANCIENT ANTHROPOLOGICAL FINDS OF THE HIGH LATITUDE ARCTIC (THE ZHOKHOV CAMP AND THE NOVOSIBIRSK ISLANDS): AGE AND GENETICS.....	351
A. V. Postnov, I. D. Zolnikov, E. V. Deev NATURAL AND CLIMATIC MODEL OF THE EVOLUTION OF PALEO-ENVIRONMENT IN THE NORTHERN ANGARA REGION OF THE TURN OF THE LATE PLEISTOCENE – HOLOCENE ON THE MATERIALS OF THE BOGUCHAN HYDRO POWER PLANT LAKE FLOODING AREA STUDY.....	354
N. G. Razjigaeva, L. A. Ganzei, T. A. Grebennikova, L. M. Mokhova, N. I. Belyanina ENVIRONMENTAL CONDITIONS AS A FAVORABLE FACTOR FOR THE ANCIENT POPULATIONS MIGRATIONS DURING THE HOLOCENE CLIMATE OPTIMUM IN THE SOUTH OF THE FAR EAST.....	357
J. Chlachula GEOARCHAEOLOGY OF PREGLACIAL/PERIGLACIAL OCCUPATION SITES: THE SIBERIAN – NORTH AMERICAN LINKAGE.....	360
RECENT APPROACHES AND LEGAL INITIATIVES IN THE FIELD OF PROTECTION AND PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE	
Yu. V. Gerasimov, M. A. Korusenko “FALSE” ARCHAEOLOGICAL SITES AND THE PROBLEM OF ARCHAEOLOGICAL HERITAGE PROTECTION.....	364
V. M. Kostomarov USE OF GEOPHYSICAL METHODS IN DEFINING THE CULTURAL HERITAGE SITES BORDERS.....	367
Yu. A. Lavrushin, A. N. Bessudnov PALEO-ZOOLOGICAL CATASTROPHES OF THE LATE PALEOLITHIC AND THE PRESERVATION OF FRAGMENTS OF THEIR MANIFESTATION AS THE CULTURAL HERITAGE OBJECTS.....	369
I. A. Saprykina METHODOLOGICAL PROBLEMS OF PROTECTION OBJECT DEFINITION IN ARCHEOLOGY.....	370
M. Yu. Selyanina INDUSTRIAL SURGUT ARCHAEOLOGY.....	373
A. V. Soyurova TOBOLSK REGIONAL STUDIES SOCIETY AND FIRST ATTEMPTS OF ARCHAEOLOGICAL SITES REGISTRATION IN THE NORTH OF WESTERN SIBERIA IN 1920–1930.....	375
A. A. Tsybankov SALVAGE EXCAVATIONS IN NORTHERN ASIA: INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY AND ETHNOGRAPHY SB RAS EXPERIENCE.....	379

Г. Штобе, И. В. Шмидт, Т. А. Горбунова РАСКОПКИ БОЛЬШИМИ ПЛОЩАДЯМИ В ЗОНАХ КРУПНОГО СТРОИТЕЛЬСТВА: НЕОБХОДИМОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ.....	381
---	-----

H. Stauble, I. V. Shmidt, T. A. Gorbunova LARGE AREA EXCAVATIONS IN MAJOR ECONOMIC DEVELOPMENT ZONES: NEED AND PERSPECTIVES.....	381
--	-----

Научное издание

IV Северный археологический конгресс.
Материалы

Подписано в печать 01.10.2015 г.

Формат 84x108/16

Бумага ВХИ 80 г/м²

Гарнитура Book Antiqua

Усл. печ. л. 39,3

Тираж 350 экз.

Заказ № 213

Оригинал-макет подготовлен в научно-редакционном отделе

Института истории и археологии УрО РАН

620990, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16

Тел. 8 (343) 374-53-40, E-mail: ui_vestnik@mail.ru

Издательский Дом

Отпечатано в типографии